

ISSN 2687-0592

Алтайский государственный педагогический университет
Центр устной истории и этнографии
Алтайское отделение Ассоциации антропологов и этнологов России

Серия основана в 1994 г.

Этнография Алтая и сопредельных территорий

Сборник статей по материалам
12-й международной научной конференции
(Барнаул, 29–30 октября 2024 г.)
«Этнография Алтая и сопредельных территорий:
социальные и этнокультурные трансформации советской эпохи»

Под редакцией Т. К. Щегловой

Выпуск 12

Барнаул
2024

УДК 39(571.5)+39(4/5)
ББК 63.529(253.3)я431+63.529(051)я431
Э916

Ответственный редактор – д-р ист. наук, проф. *Т. К. Щеглова*

Э916 Этнография Алтая и сопредельных территорий : сборник статей по материалам 12-й международной научной конференции (Барнаул, 29–30 октября 2024 г.) «Этнография Алтая и сопредельных территорий: социальные и этнокультурные трансформации советской эпохи». Вып. 12 / под ред. Т. К. Щегловой. – Барнаул : АлтГПУ, 2024. – 266 с. : ил.

Периодическое издание содержит научные статьи по материалам 12-й международной конференции, продолжающей серию конференций (1994, 1995, 1998, 2001, 2003, 2005, 2008, 2011, 2015, 2020, 2023 гг.). В сборнике представлены исследования специалистов в сфере этнографии, социальной и культурной антропологии, истории, лингвистики, фольклористики из России, Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана.

Разделы сборника отражают тематику работы конференции по направлениям: теоретические проблемы, историография и особенности источниковедения этнологии в региональных исследованиях советской эпохи; идентичность и этнические процессы в прошлом и настоящем; культура и быт народов в полиэтническом пространстве регионов; устная история как источник и метод исследований антропологии советскости; советское общество и власть: меморизация, коммеморативные практики и коммуникация. Два последних раздела содержат архивные материалы. В разделе «Архивы этнографов» дана информация об экспедициях ИЭА РАН 1960-х гг. на Алтай (из полевых дневников А. В. Сафьяновой и Н. С. Полищук); в разделе «Архивы краеведа» – материалы краеведа И. А. Яблоковой.

Научные статьи и опубликованные полевые материалы демонстрируют вариативность методов, подходов и выводов представителей различных научных центров и школ. Редакционная коллегия оставляет за авторами право на собственную точку зрения.

Издание может быть полезно широкому кругу специалистов социогуманитарных наук, а также обширной читательской аудитории.

УДК 39(571.5)+39(4/5)
ББК 63.529(253.3)я431+63.529(051)я431

1

Теоретические
проблемы,
историография
и особенности
источниковедения
этнологии
в региональных
исследованиях
советской эпохи

DOI 10.37386/2687-0592-2024-12-4-10

УДК 39(092)(571.1)

Р. В. Белоусов

Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул, Российская Федерация

М. А. Круковский — исследователь-этнограф Западной Сибири первой четверти XX века

Аннотация. В статье представлены сведения о первом директоре Каменского краеведческого музея — Михаиле Антоновиче Круковском. Описаны его исследовательские экспедиции на Русский Север, Урал и Западную Сибирь в конце XIX — начале XX в. Круковский известен как путешественник и этнограф, запечатлевший на фотографиях жизнь и быт коренных народов России. Его работы хранятся в фондах Музея антропологии и этнографии Петра Великого, Российской национальной библиотеки и других центральных хранилищ. В статье систематизированы новые данные о раннем развитии Каменского музея и деятельности его первого директора. **Ключевые слова:** М. А. Круковский, этнографическая фотография, этнографические экспедиции начала XX века, переселенцы.

В 1920-е гг. в Сибири увеличилось количество местных краеведческих организаций, которые занимались историческим изучением Верхней Оби. Особую роль в данной работе играли создаваемые в это время краеведческие музеи. Повышение интереса к краеведческим исследованиям наблюдается не только в крупных центрах, таких как Барнаул, Новосибирск или Бийск, но и в других городах Верхнеобского региона. Одним из центров, где в 20-е гг. XX в. осуществлялись краеведческие изыскания, является г. Камень-на-Оби (Алтайский край). Заметную роль в этом сыграли директор Каменского музея 1920–1930-х гг. — М. А. Круковский, П. И. Юхневич, Якубский¹ [1, с. 173–181; 2, с. 29–32; 3, с. 228–235]. Биографии сотрудников Каменского музея и характеристика их работ становились предметом отдельных публикаций [1, с. 173–181; 4, с. 273–279; 2, с. 29–32].

В то же время в архивах и музейных собраниях находятся неопубликованные источники, связанные с работой сотрудников Каменского музея в 1920–1930-е гг. — Каменский городской архив, архив и фонды Каменского краеведческого музея, фонды Новосибирского государственного краеведческого музея, архив и фонды Горно-Алтайского краеведческого музея, архив и фонды Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера). Это архивные документы, предметы археологических и этнографических коллекций, фотографии, рисунки.

Цель данной работы — представить и систематизировать новые данные о раннем периоде развития Каменского музея и о деятельности его первого директора — Михаила Антоновича Круковского (1856/1865–1936), с чьей деятельностью во многом связано становление и развитие музея (рис. 1).

М. А. Круковский — известный дореволюционный путешественник, исследователь географии, быта и уклада коренных народов Русского Севера, Урала и Западной Сибири [4, с. 273–279; 5, с. 102–111].

Родился М. А. Круковский в 1856/1865 г. в г. Режице Витебской губернии [4, с. 273]. В 1899 г. он со-

вместно со своей супругой С. К. Бурэ начал выпускать в г. Санкт-Петербурге журнал для детей старшего возраста «Товарищ» и приложение к нему — альбом «Россия в картинках», где рассматривал вопросы географии и истории различных частей империи (рис. 2). Для нужд издания самостоятельно освоил на профессиональном уровне фотографию, фотопечать и литографию (цинкографию).

Первые экспедиционные исследования М. А. Круковского относятся к концу XIX в. В 1899 г. академик В. В. Радлов пишет письмо на историко-филологическое отделение Императорской академии наук, в котором просит для М. А. Круковского, отправляющегося в Олонецкую и Пермскую губернии для составления «фотоальбомов видов и типов населения этих местностей», заготовить свидетельство или открытые листы для этнографических изысканий [4, с. 273]. Сотрудничество М. А. Круковского с В. В. Радловым и Кунсткамерой поддерживалось и в дальнейшем. В начале XX в. М. А. Круковский установил контакты с известными сибирскими учеными, такими как Г. Н. Потанин и Н. М. Мартьянов (рис. 4). Об этом свидетельствует сохранившаяся переписка, хранящаяся в музейных коллекциях [5; 6]. Результаты Олонецкой экспедиции отложились в виде этнографической коллекции вещей и фотоснимков в Музее антропологии и этнографии (Кунсткамера) и публицистических очерков, иллюстрированных фотографиями М. А. Круковского (рис. 3; 5) [4, с. 275; 7; 8].

Дальнейшие работы исследователя связаны с изучением Урала и уральских жителей [9, с. 103]. В 1905 г. М. А. Круковский составляет заявление, в котором просит «командировать его в Оренбургскую, Уфимскую, Пермскую и Вятскую губернии с целью этнографического обследования этих мест, фотографической съемки и собирания предметов по этнографии» [4, с. 275].

В экспедиции на Южный Урал М. А. Круковский выступал как исследователь-«роднописец» коренных народов, высказывая мысль о связи быта и характера народа с природным окружением: «насколько различны климатические пояса, настолько разно-

¹ По некоторым данным, инициалы Якубского — Александр Владимирович.

Рис. 1. М. А. Круковский (снимок 1930 г.)

образны народы, населяющие Урал» [10, с. 7]. Путешествуя по разным регионам Южного Урала, исследователь тщательно фиксировал особенности каждой встреченной им этнической группы, активно документируя свою работу фотографиями. Иногда ему приходилось совершать нетипичные для стандартной процедуры исследований действия, чтобы провести этнографические наблюдения. Так, для съемки башкир, отказывающихся вставать перед фотоаппаратом, он берет разрешение у муфтия. Для налаживания контакта с местным населением он инициирует соревнования по традиционной борьбе между проводником экспедиции и жителями деревни. В ряде случаев М. А. Круковский совершает этнографические открытия — например, фиксирует группу нагабайки в Троицком уезде [9, с. 101–102].

М. А. Круковский характеризовал свою работу по фотофиксации традиционного быта и уклада народов России как систему, имеющую целью всеобъемлющее представление жизни изучаемых народов [4, с. 276]. Этнографические работы М. А. Круковского представлены в фондах Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого Российской академии наук, Российской национальной библиотеки и ряда других центральных хранилищ. Это позволяет характеризовать его как пионера этнографической фотографии в стране и создателя ценного фонда по культуре и быту традиционных народов России [11, с. 206; 12, с. 7; 9, с. 98–104].

Обладая несомненным литературным даром, свои наблюдения за природой и бытом коренных жителей севера Европейской России и Урала М. А. Круковский отражает в серии научно-публицистических

книг: «Олонецкий край. Путевые очерки», 1904 г. [7], «Южный Урал. Путевые очерки» 1909 г., «По родному северу» 1914 г. и др. [10; 8]. М. А. Круковский характеризовал свои произведения как рассказы и очерки по родноведению, популярному в начале XX в. направлению, которое занималось описанием природы и народов России [8; 13]. Впоследствии родноведение стало одной из основ для развития исторического краеведения [14, с. 175–182]. Эти публикации делают М. А. Круковского одним из наиболее активных краеведческих путешественников-публицистов России начала XX в. (рис. 3).

В Западную Сибирь и на Алтай М. А. Круковский попадает еще до революции, во время проведения переселенческой реформы П. А. Столыпина.

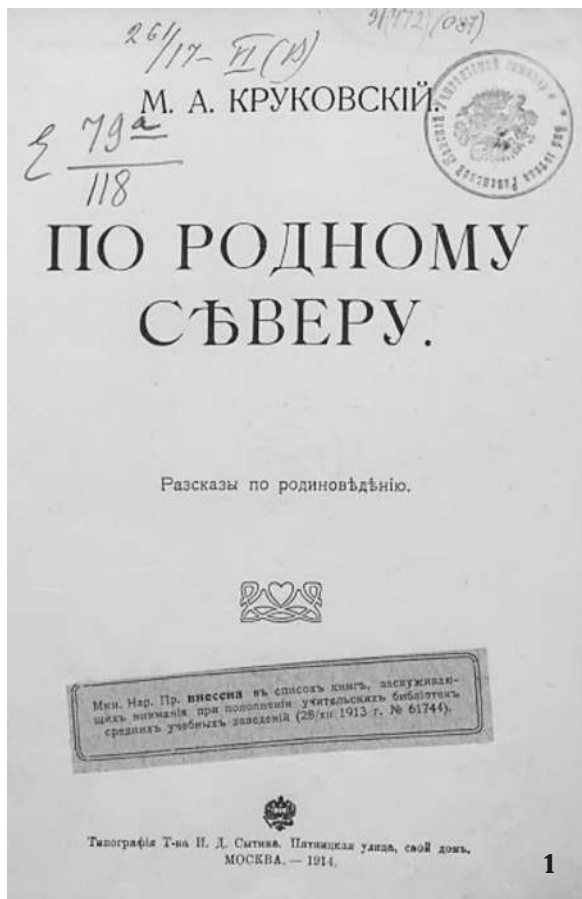
В письме в Кунсткамеру от 10 февраля 1914 г. М. А. Круковский предлагает свою коллекцию фотографий по этнографии Сибири [4, с. 276]. Он указывает, что съемку он осуществлял в 1913 и 1914 гг. Районами работ были обозначены Карасукская и Кулундинская степи, среднее и верхнее течение реки Оби, правобережье Чумыша, притока Оби, и горный Алтай. При этом Круковский подчеркивает, что «много негативов погибло, так как дважды приходилось тонуть в Чумыше и на Убе» [4, с. 276]. Данные снимки находятся в фондах Кунсткамеры (Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого) [15]. При этом они имеют более обширные хронологические и территориальные рамки. Этнографические снимки датируются 1911, 1912 и 1913 гг., территориально относятся к Алтайскому краю, Новосибирской, Томской и Кемеровской областям [15].

В Кунсткамере хранится внушительный фонд этнографических фотографий, созданный М. А. Круковским. Он включает 839 снимков, отражающих период его исследовательской деятельности с 1899 по 1914 г. Фотографии в фонде распределены по рубрикам, составленным на основе описаний самого автора. Наиболее значимым является разделение снимков по этническим группам, с которыми работал Круковский. Всего в фонде выделено 18 таких групп, каждая из которых отражает этнографические представления автора:

башкиры;	ненцы;
восточные славяне;	поморы;
казахи;	русские;
карелы;	саамы кольские;
киргиз-кайсаки;	татары;
киргизы;	украинцы;
мещеряки;	фламандцы;
нагабайки;	цыгане;
немцы;	чуваши.

Наибольшее количество снимков относится к этническим группам «башкиры» — 137, «карелы» — 250, «русские» — 154 и «мещеряки» — 60.

Этнографические исследования, проведенные Круковским в Западной Сибири в период с 1911 по 1914 г. и хранящиеся в фондах Кунсткамеры, включают в себя следующие группы: «восточные славяне» —

1

2

3

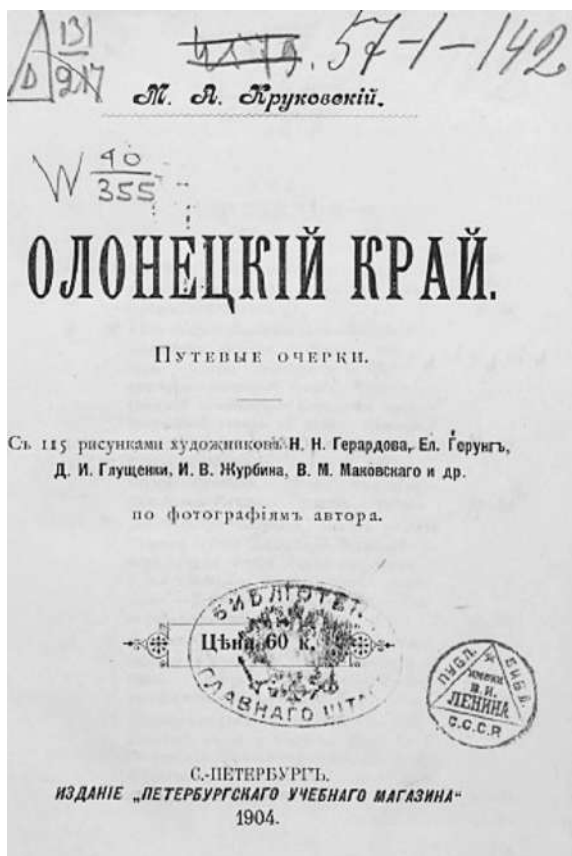
Рис. 2. Публицистика М. А. Круковскаго:
 1 — «По родному северу. Рассказы по родиноведѣнію», 1914 г.;
 2 — «По родному северу. Рассказы по родиноведѣнію», сюжетный рисунок;
 3 — журнал «Товарищъ», 1901, № 17.

22 снимка; «киргиз-кайсаки» — 1; «немцы» — 4; «украинцы» — 10; «цыгане» — 2; «фламандцы» — 9; часть рубрики «русские» — около 35.

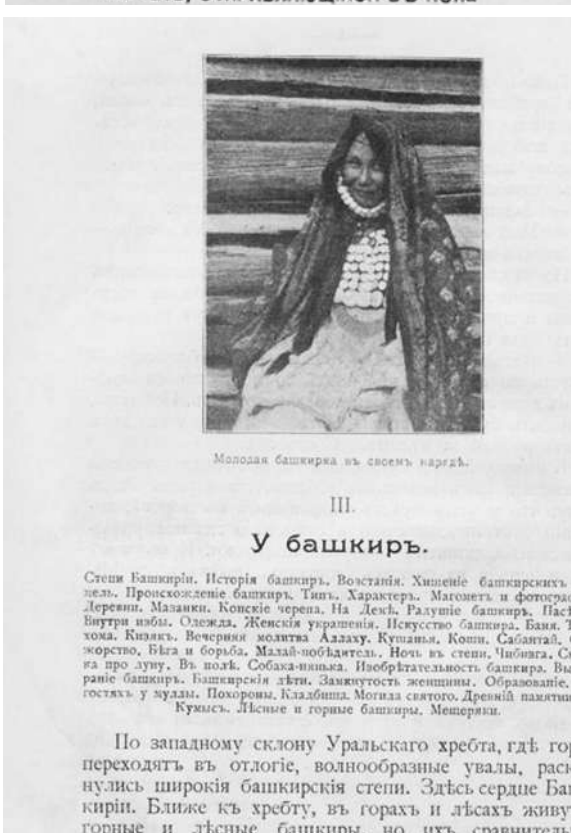
Стоит отметить, что в категории «русские» представлены снимки, связанные со старожильческим

населением Западной Сибири, в то время как в группу «восточные славяне» входят в основном материалы о переселенцах из Центральной России (рис. 6).

Внутри этих рубрик автор выделяет более мелкие этнические группы, основываясь на самоидентификации

КОРЕЛЬ, ОТПРАВЛЯЮЩИЙСЯ ВЪ ПОЛЕ

Молодая башкирка въ своемъ нарядѣ.

III.
У башкиръ.

Степи Башкири. Исторія башкиръ. Восстанія. Хищеніе башкирскихъ земель. Происхождение башкиръ. Типъ. Характеръ. Магометъ и фотографія Деревни. Мазанки. Конскіе черепя. На Демъ. Радуніе башкиръ. Пасха. Внутри избы. Одежда. Женскія украшенія. Искусство башкира. Бани. Трѣ хомъ. Князь. Вечерняя молитва. Алахау. Купанья. Коши. Сабантуй. Обжорство. Бѣга и борьба. Малая-побѣдитель. Ночь въ степи. Чибига. Свадьба про луна. Въ поля. Собака-нишка. Изобрѣтательность башкира. Вымѣрание башкиръ. Башкирскія дѣти. Замкнутость женщины. Образование. Въ гостяхъ у мулды. Похороны. Кладбища. Могила святого. Древній памятникъ. Кухня. Лѣсныя и горныя башкиры. Мешеряки.

По западному склону Уральскаго хребта, гдѣ горы переходятъ въ отлогіе, волнообразныя увалы, раскинулись широкія башкирскія степи. Здѣсь сердце Башкири. Ближе къ хребту, въ горахъ и лѣсахъ живутъ горныя и лѣсныя башкиры, но ихъ сравнительно

Рис. 3. Публицистика М. А. Круковского: 1 — «Олонецкий край. Путевые очерки» 1904 г.; 2 — Олонецкий край. Путевые очерки», 1904, фотография быта и занятий крестьян-корелов; 2 — «Южный Урал. Путевые очерки» 1909 г.; 2 — страница из книги М. А. Круковского «Южный Урал. Путевые очерки» 1909 г. с фотографией башкирки в национальном костюме.

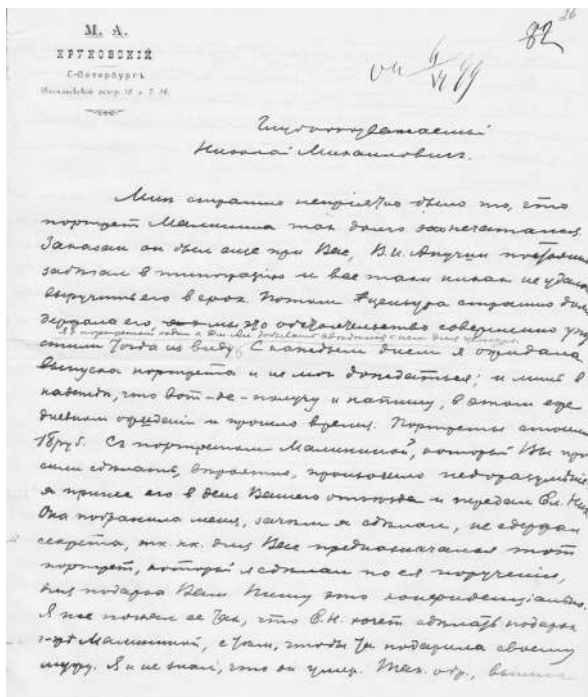
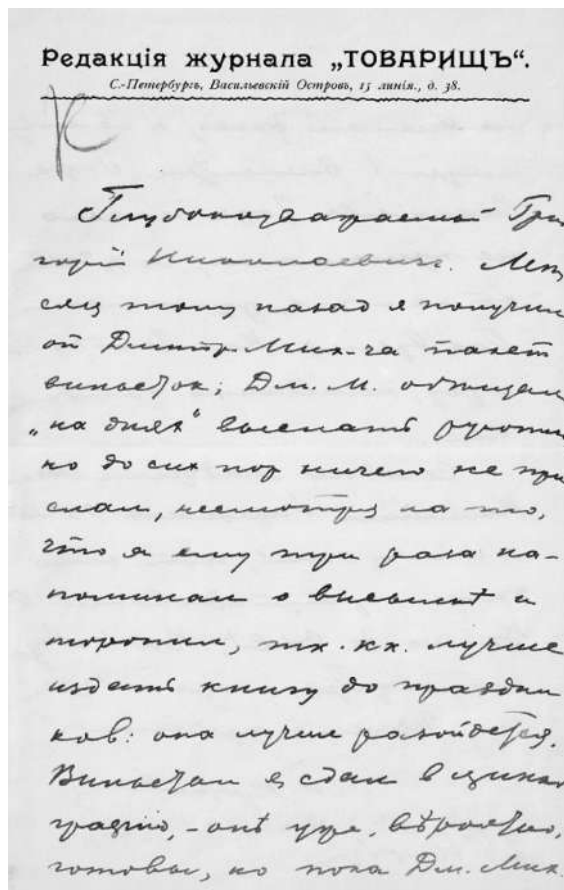

Рис. 4. Научно-публицистическая переписка М. А. Круковского с исследователями Сибири: сверху – письмо Н. М. Мартьянову 9 октября 1899 г. МБУК «Минусинский региональный краеведческий музей им. Н. М. Мартьянова» (МКМ. ОФ-10988/17); справа – письмо Г. Н. Потанину 1900 г. КГАУК «Красноярский краеведческий музей» (ККМ. ОФ 7928/1832. Д. 1315/1832).

Лодейноп. у. – Крестьяне д. Каномы.

Рис. 5. Этнографические работы М. А. Круковского: слева – группа крестьянок из д. Каномы. Карелия. Россия, Ленинградская область, Лодейнопольский района, д. Каномы (Лодейнопольский уезд). 1899 г. ФГБУН МАЭ (Кунсткамера) РАН (МАЭ №1363-256); справа – портрет женщин в традиционных костюмах. Нагайбаки. Россия, Челябинская область (Оренбургская губ.). 1908. ФГБУН МАЭ (Кунсткамера) РАН (МАЭ № 1919-367).

фикации респондентов. Например, в категории «русские» он запечатлел в повседневной одежде «сибиряка-старожила, челдона» из Карасукского района Новосибирской области (рис. 7) [16]. Иногда автор указывает религиозную принадлежность этнографической группы, о которой идет речь. Например, среди «немцев» и «фламандцев» Кулундинской степи он отмечает приверженцев меннонитского и баптистского вероучения [17].

Ряд снимков содержит описание социальных групп крупных этнических общностей, которые, как

правило, значительно отличаются от основной массы населения по роду деятельности. Например, в Карасукском районе Новосибирской области М. А. Круковский зафиксировал «слепых кобзарей, переселенцев из Киевской губернии», во время публичного песнопения (рис. 6) [18].

В своих работах по изучению этнографических групп Западной Сибири, которые он проводил с 1911 по 1914 г., М. А. Круковский применял системный подход. Он тщательно исследовал природные условия, в которых проживало население той или

Рис. 6. Этнографические работы М. А. Круковского в Западной Сибири 1911–1913 гг. Слева: фотоотпечаток. Курские переселенцы. Русские. 1911–1913 гг. Алтайский край, город Барнаул. ФГБУН МАЭ (Кунсткамера) РАН (МАЭ № 2354-47); справа: фотоотпечаток. Ходоки из России. Восточные славяне. 1911–1913 гг. Алтайский край, город Барнаул. ФГБУН МАЭ (Кунсткамера) РАН (МАЭ №2354-38).

Рис. 7. Этнографические работы М. А. Круковского в Западной Сибири 1911–1913 гг. Вверху: сибиряк-старожил, челдон. Русские. Россия. Новосибирская область, Карасукский район. 1912–1913. ФГБУН МАЭ (Кунсткамера) РАН (МАЭ № 2354-641) – фотоотпечаток; справа: слепые кобзари, переселенцы из Киевской губернии. Украинцы, Россия, Новосибирская область, Карасукский район, 1912–1912. ФГБУН МАЭ (Кунсткамера) РАН (МАЭ № 2354-148).

иной местности, и то, как они влияли на их быт и занятия.

В фондах Кунсткамеры хранится целая серия фотографий, посвященных природе юга Западной Сибири. На этих снимках запечатлены живописные берега Оби, рек Карасук и Алей, а также степные и горные ландшафты Алтайского края, Новосибирской области и Кузбасса. В коллекции есть виды населенных пунктов Верхнеобского региона — Карасука, Славгорода, Змеиногорска, деревень казахов, немцев, казаков, старожилов (рис. 8). Автор использует в описании снимков топонимику местного «инородческого», старожиловского населения и переселенцев. Фиксирует Михаил Антонович занятия и быт старожилов и переселенцев, их материальную культуру, типы и виды жилищ.

Отдельно стоит упомянуть детальную фотофиксацию М. А. Круковским переселенцев и организацию переселенческого процесса. Исследователь фиксирует ходоков из Европейской России, средства перемещения переселенцев (пароходы, пристани, повозки и т. п.), места их лагерей, конечные пункты остановок (рис. 6). Во многих случаях автор специально строит жанровые композиции, показывая различные этнографические группы прибывающего населения — «куряне», «воронежцы», «жители Херсонщины», «фламандцы» и т. п. (рис. 8). Не обходит стороной Круковский и социальные проблемы переселенческого процесса, показывая на снимках тяжелое положение масс, иногда принимающее трагические оттенки [19].

М. А. Круковский продолжил этнографическое обследование населения Западной Сибири пере-

Рис. 8. Этнографические работы М. А. Круковского в Западной Сибири 1911–1913 гг. Слева: фотоотпечаток. Круковский М. А. За пряжей. Русские. Россия. Алтайский край (Кузнецкий уезд). 1911–1913 гг. ФГБУН МАЭ (Кунсткамера) РАН (МАЭ № 2354-253); справа: Круковский М. А. Казачьи наделы на Алтае. Русские. Россия, Алтайский край, Змеиногорский район (Змеиногорский уезд). 1911–1913 гг. ФГБУН МАЭ (Кунсткамера) РАН (МАЭ № 2354-271) УДК 394 (908) + 930.

хав в годы революции и Гражданской войны на Алтай, в г. Камень-на-Оби [1, с. 173–181]

В целом появление М. А. Круковского на территории Верхней Оби в 1919 г. не случайно: местность и быт его обитателей уже были ему знакомы на протяжении многих лет, имелись в регионе и научные интересы. М. А. Круковский прибыл на Алтай сложившимся исследователем, с большим опытом научной, экспедиционной, реставрационной и публицистической деятельности, способным ставить и реализовывать весьма амбициозные задачи по сбору краеведческого и этнографического материала

Уже в 1919 г. М. А. Круковский стал руководителем музейной комнаты (музея) при народном отделе образования в городе Камень. В 1920 г. он принял руководство Алтайским центральным советским музеем в городе Барнауле, а в период с 1921 по 1927 г. — Каменским народным музеем [20, с. 51–52].

В 1919 г. исследователь организовал комплексную экспедицию по 16 волостям Каменского уезда, в результате которой было собрано большое количество этнографических материалов. В 1920 г. эти исследования продолжились уже на базе Алтайского центрального советского музея [21, л. 21]. Однако наибольшего размаха этнографические работы Каменского народного музея под руководством М. А. Круковского достигли в 1923 и 1924 гг. В 1923 г. была проведена экспедиция к традиционным народам северной Оби, а в 1924 — комплексная «Алтайская научная экспедиция» [1, с. 173–181]. Полученные в экспедициях первой половины 20-х гг. XX в. этнографические материалы позволили М. А. Круковскому создать большой этнографический отдел, наполнив его аутентичными экспонатами быта и мировоззрения коренных сибирских народов. Посетив-

ший 3 августа 1925 г. Каменский народный музей П. Славин весьма высоко оценил и подробно описал в «Известиях Центрального бюро краеведения» этнографическую экспозицию музея. Исследователь рекомендовал музей к посещению туристами для ознакомления с бытом и верованиями традиционных народов Сибири и Алтая [22, с. 113; 3, с. 230–231].

Работа по выявлению и анализу материалов этнографических и краеведческих исследований М. А. Круковского в Западной Сибири 1911–1914 гг. — отдельная тема для изучения и систематизации, но уже сейчас можно констатировать уникальный характер данных источников, запечатлевший быт и особенности коренного/старожильческого населения Сибири и переселенцев в момент кардинального переустройства сибирского общества, произошедшего в начале XX в.

R. V. Belousov

M. A. Krukovsky — researcher-ethnographer of Western Siberia in the first quarter of the 20th century

Abstract. The article presents information about the first director of the Kamensk Museum of Local Lore — Mikhail Antonovich Krukovsky. His research expeditions to the Russian North, the Urals, and Western Siberia in the late 19th and early 20th centuries are described. Krukovsky is known as a traveler and ethnographer who captured the life and way of life of the indigenous peoples of Russia in photographs. His works are kept in the collections of the Museum of Anthropology and Ethnography, Peter the Great, the Russian National Library and other central repositories. The article systematizes new data on the early development of the Kamensk Museum and the activities of its first director. **Keywords:** M. A. Krukovsky, ethnographic photography, ethnographic expeditions of the early XX century, settlers

Литература и источники

1. Зенухина Т. М. М. А. Круковский и Каменский краеведческий музей // Краеведческие записки. Барнаул, 2003. Вып. 5. С. 173–181
2. Бородовский А. П., Белоусов Р. В. П. И. Юхневич и формирование основ охраны историко-культурного наследия Верхнеобского региона // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Вып. XIV. Барнаул, 2005. С. 29–32
3. Тишкина Т. В. Музеи Алтая в 1920-е гг. // Известия Алтайского государственного университета. Вып. 2. Барнаул, 2013. С. 228–235.
4. Лаврентьева Л. С. Иллюстративные коллекции М. А. Круковского // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты в 2008 г. СПб., 2008. С. 273–279.
5. Муниципальное бюджетное учреждение культуры «Минусинский региональный краеведческий музей им. Н. М. Мартыанова». Номер по КП (ГИК): МКМ ОФ-10988/17.
6. Краевое государственное автономное учреждение культуры «Красноярский краевой краеведческий музей» Номер по КП (ГИК): КККМ ОФ 7928/1832, Инв. номер: Д 1315/1832.
7. Круковский М. А. Олонекский край: Путевые очерки. СПб., 1904. 260 с.
8. Круковский М. А. По родному северу. Рассказы по родиноведению. М., 1914, 200 с.
9. Белорусова С. Ю. Этнографическое путешествие Михаила Круковского по Южному Уралу // Уральский исторический вестник. 2016. № 2 (51). С. 98–104.
10. Круковский М. А. Южный Урал. Путевые очерки. М., 1909. 311 с.
11. Ушаков Н. В. Карельская фотоэкспедиция МАЭ РАН 2008 г. По следам собирателя М. А. Круковского (технические и методические вопросы) // Материалы полевых исследований МАЭ РАН. СПб., 2009. с. 206
12. Лаврентьева Л. С. Край лесов, рек и поэтов (Карельская фотоэкспедиция 2008 г.) // Материалы полевых исследований МАЭ РАН. Вып. 9. СПб., 2009. С. 7.
13. Круковский М. А. Родная жизнь: Рассказы по родиноведению. СПб., 1910, 244 с.
14. Пирожков Г. П. Российское Родино(крае)ведение: зарождение и развитие (вторая половина XIX – начало XX в) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2012. № 2.
15. Музей антропологии и этнографии РАН им. Петра Великого (Кунсткамера). Персоналии. Круковский Михаил Антонович (1865–1936). URL: <https://collection.kunstkamera.ru/entity/OBJECT?page=4&person=3539690> (дата обращения 21.10.2024).
16. Музей антропологии и этнографии РАН им. Петра Великого (Кунсткамера). Номер по КП (ГИК): МАЭ № 2354-64.
17. Музей антропологии и этнографии РАН им. Петра Великого (Кунсткамера). Номер по КП (ГИК): МАЭ № 2354-214.
18. Музей антропологии и этнографии РАН им. Петра Великого (Кунсткамера). Номер по КП (ГИК): МАЭ № 2354-148.
19. Музей антропологии и этнографии РАН им. Петра Великого (Кунсткамера). Персоналии. Круковский Михаил Антонович. Фотоотпечаток. Возвращающийся в родной Чернигов мальчик. Украинцы. Номер по КП (ГИК): МАЭ № 2354-55.
20. Тишкина Т. В. Деятельность краеведческих организаций Алтая в 1918–1931 гг. Барнаул, 2004. 312 с.
21. Переписка с отделом народного образования о работе музея // Комитет по делам архивов администрации Каменского района. Ф. 294Г. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 21.
22. Славин П. Каменский музей (Н-Николаевской губ.) // Известия Центрального бюро краеведения. Л., 1925. Вып. 5. С. 113.

DOI 10.37386/2687-0592-2024-12-11-18

УДК 94(571.150)

Е. А. Коляскина

*Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул, Российская Федерация***Экспедиции Института этнографии АН СССР в Алтайский край в первой половине 1960-х гг.: советская власть и общество колхозно-совхозной деревни¹**

Аннотация. В статье анализируются материалы этнографических экспедиций Института этнографии АН СССР в Алтайский край в 1960, 1961 и 1965 гг. Рассматриваются влияние советской внутриполитической повестки на стратегию исследования и освещение властных отношений в советской деревне, отражение темы коммуникации сельского общества и власти. Обращено внимание на этнографические исследования как практику создания общественного нарратива, представляющего советскую деревню. **Ключевые слова:** этнография, экспедиции, история науки, советское государство и общество, сельское общество, антропология власти, Алтайский край, В. А. Липинская, А. В. Сафьянова, Шипуновский район, Родино.

Тема организации полевых исследований московских этнографов на Алтае рассматривалась в статье Т. К. Щегловой, посвященной профессиональному

пути В. А. Липинской [1], а взаимодействие исследователей с региональной и местной сельской властью затрагивалось в материалах экспедиций НИИХП в 1950-е гг. [2].

В настоящей статье проанализированы материалы этнографических экспедиций Института этно-

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01443, <https://rscf.ru/project/23-28-01443>.

графии АН СССР в Алтайский край в 1960, 1961 и 1965 гг. Мы рассматриваем влияние советской внутривластной повестки на стратегию исследования и освещение властных отношений в советской деревне, отражение темы коммуникации сельского общества и власти, а также обращаем внимание на этнографические исследования как практику создания общественного нарратива, репрезентирующего советскую деревню.

После дискуссий в отечественной науке послевоенного времени в 1950-е гг. советские этнографы стали изучать современное им советское село [3, с. 68–69; 4, с. 180–182], преобразованное в ходе социалистической модернизации. На условия, в которых это происходило, оказала влияние внутривластная повестка в СССР. В 1959 г. вслед за решениями XXI съезда КПСС был разработан семилетний план Института этнографии АН СССР, согласно которому начала работу Комплексная экспедиция, а одной из основополагающих тем этнографов стало «исследование процессов изменения социально-бытового и культурного уклада народов СССР в эпоху перехода от социализма к коммунизму». В рамках данной темы, в частности, предусматривалось изучение быта колхозного крестьянства, этнических процессов «в развитии социалистических наций», национальных форм социалистической культуры, семейно-бытового уклада и «процесса изменения религиозных и патриархально-бытовых пережитков» [5, л. 3 об.]. После XXII съезда КПСС было внесено уточнение, что этнографы исследуют процессы «изменения социально-бытового и культурного уклада у народов СССР в период развернутого строительства коммунизма», концентрируясь на «всестороннем изучении быта, семейно-бытового уклада», «на процессе изживания религиозных и патриархально-бытовых пережитков», в полевых исследованиях уделяя основное внимание «современному быту колхозного крестьянства» [6, л. 21]. В результате в середине 1950–1960-х гг. было опубликовано несколько монографий о культурно-бытовых процессах середины XX в. у русских колхозников ряда сел и регионов страны, самая известная из которых – «Село Верятино в прошлом и настоящем. Опыт этнографического изучения русской колхозной деревни» [7–12]. В 1950–1970-х гг. состав экспедиций и направление их полевых исследований определялись методико-методологическими поисками этнографической науки, находившейся под партийно-государственным влиянием. Это проявлялось, с одной стороны, в достаточном финансировании масштабной полевой работы; с другой стороны, «этнографам приходилось считаться с «заказом» государства на исследования современного состояния и развития населения СССР, с акцентуацией на выявлении результатов социалистической модернизации». Это влияло на разработку программ развития Института этнографии и позиции его руководителей – директора С. П. Толстова и заместителя по научной части Л. Н. Терентьевой [1, с. 71–72].

Данные политические установки распространялись и на изучение русского населения сел Алтайского края Комплексной экспедицией 1960 и 1961 гг. Согласно отчетам, основное внимание уделялось современности, а главной задачей был сбор материалов для обобщающих коллективных монографий – «Современный быт колхозного крестьянства и перспективы его дальнейшего преобразования на пути к коммунизму», «Проблема развития материалистического мировоззрения и пути изживания религиозно-бытовых пережитков», «Пути развития советской семьи», «Изменения материальной культуры СССР на пути построения коммунизма» [13, л. 1].

В 1960 г. руководство Института этнографии АН СССР решило начать изучение восточнославянского населения Сибири, непосредственно на Алтайский край выбор пал по инициативе руководителя партийной организации и заместителя директора института Л. Н. Терентьевой, которая являлась уроженкой г. Барнаула и в конце 1920-х гг. работала в Горном Алтае [1, с. 62], следовательно, знала этнографическую специфику региона.

В составе комплексной экспедиции Института этнографии был образован Западносибирский отряд, который работал на территории Алтайского края с 21 июня по 19 августа 1960 г. под руководством ст. научного сотрудника И. А. Крывелева в составе мл. научного сотрудника Н. Н. Велецкой, аспирантки В. А. Липинской, ст. научного технического сотрудника В. Н. Басилова, а также художника И. В. Саламатина и шофера Н. С. Бизеева [14, л. 187]. После рекогносцировочных поездок на автомашине по «коренным» сельскохозяйственным районам Алтая с «преимущественно русским населением» – Шипуновскому, Мамонтовскому, Алтайскому, Чарышскому и Третьяковскому – была выбрана основная база для дальнейших стационарных исследований – Шипуновский район. Особое внимание было уделено колхозам «Родина» – «одному из передовых в экономическом и культурном отношении» – и «Путь Ленина» (с. Зеркалы) – одному из «старейших поселений района», из которого «выселилась» значительная часть родинцев. Для стационарных работ приоритет был отдан образцово-показательному колхозу «Родина», более модернизированному в экономическом и культурно-бытовом отношении: «Здесь достигнуты довольно серьезные, а в ближайшее время предвидятся еще большие успехи, как в экономическом отношении, так и в перестройке быта, в приближении условий жизни населения к городским» [14, л. 187–188]. В частности, в колхозе «Родина» был построен единственный в районе на тот момент дворец культуры [14, л. 193] (рис. 1). Нужно отметить, что этот колхоз до 1957 г. носил имя В. М. Молотова и вместе с председателем, Героем Социалистического Труда Ф. М. Гринько, часто фигурировал в публикациях региональной печати, демонстрируя пример успешного передового колхоза и его руководителя. При обследовании совхозов в Алтайском, Третьяковском и Чарышском районах «преимущественное внимание»

Рис. 1. ГК 46350351. Шипуновский район, колхоз «Родина». Внешний вид колхозного Дворца культуры на фоне старых построек. Фото С. И. Каманина, 12 сентября 1958 г.

также уделялось «экономически сильным, передовым хозяйствам» [14, л. 194]. Таким образом, отбор селений, в которых собирался материал, должен был отражать прежде всего успехи, достигнутые в переустройстве традиционного сельского быта и культуры в ходе социалистической модернизации, приближение их к условиям города.

Было вполне логично, что в первую поездку этнографы ориентировались на консультации с представителями местных партийно-государственных учреждений. Статус столичных ученых из Академии наук СССР служил благоприятным фактором для работы московских экспедиций в селах Алтайского края. По воспоминаниям В. А. Липинской, «научная работа и представительство от Москвы раскрывали двери учреждений и вызвали уважение к работе этнологов. А я также видела в местных жителях героев, покоровших сибирские просторы» [1, с. 66–67]. Обязательной организационной частью экспедиции стало взаимодействие с местными партийно-государственными учреждениями — от крайкома и крайисполкома до администрации колхоза и совхоза (рис. 2). Представление местному руководству давало возможность получить первые сведения о хозяйственной специфике и об интересных для этнографов информантах [1, с. 67], анализировать данные похозяйственных книг [15, с. 14]. Согласно отчету В. А. Липинской, в 1961 г. ей удалось получить материалы Центрального статистического управления края, а от Краевого проектного института планы некоторых сел и аэрофотосъемок [13, л. 43.]. Нужно отметить, что практика взаимодействия с местными органами власти, а для центральных научных учреждений и с региональными, стала в советские годы составной частью организационно-методического процесса этнографических экспедиций в Сибири, что отмечено в ряде публикаций [2, с. 546–547; 16, с. 92].

В 1961 г. с 27 июля по 30 сентября Западно-Сибирским отрядом была продолжена полевая работа в селах в Шипуновского (с. Родина, Коробейниково, Зеркалы, Горьковское) и Пospelихинского (с. Калмыцкие Мысы, пос. Факел Социализма) районов, а также начата изучение сел Змеиногорского района (с. Андреевка, Саввушки) [13, л. 42]. На этот раз руководителем отряда была кандидат филологических

наук Нинель Савишна Полищук, а в его составе были аспирантки Института этнографии АН СССР В. А. Липинская и А. В. Сафьянова, которые должны были собирать материалы для кандидатских диссертаций [13, л. 3]. В дальнейшем молодые исследовательницы станут стабильными участницами экспедиций на Алтай и опубликуют основные работы по материалам, собранным экспедициями. В их совместной работе (1961 и 1965 гг.) сложилось «разделение труда» в соответствии с тематикой диссертационных работ. Виктория Анатольевна Липинская занималась прежде всего изучением материальной культуры (поселения, жилище, одежда, пища, транспорт); весной 1961 г. была утверждена тема ее диссертации — «Современная материальная культура русского населения южных районов Алтайского края» [17, л. 28–29]. Анна Владимировна Сафьянова занималась социальными отношениями и духовной культурой, что отражало утвержденную тему ее диссертации — «Положение и роль женщины в семейном и общественном быту в русской деревне Алтайского края (вторая половина XIX — XX вв.)» [18, л. 18].

В ходе работы этнографы собирали сведения о жизни сел Алтайского края начиная с истории заселения региона и до современного им состояния хозяйства в колхозах и совхозах. Видимо, для оперативного получения информации в ходе экспедиции 1961 г. выстраивалась связь с местными краеведами, почти во всех посещенных селах участники экспедиции встречались со школьными учителями, ведущими краеведческую работу [13, л. 42]. Так, были сделаны копии работ краеведов детского дома с. Коробейниково [19, л. 93–94] и дипломной работы Е. Ф. Поликарпова [19, л. 73–85].

В описании методики полевой работы в своей кандидатской диссертации А. В. Сафьянова указывала, что объектами изучения были выбраны колхозные и совхозные населенные пункты, «наиболее типичные для различных локальных групп русских селения». Сбор материала проводился методами опроса и наблюдения по программам, разработанным Институтом этнографии АН СССР. В каждом населенном пункте опрашивалось не менее десяти человек [9, с. 12–13]. Представляет интерес то, что опросы проводились среди представителей раз-

Рис. 2. А. В. Сафьянова в кабинете сельского начальства, с. Барановка Змеиногорского района, Алтайский край, 1965 г. Семейный архив Н. В. Сафьяновой.

ных возрастных и профессиональных групп, от пенсионеров до молодежи и от библиотекаря до председателя сельского совета. Также беседовали с «активистками», среди которых встречались пионерки борьбы за участие женщин в общественной жизни и общественном труде. Для исследования современного быта и мировоззрения колхозниц проводились беседы с женщинами разных возрастов и социальных групп. Были записаны биографии передовых женщин края, занятых в сельскохозяйственном производстве, на советско-партийной работе и в культурно-просветительных учреждениях [15, с. 14].

Отложившиеся в Научном архиве Института этнологии и антропологии РАН бланки экспедиций 1960 и 1961 гг. показывают, что среди информантов обязательно присутствовали представители сельской власти районного и колхозно-совхозного уровня. Так в 1960 г. были опрошены: в с. Алтайском — зав. отделом пропаганды районного комитета КПСС [20, л. 36], в с. Мамонтово — зав. отделом культуры районного комитета КПСС [20, л. 22], в колхозе «Родина» — парторг, заместитель председателя и сам председатель Ф. М. Гринько [20, л. 19, 36, 42], в с. Зеркалы — председатель колхоза «Путь Ленина» [20, л. 53], в с. Малый Башчелак — директор совхоза [20, л. 246], секретарь комсомольской организации [20, л. 5] и др. Таким образом, фиксировался «взгляд сверху» представителей государственно-партийных органов на селе.

«Взгляд снизу» представлен записями опросов рядовых колхозников и совхозных рабочих, сель-

ской интеллигенции — зоотехников, бухгалтера, учителей, директоров школ, художественного руководителя дома культуры, заведующих детским садом, библиотекой, домом культуры, директора дворца культуры. Последних условно можно отнести к низовой категории.

Часть опросных бланков экспедиции 1960 и 1961 гг. разделены по тематике, которая указана в «шапке» бланка, и частично разложены соответственно ей. Судя по рубрикации, достаточно много материалов, касавшихся коммуникации власти и сельского общества: «Культмассовая работа и художественная самодеятельность. Бытовое обслуживание населения»; «Общественные организации в селах», «Религиозные пережитки», «Духовный облик, культурный уровень, культурные запросы» [21], «Современная общественная жизнь», «Состояние культуры и культурная работа» [22], «Советские праздники», «Агитационная и лекторская работа, стенная печать» [19] и т. д.

В отчетах экспедиции 1960 г. охарактеризована роль членов коммунистической партии и партийных работников в жизни села. Н. Н. Велецкая обращает внимание на «ядро» жителей, образовавших колхоз «Родина», и дает им характеристику как передовым: «...коммунисты, а также беспартийные с передовыми, революционными взглядами и устремлениями крестьяне-переселенцы. Старшее поколение колхозников выделяется своей общественной и политической активностью, советским мировоззрением, интересом ко всему передовому и новому, оказывая влия-

Рис. 3. В. А. Липинская и А. В. Сафьянова в экспедиции. Алтайский край, 1965 г. Семейный архив Н. В. Сафьяновой.

ние на все слои населения центрального поселка [14, л. 191]. В данном описании этнографическая принадлежность присутствует наряду с политической и общественной позицией.

«Активная роль» коммунистической и комсомольской организаций в производственной и общественной жизни была отмечена в материалах 1960 г. и в совхозе им. Сулова (с. М. Башчелак). Здесь же как одно из явлений, стимулировавших социалистические преобразования среди «изолированного и консервативного в недавнем прошлом населения», была отмечена реконструкция поселения по проекту, разработанному в Министерстве сельского хозяйства [14, л. 196].

Также в отчете 1960 г. в колхозе «Родина» зафиксировано «активное воздействие на общественную жизнь общественных организаций» — совета старейшин, женсовета, народной дружины, тимуровской команды [14]. Это отражено и в полевых материалах — опросных листах сезона 1961 г. [22].

В сферу исследований этнографов входило изучение развития «культурной жизни» и «спортивной работы», распространения периодической печати в селах. В колхозе «Родина», по отчету Н. Н. Велецкой, «каждая семья выписывает газеты, нередко не одну; многие выписывают журналы» [14, л. 192].

В целом в отчете 1960 г. этнографы отмечали «отмирание реакционных элементов старого бытового уклада» на фоне советских норм общежития. Как

исключение были отмечены села Чарышского района, где «передовое хозяйство, активная общественная жизнь сочетается с сохранением в быту и культуре некоторых элементов старых народных традиций» [14, л. 195].

Также в 1960 г. этнографами изучался модельный тип советского человека — «духовный и моральный облик» отдельных людей разного возраста, которые являлись представителями «нового типа советского гражданина». Среди них в отчете Н. Н. Велецкой были выделены «передовые» люди разных профессий и из разных сел: секретарь парторганизации колхоза «Родина» Н. Н. Евкин, художественный руководитель районного ДК Храмцова, колхозница из «Родины» Евгения Чечулина, колхозница-пенсионерка из с. Порожнее А. Г. Данченко [14, л. 194]. Московские специалисты пришли к выводу, что в селах края на базе быстро идущего смешения всех этнических групп вырабатывается общий в этническом и культурно-бытовом отношении тип русского западносибирского колхозника или совхозного рабочего [14, л. 188–189].

В экспедиции 1961 г. Н. С. Полищук в соответствии со своей профессиональной специализацией занималась сбором фольклора [13, л. 3]. Собранные ею материалы впервые были представлены на мартовской (1962 г.) сессии Института этнографии по итогам экспедиционных работ 1961 г. в виде доклада «Современное состояние народно-поэтическо-

Рис. 4. А. В. Сафьянова в сельском совете. Беседа с информантом. Алтайский край, 1965 г. Семейный архив Н. В. Сафьяновой.

го творчества в Алтайском крае» [23, л. 75]. Позже, в 1966 г., он был опубликован в виде статьи «Судьба традиционного фольклора в Алтайском крае». В ней упоминается запись песни в с. Калмыцкие Мысы в стиле жестокого романса о смерти С. М. Кирова и частушек на различные темы колхозной жизни [24]. В полной мере фольклорный материал опубликован не был.

Следующая экспедиция сотрудников Института этнографии АН СССР В. А. Липинской (младший научный сотрудник) и А. В. Сафьяновой (старший научно-технический сотрудник) (рис. 3), исследовавших славянское население региона, проходила с 12 марта по 30 мая 1965 г.; еще одним участником отряда был художник М. М. Санников. Была продолжена работа в селах предгорного Змеиногорского района, сложного по этнографическому составу русского населения (с. Саввушка, Старо-Алейка, Ново-Алейка, Верх-Алейка, Петровский, Екатериновка, Лопатанка, Камышенка, Барановка), а также в степных Поспелихинском и Шипуновском районах, большинство населенных пунктов которых были уже обследованы ранее (рис. 4). В двух последних районах работа велась с целью выявления изменений, произошедших там за предыдущие годы с момента последней экспедиции [25, л. 5–6].

В 1964 г. начинает меняться партийно-государственный внутриполитический вектор, что отразилось на методологических установках в отношении полевых этнографических исследований. Основная задача экспедиции состояла в сборе материалов о русском населении Алтайского края, которая определялась направлением работы Восточнославянского сектора — изучением культуры и быта русского населения Сибири. При сохранявшейся преемственности работы сезонов 1960 и 1961 гг. и программам, по которым они проводились, в соответствии с темами диссертаций исследовательниц они обратились в большей степени к изучению «современной культуры различных этнических групп русского населения Алтайского края, существовавших там в прошлом» [25, л. 5]. Судя по выводам отчета,

этнографы собирали много информации именно о традиционной культуре и маркерах идентичности различных этнографических групп русских старожилов и переселенцев Алтайского края (поляков, кержаков, казаков и т. д.), чтобы иметь сравнительный материал для характеристики современной им картины идентичностей. По мнению исследователей, к этому времени было почти утрачено самосознание населения как представителей различных этнических групп, лишь старшее поколение еще сохраняло его в некоторой степени. Кроме того, были отмечены процессы русификации среди украинцев, мордвы и немцев Поволжья. Это проявлялось, в частности, в двуязычии, принятии русских имен и т. д. [25, л. 6–7]. Опросных бланков этой экспедиции обнаружить не удалось, хотя среди материалов прошлых экспедиций есть листы без датировки.

Как тенденцию в развитии организации колхозного и совхозного хозяйства в 1965 г. этнографы отметили рост отраслевой производственной специализации — как между хозяйствами, так внутри них и даже между рабочими. Также был зафиксирован заметный рост занятости женщин на постоянных сельскохозяйственных работах; в прежние времена они в основном участвовали в сезонных полевых работах. Этот процесс связали с переходом к денежной оплате труда в колхозах и совхозах и механизацией полеводства [25, л. 7].

В отчете экспедиции довольно много внимания было уделено изменениям в семейных отношениях и положении женщины, что соответствовало научным интересам А. В. Сафьяновой. Отмечается укрепление положения женщины в семье в последнее время в связи с ее активным участием в колхозном и совхозном производстве. Фиксируются большая сохранность черт патриархального семейного быта среди старожильческого населения и пореформенных переселенцев и «изживание пережитков старого быта» у казаков и старообрядцев-поляков, у которых и в прошлом женщины были более свободными [25, л. 9]. Уделено внимание и общественно-политической жизни женщин в условиях укрепления «колхозной демократии» в стране. В частности, «вырос женский актив на селе», женщины стали составлять 40–45% депутатов сельских советов, большая часть из которых — молодые работницы животноводства с «высокими производственными показателями». Отмечены также тенденции роста числа женщин в ВЛКСМ (до 50%) и КПСС (до 25–30%), создания и активизации деятельности женсоветов, рост активности женщин в целом. Это выразилось в выступлениях на общих колхозных собраниях, собраниях животноводов, заседаниях общественных организаций. Среди факторов, способствовавших этим процессам, этнографы назвали рост уровня образования и развитие культурной инфраструктуры в селах [25, л. 11–12].

Следует также отметить связь исследований этнографов с очередной волной антирелигиозной

кампании в исследуемый период¹. Так, еще в 1960 г. В. Н. Басилов выезжал в г. Рубцовск, «где, по имевшимся сигналам печати», активно вели деятельность «нелегальные религиозные организации» [14, л. 188]. Этнографы обратили внимание также на попытки «создания новых обрядов с использованием элементов народной обрядовой традиции (проводы зимы)» в Алтайском районе на рубеже 1950–1960-х гг. [14, л. 195]. В материалах экспедиции 1961 г. есть описания празднования Нового года, Борозды, комсомольской свадьбы, современной похоронной обрядности и т. п. [19]. Это было связано с возвращением советского государства во второй половине 1950 гг. к идее конструирования новых гражданских праздников и обрядов для замещения традиционных с религиозным содержанием. Советские этнографы в этот период включились в изучение данной проблематики как части современной советской культуры [26]. В 1964 г. созданию новой гражданской обрядности был придан новый партийно-государственный импульс², социалистическая модернизация должна была коснуться и данной сферы. В отчете экспедиции 1965 г. этнографы уделили внимание этому вопросу, они отметили сокращение религиозных обрядов, прежде всего крещения (замещение его празднованием 1 года), и сохранение традиционных свадеб и похорон, даже с локальными особенностями историко-этнографических групп русских. Устойчивость этих обрядов связали с их поддержкой старшим поколением, хотя исследователи отметили трансформацию ряда традиционных элементов [25, л. 9–10]. Также исследовательницы отметили рост атеизма с повышением уровня образованности среди молодых женщин [25, л. 14]. Эти материалы будут частично опубликованы В. А. Липинской лишь в 1989 г. в статье о советских праздниках и календарных обрядах. В ней присутствует репрезентация опыта внедрения советских праздников и гражданских обрядов все теми же передовыми колхозами «Родина» (им. Ф. М. Гринько) Шипуновского района, «Россия» (им. А. Я. Шумакова) Змеиногорского района и др. [27]. Вероятно, подготовка этого сборника была связана с последней попыткой партийно-государственных органов в эпоху перестройки активизировать построение советской гражданской обрядности.

Материалы экспедиций первой половины 1960-х гг. в Алтайский край вошли в источниковую базу кандидатских диссертаций В. А. Липинской (защитила в 1968 г.) и А. В. Сафьяновой (защитила в 1974 г.), и по их результатам исследовательницы опубликовали несколько статей в научных изданиях [28–33]. У В. А. Липинской только в 1987 г. вы-

шла монография [34], диссертация А. В. Сафьяновой осталась рукописью. Таким образом, большая часть этнографического материала, репрезентировавшего жизнь колхозно-совхозной деревни Алтайского края середины XX в., не стала достоянием широких слоев населения, а осела на уровне архива Института этнографии и читальных залов «Ленинки» (Российская государственная библиотека).

Можно заключить, что партийно-государственное влияние и советская внутривластная повестка оказали влияние на методико-методологические основы этнографического исследования русского населения Алтайского края в первой половине 1960-х гг. Этнографы получили финансовую и организационную возможность проводить масштабную полевую работу, исследуя по «заказу» государства современную им колхозно-совхозную деревню с акцентом на выявлении влияния социалистической модернизации на культуру народов. Это отразилось на отборе объектов этнографического изучения – селений, «успешных» в модернизации традиционного сельского быта и культуры. Достаточно внимания уделялось исследованию институтов «колхозной демократии» – советов старейшин, женсоветов, стенной печати и т. п. В материалах экспедиций отложились результаты опросов, представляющие как «голос сверху», так и «голос снизу» во взаимоотношениях сельского общества и власти. Репрезентация колхозно-совхозной деревни Алтайского края 1920 – середины 1960-х гг. нашла отражение лишь в научных публикациях, сделанных преимущественно по следам полевых экспедиций первой половины 1960-х гг. как часть отчетного материала. Анализ публикаций участников экспедиций показал, что в 1970-е гг. они были посвящены преимущественно традиционной культуре русских/восточных славян Алтая XIX – начала XX в. Постепенно из них убирался сравнительный материал, освещавший современную жизнь колхозно-совхозной деревни и преобразующую роль социалистической модернизации.

E. A. Kolyaskina

Expeditions of the Institute of Ethnography of the USSR Academy of Sciences to the Altai Territory in the first half of the 1960s: the Soviet government and the society of the collective farm and state farm village

Abstract: The article analyzes the materials of ethnographic expeditions of the Institute of Ethnography of the USSR Academy of Sciences to the Altai Territory in 1960, 1961 and 1965. An attempt is made to consider the influence of the Soviet domestic political agenda on the strategy of research and coverage of power relations in the Soviet countryside. The reflection of the topic of communication between rural society and government in the Soviet village is also studied. Attention is drawn to ethnographic research as a practice of creating a public narrative representing the Soviet countryside. **Keywords:** *ethnography, expeditions, history of science, the Soviet state and society, rural society, anthropology of power, Altai Territory, V. A. Lipinskaya, A. V. Safyanova, Shipunovskiy district, Rodino.*

¹ В октябре 1958 г. вышло секретное постановление ЦК КПСС «О записке отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам „О недостатках научно-атеистической пропаганды“».

² Постановление Совета министров РСФСР 1964 г. «О внедрении в быт советских людей новых гражданских обрядов».

Источники и литература

1. Щеглова Т. К. Викториа Анатольевна Липинская и Алтай: Особенности полевой работы московских этнографов в Сибири в 1960–1990-е годы // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2021. Т. 37. С. 56–73.
2. Щеглова Т. К. Вклад сотрудниц НИИХП в спасение народных художественных промыслов юга Западной Сибири в контексте существующей системы коммуникации власти и общества // «Женское наследие в культурах народов России и мира»: материалы XVII Междунар. науч. конф. РАИЖИ и ИЭА РАН, Махачкала, 26–29 сентября 2024 г. / отв. ред. Н. Л. Пушкарёва, О. С. Мутиева; сост. А. И. Громова, О. И. Секенова, А. В. Жидченко: в 2-х ч. М.: ИЭА РАН, 2024. Ч. 1. С. 542–548.
3. Советская этнография в истории государственного строительства и национальной политики: кол. монография / М. Ю. Мартынова, В. А. Тишков [и др.]; отв. ред. М. Ю. Мартынова. М.: ИЭА РАН, 2022. 556 с.
4. Алымов С. П. И. Кушнер и развитие советской этнографии в 1920–1950-е гг. М., 2006. 267 с.
5. Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 142. Оп. 1. Д. 1041. Л. 69.
6. АРАН. Ф. 142. Оп. 10. Д. 108. Л. 142.
7. Культура и быт таджикского колхозного крестьянства: По материалам колхоза им. Г. М. Маленкова, Ленинабад, района Ленинабад, обл. Таджик. ССР / Н. Н. Ершов, Н. А. Кисляков [и др.]; под общ. ред. Н. А. Кислякова. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1954. 232 с.
8. Сухарева О. А., Бикжанова М. А. Прошлое и настоящее селения Айкыран: Опыт этнографического изучения колхоза им. Сталина, Чартакского района Наманганской обл. Ташкент: Изд-во Акад. наук УзССР, 1955. 238 с.
9. Село Верятино в прошлом и настоящем. Опыт этнографического изучения русской колхозной деревни. Труды Института этнографии им. Миклуха-Маклая АН СССР. Новая серия, ХLI. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1958. 283 с.
10. Анохина А. Л., Шмелева М. Н. Культура и быт колхозников Калининской области. М.: Наука, 1964. 354 с.
11. Кубанские станицы. Этнические и культурно-бытовые процессы на Кубани / АН СССР. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая; отв. ред. К. В. Чистов. М.: Наука, 1967. 356 с.
12. Сабурова Л. М. Культура и быт русского населения Приангарья. Конец XIX – XX в. Л.: Наука. Ленингр. отделение, 1967. 280 с.
13. Научный архив Института этнологии и антропологии РАН (НАИЭА РАН). Ф. 142. Оп. 2. Д. 54. Л. 104.
14. НАИЭА РАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 48. Л. 199
15. Сафьянова А. В. Положение и роль женщины в семейном и общественном быту в русской деревне Алтайского края: вторая половина XIX–XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. М., 1973. 196 с.
16. Коляскина Е. А. Практики организации и проведения этнографических экспедиций на Алтай под руководством Л. М. Русаковой // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. 2023. № 1 (54). С. 89–95.
17. АРАН. Ф. 142. Оп. 10. Д. 71. Л. 179.
18. АРАН. Ф. 142. Оп. 11. Д. 346. Л. 41.
19. НАИЭА РАН. Ф. 47. Оп. 15. Д. 4451. Л. 76.
20. НАИЭА РАН. Ф. 47. Оп. 15. Д. 2369. Л. 256.
21. НАИЭА РАН. Ф. 47. Оп. 15. Д. 4448. Л. 99.
22. НАИЭА РАН. Ф. 47. Оп. 15. Д. 4450. Л. 95.
23. АРАН. Ф. 142. Оп. 10. Д. 120. Л. 232.
24. Полищук Н. С. Судьба традиционного фольклора в Алтайском крае // Современный русский фольклор / отв. ред. Э. В. Померанц. М.: Наука, 1966. С. 43–52.
25. НАИЭА РАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 66. 43 Л.
26. Крылев И. А. О формировании и распространении новых обычаев и праздников у народов СССР // Советская этнография. 1963. № 6. С. 17–24.
27. Липинская В. А. Народные традиции в современных календарных обрядах и праздниках русского населения // Русские: семейный и общественный быт. М.: Наука, 1989. С. 111–141.
28. Липинская В. А. Русские поселения в Алтайском крае // Советская этнография. 1965. № 6. С. 103–114.
29. Липинская В. А. Некоторые особенности материальной культуры русского населения Алтайского края // Этническая история и современное национальное развитие народов мира: тез. докл. на конф. молодых науч. сотрудников и аспирантов (февр. 1967 г.) / Акад. наук СССР. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М.: Наука, 1967. С. 163–165.
30. Липинская В. А. Некоторые черты современной материальной культуры русского населения Алтайского края // Советская этнография. 1968. № 2. С. 96–105.
31. Липинская В. А. Поселения, жилища и одежда русского населения Алтайского края // Этнография русского населения Сибири и Средней Азии. М.: Наука, 1969. С. 9–76.
32. Сафьянова А. В. Положение русской женщины в алтайской деревне до революции и ее роль в общественной и культурной жизни в годы советской власти // Этнография русского населения Сибири и Средней Азии. М., 1969. С. 77–80.
33. Сафьянова А. В. Изменение положения женщины за годы советской власти: (по материалам Алтайского края) // Советская этнография. 1973. № 2. С. 122–129.
34. Липинская В. А. Русское население Алтайского края: народные традиции в материальной культуре (XVIII–XX вв.) / отв. ред. В. А. Александров. М.: Наука, 1987. 224 с.

DOI 10.37386/2687-0592-2024-12-19-26

УДК 930:314

А. А. Пригарин*Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Российская Федерация***Методы количественного моделирования переселенческих движений: реконструкции социально-демографических свойств этноконфессиональных общностей**

Аннотация. Статья посвящена методам количественного моделирования переселенческих движений как способу реконструкции социально-демографических свойств этноконфессиональных общностей. Автор приходит к выводу, что благодаря наработкам «социальной истории» и «клиометрики» становится возможным адекватно изучать практики и институты с упором на микроуровни общественной жизнедеятельности. Кроме того, по мнению автора, использование формулярных массовых источников путем цифровой обработки данных создает принципиально новые приемы в обеспечении эмпирических оснований для социальных реконструкций. Экстраполяция «теории демографических переходов» в регионально-социальную среду позволяет выявить общее и специфичное. В свою очередь, смещение акцентов с публичного на приватный быт позволяет инновационному инструментарию количественного моделирования демонстрировать новые ракурсы в объяснении человеческого опыта. **Ключевые слова:** *методы количественного моделирования, переселенческие движения, этноконфессиональные общества, социальная история, клиометрика.*

Постановка проблемы

Осмысление и познание прошлого Человечества как процесса моделирования неотрефлексированных процессов с помощью качественного и количественного инструментария приводит нас к необходимости характеристики конкретно-исторической методологии. Обоснование и апробация такого подхода базируется на общих эпистемологических и гносеологических принципах [1, с. 17–25], именно осознание процессуальности и мобильности староверов как эффективной «площадки» для реконструкций позволяет нам ее «эксплуатировать». В рамках подобных историко-демографических перспектив исследования группы необходимо отрефлексировать, в каком направлении и как возможно проводить характеристики общности, которые выступили принципиальными факторами истории.

В этих вопросах будем опираться на опыт и соединения двух историографических ландшафтов — социальной истории и количественного моделирования прошлого; представляется возможным выявить потенциал, а также эвристический инструментарий познания социально-демографических аспектов развития. Артикуляция и обсуждение данного исследовательского поля могут быть проведены путем выделения эффективности количественных и качественных методов. Конкретная реализация на уровне методологии органично интегрирует перспективы исторической демографии как способа интерпретации прошлого опыта человечества, а также отдельных популяционно-культурных подразделений.

Важным является понимание исторического опыта как совокупности множественности факторных связей, которые напрямую не отображаются в источниках. Рассмотрение фактов не только как результатов, но и как потенциала выводит нас на вариативность как собственно прошлого, так и возмож-

ностей его интерпретации. Дихотомия включенности события или тенденции в жесткие параметры уже совершившегося, может стать предпосылкой к схематизации или упрощению в системе причинно-следственных связей.

Предметом историко-демографических исследований становятся сюжеты социальных практик и институций. Обыденные события включаются в параметры массовости и типичности, что позволяет говорить на адекватном уровне обобщений. Таким образом, выдвигаются на передний план два взаимосвязанных вопроса: какие категории социальной реальности изучать? каким образом/способом это делать? Так методологические перспективы преобразуются в конкретные приемы репрезентации человеческого прошлого в инструментарии историка.

Качественные и количественные методы анализа социальных практик

Качественные методы анализа привлекаются для решения социальных реконструкций и выявления факторов моделирования процессов историко-демографического развития определенной группы населения. Большинство из них являются методами социальной истории — сравнительно нового научно-исследовательского направления, которое «автономизирует» социальное относительно политических, культурных и экономических явлений и при этом отмечает потребность междисциплинарных подходов к выявлению своего предмета [2, с. 15].

Предмет социальной истории является сложным для определения, отмечает большинство исследователей, которые берутся за эту дистинктивную операцию. На полемичность дефиниции указывает Т. Зелдин: «Слово „социальная“... — скорее лозунг, чем определение», и ограничивается констатацией лишь одной важной приметы: „Социальная история

постоянно вводит в сферу изучения новые объекты исследования“. Последнее же адресуется собственно историческому исследованию. Автор выражает надежды на то, что оно через актуализированные социальной историей темы должно покончить с «тиранией идеи эволюции и хронологического подхода к истории» [3, с. 155, 160].

Р. Зидер, солидаризируясь с утверждением про слабо улавливаемый предмет социальной истории (через быструю динамику включенных в него предметов и способов их вербальной фиксации), все же подает более «технический» вариант определения: «Социальная история является историей социального, то есть всего комплекса отношений между людьми». К тому же он отмечает, что науки разнятся не предметами, а постановками проблем и методами для их разрешения [4, с. 164]. Среди тех методов, которые социальная история добавляет к методам общеисторическим, можно отметить: просопографический (анализ признаков отдельных личностей или групп на основании письменных источников – автобиографий, писем, протоколов допросов и т. п.), интервью-воспоминание, или устную историю (заметим: тут она возникает как исследовательская техника, близкая к применяемой этнографами), статистический корреляционный анализ и др. При этом отмечено, что речь идет не столько про изобретение новых методов, сколько про смену взглядов на методы, которые уже существуют. Так же и по тематике: речь идет не столько про ее расширение (в частности, в сторону гендерных студий, исследований повседневности, малых групп, микроистории и т. д.), сколько про новые сочетания теоретического и эмпирического, плюрализм возможных перспектив освещения определенной темы теми или другими способами, избегая догматизации одного из них [4, с. 175]. Реализацию этой «программы» Р. Зидер демонстрирует в своей книге «Социальная история семьи в Западной и Центральной Европе» [5].

Семью этот ученый рассматривает как сложную систему, которая «резюмирует влияния макросистемы общества и функционально реализовывает задачи по репродукции рабочей силы, общественных структур, формированию стереотипов поведения полов, норм отношений родителей и детей, взрослых и старых, регулирует сексуальное поведение в добрачный и брачный периоды» [5, с. 5]. На уровне семьи этот исследователь рассматривает проблему взаимосвязи между социальными, экономическими и политическими явлениями: «Семья не должна рассматриваться вне своего социально-политического и экономического контекста. Семья понимается не как «мир в себе», а как социальный микрокосм, в котором отображаются социальные отношения, живут и работают люди, социализированные определенным обществом, и которые сами социализируют поколения, которые приходят им на смену» [5, с. 8]. Такая исследовательская программа позволяет на материале проследить взаимосвязи между формами и уровнями человеческой интеграции, не вдава-

ясь в интерполяции идейных конструктов в сфере эмпирики.

С момента выделения социальной истории видение отношения между социальной, экономической и политической системами претерпевает заметное видоизменение. Дж. Тревел्यान видит в социальной истории «необходимое звено между социальной и политической историей», вполне в марксистском духе считая, что «социальные явления продолжают экономическими условиями почти в такой степени, как политические события, в свою очередь, продолжают социальными условиями» [2, с. 15]. Однако сегодня такие утверждения не выдерживают проверки эмпирическим материалом, в массиве которого связи между указанными системами не выглядят так прямолинейно.

Социальная история во Франции, первоначально связанная со «Школой Анналов», так же переживает заметные видоизменения на протяжении 70–90-х гг. XX в. Структуралистический детерминизм и стремление тотальности, которые господствуют в 1950–1960-е гг. (Ф. Бродель и его ученики, а также марксисты), уступают отслеживанию многолинейности, «игр масштаба», микроуровней, усвоению базовых понятий прагматической социологии (актор, перевод, смещение, сети и др.) и отказу от окончательных интерпретаций [6, с. 138–147]. Специалисты замечают в отношении современной интеллектуальной атмосферы Франции «...стремление рассматривать социальные реальности не столько в качестве объективно существующих изначальных параметров, в которые „втиснут“ человек, а как подвижную взаимосвязь индивидуальных и коллективных акторов. Каждый из этих действующих особ наделен свободой выбора или свободой маневра и способен выходить с другими в согласования, которые формируют извечную подвижную и изменчивую социальную ткань» [6, с. 146]. Именно в рамках этого направления получает развитие историческая антропология семей [7].

В США тенденция к изучению социальных микроуровней и эмпирическому прослеживанию их связи с микроуровнями появляются еще в 1960-е гг. Заметных успехов достигает социология малых групп. Среди таковых рассматривается и семья как наиболее самостоятельная и устойчивая общественная единица. Доказано, что все другие малые группы (закрытые клубы, советы директоров, военные подразделения и др.) лучше нее интегрированы в большие социальные сообщества и имеют по сравнению с ней более короткую жизнь. При этом имеет место сложное переплетение этих микросоциумов, поскольку один и тот же человек может быть членом 5–6 малых и больших групп [8; 9, с. 163–174; 10]. Рассмотрение семьи как поля столкновения социальных и индивидуальных сил давления, под воздействием которых пребывает конкретный человек, создает продуктивную перспективу для раскрытия трихотомии: индивид – группа – общество. Нарбатываются методы анализа внутренних процессов в

группе, включительно с членами самой группы, которые, принимая участие в исследовании, наблюдают и характеризуют взаимосвязи внутри неё. Можно также проследить влияние культуры на групповые процессы [8, с. 83, 90–92].

Исследование социальной истории семьи, ее развития, механизмов адаптации, сохранения традиций и появления инновационных элементов невозможно без анализа ее структуры. На тождестве социального и структурного настаивал немецкий исследователь Вернер Конце, призывая учесть не „*res gestae*“ (деяние, событийное течение. — А. П.), а структуры в их непрерывности и трансформации» [11, с. 176]. Большинство специалистов по истории европейской семьи на рубеже XX–XXI вв. придерживаются типологии, предложенной Кембриджской группой исследователей истории населения и социальных структур [12, с. 132–137; 13, с. 270–271]. Предложенная ими структура домохозяйств по родственному составу основана на статистических данных XVI–XIX вв. относительно Англии, Франции, Сербии, Японии и Колониальной Америки. Другая типология базируется на статистических и демографических данных второй половины XX в. [14, с. 16–28; 15, с. 5–15]. В ней, кроме характеристики отдельных элементов состава семьи, уделяется внимание и взаимоотношениям внутри семьи, социальной и национальной принадлежности ее представителей. Следовательно, первая типология характеризует домохозяйства по родственному составу, опирается на данные XVI–XIX вв. и является результатом макросравнительного анализа; вторая — типология семьи, которая учитывает социальные и этнические показатели, основана на современных конкретно-исторических исследованиях и является результатом системного анализа. Эта операционная классификация базируется на советском опыте в историографии изучения родственных структур и общественного быта [16; 17, с. 20–24; 18; 19; 20, с. 35–82; 21; 22, с. 37–46; 23, с. 62–72].

О детерминации связи между типами брака и социально-экономическими условиями свидетельствует также типологическая схема [24, с. 14–70]. Согласно ей обосновывается существование двух моделей брака: восточно- и западноевропейской. С опорой на европейский и балканский опыт изучения историко-демографических процессов важные разработки осуществляются болгарской исследовательницей М. Тодоровой [25, 26].

Сугубо исторические методы анализа являются продуктивными в трех вариантах сравнительно-исторической ретроспективы: генетические, диффузные и типологические разработки. Сравнительно-генетический прием позволяет проследить формирование и основные этапы функционирования как сообщества в целом, так и его основных компонентов (семьи, территориально-соседской общины, отдельные тенденции в демографических и социальных практиках). Влияние внешних факторов на воспроизводство региональных сообществ Бессарабии может быть продемонстрировано путем ис-

пользования диффузных и типологических методов. Синхронные и диахронные измерения способствуют раскрытию исторического и этнокультурного своеобразия на микроуровне социальной действительности. Представление о сообществе как системе, в которой существует сложная схема взаимозависимости, приводит к использованию структурно-функционального анализа касательно особенностей семьи и внутренне-семейной организации. Подчеркнем, что этот вроде бы статический прием обнаруживает немалый потенциал по раскрытию динамики трансформации социальных институтов и устойчивости отдельных черт в историко-демографическом контексте. Эти основы качественного анализа базируются на встречаемых приемах — перспективе (когда событие или процесс воспринимаем как потенциал дальнейшего развития) и ретроспективе (когда находим объяснение существующим явлениям путем выявления факторов влияния в прошлом).

Система аргументов качественной направленности проверяется количественным моделированием. Именно статистические (количественные) методы выступают основными в познании и объяснении историко-демографической реальности. Соединение результатов количественного и качественного вариантов анализа позволяет создать синтетическую методологическую модель исторического исследования.

В основе модели должна находиться цифровая база данных на уровне отдельной личности и ее свойств (пол, возраст, социальное положение, уровень образования и т. д.), которая включена в семейные коллективы и территориальные сообщества. Источниками составления базы данных, как правило, выступают массовые и формулярные источники (ревизские переписи, материалы церковного учета, официальные переписи, регистры и похозяйственные книги и др.). Соответственно, к ним применяются специфически-источниковедческие приемы критики и обработки — от археографического выявления к эмпирической дифференциации по отдельным показателям.

С целью реконструкции демографических процессов используются демографические методики и приемы, в частности построение половозрастных пирамид, компонентный метод установления конкретных индексов, группировки признаков в виде таблиц и т. п. В результате эти показатели вводятся в общую схему исследования, объясняя природные факторы исторических процессов и их вариативность.

Какой бы большой ни была электронная база эмпирических материалов, она не может охватить весь массив регионального сообщества, которое в масштабе двух столетий может насчитывать миллионы людей. Именно поэтому разрабатываются принципы метода выборки и ее репрезентации. В отдельных корпусах источников это случайные массивы («метод снежного кома»), в других — математическое моделирование и отбор по логике исторической и этнокультурной вариативности.

Подобные задачи требуют более детального курса в использование количественных методов во время анализа исторических источников. Эти специальные источниковедческие приемы обусловлены необходимостью превращения качественных характеристик в статистически-верифицированные данные, а потом — наоборот, трансформации количественных показателей в нарративную историю. В контексте бурного развития исторической информатики эти конкретные исследовательские инструменты оказываются крайне разнообразными и перманентно совершенствуются. Эта ситуация обусловлена спецификой форм документов, к которым обращаются историки, и постоянным совершенствованием научных задач. Однако во всей вариативности можно четко определить два основных типа анализа: традиционный (классический) и формализованный (количественный, контент-анализ) [27; 28, с. 144–151; 29, с. 318]. Существенная разница между ними не означает последовательной непримиримости: они взаимно дополняют друг друга, работая на одну цель — получение адекватной и достоверной информации по обеспечению исследовательских задач.

Анализ документов в рамках каждого конкретного исследования является достаточно самостоятельным и творческим процессом. Выбор типа анализа напрямую зависит от формы, структуры и содержания источника, а также исследовательских задач, потенциала к их решению. Традиционный анализ основан на восприятии, понимании, осознании и интерпретации содержания документов в связи с целью работы [30, с. 249–253]. Если предметом исследования выступают исторические источники, то, как правило, традиционный анализ используется для установления подлинности и достоверности, изложенных в нем фактов. Ради этого используются приемы внутренней и внешней критики [31, с. 26–28]. Эти две стороны источниковедческой процедуры почти полностью соответствуют двум разновидностям традиционного анализа в социологии [29, с. 320]. Для установления вида документа, его формы, времени и места появления, авторства, цели создания, надежности и достоверности контекста, применяют внешний анализ. А вот внутренний анализ — возможные варианты раскрытия содержания документа.

Поскольку внешняя критика формулярных массовых источников — тема хрестоматийная для исторической науки, сосредоточимся на внутренних аспектах критики. Структурированные показатели, связанные с отдельной личностью в контекстах семьи/общины, требуют процедур агрегации и интерпретации. Ради этого и создается база данных, которая выполняет роль мега-источника, где каждое из конкретных демографических качеств получает свое определенное значение в своеобразной матрице познания. Именно на таком принципе (случайность vs закономерность) и строится формализованный тип контент-анализа. Обобщение эмпирики в некоторой степени лишает нас вопросов об адекват-

ности и субъективности, что присуще традиционно методу анализа документов.

Такие количественные моделирования и формализованные методы анализа зарождаются еще в конце XIX — в начале XX в. (Э. Дюркгейм, Н. Карев и др.). Однако закрепляются они лишь в 1940-х гг. после эффективной деятельности школы Г. Ласуелла [32, 33]. С того времени сущность контент-анализа воспринимается как перевод вербальной информации в более объективную форму, переход от текста к внетекстовой реальности, под которой понимается социальная (или интеллектуальная) действительность во всем ее разнообразии. Этот вариант анализа — «исследовательская техника по получению выводов путем осмысления содержания текста о состоянии и качестве социальной действительности» [34, с. 122–124].

В этом историографическом опыте использования контент-анализа определяются основные принципы его применения [29, с. 322]:

- когда требуется высокая степень точности и объективности анализа;
- при наличии значительного по объему и несистематизированного материала, когда непосредственно его использование крайне тяжело;
- когда категории, которые важны для цели исследования, характеризуются определенной частотой появления в документах, которые изучаются;
- когда большое значение имеет язык источников информации и его специфические характеристики.

В 1960-х гг. методики контент-анализа получают распространение и популярность в разных гуманитарных науках. Основатель обоснованной теории Барни Глейзер указывает на контент-анализ как на «составной метод количественного анализа» [35, 36]. Позволяя изучать побочные аспекты содержания, контент-анализ постепенно становится важным инструментом познания действительности. «Цифровая» и «микрперсональная» революции приводят к настоящему взрыву в применении контент-анализа и его разновидностей. Однако это не столько технологическое переоснащение историка, сколько выведение его инструментария в новые эпистемологические и гносеологические перспективы. В частности, обработку и интерпретацию такой большой матрицы данных сложно представить без технической помощи [37, с. 59–88]. Однако клиометрические средства применяются как в момент постановки исследовательских задач, так и во время анализа вариативности историко-демографических процессов.

На основании этого утверждения сосредоточимся на качественно-количественных реконструкциях как методе анализа содержания массовых формулярных источников. Путем его использования становится возможным выявление и измерение разнообразных фактов и тенденций, которые отображаются опосредованно в этих исторических корпусах источников. Благодаря специфической обработке данных через контент-анализ определяются непря-

мые сведения о реальности (в нашем уровне – немотивированные и неотрефлексированные демографические факторы и последствия социальных процессов). Именно такой историографический опыт – интеграция отдельного фактора в типологические ряды, познание проявлений приватного через публичные контексты – дает нам возможность выбрать и обосновать количественные подходы в изучении историко-демографических трансформаций.

Специфика использования контент-анализа, в компаративной перспективе с другими методами исследования, содержится в собственно процедуре, которая предусматривает подсчет частоты и объема упоминания тех или других содержательных единиц текста, который изучается. В таком контексте он рассматривается как экстенсивный, обобщающий анализ, успеваемость которого напрямую зависит от постоянности, однородности, одномасштабности, повторяемости информации. Именно эти свойства присущи массовой исторической документации, где частота повтора содержательной единицы, категории анализа имеет прямую тенденцию отображать ее значимость. Безусловно, что отдельные показатели следует воспринимать как условные, не идеализируя их, подвергая достойной критике. В них взаимосвязь между частотой и значением определенным образом повреждена, а может и вообще не соблюдаться, с учетом того, что развернутость, протяженность, которую занимает содержательная единица, больше соответствует ее важности, чем ее частота.

Исходя из этого, существуют рекомендации по использованию контент-анализа для изучения большого по объему и несистематизированного материала, «непосредственное использование которого требует выбора из генеральной совокупности документов репрезентативной части, которая способна удовлетворить запросы исследователя» [38, с. 23; 39, с. 88–109; 40; 41, с. 153–159]. В этом контексте используется однозначное правило для надежной фиксации нужных характеристик (принцип формализации) – совокупность всех формальных социально-демографических качеств индивидуума в разрезе его взаимосвязи с подобными в разрезе семьи / территориальной общины. Частотная верификация позволяет обобщать эти индивидуальные качества к диахронным и синхронным перспективам, учитывая частотность проявлений (принцип статистической значимости).

Описание процедуры контент-анализа включает формирование выборки, определение единицы анализа, обработку и интерпретацию результатов. Характер отбора источников и необходимость выдерживать принцип репрезентативности в каждом из корпусов приводит к созданию значительной и достоверной по объему базы данных. В середине каждой выборки корпус актуализированных данных основывается на логической представительности всего массива.

Единицей анализа выступает личность в контексте ее социальных связей. Ради этого выбирают

ся домохозяйства (семьи), которые характеризуются через их имманентное структурное наполнение по формальным признакам. Единицей подсчета выступают личные качества каждого из членов данной семьи. Таким образом, для социальных реконструкций привлекаются семейные сведения, а для демографических – персональные данные. На основании этого создается матрица познания: исследовательские типологические схемы семейных институций, их структурных подразделений, вариативности личных демографических характеристик и т. п. это позволяет проводить адекватные исследования отдельных аспектов этнодемографического развития изучаемого сообщества и его этнокультурной вариативности.

Во время обработки материала используются хрестоматийные методы статистического анализа, которые приобретают продуктивное распространение в источниковедении и истории. Историческая информатика активно эксплуатирует корреляционный, дисперсный, регрессивный и кластерный варианты статистического обобщения и упорядочивания эмпирических данных [42]. Именно под них обрабатываются сведения источников в нашем случае. В частности, корреляционный анализ выступает вариантом статистического исследования стохастической зависимости между случайными величинами. Сравнивая две или больше групп переменных, можно проследить взаимосвязи между ними. Например, при сравнении коэффициентов смертности между собой прослеживается их обусловленность эндогенным и экзогенным факторами; сравнение их с индексами рождаемости позволяет вывести закономерности традиционного или современного типа воспроизводства населения. Оценки коэффициентов корреляции позволяют более основательно проводить реконструкции демографических процессов в целом. Вместе с этим они приводят к более корректным условным предположениям относительно фактического и гипотетического уровней знаний. В частности, такой процедуре подвергаются прирост и сокращение населения – процесс, в котором определяются два ряда: реальные данные и внутренние показатели этих процессов. Компаративная операция позволяет выделить природные и механические факторы воспроизведения населения.

Логическим продолжением этого является применение приемов регрессивного анализа данных. Заданная формальная величина – хронология – позволяет нам выявить зависимость конкретных социально-демографических показателей от постепенного (условно-линейного) развития. Случайность этой зависимости демонстрируется корреляционным путем, а вот функциональность, где она себя проявляет, раскрывается регрессией. Такой подход позволяет провести анализ зависимости от группы факторов, которые определяют длительные тенденции в воспроизводстве населения (яркий пример – структура смертности и реализация демографического потенциала; прямая зависимость между уровнем рождаемости и уровнем смертности; брачность как опосре-

дованная модель отражения половозрастных факторов и т. д.). Комбинационный потенциал регрессивного анализа применяется в установлении конкретных коэффициентов демографических процессов: смертности, рождаемости, брачности, факторов прироста/убыли населения. Все отклонения от простой регрессии воспринимаются как «подсказки» в поиске экзогенных факторов, а соответственно – исторической реальности, которая определяет этот стохастический процесс.

Продуктивным оказывается инструмент дисперсионного анализа. Благодаря ему становится возможным определение «демографических переходов» и качества отдельных их этапов. Каждый из тематических сюжетов демографии воспринимается как дискретная и непрерывная случайная совокупность переменных. Зависимость их между собой и, соответственно, подчинение формальному хронологическому принципу позволяет проводить статистические мероприятия группирования и обобщения, определяя существенность связей между отдельными компонентами. На основании этих демографических показателей выявляются потенциалы и типологические признаки. Полезным оказывается дисперсионный анализ во время рассмотрения синхронных территориальных вариативностей. Сравнение конкретных показателей в любой колонии со средними раскрывает общие и специфические черты демографического состояния и развития.

Следующим вариантом методов математической статистики, который приобретает эффективное использование, становится кластерный (когортный) анализ. Выявление моды (наиболее устойчивого показателя в совокупности) в ряде демографических измерений строится на принципах формальной дифференциации на кластеры, признаками которых выступают возрастные, половые и временные характеристики. Эта многомерная статистическая процедура, обобщающая эмпирическое разнообразие, помогает в структурировании половозрастных аспектов демографических процессов. Применяя ее, формулируем определенные условные когорты: арифметически-формальные (с шагом отбора в 5 лет), историко-социальные (дети и подростки, лица репродуктивного и пожилого возраста). Равным образом применяется кластерный анализ относительно условных поколений в течение всего периода. Хронологические срезы, обусловленные наличием источниковедческой базы, отражают и исследовательскую процедуру определения этапа-поколения в исторической динамике. Такой подход концентрирует научные операции над основными показателями в контексте 15–20 лет. Ракурс определяется возможностью проследить кластерные трансформации от их появления до их завершения.

Выводы

Таким образом, благодаря наработкам «социальной истории» и «клиометрики» становится возможным адекватно изучать непосредственную социальную среду прошлого: практики и институции,

с упором на микроуровни общественной жизнедеятельности. Такое категориальное наполнение новыми смыслами прежнего научно-терминологического аппарата позволяет раскрывать и характеризовать прошлый опыт как результат и одновременно как потенциал для развития событий. Процессуальность и мобильность личности в контексте его социальных характеристик (прежде всего семейных коллективов) позволяет отойти от жесткости и аксиологии в его поведении, выделяя сущностные «мотивы» ее повседневности.

Вместе с тем активное использование формулярных массовых источников путем цифровой обработки данных, получившее развитие в рамках «исторической информатики» (шире – количественных методов в исторической науке), создает принципиально новые приемы в обеспечении эмпирических оснований для социальных реконструкций. Контекстуальное включение отдельного случая/биографии в типичные базы данных приводит к возможностям в интерпретации судеб как элементарных уровней жизнедеятельности и выведение мотивов в разряд факторов исторического процесса.

Применение конкретных процедур гносеологии доказывает свою эффективность в рамках анализа трансформаций, осмысления их сущностных характеристик, а также выявления их факторов и динамики. Экстраполяция «теории демографических переходов» в регионально-социальную среду позволяет выявить общее и специфичное, т. е. проследить синхронную и диахронную вариативность этих процессов, в частности продемонстрировать тенденции модернизации/урбанизации в аграрном (традиционном) социуме.

Демографические процессы из отдельных аспектов человеческого прошлого эмансипируются и легализируются в субъектности исторического опыта. А он, в свою очередь, воспринимается как многомерная матрица потенциала, из которого причинно-следственные связи «выбирают» возможный/фактический путь реального прошлого. Смещение акцентов с публичного на приватный быт позволяет инновационному инструментарию количественного моделирования демонстрировать новые ракурсы в объяснении человеческого опыта.

A. A. Prigarin

Methods of quantitative modeling of migration movements: reconstruction of socio-demographic properties of ethno-confessional communities

Abstract. This article is devoted to the methods of quantitative modeling of migration movements as a way of reconstructing the socio-demographic properties of ethno-confessional communities. The author comes to the conclusion that thanks to the developments of “social history” and “cliometrics” it becomes possible to adequately study practices and institutions, with an emphasis on the micro levels of social activity. In addition, according to the author, the use of formulaic mass sources through digital data processing creates fundamentally new techniques in providing empirical grounds for

social reconstructions. Extrapolation of the “theory of demographic transitions” to the regional-social environment allows us to identify the general and the specific. In turn, the shift in emphasis from public to private life allows innovative tools of

quantitative modeling to demonstrate new perspectives in explaining human experience. **Keywords:** *quantitative modeling methods, migration movements, ethno-confessional societies, social history, cliometrics.*

Источники и литература

- Ganchev A., Prigarin A. “Demography as history”: historical and anthropological methodological contexts (I) // Revista de Etnologie și Culturologie. 2023. Vol. XXXIII. P. 17–25.
- Тремельян Дж. М. Социальная история Англии. М., 1959.
- Зелдин Т. Социальная история как история всеобъемлющая. Thesis. 1993. Вып. 1. 160 с.
- Зидер Р. Что такое социальная история? Разрывы и преемственность в освоении «социального». Thesis. 1993. Вып. 1. С. 164.
- Зидер Р. Социальная история семьи в Западной и Центральной Европе (конец XVIII – XX в.). М.: ВЛАДОС, 1997. 301 с.
- Трубникова Н. В. Уваров П. Ю. Пути эволюции социальной истории во Франции // Новая и новейшая история. 2004. № 6. С. 138–147.
- Анри Л., Блюм А. Методика анализа в исторической демографии / пер. с фр. С. Хока, Ю. Егоровой. М.: РГГУ, 1997. 208 с.
- Миллз Т. М. О социологии малых групп // Американская социология. Перспективы. Проблемы. Методы / ред. Г. В. Осипов. М., 1972. С. 82.
- Воугел Э. Ф. Семья и родство // Американская социология. Перспективы. Проблемы. Методы / ред. Г. В. Осипов. М., 1972. С. 163–174.
- Мердок Дж. П. Социальная структура / пер. с англ. А. В. Коротаяева. М.: ОГИ, 2003. 607 с.
- Кокка Ю. Социальная история между структурной и эмпирической историей. Thesis. 1993. Вып. 2. С. 176.
- Ласлетт П. Семья и домохозяйство: исторический подход. Брачность, рождаемость, семья за три века. М., 1979. С. 132–137.
- Ласлетт П. О классификации домашних сообществ: (разъяснения редакции к типологии домохозяйств Питера Ласлетта). Семья, дом и узы родства в истории / под общ. ред. Т. Зоколлы, О. Кошелевой, Ю. Шлюмбама; отв. ред. О. Е. Кошелева; пер. с англ. и нем. К. А. Левинсона, пер. с фр. Л. А. Пименовой. СПб., 2004. С. 270–271.
- Ганцкая О. А. Семья: структура, функции, типы // Советская этнография. 1984. № 6. С. 16–28.
- Ганцкая О. А. Семья: общие понятия, принципы типологизации // Этносоциальные аспекты изучения семьи у народов зарубежной Европы. М., 1987. С. 5–15.
- Кон И. С. Социология личности. М.: Политиздат, 1967. 383 с.
- Кон И. С., Афанасьева А. Н. Исторический процесс и смена поколений. Преемственность поколений как социологическая проблема. М., 1973. С. 20–24.
- Александров В. А. Сельская община в России: (XVII – начала XIX в.). М.: Наука, 1976. 324 с.
- Бромлей Ю. В., Кашуба М. С. Брак и семья у народов Югославии: опыт историко-этнографического исследования. М.: Наука, 1982. 239 с.
- Бромлей Ю. В., Кашуба М. С. О некоторых проблемах семьи у сербов. Этносоциальные аспекты изучения семьи у народов зарубежной Европы. М., 1987. С. 35–82.
- Пономарев А. П. Развитие семьи и брачно-семейных отношений на Украине. Киев: Наукова думка, 1989. 313 с.
- Перковський А. Л. Еволюція сім'ї і господарства на Україні в XVII – першій половині XIX ст. // Демографічні дослідження. Київ, 1979. Вип. 4. С. 37–46.
- Слюсар Л. І. Еволюція шлюбу в Україні: XVII – початок XX сторіччя. Демографія та соціальна економіка. 2011. № 2. С. 62–72.
- Хаджнал Дж. Европейский тип брачности в ретроспективе. Брачность, рождаемость, семья за три века / под ред. А. Г. Вишневского, И. С. Кона. М., 1979. С. 14–70.
- Тодорова М. Балканското семейство. Историческа демография на българското общество през османския период. София: Амицития, 2002. 216 с.
- Todorova M. N. Balkan family structure and the European pattern: demographic development in Ottoman Bulgaria. Budapest: CEU, 2006. 249 с.
- Проблемы контент-анализа в социологии. М., 1970.
- Новикова Т. В. Применение контент-анализа должностных инструкций в социально-психологическом исследовании // Социологические исследования. 1978. № 4. С. 144–151.
- Рабочая книга социолога / редкол.: Г. В. Осипов (отв. ред.) и др. М., 2003.
- Маслова В. А. Принципи і прийоми дослідження концепту. Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Сер.: Філологія. Соціальні комунікації. 2013. Т. 26 (65), № 1. С. 249–253.
- Фарсобин В. В. Источниковедение и его метод: опыт анализа понятий и терминологии. М., 1983.
- Lasswell G. D., Smith B. L., Casey R. D. Propaganda, Communication and Public Order. Princeton, 1946. 435 p.
- Lasswell G. D. The analysis of political behavior. London, 1947. 314 p.
- Таршис Е. Я. Контент-анализ // Социологический словарь / отв. ред. Г. В. Осипов и др. М., 2015. С. 122–124.
- Glaser B. G., Strauss A. L. Awareness of dying. Chicago: Aldine, 1968.
- Glaser B. G. Doing grounded theory: Issues and discussions. Mill Valley: Sociology Press, 1998.
- Zhongwei Zhao. Computer microsimulation and historical study of social structure: A comparative review of SOCSIM and CAMSIM // Revista de Demografia Historica. XXIV. Vol. 2. P. 59–88.
- Миронов Б. Н. История в цифрах: (Математика в исторических исследованиях). Л.: Наука, 1991.
- Методы анализа текста и дискурса / С. Тичер, М. Мейер, Р. Водак, Е. Веттер. Харьков, 2009. С. 88–109.

40. Богомолова Н. Н. Контент-анализ. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1992. 60 с.
41. Приборович А. А. Контент-анализ — форма исторического исследования. Роль личности в истории: реальность и проблемы изучения: науч. сб. по материалам 1-й Междунар. науч.-практ. интернет-конф. / редкол.: В. Н. Сидорцов (отв. ред.) и др. Минск, 2011. С. 153–159.
42. Историческая информатика: учеб. пособие / под ред. Л. И. Бородкина, И. М. Гарсковой. М.: Мосгорархив, 1996. 400 с.

DOI 10.37386/2687-0592-2024-12-26-33

УДК 397.4

И. И. Назаров¹, Т. А. Айтбаев²

¹Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Российская Федерация

²Ошский государственный университет, г. Ош, Кыргызская Республика

О работе международной этнографической экспедиции «Большой Алтай: от Алтая до Алайкуу» в 2024 году¹

Аннотация. В статье приводятся некоторые результаты международной этнографической экспедиции «Большой Алтай: от Алтая до Алайкуу». Группа этнографов из России и Кыргызстана, продолжая многолетний проект, провела исследования в восточной части Кара-Кульджинского района Ошской области. В этой высокогорной местности в долине реки Алайкуу проживает сельское кыргызское население. Основу его хозяйства составляет скотоводство с содержанием крупных стад овец, лошадей и яков. В ходе экспедиции зафиксированы сведения о сохраняющихся традициях в хозяйственной деятельности, материальном производстве и обрядовой сфере. Собранные материалы дополняют представления об особенностях хозяйства кыргызов высокогорной восточной части Ферганской долины. Особый интерес представляют сохраняющаяся значимость охота на копытных, а также охота на волков и соколиная охота. Материалы по охоте демонстрируют наибольшую устойчивость здесь древних хозяйственных практик и верований, получивших в Алайкуу свою специфику, связанную с суровой природной средой. **Ключевые слова:** этнография, кыргызы, Кыргызстан, традиционная культура, скотоводство, юрта, войлок, охота, образ волка.

Летом 2024 г. международная исследовательская группа этнографов из России и Кыргызстана, объединенная в рамках проекта «Тюрко-монгольский мир «Большого Алтая»: единство и многообразие в истории и современности», реализуемого научно-образовательным центром алтаистики и тюркологии «Большой Алтай» Алтайского государственного университета, продолжила свои полевые работы в Ошской области Кыргызской Республики. Экспедиционные работы в Кыргызстане были поддержаны исследовательским проектом Ошского государственного университета «Этнографические исследования в южных регионах Кыргызстана (на материалах экспедиций в Ошской, Джалал-Абадской и Баткенской областях)».

Экспедиция 2024 г. продолжила цикл предпринятых в предыдущие годы работ по сравнительному изучению сохраняющихся традиций алтайцев и кыргызов, результаты которых отражены в серии научных публикаций [1–10]. По сложившейся в рамках международной исследовательской группы традиции, все предпринимаемые совместные экспедиции объединяет общее название «Большой Алтай»

с конкретизацией в каждом полевом сезоне в виде подзаголовка, указывающего район проведения работ. В июле 2024 г. по инициативе этнографов Ошского государственного университета районом работ была выбрана высокогорная долина Алайкуу, расположенная в Алайской горной системе на границе Кыргызстана и Китая в пределах Кара-Кульджинского района Ошской области Кыргызской Республики. В этой связи экспедиция 2024 г. получила название «Большой Алтай: от Алтая до Алайкуу».

Целью настоящей работы является введение в научный оборот зафиксированных в ходе экспедиции сведений по отдельным темам кыргызской этнографии.

Главной задачей этнографических экспедиций проекта «Большой Алтай» на территории Кыргызстана является фиксация сохраняющихся традиций кыргызов в хозяйственно-бытовой сфере и ремеслах, а также в области культуры жизнеобеспечения, аспектов социо-нормативной культуры и народных знаний. При этом исследователями принимаются во внимание и выработанные современным кыргызским населением практики по сохранению и развитию своей традиционной культуры.

В состав экспедиционного отряда вошли этнографы, этносоциологи и лингвисты из Российской Федерации (Алтайский государственный университет, Горно-Алтайский государственный университет, Национальный музей Республики Алтай им. А. В. Анохина) и Кыргызской Республики (Ошский

¹ Работа выполнена при поддержке проекта «Тюрко-монгольский мир «Большого Алтая»: единство и многообразие в истории и современности» и исследовательского проекта Ошского государственного университета «Этнографические исследования в южных регионах Кыргызстана (на материалах экспедиций в Ошской, Джалал-Абадской и Баткенской областях)».

Рис. 1. Экспедиционный отряд у арки айыла Кайын-Талаа: Ж. А. Токтобаева, А. Б. Мамытова, Н. И. Султаналиева, В. Э. Айнарбекова, А. З. Жапаров, Т. А. Айтбаев, Т. И. Асанов, Р. Ж. Жолдошев, С. Б. Сарбашева, К. О. Ормоналиев, И. И. Назаров, А. М. Жуманалиева, Ч. Д. Бексултанова. Фото из архива экспедиции.

государственный университет, Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына, Баткенский государственный университет, Центрально-Азиатский международный медицинский университет (г. Джалал-Абад), Институт истории, археологии и этнологии им. Б. Джамгерчинова Национальной академии наук Кыргызской Республики).

Выбранный в 2024 г. для этнографических исследований район Алайкуу обладает целым рядом особенностей. Долина Алайкуу относится к числу высокогорных местностей восточной части Ферганской долины, которая отделяется высоким Кара-Кульджинским хребтом от западных районов Ошской области, в том числе обособлена от районного центра с. Кара-Кульджа. Ведущая в населенные пункты долины Алайкуу – единственная дорога, пролегающая по краю горных обрывов, нередко преграждаемая камнепадами и снежными сходами, и сегодня сложна для передвижения.

На протяжении длительного времени в XX в. Кара-Кульджинский (в прошлом Советский) рай-

он, в том числе и его восточная часть, собственно долина Алайкуу, являлись приграничной территорией с особым пропускным режимом. Высокогорный и труднодоступный характер Алайкуу наряду с пограничным статусом этой сельской местности способствовал тому, что здесь сформировалось моноэтническое кыргызское население, которое в силу изолированности и отдаленности этих мест в большей степени сохранило традиционные черты своей культуры.

По способу охвата исследуемой местности экспедиция носила маршрутно-кустовой характер: все ее члены базировались в айыле Куйоо-Таш, выезжая из него в остальные населенные пункты долины, в том числе и самые отдаленные. Помимо базового поселка Куйоо-Таш, этнографы совершили выезды и провели работу в следующих айылах: Кок-Арт, Кан-Коргон, Сай-Талаа, Кайын-Талаа, Коо-Чаты, Ой-Тал и Кондук (рис. 1).

Основу экономики современных кыргызов Алайкуу составляет отгонно-пастбищное скотовод-

ство, при котором домашние животные: овцы, лошади и яки — на лето поднимаются на высокогорные пастбища, а на зиму спускаются в долину и содержатся в айылах или около них на зимних стоянках. Учитывая высокий снежный покров, который в Алайкуу в зимние месяцы может достигать от полутора до двух и более метров, местные скотоводы для зимовок выбирают такие места, где выпадает меньше снега, чтобы была возможность выпасать скот. Но основным кормом для животных зимой является специально заготавливаемое сено. При этом из-за большого снега и преобладающих ветров в зимнее время местные кыргызы укладывают заготавливаемое сено в высокие стога, а само сено при раздаче скоту нарезают сверху стога вниз, не нарушая структуру уложенной травы, специально изготовляемыми резакми наподобие лопат. В зимнее время по глубокому снегу местные жители передвигаются с помощью снегоступов (*жапкак*). Они имеют овальную или каплевидную форму обода и ступательную площадку из кожаных ремней или капроновых веревок.

Зажатые высокими горами долины в Алайкуу имеют ограниченные площади для выпаса, сенокосения и посадки культурных растений. На небольших огородах, располагающихся прямо на усадьбах, местные жители размещают посадки картофеля, пшеницы, ячменя. В отдельных усадьбах встречаются небольшие грядки с овощами и зеленью. По большинству айылов проложены арыки, по которым вода с гор спускается к рекам. Эта вода используется для полива и хозяйственных целей. Во многих усадьбах их хозяевами пробиты скважины, из которых с помощью электрических насосов качают питьевую воду. Однако значение арыков и ближайших рек в водоснабжении велико, так как электроснабжения в Алайкуу довольно часто отключается. В населенных пунктах Алайкуу на современном этапе отсутствует острая необходимость в распределении арычной воды, как это практикуется, например, в Чон-Алае, поэтому здесь нет должностных лиц, отвечающих за регулировку воды, — мурабов.

Во время работы экспедиции в долине Алайкуу в июле большая часть трудоспособного населения пребывала вне айылов на летних пастбищах, где в это время находился скот, либо была занята сенокосением на прилегающих к айылам сенокосах. Расстояния от айылов до летних пастбищ, расположенных достаточно высоко и далеко от населенных пунктов, люди преодолевают либо на вездеходных автомобилях УАЗ, либо верхом на лошадях или ослах. Во многих домохозяйствах имеются сразу несколько УАЗов, которые являются основным автомобильным средством передвижения по сложным дорогам в Алайкуу.

На время всего летнего сезона выпаса люди сооружают на стоянке лагерь, где размещают жильё (войлочные юрты или палатки) и хозяйственные строения для хранения продуктов и инвентаря, загоны для скота. За скотом на пастбище ухаживают как мужчины, так и женщины, нередко им помогают

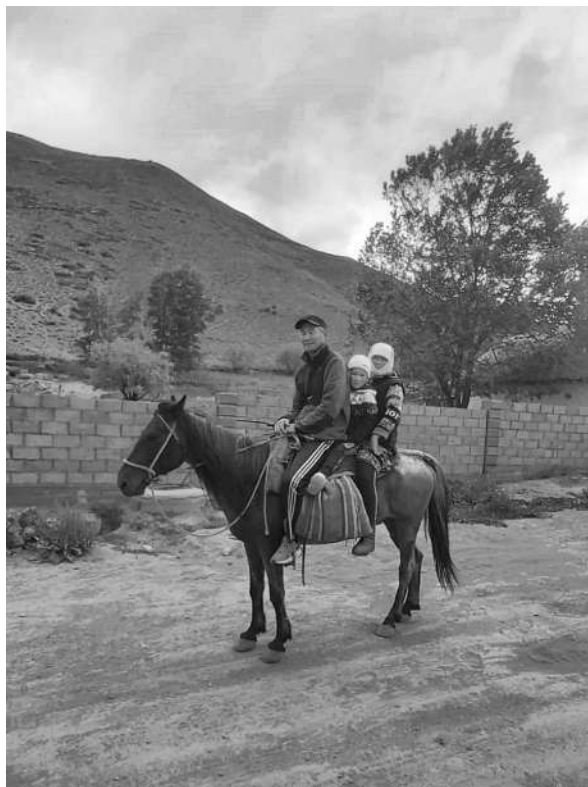

Рис. 2. Кыргызская семья верхом на коне по пути с летнего стойбища в айыл Коо-Чаты. Фото И. И. Назарова.

и дети. Скотоводы постоянно поддерживают связь со своим айылом, часто спускаются домой в айылы (рис. 2) для пополнения припасов или для доставки с летников молочных продуктов (*курут, сары май, кымыз*). По сообщению наших собеседников, местная молочная продукция отличается своими вкусовыми качествами и высоко ценится в Ошской области. Зачастую любители кымыза из разных частей Кыргызстана специально заказывают этот напиток с высокогорных пастбищ Алайкуу. При этом, как отмечают сами местные кыргызы, продавать свою молочную продукцию они начали только с 2016 г. До этого момента в силу сложившейся в кыргызском скотоводческом обществе традиции молоко и молочную продукцию, считавшиеся священными, продавать было нельзя (грешно), и эти продукты раздавали нуждающимся.

Основным строительным материалом в данной местности является красная глина, которая дополняется речным галечником. При возведении стен глина вместе с камнями и травой укладывается слоями в опалубку и оставляется для затвердевания, после чего укладывается новый слой, и так до нужной высоты. В этой технике выстроена большая часть современных домов, планировка которых в целом сходна, а также хозяйственные постройки и заборы. В разных частях долины Алтайкуу технологии строительства домов, летних кухонь, общественных строений и хозяйственных объектов (сараяв, кошар, складов и т. д.) может варьироваться в зависимости от наличия доступного сырья.

В холодное время года главным топливом в этой местности выступает овечий навоз – кизяки (*тезек, гум*), который заготавливают летом на стоянках и айылах. Для просушки кизяк раскладывается прямо во дворах или на плоских крышах сараев (рис. 3). Суровые зимы и отсутствие достаточного количества других видов топлива выработали особую тактику обогрева помещений, при которой часть комнат дома не отапливаются. При этом для зимовки выбираются только две комнаты, отделенные от других помещений дома. Печь при этом работает сразу на две смежные комнаты, в которых и зимуют люди.

В долине Алайкуу, в которой, как отмечено выше, практикуется, как и в древности, содержание стад на летних пастбищах, сохраняются и традиции изготовления войлочной юрты (*боз уй*). Местные юрты в целом сходны с аналогичными жилищами других районов юга Кыргызстана. Войлочная юрта, размеры которой могут варьироваться, используется как летнее жилище на скотоводческих стоянках. Ее ставят во дворе дома во время ключевых обрядов жизненного цикла – свадеб и похорон (рис. 4). Встречены случаи, когда юрта, точнее ее имитация из современных материалов, сооружается и используется во дворе как летняя кухня и помещение для встречи гостей. Работа по изготовлению юрты завязана на мастере (*жыгач усте*), изготавливающим деревянный остов жилища. Ему помогают другие мастера, изготавливающие войлочные элементы жилища и его украшения. Современные мастера не ограничиваются простым изготовлением юрты из натуральных материалов, а окрашивают свои изделия, богато декорируют жилище, в том числе включают в интерьер войлочные ковры, изготовленные в технике *шырдак*. В каждом населенном пункте, где работала экспедиция, ее участникам удалось встретиться и пообщаться с несколькими мастерицами, специализирующимися на изготовлении войлочных ковров (*кийиз шырдак*, местный термин – *жерге салмай*). Местные мастерицы изготавливают войлочные ковры не только для юрт, но и для формирования обязательной части приданого невесты. Мастерство ремесленниц оценивается местными жителями по размерам, качеству и технологии изготовления ковров, а также по способности проектировать в голове и воплощать на войлоке сложные орнаментальные мотивы, которые и составляют основу комбинируемых разноцветных поверхностей ковров-шырдаков (рис. 5).

В ходе экспедиционной работы автор этих строк делал акценты на сборе сведений о роли охоты в современной жизни кыргызов Алайкуу и сохраняющихся вместе с охотой традициях и поверьях. Охота сохраняет свое подсобное значение у местных кыргызов, позволяя добывать диких копытных (горных козлов и баранов), мясо которых дополняет зимний рацион. Шкуры добываемых диких животных идут на производство одежды, а рога копытных используются как поделочный материал или украшения. Важно отметить, что приграничный статус Алайкуу

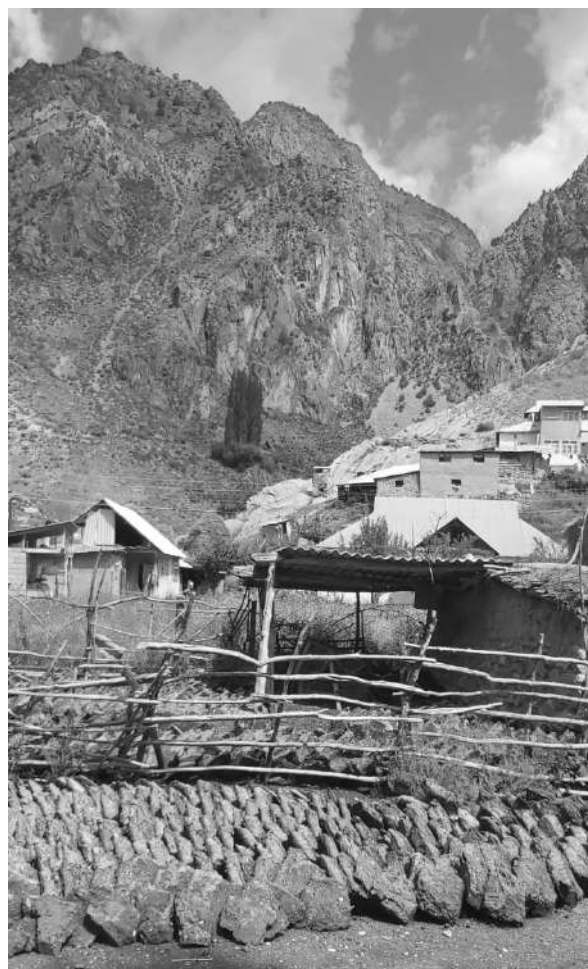

Рис. 3. Дома и хозяйственные постройки в айле Кондук.
Фото И. И. Назарова.

Рис. 4. Дом и юрта в айыле Кайын-Талаа.
Фото И. И. Назарова.

Рис. 5. Войлочный ковер – кийиз шырдак в айыле Ой-Тал. Фото И. И. Назарова.

вносит существенные ограничения в занятия охотой, в том числе и с применением огнестрельного оружия.

Охотничий сезон обычно длится с сентября по декабрь, до того момента, пока не выпадет глубокий снег. На промысл охотники выдвигаются на лошадях, охотятся небольшими группами по 2–3 человека или в одиночку. По глубокому снегу на горных склонах передвигаются пешком, используя при этом деревянные шесты (*таяк*) длиной до полутора метров. При охоте на копытных прибегают к тактике засад, когда загонщик спугивает животное в сторону притаившегося в засаде стрелка (*мергенчи*).

Охота также помогает регулировать численность хищников, которые каждую зиму наносят значительный урон скотоводческому хозяйству. Охота на волков и шакалов осуществляется зимой, когда большие стада скота сконцентрированы на ограниченных участках зимовок и волки проявляют наибольшую активность в нападении на эти стада. На волков ставят капканы, а также отстреливают их из ружей. Высокий снежный покров в сочетании с особым характером рельефа с глубокими долинами и отвесными скалами ограничивает передвижение охотников и делает охоту на волков малоэффективной. При этом для внезапных атак волков эти условия являются, наоборот, наиболее выгодными.

По сообщениям наших собеседников, охотников из айыла Кондук, в течение сезона им удастся убить только 10 волков, тогда как хищники за это же время успевают нанести значительный урон – зарезать до 50 голов лошадей и до 200 голов овец. Другой наш собеседник, охотник из айыла Коо-чаты, в числе причин, мешающих эффективной охоте на волков, назвал отсутствие у местных охотников достаточного опыта в охоте на этого хитрого зверя, а также низкую финансовую мотивацию со стороны государства. За убитого волка государство выплачивает 4000 сом, но тушу нужно всякий раз везти в районный центр – село Кара-Кульджа – и помимо дорожных расходов оплачивать еще и вскрытие хищника, без чего компенсация невозможна. При этом наш собеседник отметил, что волки наносят значительный урон и их численность год от года растет вслед за ростом поголовья стад домашних животных. По его оценке, только в его айыле за зиму волки нанесут ущерб в объеме 3 000 000 сом, а самому ему удастся за сезон убить только 8 волков.

У местных охотников охотничьи собаки (*тайган*) являются редкостью. Наш собеседник из айыла Кок-Арт объяснил, что содержание тайгана достаточно дорого, поэтому он обходится одной собакой. Другие наши собеседники отмечают, что использование тайганов на охоте по глубокому снегу бессмысленно,

Рис. 6. Намогильное сооружение с черепами архара в айыле Куйоо-Таш. Фото И. И. Назарова.

Фото 7. Общение с аксакалом в айыле Куйоо-Таш, фото из архива экспедиции.

в том числе и при охоте на волка, который в схватке всегда побеждает собаку. В айыле Кок-Арт для предотвращения внезапного нападения волков по периметру селения сооружаются сплошные изгороди, укрепленные колючей проволокой. В случае нападения волков все местные охотники – 10–15 человек – выходят на зверя. В случае успешной охоты выплата за волка делится между всем охотниками поровну.

У многих наших собеседников – охотников из разных айылов долины Алайкуу – совпадает мнение относительно ущерба, наносимого волками. Осознавая необходимость борьбы с волками, люди тем не менее понимают, что все равно успех не на их стороне. Охотники пессимистично заключают, что «волк все равно возьмет свое».

По традиции охотники берут себе от убитого ими волка клыки, когти, альчики и селезенку. Клыки, когти и альчики используются как обереги, их подвешивают на детской колыбели от сглаза. Селезенку волка используют для лечебных целей. Ее дают пососать младенцу, чтобы он быстрее начал разговаривать. С помощью селезенки волка лечат различные заболевания.

В некоторых случаях охотники берут переднюю лапу волка с когтями (*каржиллик*). Она может храниться в доме или в сарае как оберег от волков. В одном из домов в айыле Кайын-Талаа автор этих строк встретил такие волчьи лапы, которые использовались и как оберег, и как магическое средство от кожных болезней. В случае покраснения кожи, например на руках, человек гладит пораженный участок волчьей лапой, произнося фразу «Аллах шыпаа берсин!» (букв. «Пусть Аллах вылечит!»). В этом же доме, где проживает семья охотника, в сарае хранится череп волка, оберегающий хозяйство от нападения волков.

Охотники Алайкуу соблюдают целый ряд обрядовых действий, в которые, однако же, вторгаются и новации. Так, например, здесь, как и в других районах Кыргызстана, считается, что нельзя выезжать на промысел в пятницу. Перед отправлением на охоту охотники читают благословение (*бата*). Если отправляются группой, то бата читает самый старший или опытный охотник. Сейчас охотники активно используют для общения мобильные телефоны и такое благословение-бата им может дать дистанци-

онно через звонок или в виде аудио- или видеосообщения другой человек, находящийся не в поселке.

В случае удачной охоты на промысле охотники готовят особые блюда из внутренностей добытых горных коз (*киик*). Первое блюдо готовится в промывом желудке животного, который наполовину наполняют водой, жиром и мелко нарезанным мясом с горловой части шеи животного. Подготовленный таким образом желудок подвешивается на трех палках и тушится над горячими углями. Второе блюдо из нарезанных тонкими слоями печени, почек и жира горных коз жарится на раскаленных камнях.

При возвращении с промысла охотники проводят обряд *шыралга* – делятся своей добычей со встречным человеком. При этом если охотник с добычей встречает аксакала, то дает ему кусок мяса из самой лучшей части туши с подвздошной костью (*жанбаш*), если же встречает молодого человека, то может выделить ему менее престижный кусок мяса.

После возвращения с удачного промысла охотники обязательно устраивают угощение для соседей и родственников. Для этого готовят блюдо *кара-куурма*, которое представляет собой жареное мясо с луком.

Находясь на промысле, некоторые охотники при ночлеге произносят особые заклинания, чтобы ночью их не трогали звери или джинны. Наш собеседник в айыле Кайын-Талаа рассказал о своем дедо-охотнике, который во время промысла вечером читал оберегающее заклинание, «закрывающее» животным на ночь пасть, а утром – другое заклинание, «открывающее» пасть.

Несмотря на то, что охота играет в хозяйстве кыргызов долины Алайкуу вспомогательную роль, фигура охотника в местном социуме наделяется особым статусом. Это подчеркивается в рассказах местных жителей: в голодные годы именно охотники своей добычей, которую делили с жителями во время обряда *шыралга* и церемоний угощения для соседей, помогали всему айылу выживать.

Во всех населенных пунктах долины, где работала экспедиция, на сельских кладбищах нами встречены могилы охотников, выделяющиеся среди остальных погребений водруженными на памятнике черепами архаров с рогами (фото 6). Как пояснили наши собеседники, в том числе и сыновья покой-

ных охотников, это такая местная традиция — устанавливать на памятнике охотнику череп архара. Как правило, устанавливается череп животного, которое еще при жизни добыл сам охотник.

Наряду с сохранением традиционной охоты на копытных и волков в долине Алайкуу сохраняется и соколиная охота, выполнявшая добывающую и развлекательную функции. Специалисты по обучению хищных птиц (*кушчу*) приручают главным образом ястребов (куш), с помощью которых охотятся на птиц, зайцев и лис. Наш собеседник в айыле Куйоо-Таш (рис. 7) уточнил, что в прошлом при успешной охоте с ястребом охотник делился добычей со всеми своими спутниками, которые помогали ему на охоте. Кроме того, по своему желанию охотник мог поделиться добычей (*шыралга*) со встречным человеком. В ходе нашего общения со знатоком удалось уточнить детали приручения ястребов и технологию охоты с хищной птицей, а также моменты расставания охотника со своим стареющим питомцем, теряющим зрение и хватку. Наш собеседник рассказал нам о случае с его отцом — опытным кушчу, у которого неожиданно умер его воспитанник-ястреб. Охотник был подавлен этой потерей и долго плакал по своей птице, как будто потерял родного человека. В конце концов мужчина завернул птицу в белый саван и похоронил на местном кладбище, как человека, и после этого больше не приручал птиц. Этот рассказ подталкивает к мысли о том, что для местных кушчу их ястреб значил гораздо больше, чем просто обученная на добычу птица. Вероятно, между охотником и его ястребом устанавливались более тесные связи, когда хищник воспринимался не только как добытчик, но и как друг. Поэтому неизбежное расставание с птицей воспринималось человеком так драматично. Статус таких охотников в местном сообществе был так же высок, как и охотников-снайперов (*мергенчи*). На клад-

бище в айыле Куйоо-Таш нами встречено надгробие, на котором нанесен портрет умершего аксакала, бывшего кушчу, с обученным ястребом на руке.

Приведенные в этой работе материалы — лишь малая часть собранных в рамках экспедиции сведений. Все они демонстрируют высокую сохранность многих элементов традиционной культуры местного кыргызского населения, оказавшегося в высокогорной, труднодоступной и отчасти изолированной местности. Эти сведения демонстрируют устойчивость многих явлений кыргызской культуры, которые более или менее успешно адаптированы к суровым природным условиям Алайкуу.

I. I. Nazarov, T. A. Aitbaev

About the work of the international ethnographic expedition «Greater Altai: from Altai to Alaikuu» in 2024

Abstract. The article presents some results of the international ethnographic expedition «Greater Altai: from Altai to Alaikuu». A group of ethnographers from Russia and Kyrgyzstan, continuing a long-term project, conducted research in the eastern part of the Kara-Kulja district of the Osh region. In this highland area in the valley of the Alaikuu River lives the rural Kyrgyz population. The basis of its economy is cattle breeding with the maintenance of large herds of sheep, horses and yaks. During the expedition, information was recorded on the continuing traditions in economic activity, material production and the ritual sphere. The collected materials supplement the ideas about the features of the economy of the Kyrgyz people of the highlands of the eastern part of the Fergana Valley. Of particular interest are the hunting of ungulates, which retains its importance, as well as wolf hunting and falconry. The materials on hunting demonstrate the greatest stability of ancient economic traditions here, which received their specificity in Alaikuu, associated with the harsh natural environment. **Keywords:** *ethnography, Kyrgyz, Kyrgyzstan, traditional culture, cattle breeding, yurt, felt, hunting, image of a wolf.*

Источники и литература

1. Айтбаев Т. А., Назаров И. И. О результатах международных этнографических экспедиций «Большой Алтай» на юге Кыргызстана в 2022–2023 гг. // Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае (археология, этнография, устная история и музееведение). 2023 г.: Вып. 18: сб. науч. тр. / под ред. М. А. Демина, Т. К. Щегловой, Н. С. Грибановой, Н. Н. Головченко. Барнаул: АлтГУ, 2023. С. 202–208.
2. Асанканов А. А., Назаров И. И. Алтайско-кыргызские этнокультурные параллели по материалам международных этнографических экспедиций // Этнография Алтая и сопредельных территорий: материалы 11-й Междунар. науч. конф. (Барнаул, 26–28 окт. 2023 г.) «Этнография Алтая и сопредельных территорий в дискурсе новационных и традиционных подходов: антропологическое измерение региональной истории культуры народов» Вып. 11 / под ред. Т. К. Щегловой. Барнаул: АлтГПУ, 2023. С. 320–323.
3. Асанканов А. А., Назаров И. И., Октябрьская И. В. Об итогах первой международной этнографической экспедиции «Большой Алтай: Россия-Кыргызстан, 2021» // Тюрко-монгольских мир Большого Алтая: историко-культурное наследие и современность: материалы II международного алтаистического форума. Барнаул, 2021. С. 58–62.
4. Назаров И. И. Алтайско-кыргызские этнографические параллели в контексте экспедиционного изучения // Алтайские корни тюркской цивилизации. Материалы междунар. науч. конф. Барнаул, 10 ноября 2022. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2023. С. 171–179.
5. Назаров И. И. Алтайско-кыргызские этногенетические связи и этнокультурные контакты как объект изучения международной этнографической экспедиции «Большой Алтай» // Социальная интеграция и развитие этнокультур в Евразийском пространстве: сб. ст. Барнаул, 2022. Т. 1. № 11. С. 188–192.
6. Назаров И. И. О работе международной этнографической экспедиции «Большой Алтай» в Кыргызстане и на Алтае в 2022 году // Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае (археология, этнография, устная история и музееведение) 2022: Вып. 17: сб. науч. тр. / под ред. Т. К. Щегловой и др. Барнаул: АлтГПУ, 2022. С. 222–230.

7. Назаров И. И. О сравнительном изучении этнической культуры алтайцев и кыргызов в рамках экспедиционного проекта «Большой Алтай» // Единство славянских и тюркских народов в истории и современности: материалы III Междунар. алтаистического форума. 18–20 октября 2023 г. / под ред. С. В. Землюкова. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2024. С. 217–219.
8. Назаров И. И., Абдиева А. М. Кочевая культура кыргызов в фокусе международной этнографической экспедиции «Большой Алтай» // Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана. 2022. № 2. С. 159–164.
9. Назаров И. И., Бикбулатова А. Р. О работе первой международной этнографической экспедиции «Большой Алтай» в Кыргызской Республике // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае: археология, этнография, устная история и музееведение, 2020–2021 гг.: сб. науч. тр. Барнаул, 2021. С. 238–243.
10. Nazarov I. I. Büyük Altay ve Orta Asya bölgelerindeki türk nüfusunun etnografik incelenmesine ilişkin uluslararası proje üzerine // Türk tarihi ve kültürü üzerine incelemeler / Hazırlayan Gülnisa Aynakul. Ankara, 2023. S. 27–38.

DOI 10.37386/2687-0592-2024-12-33-35

УДК 94«1964/1985»(574.3)

М. Ы. Ыбырайхан

Некоммерческое акционерное общество Карагандинский университет имени академика Е. А. Букетова, г. Караганда, Республика Казахстан

Проблемы историографии исследования сельской повседневности Центрального Казахстана в 1964–1985 гг.

Аннотация. В статье рассматривается историография проблем истории повседневной жизни. В исторической науке Казахстана исследования по истории повседневной жизни являются одним из новых направлений. Несмотря на это, историография данного направления очень богата. В нее можно включить зарубежную, российскую, советскую и современную казахстанскую. Современные исследователи и ученые с каждым годом обогащают историографию данного направления своими исследованиями. **Ключевые слова:** *Центральный Казахстан, село, повседневная жизнь, зарубежная историография, советская историография, российская историография, отечественная историография.*

История повседневной жизни – интересное, новое и сложное направление, которое в Казахстане стало развиваться сравнительно недавно. Если в Европе это направление насчитывает 70–90-летнюю историю, то в Казахстане первая квалификационная научно-исследовательская работа была защищена 2009 г. К. К. Абдрахмановой. Несмотря на это, историография исследовательского направления очень обширна, потому что литература, нужная для исследования данного направления, содержится в европейской, американской и российской историографии. В Казахстане исследования, которые проводились в разных направлениях в советские времена, также подходят для освещения проблемных аспектов повседневной жизни.

Историографию проблем истории повседневной жизни можно подразделить на несколько групп: 1) зарубежное, в том числе современное российское; 1) советское, в том числе труды времен Казахской ССР; 3) труды периода современного Казахстана. В зарубежной историографии Ф. Бродель, Э. Ле Руа Ладюри, Ф. Арьес и Ж. Дюби, К. Гинзбург, Н. З. Дэвис и другие авторы в своих исследованиях по различным аспектам повседневной жизни рассматривали проблемы сельской жизни [1–5].

Мы рассматриваем российскую историографию с 1991 г. в одной группе с зарубежной историографией. В этой группе достаточное количество качественных монографий и диссертационных работ. Монографии С. Д. Багдасарян, В. Б. Безгин, В. А. Бер-

динских являются объемными и содержательными, диссертации Л. А. Берсановой, Ю. Н. Ефремовой, Э. В. Миграновой, К. А. Гулина и А. А. Гринько рассматривают сельские регионы и национальные особенности по данной теме [6–13].

Монография В. В. Наухацкого, диссертация А. Н. Кабанова обширны по научному содержанию, авторы рассматривают особенности повседневной жизни сельских местностей по тематике здравоохранения и по другим [14, 15].

В российской историографии среди множество обширных и качественных научно-исследовательских работ монография и диссертация В. В. Назарова в полной мере охватывает проблемы строительства и обеспечения жильем в сельской местности [16, 17]. Проблемы труда в сельском хозяйстве и в повседневной жизни сельских местностей охвачены в исследованиях О. Р. Хасянова [18].

В советской историографии повседневная жизнь, в том числе сельских регионов, в основном освещена в этнографических исследованиях. Основными исследованиями по теме этнографии народов СССР являются труд С. А. Токарева и тематические сборники статей [19, 20]. В Казахстане советского периода проблемы питания в повседневной жизни более подробно рассматриваются в трудах Х. Аргынбаева и в диссертации Т. Муканова [21, 22].

В советской историографии сельская повседневная жизнь, в том числе проблемы здравоохранения, в основном рассмотрены в исследованиях

социально-экономического направления. Среди таких работ, которые в основном показывали положительные сдвиги в жизни села, стоит обратить внимание на исследование А. А. Рогачева и диссертацию Г. Е. Танковой [23, 24]. Проблемы здравоохранения советского Казахстана рассмотрены в исследованиях Э. Фалиева, У. Алдабергенова и М. Тәтімова [25–27]. М. Тәтімов являлся крупным специалистом по демографии Казахстана, в том числе в сельских местностях. В своих исследованиях он всесторонне рассматривал проблемы рождаемости, смертности и в связи с этим здравоохранения.

В монографии А. Н. Чуркина дана положительная оценка строительному делу и изменениям в облике сельских местностей в ходе интенсификации сельского хозяйства [28]. В Казахстане советского периода в трудах О. С. Махашева дана полноценная оценка достижениям и упущениям в управлении и планировании строительного дела в сельских регионах [29].

В советской историографии организация труда и положение тружеников в рамках сельской повседневной жизни в основном были рассмотрены и описаны положительно в трудах специалистов сельского хозяйства. Среди работ союзного уровня стоит отметить диссертацию Л. П. Кучкина [30]. По историографии Казахстана советского периода важными исследованиями являются труды В. А. Абдуллина и С. С. Еспаева. В их работах рассмотрены проблемы и состояние молодежи, которая работает в сельском хозяйстве, в основном в овцеводческих хозяйствах [31, 32].

В советской историографии проблемам повседневной жизни села, в том числе культуры и искусства, уделено особое внимание в исследованиях социально-экономического направления, среди них стоит назвать работу Г. Г. Котова [33]. В Казахстане советского периода данная проблема более широко рассмотрена в исследованиях А. А. Рогачева, А. Н. Құдайбергенова, К. А. Аманбаева [34–36].

В историографии независимого Казахстана данным проблемам в своих исследованиях уделяет особое внимание д-р ист. наук, профессор З. Г. Сактаганова [37, 38]. Под ее руководством в 2009 г. была защищена первая в Казахстане кандидатская диссертация по проблемам повседневной жизни. Кроме того, в отечественной историографии одним из авторов качественных работ можно считать Ж. Б. Абылхожина. Он пишет свои работы с высоким уровнем

анализа, обращая внимания своих читателей на недостатки в сельском хозяйстве советского периода и не только [39]. На проблемы культуры и искусства в истории независимого Казахстана обращают внимание в своих исследованиях Р. М. Жумашев и А. Капаева. М. К. Тлеужанова дает полноценную информацию и мнению по проблемам культуры Центрального Казахстана [40–42].

Стоит отметить К. К. Абдрахманову, М. М. Козыбаева, которые защитили научно-исследовательские работы по проблемам городской повседневной жизни в историографии повседневности Казахстана [43–44]. До сегодняшнего дня по проблемам истории сельской повседневной жизни в Казахстане защищена только научно-исследовательская работа Л. Бисембаевой. Она подробно рассматривает историю Жетысуйского края на данном отрезке времени [45].

Историография литературы повседневной жизни очень богата. Правильная классификация, анализ и синтез работ по избранной тематике позволяют исследователям качественно писать работы. Использование литературы различных стран расширяет возможности исследователя в плане разнообразия методологии и позволяет использовать интересные идеи. Несмотря на различие пространства, времени и природной среды, у человека есть свойства, которые не изменяются. Поэтому при изучении истории повседневной жизни различие времени и региона (район, город, государство) не важно. Самое главное в этих работах — личные качества людей и их действия в социальной среде.

Историография различных стран и периодов отличается своей разнообразностью. Использование разных подходов повышает качество исследования.

М. Ү. Ybyraikhan

Problems of historiography of the study of rural everyday life in Central Kazakhstan in 1964–1985

Abstract. The article examines the historiography of the problems of the history of everyday life. In the historical science of Kazakhstan, research on the history of everyday life is one of the new directions. Despite this research, the historiography of this area is very rich. It can include foreign, Russian, Soviet and modern Kazakh. Modern researchers and scientists enrich the historiography of this field with their research every year. **Keywords:** *Central Kazakhstan, village, everyday life, foreign historiography, Soviet historiography, Russian historiography, domestic historiography.*

Источники и литература

1. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 1.: Структуры повседневности: возможное и невозможное / Б. Фернан; пер. с фр. Л. Е. Куббеля. М.: Прогресс, 1986. 622 с.
2. Ле Руа Ладюри Э. Монтайю, окситанская деревня (1294–1324) / пер. с фр. В. А. Бабинцева и Я. Ю. Старцева. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. 541 с.
3. История частной жизни: моногр.: в 5 т. Т. 5: От I Мировой войны до конца XX в. под общ. ред. Филиппа Арьеса и Жоржа Дюби. М.: Новое лит. обозрение, 2017. 676 с.
4. Гинзбург К. Сыр и черви К. Гинзбург / пер. с итал. М. Л. Андррева, М. Н. Архангельской. М.: РОССПЭН, 2000. 272 с.
5. Дэвис Н. З. Возвращение Мартена Герра / пер. с англ. Л. А. Величанского. М.: Прогресс, 1990. 208 с.
6. Багдасарян С. Д. Быт, труд и семья крестьян эпохи нэпа: историческая повседневность южно-рос-

- сийской деревни в 1920-е годы. Новочеркасск: Лик, 2015. 312 с.
7. Безгин В. Б. Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX века). Тамбов: Изд-во Тамбов. гос. тех. ун-та. 2004. 304 с.
 8. Бердинских В. А. Русская деревня: быт и нравы. М.: Ломоносов, 2013. 266 с.
 9. Берсанова Л. А. Традиционная система питания чеченцев и ингушей в XIX–XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2012. 186 с.
 10. Ефремова Ю. Н. Традиционная пища украинцев Омского Прииртышья в XX – начала XXI века: дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2013. 236 с.
 11. Мигранова Э. В. Традиционная система питания башкир: На материалах юго-западных и юго-восточных районов Республики Башкортостан: дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 2003. 282 с.
 12. Гулин К. А. Материальное положение колхозного крестьянства на Европейском Севере России в 1965–1985 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Вологда, 1999. 219 с.
 13. Гринько А. А. Материальное положение работников сельского хозяйства юга советского Дальнего Востока в 1970-х – первой половине 1980-х гг.: дис. ... канд. ист. наук. Благовещенск, 2012. 214 с.
 14. Наухацкий В. В., Кабанов А. Н. Развитие социальной сферы села Ростовской области в 1965–1991 гг. Ростов н/Д: РГЭУ «РИНХ», 2005. 275 с.
 15. Кабанов А. Н. Развитие социальной сферы села Ростовской области в 1965–1991 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Зерноград, 2005. 257 с.
 16. Назаров В. В. (1998). История становления развития сельского капитального строительства в Сибири (1960-е – 1980-е гг.). Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та. 266 с.
 17. Назаров В. В. (1999). История становления развития сельского капитального строительства в Сибири, 1960-е – 1980-е гг.: дис. ... д-ра ист. наук. Иркутск. 545 с.
 18. Хасянов О. Р. Повседневная жизнь советского крестьянства периода позднего сталинизма, 1945–1953 гг.: на материалах Куйбышевской и Ульяновской областей. М.: РОССПЭН, 2018. 358 с.
 19. Токарев С. А. Этнография народов СССР: Ист. основы быта и культуры. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1958. 615 с.
 20. Этнография народов СССР: Сборник статей / Отв. ред. М. В. Воробьев. Ленинград: Геогр. о-во СССР. Отд-ние этнографии, 1971. 153 с.
 21. Аргынбаев Х. Казахское прикладное искусство. Алма-Ата: Онер, 1987. 126 с.
 22. Муканова Т. А. Молочное хозяйство казахов в дореволюционный период: дис. ... канд. ист. наук. Алма-Ата, 1970. 247 с.
 23. Рогачев А. А. Социальное развитие села. Алма-Ата: Кайнар, 1987. 158 с.
 24. Танкова Г. Е. Деятельность партийных организаций Сибири по повышению благосостояния и культуры колхозного крестьянства: 1966–1970 гг.: дис. ... канд. ист. наук. 07.00.01 – История Коммунистической партии Советского Союза. Томск, 1980. 274 с.
 25. Ғалиев Ә. Ақ бесік алтын босаға.. Алматы: Қазақстан, 1990. 144 с.
 26. Алдабергенов У. А. Стирание граней между городом и деревней. Алма-Ата: Казахстан, 1977. 151 с.
 27. Тәтімов М. Ауылдағы демографиялық ахуал. Алматы: Қайнар, 1990. 240 б.
 28. Чуркин А. Н. (1974). Строительство и преобразование села в условиях интенсификации сельскохозяйственного производства. Тбилиси: Сабчота Сакартвело. 645 с.
 29. Махашов О. С. (1982). Управление и планирование в сельском строительстве. Алма-Ата: Кайнар. 136 с.
 30. Кучкина Л. П. Сельскохозяйственные рабочие СССР в 1960–1970-х годах: Количественные и качественные изменения: дис. ... канд. ист. наук. М., 1974. 177 с.
 31. Абдуллин В. А. Организация труда и быта на овцеводческих комплексах. Алма-Ата: Кайнар, 1980. 125 с.
 32. Еспаев С. С. Повышение эффективности труда в овцеводстве. Алма-Ата: Кайнар, 1987. 125 с.
 33. Котов Г. Г. Экономические и социальные проблемы села на современном этапе. М.: Колос, 1979. 255 с.
 34. Рогачев А. А. Социальное развитие села. Алма-Ата: Кайнар, 1987. 158 с.
 35. Кудайбергенов А. Н. За высокую культуру села. Алма-Ата: Казахстан, 1976. 120 с.
 36. Аманбаев К. А. В сфере труда, учебы и быта. Алма-Ата: Казахстан, 1982. 49 с.
 37. История городской повседневности Центрального Казахстана в 1946–1991 годы (с сюжетами демографической и социальной истории): моногр. / под общ. ред. З. Г. Сактагановой. Караганда: Гласир, 2017. 456 с.
 38. Saktaganova Z. G. Women's labor and everyday life in the great patriotic war years // Opcción, Año 36, Especial Nº 27 (2020). P. 1168–1183.
 39. Абылхожин Ж. Б. Постсталинский период в истории Советского Казахстана: череда обреченных реформ и несостоявшихся деклараций (1953–1991 гг.). Алматы: КБТУ, 2019. 468 с.
 40. Жумашев Р. М. Очерки истории культуры Казахстана (1917–1991 гг.). Караганда: КарГУ, 2002. 148 с.
 41. Капаева А. Культура и политика (государственная политика в области культуры в Казахстане во второй половине 1940-х – 1991 гг.). Алматы: Атамұра, 2004. 327 с.
 42. Тлеужанова М. К. Культурная жизнь Центрального Казахстана (70–80 годы XX в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 1997. 23 с.
 43. Абдрахманова К. К. Повседневная жизнь городов Центрального Казахстана в 1945–1953 гг.: дис. ... канд. ист. наук. 07.00.02. Караганд. гос. ун-т им. Е. А. Букетова. Караганда, 2009. 191 с.
 44. Козыбаева М. М. Повседневная жизнь городского населения Северного Казахстана в 1920–1930-е годы: дис. ... д-ра PhD: 6D020300 – История. Евразийский национ. ун-т им. Л. Н. Гумилева. Астана: 2015. 162 с.
 45. Бисембаева Л. Жетісу облысы ауыл және село тұрғындарының күнделікті өмірі (1867–1917 жж.) / Философия докторы (PhD) дәрежесін алу үшін дайындалған диссертация: 6D020300-Тарих. Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті. Алматы: 2019. 179 б.

2

Идентичность
и этнические
процессы в прошлом
и настоящем

DOI 10.37386/2687-0592-2024-12-38-41

УДК 394+347.19

Д. И. Галилейская*Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, г. Омск, Российская Федерация***Национальные общественные организации казахов как индикатор этнической самоорганизации (на примере Оренбургской и Челябинской областей)¹**

Аннотация. В Российской Федерации, по данным на 2024 г., зарегистрировано и функционирует более 217 000 общественных организаций. Сведения о них содержатся в государственном реестре Министерства юстиции Российской Федерации. В статье рассматриваются вопросы этнической самоорганизации казахов через призму внутренней государственной политики, миграционных процессов, деятельности институтов гражданского общества на приграничных с Республикой Казахстан территориях – в Челябинской и Оренбургской областях. **Ключевые слова:** общественные организации, этническая самоорганизация, казахи, миграция, Российская Федерация, Республика Казахстан.

Территории Южного Урала издавна привлекали внимание исследователей. Их уникальность заключается в особом виде богатства – людях, которые проживают на этих землях. Историки и антропологи отмечают полиэтничность и многоконфессиональность, характерные для территорий Южного Урала. Помимо значительной части русского населения, здесь проживают представители среднеазиатских диаспорных групп, такие как казахи. Концентрация их численности значительно возрастает на приграничных с Республикой Казахстан территориях. Согласно статистическим материалам, в 2020 г. в Российской Федерации проживало почти 592 000 казахов. Сегодня во всем мире их количество составляет примерно 16 млн чел., причем более 13 млн проживают на территории Республики Казахстан. Самые многочисленные казахские диаспоры находятся в Китае, Узбекистане и Монголии. На территории Российской Федерации значительное количество казахов проживает в Астраханской, Оренбургской, Омской и Челябинской областях.

Этнической территорией расселения казахов Челябинской области является северо-западная периферия этого субъекта Российской Федерации. Она также включена в зону сплошного исторического расселения данного народа. Казахи проживают преимущественно в зонах лесостепного ландшафта южных районов Челябинской области. Важно отметить, что территории их расселения находятся на границах Российской Федерации и Республики Казахстан. Согласно результатам переписи населения за 2010 г., общая численность казахов в Челябинской области составила более 35 000 чел. По данным за 2020 г., их число сократилось до 29 000 чел. Большая часть населения проживает в сельской местности, в то время как в городе – только 11 406 чел. Наиболее ши-

роко данный народ представлен в Брединском, Нагайбакском, Агаповском, Кизильском, Верхнеуральском, Карталинском районах Челябинской области.

По общей тенденции, характерной для процессов урбанизации на территории Российской Федерации, жители сельской местности предпочитают переезжать в города. Наиболее ярко это можно проследить на представителях молодого поколения в возрасте от 16 до 35 лет. Современные города становятся привлекательными благодаря тому, что предоставляют гораздо больше возможностей для комфортной жизни, чем сельская местность. Это связано с высоким качеством предоставления медицинских услуг, большим количеством рабочих мест, развитой инфраструктурой, а также возможностью получать образовательные услуги. В связи с этим процесс переселения людей из сельской местности в города в современных реалиях носит вынужденный характер [1, с. 61]. Эта особенность характерна и для жителей Челябинской области. Казахское население здесь не является исключением. Так, наибольшее количество представителей этого народа проживают в Магнитогорске (более 4000 чел.) и Челябинске (2866 чел.).

Город Магнитогорск, расположенный на юге Челябинской области на берегах реки Урал, является одним из 6 городов мира, находящихся одновременно в Европе и Азии. Наличие здесь крупного промышленного комплекса – Магнитогорского металлургического комбината, а также непосредственная близость к границе с Республикой Казахстан определяют выбор казахской молодежи. На втором месте по численности проживающих представителей этого народа является Челябинск – административный центр Челябинской области, расположенный на природной (геологической) границе Урала и Сибири на берегах реки Миасс. Миграция населения из сельской местности в город обусловлена исключительно экономической привлекательностью. Третьим по численности казахского населения является Троицк, расположенный на восточном склоне Южного Урала на реке Уй. Город получил неофициальное название «Мунанай», которое считается производным от словосочетания «меновая торговля». Троицк славил-

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00832 «Этническая самоорганизация на постсоветском пространстве (на примере русских, казахов и немцев в России и Казахстане)», <https://rscf.ru/project/23-28-00832>. Научный руководитель – д-р ист. наук, профессор, Т. Б. Смирнова.

ся своей ярмаркой, берущей начало в 1750 г., в связи с чем присутствие представителей торговли из Среднего жуза здесь было постоянным. Здесь всегда действовали казахские общественные организации, а на рубеже XIX–XX вв. в городе стали выпускаться печатные издания на казахском языке. В настоящее время Троицк привлекает казахское сельское население своим расположением вблизи территорий исторического расселения казахов, возможностью трудоустройства и получения высшего и среднего образования.

Таким образом, несмотря на увеличение миграционных показателей, связанных с переездом населения из сельских районов в города Челябинской области, казахи успешно сохраняют глубокие связи с теми территориями, где они были рождены. Это связано прежде всего с прочным сохранением элементов традиционного уклада, необходимостью выполнения комплекса обрядово-праздничных ритуалов, а также ценностными ориентациями.

Оренбургская область занимает второе место в России по численности казахского населения. Она берет начало в качестве одной из основных административно-территориальных единиц Российской империи с 1744 г., когда вышел именной указ императрицы Елизаветы Петровны «Об учреждении Оренбургской губернии и о подчинении под ее ведомство Уфимской провинции и всех в тех местах строящихся крепостей» [2]. В начале XX в. Оренбургская губерния включала в себя 6 городов, 5 уездов, 146 волостей и более 2000 поселений. 300-летняя история успешно закрепила за Оренбургской областью статус многонационального и многоконфессионального региона. Помимо этого, область является приграничным регионом с самым протяженным участком (1876 км) российско-казахстанской границы [3]. Она имеет общую границу с Западно-Казахстанской, Актыубинской и Костанайской областями Казахстана.

Казахи Оренбуржья являются третьей этнической группой по численности населения области (после русских и татар). Она, по данным переписи за 2020 г., составила 107 734 чел. [4]. Согласно статистическим данным за 2002–2020 гг., казахское население выросло с 5,7% до 6,2% от числа жителей области, указавших свою национальную принадлежность. Это вызвано постоянной миграцией из Республики Казахстан, а также естественным приростом населения. Однако данная тенденция идет на убыль. Так, в 2010 г. общая численность казахского населения в Оренбургской области составляла 120 262 чел., что на 12 528 меньше, чем показатель 2020 г. Казахи компактно расселены в Домбаровском и Ясенском районах восточной части Оренбуржья.

Общественные организации. Рассматривая Оренбургскую область с точки зрения развития этнокультурного компонента, стоит отметить, что здесь официально зарегистрированы и действуют, согласно данным Реестра некоммерческих организаций Министерства юстиции Российской Федерации, 10 казахских общественных объединений [5]. В это чис-

ло включены 5 национально-культурных автономий: «Казахская национально-культурная автономия города Новотроицка», «Оренбургская региональная казахская национально-культурная автономия», «Казахская национально-культурная автономия города Оренбург «Атамекен» («Земля отцов»», «Местная национально-культурная автономия казахов г. Орска «АЛЕМ» («МИР»», «Казахская национально-культурная автономия Соль-Илецкого района Оренбургской области». С задачей по объединению и координации деятельности общественных организаций на территории Оренбуржья отлично справляется «Ассоциация казахов Оренбуржья» (1999 г.). Перечисленные организации работают как непосредственно в административном центре области – Оренбурге, так и в Адамовском, Новоорском, Акбулакском, Домбаровском, Беляевском районах.

Важной составляющей сохранения казахской идентичности является язык. На территории Оренбургской области он преподается почти в 40 образовательных учреждениях. Они расположены в 11 административно-территориальных единицах, среди которых г. Орск, Ясенский, Беляевский, Соль-Илецкий и Адамовский районы. В областных домах культуры созданы и функционируют более 35 казахских фольклорных и творческих ансамблей, выпускается областная газета «Айкап», что на казахском означает «Зеркало», а для обмена опытом, сохранения культуры, традиций, памяти и истории проводятся научные конференции, посвященные казахам, проживающим на территории Оренбургской области; в местах компактного проживания казахов ежегодно отмечаются национальные праздники [6]. В них принимают активное участие гости из соседней республики Казахстан.

Культурно-исторический комплекс «Национальная деревня». Крупный историко-культурный комплекс расположен на улице Алтайской недалеко от центра Оренбурга. Идея создания музейного комплекса появилась в далеком 2004 году, а уже в 2007 г. «Национальная деревня» открыла двери для посетителей. Первыми начали работу казахское, украинское и башкирское подворья, затем постепенно стали функционировать остальные. На территории «Национальной деревни» находятся этнографические музеи, библиотеки национальной литературы, кафе с традиционными блюдами, а также редакции газет и офисы общественных организаций [7, с. 28]. Это уникальное пространство, где в едином архитектурном комплексе сочетаются русский терем, юрты, хаты. Оно выполняет роль проводника в этнокультурное многообразие Оренбуржья. Посетители «Национальной деревни» могут побывать в гостях у народов, традиционно проживающих на территории региона, познакомиться с историей, особенностями быта, традиционной культурой и кухней. Для полиэтнического Оренбурга культурно-исторический комплекс стал не просто очередным реализованным проектом, а настоящим центром притяжения, символом народного единства и взаимообогащения культур.

Важную роль в развитии межнациональных отношений региона играют национально-культурные центры, религиозные организации, научные коллективы, общественные объединения и организации. Внутренняя политика Оренбургской области направлена на то, чтобы между всеми элементами системы были выстроены связи и налажено тесное взаимодействие. Таким образом, открытие культурно-исторического комплекса «Национальная деревня» стало одним из основных результатов в сфере межэтнической политики регионального правительства. Благодаря реализации столь масштабного проекта были выработаны общие подходы к осуществлению проекта строительства культурного центра и принято решение о создании обществ с ограниченной ответственностью «Национальное подворье», в состав которых вошли как строительные инвесторы, так и сами национальные общества [7, с. 29].

В реализации проекта «Национальная деревня» приняли участие 10 национально-культурных объединений, представлявших самые многочисленные этнические группы Оренбургской губернии: русских, татар, казахов, украинцев, башкир, мордвы, немцев, чувашей, белорусов, армян. Для каждого национально-культурного объединения выделены земельные участки по 0,2 га. В настоящее время из 10 объединений функционируют 8.

Историческими местами расселения казахов на территории Челябинской области считаются приграничные районы: Троицкий, Чесменский, Варненский, Карталинский, Брединский, Кизильский, Агаповский, Нагайбакский и Вехнеуральский. Регион является уникальным с точки зрения этнической самоорганизации казахов и создания национальных общественных организаций. На его территории официально зарегистрированы и включены в реестр Министерства юстиции Российской Федерации только два объединения. Первой на рубеже веков появилась Челябинская областная общественная организация – казахский общественный центр «АЗАМАТ». В настоящее время ее председателем является Жадгер Жакупович Нурумов. Вторая региональная общественная организация – казахское общество «Айкап» («Зеркало»; так назывался первый журнал на казахском языке, выходивший в Троицке в первой четверти XX в.) – расположена в небольшом приграничном городе Челябинской области Троицке. Ее исполнительным директором в настоящее время является Аман Бакшанович Беркимбаев. Организация была основана в феврале 2018 г. Цели ее деятельности – возрождение, сохранение и развитие казахской культуры.

На территории Челябинской области ранее существовала автономная некоммерческая организация – центр поддержки социальных и общественных инициатив казахского народа «Жастар». Ее деятельность была ориентирована на молодое поколение, сохранение культурных традиций и изучение родного языка. Стоит отметить, что большая часть молодежи, проживающей в Челябинской области, совершенно не знает казахский язык. Многие жители по-

нимают казахский, но не могут свободно говорить на нем. Раз в месяц в Челябинске проводятся казахские вечеринки, организаторы которых стараются передать национальный колорит и приобщить молодое поколение к казахской культуре. Помимо центра «Жастар», на территории Челябинской области существовали еще две организации в форматах национально-культурной автономии и автономной некоммерческой организации, однако они прекратили свою деятельность и были исключены из реестра некоммерческих организаций Министерства юстиции Российской Федерации.

Подводя итог, необходимо отметить следующее. Компактное проживание казахов с представителями других народов на протяжении столь долгого времени, несомненно, сказалось на их жизни в приграничных регионах Российской Федерации. Так, под воздействием русской культуры изменился повседневный рацион казахов: на столах стали чаще появляться мучные изделия, а также консервированные продукты. Семейные традиции по-прежнему высоко ценятся в сельских районах, в то время как в городах набирают популярность смешанные браки. Однако в настоящее время на первый план среди факторов, влияющих на самоидентификацию казахского населения, выходит религиозный. Казахи относятся только к одной религиозной конфессии – мусульманству. На приграничных территориях казахское население наиболее остро сталкивается с проблемами сохранения языка и культурных традиций. Миграция населения из села в город способствует постепенной утрате глубинных связей с истоками казахской культуры. В связи с этим возникает потребность в создании общественных организаций, содействующих сохранению культуры и консолидации казахского населения. Так, только 1/10 казахского населения в Челябинской области свободно разговаривает на родном языке. В повседневной жизни большинство использует исключительно русский. Институты гражданского общества, представленные в виде официально зарегистрированных национальных объединений, в Челябинской области не столь развиты, как в Оренбургской. В последние несколько лет количество казахских общественных организаций сокращается, однако регион имеет огромный потенциал для их развития. Оренбургская область, имевшая в прошлом тесные связи с Казахстаном, так как как как Оренбург являлся административным центром Киргизской автономной советской социалистической республики, созданной 26 августа 1920 г., до апреля 1925 г. Это обстоятельство является благоприятным фактором для естественного создания и развития институтов гражданского общества. Здесь удачно выстроена региональная политика по межнациональным отношениям: действует множество творческих и фольклорных коллективов, создан историко-культурный комплекс «Национальная деревня» с казахским подворьем, активно работают национальные общественные объединения, выпускается газета на казахском языке.

D. I. Galileiskaya

National public organizations of Kazakhs as an index of ethnic self-organization (on the example of the Orenburg and Chelyabinsk regions)

Abstract. More than 217 000 public organizations are registered and functioning in the Russian Federation in our days. Information about them is included in the state register of the Ministry of Justice of the Russian Federation. The article

considers questions of ethnic self-organization of Kazakhs through the prism of domestic state policy, migration processes and the activities of civil society institutions in the territories bordering the Republic of Kazakhstan, specifically in the Chelyabinsk and Orenburg regions. **Keywords:** public organizations, ethnic self-organization, Kazakhs, migration, Russian Federation, Republic of Kazakhstan.

Источники и литература

1. Филобок А. А. Современные особенности урбанизации в России // Молодой ученый. 2022. № 9. С. 60–63.
2. История административно-территориального деления Республики Башкортостан (1708–2001) // Мое семейное древо [Электронный ресурс]. URL: <https://goo.su/8AKQE> (дата обращения: 09.09.2024).
3. Многонациональное Оренбуржье // Оренэтно – информационный портал о многонациональном Оренбуржье [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/3DvYyT> (дата обращения: 10.09.2024).
4. Итоги ВПН-2020. Том 5: Национальный состав и владение языками // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/3DvZgb> (дата обращения: 15.09.2024).
5. Реестр некоммерческих организаций. Сведения. Информация о зарегистрированных некоммерческих организациях // Министерство юстиции Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/reestr-nekommercheskih-organizacij> (дата обращения: 15.09.2024).
6. Казахи//Оренбургская область [Электронный ресурс]. URL: <https://orenburg-gov.ru/activity/658/?ysclid=m28wdkolsd97371949> (дата обращения: 15.09.2024).
7. Алимбаева Б. Б. Культурный комплекс «Национальная деревня» в Оренбурге // Современные проблемы сервиса и туризма. 2011. № 2. С. 28–33.

DOI 10.37386/2687-0592-2024-12-41-45

УДК 39; 930

М. А. Жигунова

Социокультурные процессы в Западной Сибири и Северном Казахстане в советский период и современности¹

Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск, Российская Федерация

Аннотация. Работа основана на материалах историко-этнографических и этносоциологических исследований 1974–2024 гг., которые проводились в Северном Казахстане и во всех регионах Западной Сибири. На этой территории проживают более 200 различных народов, которые активно взаимодействуют друг с другом. Автор анализирует историю изучения и основные изменения, произошедшие в самосознании, религии и культуре восточнославянского и тюркского населения этого региона. Особое внимание уделяется исследованиям омских ученых. **Ключевые слова:** этническая история и современность; идентичность; традиционная культура; взаимовлияния народов и культур; православные и мусульмане; Этнографический Омский научный центр; Н. А. Томилов.

Представленная статья базируется на материалах историко-этнографических и этносоциологических исследований, которые проводились в 1974–2024 гг. экспедициями Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, Омского педагогического университета, Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН, Сибирского филиала Российского института культурологии, Сибирского культурного центра, а также лично автором. Они охватили все регионы Западной Сибири: Алтайский край и Республику Алтай, Кемеровскую, Новосибирскую, Омскую, Томскую и Тюменскую области, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автоном-

ные округа, а в Северном Казахстане – Кустанайскую, Павлодарскую и Северо-Казахстанскую области. Также использовались имеющиеся публикации, материалы всесоюзных и всероссийских переписей населения, сведения из похозяйственных книг сельских и городских советов, архивов ЗАГС и паспортных столов милиции. Дополнительным источником послужили материалы, собранные в результате преподавательской деятельности.

Под социокультурными процессами понимаются изменения, происходящие в мировоззрении, религии, культуре. Западная Сибирь и Казахстан – территория взаимодействия славянских и тюрко-монгольских народов, пространство диалога христианства, ислама, буддизма и шаманизма, взаимодействия земледельческого и кочевнического хозяйственных укладов. Изначально основные исследовательские работы ученых на этой территории прово-

¹ Исследование выполнено в рамках темы № 0264-2022-0002 «Население Сибири и Северного Казахстана: социокультурные процессы и трансляция культурного наследия».

дились среди ее коренных народов, а также отдельных локальных групп (преимущественно старообрядцев). Целенаправленное изучение восточных славян и других переселившихся началось в середине XX в. В исследованиях этнической культуры Сибири и Казахстана преобладают хронологически рамки до начала XX в. Публикации по современности довольно малочисленны (кроме работ этносоциологов).

Общие вопросы этнической истории, численности и расселения, особенности формирования этнокультурных комплексов различных народов представлены в научных публикациях, энциклопедиях, атласах и других изданиях. Заметный вклад в исследование этой тематики вносит Алтайский государственный педагогический университет. Изначально при кафедре отечественной истории Барнаульского государственного педагогического института в декабре 1990 г. открылась научно-исследовательская лаборатория «Историческое краеведение» (заведующий – доктор исторических наук, профессор М. А. Дёмин). В рамках лаборатории по инициативе доктора исторических наук, профессора Т. К. Щегловой был создан сектор устной истории и этнографии, который в 2020 г. выделился в самостоятельную научно-исследовательскую лабораторию «Центр устной истории и этнографии» Алтайского государственного педагогического университета [1]. Сотрудники этих учреждений с 1991 г. проводят комплексные историко-этнографические экспедиции и изучение социальной памяти населения Алтая и Верхнего Приобья, материалы которых (включая фото-, видео-, аудиозаписи) хранятся в их архиве [2]. Также они организуют регулярную международную научную конференцию «Этнография Алтая и сопредельных территорий» с изданием одноименного сборника научных статей (серия основана в 1994 г.).

Среди академических учреждений, занимающихся изучением народов Западной Сибири и Казахстана, прежде всего следует назвать Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук [3]. Наибольшее количество социокультурных исследований на территории этого региона проводят представители Этнографического Омского научного центра (ЭОНЦ), который является крупнейшим этнографическим научным центром России после Московского и Санкт-Петербургского/Ленинградского. Первым изданием, в котором наиболее полно представлена его история, стала монография двух первых профессиональных этнографов города Омска – И. В. Захаровой и Н. А. Томилова, посвященная этнографическим научным центрам Западной Сибири середины XIX – начала XXI в. [4]. Изначально И. В. Захарова работала в Институте истории, археологии и этнографии Академии наук Казахстана, с 1963 г. – в Омском государственном педагогическом институте им. А. М. Горького, а затем в Омском филиале Объединенного института истории, филологии и философии СО РАН (ОФ ОИИФФ СО РАН). Сфера ее научных интересов охватывала этнографию казахов и уйгуров, этнографическое музей-

ведение и историю этнографических исследований в Казахстане и Сибири. Н. А. Томилов переехал в Омск из Томска в 1974 г. в связи с открытием Омского государственного университета (ОмГУ), где на историческом факультете в 1985 г. открыл кафедру этнографии, историографии и источниковедения истории СССР [5]. Благодаря его активной деятельности и под его непосредственным руководством было создано два научно-исследовательских учреждения, занимающихся этнографической тематикой. В 1991 г. был открыт Омский филиал Объединенного института истории, филологии и философии СО РАН, преобразованный в 2006 г. в Омский филиал Института археологии и этнографии, а в 2018 г. – в Омскую лабораторию археологии, этнографии и музееведения [3]. В 1993 г. в Омске был открыт Сибирский филиал Российского института культурологии, преобразованный в 2014 г. в Сибирский филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева [6]. Так были заложены основы формирования в Омске третьего по численности коллектива профессиональных отечественных этнографов.

История и современность ЭОНЦ представлена в монографии М. А. Жигуновой, посвященной его 50-летию [7]. Сегодня он включает уже три поколения исследователей, которыми изучено около 50 народов, проживающих на территории Сибири и Казахстана: аварцы, азербайджанцы, армяне, башкиры, белорусы, болгары, буряты, вьетнамцы, грузины, евреи, езиды, ингуши, казаки, казахи, киргизы, китайцы, коми и коми-пермяки, корейцы, кумандинцы, курды, латгальцы, латыши, лезгины, литовцы, марийцы, молдоване, мордва, немцы, осетины, поляки, русские, самодийцы, татары, телеуты, тувинцы, турки, туркмены, удмурты, узбеки, украинцы, финны, цыгане, челканцы, чехи, чеченцы, чуваша, шорцы, эстонцы, якуты и др. Наибольшее количество диссертационных работ посвящено сибирским татарам (32%), немецкому (20%) и казахскому (14%) населению, на 4-м месте – восточные славяне. Основная проблематика: традиционно-бытовая культура; этническая история и современные этнические процессы, межнациональные и межконфессиональные отношения; теоретические и историографические исследования; музееведение, этноархеология. Разрабатываются и многие другие темы.

С конца XX в. в Омске стали проводиться регулярные научные и научно-практические конференции, посвященные конкретным народам и их взаимодействиям: «Этническая история и культура народов советской страны», «Русский вопрос: история и современность», «Казахи России: история и современность», «Немцы Сибири: история и современность», «Сибирское казачество: прошлое, настоящее, будущее», «Степной край: зона взаимодействия русского и казахского народов», «Этнокультурные взаимодействия в Сибири» и др. Их дополняют межрегиональные фестивали «Душа России» и областные фестивали национальных культур «Единение», меж-

региональные фестивали казахской культуры «Наследие», фестивали сибирской культуры «Слетье», праздники «Егорий Хоробрый», «Троицкие гуляния», «Троицкие хороводы», «Покровская ярмарка» и др.

Территорию Западной Сибири и Северного Казахстана населяют представители более 200 различных народов. Среди них преобладают восточнославянское и тюркское население. Не теряют актуальности исследования межэтнических отношений и взаимовлияний. В конце XIX – первой трети XX в. казахи селились на территории Омской губернии, и около 1 млн славян переселились в Казахстан. В 1950–1960-е гг. освоение целинных и залежных земель Казахстана вызвало новый приток переселенцев из СССР. Значимым объединяющим фактором является общая многовековая история, проживание в одном государстве, совместные боевые действия в период Великой Отечественной войны и службы в Советской армии, всесоюзные комсомольские стройки и многое другое.

Одной из ключевых в современном социогуманитарном знании является проблема самоопределения. Свидетельствует об этом возникновение нового научного направления – идентологии. Начиная с 2009 г. по инициативе автора на VIII Конгрессе этнографов и антропологов России впервые функционировала секция «Идентичность и идентификация», которая стала регулярной. Мы 10 лет руководили ею совместно с директором Центра по изучению межэтнических отношений Института этнологии и антропологии РАН М. Н. Губогло, а затем – с заместителем директора этого института Р. А. Старченко.

Довольно сложными являются проблемы религиозной идентичности и определения точного количества последователей той или иной веры. Затруднились четко определить свою религиозную принадлежность от 5 до 37% опрошенных: «не верующий и не атеист», «верю в Бога, но не всегда» и др. Если использовать этнический признак, то православие является традиционной религией примерно для 85% жителей Сибири (армян, белорусов, грузин, русских, украинцев и многих других). Следующая значимая часть верующих представлена мусульманами, на которых приходится около 5% (азербайджанцы, казахи, киргизы, таджики, татары, турки, туркмены, узбеки, чеченцы и др.). Сегодня 25% населения Казахстана – православные, здесь действует около 300 православных церквей. Преимущественно среди мужского населения фиксируются атеисты.

Конфессиональный фактор многими воспринимается как этнодифференцирующий, но фиксируется и тенденция единения различных конфессий на основе суждения, что «Бог один, ни Иисус Христос, ни Аллах». Количество людей, хорошо знающих особенности религиозной веры и постоянно живущих религиозными практиками, не очень значительно. Зачастую самоопределение в качестве «православных» или «мусульман» свидетельствует о принадлежности не столько к соответствующей мировой религии, сколько к исторически сложившейся

культурной традиции. Нередко происходит смешение идентичностей, встречаются «крещеный атеист», «крещеный казах», «православный мусульманин» и «православный потомок Чингисхана» и др. На современных кладбищах Северного Казахстана встречаются совместные захоронения православных и мусульман за одной общей оградой (иногда в разных концах кладбища, иногда вперемежку). Эти захоронения стали совершаться в 1950–1960-е гг. В Омской области совместные захоронения русских и татар совершались еще раньше: «...с одной стороны над могилами – кресты, с другой – полумесяцы». Интересный пример единения зафиксирован нами в Павлодарской области Казахстана: «В июне 2004 г. дождя не было дождей. Казахский мулла приехал, совершил обряд вызова дождя – закололи барана, молились на дождь, угощали всех. Дождь все не шел. Тогда один наш житель, русский, тоже зарезал барана, всех угостил, дождь вызывал. Дождь все не идет. „Видно, где-то могилки открыты“, – сказал кто-то из русских. Пошли на кладбище, нашли такую могилку, засыпали ее землей, совершили совместный крестный ход, и пошел тогда дождь».

На ранних этапах российско-сибирско-казахской истории многими исследователями отмечался процесс метисации. В Российской империи в официальных документах фиксировалась религиозная принадлежность. В советский период появилась графа «национальность». Встречались случаи, когда в паспорт подростка записывали русскую национальность, хотя ни один из родителей к ней не принадлежал. Об этом свидетельствует и поговорка: «Папа – турок, мама – грек, а я – русский человек». Встречаются подобные случаи и в нашей практике, считают себя русскими потомки многих национально-смешанных семей. Рекордным стал ответ мужчины, который при самоидентификации назвал 12 различных народов: «Я – русский немец с финско-белорусскими корнями, с польско-украинскими, прибалтийско-армянскими, казахско-татарскими и цыганско-бурятскими вкраплениями». Зачастую среди жителей Сибири встречаются всевозможные сочетания славянских, тюркских, иранских, германских, алтайских и других личных имен, отчеств и фамилий. При этом их антропологический тип, язык, религия, этнокультурная принадлежность могут существенно различаться. В сознании многих людей государственная принадлежность ассоциируется с этнической: «В России – все русские», «Я из Казахстана, значит, казашка». У старшего поколения встречается идентификация: «советский человек» и «бывший советский человек». Народный артист России Олег Газманов исполняет песню: «Я – русский, я – татарин, я – чеченец, я – башкир, я – всей страны народ, и мы все вместе – русский мир!»

В семьях 70% русских Западной Сибири и Северного Казахстана имеются близкие родственники других национальностей (чаще всего украинской, немецкой, белорусской, татарской, казахской, польской, еврейской, цыганской, чувашской, армянской).

Встречаются также американцы, англичане, африканцы, болгары, греки, итальянцы, китайцы, корейцы, норвежцы, турки, французы, финны, чехи, шведы, японцы и др. В 1950–1970-е гг. в отдельных регионах Западной Сибири межэтнические браки составляли от 38 до 73% от всех зарегистрированных в ЗАГС. В 1970–1980-е гг. количество таких браков стало сокращаться и к началу XXI в. составляло около 20%. Больше половины опрошенных славян полагают, что национальность при вступлении в брак не имеет значения: «Лишь бы человек был хороший, любили и уважали друг друга».

В конце XX – начале XXI в. среди вариантов национального определения появились «сибиряки». Наибольший всплеск общественно-политического интереса к этому концепту наблюдался в связи с обсуждением итогов Всероссийской переписи населения 2010 г. К национальности «сибиряк» причислили себя более 4 тысяч человек из различных народов. Среди вариантов этнической самоидентификации в 2000-е гг. появились «землянин», «космополит», «интернационалист», «гражданин мира», «россиянин» и «казахстанец», «европеец», «человек Евразии». Так, например, считает себя евразийкой женщина средних лет, отец которой – якут, а мать – татарка. Поясняет, что обладает русской ментальностью, но не может назвать себя русской, так как «на русскую внешне не похожа», но вобрала в себя и русское, и якутское, и татарское.

Восточные славяне – крупнейшая группа народов Европы, включает русских, украинцев, белорусов. Но в моей первой экспедиции в Северном Казахстане в 1985 г. информатор на вопрос о его этнической принадлежности ответил: «Казак!» Я сказала, что такой национальности нет, а он: «Есть! И мои предки были казаками, служили государю...» Вернувшись в Омск, я наша в библиотеке книгу «Казак» и очень удивилась, что в ней были представлены сведения по казахам. В тюркских языках «казак» – «вольный человек», в разное время их называли также киргизами и киргиз-кайсаками. Некоторые историки-эмигранты выделяют казачество в отдельный относ – «четвертую ветвь восточного славянства», «особую нацию» смешанного тюркско-славянского происхождения. При Всероссийской переписи населения 2002 г. 140 тыс. человек назвали себя казаками. Сибирское казачье войско стало третьим по старшинству казачьим войском после Донского и Терского. Его Иртышская линия включала около 140 редутов, фортов и крепостей, в том числе Семипалатинскую/Семей (1718 г.), Усть-Каменогорскую (1720 г.), Павлодарскую (1720 г.), Петропавловскую (1752 г.) + г. Верный/Алма-Ата (1854 г.), которые сегодня являются крупнейшими городами Казахстана. В советский период на территории Сибири казачество почти утратило свою этнокультурную идентичность, а в Казахстане, наоборот, сохраняло свою специфику. Сегодня наблюдается противоположный процесс.

Среди восточнославянского и тюркского населения Сибири и Северного Казахстана фиксируется

общность этнокультурных предпочтений. Так, своими любимыми напитками и блюдами национальной кухни называют чай, борщ, блины, пирожки, самсу, айран и кумыс, манты, бешбармак, плов, баурсаки. Среди самых любимых праздников: Новый год и старый Новый год, Навруз, Международный женский день – 8 Марта и День Победы – 9 Мая. Сегодня этнокультурный компонент используется и в образовательном пространстве. Но многие издания даже под грифом учебной литературы не соответствуют заявленному статусу. В качестве недавнего примера можно привести учебное пособие «Казачество на службе Отечества» 2021 г. В его библиографическом списке всего 15 работ (из них подавляющее большинство посвящено казачеству Дона, другие казачьи войска практически не упоминаются). Поскольку Омск входит в число городов, реализующих этнокультурный казачий компонент, мы совместно с министерством культуры Омской области разработали и издали учебно-методическое и практическое пособие «Культура и традиции сибирского казачества» [8].

Особая значимость социокультурного компонента фиксируется при анализе ответов на вопрос: «Кем Вы считаете себя прежде всего?» Из наиболее частых ответов: «человек», «мужчина/настоящий мужчина», «женщина/любимая женщина», «мать» и «бабушка». Встречается социально-профессиональная принадлежность: «инженер», «учитель, преподаватель», «врач», «бухгалтер», «нефтяник», «охотник», «рыбак», а также «директор», «администратор», «целинник» и др. Наибольшая вариативность ответов присуща молодежи: от латинского «*Homo sapiens*» («человек разумный») до «юноши половозрелого» и многое другое.

Многочисленность и совместное проживание народов на общей евразийской территории, тесные хозяйственно-экономические связи, языковые и межкультурные контакты, национально-смешанные браки обусловили существенную активность их взаимодействия, особенно в пограничной зоне юга Западной Сибири и Северного Казахстана. Сегодня далеко не всегда совпадают религиозная, этническая, государственная, языковая и этнокультурная идентичности, а также самоидентификация и реальная ситуация. Следует отметить, что позитивные установки на межнациональное и межрелигиозное общение демонстрируют преимущественно представители старшего и среднего поколений. Молодежь отличается меньшей терпимостью и миролюбием, большей категоричностью и предвзятостью. Это свидетельствует о необходимости активизировать просветительскую и научно-образовательную деятельность в сфере межрелигиозных и межнациональных отношений в Западной Сибири и Северном Казахстане.

M. A. Zhigunova

Socio-cultural processes in Western Siberia and Northern Kazakhstan in the Soviet period and modern times

Abstract. This work is based on the materials of historical, ethnographic and ethnosociological studies of 1974-2024, which

were conducted in Northern Kazakhstan and in all regions of Western Siberia. More than 200 different peoples live in this territory, which actively interact with each other. The author analyzes the history of the study and the main changes that have occurred in the self-consciousness, religion and culture of

the East Slavic and Turkic populations of this region. Special attention is paid to the research of Omsk scientists. **Keywords:** *ethnic history and modernity; identity; traditional culture; mutual influences of peoples and cultures; Orthodox and Muslims; Ethnographic Omsk Scientific Center; N. A. Tomilov.*

Источники и литература

1. Центр устной истории и этнографии АлтГПУ URL: <https://oralhistory.altspu.ru/about> (дата обращения: 25.10.2024).
2. Полевые исследования по этнографии и устной истории на территории Алтайского края во второй половине XX – начале XXI в. URL: <https://etnografy.altspu.ru> (дата обращения: 25.10.2024).
3. Институт археологии и этнографии СО РАН. URL: <https://archaeology.nsc.ru> (дата обращения: 25.10.2024).
4. Захарова И. В., Томилов Н. А. Этнографические научные центры Западной Сибири середины XIX – начала XXI века. Омский этнографический центр / отв. ред. В. П. Корзун, В. И. Матющенко. Омск: Изд. дом «Наука»; Изд-во Омск. гос. пед. ун-та, 2007. 400 с.
5. Кафедра этнологии, антропологии, археологии и музологии ОмГУ им. Ф. М. Достоевского. URL: <http://ethnography.omsu.ru> (дата обращения: 25.10.2024).
6. Сибирский филиал Российской научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева. URL: <http://sfrik.omsu.ru> (дата обращения: 25.10.2024).
7. Жигунова М. А. Этнографический Омский научный центр: история и современность: монография / отв. ред. В. П. Корзун; М-во науки и высшего образования Рос. Федерации; Рос. Акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т археологии и этнографии. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2024. 184 с., ил.
8. История, культура, традиции сибирского казачества: учеб.-метод. пособие / отв. ред. и сост. М. А. Жигунова. Омск: Омскбланкиздат, 2022. 106 с., ил.; нот.

DOI 10.37386/2687-0592-2024-12-45-53

УДК 433

Т. Ю. Красовицкая

ИРИ РАН, Москва, Российская Федерация

«Пост(нео)колониализм» в контексте «халатного авангарда» Средней Азии 1920-х годов¹

Аннотация. С 2014 г. заметно выросла в популярности тема деколонизации России, которая в российском контексте описывается как обретение культурной, психологической и экономической свободы народами и зависимыми территориями, как борьба со сложным пересечением имперского и советского наследия. Историческая картина революционных перипетий в среднеазиатском пространстве, их сложность была очевидной, актуальные инверсии истории и памяти войны ведутся на поле неоколониалистских теорий. Вне внимания остается совокупная сложность практик в первые годы формирования советского государства. Она нуждается в осмыслении и уточнении. Опыт народов, результат их модернизации касается культуры, языков, традиционных космологий, вариантов борьбы с неравенством в ситуациях, всегда практически по-разному отчаянных. В нем зияют колоссальные лакуны, которые пытались осмыслить русские авангардисты. В статье опыт критически осмысливается на основе ранее недоступных источников и новых теорий. **Ключевые слова:** *«халатный авангард», восточноазиатский контекст, культурные практики, неоколониалистские подходы.*

Пост(нео)колониальные теории изобретаются в разных странах имперского и постимперского мира, захватывая многие тематические сферы, стремясь

размыть традиционный суверенитет в разных хронологических этапах и периодах. Их хронологические проявления нацелены на то, чтобы быть важной мобилизующей силой, смыслом интерпретаций современности; изобретая новый миф о России, помогать реваншу новых государств.

В первые послереволюционные годы накапливался огромный фактический материал, расширялся круг тем, уяснялись истоки и пути развития сложного и многопланового явления «революционного» Востока. Идентификация с Тураном, частичное развертывание внимания в сторону России-Азии (притом Азии с «раскосыми глазами», воспетой А. Блоком), этот образ предназначался для европейских философов. Интеллектуалы подпитывали их памятью о «желтой угрозе» тюркской степной цивили-

¹ Выполняется в рамках темы «Критический анализ концепта неоколониализма применительно к советскому опыту национальной политики и этнокультурного развития» Программы научных исследований, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление общероссийской идентичности (2023–2025 гг.). Программа утверждена на заседании Межведомственной рабочей группы по вопросам межведомственных отношений и Экспертного совета при Межведомственной рабочей группе по вопросам межнациональных отношений под председательством заместителя председателя Правительства Российской Федерации Д. Н. Чернышенко от 1 марта 2023 г.

зации: туранизм свидетельствовал о том, что философские теории и религиозная мысль попали в контент идентичности и места России в восточном мистицизме. Правда, Туран в глазах части русских интеллектуалов реабилитирован, началось осмысление концепта Средней Азии как конструкта политического наследия империи, хотя, как иронизировал известный туркестанский политический деятель Сер-Али Лапин в открытом письме лидеру кадетов П. Н. Милюкову, «человеческая слабость и ограниченность поднимается до общечеловеческого только в идее и в личностях, но остается связанной родной средой в чувствах и коллективном действии» [1]. Контуры и содержание модерного потенциала Средней/Центральной Азии еще оставались расплывчатыми и менялись в зависимости от избранного угла зрения и периода [2, с. 92–98].

Сопряжение этнокультурной специфики с социалистическими идеями шло с трудом. Туркестан оставался контактным перекрестком для соседствующих «миров» (тюркского, иранского, индийского, китайского, русского), представленных главным образом тюрко-монгольской и иранской культурой с широкой палитрой религиозных верований с доминантами буддизма и ислама [3, с. 491–502]. Русские археологи, колониальные администраторы и «уроженцы» Туркестана привлекали к себе внимание, трансформируясь из героев истории археологических исследований в Центральной Азии в работах С. Горшениной и Г. Э. Аббасовой в адептов культурного трансфера имперской (и советской) России, со своими мобильными современными научными технологиями, с приключенческим духом археологов-героев и или помощников – художников авангарда [4, с. 65–71]. В частности, С. М. Горшенина интерпретировала искусство региона как «особый тип европейской культуры, сложившейся в относительно изолированном пространстве», когда изобразительное искусство испытывало существенное воздействие авангардизма.

Сложные пируэты выписывали авангардисты в направлении к Средней Азии. Мощным живительным потоком хлынули на юго-восточные окраины страны, на Алтай, в Среднюю Азию творческие люди. «Гениальный организатор», «вождь», «теоретик», «коммерсант» футуризма Д. Бурлюк, путешествуя в 1918–1920 гг. по городам Сибири и Дальнего Востока, устраивал литературные вечера и выставки, взрывал атмосферу сибирских просторов творческими экспериментами [5]. Газета «Дальневосточное обозрение» 16 мая 1920 г. саркастически отмечала: «Конечная станция шарабанов всяя Руси – Владивосток, кажется, не шутя собирается стать Афинами здешних мест». На многочисленных выставках, лекциях, поэзоконцертах Бурлюка воспринимали как мессию. Зеваки ходили за ним толпами [6]. Н. Асеев вспоминал: «Был он похож на дрессированного рабочего слона. Двери его квартиры никогда не запирались. Возвращавшиеся из доков рабочие часто заходили к нему смотреть его цветистые полотна и разговари-

вать о них – столь странных, ярких и непохожих на Третьяковскую галерею» [7]. В 1921 г. в Барнаульском художественном музее была показана привезенная лидером сибирского авангарда М. И. Курзиным из Москвы по специальному мандату ИЗО Наркомпроса (содействовал А. Луначарский) коллекция авангардистов Малевича, Лентулова, Гончаровой, Ларионова, Кандинского, Розановой, Осмёркина, Машкова и др. Их живопись демонстрировала одушевление общественной обстановки революционных лет.

Если в сибирских городах образование авангардистских «точек сборки» авангарда у многих связывалось с дорогой в вынужденную эмиграцию, то на центрально-азиатском ответвлении огромного пространства пути авангардисты оказывались с частями Красной Армии, в агитпоездах, в командировках ВЦИК, Наркомпроса РСФСР, Главмузея и пр.

Мандаты ТуркЦИК, целевые творческие командировки от Луначарского, приглашения учителей и коллег, студенческие практики сделали возможным присутствие в Средней Азии на довольно коротком временном отрезке множества авангардистов самого разного толка. Они занимались реставрацией архитектурных памятников, оформляли агитпоезда, клубы и красные чайханы, работали в местных газетах и изготовляли вывески, устраивали выставки и творческие вечера, объединялись в художественные группировки для синтеза модернистских экспериментов с традиционными видами искусства – персидской миниатюрой, кубизмом и коврокачеством, импрессионизмом и вышивкой-сюзанае, посвящали себя преподавательской деятельности. Один из лидеров сибирского и узбекского авангарда М. Курзин в 1919 – начале 1920-х гг. по командировке Луначарского был в Китае. Интересен рассказ его жены В. В. Лейтус: находившийся в Шанхае художник А. Е. Яковлев, уезжая в эмиграцию, убеждал Курзина присоединиться. Курзин ответил: «Нет, Саша. Я вернусь домой. У меня там мать, Маяковский, Ленин...» [8, с. 467–468].

Авангардисты, оказавшиеся в Туркестане волею причудливых судеб в положении, напоминавшем то вынужденное, то добровольное изгнание, известны как «группа Степанова». Протагонистов кружка трудно назвать пламенными революционерами. Сам Д. Степанов, судя по всему, всю жизнь оставался правым монархистом. После ряда едва не ставших фатальными перипетий (он занимал в Петрограде пост заместителя председателя Отдела по делам музеев) ему удалось сначала выехать из опасных столиц в Пензу, а затем, при посредничестве жены Л. Троцкого (Главмузей), прибыть с миссией по охране памятников в Самарканд. Сходными мотивами и обстоятельствами был командирован Наркомпросом РСФСР заведующим художественной секцией Комиссии по реставрации и охране памятников ученик К. А. Коровина и В. А. Серова Алексей Исупов. В 1915 г. они с женой искали способ отправиться во Флоренцию и Рим, но художника мобилизовали в армию и направили в Туркестан. Очарование сред-

неазиатской культурой сблизил его с группой Степанова в 1920 г. Мотивы приезда в Среднюю Азию К. Петрова-Водкина сводятся к служебной командировке. Он, побывав арестованным в 1919 г. вместе с А. Блоком, по командировке Главнауки уехал в Туркестан. В его воспоминаниях «Самаркандия» он сосредоточился на том, как «набросала история в котел русской снеди, и забродило по кругам котла содержимое... Потомки наши со временем разберутся от винтика к винтику в событиях; доисследуются до первопричины: почему закипел котел и почему вообще котлы кипят...» [9, с. 46]. Петров-Водкин делился опытом «науки видеть»: «Древние люди умели сосредоточиваться над вещами и строить из них любые формы... самое главное, формы жизни бесконечно разнообразны – лучшая из них в осознании этих форм, в пребывании самому в бесформии... Пространственность еще только мерещится. В ней переломы и культуры и самого облика человеческого, но как труден путь к ней» [10].

Скорее всего, изгнанническими были и мотивы приезда в Среднюю Азию наиболее известного художника группы Александра Николаева, принявшего в Самарканде имя Усто Мумин (с узб. – «правовверный мастер»). В советское время биографы придерживались легенды об увлеченном революционными идеями художнике, явившемся по мандату ТуркЦИКа «для укрепления и развития культуры и искусства отдаленной окраины» [11, с. 14–17]. Однако, как выяснил Б. Чухович, этот бывший супрематист и политрук в небезопасные 30–40-е годы ретушировал факты биографии. Направляясь в Туркестан, он мечтал повторить опыт Гогена на острове Таити: «У меня явилась мысль повторить этот опыт на себе» [12, с. 5]. В Самарканде, отрешившись от какого бы то ни было культуртрегерства, он стремился жить жизнью и исполнять ритуалы мусульман Средней Азии [13, с. 32–46]. Поскольку гогеновский побег на Таити оставался в европейской культуре эпохи модерна архетипичным образом изгнания, желание повторить его в Самарканде, очевидно, навеяно схожими обстоятельствами. «Живописный» Туркестан схожим образом осваивали М. Курзин и его земляки, постигая три круга евразийской культуры: «барнаульский», включавший в себя творчество алтайцев, хакасов, бурятов, казахов; «казанский» (в Казани художник учился); «китайский» (в этой стране художник работал по путевке Луначарского [14]. Авангардисты (К. Петров-Водкин, А. Самохвалов, М. Курзин и В. Гуляев) устраивались в состав посылаемых из центра структур.

Художники продуцировали нечто, никогда не характеризовавшее их творчество ранее. Н. Ахмедова пишет: «Мастерам авангарда приходилось... искать опоры в самом наследии Востока» [15, с. 47], тоньше чувствовать специфику передачи культурных и технологических традиций из прошлого в будущее, отводя им особую роль общественного механизма, транслятора важных черт картины будущего мира, так актуальных для политиков. В дневни-

ке Петров-Водкин пишет: «Ощущено преодоление пространства. В этом и ни в чем другом дальнейшая культура» [16, с. 66]. Над феноменом ее целокупности, вовлекая новые структуры власти и управления в тайны региона, пронизывая их стежками европейского модернизма-сезаннизма, работали бубновалетчик В. В. Рождественский, армянин Н. Г. Кархан и др.

В уникальных формах авангардисты видели сожителство различных мыслительных и художественных практик: «Петрова-Водкина... глубоко захватила проблема отражения глубочайшего переворота, произведенного в психике человека» [17, с. 134]. С. М. Горшенина увидела, как европейская школа авангарда и восточная художественная традиция под туркестанским солнцем положили начало «халатному», «туркестанскому авангарду» [18, с. 129–135].

Авангардисты оказались в центре конфликта политических групп и оппозиций, таких как «колонизаторы – колонизированные», «аппаратчики – репрессированные исследователи», «Центр – периферия (национальные республики)» и пр., наблюдая сложное взаимодействие этнических элит, неоднородных внутри себя, российских колонистов, осевших в Средней Азии еще в царский период и называвших себя «туркестанцами», советских «выдвиженцев», направленных в Среднюю Азию из метрополии или рекрутированных на месте, интеллектуальных столичных элит и представителей высшей власти в «Центре». Творчески свободные, авангардисты видели этот конфликт более сложным, они выявили роль стоянок караванов бактрийских верблюдов и памятников, их особый сюрреалистический дух, с одной стороны, примитивизм партийных классовых критериев, географический детерминизм, с другой стороны, борьбу геополитических интересов разных элит, создаваемых республик и интернационалистских группировок, позитивизма, связанного с европоцентризмом, борьбу «централистов» с «федералистами». Сложные проблемы творчества вели к осмыслению национальной самобытности территорий, осваивавших первый опыт государственности в атмосфере идеологических, этических, социальных, корпоративно-клановых или партийно-групповых установок. В разных этнокультурных сообществах Средней Азии авангардисты видели их особую инаковость: «...Остался... один верх для пространственного благополучия народов: кто выше из них взметнет творческую энергию, облюбит Марс, отремонтирует бездельничающую Луну, урегулирует тепло и холод межпланетных путей. Матч предстоял всеземной, и победителем окажется тот, кто подвижнее в перестройке органических своих клеток и в приспособлении кровяных телец» [19]. Так они начинали осваивать смысл культурных осколков, огромного капитала разных многослойных национальных традиций тюркской культуры: из уникальной среды Великого шелкового пути и появлялся этнокультурный импульс. Вопросы: что это, «Евразия» это или «Азия»: понятие выдуманно или сконструировано путеше-

ственниками, исследователями, географами, историками и этнологами? «Центральная» или «Средняя», «Inner» или «Middle», семантика вопроса выводила на историческую и эпистемологическую проблематику: почему и, что важнее, как именно огромный ареал без четких границ в ходе истории породил такую богатую, но концептуальную неопределенность? Связана ли она с «природными» характеристиками территорий, или, напротив, представляет собой итог разнонаправленных, а порой и прямо противоположных этноментальных стратегий, в рамки которых встроены устойчивые картины мира? [4]. Отражают ли эти «картины» политические процессы, которые рассекут пространство границами и разделят различные его части на соседние «этнокультурные» пространства? Их «ментальные карты», уникальные и подверженные искажениям, заставляли думать над тем, как люди структурируют пространство, какой господствует стиль мышления, на что нацелен он? То, что видели и понимали авангардисты, отражая в холстах, было полезно политикам: здешние жители перемерили на себе больше разнообразных философий, чем жители Центральной России. 4 декабря 1919 г. Абдусаттаров предупредил московского наркома А. В. Луначарского: «До тех пор, пока старый кумир не свергнут, идеи социализма и коммунизма не могут быть укреплены в алтаре обывательского миропонимания. Туркестан еще спит; бог безраздельно властвует над ним» [20].

«Откопанный» учеными в древнейших песках сложный, смутный, изменчивый, беспокоящий дискурс «Турана» беспокоил политиков в Москве, Сталина особенно. Ленин затребовал карты по разделению Туркестанской республики на «Узбекию, Киргизию и Туркмению». Этот подход воспринимался им как способ свести к минимуму пантюркистские настроения, поощрить, с одной стороны, местные элиты, с другой же указывал на необходимость вносить: «...все (или главные) спорные вопросы в ЦК и в Всероссийский ЦИК» [21, с. 93].

Но народы Средней Азии, увидели авангардисты, имели в своей истории продолжительные периоды собственной древней государственности. И даже государственности «имперской», созданной Тамерланом. Самарканд, писал М. Волошин А. М. Пешковскому еще в 1901 г., — «это среднеазиатский Рим», согласно «неевропейской точке зрения, которая всегда будет высокомерно-презрительной» [22]. Появившийся термин требовал применить или, наоборот, отвергнуть его в условиях, когда семантика наполняемого классовым содержанием пространства стала остро актуальной для интерпретаций, когда картина мира Корана, караванные пути доиндустриальной эпохи застыли в ожидании натиска европейских технологий. Через эти территории еще не прокладывались нефтяные маршруты, а поток экзотических товаров и услуг, буддийских и зороастрийских идей и знаний еще не прекращался. Термин указывал: взаимоотношения не были безоблачными. Посетив Джалалабадский район, член Турккомиссии ВЦИК А. Ио-

ффе не скрывал негодования: «Я видел собственными глазами, что отобранная у русских крестьян ранее засевавшаяся ими земля стоит ныне никем не засеянная и не вспаханная, во всей своей девственной неприкосновенности... Я видел заброшенные русские избы и заброшенные при этих избах русские огороды — то и другое, переданное киргизским артелям, живущим рядом в юртах и забросившим все это только потому, что они не знают, как обращаться с русской печью и как ухаживать за русским огородом. Стремление мстить, разрушать для того, чтобы одних проучить, а других научить, доводит до того, что все пчеловодство в районе разрушено только во имя разрушения: пасек киргизам не передавали, и тем не менее пасечникам „под страхом смертной казни“ было запрещено являться на свои пасеки» [23]. Но 1 мая 1920 г. «граждане (так в документе. — Т. К.) Пржевальского, Нарынского, Токмакского и Пишпекского уездов Семиреченской области» писали «вождю Российской революции товарищу Ленину»: «Все учебные пособия должны быть доставляемы и готовыми к сентябрю месяца сего года, как то: букварь, химия, природоведение и проч., каковые должны быть составляемыми на нашем родном языке» [24, с. 330].

Люди в удручающих условиях выживания относили к приоритетным просьбам доступность образования и обеспеченность им на родном языке, искали понимания приезжавших авангардистов. Осенью Коминтерн командировал формалиста Е. Д. Поливанова в Ташкент. Педагог Н. П. Архангельский характеризовал этого обыкновенного гениального, по Шкловскому, теоретика лингвистики: «В то время в Наркомпросе Туркестанской АССР создавался „Научный Совет“ — главным образом в целях подготовки учебников и программно-методических документов для рождавшихся национальных советских школ. Основными ячейками Научного Совета в 1921 г. являлись три национальные научные комиссии: узбекская, «киргизская» (= казахская) и туркменская. В помощь им организовывалась научно-педагогическая комиссия; меня назначили ее председателем. Вскоре Научный Совет переименовался в Государственный научный совет (ГУС). В августе 1921 г. в Научный Совет пришел вновь назначенный заместитель его председателя Е. Д. Поливанов... Мы оба боролись за организацию в составе Научного Совета Туркестанского Наркомпроса Таджикской научной комиссии, против чего возражали некоторые члены Узбекской комиссии; они утверждали, будто в Туркестанской АССР таджиков уже нет, все туркестанские таджики обубечились, таджики остались будто бы только в Бухарской республике...» [25].

Будущие участники объединения «Мастеров Нового Востока» делали экскурсии в разные десятилетия века, вписывая их в рамки творческих биографий, становления и учебы, взаимодействия с различными школами и авторитетами, воспринимая искусства разных непохожих народов, гибко продвигая их картины освоения мира. Приехав в 1920 г. по ман-

дату ТуркЦИК в Туркестан, в Бухаре, Хиве в 1920–1923 гг. А. Николаев создавал наградные знаки воинского отличия для Бухарской и Хорезмской республик. Он сблизился с археологом В. Л. Вяткиным, открывшим астрономическую обсерваторию Улугбека, и Д. К. Степановым, работал с ними в Самкомстарисе, увлекся восточной миниатюрой, принял мусульманство, выучил узбекский язык [26]. В. Н. Гуляев – один из инициаторов создания в Ташкенте художественного объединения «Мастера нового Востока», в него вошли М. Курзин, А. Волков, А. Николаев (Усто Мумин), В. Маркова, М. Гайдукевич и др. Он хранил редкие произведения А. Явленского и Д. Бурлюка, плакаты В. Маяковского и М. Черемных, попадавшие к нему буквально «из первых рук». Председателем объединения был М. Курзин, заместителем – С. Мальт и казначеем – А. Николаев [27, с. 86–98]. Объединение имело сложную художественную программу. До приезда в Туркестан они осваивали футуризм вместе с К. Коровиным, В. Кандинским, Д. Бурлюком, Н. Рерихом и др., красочное движение обогащая своими именами, сближаясь с группой «Синий всадник» в Мюнхене Кандинского, подрабатывая плакатами в «Окнах РОСТА» с Маяковским, раскрашивая стены агитвагонов в поездах, прибывавших в Ташкент. Дружба М. Гайдукевича и М. Курзина началась в 1921 г. в Москве, где Курзин преподавал во ВХУТЕМАСе. Общение художников продолжалось на трассе Турксиба, где Гайдукевич работал в 1927 г. чертежником, участвуя в его проектировании. Говоря о творческой связи «Мастеров Нового Востока» с членами «Новой Сибири», художники шуточно называли себя строителями, инженерами Турксиба. На железнодорожном полотне Турксиба происходили встречи Гайдукевича, Курзина, Мальта, Уфимцева. С Уфимцевым и Липиным Гайдукевич выставился в 1927 г. в Казахстане в городе Джетысу. С основным составом «Мастеров Нового Востока» он участвовал в новосибирской экспозиции 1929 г. [28]

Ориентализм толкал художников к авангардным исканиям. Но политические практики совсем по-новому ставили задачи перед этими ними, ставшими первыми преподавателями организованных в республиках художественных школ. В 1920 г. в Ашхабаде при Политотделе 1-й Армии создана художественная студия, во главе которой стали художники И. М. Мазель и др., пришедшие в Туркмению рядовыми солдатами еще во время империалистической войны. Студия превратилась в «Ударную школу искусств Востока», в которой обучались первые национальные живописцы Туркмени.

Новаторские произведения авангардистов пластической лексикой «Гранатовой чайханы» А. Волкова, Усто Мумина, символикой III Интернационала и гражданской войны агитационного фарфора О. Татевосяна (ВХУТЕМАС, приехав в Самарканд, организует художественную школу «Самаркандская коммуна» (1918–1919) [29, с. 140–152]. С полотен дышала средневековая культура Средней Азии с ее монументальной архитектурой, орнаментами и ази-

атским солнцем, она сохранялась в материалах по истории, археологии, этнографии, архитектуре и искусству древних культур, собранных в экспедициях авангардистов. В культурном пространстве проявлялись новые имена.

Регион примерял к себе политическую и культурную модель развития, присматриваясь к европейским культурным ресурсам. Но авторитетный знаток Средней Азии В. Бартольд настаивал: ислам «ничуть не окаменел, а сохранил до сих пор... достаточную долю жизнеспособности и умение приспособиться к обстоятельствам» [30]. Своеобразие этнических культур авангардисты хотели модернизировать, ради великой утопии будущего мира превратить их в часть «территории авангарда» мирового культурного пространства. 6 сентября 1919 г. нарком просвещения Туркестанской АССР С. Абдусаттаров сформировал комиссию для изучения древней культуры Туркестана, изучения и охраны памятников архитектуры древних городов Туркестана. В нее входили преимущественно партаппаратчики, не занимавшиеся «древностями». В июне 1921 г. Совнарком ТуркАССР постановил: «Все работы... в отношении к памятникам мусульманского зодчества... признать внеочередными и сверхударными». В 1921 г. Туркестанский отдел в Комиссии по изучению племенного состава России (КИПС) возглавил В. В. Бартольд, в категоричной форме возражавший против политико-административного передела Средней Азии по национальному принципу. Этнограф М. С. Андреев в 1921 г. назначенный членом Научной комиссии по обследованию быта коренного населения Туркестана при Совнарком ТуркАССР, возглавил экспедицию по составлению этнографической карты республики, организовал сбор подготовительных материалов, считая, что «припамирские страны представляют собой тот же Кавказ, с его множеством этнографических единиц» [31, с. 121–140].

Члены Постоянной Туркестанской комиссии Российской академии истории материальной культуры (ПТК РАИМК) под руководством Бартольда претендовали на руководящую роль в научной и культурной политике в регионе. Но борьба за влияние на туркестанские учреждения, отвечавшие за нее, прежде всего Турккомстарис, функционировавшей при Наркомпросе ТАССР и обладавшей собственными филиалами, окончилась для представителей научной среды провалом. Приехавшая из Москвы власть стремилась освоить своими средствами культурное наследие «Русского Туркестана». Стратегически и тактически работа комиссии вписывалась в общие дискурсы постреволюционных лет, доклады Д. Степанова о производимых работах заслушивались в Москве на высоком партийном и правительственном уровне в присутствии Ф. Дзержинского, М. Калинина, А. Рыкова и др. Работая с экспедициями РАИМК, Главмузея Наркомпроса РСФСР авангардисты использовали ресурс власти, приобщая Восток к современности [32]. Но оказались в сложном положении: как художников их заворачи-

вали азиатские краски, монументальность архитектуры и повторяемость вечных орнаментов, но с политической стороны раздел культурного наследия вызывал конфликты и споры: вместо сменявшихся имперские цивилизаторские проекты, остатки колониального администрирования, в обстановке революционного культуртрегерства, других культурных трансфертов Петров-Водкин, Степанов, Усто Мумин, Самохвалов, Алексей Исупов являли пример несоответствия эстетики с политикой. Основным посылом стали практики охранные и организационно-оформительские. Уполномоченный Главархива РСФСР и Турккомиссии Д. И. Нечкин ориентировал работу на задания Москвы: в СНК РСФСР «Алексей Иванович Рыков относился положительно к вопросу о денежной помощи, тов. Владимиров был менее благоприятен, тов. Дзержинский совершенно отрицательно».

ЦИК Туркестанской АССР создал ряд государственных комиссий при Наркомпросе республики: в Бухаре – Бухкомстарис, в Самарканде – Самкомстарис, в Хиве – Хивкомстарис для изучения и охраны историко-культурных памятников [33, с. 52–58]. Членами назначены российские «туркестанцы» казах А. А. Диваев, туркмен Н. Н. Иомудский, консультантом был В. В. Бартольд. В Самкомстарис (с 1921 г. Туркомстарис, с 1924 г. Средазкомстарис) помимо Д. Степанова входили А. Исупов, А. Николаев (Усто Мумин), К. Петров-Водкин. Москва усиливала влияние, командируя сотрудников, прибыли авангардисты А. Нюренберг с В. Мидлером. Мидлер из Одесского губоно в 1920 г. стал заместителем председателя Туркомстариса и заведующего ИЗО Наркомпроса Туркестанской АССР. Нюренберг, комиссар искусств в Одессе, уже поработал в Париже в совместном ателье с Марком Шагалом, с Маяковским в «Окнах РОСТА» [34].

Конфликты принимали затяжной характер разногласий центра и автономий. В ходе образования СССР их специфика зависела от политической ситуации: «ресурсное» обеспечение охраны и реставрации памятников стали связанными с национальным размежеванием [35]. Политическая акция, инициированная центром и проводимая в несколько этапов при участии местных элит, вела к созданию пяти союзных и двух автономных республик, к необходимости снабдить их государственной символикой, новыми структурами и новыми постами. По-разному оцениваемый современными историками «спущенный сверху» проект касался и культурного наследия. Раздел стал сложным взаимодействием многих акторов: местных элит, неоднородных внутри себя, российских колонистов, осевших в Средней Азии до 1917 г. и считавших себя «туркестанцами», советских «выдвиженцев», направленных из метрополии или рекрутированных на месте, интеллектуальных столичных элит и представителей высшей власти в Центре [33, с. 52].

В 1925 г. Бухкомстарис возглавил А. Фитрат, известный джадид, нарком просвещения БНСР, с ним работали интеллектуалы-прогрессисты, бывшие и

будущие наркомы просвещения, авторы учебников, известные джадиды, знатоки местных традиций, истории, этнографии А. Зайнутдинов, Р. Иногамов, К. Иомудский, Т. Миргиязов, Ш. Рахими, М. Юсупов, И. Хафизов, М. Саиджанов, Я. Гулямов. В весьма непростых условиях предельно насыщенной жизни среди этнографов, исследователей истории и культуры, судебных и военных практик, верований, генеалогии, быта ислама и зороастрийских «пережитков» появился «узбекский Гоген» У. Тансыкбаев с авангардными представлениями об «идеальном» будущем.

Необходимость национализировать собственность эмира бухарского, плачевное состояние памятников умножали значимость Туркомстариса. Д. И. Нечкин, представляя его в Наркомпросе РСФСР, гарантировал финансирование программ (разрабатываемых в Москве). На совещаниях наркомов просвещения памятники Бухары, Самарканда отнесены к имеющим союзное значение. Установив связь с заведующей Главмузеем Н. И. Троцкой, с замнаркома просвещения В. Н. Яковлевой и с Всероссийской научной ассоциацией востоковедов, Нечкин слал им отчеты о работе Туркомстариса. В письмах А. В. Луначарскому, Г. В. Чичерину Нечкин уверял первого: «Мы, представители и доверенные советской власти, взяли на себя охрану от гибели этих памятников, мы не можем... умыть руки и... отойти в сторону. Средства должны быть найдены. Это... вопрос чести советской республики, и гибель [памятников] будет поставлена мусульманами в тяжелую вину советской власти, а также вызовет злорадство на Западе»; Чичерина – в том, что «неприятие срочных мер... приведет к тому, что заграничные музеи... скупят все выбрасываемое... на вольный рынок, и предметы научно-исторического значения будут безвозвратно потеряны для народов Туркестанской республики, достоянием которых они являются», ведя «к подрыву доверия населения к авторитетности и разумности действий... власти вообще» [32].

Более того, затрагивались основы большевистской доктрины, антиколониального дискурса, выстраиваемого на радикальном классовом подходе к истории народов СССР. Этнографы вовлекались в оценки народов и земель, в подготовку тех или иных политических решений, хотя официальная «историко-партийная наука» относилась к ним свысока [36]. А. В. Шестаков, пришедший в Институт красной профессуры из Главполитпросвета учеником к М. Н. Покровскому, пытался «специализироваться» по истории Средней Азии. В статье «Проблемы истории народностей Востока в русской истории» (1925), правда, неопубликованной, он призывал: «Мы стоим перед фактом необходимости соответствующей „ревизии“ в изучении русской истории, перед необходимостью внести в нее нужные поправки с точки зрения того политического положения, в которое сейчас поставлена старая Россия, замененная Союзом ССР, т. е. союзом тех народностей, которые на равных правах с великорусами строят свою историю, строят социализм. И под углом этого строительства социализма

с точки зрения преодоления „отсталых общественных укладов“, с точки зрения внекапиталистического развития отдельных частей и народов нашего Союза настала пора решительного пересмотра старых исторических концепций и создания новой истории, истории народов СССР» [37]. С. Абашин считает: дискурс деколониализма подменялся классово-партийным, власть оставалась во многом чуждой – по языку, религии, культурным привычкам и абсолютно доминирующей могуществом силы. С этой точки зрения раздел на ряд республик способствовал усилению влияния советского центра [38]. Д. И. Нечкин осторожно напоминал: «Являясь местом весьма древней культуры, где когда-то были расположены Бактриана, Согдиана, Маргиана, Гиркания, Страна саков, Хорезм, страны по древнему Оксусу и Яксарту, Средняя Азия в своем историческом прошлом была ареной замечательнейших событий, где одна культура за длинный ряд веков сменяла другую, оставляя следы этих смен в виде развалин городов, крепостей, дворцов, гробниц и проч., частью оставшихся на поверхности земли, а частью скрытых песками пустынь. Наиболее сохранившимися памятниками являются памятники мусульманского периода. Обилие остатков старых культур в виде разного рода сооружений и предметов старины и искусства делает из Средней Азии один сплошной «музей». К сожалению, все эти сокровища древней культуры не только не изучены, но и в большой своей части не имеют простого обследования и предоставленные сами себе или гибнут под действием времени и стихии, или расхищаются, разрушаются людьми» [39, с. 6].

В ходе национального размежевания Нечкин настаивал: «Средазкомстарис должен остаться неделимым»: «историческое прошлое Средней Азии исключает настоящие национальные политические границы». Он предлагал передать его в союзное подчинение, что было сделано 18 февраля 1926 г. По представлению секретаря Президиума ЦИК СССР А. С. Енукидзе Средазкомстарис передан в ведение ЦИК СССР. В новой системе государственного устройства СССР он был превращен в Комитет по делам музеев и охраны памятников, старины, искусства и природы Средней Азии и Казахстана.

Деятельность Туркомстариса – Средазкомстариса – Узкомстариса дает возможность нащупать смысл разрывов в истории восприятия, изучения и охраны культурного наследия Средней Азии, в котором свою роль сыграли командированные авангардисты, художественным языком надеясь уточнить политические цели центра. На свет появлялись политизированные полотна авангардистов, например М. Курзина: «Беседа», «Митинг по случаю объявления земельной реформы», «Митинг на Регистане», «Эпизод восстания Восе», «Взятие города Гисара», «Боевой план», «Вывоз на арбе убитых», «Наказание дехканина», «Калинин в Бухаре» и др. Так обозначаются этапы развития дискурса, конфликтно развивавшегося на разных уровнях между Центром и среднеазиатской периферией. Кампания по кор-

низации, начатая советской властью из Центра и поддержанная на местах «туркестанцами» и «выдвиженцами», способствовала усилению этого дискурса относительно культурного наследия. Кстати, подобные конфликты сходным образом решались в Грузии, Крыму, Украине и др. [40].

В 1927 г. Отдел работниц и крестьянок ЦК ВКП(б) поручил отделу национальных меньшинств Управления пропаганды и агитации ЦК подготовить серию брошюр под названием «Труженица Востока». Над просветительскими материалами работал В. Гурко-Княжин, ставя задачу предоставить этнографически точную информацию, доступную активистам на местах и рядовым читателям. Научная ассоциация востоковедения при ЦИК СССР использовала нарративы популярной этнографии в 30 брошюрах, кратко описывая территорию, на которой проживал тот или иной народ, быт и нравы, экономическое и правовое положение женщины. Создаваемые этнографами и востоковедами, тексты использовали язык описания, который опирался как на российскую академическую этнографию, так и на марксистский идеологический канон. Брошюры, используя женский этноним «Узбечка», «Азербайджанка», «Армянка», «Башкирка», «Вотячка», «Татарка», «Черкешенка», на 40 страницах с цветной обложкой и черно-белыми иллюстрациями распространялись местными органами власти женским организациям, библиотекам, издательским учреждениям, тиражом 7000 экз. каждая. Тексты сохраняли ориенталистский взгляд на канон красоты «восточной женщины». Этнографическое знание помещалось в школьные учебники, путеводители, открытки, рекламу, кинопродукцию, песни, карты, в экспозицию этнографических музеев и выставок для восприятия широкой аудиторией. Популяризировались «научные основы и практические результаты советской национальной политики», отмечалось 5–11 апреля 1929 г. на знаменитом Совещании этнографов Москвы и Ленинграда [41, с. 149–178]. Партийный и административный контроль усиливался.

Авангардисты на окраинах бывшей империи решали полезную политическую задачу, выступая просветителями и культуртрегерами отдаленных от столиц краев, они двигали авангард на восток вслед отступающим белым дивизиям, обосновываясь в их недолговечных столицах, в будущих центрах национальных республик, формируя авангардные группы из местных талантов и наполняя их местной спецификой. Формирование «материализованного» этнокультурного прошлого совпало с созданием системы охраны культурных ценностей. Во-первых, оно проходило при участии советской власти, приехавшие авангардисты принесли в Среднюю Азию концепцию сохранения культурного наследия, изобретенную европейским отношением к нему [33, с. 57], и, во-вторых, национальные структуры по указанию «сверху» закладывали этноцентрический дискурс в политику отношения как к древним памятникам, так и к другим просветительно-пропагандистским ресурсам.

Сложившаяся к середине 1920-х гг. модель культурной политики в Средней Азии была характерна для масштабных реформ во всей стране: она оставалась подчиненной органам государственной власти и не имела разрешающих полномочий. Решающее слово оставалось за центральными органами власти, те без четких профессиональных компетенций руководствовались соображениями политической надобности. В результате впервые вводимые в контекст отечественной историографии оценки русских авангардистов, их практики в политическом пространстве Средней Азии существенно уточняют влияние их на политический язык раннесоветского периода. При всех дискуссионных неоднозначностях в большинстве своем поддержанный структурами власти авангардизм был политической реальностью, проявляя себя в самых разных интеллектуальных ипостасях. Авангардистский феномен советской практики в формировании новых государств на базе художественных и этнолингвистических подходов, выявил опорные элементы, интеллектуальные ресурсы взаимодействия с модерном в новых исторических условиях.

T. Y. Krasovitskaya

«Post(neo)colonialism» in the context of the «negligent avant-garde» of Central Asia in the 1920s

Abstract. Since 2014, the theme of the decolonization of Russia has grown markedly in popularity, which in the Russian context is described as the acquisition of cultural, psychological and economic freedom by peoples and dependent territories, as a struggle against the complex intersection of imperial and Soviet heritage. The historical picture of the revolutionary vicissitudes that took place in the Central Asian space, their complexity was obvious, the actual inversions of the history and memory of the war are being conducted in the field of neo-colonialist theories. The cumulative complexity of practices in the early years of the formation of the Soviet state remains out of focus. It needs to be understood and clarified. The experience of peoples, the result of their modernization, concerns culture, languages, traditional cosmologies, options for combating inequality in situations that are always desperate in almost different ways. There are colossal gaps in it, which the Russian avant-gardists tried to comprehend. The article critically examines the experience on the basis of previously inaccessible sources and new theories. **Keywords:** «negligent avant-garde», East Asian context, cultural practices, neocolonialist approaches.

Источники и литература

1. ГАРФ. Р-Ф.579. Оп. 1. Д. 1976. Л. 1–2 об.
2. Карыева А. К. Культура тюркской эпохи в Центральной Азии // Культурное наследие Сибири. 2016. № 20. С. 92–98.
3. Оазисы Шелкового пути: современные проблемы этнографии, истории и источниковедения народов Центральной Азии. К 100-летию д-ра ист. наук Б. Х. Кармышевой. М.: Исламская книга, 2018.
4. Горшенина С. М. Изобретение концепта Средней / Центральной Азии: между наукой и геополитикой. Пер. с фр. М. Р. Майзульса. Вашингтон: Программа изучения Центральной Азии, Университет Джорджа Вашингтона, 2019. VIII.
5. Бурлюк Д. Д. Фрагменты из воспоминаний футуриста. СПб: Пушкинский фонд, 1994.
6. Корнилов С., Ленкова Е. Владивостокский период в жизни и творчестве Давида Бурлюка // Homo Legens. 2013. № 4.
7. Асеев Н. Н. Октябрь на Дальнем. Собрание сочинений в 5 т. М.: Худ. лит., 1964, Т. 5. С. 121–135.
8. Энциклопедия русского авангарда В. И. Ракитина и А. Д. Сарабянова. Т. 1. «А–К». М., 2013.
9. Петров-Водкин К. С. Пространство Эвклида. М.: Азбука, 2022. С.46.
10. Петров-Водкин К. С. Самаркандия. Из путевых набросков 1921 года. Пб.: Аквилон, 1923. 55 с. С илл.
11. Круковская С. М. Усто Мумин. 1897–1957: Жизнь и творчество. Ташкент: Издательство литературы и искусства имени Гафура Гуляма, 1973.
12. Шафранская Э. А. В. Николаев – Усто Мумин: судьба в истории и культуре. СПб.: Свое издательство. 2014.
13. Аббасова Г. Э. «Роза и перепелка». Метаморфозы в графике А. В. Николаева (Усто Мумина) 1930-х годов // Человек и культура. 2022. № 6.
14. Шохин Н. Круги евразийской культуры Михаила Курзина // Сибирские огни. 2023. № 1.
15. Ахмедова Н. Р. Живопись Центральной Азии XX века: Традиции, самобытность, диалог. Ташкент, 2004.
16. Петров-Водкин К. В Центре Жизни Жизней. Воспоминания, письма, документы. СПб., 2018.
17. Исаков С. Памяти Кузьмы Сергеевича Петрова-Водкина // Искусство. 1939. № 3.
18. Горшенина С. М. Синяя птица среднеазиатского авангарда. Социологические заметки историографа искусства» (1998) // Общественное мнение. Узбекистанский гуманитарный журнал. 1998. № 1.
19. Петров-Водкин К. Пространство Эвклида. М., 1932.
20. ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 1. Д. 283. Л. 73 – 73 об.
21. Ленин В. И. ПСС. Т. 41. С. 93.
22. Волошин Максимилиан. Собрание сочинений. Т. 7. Кн. 2. Дневники 1891–1932. М.: Эллис Лак. 2008.
23. РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2156. Л. 34, 36, 50–51.
24. Жетысу-Иссык-кульская трагедия: 1916–1920 гг.: сб. док. и материалов. Т. 2. Алматы: Ел-шежіре. 2009. С. 330.
25. Поливанов Е. Д. Статьи по общему языкознанию. Избр. работы. М.: Наука. 1968.
26. Шафранская Э. Усто Мумин: превращения. М.: Музей современного искусства «Гараж», 2023. 304 с.
27. Тухтаева М. Отражение репрессивной политики советской власти в социологии «дела Курзина» // O'zbekiston Tarixi. 2017. № 4.
28. Еремян Р. «Мастера Нового Востока» как часть мирового художественного процесса // Sanat. 2005. 1 июля. Вып. 3–4.
29. Ахмедова Н. Узбекистанский авангард: опыт типологической интерпретации // Central Asian Journal of Art Studies. 2021. Т. 6. № 2. С. 140–152.
30. Бартольд В. В. Мусульманский мир. П.: Наука и школа, 1922.
31. Андреев М. С. Некоторые результаты этнографической экспедиции в Самаркандскую область в 1921 г.

- // Изв. Турк. отдела Рус. геогр. о-ва. Т. XVII. Ташкент, 1925.
32. Протоколы совещаний наркомов просвещения союзных и автономных республик. 1919–1924 гг. М.: Наука, 1985.
 33. Горшенина С. Туркомстарис — Средазкомстарис — Узкмстарис: формирование институций и этноцентрический раздел культурного наследия Средней Азии // *Этнографическое обозрение*. 2012. № 1.
 34. Мидлер В. М. Самарканд и Ташкент. Живопись и рисунки худ. А. Нюренберга; текст В. Мидлера. М.; Ташкент: Изд. «Рисоля», 1922. 1000 экз.
 35. Бухарин М. Д. «Туркомстарис в виду его бездеятельности, из-за отсутствия средств будет уничтожен...». К истории формирования научной и культурной политики в советской Средней Азии в первой половине 1920-х гг. // *История*. 2023. Т. 14.
 36. Шнирельман В. А. Злоключения одной науки: этногенетические исследования и сталинская национальная политика // *Этнографическое обозрение*. 1993. № 3. С. 52–68.
 37. АРАН. Ф. 638. Оп. 1. Д. 177. Л. 5.
 38. Абашин С. Введение. В поисках объяснения // Абашин С. *Советский кишлак: Между колониализмом и модернизацией*. М.: НЛО, 2015.
 39. Нечкин Д. И. Задачи и ближайшие цели Комитета по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы в Средней Азии // *Известия Среднеазиатского комитета по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы (Средазкомстарис)*. Ташкент, 1926. Вып. 1.
 40. Красовицкая Т. Ю. Совещания наркомов просвещения советских республик в 1919 — 1924 гг. // *Исторические записки Института истории СССР*. 1986. № 113.
 41. Черняева Н. А. Воображая Советский Восток: нарративы популярной этнографии в серии брошюр «Труженица Востока», 1927–1929 // *Этнография*. 2022. № 3 (17).

DOI 10.37386/2687-0592-2024-12-53-56

УДК 94

Е. М. Кушнарева*Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул, Российская Федерация***Переселенческое движение в Туркестан в конце XIX — начале XX в. в оценках советских историков¹**

Аннотация. В статье рассматривается политика Российской империи и Центральной Азии в XIX — начале XX в. с акцентом на переселенческое движение через призму оценок советских историков. Охарактеризованы работы историков школы М. Н. Покровского, фиксировавшие исключительно негативную оценку переселенческой политики Российской империи в Туркестане. Выявляются основные изменения в работах советских историков конца 1940-х — начала 1980-х гг., где стали выделяться негативные и положительные стороны колонизации региона. **Ключевые слова:** *Центральная Азия, Туркестан, переселение, колонизация, советская историография.*

Туркестан стал последним территориальным приобретением Российской империи и просуществовал в ее составе с 1867 по 1917 г. История вхождения Туркестана в состав империи и его освоение рассматривалось и оценивалось современниками [1] с позиций военно-политических побед и закрепления российского влияния в центральноазиатском регионе, одним из механизмов которого стало переселенческое движение. В советский же период сложились другие тенденции в рассмотрении обозначенных вопросов. Целью данной статьи является анализ переселенческого движения в Туркестан в конце XIX — начале XX в. в трудах советских историков.

Итогом завоевательной политики России в Центральной Азии стало образование Туркестанского генерал-губернаторства, состоявшего из земель Кокандского ханства, части территорий Бухарского эмирата и Хивинского ханства. В этом же году было создано первое селение — Русский Чиназ — в Ташкентском уезде. Одной из задач туркестанской администрации стало экономическое закрепление терри-

торий посредством создания самостоятельных крестьянских хозяйств [2, с. 1628] Официально водворение в Туркестанский край было разрешено, однако процесс, связанный с выходом крестьянина из общины, представлял собой весьма сложную процедуру. Российские власти, конечно, были против массового самовольного переселенческого движения, но не могли препятствовать ему в полной мере. До 1891 г. в указанном регионе миграционные процессы были незначительными, но из-за голода, вызванного неурожаями 1891–1892 гг., ситуация с переселениями изменилась: начался массовый приход большого количества семей, который почти в 10 раз превысил количество переселенцев за предыдущие годы. Но дальнейшее освоение территорий Центральной Азии столкнулось с нехваткой земель и неразвитостью ирригационной системы для земледелия, недостаточным распределением земель в колонизационный фонд. Государственная власть официально запретила переселение в Туркестанский край, но крестьяне продолжали прибывать в этот регион. Позднее, в годы первой российской революции, в 1906 г. был создан Сырдарьинский переселенческий район для реализации столыпинской аграрной реформы.

¹ Научный руководитель — канд. ист. наук, доцент Ю. Н. Цыряпкина.

Началась экспроприация земель кочевников, для того чтобы обеспечить новых переселенцев земельными наделами. В результате к 1917 г. в Сырдарьинской области находилось наибольшее количество поселков (190) и переселенцев (72,5 тыс. чел.) [3, с. 25]. Уже новая, советская, власть стремилась проводить другую политику, а именно приняла Декрет о земле, согласно которому земля объявлялась «всемирным достоянием», становилась государственной.

Работы по освоению Туркестана стали публиковаться в раннесоветский период. Новое советское правительство нуждалось в обобщающих работах о российской истории, написанных с марксистской точки зрения, чтобы заменить учебники, написанные до 1917 г. В подготовке одной из таких работ важную роль сыграл М. Н. Покровский [4, с. 76]. В 1920 г. он опубликовал книгу «Русская история в самом сжатом очерке» [5]. Автор рассматривал историю с точки зрения экономической эволюции и классовых борьбы, доказывая неизбежность российской революции [5, с. 8–9]. Его оценка имперской истории России способствовала формированию мнения в исторической науке 1920-х гг. о том, что политика Российской империи в отношении Центральной Азии отличалась исключительно агрессивным и захватническим характером, в то время как Великобритания придерживалась защитной стратегии.

Близкой по оценкам к работе М. Н. Покровского стала публикация П. Г. Галузо «Туркестан-колония (очерк истории Туркестана от завоевания русскими до революции 1917 года)» [6]. В книге в негативном ключе характеризуется деятельность как имперского правительства в Туркестане, так и самих русских переселенцев, которые должны были «быть опорой русского господства в крае против «мусульманского» населения; он же должен был, во-вторых, быть производителем хлеба в тех районах, где не сеялся хлопок» [6, с. 102]. П. Г. Галузо заострял внимание на том, что переселенцы отнимали земельные наделы у коренного населения: «Главное для поселенца, это, конечно, удобная для поселения земля. Правительство бесцеремонно брало эту землю у туземцев» [6, с. 106].

В своей работе, анализируя общее положение Туркестана в составе Российской империи, П. Г. Галузо доказывал потребность российского капитала и предпринимателей в ресурсах Центральной Азии. Советский историк прямо говорил об их экономической заинтересованности в регионе, например, что «трактаты, заключающиеся с Кокандским, Хивинским и Бухарским ханами, чрезвычайно напирали не только на уравнение прав русских купцов с купцами туземными, но и на обеспечение этим купцам таких прав, которыми не владели даже и купцы мусульмане» [6, с. 9].

Рассматривая горные богатства Туркестана, П. Г. Галузо отмечал, что из-за открытия полковником Черняевым угля на северных склонах Катауского горного хребта с 1863 г. и открытия командированным от правительства инженером Татари-

новым на южных склонах того же Каратау еще более богатых пластов угля в 1865 г. началась «золотая лихорадка» уже после официального присоединения региона к Российской империи в 1867 г. [6, с. 12].

В целом работа П. Г. Галузо характеризует вопрос переселенческого движения в Туркестан как один из тех факторов, которые способствовали усилению российского влияния в регионе.

В период с конца 1940-х — начала 1980-х гг. активно публиковались работы об имперском периоде в Туркестане, в которых так или иначе затрагивался вопрос переселенческого движения в регион в конце XIX — начале XX в. Одной из заметных работ стала «История народов Узбекистана» авторства К. В. Тревер, А. Ю. Якубовского, М. Э. Воронец [7]. Эти историки шире, чем П. Г. Галузо, рассмотрели переселенческое движение в Туркестан. В определенной степени новаторским стало представление социального состава и хозяйства переселенцев, в том числе меннонитов, управление городами и их благоустройство. Так, в частности, они делали упор на том, что «туркестанская администрация, по соображениям политическим, особенно ревниво охраняла Фергану от проникновения русских переселенцев. <...> Тем не менее запреты администрации не могли остановить стремления русских колонистов в благодатный край. В начале девятых годов „самовольцы“ проникли... обосновались здесь на землях, принадлежавших киргизам, поставив таким образом администрацию перед свершившимся фактом» [7, с. 347]. Авторы представили разделение процесса переселения в регион в рамках двух этапов: до официального запрещения заселения в Туркестан и после указанного события. Они пришли к следующему выводу: «Национально-освободительное движение, охватившее в 1916 г. Среднюю Азию, подвело итог отрицательным результатам колонизаторской политики царизма, в основе которой лежало натравливание одних народов на другие» [7, с. 350].

Важным исследованием, освещающим материальную и духовную жизнь переселенцев, является этнографическая работа «Восточнославянское население Иссык-Кульской области Киргизии» Т. В. Станюкович [8]. Главное внимание автор уделяла трансформации культуры и быта локальных групп восточнославянского населения (русских, украинцев и белорусов) на территории Центральной Азии. Этнограф акцентировала внимание на влиянии как самих восточнославянских переселенцев друг на друга, так и на местное — киргизское — население. Т. В. Станюкович подчеркивала, что восточнославянское население в центральноазиатском регионе сформировалось «...в среде народов с совершенно иной структурой хозяйства и культуры в целом (например, среди народов Сибири, Средней Азии, Казахстана)» [8, с. 164], поэтому восточнославянское старожильческое население Прииссыккуля она отнесла к южнорусской группе восточных славян [8, с. 178].

Уже в работе «Экономическое развитие Средней Азии (со второй половины XIX столетия до Первой мировой войны)» А. М. Аминова [9] проблема переселенческого движения рассматривается отдельным вопросом. Экономист по основной своей специализации, А. М. Аминов характеризовал переселенческий вопрос следующим образом: «Одной из коренных проблем экономической политики царской России в Средней Азии была проблема колонизации, заселения ее русскими переселенцами, для смягчения аграрного вопроса в самой империи» [9, с. 120]. Он отмечал, что «в истории переселенческой политики царизма в Туркестане можно отметить в основном три главных этапа:

- период с 1868 по 1891 г.;
- период с 1891 по 1897 г. — год официального закрытия Туркестана для переселения и
- период с начала девятисотых годов до 1916 г.» [9, с. 120].

Автор отмечал, что имперское правительство вело свою переселенческую политику как маятник, то открывая регион для заселения, то закрывая.

А. М. Аминов подвел следующие итоги: они «оказались, как видим, крайне незначительными (в коренных областях края в 1911 г. было устроено 1419 семей, а в Семиреченской области в 1905 г. было 30000 переселенцев), но революционизирующее значение его было огромно, что показало восстание 1916 г.» [9, с. 139].

В 1983 г. историк А. П. Фомченко опубликовал обширную монографию «Русские поселения в Туркестанском крае» [10], основываясь на документах Центрального государственного архива Узбекской ССР (ныне Национальный архив Республики Узбекистан). Рассматривая историю переселенческого движения в Центральную Азию, Фомченко также выделил этапы данного процесса, в частности, он не только разделял их по годам, но и давал краткую характеристику:

«Первый этап (1867–1897 гг.). Это было время, когда правительство отрицательно относилось к переселению. Главной задачей царизма на данном этапе являлось закрепление присоединенной территории путем привлечения в край лишь состоятельных русских крестьян на льготных условиях.

На втором этапе (1897–1905 гг.) происходило усиление крестьянской самовольческой колонизации края. Правительство в связи с ростом крестьянского движения в стране вынуждено было перейти к политике поощрения переселений.

Третий этап (1906–1911 гг.) характеризовался массовым выселением „беспокойного“ крестьянства из Европейской России на окраины в связи с революцией 1905–1907 гг. и столыпинской аграрной политикой. По мнению правительства, переселение должно было способствовать ликвидации земельного голода и, следовательно, ослаблению революционного движения в России.

Четвертый этап начался после принятия Закона 19 декабря 1910 г. Это был этап так называемого „но-

вого курса“, рассчитанного на создание в Туркестане „крепких“ хозяйств, которые в будущем явились бы опорой царской власти в крае. Этот этап характеризовался громадным ростом обратного движения переселенцев на родину и полным крахом правительственной переселенческой политики» [10, с. 15–16].

Таким образом, А. П. Фомченко обосновал периодизацию переселенческого движения в Туркестан в имперский период.

Вместе с тем именно А. П. Фомченко на основе источников и исторических трудов своих предшественников объединил причины переселенческого движения воедино: «Следовательно, господство дворянского землевладения, острое малоземелье и нищета основной массы крестьянства, ограбленного при «освобождении» и подавленного тяжестью выкупных платежей и налогов, разорение и экспроприация среднего крестьянства, кабальная аренда и отработки, хронические неурожаи и голодовки — все это заставляло крестьян покидать родные места и переселяться за Урал в надежде найти там землю и лучшую жизнь. <...> Ю. Южаков и К. Вошинин искали причины переселения крестьян не в их бедственном положении, а в «природе русского крестьянства», в его «охоте к перемене мест», в бродячих инстинктах, «свойственных натуре русского человека» [10, с. 24–25].

Но не только критика присутствует в работе А. П. Фомченко. В ней он отдал должное развитию городской жизни, хоть и через призму национально-освободительного движения: «Многие города постепенно превращались из военно-стратегических пунктов в торгово-промышленные и культурные центры. В результате огромная масса туркестанского населения втягивалась в водоворот новой, прогрессивной хозяйственной, общественно-политической и культурной жизни. Города становились центрами революционного движения в Туркестанском крае» [10, с. 73].

В книге отмечалась и разница между старыми русскими поселками и новыми поселками, которые возникли после провозглашения аграрной реформы Столыпина: «Анализ состояния старожильческих [поселений] показывает, что они были хорошо обеспечены земельными угодьями и водой, имели много скота. Данные о новосельских поселках... дают представление о деревне иного типа. В большинстве своем жители этих сел, наспех устроенных Переселенческим управлением, влачили жалкое существование» [10, с. 74]. Таким образом, А. П. Фомченко отметил не только негативные стороны переселенческого движения в Туркестан, но и положительные, которые были напрямую связаны с количеством лет, прожитых переселенцами в регионе. Именно на этой основе советский историк сделал вывод: «Вместе с тем следует отметить, что крестьяне-переселенцы играли объективно-прогрессивную роль в хозяйственном развитии Казахстана и Средней Азии» [10, с. 103], т. е. автор рассматривал переселенческое хозяйство как более прогрессивное

по сравнению со способом хозяйствования коренного населения.

Рассматривая историю переселенческого движения в Центральную Азию, стоит обратить внимание на этнографическую работу «Славяне в Средней Азии. Этнические и социальные процессы. Конец XIX — конец XX века» О. И. Брусиной [11], материалы к которой она собирала в 1985–1993 гг., хотя опубликовала монографию в 2001 г. Славяне-переселенцы рассматривались автором через такие понятия, как «этничность», «этнические процессы», «межэтнические отношения». «Для изучения локального варианта культурных традиций, который сформировался у старожильческого населения, следует рассмотреть свадебный и похоронный обряды, а также крещение. Другие обычаи жизненного цикла, имеющие выраженную этническую окраску, практически не сохранились» [11, с. 115]. Таким образом, по мнению О. И. Брусиной, до нашего времени смогли продержаться только те обычаи и обряды, которые упомянуты в индийской мудрости: «В жизни каждого человека всего лишь три главных события: рождение, свадьба и смерть».

Подводя общий итог вышесказанному, следует подчеркнуть, что работы советских историков по переселенческому движению в Центральную Азию

имели исключительно важное значение для своего времени, потому что в них затрагивались вопросы, связанные не только с коренными народами Туркестана, но и с переселенческими народами. С другой стороны, в раннесоветских работах очень заметна насаждаемая государственными кругами политика негативного отношения ко всему имперскому периоду, однако эта тенденция значительно изменилась к 1980-м гг., когда советские историки стали выделять не только негативные стороны колонизации Туркестана, но и положительные.

E. M. Kushnaryova

The Resettlement movement to Turkestan in the late XIX — early XX century in the assessments of Soviet historians

Abstract. The article considers the policy of the Russian Empire and Central Asia in the XIX — early XX century, with an emphasis on the resettlement movement through the prism of assessments by Soviet historians. The works of historians of the M. N. Pokrovsky school, which recorded an exclusively negative assessment of the resettlement policy of the Russian Empire in Turkestan, are characterized. The main changes in the works of Soviet historians of the late 1940s — early 1980s are revealed, where the negative and positive sides of the colonization of the region began to stand out. **Keywords:** *Central Asia, Turkestan, resettlement, colonization, Soviet historiography*

Источники и литература

1. Вошинин В. Очерки Нового Туркестана. Свет и тени русской колонизации. Санкт-Петербург: Тип. т-ва «Наш Век», 1914. 86 с.
2. Цыряпкина Ю. Н. «Борьба за русское дело»: имперская колонизация Туркестана // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 5. С. 1625–1641.
3. Цыряпкина Ю. Н. Особенности русского переселенческого общества Сырдарьинской области в конце XIX — начале XX в. // *Диаспоры*. 2012. № 1. С. 6–29.
4. Кочешков Г. Н. Марксистская концепция русского исторического процесса в трудах М. Н. Покровского // *Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова*. 2014. № 4. С. 75–78.
5. Покровский М. Н. Русская история в самом сжатом очерке. Часть I и II. От древнейших времен до конца XIX-го столетия. М.: Учпедгиз, 1934. 259 с.
6. Галузо П. Г. Туркестан-колония: очерк истории Туркестана от завоевания русскими до революции 1917 года. М.: Изд-во Коммунистического университета трудящихся Востока имени И. В. Сталина, 1929. 164 с.
7. История народов Узбекистана. В 2-х т. Т. II. От образования государства Шейбанидов до Великой октябрьской социалистической революции / К. В. Тревер, А. Ю. Якубовский, М. Э. Воронец / под ред. С. В. Бахрушина, В. Я. Непомнина, В. А. Шишкина. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1947. 514 с.
8. Станюкович Т. В. Восточнославянское население Иссык-Кульской области Киргизии (по материалам экспедиции 1957 г.). // *Сборник Музея антропологии и этнографии при Российской Академии наук*. Сб. 45. СПб., 1992. С. 164–179.
9. Аминов А. М. Экономическое развитие Средней Азии (со второй половины XIX столетия до Первой мировой войны). Ташкент: Гос. изд-во Узбекской ССР, 1959. 297 с.
10. Фомченко А. П. Русские поселения в Туркестанском крае в конце XIX — начале XX в.: социально-экономический аспект. Ташкент: Фан, 1983. 128 с.
11. Брусиная О. И. Славяне в Средней Азии. Этнические и социальные процессы. Конец XIX — конец XX века. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2001. 240 с.

DOI 10.37386/2687-0592-2024-12-57-61

УДК 394

Ю. Н. Цыряпкина

Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул, Российская Федерация

Этносоциальное и социокультурное развитие Ташкента в советский период

Аннотация. В статье рассматриваются процессы формирования этносоциального и социокультурного пространства Ташкента в советский период, которые сопровождались урбанизацией, формированием современного облика и инфраструктуры города, строительством градообразующих предприятий, распространением урбанизированной советской культуры, основой которой становится русский язык, развитием системы образования и культурной жизни. Показана динамика численности населения города в советский период. После землетрясения 1966 г. в городе переслало существовать разделение на «узбекскую» и «русскую» части, Ташкент превратился в крупный советский город, в котором терялись соседские связи. На основе статистических данных переписи 1970 г. выявлена профессиональная специализация узбеков и русских. Стандартизированный и универсальный русский язык в советский период оставался языком производственной сферы. **Ключевые слова:** *Узбекская ССР, этносоциальный состав населения Ташкента, национальная принадлежность, профессиональная специализация, русский язык, урбанизация.*

Узбекская ССР была создана в результате национально-территориального деления в центральноазиатском регионе в 1924 г., границы республики менялись вплоть до 1936 г. В советский период Узбекская ССР превратилась в индустриально-аграрную республику, основу промышленности которой составляли отрасли тяжелой индустрии. Эти изменения заложили современный облик столицы республики – города Ташкента (с 1930 г.). Название повести советского писателя А. Неверова «Ташкент – город хлебный» [1] на долгие годы стало визитной карточкой города, ассоциировавшегося с изобилием хлеба даже в самые сложные для страны годы.

Этносоциальное и социокультурное пространство Ташкента в советский период формируется с начала 1930-х гг. в связи с процессами урбанизации, с увеличением городского населения за счет мигрантов из других республик СССР. Российский этнограф О. И. Брусина отмечает, что еще в 1930-е гг. был заметен рост русскоязычного населения в сельских населенных пунктах Узбекской ССР. Этот рост обеспечивался за счет мигрантов и обновления состава жителей, в основном благодаря притоку населения из центральных областей РСФСР, с Урала, из Сибири, из Украинской ССР и др. Часть старожилов покидала села, не стремясь вступать в колхозы, многие из них обустроивались в городах, скрывая свое социальное происхождение и спасаясь от репрессий [2, с. 48]. После коллективизации колхозы становятся смешанными в связи с переселением в старожильческие села коренного населения и насаждением единого для всех хозяйств хлопководства. В республике разрастались сельскохозяйственные площади, предназначенные для выращивания хлопчатника, на чем специализировалось в большей степени коренное население Узбекской ССР. В дальнейшем это стало одной из причин низкой мобильности коренного населения, «законсервированного» в сельской местности, в районах, где интенсивно развивалось хлопководство [3, с. 23].

В послевоенный период наметились тенденции, в рамках которых русские в Узбекской ССР становились преимущественно городскими жителями. Происходили важнейшие изменения в городской среде, которая быстро модернизировалась; формировалась общая урбанизированная советская культура. В первую очередь это было связано со строительством новых промышленных и градостроительных объектов, формированием современной инфраструктуры, транспортных развязок, объектов культуры, образования, медицинского обслуживания и др. Индустриально развитые города Узбекской ССР становились пестрыми по этническому составу, но в них формировалось русскоязычное информационно-коммуникативное пространство [4, с. 98].

Этнодемографические процессы имели своеобразный характер в «старых» и «новых» городах Узбекской ССР. Ташкент являлся старейшим городом центральноазиатского региона. Во второй половине XIX в. он становится административным, культурным, промышленным центром Туркестана. В имперский период зародилось деление города на старую (автохтонную) и новую (русскую) части. Это разделение сохранилось и в советский период, несмотря на совершенно новую социалистическую градостроительную практику [5, с. 29]. Известно, что по данным переписи 1926 г. в «старом» Ташкенте проживали: узбеки – 90,5%, прочее коренное население – 1,1%, русские – 3,7%, прочие пришлые – 4,7%. Жителями «нового» Ташкента были: русские – 67,5%, «прочие пришлые» – 26%, узбеки – 5,3%, прочее коренное население – 1,2 [6, с. 5]. Такое разделение города продолжало существовать в видимых границах вплоть до момента землетрясения 1966 г. [7, с. 200].

С 1930 г. Ташкент стал столицей Узбекской ССР. В советский период город подвергся важнейшим изменениям, в результате которых в 1926 г. была введена в эксплуатацию Бозсуйская ГЭС, давшая электричество Ташкенту [5, с. 35]. Изменения в промышленной застройке города продолжались в

1940-е гг. В столице Узбекской ССР были построены многие градообразующие предприятия (Ташкентский тракторный завод, Ташкентский агрегатный завод сельскохозяйственного машиностроения, Ташкентское авиационное производственное объединение им. В. П. Чкалова и др.). Расширялась сеть ташкентского трамвая, в 1947 г. была сдана в эксплуатацию первая троллейбусная линия [8, с. 33].

Логика социалистических изменений диктовала изменение городской среды: в 1935 г. был снесен Ташкентский Спасо-Преображенский собор, была переустроена главная площадь города, получившая название площади В. И. Ленина, шло строительство правительственных зданий и др.

С началом Великой Отечественной войны в Ташкент были эвакуированы предприятия с европейской территории России, крупнейшим из которых стало Ташкентское авиационно-промышленное объединение имени В. П. Чкалова (ТАПОИЧ). Из воспоминаний Алексея Михайловича Ванчагова, бывшего заместителя генерального директора ТАПОИЧ, который в октябре – ноябре 1941 г. был эвакуирован в Ташкент вместе с заводом № 84 г. Химки: «...На станции „Сортировочная“ было кафе. Жарились шашлыки, подавалось красное разливное вино. Мы, четверо бессемейных ребят, засели в кафе, потом еле своих нашли. Ташкент произвел на нас потрясающее впечатление после Москвы, где холодно, бомбежки, затемнение, тревоги, а здесь всё по-другому. Приехали в ноябре, а здесь продают фрукты, лепешки, вино. Но это длилось до Нового года. К 1 января всё сгинуло, потому что приехало около миллиона человек. Из Украины приехали все главные заводы, а из Москвы – только мы, да частично из Белоруссии. Хлеба нам давали по 800 грамм, а другие получали 400 грамм, хлеб – кочерыжка и больше ничего. Я брал буханку 1 кг 600 г на 2 дня» [9].

В период социалистических преобразований в Ташкенте появились важнейшие учебные заведения. В 1950-е гг. существовало 16 высших учебных заведений, 37 техникумов и других средних специальных учебных заведений [5, с. 67]. Флагманом высшего образования Узбекской ССР стал Среднеазиатский государственный университет (1920 г.). Были сформированы важнейшие для всех отраслей общественной жизни институты: политехнический, сельскохозяйственный, текстильный, инженеров железнодорожного транспорта и др. В городе наблюдалась высокая концентрация научных, культурных и образовательных учреждений, постоянно требовались квалифицированные специалисты. В регионе и в Ташкенте, в частности, сложился относительно свободный «политический климат». Из интервью В. [10]: «...Потом у многих были отношения там (Москва, Ленинград. – Ю. Ц.) испорченные, дело в том, что Ташкент и Средняя Азия в свое время представляла такую Вандео инакомыслия. Там все такие элементы, от которых старались избавиться, выкинуть их сюда. Даже существовало такое выражение, когда инакомыслящих сюда ссылали: „Отправить есть средне-

азиатские персики“. То есть людей выслали из Москвы и Ленинграда, чтобы они не маячили, не морочили людям головы. Ну в общем-то от нежелательных элементов избавлялись».

В 1950-е гг. в Ташкенте работало 6 музеев, активно развивалась театральная-художественная жизнь, функционировало 9 театров. Быстрыми темпами строился жилищный фонд. Численность населения Ташкента постепенно росла, составив к концу советского периода более 2 млн чел. (табл. 1).

Таблица 1
Динамика численности населения г. Ташкент в советский период

	1926 г.	1939 г.	1959 г.	1970 г.	1989 г.
Все население, чел.	321 940	584 955	926 700	1 384 509	2 053 700

Источник: 11, с. 36; 12, л. 7; 13, л. 6; 14, л. 9.

Доля узбекского населения в Ташкенте в 1959 г. составляла 33,8% [15, с. 25], городское население пополнялось преимущественно за счет притока населения из РСФСР, Украинской и Белорусской ССР, участвовавших в восстановлении Ташкента после землетрясения 1966 г. По завершении восстановительных работ часть строителей, инженеров и др. осталась в Ташкенте и в остальных городах Узбекской ССР.

С увеличением численности населения столицы изменялись городская среда и социокультурное пространство. А. А. Космарский отмечает, что до землетрясения 1966 г. физический и социальный ландшафт оставался стабильным и разделение города на «европейскую» (русскую) «узбекскую» часть Ташкента по-прежнему сохранялось [7, с. 200]. После 1966 г. в городе была разрушена традиционная среда – как узбекская часть, так и одноэтажная застройка имперского периода, жилой фонд прирастал многоэтажными зданиями, были построены метро, новые стадионы, парки и т. д.

Старожилы отмечают, что качественное изменение состава города произошло именно после землетрясения 1966 г.; из интервью В. [16]: «...мощный перелом был после 26 апреля 1966 г... и после этого город наполнился вот этой массой приезжих, строителей, которые сюда вот, кого выслали из России, из Советского Союза. Приезжали же не только же из России, я имею в виду не только РСФСР, [а] из Белоруссии, Киргизии, Казахстана, Прибалтики, здесь работали прибалты. Дело в том, что город наполнился другим содержанием. Он стал другим. Вот раньше в Ташкенте было стыдно появиться на улице пьяным, вне зависимости от национальности, потом это стало абсолютно обыденным, когда люди валяются на тротуарах пьяными такими. <...> После землетрясения Ташкент изменил свое лицо. Вот из него ушел какой-то дух от этой спокойной патриархальности, такой вот семейности. <...> После землетрясения появились спальные районы, которых никогда не было в городе, люди стали разъезжаться в го-

Таблица 2

**Занятия населения по основным национальностям по г. Ташкент по переписи 1970 г.
(городское население, оба пола)* [18, л. 1–16]**

Все население, имеющее занятия	Всего	Русские	Узбеки	Украинцы	Татары
	616 126	303 180	157 383	25 790	48 073
1. Руководители органов государственного управления и их структурных подразделений	1 744 (100%)	596 (34%)	731 (41%)	82 (4,7%)	73 (4%)
3. Руководители предприятий (промышленности, строительства, сельского хозяйства, лесного хозяйства, транспорта, связи)	14 099 (100%)	7 312 (51%)	2 188 (15%)	928 (6,5%)	818 (6%)
4. Инженерно-технические работники	85 054 (100%)	50 605 (59%)	12 528 (15%)	4 618 (5,4%)	5 420 (6%)
6. Медицинские работники	25 080 (100%)	11 067 (44%)	7 300 (29%)	775 (3%)	1 682 (6,7%)
7. Научные работники, педагоги, воспитатели	46 418 (100%)	18 298 (39%)	16 513 (35%)	1 417 (3%)	2 886 (6%)
12. Работники охраны социалистической собственности и общественного порядка	2 444 (100%)	823 (33%)	1 274 (52%)	75 (3%)	91 (4%)
14. Работники торговли, общественного питания, заготовок, снабжения и сбыта	11 072 (100%)	3 875 (35%)	4 347 (39%)	400 (3,6%)	754 (7%)
15. Работники планирования и учета	35 733 (100%)	22 821 (64%)	4 030 (11%)	1 447 (4%)	2 606 (7%)
22. Занятия в машиностроении и металлообработке	86 042 (100%)	53 521 (62%)	11 748 (13,6%)	3 925 (4,5%)	7 555 (8,7%)
30. Занятия швейников	14 505 (100%)	5 062 (35%)	6 037 (41,6%)	365 (2,5%)	1 208 (8,3%)
34. Занятия строителей	33 359 (100%)	15 894 (47,6%)	5 385 (16%)	1 848 (5,5%)	3 367 (10%)
35. Сельскохозяйственные занятия	6 005 (100%)	958 (16%)	3 139 (52,2%)	142 (2,3%)	289 (4,8%)
37. Занятия рабочих железнодорожного транспорта	4 432 (100%)	1 887 (42,5%)	1 939 (43,7%)	166 (3,7%)	224 (5%)
39. Занятия на автотранспорте и горэлектротранспорте	38 110 (100%)	17 262 (45,2)	11 973 (31,4%)	1 844 (4,8%)	3 175 (8,3%)
43. Занятия рабочих в торговле и в общественном питании	26 613 (100%)	6 690 (25,1%)	14 897 (55,9%)	500 (1,8%)	1 758 (6,6%)
44. Рабочие коммунального, хозяйственного и бытового обслуживания	35 764 (100%)	13 806 (38,6%)	13 497 (37,7%)	927 (2,5%)	2 971 (8,3%)

* В таблице представлены не все виды занятий населения г. Ташкент, выделены наиболее массовые.

роде, стали съезжаться в эти спальные районы с самых разных уголков города, образуя уже совершенно другой конгломерат городской, совершенно другой, это люди разные, люди непонятные. Раньше <...> по всей улиц Алмазара, она чуть ли не там два с половиной или три километра длиной была, эта улица, меня знали все. И я знал практически всех, понимаете?» Приток мигрантов со всей страны после землетрясения 1966 г. превратил Ташкент в крупный советский мегаполис, в котором терялись соседские связи, появлялись новые ценности. В других публикациях, посвященных Ташкенту, также отмечается, что в 1950–1960-е гг. «старый» русский Ташкент потерял свою уникальную высокую дореволюционную культуру вследствие переезда в город различных групп [7, с. 201]. В выстроенные новые районы Чиланзар, Высоковольный, Сергели и др. вселялись новые жильцы, не знавшие друг друга и не выстраивавшие тесного взаимодействия.

Формирование современного городского пространства, огромный приток населения из европейской части РСФСР и других республик СССР в советский период предопределили тот факт, что русский язык стал одним из основных средств общения не только в «новой» части Ташкента: городская среда в целом оказалась русифицированной. Из воспоминаний о советском Ташкенте прозаика и публициста Игоря Цесарского: «...Очень много зависело от того, в каком месте Ташкента человек жил и в какой среде находился. Мы после землетрясения оказались в районе... ну, грубо говоря, местном эквиваленте Черемушек. Квартал 26 на Чиланзаре. Тогда же отстраивали Ташкент поквартально, строители со всего СССР. Наш квартал строили москвичи. Такой вполне московский квартал новостроек. И в нашем районе была большей частью европейский состав населения, то есть по-узбекски никто не говорил. <...> Ну и провинцией, окраиной мы себя не ощущали. В Мо-

скве и Ленинграде могли думать что угодно, но мы были убеждены, что живем в столице Востока и второго такого города в СССР — нет. Он действительно имел неповторимое лицо, характер, культуру — все что хотите» [17].

Высокая степень распространения русского языка в городской среде была связана с активным развитием производственно-промышленной базы городов. Статические данные по профессиональной специализации и национальной принадлежности жителей Ташкента по переписи 1970 г. в хорошо иллюстрирует эту мысль (табл. 2).

Рассматривая профессиональную специализацию населения Ташкента по основным национальностям в 1970 г., необходимо указать на следующую динамику: узбеки в большей степени были представлены среди руководителей органов государственного управления и их структурных подразделений (41%), работников охраны социалистической собственности и общественного порядка (52%), рабочих в сфере торговли и общественного питания (56%), работников сельскохозяйственной сферы (52%), железнодорожного транспорта (43,7%). Равная доля занятости узбеков и русских имела место в сферах науки, образования и воспитания (35% узбеков).

Существенным образом отличалась профессиональная специализация русских в Ташкенте. Значительное положение они занимали в системе руководства предприятиями промышленности, сельского хозяйства и транспорта (51%), среди инженерно-технических работников (59%), медицинских работников (44%), научных работников, педагогов, воспитателей (39%), работников сферы планирования и учета (64%), машиностроения и металлообработки (62%), строительства (47%) и т. д. Соответственно, в сферах занятости, где требовалась квалификация, особенно для работы на промышленных предприятиях, привлекались в основном русские и представители других «европейских» этнических групп. Основным языком в производственной сфере весь советский период оставался русский в силу того, что он являлся универсальным, стандартизированным языком технического прогресса. Эта этносоциальная особенность объяснялась спецификой формирования рабочего класса и группы инженерно-технических работников за счет их миграции из других республик СССР и слабого вовлечения в ряды промышленных рабочих коренного населения [3, с. 23].

Формирование совершенно новой социалистической урбанизированной культуры, традиций, нового способа производства, новых жилищных условий актуализировало новую «европейскую» идентичность, пересекающую границы национальной принадлежности. Эту идентичность разделяли не только русские, но и другие этнические группы, в том числе узбеки и таджики, к которым в советское время применялся термин «обрусевшие».

Кроме этого, советский Ташкент являлся витриной социалистических достижений на Востоке, в котором модернизация уживалась с традициями и исламом. Ташкент в изучаемый период стал площадкой для так называемой культурной дипломатии; в разные годы столицу Узбекской ССР посещали многие международные делегации: 1955 г. — премьер-министр Индии Джавахарлал Неру, 1963 г. — кубинский лидер Фидель Кастро, 1978 г. — американский боксер Мохаммед Али и др.

Ташкент советского периода называют «плавильным котлом» разных национальностей, культур, эпох, профессий, социальных слоев и политических взглядов. Город превратился в советский мегаполис с развитой промышленно-производственной базой, являвшийся центром образования и науки, с советском урбанизированной культурой, основой которой стал русский язык.

Y. N. Tsyryapkina

Ethnosocial and sociocultural development of Tashkent during the Soviet period

Abstract. The article examines the processes of formation of the ethnosocial and sociocultural space of Tashkent in the Soviet period, which was accompanied by urbanization, the formation of the modern face and infrastructure of the city, the construction of city-forming enterprises, the spread of urbanized Soviet culture, the basis of which is the Russian language, the development of the education system and cultural life. The article shows the dynamics of the city's population in the Soviet period. It is proved that after the earthquake of 1966, the division into the «Uzbek» and «Russian» parts of the city ceased to exist, Tashkent turned into a large Soviet city in which neighborly ties were lost. Based on statistical data from the 1970 census, professional specialization of Uzbeks and Russians was revealed. Standardized and universal Russian language in the Soviet period remained the language of the production sphere.
Keywords: *Uzbek SSR, ethnosocial composition of the population of Tashkent, nationality, professional specialization, Russian language, urbanization*

Источники и литература

1. Неверов А. Ташкент — город хлебный. М.: Дет.лит., 1983. 111 с.
2. Брусина О. И. Славяне в Средней Азии. Этнические и социальные процессы. Конец XIX — конец XX века. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2001. 240 с.
3. Шистер Г. А. Рабочий класс Узбекистана на современном этапе // Вопросы истории. 1974. № 5. С. 18–40.
4. Ахмедов Э. А. Новые города Ташкент — Чирчик — Ангреновского промышленного района: дис. ... канд. экон. наук. Ташкент, 1962. 248 с.
5. Ташкент: краткий справочник-путеводитель / под общ. ред. Р. Г. Гуламова. Ташкент: Гос. изд-во Узбекской ССР, 1957. 195 с.
6. Тимм Е. С. Движение населения г. Ташкента за 5 лет (1923–1927 гг.). Ташкент, 1928. 24 с.
7. Космарский А. А. Ташкент: от исламскому к (пост) социалистическому и (пост)колониальному // P. S. Ландшафты: оптики городских исследований. Сбор-

- ник научных трудов / отв. ред. Н. Милерюс, Б. Коуп. Вильнюс: ЕГУ, 2008. С. 194–227.
8. Виткович В. Путешествие со Советскому Узбекистану. М.: Молодая гвардия, 1951. 333 с.
 9. Для Победы мы строили самолеты. Алексей Михайлович Ванчагов. [22.12.21]. URL: <https://kraeved-himki.ru/dlya-pobedy-my-stroili-samoljoty> (дата обращения 28.10.2024).
 10. Полевые материалы автора 2015 г.: Республика Узбекистан, Ташкент. В., 62 г., русский, историк.
 11. Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. XV. Узбекская ССР. М.: Изд. ЦСУ Союза ССР, 1928. 200 с.
 12. Национальный архив Республики Узбекистан (НА РУз). Ф. Р.-1619. Оп. 5. Д. 422. Л. 7.
 13. НА РУз. Ф. Р.-1619. Оп. 11. Д. 705. Л. 6.
 14. НА РУз. Ф. Р.-1619. Оп. 11. Д. 2451. Л. 9.
 15. ПМА 2015 г.: Республика Узбекистан, Ташкент. В., 65 лет, русский, пенсионер.
 16. Вспоминая Ташкент советский... Писатель Лев Усыскин беседует с Игорем Цесарским – прозаиком, публицистом, издателем, главным редактором медиагруппы «Континент» [25.08.2022]. URL: <https://ia-centr.ru/han-tengri/oriental/vspominaya-tashkent-sovetskiy-/> (дата обращения 01.11.2024)
 17. Алпатов В. М. 150 языков и политика: 1917–1997. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. М.: Крафт+, Ин-т востоковедения РАН, 2000. 224 с.
 18. НА РУз. Ф. Р.-1619. Оп. 5. Д.310. Л. 1–16.

З

Культура и быт народов
в полиэтническом
пространстве регионов

DOI 10.37386/2687-0592-2024-12-64-68

УДК 397.4

**А. М. Абдиева¹, В. Э. Анарбекова², А. А. Асанканов³, И. И. Назаров⁴,
Ч. Т. Сатыбалдыева⁵**¹ Баткенский государственный университет, г. Баткен, Кыргызская Республика,² Центрально-Азиатский международный медицинский университет, г. Жалал-Абад,
Кыргызская Республика³ Институт истории, археологии и этнологии им. Б. Джамгерчинова Национальной академии
наук Кыргызской Республики, г. Бишкек, Кыргызская Республика⁴ Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Российская Федерация⁵ Ошский государственный университет, г. Ош, Кыргызская Республика

Использование растений при лечении домашних животных у кыргызов Ферганской долины¹

Аннотация. В статье рассматриваются традиционные практики лечения домашних животных у кыргызов. Исторически в рамках народной ветеринарии кыргызы выработали целый спектр приемов, направленных на лечение заболевших или травмированных животных. При этом главными в лечении являлись местные растения. Представленные в историко-этнографической литературе сведения о народных знаниях кыргызов, в том числе проживающих в юго-западной части Ферганской долины, свидетельствуют о глубоком знании людьми полезных свойств отдельных растений. Кыргызские народные знахари очень умело использовали флору при лечении различных болезней и травм у животных. В рамках этнографических исследований, предпринятых авторами статьи, были получены и уточнены сведения по названиям и использованию кыргызами растений для лечения домашних животных. Приводимые сведения демонстрируют сохраняющиеся у кыргызов знания и практики, сохранность которых обусловлена неизменно высокой ролью скотоводства, остающегося и в наши дни основой экономики у жителей южных районах Кыргызстана. Вместе с тем можно отметить и активизировавшиеся из-за модернизации процессы утраты кыргызами целых сегментов народной культуры. Это обстоятельство подчеркивает важность настоящего исследования, направленного в том числе и на сохранение традиционных знаний кыргызов в области ветеринарии. **Ключевые слова:** кыргызы, Кыргызстан, Ферганская долина, традиционная культура, традиционное хозяйство, скотоводство, народные знания, народная ветеринария, болезни животных, национальные игры, лекарственные растения.

Для кочевников-скотоводов наряду с их собственным благополучием большое значение имеет здоровье их домашних животных. В условиях экстенсивного скотоводства и частых перекочевок животные нередко получают травмы, страдают от отравлений и различных эпизоотий. Кочевые народы, в том числе и кыргызы, знают и эффективно используют рациональные и иррациональные способы лечения животных в таких случаях.

Способы лечения людей и животных у скотоводческих народов Центральной Азии неоднократно попадали в сферу внимания различных авторов XIX–XX вв. и представлены в целом ряде этнографических публикаций. Российские путешественники-ученые П. П. Семенов-Тянь-Шанский, Н. М. Пржевальский и Ч. Ч. Валиханов исследовали традиционное хозяйство и обычаи кыргызов и обращали внимание на наличие у кыргызов народной медицины и ветеринарии. Известный тюрколог В. В. Радлов изучал культуру тюркских народов и духовную культу-

ру кыргызов, а также сосредоточил внимание на информации, связанной с животными, в народных произведениях кыргызов.

В работах советского периода, посвященных развитию научной ветеринарии, сведения о народных традициях лечения скота у кыргызов крайне скупы. Наиболее полно тему кыргызских народных знаний представил в своих работах известный этнограф С. М. Абрамзон. В своих трудах ученый впервые привел подробные сведения об особенностях животноводства, обычаях, обрядах и народных знаниях кыргызов [1, 2]. Материалы по ветеринарии у кыргызов во второй половине XX в. представлены в исследованиях этнографа А. З. Жапарова в его публикациях о животноводстве в Кыргызстане [3].

Можно отметить, что наряду с целостными описаниями отдельных сторон народных знаний кыргызов существуют определенные лакуны в области народных ветеринарных знаний, определяющие актуальность предпринятого нами исследования.

Целью данной работы является систематизация научных представлений об использовании кыргызами, проживающими в южных районах Кыргызстана, в частности в Ферганской долине, дикорастущих трав для лечения домашних животных. В основу работы положены опубликованные в историко-этно-

¹ Работа выполнена при поддержке проекта «Тюркомонгольский мир «Большого Алтая»: единство и многообразие в истории и современности» и исследовательского проекта Ошского государственного университета «Этнографические исследования в южных регионах Кыргызстана (на материалах экспедиций в Ошской, Джалал-Абадской и Баткенской областях)».

графической литературе сведения, а также полевые материалы авторов.

Полевые этнографические материалы собирались в разные годы в процессе общения с собеседниками — кыргызскими скотоводами и лекарями — в разных селах Ошской, Джалал-Абадской и Баткенской областей Кыргызской Республики. При этом в качестве сравнительных материалов, позволяющих сопоставить локальные традиции кыргызов, привлекались сведения, полученные в ходе экспедиций в Иссык-Кульскую и Нарынскую области Кыргызстана [4]. Самые свежие материалы по данной теме были получены в июле 2024 г. в ходе международной этнографической экспедиции «Большой Алтай: от Алтая до Алайкуу», исследованием которой были охвачены населенные пункты в долине Алайкуу Кара-Кульджинского района Ошской области.

В настоящей работе акцент сделан на рациональных методах использования кыргызами трав в качестве лекарств при болезнях или травмах животных. В основе применения дикорастущих трав лежит многовековой жизненный опыт, который получали скотоводы, наблюдая за влиянием растений, которые употребляли в пищу пасущиеся животные.

Аккумулированные народом в этой области сведения стали национальным достоянием и сегодня составляют важную часть традиционных медицинских и ветеринарных знаний кыргызов, отраженных в литературе. Примером таких устных наставлений по использованию лекарственных растений является творчество кыргызского народного поэта Молдо Кылыч Шамыркан уулу, жившего на рубеже XIX–XX вв., который писал:

Издесениз табасыз,	Если вы ищите, то найдете
Жер чөбүнөн дарыны.	Лекарственные растения,
Жады куурай, карындыз,	Как девясил, тысячелистник,
Катыраңкы, дулдана	Железное дерево.

[5, с. 18].

По имеющимся в историко-этнографической литературе сведениям, в конце XIX — начале XX в. кыргызы активно использовали растения как лекарственные средства при лечении различных болезней домашних животных: инфекционных, кожных, желудочно-кишечных, а также травм и переломов. Полученные в ходе этнографических экспедиций начала XXI в. сведения подтверждают и дополняют эти данные.

Ниже приведены примеры использования кыргызами лекарственных растений при лечении домашних животных, которые были характерны в прошлом и сохраняются до настоящего дня. Описания лечебных практик структурированы по видам используемых растений, при этом в каждом случае приведены местные (собственно кыргызские и русские), а также научные названия и краткие описания лекарственных растений, их свойств и способов применения для лечения животных.

Кийик, лат. *Ziziphora* (зизифора). Многолетнее травянистое растение семейства Яснотковых с при-

ятным и резким запахом, высотой до 40 см. Цветы его имеют нежно-голубой и розовый цвет. Растет обычно в предгорьях и на горных склонах, часто встречается на пастбищах. Зизифора обладает прекрасными целебными свойствами при заболеваниях человека и животных. Нередко люди используют отвары этого растения как гипотензивное и болеутоляющее средство. В народной ветеринарии кыргызов это растение используется при заболевании коров. Когда корова после отела не может подняться (родильный парез, местное название болезни — *көтөрөл*), корову покрывают накидками, заваривают и дают ей пить зизифору. Считается, что этот отвар повышает аппетит и улучшает состояние костей животного, а потому помогает выздоровлению.

Шыбак, лат. *Artemisia* (полынь). Растение семейства Астровых, произрастающее в долинах и на высокогорьях, встречается в полупустынных местностях, на лугах, а также вдоль водоемов или по кромке полей. В Кыргызстане произрастает более 40 видов полыни, в пределах Ферганской долины полынь чаще всего растет на хребтах и на перевалах. Полынь имеет большое хозяйственное значение. Кыргызы используют сушеную полынь в качестве топлива. Люди специально собирают и сушат созревшую полынь, которую они заворачивают в войлочные изделия. Запах полыни позволяет защищать войлок от моли и других вредителей.

Черная полынь является хорошим кормом для животных при условии ее заготовки в виде силоса. Этот же вид полыни широко используется для изготовления метелок. Южные кыргызы варят эту полынь в котле и получившимся отваром моют кухонную посуду, а также используют этот отвар как мыло. Майская полынь широко применяется в народной медицине при заболеваниях внутренних органов. Полынь является лучшим лекарством при заболеваниях печени, желчного пузыря, селезенки и толстого кишечника.

Когда животное болеет слепотой, кыргызы делают отвар полыни и дают его пить больному животному 3 раза в день. Полынь также известна как отличное средство против печеночных глистов. Чтобы избавиться от паразитов у животных, кыргызы ранней весной пасут скот на пастбищах с полынной растительностью. В материалах К. К. Юдахина можно встретить следующие сведения о кыргызском пастбище: «...ак бубактуу шыбак чөптөрдү курт-курт чайнаган койлордун добушу угулат; эбенке-себен, эгиз улакка — айры шыбак». «...слышится, как овцы с хрустом жуют полынь, покрытую белым инеем» [6, с. 30], подтверждающие известный в скотоводческой среде факт, что скот любит полынь.

Пасущиеся на болотах животные часто заражаются паразитами-печеночниками. Чтобы избавиться от них, скотоводы выгоняют своих животных на выпас на белую полынь. У домашних животных могут заводиться клещи (на южном кыргызском диалекте — *кене*) или вши, которые приводят к истощению животных. Для избавления от клещей или вшей кыр-

гызские скотоводы кипятят в воде белую полынь и обрызгивают с помощью веника этим отваром больных животных. После такой обработки паразиты, питающиеся кровью животных, падают на землю, что ведет к выздоровлению животного.

Нередко полынь используется как корм для скота, заготавливаемый в зиму. У кыргызов существовала поговорка: «Чөптүн жакшысы дагы шыбак, жамааны дагы шыбак» — «Травы лучше полыни и хуже полыни нет». В южных районах Кыргызстана активный рост полыни обычно наблюдается в апреле. Именно в апреле, а иногда и в мае полынь благодаря своим ценным свойствам является хорошим кормом для крупного рогатого скота. Полынная диета позволяет быстро вывести животных из состояния зимовки благодаря тому, что излечивает кишечные заболевания и очищает организм. А уже после мая и до осени, пока не выпадет снег, скоту не дают есть полынь [6, с. 30].

Разновидность полыни — полынь горькую — кыргызы используют при лечении животных от чесотки, одного из серьезных заразных заболеваний. При заражении крупного рогатого скота чесоткой его стараются содержать отдельно от других животных. Для лечения варят отвар полыни горькой, который затем обмывают больных животных.

Арча, лат. *Juniperus* (можжевельник). Древовидное растение семейства Кипарисовых с приятным запахом, которое остается сине-зеленым в течение всего года. На севере Кыргызстана арча распространена преимущественно в кустарниковой форме, а на юге Кыргызстана она растет в виде деревьев, иногда формируя целые леса. Местное население отмечает, что можжевельниковые леса играют важную роль в укреплении горной поверхности и повышении влажности. Их вырубка приводит к потере ценных свойств местных почв и резко ухудшает состояние пастбищ.

Кыргызы используют арчу для очистки воздуха и приготовления лекарств. Считается, что дым от сгоревшей арчи убивает вредные бактерии и очищает дыхательную систему.

Если верблюд заболевает оспой, то его лечат можжевельником, который предварительно замачивают в воде. Этой можжевельниковой водой промывают рот и нос верблюда, кроме того, больное животное окуривают дымом арчи. Когда у овец появляются клещи, их присыпают пеплом от сжигаемого можжевельника.

Кокон чайыры, лат. *Ferula* (ферула). Горькая на вкус многолетняя трава семейства зонтичных, произрастающая в долинах и в высокогорьях, достигает в высоту до 100–180 см. На Земле насчитывается более 130 видов этого растения. В Кыргызстане встречается 35 видов ферулы. Южные кыргызы называют это растение *ак чайыр*.

Население Ферганской долины использует ферулу в медицине при лечении желудочных и язвенной болезней. Отвар этого растения дают пить животным, в частности коровам, чтобы вывести глистов. Также это растение применяется для лече-

ния печеночницы. Больных животных выпасают при этом в тех местах, где растет ферула, но стараются не допускать, чтобы животные ели семена этого растения, так как они ядовиты.

Уй беде, лат. *Trifolium* (клевер). Однолетнее и многолетнее растение семейства Бобовых, достигающее высоты 50–150 см. В природе существует более 100 видов клевера. Клевер имеет большое значение в животноводстве, так как является хорошим кормом. Листья и плоды клевера содержат незаменимые лечебные вещества, благодаря которым это растение широко используется в медицине. Клевер применяют в народной медицине при лечении у людей желудочно-кишечных заболеваний. Отмечено, что он также способствует снижению уровня холестерина и сахара в крови, а также повышает гемоглобин. Его активно применяют в ветеринарии.

Когда лошадь заболевает слепотой, жители Баткенской области переводят больное животное на особую диету, основу которой составляет смесь клевера и специально отловленных и измельченных ящериц. При такой диете животное активно потеет и идет на поправку, к нему возвращается зрение. При этом скотоводы отмечают, что если животные съедают много клевера, особенно если наедаются его натощак, то их желудки раздуваются. Если не оказать при этом своевременную помощь, животное погибает. Чтобы вылечить животное от вздутия, скотоводы проделывают отверстие между ребрами вспученного животного и выпускают таким образом воздух.

Адырашман, лат. *Peganum harmala* (гармала). Растение семейства Парнолистниковые. Цветет обычно в мае — июне, его семена используют в качестве лекарственного средства. По сведениям исследователя Э. А. Сарыкашкаева, когда у лошадей опухают горловые железы и из носа идут выделения, кыргызы дают больным животным нюхать дым гармалы, что ведет к выздоровлению [7, с. 50].

Кыргызы используют дым гармалы как благовоние. Всадников и лошадей они при этом благословляют дымом гармалы, чтобы защитить их от сглаза. Такая практика окуривания применяется и перед началом и по окончании известной у кыргызов конно-спортивной игры кок-бору. В прошлом после игры кок-бору некоторые кыргызы чтобы сберечь игроков-джигитов от сглаза и порчи; кроме того, обводили вокруг головы игрока разрезанным сердцем козла, специально забитого на игре [8, с. 204].

Антыз, карандыз, сарындыз, лат. *Inula* (девясил). Многолетнее дикорастущее растение семейства Астровых с ярко-желтыми цветками, вырастающее до 1,5–2 м в высоту. Растение широко применяется в народной медицине при лечении различных заболеваний людей. Его также активно используют для лечения болезней животных. Так, например, девясил часто применяется при лечении лошадей. После того как лошади участвуют в игре кок-бору, они сильно потеют, и если вовремя не принять меры и не высушить животное, то они могут заболеть. В этом случае готовят отвар корня девяси-

ла и дают его пить больному животному. Так как девясил имеет горький вкус, отвар смешивают с другими видами лошадиного корма. Иногда для исцеления больной лошади ее обмывают отваром девясила. В народе есть поговорка: «*Антыз бар жерде ат өлбөйт*» («Где есть девясил, там конь не издохнет»). Отвар девясила дается лошадям и при заболевании чесоткой, при этом его разбавляют водой.

Собранные полевые материалы демонстрируют глубокое знание кыргызами Ферганской долины окружающих их диких растений. На протяжении веков кыргызы знали, что мир растений важен для улучшения здоровья и лечения болезней. Они также знали, что среди растений есть ядовитые, которые вредят и людям, и животным. Упомянувший выше кыргызский мыслитель XIX–XX вв. Молдо Кылыч Шамыркан уулу в своем трактате «В устных наставлениях о ядовитых растениях» писал о полезных и вредных сторонах растений:

Кызыл-жашыл, сарала,	Красный, зелёный, желтый
Байчечекей ыраңы.	цветки подснежника,
Уу коргошун, ак кодол	Аконит белый
Малга жаман залалы.	Вредят животному.

Как отмечал далее мыслитель, животные, поедающие ядовитые растения, неизбежно погибают. При умелом использовании ядовитые травы, однако же, становятся лекарствами [5, 18].

Наряду с рациональными способами лечения животных у кыргызов Ферганской долины использовались и иррациональные, а также целые комбинации рациональных и магических приемов. Например, когда овца не подпускала для кормления своего новорожденного ягненка (говорят, что она не взяла своего ягненка), горсть ячменя обжаривали в горшке, затем помещали это зерно в небольшой мешочек и клали его на лоб овцы. В таком случае, как считается, овца начнет кормить ягненка.

Также, когда корова слабеет, начинает часто спотыкаться и терять вес, скотоводы дают ей мякоть сваренной кураги. Еще в древности люди отмечали, что абрикосы полезны при болезнях животных.

Кыргызы Баткенской области, в начале XX в. готовили кашу (*атала*) из жидкой муки, которой натирали вокруг двери своей юрты. Те, кто видел такой знак, понимали, что скот этого хозяина заражен болезнью, и это был традиционный обряд, призванный избежать распространения неизлечимой инфекционной болезни *карасан*, поражающей крупный рогатый скот.

При укусе животного ядовитой змеей опухшее место укуса лекари кололи острой палкой (*бигир*) и прикладывали к ране вату. Вату при этом смачивали соляным раствором или мочой мальчика. Считалось, что соленая вата вытягивает яд из места укуса.

Таким образом, развитие у кыргызов скотоводство предопределило наличие у них различных при-

емов лечения болезней животных, в том числе с применением дикорастущих трав. Большая часть этих приемов дожила до наших дней. Однако в последние годы наблюдается утрата населением этих важных знаний. Во многих местностях юга Кыргызстана уже забываются традиционные методы лечения болезней животных, которые ранее были важной частью народных знаний кыргызов. К сожалению, число знатоков народных традиций в старшем поколении неуклонно уменьшается, а молодежь редко перенимает и использует эти традиции траволечения. Отметим и такой печальный факт, на который обращают внимание и наши собеседники – знатоки кыргызских традиций: на протяжении последнего столетия в результате неправильного и расточительного использования растительной базы в Ферганской долине разнообразие лекарственных растений значительно сократилось. Только сознательность, бережливость, рациональный подход к природе позволят сохранить знания о лечебных свойствах растений, а также защитить сами растения.

A. M. Abdieva, V. E. Anarbekova, A. A. Asankanov, I. I. Nazarov, Ch. T. Satybaldyeva

The use of plants in the treatment of domestic animals among the Kyrgyz people of the Fergana Valley

Abstract. The article examines the traditional practices of treating Kyrgyz pets. Historically, within the framework of folk veterinary medicine, the Kyrgyz have developed a whole range of techniques aimed at treating sick or injured animals. At the same time, local plants were the main ones in this treatment. The information presented in the historical and ethnographic literature about the folk knowledge of the Kyrgyz, including those living in the southwestern part of the Ferghana Valley, indicates a deep knowledge of the plant world by people. Kyrgyz folk healers very skillfully used flora in the treatment of various diseases and injuries of animals, demonstrating knowledge of the various properties of individual plants with medicinal properties. As part of the ethnographic research undertaken by the authors of this publication, information on the name and use of plants by Kyrgyz for the treatment of domestic animals was obtained and clarified. The information provided in the publication demonstrates the knowledge and practices of Kyrgyz people in the treatment of domestic animals with plants. The high preservation of this branch of folk knowledge is due to the consistently high role of cattle breeding, which remains and is currently the leading economic industry among the Kyrgyz living in the southern regions of Kyrgyzstan. At the same time, it can be noted that the processes of loss of entire branches of folk culture by the Kyrgyz people have intensified due to modernization. This circumstance underlines the importance of the research undertaken by the authors of this work, aimed, among other things, at preserving the traditional knowledge of the Kyrgyz people in the field of veterinary medicine. **Keywords:** *Kyrgyz, Kyrgyzstan, Ferghana Valley, traditional culture, traditional farming, cattle breeding, folk knowledge, folk veterinary medicine, animal diseases, national games, medicinal plants.*

Источники и литература

1. Абрамзон С. М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Фрунзе, 1990. 480 с.
2. Абрамзон С. М. Кыргыздар жана Кыргызстан тарыхы боюнча тандалма эмгектер. Бишкек, 1999. 896 с.
3. Жапаров А. З. Кыргызстандын тоолуу райондорундагы мал чарбачылыгынын азыркы маселелери: чарбалык, социомаданий, экологиялык аспектилер: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Бишкек, 2021. 30 с.
4. Назаров И. И., Абдиева А. М. Кочевая культура кыргызов в фокусе международной этнографической экспедиции «Большой Алтай» // Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана. 2022. № 2. С. 159–164.
5. Кылыч М. Казалдар. Фрунзе, 1991. 254 б.
6. Юдахин К. К. Из Ляйлякских материалов. Фрунзе, 1948. Вып. II. 373 с.
7. Сарыкашкаев Э. А. Народные традиции лечения болезней скота у кыргызов. (в конце XIX в. и в нач. XX в. по материалам севера Кыргызстана): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Бишкек, 2015. 20 с.
8. Абдиева А. М. Флора и ее использование в народных играх (на примерах полевых материалов юго-западных кыргызов). Бишкек. 2022. 220 с.

DOI 10.37386/2687-0592-2024-12-68-75

УДК 39(571.151)=512

С. В. Анчина

НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова, г. Горно-Алтайск, Российская Федерация

Материальная культура алтайцев в контексте советской модернизации

Аннотация. В статье рассматриваются элементы традиционной культуры, которые сохранились и претерпели трансформации в советский период. Анализируются три основные сферы материальной культуры: жилище, одежда и пища. **Ключевые слова:** традиционная культура, материальная культура, алтайцы, трансформация, советский Алтай, Алтай, советская модернизация, советский период.

В период с 1917 по 1991 г. в России произошли значительные политические и социальные преобразования, которые оказали существенное влияние на культуру коренного населения Горного Алтая. Этот период стал временем модернизации и индустриализации, которые принесли как положительные, так и отрицательные изменения в жизнь алтайского народа. С одной стороны, в этот период происходило формирование новой советской культуры, которая, как правило, противоречила традиционным ценностям и обычаям алтайцев. Внедрение новых идеалов и практик зачастую шло вразрез с многовековыми традициями, что вызывало сопротивление и недовольство среди местного населения. Например, коллективизация привела к разрушению традиционных кочевых пастбищ и принудительной оседлости коренного населения, что подорвало основу традиционной алтайской экономики и образа жизни.

С другой стороны, модернизация и индустриализация привели к значительным изменениям в традиционных формах хозяйствования и быта алтайцев. Тем не менее, несмотря на эти вызовы, некоторые элементы алтайской традиционной культуры удалось сохранить, например национальные обычаи, традиции и язык алтайского народа.

Таким образом, изучение материальной культуры алтайцев в контексте советской модернизации позволяет глубже понять, как исторические процессы формировали идентичность и культурное наследие этого народа. Важно учитывать, что, несмотря на давление внешних факторов, алтайцы смогли адаптироваться к новым условиям и сохранить часть своего уникального культурного наследия.

В советский период традиционная культура алтайцев воспринималась властями как пережиток прошлого, который мешал строительству нового общества. Термин «пережитки», возникший в России после Октябрьской революции 1917 г., в советской идеологии относился к элементам традиционного общества, считавшимся устаревшими и несовместимыми с новыми социалистическими идеалами. К «пережиткам» относили религиозные верования, патриархальные отношения, феодальные остатки и другие аспекты традиционной культуры, противоречившие официальной идеологии и политике и подлежащие устранению на пути к построению коммунистического общества.

В период советизации, особенно в 1920–1930-е гг., в СССР проводилась политика культурной трансформации, включая территории, такие как Горный Алтай. Эта политика была направлена на ликвидацию пережитков традиционной социальной структуры, которая считалась в своей основе эксплуататорской или феодальной. В контексте Горного Алтая она включала борьбу против родовых традиций, которые воспринимались как препятствие на пути к созданию нового советского общества.

Для достижения этой цели применялись активные меры, такие как агитационные кампании, образовательные реформы, а иногда и принудительные меры для изменения традиционного уклада жизни. Например, на Алтае были проведены кампании по ликвидации неграмотности, введению всеобщего образования и созданию колхозов, которые должны были заменить традиционные родовые общины. Были введены запреты на традиционные обряды и

обычаи, которые воспринимались как пережитки прошлого. Проводились специальные акции против традиционной одежды замужней женщины *чегедек*, против мужской прически *кеҕеҕе* и т. д.

Целью всей этой политики было создание бесклассового общества, основанного на принципах коммунизма, что требовало отхода от старых традиций и создания новой социальной идентичности. Однако эта политика имела и обратную сторону, так как она часто велась силовыми методами и приводила к разрушению традиционной культуры и социальных связей.

Переходя к трансформационным процессам, в первую очередь нужно отметить, что традиционная культура населения Горного Алтая до 1930-х гг. особого преобразования не претерпела. Причинами такой неизменности могут быть: 1) изоляция региона, что позволяло сохранять традиционные образы жизни и культурные практики от внешних влияний; 2) самобытность культуры – уникальные традиции и обряды, которые были глубоко укоренены в обществе коренного населения и передавались из поколения в поколение; 3) сопротивление изменениям помогало сохранить их культурное наследие; 4) экономическая самодостаточность, обусловленная традиционным кочевым скотоводством, играла ключевую роль в сохранении традиционной культуры населения Горного Алтая. Это обеспечивало алтайцам не только материальные ресурсы, но и социальную стабильность, которая позволяла им сохранять свои обычаи и традиции в течение длительного времени.

Ключевым элементом в изменении традиционного кочевого образа жизни алтайцев стала коллективизация. Этот процесс привел к значительным социальным, экономическим и культурным изменениям, особенно в отношении кочевого скотоводства, которое было основой их жизни. Ключевые изменения включали социальную реорганизацию, переход к оседлому образу жизни, культурные изменения. Коллективизация не только изменила экономическую основу алтайского общества, но и повлияла на их культурную идентичность, вызвав необходимость адаптации к новым реалиям.

Преобразования в традиционном жилище

В 1930-е гг. коллективизация сельского хозяйства сопровождалась массовым переходом кочевого и полукочевого населения на оседлость. Так, в 1937 г. из 11 258 алтайских кочевых и полукочевых хозяйств 7808 перешли на оседлый образ жизни [1, с. 173]. В это время начали появляться первые оседлые поселения кочевников, хотя их было немного; обычно они формировались вокруг сельсоветов, школ и библиотек [2, с. 123].

Переход большого числа людей к оседлому образу жизни также оказали существенное влияние на традиционные типы жилищ *т е л е н г и т о в*. Например, в 1920-е гг. теленгиты строили, как и алтай-кижи, деревянные многоугольные юрты (*агаши айыл*), или *чертне*, возле деревянных домов [3, с. 516]. Нужно отметить, что у кош-агачских те-

ленгитов войлочная юрта сохранилась, в отличие от алтай-кижи, у которых она исчезла в 20-е гг. XX в. [2, с. 91].

Переход к оседлости стал серьезным испытанием для алтайцев, особенно для южных алтайцев, так как им пришлось приспосабливаться к новому типу жилья – деревянной избе с прямоугольным основанием и незнакомым очагом. Например, алтайцы, поселившиеся в таком доме у реки Каракол, столкнулись с тем, что дым от костра заполнял помещение, из-за чего им пришлось вернуться к привычному жилищу – юрте [2, с. 124].

Замена юрты избушкой подрывала традиционные взгляды на жилище с неизменным очагом в центре и строгим разделением аила на мужскую и женскую половины, с установленным порядком размещения продуктов и предметов обихода. Освоение нового непривычного жилища стало сложной проблемой для алтайцев-кочевников. Им было сложно понять, как размещать предметы обихода и определять мужскую и женскую половины жилища, что приводило к новой социальной проблеме [4, с. 8]. Более того, отсутствие навыков и должного опыта в строительстве изб приводило к тому, что в некоторых селениях «...строили избы наспех, без крыши, без сеней, без пола и даже без печи. В таких избах было холодно, грязно, и люди снова возвращались в юрту» [5, с. 44].

К 1940-м гг. переход алтайцев на оседлость был практически завершен. Это время ознаменовалось возникновением колхозных и совхозных поселений, которые включали в себя культурно-просветительские учреждения и избы для колхозников, а также новый вид жилья – деревянные срубы.

Несмотря на интенсивное строительство деревянных домов, в советский период в культуре алтайцев не наблюдалось полного отказа от традиционного жилища – *айыла*. Например, в начале 1950-х гг. в южных скотоводческих районах: Онгудайском, Усть-Канском, Усть-Коксинском – сохранился конический шалаш, покрываемый берестой или корой лиственницы. В Кош-Агачском и Усть-Коксинском районах в послевоенное время сохранилась войлочная юрта [6, с. 114]. Однако их значение в повседневной жизни алтайца начало отходить на задний план. Они часто устанавливались рядом с деревянными домами и становились преимущественно летним жилищем [7, с. 102]. Для отдельных семей *айыл* по-прежнему оставался основным типом жилища [2, с. 124]. Старые типы жилища начали выполнять функции хозяйственной постройки (амбар, сарай и т. д.). Как правило, рядом со старым жилищем была выстроенная срубная четырехстенная изба, чаще без крыши, а с землей, насыпанной на потолок, но с окнами, деревянным полом и печью. Такие участки не были обнесены забором. Новые дома строились без плана, вразброс или довольно скученно. Однако в это время формировался новый вид современного алтайского селения. Рядом с традиционным жилищем возникли новые избы и общественные учреждения, такие как школы, здания сельсовета, больницы, клу-

ба, ветеринарного или врачебного пункта, магазины сельского потребительского общества, маслозаводы, колхозные амбары, склады, скотные дворы и другие новые постройки, которые начали придавать современному алтайскому селению новый вид, не имеющих ничего общего со старыми аилами, растянутыми на несколько километров, с одинокими стоящими на большом расстоянии друг от друга юртами.

Кроме того, в контексте традиционного скотоводства, отгонного животноводства, юрта продолжала выступать в качестве основного типа жилища на летних стоянках, обеспечивая мобильность и приспособленность к условиям кочевого образа жизни.

В послевоенные годы, в период восстановления и развития сельского хозяйства, особенно в 1950-е гг., началось активное строительство двух-трехкомнатных домов с кладовой, сенями и другими хозяйственными постройками [2, с. 124]. Эти дома были огорожены жердями или штакетником, что обеспечивало их безопасность. Это свидетельствует о значительном влиянии социально-экономических изменений на развитие жилищного строительства в этот период и о том, как строительство было ориентировано на удовлетворение потребностей населения в комфортном и безопасном жилье.

В 1970-е гг. основным типом жилья стал четырех- и пятистенный дом с двускатной или четырехскатной крышей, с сенями, рядом с которым стоит коническая или срубная юрта. В процессе социально-экономических изменений произошли существенные изменения во внутреннем убранстве жилого дома и размещении домашней утвари. Так, вместо кожаных и деревянных сосудов появилась удобная стеклянная, фарфоровая, эмалированная, алюминиевая посуда, а также современная мебель, стиральные машины, холодильники, электроплитки и утюги [8, с. 55]. Эти изменения свидетельствуют о влиянии технологического прогресса на бытовую сферу и об улучшении условий жизни населения.

В 1980-е гг. в селах Горного Алтая началось строительство домов по стандартным проектам, представляющих собой двухквартирные или одноквартирные срубные постройки, состоящие из трех или четырех жилых комнат, кухни и больших застекленных веранд. Окна в таких домах были большими, двустворчатыми, потолки – высокими. Внутренние стены комнат штукатурили и белили известью, а дощатые полы застилали покупными ковровыми дорожками. Такие дома мало отличались от городских квартир [9, с. 28]. Данный феномен связан с практикой использования типовых проектов в строительстве, что позволяло быстро и эффективно удовлетворять потребности населения в жилье. Также следует отметить, что такие дома отражают социально-экономические изменения в СССР в 1980-е гг., направленные на улучшение жилищных условий населения.

В 1980-е гг. появилась тенденция строить традиционные юрты на приусадебных участках или рядом с домами. Стали устанавливаться традиционные виды жилищ, такие как юрты, многоугольные срубные

айылы, модернизированные аланчики [9, с. 28]. Юрта стала полуфункциональной и стала использоваться более широко, чем раньше. Новинкой стало использование юрт в качестве своеобразных домов для приемов во время праздников и торжеств.

В середине 1980-х гг. в районных центрах, где размеры приусадебных участков были ограничены 10 сотками в соответствии с плановой застройкой, жители столкнулись с нехваткой территории для строительства традиционных многоугольных аилов. В связи с этим они стали строить дощатые летники, которые отличались простотой технологии строительства и относительно низкой стоимостью материалов по сравнению с многоугольными коническими аилами, требующими специальных навыков и большого количества строительного материала [10, с. 28]. Некоторые владельцы летников стремились организовать внутреннее пространство своих жилищ в соответствии с традиционными нормами расположения вещей и предметов в аилах [11, с. 198].

Северные алтайцы, по сравнению с южными, смогли быстро адаптироваться к новым преобразованиям. Одной из важных причин является то, что они первые контактировали с русским населением [12, с. 41, 215], и даже в первой четверти XIX в. среди верхних кумандинцев проживали русские. В это время села кумандинцев строились по типу русских селений, но постройки ставились беспорядочно, небольшими разбросанными группами [13, с. 116, 121]. В результате влияния русского уклада жизни традиционные землянки и юрты кумандинцев уступили место более просторным четырех- и пятистенным домам. Кумандинцы также освоили строительство различных хозяйственных сооружений, включая амбары и бани [13, с. 121].

В культуре северных алтайцев по сравнению с южными элементы традиционного жилища слабо сохранились. Например, плетневое каркасное жилище кумандинцев – *урген уг* – было распространено в степной и лесостепной зоне и бытовало в их культуре вплоть до 1950-х гг. [3, с. 348–349]. Чалканыцы и тубалары тоже быстро подверглись унификации в советский период. В отличие от южных алтайцев, которые пытались сохранить традиционное жилище, всячески его модернизируя, тубалары отказались от традиционного жилища, предпочитая летние кухни из теса [3, с. 502].

Переход алтайцев от кочевого образа жизни к оседлости в середине XX в. стал значительным поворотным моментом в их культуре и повседневной жизни. Оседлость внесла существенные изменения в материальную культуру алтайцев, включая одежду, предметы быта и питание, а также оказала влияние на духовные аспекты их существования. Одним из наиболее очевидных изменений было жилище, когда алтайцы перестали строить традиционные *айылы* и стали жить в деревянных избах.

Однако, несмотря на эти изменения, алтайцы смогли сохранить некоторые традиционные обычаи, связанные с жилищем. Например, при строительст-

ве домов они продолжали ориентировать входную дверь на восток, что является отголоском древнетюркских верований, где восточная сторона ассоциировалась с жизнеутверждающей силой [9, с. 27]. Этот обычай сохранился и у чалканцев, для которых пространство напротив входа считается «чистым» и имеет особое значение [14, с. 28]. Кроме того, традиционное жилище сохраняло свою актуальность и продолжало использоваться в повседневной жизни, что свидетельствует о важности сохранения традиционных элементов жилища для поддержания культурного наследия алтайцев и их традиционного образа жизни.

Анализ изменения жилища алтайцев с 1930 по 1985 г. показывает, что период советизации и коллективизации сельского хозяйства привел к значительным преобразованиям в жилищном строительстве. Переход кочевого и полукочевого населения на оседлость сопровождался строительством новых оседлых поселений и заменой традиционных жилищ на деревянные избы. Тем не менее алтайцы смогли адаптироваться к новым условиям и сохранить некоторые элементы своей традиционной культуры, связанные с жилищем.

Трансформация традиционной одежды

Традиционная одежда, как правило, является отражением многих аспектов жизни общества, включая экономические, социальные и духовные. Одежда алтайского народа отражала их быт и приспособленность к экономическим особенностям и природным условиям местности. Она различалась в зависимости от возраста, пола и социального положения, а также от хозяйственного и этнокультурного уклада жизни северных и южных алтайцев.

Южные алтайцы вели полукочевой образ жизни, сочетая скотоводство с земледелием и охотой, в то время как на севере, помимо охоты и земледелия, активно развивались рыболовство и собирательство. Эти различия в образе жизни нашли отражение и в одежде: северные алтайцы предпочитали домашнее ткачество, используя коноплю (*кендырь*), лен (*кудели*) и крапиву [15, с. 256]. Например, кумандинцы использовали ткацкие станки, что позволяло им создавать разнообразные ткани, а чалканцы предпочитали охотничьи костюмы из войлока, идеально подходящие для холодного климата северных территорий Горного Алтая и активного охотничьего быта [16, с. 233].

Нужно отметить, что одежда северных алтайцев начала раньше подвергаться влиянию русского населения. Более состоятельные жители, особенно среди кумандинцев, чалканцев и тубаларов, перешли к одежде городского типа, шитой из дорогих фабричных материалов. В первой половине XX в. среди кумандинцев уже стало популярным носить одежду, выполненную в стиле одежды русских крестьян. Также распространилось использование готовой одежды фабричного производства, которая отличалась повышенной практичностью и удобством [3, с. 353].

Традиционная культура населения Горного Алтая до 1930-х гг. особых преобразований не претерпела. Процессы трансформации традиционной одежды начались с периода коллективизации, которая является одним из основных факторов. В этот период были допущены грубые действия по отношению к алтайским традициям и обычаям. Это привело к ликвидации старинной домашней утвари, жилищ, культурных предметов и других атрибутов традиционной культуры [17, с. 7; 18, с. 24; 19, с. 403;]. Проводились кампании по устранению *чегедека* – традиционной верхней одежды замужней женщины у южных алтайцев. Согласно традициям, женщина не должна была снимать чегедек после свадьбы всю жизнь и не могла без него показаться на глаза свекру и старшему брату мужа [1, с. 173]. В рассматриваемый период чегедек стал символизировать угнетенное положение женщин в семье. Отказ от его ношения был прежде всего частью борьбы с патриархально-родовыми пережитками, т. е. был символическим актом принятия нового образа жизни [20, с. 187].

В отличие от женщин Южного Алтая, где чегедек имел особое значение, женщины Северного Алтая чегедек не носили. Вместо него у них был холщовый халат поверх платья. Стоит отметить, что женщины севера и крещеные алтайки первыми перешли к ношению русской женской одежды: платка, блузки и широкой юбки, собранной в складки [15, с. 263]. Чалканки шапок не носили, а носили платки (плат) [14, с. 67], поэтому они с легкостью переняли культуру русского населения.

Несмотря на эти изменения, полного отказа от традиционной одежды не произошло. Традиционная одежда сохранялась главным образом в среде животноводов. Пожилые женщины, хранительницы народного промысла, продолжали шить традиционную одежду старинным способом [4, с. 8]. Более того, в условиях дефицита текстиля нецелесообразно было избавляться от чегедека, поэтому женщины нашли практичное решение – сохранить традиционный чегедек, переделывая его в соответствии с современными трендами: нижнюю часть оставляли как юбку, а верхнюю переделывали в жилет, тем самым создавая новый вариант одежды, который был более практичным и отвечал меняющимся условиям жизни. В период 1940–1950-х гг. алтайки-колхозницы носили длинную широкую юбку и короткую кофту, добавляя украшения, которые придавали простому костюму национальный колорит. В частности, большой откидной воротник кофты был прострочен цветными шелковыми нитками и украшен рядами перламутровых и стеклянных цветных пуговиц, а также бисером, обычно голубого и белого цветов. Кофта подпоясывалась широким кушаком, на который надевались подвесные украшения. Стоит отметить, что новым элементом стали короткие ожерелья фабричного изготовления, которые женщины начали носить [21, с. 45–46]. Этот пример подчеркивает важность сохранения традиционных элементов одежды и их адаптации к изменяющимся условиям жизни и ра-

боты, а также свидетельствует о влиянии политических и социальных изменений на культуру алтайцев.

Женская одежда, в отличие от мужской, в большей степени сохранила свои специфические алтайские черты. Мужская одежда алтайцев с легкостью трансформировалась в это время. В период Советского Союза мужчины массово начали носить легкую верхнюю одежду: пиджак, стеганую куртку-ватник, пальто, которые можно было купить уже готовыми, а также одежду военного стиля – гимнастерка, брюки-галифе. Во время Великой Отечественной войны костюм военного стиля быстро распространился по всему Горному Алтаю, включая районы, где проживало русское население. В послевоенный период этот стиль мужской одежды стал господствующим среди алтайцев [21, с. 25].

В советский период алтайцы использовали как традиционную одежду, так и готовую одежду городского типа, которую можно было купить в магазинах. Однако национальная одежда, такая как шуба, шапка и обувь, сохраняла свою актуальность, особенно среди работников животноводства, чья деятельность была связана с суровыми климатическими условиями Горного Алтая. Одежда, изготовленная из натуральных материалов, таких как шерсть и мех, обладала хорошими теплоизолирующими свойствами и была оптимально приспособлена к местным климатическим условиям [7, с. 103]. Более того, традиционная одежда скотоводов была лучше, чем покупная, адаптирована к местному климату и удобна при выпасе скота.

В этот период алтайцы продолжали использовать продукцию своих личных хозяйств для изготовления традиционных видов одежды, обуви, покрытия юрт (войлок), конского снаряжения. Соответственно, свою актуальность сохранила и традиционная зимняя одежда, которая изготавливалась в семьях. Она отличалась строгой традиционностью в обработке материала и крое. Приверженность лиц старшего поколения к традиционной одежде, обуви и головным уборам способствовала их сохранению в быту [9, с. 30].

Мужская овчинная шуба в основном сохраняла традиционную форму, но ее длина уменьшилась. Это можно объяснить тем, что образ жизни южных алтайцев изменился: если в прошлом они проводили большую часть времени верхом на лошади и длинная одежда была для них более удобной, то с развитием оседлости и расширением сельскохозяйственных работ, связанных с необходимостью много ходить, длинная одежда стала неудобной [21, с. 26].

Такой же трансформации подверглась и женская шуба. Женская одежда алтайцев в большей степени, чем мужская, сохранила свои специфические алтайские черты. Характерной чертой женской шубы являлась вышивка из цветных ниток, которой украшается выступ левой полы [21, с. 47].

Стоит отметить роль алтайской шапки южных алтайцев. В этот период в культуре южных алтайцев овчинная шапка *бычкак борук*, верх которой по-

крывали тканью или шили из лапок лисицы, шуток суслика, бурундука, с кистью из шелковых ниток на макушке, продолжала использоваться как в зимнее, так и летнее время [21, с. 26]. В культуре алтайцев она была распространена до второй половины XX в., затем ее стали носить и теленгиты. Это может быть связано с тем, что традиционная одежда может быть более доступной или практичной для местного населения. Более того, она не только выполняет практическую функцию, но и является важным элементом культурной идентичности, который передается из поколения в поколение.

Алтайская шапка повлияла и на культуру местного русского населения. Овчинная шапка стала частой вещью в повседневной жизни среди русских мужчин. Это подчеркивает значимость традиционных элементов одежды в культуре и быту местного населения, которые сохраняются и адаптируются к современным условиям жизни.

Традиционный алтайский стиль одежды, включающий покрой рубахи и штанов, сохранился в детской одежде, поскольку часто такая одежда по-прежнему шилась в домашних условиях.

Традиционная одежда южных алтайцев сохранилась лучше, чем у северных алтайцев. Северные алтайцы, которые первыми переняли русскую культуру, со временем утратили элементы традиционной одежды. Например, в XX в. русское влияние на жизнь тубаларов усилилось во всех сферах, в том числе и в отношении одежды и бытовых вещей. Появление в магазинах разнообразного ассортимента одежды, обуви и головных уборов фабричного производства привело к тому, что тубалары почти перестали шить национальную одежду [3, с. 504]. В быту северных алтайцев широко была распространена русская шапка-ушанка. Однако старые национальные формы мужской одежды сохранились в промысловом костюме, наиболее приспособленном к условиям охотничьего и орехового промысла [21, с. 26]. Это подчеркивает важность сохранения традиционных элементов одежды в сочетании с их адаптацией к современным условиям жизни и работы и свидетельствует о тесной связи одежды с культурой и историей народов: одежда отражает их образ жизни и приспособление к окружающей среде.

Причин сохранения традиционной одежды алтайцев несколько. Во-первых, традиционная одежда, адаптированная к климатическим условиям Горного Алтая, обладает функциональной эффективностью и продолжает отвечать потребностям местного населения в одежде, удобной для повседневной жизни и работы. Во-вторых, слаборазвитость легкой промышленности в советский период приводила к дефициту товаров народного потребления [22, с. 39], в том числе и одежды. В этих условиях традиционная одежда оставалась доступной и функциональной альтернативой, что способствовало ее сохранению и распространению среди населения. В-третьих, традиционная одежда играет важную роль в обрядовых церемониях и ритуалах алтайского народа. На-

пример, при проведении свадебных церемоний т е л е н г и т ы шьют шубы, *чегедеки*, головные уборы, изготавливают накосные украшения и другие атрибуты [9, с. 30], что подчеркивает значение традиционной одежды в сохранении и передаче культурных традиций.

Таким образом, функциональная эффективность, доступность и культурная значимость традиционной одежды способствовали ее сохранению в течение XX века, несмотря на значительные трансформации, вызванные коллективизацией, индустриализацией, советской властью и изменениями в образе жизни и занятиях алтайского народа. Традиционная одежда продолжает играть важную роль в культуре и быту алтайского народа, отражая его национальную идентичность и самобытность.

Материальная культура алтайцев, такая как одежда, например шуба, не только была практичной в условиях кочевой жизни, но и являлась важным элементом культурной идентичности. В периоды политической и экономической нестабильности, когда государство не могло предложить альтернативу или поддержку, сохранение традиционных практик и предметов культуры становилось еще более значимым.

Таким образом, самодостаточность и сопротивление изменениям были важными факторами, которые помогли алтайцам сохранить свою уникальную культуру вплоть до начала радикальных социально-экономических преобразований, вызванных коллективизацией.

Преобразования в культуре питания

Традиционная кухня алтайского народа основана на мясных и молочных продуктах, которые являются основным источником питания для местного населения. Эти продукты питания имеют сезонный характер и обладают высокой калорийностью, что делает их идеальными для потребления в суровых климатических условиях Алтая.

В 1917 г. основу питания населения Горного Алтая составляли традиционные продукты питания. Традиции питания коренных народов Горного Алтая различались в зависимости от места проживания и образа жизни. Алтайцы, которые вели кочевой и полукочевой образ жизни, в основном употребляли молоко, мясо и лишь частично хлеб. В рационе северных алтайцев, в отличие от южных, преобладала рыбная пища. Северные алтайцы готовили блюда из рыбы в сушеном, вареном и жареном виде [15, с. 254]. Однако к у м а н д и н ц ы не умели готовить рыбные блюда и заготавливали рыбу впрок и обычно употребляли вареную свежую рыбу [13, с. 125]. Ч а л к а н ц ы, в отличие от кумандинцев, вялили рыбу путем горячего копчения, засушивали, солили и замораживали на зиму [14, с. 53].

Система питания алтайцев начала меняться еще с первой половины XIX в. в связи с активной деятельностью Алтайской духовной миссии на территории Горного Алтая. Некоторая часть населения стала переходить на другую модель питания.

С установлением советской власти с первой половины XX в. в пищевом рационе местного населения стала расти доля зерновых продуктов [23, с. 5]. Это было связано с трансформациями в социально-экономической жизни и культуре, с новым укладом жизни алтайцев, с прибытием представителей разных народов, а также с ростом числа межнациональных браков, что в итоге привело к сглаживанию этнических особенностей, особенно в аспекте питания.

Исследование 1927 г., посвященное быту Горно-Алтайской автономной области, показало, что алтайцы включали мясо в свой ежедневный рацион довольно часто. В более обеспеченных семьях мясо варили 3–4 раза в неделю, тогда как менее состоятельные делали это 5–6 раз в месяц [23, с. 15]. Несмотря на значительное сокращение численности скота в период Гражданской войны, многие алтайцы продолжали регулярно употреблять мясо, что подтверждается данными этого летнего исследования.

Во второй половине XX в. рацион традиционно-го питания алтайцев становился значительно разнообразнее. Основу рациона стали составлять растительные и мучные продукты, такие как картофель, хлеб, овощи, разнообразные крупы и сладости. Нужно отметить, что северные алтайцы, особенно *чалканцы*, уже XVIII–XIX вв. у русских купцов покупали сахар, муку, соль и крупы [14, с. 50]. В то же время традиционные национальные блюда, вроде *чокчока* и *чучука*, алтайцы стали готовить реже, иногда лишь по особым случаям. Регулярное потребление сырого коровьего молока вошло в привычку, а также появились новые виды блюд, например, творог и «*арчылу сарју*» с сахаром. Блюда, богатые крахмалом и углеводами, стали употребляться в больших количествах [23, с. 5].

С распространением огородничества, садоводства и птицеводства рацион пополнился новыми питательными блюдами, при этом традиционные блюда сохранились [19, с. 400]. С 1933–1939 гг. увеличилось душевое потребление основных товаров: по хлопчатобумажным тканям – в 3,2 раза, по готовому платью – в 2 раза, по обуви – в 4,2 раза, по хлебу-муке, макаронам и крупе – в 7,3 раза [24, с. 25, 26].

В военные, послевоенные годы и периоды экономической нестабильности, когда доступ к покупным готовым продуктам был ограничен, традиционная пища алтайцев всегда оставалась надежным источником питания. Благодаря своей практичности и адаптивности традиционная пища сохранилась и в советский период, продолжая играть важную роль в культуре и быту алтайского народа, несмотря на изменения в области питания.

В советский период в культуре северных алтайцев традиционная пища постепенно вытеснялась продукцией промышленного производства. Например, тубалары существенно изменили свой рацион за счет покупных продуктов с развитием централизованной системы снабжения магазинов в XX в.

[3, с. 504]. В 20–50-е гг. XX столетия в культуре челканцев в результате покупки промышленных товаров исчезли многие элементы традиционной материальной культуры, такие как жилище, одежда, пища, утварь и средства передвижения [3, с. 477]. Тем не менее северные алтайцы тоже сохранили элементы традиционной пищи.

Таким образом, несмотря на разнообразие новых продуктов питания, традиции питания алтайцев в основном сохраняли традиционную пищу: *талкан*, *кӧчӧ*, *аарчы*, *курут*, *чеген*, *пыштак*, *каймак* и т. д. [25, с. 22]. Например, для охотников было предпочтительнее брать с собой на охоту продукты традиционной пищи, такие как *талкан*, поскольку он был более удобен в транспортировке и обладал большей питательной ценностью, чем буханка хлеба. Талкан, сделанный из обжаренного и измельченного зерна, был легким, компактным и мог долго храниться, что делало его идеальным выбором для длительных охотничьих походов. Это также помогало сохранять связь с традиционными методами питания, важными для культурной идентичности алтайцев. Употребление традиционной пищи отражает устойчивость культурных традиций, несмотря на изменения, происходившие в тот период. Сохранились и способы приготовления, и способы хранения традиционных блюд. Например, традиционные емкости для хранения, такие как кишки и внутренности животных, продолжали использоваться в советское время. Ярким примером являются теленгиты Кош-Агача, которые заготавливают масло, сливая его в различные виды кишок, внутренностей баранов и коров [9, с. 30]. Таким образом, традиционные методы заготовки и хранения пищи сохранились среди алтайского населения, несмотря на современные изменения в образе жизни.

Сохранение традиционной пищи алтайцев в советский период объясняется ее высокой функциональностью по сравнению с продуктами питания, предлагаемыми государством. Во-первых, традиционная пища обладает высокой калорийностью, что позволяет ей обеспечивать длительное насыщение организма. Во-вторых, она удобна для переноски, что особенно важно во время сезонных мероприятий, таких как охота и сенокос. В-третьих, традиционная пища имела обрядовую функцию и играла важную роль в обычаях и обрядах алтайцев. Соответственно, эти факторы способствовали сохранению традиционной пищи в советское время.

Заключение

Несмотря на политику унификации, проводимую советским государством, традиционная материальная культура алтайцев проявила устойчивость и способность к развитию своих традиционных аспектов, а также оказала влияние на местную русскую культуру. Это стало возможным благодаря культурному обмену, который происходил в ре-

зультате длительного и тесного контакта коренных жителей региона с другими этническими группами.

Сохранение и развитие традиционной материальной культуры алтайцев, в частности традиционной одежды и пищи, обусловлено их функциональной эффективностью и практичностью по сравнению с товарами, предлагаемыми государством. Дефицит товаров легкой промышленности и ограниченный выбор доступной продукции народного потребления способствовали тому, что население продолжало использовать и создавать традиционную одежду как единственную альтернативу. Кроме того, неспособность государства полностью удовлетворить спрос на современную одежду также способствовала сохранению и популярности традиционной одежды среди южных алтайцев.

Традиционная пища обладает высокой калорийностью, что позволяет ей обеспечивать длительное насыщение организма и адаптироваться к условиям подвижного образа жизни, что было особенно важно при сезонных перекочевках скота, охоте и сенокосе. Традиционная пища также имела обрядовую функцию и играла важную роль в обычаях и обрядах алтайцев, что придавало ей дополнительную ценность и значимость.

Даже в условиях жесткого политического контроля многие обряды и традиции алтайцев изменялись и адаптировались, сохраняя свою культурную устойчивость и значимость для идентичности сообщества. Традиционная культура алтайцев в советский период не исчезла полностью, а сосуществовала вместе с новой советской культурой, принимая скрытые формы и продолжая играть важную роль в жизни и самобытности алтайского народа.

В итоге алтайская культура в период с 1917 по 1985 г. продемонстрировала устойчивость и способность к трансформации, успешно сочетая традиционные элементы с современными тенденциями и влияниями, несмотря на политические и экономические процессы, происходившие в стране. Это свидетельствует о сильной идентичности и самобытности алтайского народа, способного сохранять и развивать свою культуру в меняющемся мире.

S. V. Anchina

The traditional culture transformation of the Altay people in the Soviet period

Abstract. This article examines elements of traditional culture that were preserved and transformed during the Soviet period. The components of traditional culture, such as material and spiritual culture are analyzed. In material culture, three main areas are considered: housing, clothing and food, in spiritual culture — rites and customs. The scientific significance of the work is that it makes an attempt for the first time to analyze the transformation of traditional culture of the Altay people in the Soviet period. **Keywords:** traditional culture, material culture, spiritual culture, Altaians, transformation, Soviet Altay, Altay, Soviet period.

Источники и литература

1. Тимофеева Ф. М. Значение ликвидации неграмотности для формирования коммунистического мировоззрения трудящихся Горного Алтая в период строительства социализма // История рабочего класса, крестьянства и интеллигенции национальных районов Сибири. Улан-Удэ, 1971. С. 170–173.
2. Тошакоева Е. М. Традиционные черты народной культуры алтайцев (XIX – начало XX в.). Новосибирск: Изд-во «Наука», Сиб. отд-ние, 1978. 160 с.
3. Тюркские народы Сибири. М.: Наука, 2006. 678 с.
4. Захарова Т. В. Некоторые аспекты социального развития Горного Алтая в 30-е гг. XX в. // Мир Евразии. 2008. № 1. С. 7–11.
5. Тошакоева Е. М. Женщина в обществе и семье у современных алтайцев. Новосибирск, 1973. 58 с.
6. Потапов Л. П. Опыт изучения социалистической культуры и быта алтайцев // Советская этнография. 1948. № 1. С. 107–139.
7. Тошакоева Е. М. Современный семейный быт у алтайцев // Известия сибирского отделения академии наук СССР. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1969. № 11, Вып. 3. С. 102–106.
8. Сатлаев Ф. А. Культура и быт алтайского колхозного села (на материалах колхоза им. Крала Маркса Онгудайского района) // Ленинская национальная политика в действии. Горно-Алтайск, 1972. С. 54–56.
9. Дьяконова В. П. Новое в быту тюркоязычных народов Тувы и Алтая // Историческая этнография: традиции и современность. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1983. С. 25–31.
10. Этнографический атлас Республики Алтай. Горно-Алтайск, 2022. 462 с.
11. Конструирование общероссийской, региональной и этнической идентичности в Республике Алтай (конец XX – начало XXI веков). Горно-Алтайск, 2018. 336 с.
12. Гранё Й. Г. Алтай. Увиденное и пережитое в годы странствий. М.: Индрик, 2012. 608 с.
13. Сатлаев Ф. А. Кумандинцы. Историко-этнографический очерк XIX – первой четверти XX века. Горно-Алтайск: АУ РА Лит.-изд. дом «Алтын-Туу», 2016. 200 с.
14. Кандаракова Е. П. Чалканцы. Историко-этнографический очерк. Горно-Алтайск: АУ РА Литературно-издательский Дом «Алтын-Туу», 2020. 178 с.
15. История Республики Алтай. Т. II. Горный Алтай в составе Российского государства (1756–1916 гг.) / НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова. Горно-Алтайск: ОАО «Горно-Алтайская типография», 2010. 472 с.
16. Алтайцы: Этническая история. Традиционная культура. Современное развитие. Горно-Алтайск, 2014. 464 с.
17. Торусев Э. Г. Коллективизация сельского хозяйства Горного Алтая в конце 1929 – первой трети 1930 гг. // Древности Сибири и Центральной Азии. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2009. № 1–2 (13–14). С. 145–157.
18. Трансформации в обществе и ценности традиционной культуры в Республике Алтай (конец XX – начало XXI веков). Вып. 3. Культурно-религиозное пространство Горного Алтая в конце XX – начале XXI веков: трансформации и новации. Горно-Алтайск: НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова, 2018. 288 с.
19. Кочевники Горного Алтая в условиях социальных и экономических преобразований в России (вторая половина XVIII – середина XX вв.) / отв. ред. Н. В. Екеев; БНУ РА «НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова». Горно-Алтайск, 2020. 472 с.
20. Тюхтенева С. П. Дом культуры ойротки: раннесоветская модерність в Ойротской (Горно-Алтайской) автономной области // Сибирские исторические исследования. 2023. № 2. С. 167–193.
21. Потапов Л. П. Одежда алтайцев // Сборник Музея антропологии и этнографии. XIII. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1951. С. 5–60.
22. Бурденко Е. В. Ретроспективный анализ развития легкой промышленности в России // Экономика и управление. 2010. 27 (162). С. 38–43.
23. Муйтуева В. А. Традиционная пища алтай-кижи: (обряды и представления) / Федеральное агентство по образованию, ГОУ ВПО «Горно-Алтайский государственный университет». Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2007. 154 с.
24. Батасов А., Раппопорт Г. Социалистическая Ойротия. Барнаул: Изд. Алтайского крайкома ВКП(б), 1939. 38 с.
25. Пахаев С. Я. К вопросу о завершении социалистического переустройства быта животноводов Горного Алтая // Записки Горно-Алтайского научно-исследовательского института истории, языка и литературы. Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отд-ние алтайского кн. изд-ва, 1964. Вып. 6. С. 17–34.

DOI 10.37386/2687-0592-2024-12-76-83

УДК 94:314 (574)

К. К. Абдрахманова*Карагандинский исследовательский университет имени академика Е. А. Букетова, г. Караганда, Республика Казахстан***Питание и торговля в городах Центрального Казахстана в годы «застоя» и «перестройки»: повседневные практики**

Аннотация. История повседневности — одно из перспективных направлений в современной исторической науке. В настоящее время, когда сняты идеологические ограничения, произошли кардинальные изменения в социальной, экономической и политической структуре общества. В связи с этим перед нами стоит задача ввести новые архивные материалы в научный оборот. В статье автор рассматривает проблемы общественного питания и торговли в городах Центрального Казахстана в 1970–1980 гг. Автор анализирует такие вопросы, как продовольственные трудности, продовольственное снабжение, рацион питания, торговля. **Ключевые слова:** история повседневности, Советский Союз, Центральный Казахстан, общественное питание, рацион, снабжение, потребитель, торговля.

Эпоха «брежневского застоя» по отношению к предыдущим периодам для Советского Союза характеризовалась относительной стабильностью во всех сферах жизни страны, ростом материального благополучия граждан, временным улучшением уровня жизни и отсутствием серьезных потрясений. Однако экономические предпочтения властей в пользу тяжелой индустрии в ущерб легкой промышленности со временем вызвали невосполнимую диспропорцию, приведшую к необратимому кризису в 1970–1980-е гг. Кризис ударил прежде всего по народу, а в повседневной жизни появились такие явления, как дефицит непродовольственных товаров широкого потребления и продуктов питания.

Наиболее четкую характеристику этого периода дает профессор Н. Лебина, которая отмечает, что основными чертами советского быта в эти годы являлись «потребительская революция» и «вещизм», обратные уродливые формы в условиях плановой экономики, резкого расслоения общества, роста дефицита и «двойной морали» [1, с. 13].

В 1966–1985 гг. по количеству и структуре питания в расчете на душу населения в целом по СССР наблюдалось улучшение, несмотря на то, что темпы прироста продукции сельского хозяйства СССР в 1971–1985 гг. по сравнению с периодом восьмой пятилетки (1966–1970) стали заметно снижаться. Из пяти лет (1971–1975) только один — 1973 год — был благоприятным для сельского хозяйства в природно-климатическом отношении, а два года — 1972 и 1975 — отличались небывалой засухой. Если в 1966–1970 гг. среднегодовой объем продукции сельского хозяйства увеличился на 21%, то в 1971–1975 — лишь на 13% [2, с. 439–440]. В 1970-е — первой половине 1980-х гг. СССР в значительно большей мере стал использовать продукты питания из личных подсобных хозяйств (мясная, плодоовощная продукция и т. д.).

В 1982 г. власть признала существующий в стране экономический застой и была вынуждена на майском пленуме ЦК КПСС принять решение о разработке «Продовольственной программы СССР на период до 1990 г.». Программа должна была опреде-

лить новую стратегию партии в области сельского хозяйства, решить проблему с товарным дефицитом, а также улучшить рацион питания советского человека [3]. В программе были четко прописаны нормы потребления для здорового сбалансированного рациона питания (табл. 1).

Таблица 1

Планирование потребления продуктов питания в СССР на 1980–1990 гг. (на душу населения в год, кг) [4, с. 404]

Продукты	1980 г.	1985 г.	1990 г.
Мясо и мясопродукты	58	62	70
Рыба и рыбопродукты	17,6	18,7	19
Молоко и молочные продукты	314	318	330–340
Яйцо (шт.)	239	253	260–266
Растительное масло	8,8	10,4	13,2
Овощи и бахчевые	97	110	126–135
Фрукты и ягоды	38	49	66–70
Картофель	109	115	110
Сахар	44,4	44,9	45,5
Хлебопродукты	138	137	135

Согласно материалам табл. 1, программа ставила задачу увеличить потребление мяса на душу населения с 58 кг в 1980 г. до 70 кг в 1990 г., молока и молочных продуктов — с 314 до 340 кг, яиц — с 239 до 266 штук. Планировалось увеличить среднее потребление овощей и бахчевых культур — с 97 до 135 кг, а также фруктов и ягод — с 38 до 70 кг на душу населения в год. Для анализа степени реализации программы рассмотрим официальные общесоюзные данные по потреблению основных продуктов питания в СССР за указанные годы.

Сравнивая материалы таблиц 1 и 2, следует отметить, что установленные продовольственной программой нормы питания, за исключением потребления овощей и фруктов, были выполнены. Кроме того, отмечается тенденция роста потребления продуктов питания в расчете на душу населения в целом по Со-

юзу. По сравнению с 1975 г. в 1980-е гг. увеличилось потребление рыбных, мясных, молочных продуктов, сахара. Резкое отставание имелось по потреблению овощей и бахчевых, фруктов и ягод. Установленная научная норма потребления составила: овощей и бахчевых – 145 кг на душу населения, фруктов и ягод – 71 кг. Несмотря на положительную динамику, потребление мясных и молочных продуктов не соответствовало положенной научной норме. При норме 86 кг мясной продукции на душу населения за год приходилось от 62 до 75 кг; вместо 404 кг молока и молочной продукции употреблялось за год 387 кг. Превышал норму потребления картофель – вместо положенных 97 кг употреблялось 106 кг.

Насколько была реализована программа на местах, можно судить по статистическим данным Карагандинской области. Рассмотрим потребление основных продуктов питания среди рабочих угольной промышленности нашего региона (табл. 3). Видна тенденция постепенного снижения количества потребления ряда продуктов питания. Основная причина, которая фиксируется во всех отчетных документах, – недостаточное снабжение через государственную и кооперативную торговлю. Практически неизменным по сравнению с 1960-ми гг. осталось потребление хлебопродуктов – 10–11 кг на 1 человека в среднем за месяц. В 1987 г. снизилось душевое потребление молочных продуктов по сравнению с 1970 г. Существенная разница с установленными нормами была в потреблении овощей и фруктов. При общей установленной всесоюзной норме 146 кг на душу населения в год у рабочих угольной промышленности Карагандинской области она не превышала 100 кг. Потребление фруктов было в 4 раза ниже установленной нормы.

К середине 1980-х гг. все «успехи коммунизма» дали существенную трещину. Низкая эффективность экономики, гонка вооружений, колоссальные расходы на содержание атомного арсенала, бессмысленная война в Афганистане и т. д. привели к стагнации во всех сферах общества. В стране начался повальный товарный дефицит, из-за которого местное самоуправление практически во всех регионах было вынуждено принять меры по контролю за распределением продуктов питания в государственных магазинах: в одних городах вводятся карточки и нормы потребления на широкий ряд потребительских товаров – от спичек, табачных изделий, водки до мыла, масла и сахара, в других – специальные удостоверения, открывающие доступ к покупке определенного набора товаров. Суть талонной системы, внедренной как вынужденная мера в СССР в 1987 г., заключалась в обеспечении населения минимально гарантированным набором товаров. Причем за товар надо было не только заплатить, но и иметь на руках талон, разрешающий его покупку. Парадокс заключался в том, что людям не всегда удавалось использовать талон, так как товара просто не было в продаже.

Нами были обнаружены весьма интересные архивные материалы о структуре продовольственно-

Таблица 2

Потребление основных продуктов питания в СССР (в среднем на члена семьи за год, в кг) [5]

Продукты	Нормы питания ИПАМН СССР, кг	Годы			
		1975	1980	1985	1990
Мясо и мясопродукты	86	57	58	62	75
Рыба и рыбопродукты	23,7	16,8	17,6	18	20,4
Молоко и молочные продукты	404	316	314	325	387
Яйца, шт.	298	216	239	260	297
Овощи и бахчевые	145	89	97	102	89
Фрукты и ягоды	71	39	38	48	35
Картофель	97	120	109	104	106
Сахар и кондитерские изделия	40,7	40,9	44,4	42,2	47
Хлебные продукты	121	141	138	133	120

Таблица 3

Потребление основных продуктов питания рабочих угольной промышленности в Карагандинской области в 1970 по 1987 гг. (в среднем на члена семьи за год, кг) [6]

Продукты	1970 г.	1975 г.	1983 г.	1987 г.
Мука и хлеб в пересчете на муку	136,2	131,2	130,6	125,6
Картофель	101,3	99,5	85,4	78,6
Овощи и бахчевые	99,8	97,5	91,2	90,3
Фрукты и ягоды	25,2	22,5	22,4	27
Мясо и мясопродукты	66,5	78,3	84,4	87,4
Рыба и рыбопродукты	9,5	9,5	9,5	9,3
Молоко и молочные продукты (включая животное масло)	411,8	412	398,8	392,3
Масло растительное и другие жиры	8,6	8,8	8,8	8,2
Яйца, штук	269,1	232	232	229
Сахар	22,6	21,1	19,1	18,2

го потребления населения Карагандинской области за 1989 и 1990 г. (табл. 4), которые свидетельствуют о резком снижении потребления основных продуктов не только относительно норм, установленных академией питания, но и в целом в сравнении с данными табл. 3. В частности, сократилось потребление таких важных социальных продуктов, как хлеб, – со 125,6 кг в 1987 г. до 96,2 кг в 1989 г.; мясной продукции – с 87,4 кг в 1987 г. до 79,1 кг в 1990 г. Горожанам стало не хватать молочной, рыбной, плодоовощной продукции, сахара и т. д. Талонная система была предусмотрена только на мясо и мясную продукцию – всего 18 кг на 1 человека за год, или 1,5 кг на месяц; яйца – 120 штук (или 10 штук на одного человека в месяц); сахар – 12 кг (1 кг в месяц) и растительное масло – 2,4 кг (200 г в месяц).

Таблица 4
Потребление продуктов питания в сопоставлении с пищевыми рационами, рекомендуемый для населения КазССР институтом питания Академии наук СССР (на члена семьи в год) [7, л. 4]

Наименование продуктов	Пищевой рацион, рекомендуемый институтом	Фактически потреблено, кг		Предусмотрено по талонной системе на 1 чел. в 1991 г.
		1989 г.	1990 г.	
Хлебные продукты	124,0	96,2	98,6	—
Мясо и мясопродукты в пересчете на мясо	67,0	82,4	79,1	18,0
Молоко и молочные продукты в пересчете на молоко	352,0	342,6	337,4	—
Яйца, шт.	224,0	199	194	120
Рыба и рыбопродукты	9,1	8,7	8,1	—
Сахар	32,0	17,6	19,4	12,0
Масло растительное	16,0	3,3	3,7	2,4
Картофель	67,0	83,5	83,7	—
Фрукты, ягоды и виноград в пересчете на свежие	65,0	31,1	35,2	—

Вспоминает о талонах жительница Караганды Ахметова Зубайра: «В конце 1980-х годов я работала фасовщицей в Гастрономе. Дефицит был на все. Прилавки пустые. Мне просто нечего было расфасовывать. Любый товар, который мы получали, люди просто сметали за считанные минуты. Тогда были талоны на масло, сахар, чай, мясо и мясные консервы, макаронные и кондитерские изделия. Строго по талону, и часто со скандалом, люди получали табак и алкоголь. Те, кто особо не пил, обменивался талонами на мыло и стиральный порошок. Сами по себе талоны выглядели просто — были отпечатаны на простой бумаге с серийным номером, где подписывался товар и месяц с годом» [8].

Участник интервьюирования Ирина Ивановна Тротно (1969 г. р.): «С талонами я впервые столкнулась в 1990 г., когда после окончания училища начала работать. На работе профком выдавал нам ежемесячно талоны на продукты, на водку, на сигареты. Так как я не курила и не пила, я обменивалась с соседями на продукты, в общем, выживали как могли» [9].

Вспоминает Надежда Евгеньевна Витюк: «Имея те же самые талоны, не всегда можно было прийти в магазин и отовариться. Не было этого свободно. Брели то, что было. Например, дали палку вареной колбасы, о копченой даже и речи не было, и то слава богу» [10].

Таким образом, питание в 1980-е гг. имело резкую тенденцию к сокращению потребления основ-

ных продуктов и существенно отличается от данных за 1960–1970-е гг.

О продуктовом дефиците в годы перестройки можно судить по воспоминаниям горожан. В частности, З. Ахметова вспоминает: «К продуктам первой необходимости доступ имели все категории населения, а вот к деликатесам — избранные. К избранным относились „нужные люди“ — это могли быть родственники, начальство, работники органов, санэпидстанций, народные контролеры, которые отоваривались „из-под прилавка“. Особенно влиятельные были те люди, которые по благу могли „достать“ деликатесную рыбу, лучшие сорта кофе, чая, коньяков, конфет и т. д.» [8].

В шахтерской семье Жунусовых основными продуктами питания были рожки, яйца, все молочное. Респондент вспоминает: «Мясо в основном брали в магазине. На базаре домашнее мясо брали очень редко, не каждый день, потому что не принято было на базарах отовариваться часто. Тем более в Караганде их было не очень много. Овощной продукции было много. Насчет фруктов я бы не сказал, что их было много. Но овощные магазины были полные картошкой, морковью. В 1970-е годы было можно приобрести и халву, и сладкое. Ну и конфеты, хотя они тоже были в дефиците. В 1980-е вообще во всем начался дефицит» [11].

Вспоминает Людмила Анатольевна Буркина (1971 г. р.): «В годы перестройки жилось, конечно, очень тяжело. У нас была скромная семья, хотя папа был шахтером. Рацион был обычный. Утром всегда молочная каша. Молочные продукты мы употребляли постоянно, хотя приходилось выстаивать большие очереди. Мама меня посылала в магазин, чтобы купить молоко, которое тогда продавали в бутылках. На обед у нас обязательно был суп и второе какое-нибудь. В целом я очень любила сырокопченые колбасы, но мы их покупали только на праздники. Не всегда могли себе позволить купить фрукты. К примеру, апельсины — это было только лакомство на Новый год. Сыры тоже не покупали, так как это было дорого. Красную икру — тем более» [12].

Хотелось бы отметить, что в 1980-е гг. очереди стали массовыми, что отмечается респондентами. В частности, Тлеухан Жунусов вспоминает: «Очереди были всегда. Но наиболее трудно с этой проблемой, то есть самые жесткие очереди появились в 1980-е гг., когда было невозможно что-то купить. Люди с утра занимали, ждали привоза продуктов. К вечеру их привозили. Все в этих очередях давились, в основном не было сосисок, колбасных изделий, мяса. Мясо тогда вообще не было в современном понимании каждодневно, были супнаборы. И люди с работы до закрытия магазинов стояли в очередях. Если кто-либо смог набрать на несколько дней, или они там вставали всей семьей, набирали по пять, по шесть человек, можно было и не каждый день стоять в очередях. В нашей семье кто был выходной, тот и занимал очередь по возможности» [11].

Респондент Бахыт Куртбаева отмечает: «Очереди были ужасные, продукты выдавали только после пяти. Масло, помню, выдавали по полкилограмма на руки, это буквально ничего для большой семьи. В общем, приходилось стоять в очереди всей семьей по 2–3 часа за полкилограмма мяса, за килограмм колбасы и т. д. Особенно тяжело с очередями было в 1990-е гг. Длинные и бесконечные очереди, нехватка продуктов – это было тяжело. Когда некому было стоять в очередях, приходили после работы, и если доставалось что-то, было очень радостно. Магазины работали до 8 вечера, и если я успевала после работы что-то взять, считалось, что этот день был удачный. Если не успевали, приходилось питаться другими продуктами, какие были дома: овощные супы, каши и т. д. Но чаще всего мы старались закупить продукты в субботу или в воскресенье» [13].

Аналогичное мнение было высказано другим респондентом, О. Потаповой: «Большие очереди были к 1980-м годам. Конечно, всем не нравилось стоять в очереди за курицей или за уткой после работы. Както я ночью 1 мая заняла очередь. Ночь простояла, и в итоге мне ничего не досталось» [14].

Об острой нехватке продуктов питания свидетельствуют различные отчетные материалы, сводки и выступления.

В 1984 г. в министерство торговли КазССР поступила информация о выполнении плана экономического и социального развития Карагандинской области от начальника управления торговли Л. А. Кима. В своем отчете он констатирует причины невыполнения плана розничного товарооборота: во-первых, недостаточность товарных ресурсов, во-вторых, высокие розничные цены, в-третьих, низкая покупательская способность населения из-за отсутствия заработной платы [15, л. 123]. Кроме того, в отчете отмечается, что круглый год ощущался недостаток кондитерских изделий, мясoproдуктов, водки, шампанского, молочных продуктов, муки высшего сорта, крупы, бобовых.

В июле 1988 г. на активе в обкоме партии говорили об острой нехватке государственных продовольственных ресурсов, снижении поставок мяса и птицы, молокопродуктов, животного масла, овощей и картофеля, рыбы. Выступающий назвал причину этой проблемы – недостаточность развития материальной базы пищевых предприятий. В силу этого не удовлетворялся спрос на отдельные товары местного производства: на хлеб ржаной – на 70%, хлеб бородинский – на 50%, бараночные изделия – на 75%, колбасные изделия – на 60%, молоко фасованное – на 65%, кисломолочную продукцию – на 70%, пиво – на 89% и т. д. [16, л. 109].

Для улучшения продовольственной ситуации принимались всевозможные меры на местах. К примеру, в целях рационального использования мясных и молочных продуктов был увеличен выпуск нежирной продукции, такой как кефир 1% жирности, молоко белковое, сметана 10%, колбасные изделия из нефондового сырья. Было увеличено произ-

водство мяса в подсобных хозяйствах, работающих на пищевых отходах. В магазинах госторговли были организованы специальные отделы по торговле комиссионным мясом и мясoproдуктами. Планировалось открытие двух цехов по производству полуфабрикатов, кондитерских и кулинарных изделий [16, л. 108–109].

Снабжение городского населения области продовольственными и непродовольственными товарами осуществлялось через сеть магазинов. В 1975 г. в городах области функционировали 174 продовольственных магазина, из них с универсальным ассортиментом – 54, хлебных – 30, молочных – 8, овощных – 37, прочих – 45, а также 134 непродовольственных магазина, в том числе: 17 швейных, 23 посудохозяйственных, 19 обувных, 75 прочих, итого 308 [17, л. 289].

В 1976 г. было 177 продовольственных магазинов, из них с универсальным ассортиментом – 56, хлебных – 30, молочных – 8, овощных – 37, прочих – 46, и 135 непродовольственных магазинов, в том числе: 17 швейных, 23 посудохозяйственных, 19 обувных, 76 прочих. Итого – 312 [17, л. 107].

В 1976 г. **комиссионную торговлю автомобилей и мотоциклов с колясками** осуществляли 5 магазинов: хозрасчетный магазин № 52 г. Караганды, хозрасчетный магазин № 22 г. Темиртау, хозрасчетный магазин № 7 г. Абай, хозрасчетный магазин № 7/2 г. Сарани, хозрасчетный магазин № 9 г. Шахтинска. [17, л. 108].

Согласно данным управления торговли, в 1978 г. функционировал 181 продовольственный магазин, из них с универсальным ассортиментом – 57, хлебных – 30, молочных – 8, овощных – 38, прочих – 48, а также 137 непродовольственных магазинов, в том числе 18 швейных, 22 посудохозяйственных, 19 обувных, 79 прочих, итого – 318 [17, л. 98].

Продукты питания большей частью приобретали в государственных и кооперативных магазинах. Доля покупок продуктов питания у частных лиц составила 14,4%, из них наибольший процент приходится на овощи, бахчевые – 31,2%, картофель – 30,9%, фрукты и ягоды – 30,2%, мясо – 30,2% [18, л. 18].

Средние цены государственной и кооперативной торговли на продукты питания, такие как мясо, сало, масло, отличаются от рыночных цен. Цены на мясо, сало, масло, колбасные изделия заметно повысились в связи с тем, что государственная торговля не удовлетворяла потребности населения, поэтому люди были вынуждены покупать их в кооперативной торговле, где цены были выше: например, в 1987 г. средняя цена 1 кг говядины составила 3 руб. 34 коп., на рынке – 4 руб. 84 коп. [18, л. 19].

Существенные изменения произошли в 1989 г., когда цены на колхозном рынке в сентябре возросли: на морковь – на 50,0%, чеснок – на 75,0%, яблоки – в 3 раза, на баранину – на 11,1% по сравнению с сентябрем прошлого года [19, л. 61].

В 1990 г. средние цены колхозного рынка возросли по сравнению с прошлым годом по картофелю на

25,5%, по говядине – на 12,2%, по свинине – на 11,7%, по баранине – на 7,3%, по сметане – на 13,1% [7, л. 4].

Опрос среди респондентов также показал, что товары в основном приобретали в магазинах. Вспоминает Тлеухан Жунусов: «В основном покупали в магазинах. В колхозных рынках брали очень редко, потому что туда надо было ехать. И как-то не принято было на рынках отовариваться. Тогда базары работали не так, как сейчас. Это не было распространено. Помню, был рынок в Михайловке и, по-моему, в старом городе. Больше рынков не помню. На рынках даже была выше цена, чем в магазинах [11].

Респондент Бахыт Куртбаева отмечает, что продукты приобретали «в основном в магазинах, базарами пользовались, но редко, потому что базаров было мало. Это в Михайловке был базар, и в принципе на базар мы не ездили, потому что нам хватало продуктов именно закупить в магазине. Цены и там и там были приемлемые» [13].

К сожалению, большая часть продовольственных товаров первой необходимости постоянно поступала с перебоями либо вообще отсутствовала. Если такие товары поступали, то их вмиг разбирали. К примеру, из годового отчета областного управления торговли за 1988 г. следует, что в ходе проверки 7 магазинов Кировского пищеторга было установлено отсутствие достаточного ассортимента товаров – не хватало от трех до 7 наименований [16, л. 80]. Так, в магазине № 55 на момент проверки отсутствовали в продаже шоколад двух наименований, кисели плодово-ягодные двух наименований, кофе-напитки двух наименований, булочные изделия, минеральная вода, мыло туалетное четырех наименований, сухие молочные смеси двух наименований [16, л. 81]. Аналогично в магазине № 41 отсутствовали в продаже консервы плодово-ягодные двух наименований, кофейные напитки двух наименований, крахмал, рыба одного наименования. В большинстве проверенных магазинов нарушался график завоза хлебобулочных изделий и молока [16, л. 81].

Из-за периодического отсутствия необходимых продуктов питания людям приходилось докупать продукты на колхозных рынках по значительно более высокой цене. В Караганде, Шахтинске, Абае, Темиртау, Балхаше функционировали крытые рынки. Колхозные рынки периодически заключали договоры с совхозами области на привоз и продажу сельхозпродуктов. С целью повышения товарооборота на рынках проводились всевозможные ярмарки [20, л. 7]. К примеру, в 1985 г. удельный вес поступления продуктов питания с рынка ко всем купленным продуктам в среднем на семью рабочего промышленной составлял: картофеля – 16,5%, овощей, бахчевых – 12,5%, фруктов, ягод – 10,4, мяса и мясопродуктов – 19,3%, молока и молочных продуктов – 1,6%, яиц – 8,1%. [21, л. 102–108]. В 1989 г. ситуация резко изменилась из-за всеобщего дефицита. Из расходов на продукты питания доля расходов на их покупку у частных лиц в среднем у одной семьи составила: по хлебным продуктам – 4,2%, картофеля – 41,7%, ово-

щей и бахчевых – 45,3%, фруктов, ягод – 39,9%, мяса и мясопродуктов – 16,5%, яиц – 5,6%, молока и молочных продуктов – 5,7%, сахара и кондитерских изделий – 2,4%. [19, л. 59–62]. В 1990 г. доля колхозного рынка в покупках населением овощей и бахчевых составляет 45,4%, фруктов и ягод – 34,2%, картофеля – 46,3%, мяса и мясопродуктов – 15,2% [7, л. 4].

Не устраивало население и качество продуктов. В 1988 г. в городе Караганде областным управлением статистики было проведено единовременное анкетное обследование «О спросе населения на хлеб, хлебобулочные и макаронные изделия». Результаты показали, что из 351 опрошенных семей 53,0% качество хлеба и хлебобулочных изделий не удовлетворяло. Кроме качества, 53,2% семей не удовлетворял ассортимент. На вопрос, «есть ли необходимость в повышении цен на хлеб и хлебобулочные изделия», 93,7% семей ответили «нет» и 6,3% семей на повышение цен были согласны при условии улучшения качества. У 49,4% семей были случаи порчи хлеба, из них по причине плохого качества хлеба – у 93,7% семей, по причине излишков – у 6,3% семей. 47,9% семей считали необходимым увеличить число дежурных хлебных магазинов. Аналогичное анкетирование было проведено по макаронным изделиям. Из числа опрошенных семей ассортимент макаронных изделий не удовлетворял 64,1%, качество – 49,6%, расфасовка – 32,5%. Качество не удовлетворяло по причине развариваемости и низкого сорта муки [19, л. 29].

Дефицит наблюдался не только в сфере продовольственных товаров. В годовом отчете за 1984 г. отмечается резкое снижение реализации мебели, ковровых, хрустальных изделий [15, л. 123]. В течение 1984 г. в торговле возникали периодические сбои в поставке отдельных марок магнитофонов, телевизоров, холодильников, из одежды дефицитом были сорочки, школьные костюмы, спортивные, костюмы, обувь, пальто и т. д. На объем реализации товаров влияли также отсутствие какого-либо разнообразия и однотипность фасонов [15, л. 123].

В 1988 г. в ходе проверок непродовольственных магазинов были выявлены такие факты, как недостаточный ассортимент товаров, нарушение графиков завоза товаров первой необходимости. Так, в магазине № 72 х/р дирекции «Детские товары» по состоянию на 12 июля 1988 г. отсутствовали товары 9 наименований – халаты х/б, пеленки, поддевальники детские, коляски и т. д. В магазине «Сауле» О. Д. «Одежда» в отделе хлопчатобумажные платья отсутствовали в продаже 15 наименований товаров, в том числе платья х/б производства Гориса, Еревана, Джамбула, Тбилиси, Усть-Каменогорска, юбки и платья производства Алма-Аты и другие товары. В отделе «Моющие средства – сувениры» этого же магазина отсутствовали 5 наименований товаров [16, л. 81].

В отделе «Текстильно-галантерейный» магазина «Сауле» О. Д. «Одежда» в продаже отсутствовало 31 наименование товаров. В магазине № 10 в отделе кожгалантереи Карагандинского гормпromторга отсутствовали в продаже 9 наименований това-

ров в связи с тем, что на длительное время, т. е. на 1–6 июля, склад был закрыт на ревизию. В магазине № 10 «1000 мелочей» О. Д. «Хозтовары» отсутствовали в продаже 12 наименований товаров [16, л. 81].

Несмотря на то, что степень удовлетворения потребностей в продукции легкой промышленности заметно повысилась, она все же оставалась низкой и к концу 1980-х гг. По-прежнему сохранялся дефицит более дорогих и качественных тканей (шелковых и шерстяных). Вспоминает старожил города Караганды З. Ахметова: «В конце 1980-х годов наблюдался острый дефицит на модную, высококачественную одежду и обувь. Магазины оставались переполненными немодной и некачественной одеждой и обувью, а за импортными изделиями выстраивались огромные очереди. Низкий был ассортимент на детскую одежду и обувь. Было тяжело найти и купить детские колготки, шубу или пальто, зимнюю обувь и сандалики. Практически отсутствовали в продаже мужские меховые шапки. Их можно было приобрести только на блату или на вещевых рынках по очень высокой цене» [8].

Респондент Ирина Тротно вспоминает: «В те годы я была студенткой. Родители как могли старались мне покупать вещи по блату, ведь в магазине этого не было. К примеру, те же модные джинсы, хорошие куртки, кофты, обувь» [9].

По данным единовременного обследования цен в декабре 1990 г. на так называемом черном рынке на сапоги зимние девичьи (государственная цена 95 руб.) спекулятивная цена составляла 370 руб., сапоги мужские зимние стоили 85 руб., спекулятивная цена – 200 руб., туфли нарядные – 65 руб., спекулятивная цена – 220 руб. [7, л. 8].

Вспоминает Бахыт Куртбаева: «В те годы считалось модно носить югославские, чехословацкие сапоги. Редко когда можно было их купить в магазинах. В основном из-под прилавка по знакомству. Дефицитом считались польские и румынские мужские костюмы. Среди молодежи большую популярность имели джинсы, они стали чуть ли не эталоном моды. Если у тебя были джинсы „Montana“, то ты был на пике моды. И девчонки засматривались на тебя больше, да и сам себя ты чувствовал красивее и удачливее. Однако власть считала, что джинсы – это западная и негативная культура, и поэтому их не было в продаже. Джинсы можно было купить только у фарцовщиков на рынках по очень бешеным деньгам (200 руб.)» [13].

Система общественного питания в 1970-е гг. существенно расширилась. В частности, при управлении торговли города Караганды функционировали: Ленинский, Октябрьский, Кировский, Советский пищеторги, Облплодоовощторг, Горпромторги, «Гастроном», «Одежда», «Хозтовары», универмаг, «Продтовары», а также два треста столовых [22, л. 27]. В ведении Темиртауского управления торговли находились: Первый трест столовых, Спецтрест столовых, Первый и второй пищеторг и горпромторг [22, л. 28], в городе Балхаш – трест столовых, горпромторг и

горпищторг [22, л. 28]. В городе Абай был создан только горторг, тогда как в Шахтинске функционировали Горторг и трест столовых [22, л. 28 об.], в городе Дзезказган – Горпищторг, горпромторг и трест столовых [22, л. 29].

В 1979 г. система общепита города Караганды состояла из 312 объектов. Среди них столовые (132), рестораны (5), кафе (15), закусочные (12), буфеты (143), 1 пивной бар [23, л. 194]. Любили горожане посещать и кафе. Вспоминает респондент А. Оспанова: «Мы с мужем обязательно в воскресенье ходили в кафе при кинотеатрах. В городе были кинотеатры Ленина, Юбилейный, которые только открылись. Мы специально ходили туда пораньше и обязательно сидели в кафе. Там и сладкое, и могли позволить себе пиво, мороженое, пирожное, и лимонад попить. А потом начинался фильм, и мы уходили на него. А вот в кафе мы ходили каждую неделю, когда дети были маленькие, мы ездили в парк обязательно: там было кафе „Парус“, их фирменное корейское блюдо „кукси“, которое подавалось в горячем виде. Очередь была большая, но мы все равно стояли» [24].

В 1981 г. Карагандинским трестом столовых и ресторанов была проведена работа по улучшению организации обслуживания в предприятиях общественного питания, повышению качества выпускаемой продукции, внедрение прогрессивных форм обслуживания, диетического питания. В тресте была проведена работа по переводу всех предприятий на комплексное снабжение полуфабрикатами, которые ежедневно завозили с мясокомбината, рыбзавода и плодовоощторга [25, л. 5].

Популярным считалось проведение при столовых и ресторанах выставок разной тематики с красочным оформлением и подбором праздничных костюмов. Для популяризации национальных блюд проводились декады и дни национальной кухни. В эти дни интерьеры залов оформлялись в национальном стиле, выпускался бюллетень «Особенности национальной кухни», составляли специальное меню с национальными блюдами [25, л. 5].

Наряду с этим в ресторанах и кафе проводились дискотеки, тематические вечера, а также принимались заказы на проведение торжеств и свадеб. Практиковалось обслуживание различных торжеств на дому, для чего выезжала бригада по обслуживанию с заказными блюдами, скатертями, посудой для сервировки праздничного стола. В ресторанах и кафе проводились вечера «Проводы зимы», «Встреча весны», «Весенний бал» т. д. [26, л. 2].

В 1983 г. ресторан «Казахстан» принимал иностранных туристов, приехавших из ЧССР, ГДР, Канады, Польши, Румынии и ФРГ. С этой целью был подготовлен специальный персонал и повара 6-го разряда. Зал ресторана был оформлен в национальном стиле. Интерьер был декорирован огромным панно из цветного объемного стекла с тематикой Казахстана, полы застланы ковровыми дорожками. В зале для туристов была установлена барная стойка, снаб-

женная зеркальной витриной, светомузыкой и цветными телевизорами. Туристам в меню было предложено: чай по-казахский, баурсаки, кофе по-турецкий, горячий шоколад, прохладительные напитки, соки в ассортименте, конские деликатесы (*казы, шужук*) и т. д. [26, л. 8].

Начиная со второй половины 1980-х гг. в отчетной документации встречается все больше информации о некачественной работе треста столовых и ресторанов. Проблемы те же – общий продовольственный недостаток. В частности, из отчета начальника отдела областного управления торговли Л. А. Кима следует, что «сеть общественного питания за последнее время дает сбой», «периодический недопоставляются продукты», «нет разнообразия блюд» и т. д. В частности, в столовой № 58 второго треста столовых и ресторанов проверкой было установлено отсутствие 10 наименований блюд, указанных в меню. Проверкой кафе «Ласточка» было установлено отсутствие 5 наименований блюд, числящихся по меню, в том числе кофе натурального на молоке, чая с молоком, салата из рыбы и др. Несоответствие фактически приготовленных блюд меню установлено в кафе «Восток» и «Ботагоз». В кафе «Восток» в обеденное время отсутствовали 6 наименований блюд и напитков (лапша по-восточному с курицей, салат из свежей капусты, чай без сахара, кофе черный растворимый), в кафе «Ботагоз» – 10 наименований блюд, указанных в меню, в том числе цыплята табака, казакша чай, чай с сахаром, кофе черный, куш-тили, балкаймак, бауырсак и др. Салат из огурцов и помидоров был приготовлен из некачественных овощей [16, л. 82].

В августе 1989 г. Карагандинское областное управление статистики провело единовременный выборочный анкетный опрос о ходе перестройки социально-культурной сферы. 56,9% опрошенных отметили неудовлетворительную работу предприятий торговли, 26,1% – общественного питания. В ответ на вопрос «Что, на Ваш взгляд, требует улучшения в первую очередь?» были названы все сферы обслуживания, но наибольшее число респондентов высказалось за улучшение снабжения в первую очередь продовольственными товарами (96,9% опрошенных), промышленными товарами – 77,2% [19, л. 13].

Из всей массы проблем самыми острыми, которые волновали больше всего и вызывали беспокойство и неудовлетворенность, обследуемые назвали обеспечение продуктами питания и рост цен на товары и услуги, затем были названы жилищные условия, загрязнение окружающей среды, недостаток промышленных товаров и их качество, нарушение социальной справедливости, состояние морали и нравственности в обществе, социальную напряженность. На вопрос, «ожидаете ли вы в ближайшие 2–3

года улучшения положения с ассортиментом, качеством товаров и услуг, бытовым и медицинским обслуживанием?» ответ «да, заметного» составил 3,3%, «да, некоторого» – 32,6%, «нет» – 33,5%, «затрудняюсь ответить» – 28,6%. [19, л. 14].

Несмотря на имеющуюся сеть общественного питания, в повседневной практике люди предпочитали домашнее питание. Популярными были заготовки на зиму: соленые огурцы и помидоры, квашеная капуста, различные зимние салаты, варенья, компоты и т. д. Вспоминает респондент З. Ахметова: «Осенью мы солили капусту в деревянной бочке. Варили много варенья – по 30–40 литров из разных ягод (вишня, ранетки, смородина, малина). Любили сушить ягоду и зимой из нее варить компот. Обычным делом была и засолка огурцов и помидоров. Хотя они и были в продаже, но многие предпочитали домашнее, так как было вкуснее и выгодно» [8].

Таким образом, проблемы потребления, развития торговли и общественного питания в 1970–1980-е гг. имели большие проблемы. Если в предыдущие периоды, а также в 1970-е гг. источники констатируют положительную картину, то начиная с 1980-х гг. – отрицательную. Причем эта тенденция отражается не только в официальной информации, но и в воспоминаниях людей. Вячеслав Карпов в журнале «Огонек» за 1988 г. так охарактеризовал сложившуюся ситуацию: «Два мира уживались в нашем сознании. Мир повседневных реальностей давал практические ориентиры, мир показного благополучия – надежду на улучшения, на более достойную жизнь в будущем. Сочетанием двух миров усугублялось двоемыслие» [27, с. 15]. Дефицит продуктов и непродовольственных товаров, бесконечные очереди, блат, отсутствие заработной платы и прочие негативные тенденции не только существенно влияли на структуру потребления, но и загоняли людей в психологический тупик.

К. К. Abdrakhmanova

Food and trade in the cities of Central Kazakhstan during the years of «stagnation» and «perestroika»: everyday practices

Abstract. Everyday life history is one of perspective directions in modern historical science. At present time, when repealed ideological limitations, it was happened coordinate changes in social, economy, political structure of society. In this connection actual tasks are study a new archives materials and introduction it in scientific circles. In article the author considers problems of public catering in the cities of the Central Kazakhstan in 1970–1980. The author analyzes such questions as food difficulties, food supply, a food allowance. The author comes to a conclusion that the structure of a food was monotonous and low-calorie, trading. **Keywords:** daily occurrence history, Soviet Union, Central Kazakhstan, public catering, diet, supply, consumer, trading.

Источники и литература

1. Советская социальная политика: сцены и действующие лица, 1940–1985 / под ред. Елены Ярской-Смирновой и Павла Романова (Из библиотеки Журнала

исследований социальной политики). М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2008. 376 с.

2. Кара-Мурза С. Г. Советская цивилизация. Кни-

- га вторая. От Великой Победы до наших дней. М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. 560 с.
3. Продовольственная программа: проблемы разработки и реализации / отв. ред. В. А. Тихонов. М.: Наука, 1983. 340 с.
 4. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: сб. документов. Т. 14. Апр. 1981 г. – дек. 1982 г. М: Политиздат, 1983. 720 с.
 5. Составлено по: Народное хозяйство СССР в 1980 г.: Стат. ежегодник / ЦСУ СССР. М.: Финансы и статистика, 1981. 583 с. С. 405; Народное хозяйство СССР в 1990 г.: стат. ежегодник / ЦСУ СССР. М.: Финансы и статистика, 1991. 377 с. С. 264. URL: <http://sci-article.ru/stat.php?i=1488144433>.
 6. Подсчитано по: ГАКО. Ф. 596. Оп. 7. Д. 1034. Л. 40; Ф. 596. Оп. 7. Д. 1915. Л. 21–22; Ф. 596. Оп. 7. Д. 3645. Л. 61; Ф. 596. Оп. 7. Д. 3628. Л. 18.
 7. ГАКО. Ф. 596. Оп. 7. Д. 3690.
 8. Аудиозапись биографической беседы с З. Ахметовой (1941 г. р.), записано К. К. Абдрахмановой в Караганде в 2017 г.
 9. Аудиозапись биографической беседы с И. И. Тротно (1969 г. р.), записано К. К. Абдрахмановой в Караганде в 2017 г.
 10. Аудиозапись биографической беседы с Витюк Н. Н. (1946 г. р.), записано К. К. Абдрахмановой в Караганде в 2017 г.
 11. Аудиозапись биографической беседы с Т. Е. Жунусовым (1958 г. р.), записано К. К. Абдрахмановой в Караганде в 2016 г.
 12. Аудиозапись биографической беседы с Л. А. Буркиной (1971 г. р.), записано К. К. Абдрахмановой в Караганде в 2017 г.
 13. Аудиозапись биографической беседы с Б. Ш. Куртбаевой (1955 г. р.), записано К. К. Абдрахмановой в Караганде в 2016 г.
 14. Аудиозапись биографической беседы с Н. А. Потаповой (1958 г. р.), записано К. К. Абдрахмановой в Караганде в 2016 г.
 15. ГАКО. Ф. 555. Оп. 1. Д. 2078.
 16. ГАКО. Ф. 555. Оп. 1. Д. 2280.
 17. ГАКО. Ф. 555. Оп. 1. Д. 1734.
 18. ГАКО. Ф. 596. Оп. 7. Д. 3628.
 19. ГАКО. Ф. 596. Оп. 7. Д. 3645.
 20. ГАКО. Ф. 555. Оп. 1. Д. 1721.
 21. ГАКО. Ф. 596. Оп. 7. Д. 3608.
 22. ГАКО. Ф. 691. Оп. 1. Д. 1945.
 23. ГАКО. Ф. 613. Оп. 1. Д. 35.
 24. Аудиозапись биографической беседы с А. Оспановой (1952 г.), записано К. К. Абдрахмановой в Караганде в 2016 г.
 25. ГАКО. Ф. 613. Оп. 1. Д. 436.
 26. ГАКО. Ф. 613. Оп. 1. Д. 461.
 27. Огонек. 1988. № 31. С. 14–15.

DOI 10.37386/2687-0592-2024-12-83-91
УДК 94(574.2)

Е. А. Волошина

Исследовательский центр «Твоя история», г. Омск, Российская Федерация

Духовное наследие потомков сибирских казаков станицы Чалкарской Кокчетавского уезда

Аннотация. В статье изложены результаты полевых исследований автора, проведенных среди потомков сибирских казаков, которые проживали в станице Чалкарской Кокчетавского уезда Акмолинской области. Проведен анализ семейных традиций, паттернов семейных взаимоотношений, фольклора, религиозных представлений и народных знаний, передача которых происходила на «сломе эпох» – во время ликвидации Сибирского казачьего войска как одного из стратегических воинских формирований Российской империи и установлении советской власти. Полевые материалы автора публикуются впервые и вносят научную новизну в исследование традиционной культуры сибирских казаков. **Ключевые слова:** станица Чалкарская, Кокчетавский уезд, Акмолинское Приишимье, сибирские казаки, крестьяне-переселенцы, духовная культура, семейные взаимоотношения, семейные традиции, сельские праздники, фольклор станицы Чалкарской, этнография русского населения Северного Казахстана.

Казачьи станицы в Кокчетавском уезде были основаны в 1849–1851 гг. в связи с необходимостью укрепления влияния Российской империи в Киргизской (Казахской) степи после восстания казахского народа под предводительством Кенесары Касымова [1, с. 25]. Из-за непрекращающейся «степной вендетты» и устойчивого стремления к расширению территорий во второй четверти XIX в. царское правительство начинает усиливать военно-административное присутствие в степи [2, с. 49]. Так, в степь были переселены 3600 государственных крестьян из Оренбургской и Саратовской губерний, пожелавших вступить в ряды Сибирского казачьего войска (СКВ). Из этих

переселенцев был сформирован новый казачий полк [3, с. 212]. Это и последующие переселения крестьян из Европейской России в Степной край стали фундаментом для формирования нынешней Республики Казахстан (РК) как государства с полиэтничным составом населения.

Проблема данного исследования обусловлена недостаточным интересом научных сообществ Казахстана и России к этнографическому изучению бывших казачьих и крестьянских поселений на территории северного региона РК. В 1970-е гг. исследование фольклора «преемника» СКВ – Семиреченского казачьего войска – занималась М. М. Багиз-

баева [4]. Отдельные этнографические исследования на территории РК в последние два десятилетия провели А. Д. Цветкова [5], С. А. Угренинов [6], Г. Т. Каженова [7; 8], И. Н. Князева [9]. Однако это единичные публикации, которых недостаточно, чтобы сформировать обширный массив этнографических исследований. Между тем из года в год возможность сбора интервью снижается из-за постоянной эмиграции славянского населения с территории РК [10, с. 253] и естественной убыли пожилой категории граждан (1930–1940-е гг. рождения), которые составляют основную часть информантов, так как родители и деды этой возрастной группы еще состояли в казачьем сословии.

Материалы, изложенные в статье, были собраны автором в течение 2018–2024 гг. среди потомков казаков ст. Чалкарской Кокчетавского уезда (сегодня это с. Шалкар Айыртауского р-на Северо-Казахстанской обл.). Информантами выступили 11 человек, потомки чалкарских казаков Проскуриных, Шайтановых, Филиппевых, Звонаренко, Шкверя, Дрозденко, Комовых. Расшифровки аудиоматериалов сделаны с сохранением стиля повествования, эмоций, семантических локализмов респондентов и сданы на хранение в архив Музея народов Сибири Омской лаборатории археологии, этнографии и музееведения Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН (Ф. VII-2, Д. P-2).

Методологической основой исследования является микроисторический анализ, который позволяет этнографам исследовать частные явления в жизни отдельных людей и сохранить уникальные свидетельства прошлого [11, с. 195]. Методы исследования, используемые автором на этапе сбора материала, – глубинное интервью и включенное наблюдение. Проблема единичных свидетельств является камнем преткновения в отношениях между социальной и гуманитарной областями познания. Требование репрезентативности выборки, ее количественное представление (чем больше выборка, тем надежнее знание), которое утвердилось в социальных науках, приходит в противоречие с форматом данного исследования, так как носителей практики/информации о прошлом на определенной территории с каждым годом становится все меньше [12, с. 38–39]. Поэтому автор использует микроисторический анализ, опрашивая потомков сибирских казаков, находит в их рассказах общее и частное, что в дальнейшем может стать фундаментом при изучении не одной, а группы казачьих станиц Кокчетавского уезда.

Отметим, что все описываемые информантами действия и явления происходили в период 1920–1960-х гг. и охватывают такие исторические события, как Гражданская война и установление советской власти, коллективизация сельского хозяйства, политика массовых репрессий, Великая Отечественная война, освоение целинных и залежных земель, появление совхозов. И на фоне этих сменяющихся друг друга «декораций» можно оценить, насколько

крепкими оставались семейные традиции среди казачьих потомков.

В статье изложены материалы исследования по следующим компонентам, формирующим духовную культуру индивидуума: семейные взаимоотношения, семейные традиции, сельские праздники, фольклор, религия, поверья и народная медицина. Исследование обрядов жизненного цикла, которые играют значительную роль при формировании духовной культуры населения, будет опубликовано отдельной статьей, так как имеет достаточно большой объем.

Семейные взаимоотношения. В больших казачьих семьях было привито почтительное отношение к родителям и другим старшим родственникам, женщин – к мужчинам, братьев и сестер – друг к другу. Рассказывая про кого-то из братьев или деверей, женщины и девушки произносили их имена с уважением, например «Петя», «Федя», но никак не «Петька», «Федька». А вот в отношениях снохи со свекровью и золовками нередко случались недомолвки и ссоры: «...золовка – змеиная головка же», – добавляет информант – потомок Шайтановых [13, с. 2, 49, 87].

В семьях за каждым человеком были закреплены определенные обязанности. Например, в семье Шкверя глава семьи Трофим Егорович с дочерью Аксиньей жили в доме на заимке, ухаживали за скотом. В станице хозяйством руководила его жена Евдокия Петровна. С дочерью Анной они доили коров и проводили весь процесс сепарирования молока ручным способом – спускали крынки с молоком в погреб, через определенное время снимали сметану; пекли хлеб на большую семью и занимались другими бытовыми делами. Дочь Мария жила с ними в станичном доме, в ее обязанности входило нянчить всех маленьких детей в семье. В общении со снохами (женами сыновей) как у родителей, так и у золовок наблюдалось определенное дистанцирование, и работа снохам выделялась не самая легкая: вместо ведения домашнего быта и заботы о собственных детях они работали в поле – косили и убирали сено [13, с. 13, 17, 28]. Потомок казаков Звонаренко рассказывает, что в их семье на сенокос выезжали все вместе, а в доме обычно оставались пожилые члены семьи [13, с. 111].

В начале 1920-х гг. главы семей Шайтановых и Шкверя стали сватами: дочь Трофима Шквери Мария вышла замуж за Александра Шайтанова. Новопеченная сноха также находилась на дистанции от некоторых сестер мужа. Когда Мария была уже на большом сроке беременности, в банный день ей наказали спустить с крыши веники. Хотя в доме жили девушки помладше, которые могли бы учесть ее положение, на крышу отправили именно ее. По внезапной случайности она упала с высоты, и преждевременно рожденный ребенок не выжил [13, с. 50].

Свекор Марии, Михаил Павлович Шайтанов, отнесился к снохе хорошо. Когда он чувствовал недомогание, просил, чтобы именно Мария ему что-нибудь испекла. И это был не строгий отцовский наказ, а скорее форма уважения к снохе – он считал,

что Мария вкусно готовит. А вот свекровь — высокая, статная женщина с суровым характером — относилась к снохе плохо [13 с. 50].

Учитывая, что Мария пришла в семью Шайтановых тринадцатой по счету и размещались все в пятистенном доме, жить было тесно. Поэтому молодые супруги самостоятельно приняли решение отделиться. По-видимому, такое волеизъявление детей считалось недопустимым, «разрывать» семью было неприемлемо, и время, когда нужно было отделять сыновей, определяли отец и мать. Поэтому свекровь затаила злобу на сноху, приходила в отсутствие сына к ним домой и обвиняла Марию в том, что она забрала у нее сына; при одном из таких разговоров свекровь со злости плюнула Марии в глаза, после чего та стала слепнуть и долгое время лечила глаза у знахарей [13, с. 50]. Происходило это в первые годы установления советской власти, и старейшинам казачьих семей еще было трудно принять изменения в семейном укладе, которые стали входить в жизнь вместе с новыми политическими и общественными воззрениями.

Потомки казаков Звонаренко рассказали, что в их семье дед с бабушкой не разрешили матери информанта выйти замуж за парня другой национальности: «Она [бабушка] была такая дама боевая... с участковым приехала и забрала из Кокчетавы [в Чалкар дочь с новорожденной внучкой; события 1944 г.]» [13, с. 105].

В семье Шайтановых к родителям и всем другим старшим родственникам было принято обращаться на «вы». Хотя здесь же информант вспоминает, как однажды чалкарский священник сказал ее матери, что обращение к родителям по православным канонам допустимо только на «ты», что приравнивается к общению с Богом, к которому христиане тоже обращаются на «ты»; «мать, отец и Бог», — повторил священник. «А на „вы“, — объяснил батюшка, — это обращение к чертям» [13, с. 50]. Однако семейный уклад в казачьих семьях оставался весьма консервативной системой, поэтому традиция обращения на «вы» существовала в семье информанта еще долгое время. В семье потомков Звонаренко обращение к матери на «вы» сохраняется и сегодня [13, с. 104].

Использовались такие формы обращений, как «папенька/тятенька», «маменька», «дедонька/бабонька». Бабушек в разговорах младших между собой, чтобы отличать, о какой из двух идет речь, могли называть по фамилии — «бабушка Шайтаныха», «бабушка Комиха». К тетям обращались «тёта», при этом проговаривая имена в ласкательной форме: Анюта, Лизавета, Маруся [13, с. 1, 50, 89]. Одна из дочерей Михаила Шайтанова (в возрасте чуть больше 20 лет) начинает письмо семье в Чалкар такими словами: «Добрый день, дорогой папаша и бабашка и сестрицы Надя, Ганя. Во-первых, сообщаю, что я жива и здорова. Во-вторых, прошу принять мое детское почтение и горячий поклон...» [14].

А вот в семье Шкверь младшие к старшим обращались на «ты». К бабушке следовало обращаться

не «баба», а «бабонька». Хотя, по замечанию второго информанта, в этой семье все же допускались и более простые обращения, как «папа», «мама», «баба» и даже «тятяка», «мамка». Бабушка и дедушка могли обратиться к внуку или внучке словами «доченька», «сын» [13, с. 6, 21, 50, 51]. В семье было не принято ругаться, выражаться нецензурными словами, курить и в целом вести себя неподобающе. Единственное ругательство, которое могло прозвучать от верующей бабушки информантов (когда, например, что-то разбила, или кто-то себя плохо вел), — «Ух, инафим!» В христианстве «анафема» — церковное проклятие, отлучение от церкви [15, с. 16]. У Шайтановых самым распространенным ругательством в семье было «язви тебя!» или полный вариант — «язви тебя в душу!» [13, с. 29, 51].

На фотоснимках, где запечатлены чалкарцы, прослеживается особенное отношение станичников к семье: можно увидеть, как рядом с группой людей размещены портреты, которые, вероятно, являются фотографиями умерших или временно отсутствующих родных, что может говорить о крепкой семейной связи. Подобная традиция замечена как на снимках отдельной семьи, так и на групповом фото чалкарских женщин, сделанном в 1930-е гг. (рис. 1).

Потомок Шайтановых рассказала о случае, происшедшем в 1943 г.: ее отец перед смертью, будучи тяжело больным, сказал своей жене: «Мамашка уже на печке председательствует, собрала совещание, говорит, что мне пора. Видишь? Вон, заседает [показывает рукой в сторону печи]. Другие [умершие родственники] спорят, что не надо еще, пусть побудет, а она настаивает». В этой фразе хорошо прослеживается обязанность детей слушаться родителей, так как мать в его видении сидела на печи выше всех и настаивала, что сыну пора «уходить» к ней [13, с. 59].

В воспоминаниях практически всех информантов присутствует рассказ о проходах чалкарских казаков «на маневры», которые проходили на р. Чаглинке под г. Кокчетавом. Описываемые события они относят к началу XX в. «Колчак когда в Кокшетау стоял, дед на сторону белых переметался, и [бабушка] ходила к деду в гости, навещала и... рассказывала, как она этого Колчака видела. На Чаглинке они собирались» [13, с. 73], — вспоминает потомок казаков Звонаренко.

Побережье р. Чаглинки, а именно место, где предполагалось изначально заложить г. Кокчетав, служило центральным пунктом сбора кокчетавских казаков в случае учений и военных угроз [16, с. 155]. Чалкарских казаков провожали «по Лобановской трассе до Кокчетавского леса», «снаряженных, на конях, при полной справе, в амуниции», — рассказывают в семье Филиппевых. Жили мужчины в палаточном лагере. Чалкарские женщины раз в две недели на быках, запряженных в телеги, привозили мужьям-казакам сменное белье, хлеб и другие продукты. Сами они в это время несли все тяготы по ведению домашнего хозяйства [13, с. 42, 49, 89]. У потомка семьи Звонаренко сегодня хранится маленькая иконка

Рис. 1. Чалкарские женщины, начало 1930-х гг. Из архива информанта.

Божией Матери производства типографии Сытина, которой в ее семье благословляли мужчин на очередные сборы [13, с. 73–74].

Семейные традиции. В семье Шайтановых существовала традиция чаепития после бани. Летом они открывали оконные ставни, ставили на стол самовар, чайные блюдца, вазу на ножке с мучными изделиями и сахарницу с колотым сахаром. Блюдца с чаем держали на кончиках пальцев и пили, закусывая сахаром вприкуску. При этом женщины наряжались в праздничную одежду – кофту с «баской» и юбку; на плечи накидывали цветные платки и шали. По семейной традиции, это обязательно должны были видеть другие станичники. Однако многие чалкарцы высмеивали Шайтановых за эту церемонию; за красивые шали женщин прозывали «накидницы» и говорили, что вместо сахара у них лежат белые камни. Информант подмечает, что эту традицию Шайтановы соблюдали даже после прихода советской власти [13, с. 55, 56]. Очевидно, что она уходила корнями еще к моменту основания станицы, когда крестьяне только обживались на новом месте. Шайтановы же были потомками не переселенцев, а казака-инструктора Степана Шайтанова [17, с. 106]. В обязанности таких инструкторов входило обучение пришедших крестьян чистоплотности, аккуратному ведению домашнего быта, уборке улиц, чистке посуды, утреннему подъему в определенное время [18, с. 33]. И это весьма интересный момент: в 1920-е гг. Шайтановы уже в четвертом поколении продолжали транслировать казачью культуру среди чалкарцев. Возможно,

потомки Степана делали это уже не столько осознанно, сколько по сохранившейся семейной традиции, превратившейся в привычку. В разговоре информант ни разу не упомянула о том, что Шайтановы имеют отношение к казакам-инструкторам, но отметила, что в их семье было принято «показывать культуру». Этой семейной традиции на тот момент было уже больше 80 лет [13, с. 56].

Еще один потомок Шайтановых рассказывает, что влияние казачьих традиций он ощущал в семье с детства. «Отец мой меня... [если сделаю шалость] за чубчик мог взять и сказать: „У-ух, казачок!“ Меня многие из друзей отца, да и вся родня называли казачком [отец информанта не являлся потомком казаков]». Информант вспомнил случай из детства, когда сестра его деда Шайтанова подарила ему игрушечную собачку. «Я с ней поиграл, она посмотрела... потом вышла к моей матери и говорит: „...Уже большой [он], ему надо было не собачку, а коня привезти...“» [игрушечного]. Информант сделал акцент на том, что при склонении слова «конь» в семье ставили ударение на первый слог. Этот диалог происходил в середине 1960-х гг., но в сознании пожилых женщин, которые выросли еще в среде казачьих традиций, конь оставался символом взросления маленького казачонка и его готовности вступить в строй [13, с. 44].

Потомок Звонаренко также подмечала особенности произношения слов среди своей семьи: «У них вообще диалект интересный [был]: давэча, тепэрича, надьсь [на днях], и не яйцо, а яйцы» [13, с. 106]. А в

песне «Скакал казак через долину» информант отметила, что слово «скакал» пели через букву «ы»: «скы-а-кал»; глагол «не ленись» звучал как «не лянись» [13, с. 106].

Анализ интервью показал, что в годы советской власти потомки казаков по-разному самоидентифицировались в обществе. «Моя старшая дочь к бабушке [Шайтановой] ближе была, баба ее любила больше. На младшую говорила: «Эта у нас хохлушка, а старшая – казачка», – вспоминает информант, сноха семьи Шайтановых [13, с. 87, 95]. Потомки Звонаренко также считают, что дед всегда считал себя казаком [13, с. 112]. В семье Проскуриных о казачьем прошлом родителей в советские годы не разговаривали; информант поясняет, что, будучи детьми, они сами не интересовались историей их семьи [13, с. 80]. А потомки семьи Шкверь считают, что их предки не подчеркивали связь с казачеством; информант лишь единожды назвала предков «казачками». В семейной памяти больше закрепились принадлежность Шкверь к «хохлам», которые занимались тяжелым крестьянским трудом [13, с. 6, 15, 27]. По-видимому, такие различия в самоидентификации были обусловлены в первую очередь личными политическими взглядами и тем, как семьи в целом справились с последствиями Гражданской войны.

Сельские праздники. Главными для чалкарцев даже в советские годы продолжали оставаться все православные праздники: Рождество, святочные гуляния, Пасха, Масленица, Рождество Богородицы и др. Это были особенные дни, когда запрещалась любая работа. Также было нежелательно заниматься работой в воскресенье. «Ой, боже спаси, ничего не делай. Веник не бери, кобсу не плетит»; «Птица гнезда не вьет, девица кобсу не плетет», – говорили пожилые женщины. Эти наставления они давали дочерям и внукам и после запрета религии на государственном уровне. В связи с этим девочки в школе нередко сталкивались с противоборством двух культур: приходя на урок с незаплетенными волосами, они привлекали внимание учителя, который выводил их с урока, заставлял расчесать волосы и заплести косы. К наставлениям пожилых дети относились с особым уважением: «Раньше, старые, [мы] думали, [были] как боги» [13, с. 25, 26, 57, 95, 101].

На Пасху чалкарцы приходили друг к другу «христосоваться». Употребление крепких напитков в этот праздник обществом не осуждалось: строгий запрет алкоголя был только на поминках. Поэтому Пасха обязательно служила поводом собраться «по четушке» у кого-то в доме. Когда гости уже нагулялись в одном доме, кто-то мог встать и сказать: «Ну что, погуляли? Поднимаю всех к себе!» – и приглашал компанию в свой дом. Так за один пасхальный день чалкарцы могли повеселиться в двух-трех домах, и такая «гульба» могла продолжаться в течение всех пасхальных дней. При этом старались не устраивать скандалов, относиться друг к другу по-доброму, угощали, пели песни [13, с. 57, 58, 95]. «А что у нас теперь? Пьянка, не знаем, что завтра будет... Да! Мы

тоже пили. Но когда свадьбы были. Весенние праздники, осенние... Ярмарки, гости. Брат, сват или кум зайдет – раскупорим бутылочку, и все, хватит», – сравнивал традиции советского времени со станичным прошлым старый казак соседней ст. Аиртавской В. П. Ливадных [19, с. 20].

На «гулянках» играли в шуточные игры. Например, на полу раскладывали ухваты, кочерги, переkreщивая их определенным образом между собой. Один игрок должен был прыгать и не наступать на эти предметы, а остальные в это время напевали: «На горе, на горке стоял зайчик. Кабы были у него золотые ножки». Если в доме не нашлось музыкального инструмента, использовали печную заслонку, в которую били железным предметом. Мужчины привязывали к штанам стакан, в который насыпали гвоздей или ставили чайные ложки: эта конструкция громко звенела в такт танцу, заменяя музыку [13, с. 57].

Информанты описали отдельные элементы праздника, название которого вспомнить уже не смогли. Так, по описаниям, в Чалкаре старшее поколение праздновало день Ивана Купала. В поселке устанавливали качели; девушки украшали лентами, бумажками, платками березу, делали венки, а потом их сжигали или отпускали в воды Чалкарского озера. Однако поколению, рожденному в 1930–1940-е гг., эта традиция уже не передалась [13, с. 57, 79].

На Святки чалкарцы ходили по дворам, «плясали, ворожили», рассказывали «побасенки». По традиции они наряжались в разные костюмы – цыган, невест, женихов, кто-то привязывал между ног предметы (в рассказе потомка семьи Проскуриных – свеклу) и бегал с ними, веселил публику. Гуляющие изображали «побирушек», приходили к соседям с мешком; их нужно было завести в дом, напоить чаем и дать кусок хлеба. Поэтому к Святкам готовились заранее – пекли больше хлеба и другой выпечки [13, с. 6, 77]. Сельчанка Матрена Шаврина на колядки наряжалась в Бабу Ягу: надевала длинный белый саван, на ноги – три-четыре пары чулок и носков, чтобы было не слышно, как она передвигается по хрустящему снегу, распускала длинные темные волосы. Когда в перерыве между весельем гости выходили на улицу, она обходила дом с другой стороны и пугала гостей из-за угла, за некоторыми пускалась вдогонку. Такое развлечение она практиковала не только в Святки, но и на другие праздники [13, с. 58].

Важные праздники, которые вошли в жизнь чалкарцев при советской власти, – День Октябрьской революции (рис. 2) и День Победы. Информант отмечает, что много женщин в селе остались вдовами, поэтому 9 мая они собирались вместе и пели старинные казачьи песни, которые когда-то пели вместе с мужьями [13, с. 106].

Фольклор. В чалкарских семьях любили петь, мужчины играли на гармошках; пение было звонким, многоголосным [13, с. 44]. Первым в песне обычно вступал мужчина, проговаривал строчку речитативом, например: «Во ку... во кузнице»; затем пели все вместе. Среди станичников были популярны пес-

ни «По Дону гуляет казак молодой», «Называют меня некрасивою», «Раз полоску Маша жала», «Пожалей, пожалей, меня, милый», «Скакал казак через долину», «Черный ворон», «Всколыхнулся, взволновался православный Тихий Дон», «Полюбил я однажды девчонку», «Я немало гулял по большим городам» [13, с. 44, 56, 57, 73, 76, 78, 79, 94; 19, с. 6, 7, 25]. Информант – потомок Проскуриных – напела строчки из последних двух песен:

Полюбил я однажды девчонку,
И хотел я ею завладеть.
Бирюзой разукрашу светлицу,
И поставлю златую кровать.
На кровать дам лебяжью перину,
И ковер с раздушистых цветов.
Рассажу пышный сад над Кубанью,
В том саду будет петь соловей.
А её я разодену как картинку
И отдам это все за любовь [13, с. 76].

* * *

Я немало гулял по большим городам,
Я немало видал красавиц-девиц.
Глядь, стоит у ворот красавица-дочь (2 раза)
Белолица, стройна (2 раза)
И покрыта платочком шелковым.
В полночь ушла, я стоял как шальной.
Развернулась, ушла, я стоял как шальной...
[13, с. 78].

В семье Шкверя песни пели на украинском языке, так как переселенцы были потомками поволжских солевозов, происходивших из Малороссии [20, с. 338]. Они собирались с соседями на завалинке и пели после тяжелого трудового дня. Информант не смог вспомнить названия песен, привел лишь некоторые слова:

Уеду, ох уеду отсэдава, ой далеко,
Лишь бы только, ой забыть про тебя.
Ой, нет, не забуду тебя я, моя радость,
Ведь ты же мэнэ снишься во сне...

При этом слово «уеду» пели по слогам: «уе-е-ду»; таким же образом произносились первые слова других строчек [13, с. 31, 56].

Детям рассказывали русские народные сказки. Несмотря на то, что из женщин в то время мало кто умел читать, сказки, как и молитвы, они учили наизусть и рассказывали своим детям и внукам [13, с. 31]. Потомки Шайтановых в нескольких поколениях передают друг другу шуточную сказку, которую процитировала информант:

– Папка, расскажи сказку!

– Ну, давай. Вот собрались казаки везти зерно в Кокчетав. Погрузили телеги, взяли провизию, поехали... – и замолчал.

– Папка, ну а дальше?

– Ну, подожди, они же еще не доехали, до Кокчетав-то далеко. Ты давай поспи, как они придут, я тебе дальше расскажу [13, с. 43, 58].

Дети играли в «бабки» (подбрасывание косточек), для которых использовали говяжьи кости, мальчи-

ки – в «войнушку»; девочкам шили тряпичных кукол [13, с. 27, 58, 95], новорожденным могли изготовить соску из коровьего вымени [13, с. 105].

Религия. Евдокия Петровна Шкверя [бабушка информантов] была глубоко верующим человеком, знала наизусть много молитв, говорила своим детям и внукам: «Бог есть, всегда верьте в Бога». В «красном углу» ее дома висела большая «божничка», покрытая вышитым полотенцем; у икон непрерывно горела свеча [13, с. 26, 29, 37]. В 1930-е гг., когда купола чалкарской церкви были сброшены, в помещении сделали зернохранилище, а затем клуб. Евдокия Петровна тяжело переживала это и ругалась, когда внуки ходили в клуб веселиться с друзьями: «Куда ходите? Там же церковь, там же святое [место]!» [13, с. 30].

Уже в пожилом возрасте, после разрушения церкви, вместе с односельчанками Евдокия совершала паломничество в православные праздники – «ходила на Петухи», чтобы отстоять молебен в Петуховской церкви. Вероятно, информанты, бывшие на тот момент еще детьми, имели в виду г. Петухово Курганской области. Точное расположение города им неизвестно; помнят лишь то, что «Петухи» находились «дальше Кокчетав, за Петропавловском, какой-то большой город». По мнению одного информанта, верующие женщины ходили туда не только в целях совершить молебен в православный праздник (какой именно, им неизвестно), но и «побираться», потому что происходило это в голодные послевоенные годы. Считалось, что в Петухово люди «жили лучше» и щедро подавали [13, с. 57]. Группа паломниц состояла из 10–15 человек; шли с иконами в руках, босиком, обувь тоже несли в руках, чтобы, по их мнению, было комфортнее идти и чтобы сохранить обувь чистой и целой для входа в церковь. По дороге туда и обратно они останавливались в каждом поселке, чтобы отдохнуть, поесть и переночевать; отказывать таким путникам было не положено. На следующий день отправлялись дальше. Добравшись до храма, женщины мыли ноги, надевали чулки, обувь и только потом заходили в церковь. Длительность такого паломничества составляла одну неделю [13, с. 6, 32, 57].

По оценкам онлайн-карт «Яндекс» и Google, пеший путь от с. Шалкар до г. Петухово составляет по разным дорогам от 334 до 470 км и занимает время (без остановок) от трех до четырех дней [21; 22]. Вероятно, существовали и более короткие пути. При этом в сравнении с воспоминаниями потомка казаков из ст. Арык-Балыкской г. Петухово был еще не самым отдаленным местом для паломничества. В сообщении пользователя форума «Саумал-коль» (оставлено 15,5 лет назад) говорится, что жительницы Арык-Балыка ходили пешком молиться в г. Киев; дорога занимала у них больше полугода [23]. Однако не известно, происходило это только в советское время или паломничества практиковались и до революции. Поэтому установить, когда именно зародилась традиция, пока не удалось.

Рис. 2. Во время гулянки. Село Чалкар. 7 ноября 1956 г. Из архива информанта.

В семье Шайтановых религия является одним из главных компонентов семейной памяти. Михаил Павлович Шайтанов был последним священником Чалкарской церкви. Дети Михаила Шайтанова тоже принимали участие в религиозной жизни – пели в церковном хоре [13, с. 89]. Потомкам известна история, когда после разгрома церкви в Чалкаре дед спрятал в своем доме от уничтожения иконы и церковные книги. В 1937 г. его обвинили в контрреволюционной деятельности и приговорили к расстрелу [13, с. 48, 64, 90, 96]. Четырехлетний внук запомнил картину ареста М. П. Шайтанова: «Дед меня любил. Посадили его на лошадь два милиционера и повезли. А я сзади бежал и кричал: „Деданька, деданька, отпустите деданьку!“ Он уже болел, худенький был, тяжело на телегу забрался. Увезли, и все» [17, с. 111]. Дополнительные сведения были получены из материалов уголовного дела; в обвинительном заключении говорится: «...После закрытия церкви т. е. [с] 1930 г. и по настоящее время Шайтанов у себя на дому, куда к нему систематически собираются верующие женщины, обрабатывает последних в религиозном и а/советском духе. В нынешнем году летом Шайтанов собрал верующих женщин-колхозниц и с ними в количестве 30-ти человек ходил за станицу на реку, где и производил молебствие, „прося бога о послании дождя“. <...> В ходе ареста в доме были изъяты Евангелие с металлической обложкой и 24 церковные книги» [14, л. – неразборчиво]. Се-

годня у потомков хранится старинная семейная икона, которая была спрятана от уничтожения дочерью Михаилом Шайтанова в советские годы (рис. 3) [13, с. 89, 96; 17, с. 111].

Внучка священника рассказала, что свое казачье происхождение ни с кем не обсуждала, так как дед был признан врагом народа. Хотя в семье не было строгого наказа от старших молчать об этом, информант никому не рассказывала о священничестве деда вплоть до 1990-х гг., пока не увидела его фамилию в газете «Степной маяк» в списке реабилитированных лиц. Своего сына она все же просила не рассказывать о том, что предки были казаками, так как считала, что это могло навредить ему в учебе [13, с. 49].

Поверья, народная медицина. Колдовство и ворожба в станице презирались. Однако, несмотря на это, ведьмы в поселке все же были. К концу жизни такая женщина должна была кому-то передать свой дар, иначе ее смерть выглядела долгой и мучительной. Поэтому старушка могла подойти к тому, кого выбрала сама в качестве «преемницы», и неразборчиво шепеляво спрашивала: «Возьмешь?» Женщины старались быть осмотрительны, иначе могли ненароком получить «ведьмино «наследство». Информант вспоминает, что свекровь часто говорила ей: «Ах, ты! Чалкарская казачка черноброя! Сына моего приворожила!» [13, с. 4, 64]. По-видимому, в соседних крестьянских селениях бытова-

Рис. 3. Старинная икона семьи Шайтановых, реставрированная. Фото автора. Село Чалкар, 2018 г.

ло мнение, что казачка обладала некоторыми магическими способностями — возможно, потому, что в казаков вообще считали хитрыми и предприимчивыми людьми.

Женщины хорошо разбиралась в лекарственных травах. Евдокия Петровна Шкверя прожила больше 90 лет, обладая при этом крепким здоровьем: «...ни одного укола не приняла, ни одной таблетки...». В любую дорогу она надевала фартук. По пути собирала грибы, травы, складывала их в отдельные узелки и подвешивала к фартуку. За лекарственными травами она поднималась на сопку Два Брата; там росла трава, которую было сложно найти где-либо еще. Информант не вспомнила ее названия, отметила лишь, что доставала бабушка ее серпом, вытягивала с корешком из-под камней и говорила, что это «самая дорогая трава». На вид она была как нитка, а на ней — «пушочки зелененькие». Внучке она показывала кровохлебку и предупреждала: «Вырастешь большая, у тебя крови будут, заваривай вот это». Также бабушка владела навыком подрезания приросших детских язычков, поэтому жители Чалкара обращались к ней за помощью [13, с. 21, 36, 53, 64].

Информанты вспомнили, как в детстве ходили с бабушкой Евдокией в лес за муравьями. Она мазала крынку по краям чем-то сладким, разгребала муравейник и оставляла ее там на некоторое время. Полную муравьев, доставала, накрывала берестяной крышкой, несла домой и ставила томиться в печную загнетку. Для этого тлеющие угольки она собирала

в один угол; печь должна была уже прогореть, чтобы было не жарко, а тепло [13, с. 35]. Когда в крынке собиралась жидкость, муравьев отцеживали. Эта муравьиная кислота служила лекарством при болях в суставах [13, с. 63–64]. Для лечения простудных заболеваний также использовали русскую печь: из топки убирали прогоревшие теплые угли и золу, стелили во внутрь половичок; человек помещался туда всем телом и прогревался [13, с. 64].

В семье Звонаренко, по рассказам потомков, бабушка тоже обладала навыками народного врачевания, «заговаривала» детям грыжу. Также они привели в пример чалкарскую бывальщину про сельчан по фамилии Мелешко. Глава семьи отправился в сторону одной из окружающих село сопки, где на него напал медведь и полностью снял ему с головы скальп. Вернувшись домой, он показал жене в руках свои «кудри» на окровавленном скальпе, что выглядело весьма шокирующе. Но супруга не растерялась: облила голову мужа и скальп самогонкой и самостоятельно зашила рану, очевидно, простыми нитками. А сопка после того случая получила название «Мелешкина» [13, с. 107].

Анализ устойчивости семейных традиций у потомков казачьего населения станицы Чалкарской показывает, что в изменении или полном исчезновении большинства традиций в этих семьях политический режим и государственная политика, включая богоборчество, сыграли сравнительно незначительную роль; в большей степени причиной явились глобализация и массовая миграция этой категории населения по крупным городам СССР, РК и выезд на ПМЖ за границу. Оставаясь единой семьей, люди передавали традиции последующим поколениям, а миграция способствовала разделению некогда больших семей, состоящих из более чем десяти человек, обособила каждую семью территориально, ослабила внутрисемейные связи и оторвала от «среды». В связи с этим воспроизводство традиций стало заметно угасать и передаваться потомкам лишь в форме отдельных рассказов.

Жители с. Чалкар по своим детским и подростковым воспоминаниям довольно емко описали различные события и явления. И, что примечательно, информант 50 лет, всю жизнь проживающий в селе, дал интервью примерно в таком же объеме, как информант 80 лет, не проживающий в Чалкаре, но являющийся потомком его жителей. Это наводит на мысль о том, что основным компонентом в трансляции духовной культуры является не столько окружение кровных родственников, сколько историческая родина индивидуума — специфическая среда, в которой традиции воспроизводятся в каждой из проживающих на этой территории семей.

Благодаря ряду таких исследований можно реконструировать быт и взаимоотношения сибирских казаков всего Акмолинского Приишимья. Данная проблема пока остается малоизученной и имеет большой потенциал для исследования, однако возможности исследователей ограничены по времени.

E. A. Voloshina

The spiritual heritage of the descendants of the Siberian Cossacks of the village of Chalkarskaya, Kokchetav district

Abstract. The article presents the results of the author's field research conducted among the descendants of Siberian Cossacks who lived in the village of Chalkarsky, Kokchetavsky district, Akmola region. The analysis of family traditions, patterns of family relationships, folklore, religious beliefs and folk knowledge, the transfer of which took place at the «break» of the ep-

ochs — the liquidation of the Siberian Cossack army as one of the strategic military formations of the Russian Empire and the establishment of Soviet power. The author's field materials are published for the first time and thus bring scientific novelty to the study of the traditional culture of the Siberian Cossacks.

Keywords: *Chelkarskaya village, Kokchetavsky district, Akmola Priishimye, Siberian Cossacks, peasant settlers, spiritual culture, family relationships, family traditions, rural holidays, folklore of Chalkarskaya village, ethnography of the Russian population of Northern Kazakhstan.*

Источники и литература

1. Абуев К. К. Кокшетау. Исторические очерки. Кокшетау: Полиграфия, 1997. 293 с.
2. Ивонин А. Р. Казаки на Сибирском фронтире в XVIII–XIX вв. // Сибирское казачество: прошлое, настоящее, будущее: материалы Межрегион. науч.-практ. конф., посвящ. 420-летию Сибирского казачьего войска. Омск: Наука, 2003. С. 40–52.
3. Андреев С. М. Крестьянство как источник формирования сибирского казачества // Катанаевские чтения: Материалы Шестой Всерос. науч.-практ. конф. Омск: Наука, 2006. С. 209–218.
4. Багизбаева М. М. Фольклор семиреченских казаков. Алма-Ата: Мектеп, 1977. Ч. 1. 279 с.
5. Цветкова А. Д. Фольклор Песчанской станицы. Павлодар: Тип. Сытина, 2011. 226 с.
6. Угренников С. А. Казачьи сотни и казахские отряды: рука об руку. Костанай, 2007. 202 с.
7. Каженова Г. Т. Формирование казачьего населения Степного края (на примере Кокчетавского округа) // Отан тарихы. 2007. № 1. С. 217–223.
8. Каженова Г. Т., Утегенов М. З. Традиционная система питания сибирских казаков Степного края (к вопросу о культурных взаимосвязях с казахами) // Катанаевские чтения: материалы Седьмой всерос. науч.-практ. конф., посв. 195-летию Омского кадетского корпуса и 160-летию со дня рождения генерал-лейтенанта Г. Е. Катанаева (Омск, 16–17 мая 2008 г.). Омск: Наука, 2008. С. 230–232.
9. Князева И. Н. Традиционная культура сибирских казаков (на фольклорном материале Казахстана) // Сибирское казачество: прошлое, настоящее, будущее: материалы Межрегион. науч.-практ. конф., посвящ. 420-летию Сибирского казачьего войска. Омск: Наука, 2003. С. 245–249.
10. Подолько В. В. Русскоязычное население Северного Казахстана: уехать или остаться? // Древние и традиционные культуры Сибири и Дальнего Востока: проблемы, гипотезы, факты: Материалы LVIII Рос. (с междунар. участием) археолого-этнографической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Омск, 2018. С. 251–253.
11. Медик Х. Микроистория // Thesis. 1994. № 4. С. 193–202.
12. Щепанская Т. Б. Случаи и судьбы (К проблеме единичных свидетельств в этнографии) // Русский Север: Аспекты уникального в этнокультурной истории и народной традиции. Вып. 6. СПб.: МАЭ РАН, 2004. С. 28–49.
13. МНС ОЛ ИАЭТ СО РАН. Ф. VII-2, Д. Р-2.
14. Государственный архив ДВД Акмолинской области. Ф. 26. Д. 01108. Письмо находилось в числе личных вещей осужденного; отдано потомкам.
15. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М.; СПб: изд. книгопродавца-топографа М. О. Вольфа, 1880. Т. 1. А-З. 723 с.
16. Терещук В. А. Рассказы о Кокчетаве / под ред. А. И. Козлова. Кокчетав: Саяхат, Омск: ИПК «Омич», 1992. 464 с.
17. Волошина Е. А. Сибирские казаки Шайтановы, Шкверя // Родословная книга Сибири: сборник статей и материалов по практической генеалогии / сост. и ред. Ю. Н. Ефремова. Омск: Золотой тираж, 2020. Т. 2. С. 97–118.
18. Словцов И. Я. Путевые записки, веденные во время поездки в Кокчетавский уезд Акмолинской области, в 1878 году // Зап. ЗСОИРГО. 1897. Кн. 21. 198 с.
19. Корнилов Н. И. Осколок кометы. Книга первая. Из Аиртава в никуда. М.: Витязь-М, 2008. 184 с.
20. Волошина Е. А. Историческая память потомков казаков о заселении Кокчетавского уезда в середине XIX века // Этнография Алтая и сопредельных территорий: материалы 11-й Междунар. науч. конф. (Барнаул, 26–28 октября 2023 г.) «Этнография Алтая и сопредельных территорий в дискурсе новационных и традиционных подходов: антропологическое измерение региональной истории и культуры народов». Вып. 11 / под ред. Т. К. Щегловой. Барнаул: АлтГПУ, 2023. С. 334–342.
21. Расстояние «Петухово–Шалкар» // Сайт «Google. Карты» [Электронный ресурс]. URL: <https://maps.app.goo.gl/MkFcbQhCA2qjXRRTA> (дата обращения 18.10.2024).
22. Расстояние «Петухово–Шалкар» // Сайт «Яндекс. Карты» [Электронный ресурс]. URL: <https://yandex.kz/maps/ru/-/CDFfyQKL> (дата обращения 18.10.2024).
23. Об истории Имантау // Саумалколь, Айыртауский район [Электронный ресурс]. URL: <https://saumalkol.com/forum/Имантау/118-об-истории-иманту.html> (дата обращения 19.10.2024).

DOI 10.37386/2687-0592-2024-12-92-95

УДК 308

А. А. Губина, О. С. Щербакова*Алтайский государственный музыкальный колледж, г. Барнаул, Российская Федерация
Алтайский государственный институт культуры, г. Барнаул, Российская Федерация***Бытование песен в этнокультуре староверов-«поляков»
Солонешенского и Третьяковского районов Алтайского края
в 60–90-е гг. XX века**

Аннотация. В статье на основе системного анализа фольклорных записей исследователей О. А. Абрамовой, В. И. Бодровой (Мотузной) и В. М. Щурова рассматриваются песни, активно бытовавшие в этнокультуре староверов-«поляков» Солонешенского и Третьяковского районов Алтайского края в 1960–1990 гг. Раскрываются особенности записанных песен, их тематика, музыкально-поэтический язык. Делается вывод о хорошей сохранности в этот период неприуроченных лирических песен, в основном любовной тематики; а также наличии обрядовых свадебных, календарных песен и хороводов, хранившихся в пассивной памяти информаторов. **Ключевые слова:** фольклор, песни необрядовые, свадебные, хороводные, Алтайский край, этнокультура староверов-«поляков», Солонешенский район, Третьяковский район.

Фольклорно-этнографическая традиция староверов-«поляков» — уникальное явление русской народной культуры, которое интересно многим этнографам, собирателям фольклора и руководителям народно-певческих коллективов. Особый интерес к бытованию песенного фольклора «поляков» Третьяковского и Солонешенского районов Алтайского края отмечается у российских исследователей во второй половине XX в. Фольклорные традиции староверов-«поляков» рассматривались в публикациях О. А. Абрамовой, В. И. Бодровой (Мотузной) и В. М. Щурова.

Анализ аудиозаписей, публикаций и нотных публикаций, подготовленных на основе анализа и систематизации проведенных исследователями фольклорных экспедиций, показал, что в этнокультуре «поляков» Третьяковского и Солонешенского районов основу жанровой системы песенного фольклора в целом составляет необрядовая лирика разных историко-возрастных стилистических пластов: ранние протяжные и поздние лирические, рекрутские, воинские, шуточные песен, романсовая лирика; из песен с движением — хороводные круговые, вечерочные хороводно-игровые, плясовые и частушки. В период же 60–90 гг. XX в. в активном бытовании находились в основном необрядовые лирические песни бытового и любовно-лирического содержания. Большинство этих песен являются общерусскими или же представляют собой искаженные, иногда до неузнаваемости, старинные романсы.

Следует отметить, что в 60–90-е гг. активная бытовая певческая практика в сельской этнокультуре осуществлялась населением, родившимся в начале века, поэтому в пассивной памяти жителей еще сохранялись традиционные песенные жанры, в том числе и песни свадебного обряда. В. И. Бодрова, записывая и изучая традиционную свадьбу староверов-«поляков», пришла к выводу, что круг эпизодов, сопровождаемых песнями, неширок, а традиционно песенными у «поляков» являются последний девичий вечер с баней, приезд жениха с гостинцами и

сам свадебный день [1, с. 22]. По ее мнению, среди сюжетов свадебных песен в этот период часто фиксировались как широко распространенные на Алтае и известные по сибирским публикациям песни, так и достаточно редкие (например, «Солятайтеса, вой соколы», «Выходил, ой, батюшка») [1].

Фольклористами и этнографами, изучавшими традиционную свадьбу «поляков» во второй половине XX в., были записаны варианты песен различных по текстовому и музыкальному содержанию, но с одним сюжетом. Таким примером является свадебная песня «Течёт речка, не колышется», записанная В. И. Бодровой в с. Екатерининское Третьяковского района (запись 1989 г.) [2], и песня, записанная В. М. Щуровым в с. Первокаменка этого же района — «Ты река ли моя, реченька» (запись 1960 г.) [3]. Эти песни, адресованные просватанной девушке, начинаются словами «Ты река ли моя, реченька» (с. Первокаменка) и «Тещёт речка, не калышитса» (с. Екатерининское). Их поэтические тексты представляют две версии сюжета и строятся на сопоставлении жизни реки и жизни невесты. Как у реки отсутствует стремительный поток из-за отсутствия ветра и дождей и поэтому она, обмелевшая, «бежит... не колышется», так и невеста «сидит... не промолвит, не просмеется». В тексте песни невеста печалится о своей будущей судьбе в замужестве и хочет расспросить отсутствующего брата о своем женихе. В ладовом же отношении напевы песен в с. Первокаменка и с. Екатерининское являются узколокальными версиями. В первокаменском варианте основная опора идет на трезвучие I ступени, а в екатерининском проявляются ладогармонические отношения трезвучий I, VII и VI ступеней.

с. Первокаменка

Одного мне гостя нету —
Да моего братца родимого.
Мне сейчас бы его надобно.
Мне спросить про мила дружка:
Он не вор ли и не пьяница,

Он не ходит ли в царев кабак,
Он не пьет ли зелено вино?
Он не любит ли цыганочку?
Зелено-то вино поманчиво,
Золота-то казна обманчива [2].

с. Екатерининское

Аднаво-та госьтя нету как –
Маяво братца радимава.
Мне сийчас ба яво надыбна.
Распрасить ба пра старонушку:
Пра старонку, пра мила дружка:
Он ня вор ли, (в)он ня пьяниса?
(в)Он ня плут ли, ни разбойнищек?
Ни зайдёт ли ва царев кабак,
Ни прапёт ли цветна платьиса?
Цветна платья падвенешная,
Падвенешныя, уместныя [3].

В этнокультуре староверов-«поляков» во второй половине XX в. также сохранялись календарные песни, но лишь в пассивной памяти, они не имели практики активного бытования в праздничной культуре сел Солонешенского и Третьяковского районов. Поэтому в ходе экспедиций 1989 г. (В. И. Бодрова) и 1992 г. (Центр фольклора и народных ремесел (г. Барнаул) в с. Екатерининское Третьяковского района были записаны единичные образцы масленичных и постовых песен, а так же песен для вызова дождя [4].

На закате советского периода, еще сохранившегося в пассивной памяти, песенным жанром являлись хороводные песни, которые, как и повсеместно в России, имели на Алтае сезонную закрепленность, а их активное бытование определялось досуговыми формами общения – весенне-летними гуляниями и осенне-зимними вечёрками. Так, в с. Екатерининское В. И. Бодровой (запись 1989 г.) и в с. Плоское Третьяковского района (запись В. М. Щурова, 1988 г.) был записан весенний хоровод «Уж вы белые беляночки», анализ которого показал ограниченную и незначительную вариативность музыкального материала [5]. Фактура этой песни преимущественно двухголосная, ленточного строения, с редким дивизи в голосах. Тексты же записей несколько отличны и имеют разные окончания. В екатерининском варианте молодцу поглянулася походочка, взгляд и поцелуй замужней молодой женщины, а в хороводе села Плоское молодец спрашивает, любит ли его соседка:

с. Екатерининское

Ах, вы белые, белилочки мои,
Листовы алы румянички,
Сокатитесь со бела лица долой;
Уж как едет мой ревнивый муж домой:
Он весьма, весьма сердит на меня,
Сильно, больно принавыпился.
Он везет, везет гостинец дорогой,
Шелковую плетть под правую полой.
Я не знаю, млада, пени и вины.
Никакой большой проступки над собой;
Только знаю одну пеню и вину:
У соседки беседа была;

Я незвана на беседушку пришла;
Трою, двою, я по горенке прошла,
Пятью, шестью, по новым по сениям;
Холостому стакан мёду поднесла,
А женатому зеленого вина;
Холостой, дурак, на ноженьку ступил,
Ко стакану белу ручку придавил,
О стаканчик золот перстень изломал,
При людях меня сестрицей называл,
Без людей – сизой голубушкою;
«Ах ты, любушка, голубушка моя,
Поглянулася мне походочка твоя,
Поглянулся твой умильный взгляд,
Поглянулся твой веселый поцалуй».

с. Плоское

Уж вы белыя беляночки, да
Листовы белые румянышки,
Сокатитесь с бела лиса долой;
Уж он едет мой ревнистый муж домой:
Он везёт, везёт гостинищек милой,
Шалковую плетть под правую полой.
Уж он хочит проущить меня, млада.
Я не знала, млада, пёрвыва вина,
Никакой большой приступки над собой;
У соседки бисёдушка была;
Я низванная сасёдушка пришла;
Сёчу, лёчу, я па горинки прошла,
Троя, двою, я па новым па сениям;
Холостому стакан рому налила,
Я женатыму – зелёныва вина;
Холостой парень нивёсила примал,
Ко стакану белы ручки прижимал,
Об стакан он златой пёрстинь изломал,
При людей меня надёжей называл,
Без людей – сизой голубушкый:
«Уж ты, любушка, голубушка мая,
Уж ты любишь ли молодчика меня?
Всё молодчика молодинькыва,
Холостова нежинатинькыва»
Холостой парень по фабричкым ходил,
(й)Обранил он свою шляпэчку,
Со правой руки перчаточку
Мне подать шляпу не хочется,
Покоритса ни ахочитса.
Жена мужу да покорились –
Три раз в ноги поклонилса! [5, с. 192]

В. М. Щуров зафиксировал движение данного хоровода в форме подковы, движущейся по кругу, так же как и в хороводной песни «Вася, Вася, Василёчек» (с. Плоское, запись 1988 г.).

В с. Сибирячиха Солонешенского района были записаны хороводные песни «Стрела» и «Я лиха (люта) была по горам ходить». «Стрела» с зачином «А я взойду на гору, да пушу стрелу» сопровождала выход (шествие) участников гуляния из села на гору, к месту вождения хороводов, а второй текст – «Я лиха была по горам ходить» – исполнялся на тот же музыкальный мотив, но хоровод водили кругом, взявшись за руки [6, с. 64].

Анализ сводного архива фольклорных записей, выполненных от староверов-«поляков» во второй половине XX в., убедительно показывает, что ведущим жанром являлись лирические необрядовые песни, любовной и семейно-бытовой тематики, а также воинские лирические песни. В целом ритмика традиционных лирических песен староверов-«поляков» в основном размеренная, спокойная. Преобладает движение ровными длительностями, а темпы чаще спокойные или медленные. Также для этого жанра характерно обилие распевов, огласовок, вставных междометий, словообрывов и словоразрывов. Основной темой воинских песен является гибель или ранение война, а также его расставание с родными. Их исполнение отличается скупостью и строгостью выразительных средств. Их отличает ритмичность, четкость пульсации, бодрый темп исполнения, упрощенные мелодические обороты.

«Поляки» также перенимали песни поздних переселенцев из России и Малороссии. Так, например, в 1980-е гг. В. В. Асановым была записана песня «Иза гор горы», перенятая от украинских переселенцев, подселившихся в с. Первокаменка [7]. О том, что песня действительно заимствована «поляками», говорят украинизмы: «матуся», «бачили», «чернобрива». Каждый куплет песни традиционно имеет зачин, исполняемый одним запевающим, который подхватывают остальные участники. Характер исполнения этой песни бодрый и порывистый, голоса звучат на крепкой грудной опоре с использованием присущего традиции низкого грудного певческого регистра.

1. Из-за гор горы как едут мазури.
Ой, едут, едут мазурочки,
Да вязут, вязут два веночка.
Венки да з(а)...з(а)лоты,
Венки з(а)...з(а)лоты.
2. Приехал мазурь к милке на дворец.
Эй, стук бряк об колечко,
Выйди, Саша, да на крылечко.
Дай к(ая)ню как раз, воды,
Дай коню, раз, воды.
3. Эх, не могу я встать, коню воды дать.
Мне мамаша приказала, чтоб я с парнем не стояла.
Матуси как раз боюсь,
Матуси, раз, боюсь.
4. Эх, матуси не бойсь, садись на мой воз.
Эй, мы поедем во тот край, где хороший урожай.
Там мы да за...заживём,
Там мы за...заживём.
5. С парнем ехали, как люди бачили.
Эй, ну-ка, что ба, за дивчина, хорошая, чернобрива.
С парнем(ы) е...ехали,
С парнем е...ехали [7].

«Поляки» пели и частушки, в основном четырёхстрочные, в основном под наигрыш «Подгорной». Во время исполнения частушек дробили и плясали в кругу по одному и на пару. Приведем в пример несколько текстов частушек, записанных в с. Сибирячиха Солонешенского района Л. А. Шадринной [8]:

1. Ой, дайте круг,
Дайте восияния,
Дайте милку на лицо,
На вечер, на свидание.
2. Полюбила я его,
Что мне было за него.
Он, не стоит, ягодиночка,
Привета моего.
3. Ой, товарка, выходи
На открытие воды.
Как невесело проходят
Наши годы молоды.
4. На горе стоит берёза,
Повалил с берёзы лист.
За игру твою весёленьку
Спасибо, гармонист.

Проанализировав песенный фольклор, мы пришли к выводу, что:

– в основе песенного стиля лежит гетерофонная фактура, при которой голоса одновременно исполняют разные варианты одной и той же мелодии, то сливаясь в унисон, то разветвляясь, при этом образуя разные интервалы;

– ведущая роль принадлежит нижнему голосу, в то время как верхний исполняет функцию подголоска, мелодически поддерживая основную мелодию напева и обязательно приходя в октаву в серединном и заключительном слоге строфы. Нижняя партия может образовывать самостоятельные интервальные ответвления, иногда образуя трехголосные созвучия;

– к типичным интервальным соотношениям между голосами можно отнести секундовые, терцовые, квартовые, а также квинтовые сочетания.

Таким образом, системный анализ фольклорных записей исследователей О. А. Абрамовой, В. И. Бодровой (Мотузной) и В. М. Щурова, выполненный от старообрядцев-«поляков» Солонешенского и Третьяковского районов Алтайского края, показал, что в 60–90 гг. XX в. активно бытовали и находились в хорошей сохранности неприуроченные лирические песни, в основном любовной тематики, а также еще фиксировались обрядовые свадебные, календарные песни и хороводы, хранившиеся в пассивной памяти информаторов. Своевременная запись этих образцов дала возможность современным народно-певческим коллективам осваивать, популяризировать и тем самым сохранять песенный фольклор «поляков» в XXI веке.

A. A. Gubina, O. S. Shcherbakova

The existence of songs in the ethnoculture of the Old Believers-«Poles» of the Solonshensky and Tretyakovsky districts of the Altai Region in the 60–90s of the 20th century

Abstract. Based on a systematic analysis of folklore records by researchers O. A. Abramova, V. I. Bodrova (Motuznaya) and V. M. Shchurova, article reviews songs actively existed in the ethnoculture of the Old Believers-«Poles» of the Solonshensky and Tretyakovsky districts of the Altai Region in the 1960–1990s. The features of the recorded songs, their themes, and musical and poetic language are revealed. A conclusion is made about the good preservation of untimed lyrical songs, mainly love songs, during this period; as well as the presence of ritual wedding, calendar songs, and round dances, stored in the passive memory of informants. **Keywords:** folklore, non-ritual songs, wedding songs, round dance songs, Altai region, ethnoculture of Old Believers-«Poles», Solonshensky district, Tretyakovsky district.

Источники и литература

1. Бодрова В. И. Песенные россыпи Алтая. Традиционная свадьба сибирских старожилов – Барнаул : Упр. Алт. края по культуре и арх. делу, Гос. худож. музей Алт. края, 2014. 58 с.
2. Бодрова В. И. Традиционная свадьба староверов-«поляков» на Алтае // Этнография Алтая. Барнаул: ЛИК БГПУ; АК ИПКРО, 1994. С. 89–95.
3. Махова Л. П. Поселения старообрядцев-«поляков» на Алтае: картографирование географического ареала традиции // Климент Васильевич Квитка и актуальные проблемы этномускологии: Материалы науч. конф. М.: Науч.-изд. центр «Московская консерватория», 2009. С. 190–229.
4. Бодрова В. И. Масленичные традиции Третьяковского района. СНС ОРТК ГХМАК [Электронный ресурс]. URL: <https://drive.google.com/file/d/1wY4B-2auoZ0z2rHn00QmBF6o3lkAtdLm/view> . (дата обращения 24.06.24).
5. Махова Л. П. Сибирские круговые песни из собрания С. И. Гуляева в аудиозаписях Московской консерватории // IV Всероссийский конгресс фольклористов: сб. науч. ст.: в 3 т. Т. I: Народная музыкальная культура: история изучения, современные исследования, проблемы актуализации. М.: ГРДНТ имени В. Д. Поленова, 2019. С. 186–206.
6. Махова Л. П. «Стрела» на Алтае: хороводные стеновые, круговые и другие // Русская традиционная хореография: региональные исследования и актуализация: сб. науч.-метод. ст. и материалов. М.: ГРДНТ имени В. Д. Поленова, 2020. С. 47–86
7. Кибер Фолк [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberfolk.online/> (дата обращения 24.06.24).
8. Щербакова О. С., Шадрин Ю. В. Традиционные песни села Сибирячиха Солонешенского района Алтайского края: учебно-методическое пособие для студентов высших учебных заведений культуры и искусств по специальности 071301 «Народное художественное творчество» специализации «Народный хор». Барнаул: Изд-во АлтГАКИ, 2011. 121 с.

DOI 10.37386/2687-0592-2024-12-95-98

УДК 325.11

И. В. Куприянова

АГИК, Барнаул, Российская Федерация

Культурный ландшафт старообрядческих поселений

Аннотация. В статье характеризуется культурный ландшафт как результат колонизационного освоения территории исторического Алтая сообществами старообрядцев. Показана взаимосвязь между мотивацией этих сообществ, ориентированных на «уход от мира», и особенностями сформированного ими культурного ландшафта. Особое внимание уделено его сакральной компоненте, в которой данная специфика проявилась наиболее явно. **Ключевые слова:** старообрядчество, сообщества старообрядцев Алтая, культурный ландшафт, сакральный ландшафт, старообрядческие скиты, моленные, монастыри.

Идея культурного ландшафта, понимаемого в широком смысле как поверхность земли, населенная людьми, зародилась в географической науке в конце XIX – начале XX в. В концепции культурно-географической школы К. О. Зауэра это понятие трактуется как ареал обитания этнических или конфессиональных сообществ – носителей определенных культурных ценностей, с помощью которых осуществлялось преобразование среды: «Культура – агент (действующее начало), природный ареал – посредник, культурный ландшафт – результат» [1, с. 178; 2, с. 148].

Идеи Зауэра получили развитие в этнолого-географической концепции В. Н. Калущкого, в которой культурный ландшафт понимается как «природно-культурный территориальный комплекс, освоенный человеческим сообществом». Его компонентами являются присущие сообществу атрибуты – расселенческие и хозяйственные системы, язык, духовная культура, сформированные в процессе преобразования природы [3, с. 32].

В контексте данной научной парадигмы весь комплекс форм жизнедеятельности старообрядческих сообществ Алтая, с их тяготением к «уходу от мира» в первозданную природную среду, может ин-

терпретироваться как ландшафтообразующий процесс, осуществляемый в соответствии с их религиозными установками. Результатом этого процесса стал специфический культурный ландшафт, выраженный в материальных, духовных и интеллектуальных компонентах.

Территория исторического Алтая осваивалась старообрядцами во всем ее ландшафтном разнообразии: это и степные массивы с почвами, пригодными для земледелия, в сочетании с умеренно влажными луговыми травостоями, необходимыми для выпаса домашнего скота, примерами которых являются Приобское плато, Бийско-Чумышская возвышенность, а также Кулундинская степь – благоприятная природная зона для развития скотоводства.

Важным стимулом в деле освоения Сибири старообрядцами стал поиск ими для своего проживания наиболее глухих, безлюдных районов; при выборе мест для поселения они учитывали такие их особенности, как уединенность и удаленность от административных и религиозных центров. Поэтому они часто выбирали для колонизации высокогорные или другие трудные для хозяйственной деятельности природные зоны, такие как Предсалаирская рав-

нина и Салаирский кряж. В ходе этого продвижения они смогли избежать рассеяния и деградации, напротив, усилились в религиозно-культурном отношении, создав на сибирских пространствах очаги русской православной цивилизации, которые становились центрами притяжения для других этнокультурных групп как русского, так и коренного населения Сибири.

В конце XIX – первой трети XX вв. заметно продвижение старообрядческого населения к южным и восточным пределам Алтая, освоение ими не только благоприятных для хозяйствования Предалтайской степи предгорий и среднегорий Алтая, но и высокогорных его районов. Прежде всего это крупнейшая горная котловина Русского Алтая – Уймонская степь – по словам миссионеров РПЦ, «раскольничье царство», а также долина Бухтармы – крупнейший очаг сибирского раскола.

Таким образом, старообрядческие сообщества Алтая, представлявшие собой сравнительно небольшие по численности группы религиозных «отщепенцев», искавших оптимальных условий для сохранения вероисповедания, одновременно, быть может, сами того не осознавая, проделали на территории Алтая колоссальную работу первоначального преобразования природных ландшафтов, по-видимому, невозможную для какого бы то ни было иного колонизационного человеческого ресурса.

Немаловажное значение колонизационного процесса состоит также в том, что старообрядцы активно выступили в нем как носители цивилизаторской миссии, деятельность которых расширяла пространство христианско-православной культуры, вовлекала в нее обширные области Сибири вместе с проживавшим на них автохтонным населением Алтая.

Специфические особенности старообрядческого культурного ландшафта наиболее явно прослеживаются в объектах, выполнявших сакральную функцию, таких как места отправления обрядов, поклонения и паломничества. Среди них можно выделить рукотворные ландшафты, представлявшие собой культовые здания и помещения – храмы, моленные, монастыри, скиты и пустыни, часовни и моленные беспоповцев, не имевшие алтаря и не предназначенные для совершения литургии. К таковым относятся прежде всего молитвенные помещения, расположенные в усадьбе – связанные с жильем или же поставленные среди прочих усадебных построек. Вторая разновидность – моленные и храмы, вынесенные за пределы усадебной зоны, локализованные в виде специальных культовых сооружений.

Домашние моленные устраивались в горницах домов-связей, отделенных от жилых комнат сенями, или в специально прирубленных пристройках; в них устраивался соборный иконостас в виде полка с иконами, расположенных в два-три яруса. В обычное время иконостас задергивался занавесью и открывался только для коллективных молений; перед ним на аналое или столе, накрытом красивой мате-

рией или шалью, лежали книги. В настоящее время такие моленные существуют в селениях часовенных Уймонской долины, но теперь уже выполняют одновременно и жилищно-бытовые функции.

Несмотря на то, что поморские молитвенные дома не являлись собственно храмами, так как не имели алтарей, сами поморцы считали и называли их «соборами» и придавали им внешний вид настоящих православных храмов. В них делались полные, так называемые «высокие» иконостасы, с царскими вратами с иконами четырех евангелистов, Сергия Радонежского и пр.

Сельские старообрядческие храмы и моленные, построенные из камня, являлись редкостью и могут рассматриваться скорее как исключение: в основном культовые здания старообрядцев представляли собой деревянные строения.

В сравнении с другими территориями России культовые объекты алтайского старообрядчества, возможно, не выглядели столь масштабными и благоустроенными, поскольку их создание и поддержание старообрядческими группами проходило в сложных условиях и требовало большого напряжения сил. Вследствие такого подхода храмы и моленные часто выглядели как простые избы-пятистенники со встроенными по периметру лавками.

Бедность и скудость культовых помещений не смущали старообрядцев, полагавших, что не человек существует для храма, а храм для человека: «Церковь не стенами крепка», «Мы за стены не стоим»; «Вера должна быть не в досках, а в ребрах». Возможно, старообрядцы намеренно сохраняли невзрачный вид своих моленных, чтобы не привлекать к ним внимания начальства. Н. П. Ушаров, характеризуя моленные семейских Забайкалья, высказывает мысль, что для этих целей они «нарочно стараются выбирать помещение понеказистее... окошками во двор», в котором, за исключением иконостаса и аналоя, «всё как в обыкновенной избе – лавки, большая русская печь, полати...» [4, с. 325].

Вероятно, они таким образом намеренно сохраняли тип старинной русской церкви: предположительно первые христианские храмы на Руси были деревянными и походили на простые избы, украшенные крестами и маковками. Дораскольные здания русских церквей также представляли собой простые деревянные постройки «об одной главе», с фонарем посередине потолка; к такому типу молитвенных зданий относилась и Выговская часовня: без дорогих украшений, с образами в медных окладах; «посреди ея, с потолка, спускалась лампада» [5].

Среди культовых зданий старообрядцев Алтая выделялись особо чтимые верующими за свою относительную старину или связь с какими-либо событиями. К таким молитвенным зданиям на Алтае можно отнести поморскую часовню в д. Щипицыной, построенную едва ли не в первой четверти XVIII в., в соответствии с преданием, на месте одного из самосожжений – «на костях мучеников» [6, с. 70]. Среди других пользующихся наибольшим уважением старооб-

рядческих моленных Алтая Д. Н. Беликов упоминает часовню в д. Секисовке, «построенную в память Покровского храма на Ветке», а также часовни в Большой Речке, Староалейской, Уймоне, Казанцевой, Мирановой и др.

Местами отправления ритуала, а также паломничества и особого поклонения, являлись старообрядческие скиты и монастыри. Старообрядческие монастыри имели вид небольших сельских поселений, состоявших из ряда бревенчатых жилых и хозяйственных построек, сгруппированных вокруг культового здания.

Организацию монастырей как сакральных точек старообрядческого ландшафта характеризует один важный принцип, связанный с выбором места их локализации: все они располагались в безлюдных труднодоступных районах горно-таежной зоны. В этом выборе отчетливо просматривается желание не только дистанцировать обитатели от мирской суеты, но и соблюсти традиции русской православной монастырской культуры, основанной «на признании красоты и целесообразности мира как творения Божьего», какой бы суровой ни была эта красота. Вместе с тем монастырский культурный ландшафт характеризуется как наиболее «деликатно» вписанный в природную среду, «предельно адаптированный» к ней. Возможно, последнее обстоятельство служит объяснением чрезвычайной скромности монастырских хозяйственных комплексов и жилищных архитектурных решений, предоставлявших монашествующим лишь самые скудные условия существования на грани выживания, в то время как культовое здание выглядит внушительно и избыточно оснащено всем необходимым для своего целевого назначения. По-видимому, такое положение вещей отвечало намерениям и замыслам строителей монастырей, согласно которым средоточием монастырской жизни являлась моленная, а не «избы-кельи».

В советский период уничтожение сакрализованной материально-предметной среды стало важной частью антирелигиозной деятельности государства. По этой причине, хотя старообрядческий культурный ландшафт как природно-хозяйственно-этническая территориальная система просуществовал на Алтае до конца 1930-х гг., а в некоторых своих компонентах — и значительно дольше, существование его сакральных точек оказалось более скоротечным. Практически все они по тем или иным причинам были сломаны, разобраны, сгорели или разрушились от отсутствия присмотра.

Итак, важнейшей задачей продвижения православного христианства на юго-западных рубежах

Сибири стало формирование рукотворного сакрального старообрядческого ландшафта. Его особенностью можно считать неконкретный, неотчетливый облик, обусловленный привязкой к усадебному жилищно-хозяйственному комплексу, преобладание в нем скромных, неброских архитектурных форм, а также отсутствие или скудость его внешней культовой маркировки.

Можно видеть, что сакральные места старообрядчества Алтая, как «плотные ландшафтные точки, организующие вокруг себя пространство», к тому же наделенные смыслами, которые переживаются человеком, по своему значению выходили за рамки их непосредственных функций, связанных с отправлением культа. По сути, они являлись центрами вновь осваиваемых территорий, рубежными точками колонизации. Строительство культовых зданий как первоочередная задача при основании населенного пункта старообрядцами указывало на главную цель их колонизационных усилий — поиск оптимальных условий для сохранения вероучения и осуществления религиозного культа.

Особая сакральная насыщенность была присуща монастырскому культурному ландшафту, в котором она взаимодействовала с прагматическими и эстетическими принципами: первые реализовывались в носившей подчиненный характер хозяйственной компоненте, вторые — в общей гармонизации всего монастырского комплекса с природной подосновой.

Формирование сакрального ландшафта старообрядцами можно рассматривать как высший уровень колонизационной работы, ее основную идеологическую доминанту. Несмотря на свою кажущуюся простоту и лаконичность, этот сегмент религиозной культуры нес на себе важную семантическую нагрузку, обозначавшую главный смысл вложенного труда: он служил наглядной демонстрацией духовного освоения новых территорий.

I. V. Kupriyanova

The cultural landscape of old believer settlements

Abstract. The article characterizes the cultural landscape as a result of colonization of the territory of the historical Altai by communities of Old Believers. The relationship between the motivation of these communities focused on «leaving the world» and the features of the cultural landscape formed by them is shown. Special attention is paid to its sacred component, in which this specificity manifested itself most clearly.
Keywords: *Old Believers, communities of Old Believers of Altai, cultural landscape, sacred landscape, Old Believer monasteries, prayer halls, monasteries*

Источники и литература

1. Рагулина М. В. Классическая концепция Карла Зауэра: история и современность // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Науки о земле». 2013. Т. 6. № 1. С. 174–182.
2. Шульгин П. М. Концепция культурного ландшафта и практика охраны этнографического наследия (на

примере территорий российского Севера) // Мир России. 2007. № 3. С. 147–166.

3. Калущков В. Н. Культурное ландшафтоведение как направление междисциплинарных исследований // Культурные ландшафты России и устойчивое развитие. Четвертый выпуск трудов семинара «Культурные ландшафты России и устойчивое развитие».

- турный ландшафт» / отв. ред. Т. М. Красовская. М., 2009. С. 29–38.
4. Ушаров Н. П. Заметки о забайкальских старообрядцах // Сборник газеты «Сибирь». 1876. Т. 1. С. 313–333.
5. Крохин В. А. Язычество, христианство и старообрядчество в древнерусском зодчестве [Электронный ресурс] // Кижский вестник. 2009. № 12. URL: <http://kizhi.karelia.ru/library/vestnik-12/1078.html> (дата обращения: 31.11.2024).
6. Беликов Д. Н. Томский раскол. (Исторический очерк от 1834 по 1880 годы) // Известия Императорского Томского ун-та. Томск, 1900. Вып. 16. С. 1–247.

DOI 10.37386/2687-0592-2024-12-98-102

УДК 94(571.15)

О. С. Мамонтова

Алтайский государственный краеведческий музей, г. Барнаул, Российская Федерация

Сельские обрабатывающие ремесла и промыслы Алтая в первые десятилетия советской власти

Аннотация. В статье рассматриваются процессы трансформации в сфере организации сельских обрабатывающих ремесел и промыслов Алтая в 1920–1930-х гг. Политика создания централизованной системы была направлена на формирование промышленных артелей и кооперативов. При этом в алтайской деревне сохранялись как патриархальные домашние формы производства, так и ремесленные, кустарные. Политический, экономический, природно-географический, социальный и этнокультурный факторы оказывали влияние на сохранение традиционных черт в деятельности мастеров и появление новых. **Ключевые слова:** Алтай, обрабатывающие промыслы и ремесла, кооперирование, промышленная артель.

С установлением советской власти на Алтае начались изменения в сфере обрабатывающих ремесел и промыслов, которые, по мнению правительства, были призваны сыграть значительную роль в восстановлении экономики страны, разрушенной в ходе Гражданской войны. В условиях слабо развитой промышленности в регионе на кустарей возлагалась задача обеспечения населения товарами народного потребления. Для этого было необходимо наладить в губернии централизованную систему, чему мешала большая распыленность кустарей и отсутствие организации, которая содействовала бы этому. Помимо этого, существовали и другие трудности. Повсеместно в районах отмечались дефицит кадров, сырья, инструментов, топлива, вспомогательных материалов и сильная ветхость рабочих помещений. В связи с этим предпринимались попытки сконцентрировать кустарно-ремесленные заведения в городах, с помощью ликвидации мелких мастерских на селе и переброски их производственной и материально-технической базы в распоряжение городских предприятий. Так, на заседании коллегии Алтайского губернского профсоюза кожевенного производства 15 декабря 1920 г. уполномоченный по Каменскому району сообщал, что «мелких заводов по району предложено закрыть 75, после их закрытия освобождается до 150 человек рабочих, которые могут с избытком заполнить потребность работающих заводов на рабочие руки в 55 человек». При этом он отмечал, что отношение населения к закрытию заведений – враждебное, так как приобрести кожи для пошива обуви негде [1, л. 13]. Подобные меры только вели к росту так называемых «кадушечных» заведений. Одним из факторов, тормозившим объединение мастеров и влияющим на производительность артелей и кооперативов, являлось то, что ремесленники не порывали связи с сельским хозяйством. Это приводи-

ло к регулярным прогулам, особенно в летний период. Кустари в большинстве случаев психологически не были готовы к кооперированию, что приводило к «общей расхлябанности» [1, л. 6].

С 1924 г. началось кооперирование кустарей в Сибири, в частности на Алтае, что было связано с организацией Сибирской конторы Всероссийского кооперативного союза промысловых артелей (Всекопромсоюза). В 1927 г. было принято развернутое постановление СНК СССР «О кустарно-ремесленной промышленности и промысловой кооперации», в котором было сформулировано требование о передаче мелких бездействующих предприятий в распоряжение промкооперации. Реализация огосударствления на этом этапе опиралась на постулат об обращении средств производства в общественную собственность в качестве одного из важнейших условий построения социалистического общества [2, с. 29]. Финансовая политика стала ориентироваться на поддержку производственных артелей [3, с. 74]. Ведущей формой кооперирования кустарей и ремесленников становилась производственная артель с общей мастерской. Но еще в 1926 г. в докладе о состоянии районной промышленности Рубцовского округа говорилось о том, что райисполкомы уклоняются от непосредственной эксплуатации переданных им предприятий и сдают их в аренду «до полного приведения их в негодность». Сдача и прием происходили без инвентаризации, оценки основного капитала. Расхищение или порча имущества заведений, как сданных в аренду, так и бездействующих, не преследовались, так как не было кадров, которые могли бы это обнаружить. На 1 декабря 1926 г. в округе насчитывалось пять кожевенных заведений, из которых действовало только два. На их реконструкцию требовалось 2770 руб., а на восстановление трех бездействующих – 2845 руб. Но и сданные в аренду предприя-

тия часто бездействовали. Так, в Локтевском районе кожевенный завод был сдан в аренду сельскохозяйственному товариществу на 12 лет «по домашнему особо льготному договору». В его ремонт средства не вкладывались, в связи с чем он простаивал. В связи с тем, что часть предприятий была закрыта, а другая не справлялась со спросом, мастера в разных местах округа открывали свои «мелкие кадушечные заводы», что привело к росту их числа до 163 [4, л. 12–12 об., 14–15]. На очередном заседании президиума Барнаульского окружного исполнительного комитета 7 сентября 1926 г. Внутрторгу и промсоюзам было предложено установить систему планового снабжения кустарей сырьем и оборудованием в целях борьбы с «кадушничеством» [5, л. 3].

Процессы кооперирования сельских ремесленников и кустарей шли гораздо медленнее, чем в городе, сохранялись такие формы производства, как домашнее, ремесленное, кустарное, отходничество. Так, в 1929 г. в материалах о выдаче удостоверений на право производства и торговли изделиями Шадринским РИКом за 1928–1929 гг. мастера отмечали, что работают в домашних условиях. Например, токарь Т. П. Рындин, кузнец А. М. Мешков и столяр С. Г. Соломин из с. Ново-Барнаульское, пимокат М. В. Мишин из п. Чайчий, колесник Ф. П. Милосердов из п. Куличиха занимались производством товара на дому [6, л. 76–78, 81–82]. В 1930 г. на Алтае было учтено 59 частных гончарных заведений с 67 рабочими и лишь одна кооперативная артель «Искра» в с. Павловском, в которой работало 15 человек [7, л. 42–64]. Во многом это было связано с развитием единоличных хозяйств и сочетанием ремесла с занятием земледелием или животноводством. Многие информанты, описывая активную деятельность сельских мастеров в эти годы, связывают ее с тем временем, которое в народной периодизации устной истории обозначается выражением «жили единолично» [8, с. 78].

В период коллективизации в колхозах началось складывание промартелей по производству товаров широкого потребления. При их образовании учитывались природно-географические условия и концентрация мастеров – носителей технико-технологических традиций. Особенно активно эти процессы стали протекать с 1934 г., когда состоялся пленум и совещание по вопросам коллективизации, на котором обсуждались вопросы включения ремесленников и кустарей в состав колхозных промартелей. «А как колхозы пошли – были шорники. А там сами – каждый себе. Кто может, кто не может. Кто не может – уплатит ему, просит, кто шили. Не все же могут шить, специалисты» [9, л. 14].

Несмотря на это, в деятельности сельских мастеров в первые десятилетия советской власти сохранялся ряд традиционных черт, что было обусловлено рядом факторов.

Важную роль в работе мастеров продолжала играть семья. В 1925 г. губернское статистическое бюро представило данные о включении семей ма-

стеров в промыслы в форме ремесленного или кустарного производства. В губернии этой деятельностью было занято 4817 семей, что составляло 4,2% от общего их числа. По районам их распределение выглядело следующим образом: Алейский – 314 семей, Барнаульский – 358, Белоярский – 451, Боровской – 251, Верх-Чумышский – 286, Залесовский – 216, Косихинский – 287, Мамонтовский – 570, Павловский – 275, Ребрихинский – 280, Тальменский – 475, Чистюньский – 301, Чумышский – 649, Шелаболихинский – 104 [5, л. 50–51]. По некоторым видам производства распределение было следующим (табл.).

Численность семей, занятых в различных видах промыслов и ремесел, 1925 г.

Промыслы и ремесла	Занято	
	семей	душ обоого пола
Столярный	75	78
Бондарный	101	103
Щепной	30	32
Тележный и санный	32	32
Колесный	67	68
Смолокурный	113	152
Дегтярный	154	177
Кузнечный	965	1053
Кирпичный	70	169
Гончарный	36	43
Шерстобитный и шерсточесальный	129	139
Кожевенный	158	271
Скорняжный	2	3
Овчинный	185	223
Пимокатный	555	705
Шорный	8	9
Сапожный	478	501
Шубный	8	8
Корзиночный	7	7
Скипидарный	2	3

Сост. по: ГААК. Ф. Р-100. Оп. 1. Д. 74. Л. 50–52

В сельской местности передача трудовых навыков чаще всего не выходила за пределы семьи. Преемственность порождала потомственных кустарей. Система воспитания была направлена на приобретение трудовых навыков через включение в различные стадии производственного процесса в зависимости от возраста и пола. Мальчики были ориентированы на приобретение навыков не только в области земледелия и животноводства, но в ремесленной деятельности. «Отец учил. Первую пару вместе скатали, вторую отец насадил, а третью уже сам. Вот и вся учеба» [10].

В материалах о выдаче удостоверений на право производства и торговли изделиями Шадринским РИКом за 1928–1929 гг. зафиксирована информация о том, кто из членов семьи или учеников работал совместно с мастером. Так, в д. Мезенцево смолоку-

ры Е. П. Кадочников, И. Н. Безсонов, Е. Н. Тарасов и В. А. Старцев работали со своими сыновьями. Мастер по изготовлению прялок из п. Барки В. Н. Хавин производил товар совместно с отцом. Кузнец с. Расказиха С. И. Герасимов работал с 14-летним приемным сыном. Овчинник п. Красная Слобода занимался выделкой овчин вместе с учеником Г. Н. Карнауховым 23 лет. У плотника и столяра Ф. И. Жуйкова из с. Бельмесево в качестве ученика выступал его сын [6, л. 1–2, 8–9, 20, 34, 56, 71]. Мастера по возможности старались указывать информацию о помощи членов семьи в промысле или наличии учеников, так как в 1927 г. вышел циркуляр НКФ РСФСР, который предусматривал свободу от выборки патентов, если доход от кустарного промысла учтен при обложении сельскохозяйственным налогом. Разрешалось выбирать патент промышленного предприятия 1 разряда, если ремесленник имел двух учеников до 18 лет и заключил с ними договор. Льгота не касалась учеников старше, они учитывались уже как наемные рабочие [11, л. 44].

Советская власть с момента своего установления занялась кадровым вопросом в сфере обрабатывающих ремесел и промыслов. Для этих целей создавались учебно-показательные мастерские, проводились курсы. Так, уже в октябре 1919 г. в с. Енисейское Бийского уезда и Локоть Змеиногорского уезда функционировали мастерские для обучения по изготовлению сельскохозяйственный орудий труда, в с. Повалиха Барнаульского уезда и с. Тюменцево Каменского уезда – корзиночное отделение, в с. Алтайское Бийского уезда – кожевенное. Помимо учебы, учащиеся, которых насчитывалось от 20 до 30 человек в каждой мастерской, выполняли и частные заказы [12, л. 17].

В трудовой процесс были включены не только мужчины, но и женщины, которые могли как выступать в качестве мастера, так и помогать на определенных этапах работы. «Отец на Алтае с 1921 г. Из Оренбургской губернии. Отец начал катать пимы на Алтае... Катал в своей бане на полке. Баня еще была по-черному. Мама и теща помогали – закладывали, а насаживал отец» [13]. На протяжении 1920–1930-х гг. характерной чертой домашнего и ремесленного гончарства в алтайском селе являлась женская занятость.

На протяжении длительного времени традиционными оставались технико-технологические традиции производства товаров народного потребления. Фактором архаизации и препятствием для развития трудовых навыков являлись события Первой мировой и Гражданской войн, ухудшение материального положения сельчан в процессе раскулачивания. После 1929 г. мастера, платившие сельскохозяйственный и промысловый налоги, скрывали доходные виды своей деятельности от налогово-финансовых органов. В 1930-х гг. ликвидация семейного животноводства привела к работе «украдкой», «очень секретно». Все это не способствовало повышению мастерства и улучшению качества произво-

димой продукции. Мастера, не включенные в систему промартелей, после работы в колхозе на дому либо выполняли частные заказы, либо изготавливали утварь для использования только в своей семье, что также приводило к консервации трудовых навыков. Например, житель с. Новокаменка Ельцовского района А. А. Кузнецов (1900–1949), работавший в колхозе животноводом, вместе с братьями до войны производил мебель с точеными элементами: шкафы, буфеты и т. п. [14]. Кладовщик и разнорабочий с. Топтушка Тогульского района П. А. Ермошин (1899–1960-е) выделывал ложки и бондарные изделия для внутреннего пользования [15]. «Ну вот у меня дядька, материн брат, его называли „пряжник“, его так и прозвали. Он испокон веков делал пряжи, точил на станке резные, ну кто что закажет, то и делал... Койки, там вот какие-нибудь наличники надо на окошки выточить. Он на станке своем делал. Это он работал так, побочная, а так-то он работал» [16, л. 70–71].

Если до Гражданской войны мастера, как правило, специализировались на обработке одного вида природных или животных материалов, то в первые десятилетия советской власти в целях расширения возможности получения дополнительного дохода они овладевали техниками обработки различных материалов и вырабатывали более широкий ассортимент товаров. «Мы жили небогато, так у нас отец – он был и пимокат, и шил сапоги, и печи клал, и плотничал. Он у нас на все руки у нас был... Вот этим и жили... Мы от Плотниково жили, у нас там был поселок – домов, наверное, 15, Выдриха назывался. <...> А тут он зимой посуду он делал деревянную, берестяную посуду он делал. Это все наделает и поедет в город, это все там продаст. И привезет оттуда: муки привезет, хлеба белого нам привезет, сахару привезет. Вот так жили... Делал кадушки, делал лагушки, делал треноги» [17, л. 57, 59].

Технологии обработки различных материалов представлены во многих интервью, записанных как сотрудниками Центра устной истории и этнографии лаборатории исторического краеведения АлтГПУ, так и автором данной публикации в ходе историко-этнографических экспедиций в районы Алтайского края. Как правило, они носят типовой характер, имея лишь небольшие вариации в использовании вспомогательных материалов. В 1930-е гг., когда сырьевая база для пошива одежды и обуви повсеместно ухудшилась и крестьяне были вынуждены заменить кожи скота на шкуры диких животных, собак, кардинального изменения технологии их выделки не произошло. Выделка кож происходила следующим образом. «Делали, в кадку затолкают, чем-то там квасят, а потом вытащат, и потом чем-то намазывали, простоквашей или гущей какой-то, чтобы она мягче была. А потом помнут ее, если белая, то дубят ее дымом, дубят, возьмут ее в баню, она делается красной, потом здесь шьют. <...> А скотские выделывали, из них шили сапоги там, обувки какие-то» [18, л. 60].

В таежных и приборовых селах применяли схожие приемы выделки бондарных изделий. «Он и дочка делал. Большинство пихтовые. Тожа колет на полешки, а тада строгают нешироки. Фуганком выстрогают, тада собирают ее. И то выстрогают. Ее же надо, чтобы она круглая была. Один край чуть побольше, другой поменьше. И вот складывают это все и обручи одевают черемуховые. Ее прям сразу срубают, и пока она сырая, она гнется хорошо. Сухая — она же вся изломается» [15].

Сохранение технико-технологических традиций подтверждается комплексом орудий труда, которые сохранились в музейных коллекциях. Так, в собрании Алтайского государственного краеведческого музея (АГКМ) представлены самодельные орудия труда для обработки дерева, для пимокатного и кожевенного производства 1920–1930-х гг., а также изделия алтайских сельских мастеров.

Комплекс по обработке дерева включает в себя бондарный, столярный и плотницкий инструмент из Бийского, Петропавловского, Первомайского, Залесовского районов Алтайского края. Так, одним из последних в АГКМ в 2023 г. поступил комплекс Г. Н. Вострикова (1900–1956), жителя с. Средне-Краюшкино (ныне с. Первомайское Первомайского района). В 1920-х гг. он работал бондарем, а с 1933 г. — заведующим производством промартели «1 августа». Предметный ряд включает в себя инструменты 1920–1950-х гг.: лучковые пилы, напарье, циркуль, фальцгебель, скобель, уголок, рубанок, фуганок, инструмент для разметки параллельных полос, рейсмус [19].

Инструменты кожевенного и пимокатного промысла не подверглись модернизации на селе. Например, крюки-скрепки 1920–1930-х гг. для чистки кож не меняли своей конструкции и представляли собой предмет из природной развилки дерева, в который крепился металлический нож [20]. На другом конце крюка располагалась петля для удобства протягивания крюка. Разнообразные деревянные колодки для пошива кожаной обуви или катки валенок по форме и материалу идентичны тем, что использовались в конце XIX — начале XX в. [21].

Ассортимент выпускаемых товаров был широк: средства передвижения, сельскохозяйственные орудия труда, конская упряжь, посуда, мебель, деревянная утварь и многое другое. «В колхозе был бондарный цех. Сами делали на продажу телеги на деревянном ходу до войны...» [10]. Как правило, изделия были традиционных форм, но село могло ощущать на себе веяния моды. На расширение предметного ряда влиял спрос покупателей и их запросы. Например, в связи с этим гончары начали выпускать реплики фарфоровой и фаянсовой посуды: заварочные чайники, вазочки, цветочные горшки.

Мастера, занятые кустарным производством, занимались реализацией своей продукции самостоятельно. В протоколе очередного заседания президиума Барнаульского окружного исполнительного комитета от 7 сентября 1926 г. отмечалось, что сбыт изде-

лий мастеров происходит в том же селе, где они живут, незначительную часть отправляют в другие села в границах района, и лишь незначительная часть вывозится в другие районы губернии. При этом подчеркивалось более выгодное положение сельского кустаря по сравнению с городским. По мнению представителей комитета, например, сельскому пимокату работать было легче, чем городскому и особенно кооперированному, так как он чаще всего получал сырье от заказчика, работал, как правило, в помещении заказчика, обычно в бане, от него же получал топливо и воду [5, л. 60, 64]. Реализация товара путем развоза по селам часто формировала системными районами региона. «Даже возили по деревням. Делали они (кадушки) и возили» [22, л. 68]. Кроме того, труд часто выступал эквивалентом денег. Например, за выделку овчин кустарь забирал их часть, кузнец за оковку колес телеги получал зерно или кожи [8, с. 139].

В рамках преобразований в сфере обрабатывающих промыслов и ремесел можно отметить изменения в организации трудовой деятельности мастеров в виде промысловой или промыслово-артельной кооперации, основанной на коллективной форме собственности; появление учебно-показательных мастерских и обучающих курсов. В деятельности мастеров-одиночек наметилась многопрофильность. Коллективизация и раскулачивание отрицательно сказались на сырьевой базе мастеров, в частности пимокатов, кожевников и скорняков. Товары реализовывались централизованно через торгующие организации и отпускались в собственные торговые сети: организациям потребительской кооперации, базам промкооперации.

Параллельно с этим сохранялись домашнее, ремесленное и кустарное производство товаров народного потребления, неизменным оставались набор орудий труда и технико-технологические традиции, вовлеченность семьи в различные стадии производства. Как отмечает доктор исторических наук Т. К. Щеглова, процесс унификации сельского общества в условия ухудшения материально-экономического положения сопровождался архаизацией, что в совокупности отражало своеобразие развитие сельского общества в советское время [23, с. 457]. В дальнейшем события Великой Отечественной войны, модернизация сел, сворачивание промысловой кооперации, а затем и ее устранение в 1960 г. привели к утрате многих навыков крестьянских ремесел и промыслов.

O. S. Mamontova

Rural processing crafts and crafts of Altai in the first decades of Soviet power

Abstract. The article examines the transformation processes in the organization of rural manufacturing crafts and crafts in Altai in the 1920–1930s. The policy of creating a centralized system was aimed at the formation of industrial cooperatives and cooperatives. At the same time, in the Altai village, both pa-

triarchal home forms of production and handicraft, handicraft forms were preserved. Political, economic, natural-geographical, socio-and ethnocultural factors influenced the preserva-

tion of traditional features in the activities of masters and the emergence of new ones. **Keywords:** *Altai, processing trades and crafts, cooperation, industrial artel*

Источники и литература

1. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. Р-723. Оп. 1. Д. 2а.
2. Безнин М. А., Т. М. Димони. Этапы трансформации отношений собственности на средства производства в Советской России // Вестник ВоГУ. 2023. № 1 (28). С. 29–32.
3. Николаев А. А. Мелкая промышленность и кустарные промыслы Сибири в советской кооперативной системе (1920 – середина 1930-х гг.). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2000.
4. ГААК. Ф. Р-201. Оп. 1. Д. 24. Л. 15.
5. ГААК. Ф. Р-100. Оп. 1. Д. 74. Л. 204.
6. ГААК. Ф. Р-208. Оп. 1. Д. 32. Л. 84
7. ГААК. Ф. Р-140. Оп. 1. Д. 40. Л. 175.
8. Щеглова Т. К. Деревня и крестьянство Алтайского края в XX веке. Устная история: монография. Барнаул: БГПУ, 2008. 528 с.: ил.
9. Архив лаборатории ист. краеведения Алт. гос. пед. ун-та (ЛИК АлтГПУ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 63. Волокитин М. М., 1922 г. р. Бийский район, с. Старая Чемровка. Запись 2003 г.
10. ПМА 2013 г.: Каменский район, с. Столбово. Харенко В. П., 1929 г. р.
11. ГААК. Ф. Р-208. Оп. 1. Д. 28. Л. 280.
12. ГААК. Ф. 52. Оп. 1. Д. 162. Л. 22.
13. ПМА 2013 г.: Каменский район, с. Гонохово. Шиховцев И. В., 1928 г. р.
14. ПМА: Ельцовский район, с. Новокаменка. Кузнецов Н. А., 1932 г. р.
15. ПМА 2021 г.: Тогульский район, с. Топтушка. Ермошин А. П. 1928 г. р.
16. Архив ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 15. Окиншина В. Н., 1911 г. р. Усть-Пристанский район, с. Усть-Пристань. Запись 1997 г.
17. Архив ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 11. Панакович (Шикова) О. К., 1919 г. р. Залесовский район, с. Пещерка. Запись 1998 г.
18. Архив ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 14. Селезнева А. И., 1926 г. р. Кытмановский район, с. Старая Тараба. Запись 2001 г.
19. АГКМ. ОФ 20167/1-12 В-14718-14729.
20. АГКМ. ОФ 15643/22 В-3316.
21. АГКМ. ОФ 19454/3 В-11948, 15047/15-19 В-2476-2480
22. Архив ЛИК АлтГПУ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 68. Лощинина А. С., 1918 г. р. Мамонтовский район, с. Мамонтово. Запись 2000 г.
23. Щеглова Т. К. Культура и быт русского сельского населения юга Западной Сибири в 1930–1950-х гг.: жилище, пища, одежда, семейные и трудовые традиции. Барнаул: АлтГПУ, 2018. 508 с.: ил.

DOI 10.37386/2687-0592-2024-12-102-105
УДК 392.1(575.2)

С. К. Осмонова

Ошский государственный университет, Ош, Кыргызстан

Обряды и запреты, связанные с беременностью, в кыргызской семье (конец XIX — начало XX века)

Аннотация. Рассматриваемые вопросы представляют особый исторический и социальный интерес. Их изучение связано не только с научными этнографическими фактами, но и с практическим значением, поскольку в семейной и общественной жизни кыргызов вплоть до конца XIX — начала XX в. сохранилось множество остатков архаических явлений и институтов, требующих тщательного анализа. Изучение проблем цикла обычаев и обрядов, связанных с рождением с беременностью, представляет большой интерес для рассмотрения остатков архаичных институтов и форм ранних религий. Процесс беременности связан с особой пограничной ситуацией, поскольку в мифологической картине мира он означает повышение опасности для матери и ребенка, их особую уязвимость. Процесс рождения ребенка связан с выполнением детальных ритуалов, включающих ряд обязательных действий, направленных на обеспечение благополучия ребенка и всей семьи. **Ключевые слова:** *ребенок, обряды-обычаи, традиция, ритуал, беременность, культура.*

Рождение ребенка всегда было радостным событием в каждой семье. Многие обычаи и ритуалы, связанные с рождением ребенка, строго соблюдаются и исполняются. По народным поверьям, выполнение этих обрядов обеспечивало здоровье и благополучие матери и новорожденного ребенка, а также счастье человека на протяжении всей его жизни.

На свадьбе особое внимание уделялось окружающим невесту людям. В мировоззрении кыргызов, как и многих других народов, существовало понимание того, что окружающие невесту люди мо-

гут оказывать как положительное, так и отрицательное влияние. Поэтому необходимо было встретить и окружить невесту многодетными и счастливыми замужними женщинами. Кроме того, по традиции, когда невесту вводили в юрту, ее усаживали за свадебным занавесом на специально постеленный «посток» — белую баранью шкуру, которая, по мнению местного населения, считалась символом плодородия (как и шкуры других тотемных животных). Более того, новобрачные могли им укрыться в первую брачную ночь как верхним покрывалом [5, с. 100–

101]. Все эти обряды — неоднократное вкушение барана — имели магическое содержание и были непосредственно связаны с религией и верованиями. По своей сущности они были направлены на обеспечение будущего благополучия, плодородия, многодетности в новой семье. Этот обряд практиковался у казахов [4, с. 304] — жениха и невесту сажали на баранью шкуру, у каракалпаков [1, с. 19] под ноги невесты подстилали шкуру коровы или барана.

Как и у других тюркоязычных народов, у кыргызов бездетность считалась большим несчастьем, даже трагедией, и в большинстве случаев являлась поводом ввести в семью вторую жену, поскольку причину отсутствия детей, как правило, видели в женщине. Когда у второй жены рождались дети, первая жена должна была заботиться о них, как о своих.

В кыргызской семье отношение к детям было одним из взглядов, отражающих отдельный мир. Изменения эмоционального тона отношений родителей со своими детьми существенно зависели от пола ребенка. Новоприбывшая невеста всегда мечтала родить ребенка, причем предпочтительно мальчика, что исходило из традиционного верования кыргызского народа: считалось, что обязанностью каждого человека является воспитание сына для продолжения рода. В эти задачи входило построить дом, вырастить сына, посадить и вырастить хотя бы одно дерево. Люди считали сына не только продолжателем рода, но и кормильцем родителей и семьи в старости. Когда в семье рождались мальчики, надеялись, что они, став взрослыми, приведут в дом жен и что дети продолжат не только род отца, но и семейную традицию. Девушку считали гостьей, чужой, поскольку брак носил патриархальный характер и девушка после замужества переезжала в дом мужа. Если в семье рождались только девочки, это считалось большой печалью: в старости родители теряли кормильца и продолжателя рода. Известно также, что сын является наследником земли и имущества, с ним связана надежда на продолжение экономической традиции семьи; сын был также традиционным хранителем чести семьи, опорой и защитником семьи.

С наступлением беременности положение молодой женщины в семье изменялось. У всех народов мира во время беременности женщин сопровождает множество запретов, которые они должны соблюдать, чтобы родить здорового ребенка без физических нарушений. Они часто полагались на свои сны, чтобы определить пол будущего ребенка. Считалось, что видеть во сне ножи и кинжалы — к рождению сына, золотые или серебряные украшения — к рождению девочки.

С рождением ребенка, особенно мальчика, положение невестки в доме мужа укреплялось, ребенок становился тесной связью между семьей мужа и невестки, сближались с родственниками мужа.

Существовало множество видов определения пола ребенка по внешним признакам беременной. Например: если живот раздулся, говорят, что она родит мальчика; если внешность беременной женщи-

ны останется красивой, говорят, что она родит мальчика, а если живот расправится, то говорили, что она родит девочку; если красота лица исчезнет, считали что она родит девочку и девочка в утробе забрала всю красоту матери.

Как известно, в прошлом из-за незнания основ биологических процессов зарождения и развития жизни, отсутствия профессиональной медицинской помощи в кыргызских селах всё, что связано с родами, воспринималось как сверхъестественное. Поэтому различные магические обряды совершали еще до рождения ребенка. Характерно, что обычаи, имеющие рациональную основу, имели и магическую окраску, например запрет некоторых продуктов питания для беременных, действия, связанные с гигиеной матери и ребенка, и т. д. Среди запретов, которые считаются необходимыми для беременных, можно выделить следующие:

- Считалось, что беременной женщине ни в коем случае нельзя перешагивать «аркан», веревку, потому что пуповина обовьется вокруг шеи ребенка.
- Не разрешается одной выходить на улицу ночью, так как считалось, что ночью сойдут злые духи и причинят ей вред (она испугается или споткнется и упадет).
- Не должна была есть рыбу и крольчатину, потому что существовало поверье, что ребенок родится с заячьей губой.
- Не должна было туго связывать веревку: роды будут трудными.
- Запрещалось сидеть на подушке, потому что схватки будут тяжелыми.
- Запрещалось наступать на золу или высыпать ее в темноте, потому что зола считается священной и нанесет вред ребенку, или считалось, что повредятся ноги женщины, наступившей на золу.
- Беременной женщине нельзя шить, прясть и вязать.
- На похороны старались не отправлять, если это были близкие родственники женщины — отец или мать, то беременная женщина должна была стоять, а не сидеть, как другие, при чтении аята из Корана «жаназа», и запрещалось смотреть на покойника, потому что если невестка испугается, то это повредит ребенку.
- Нельзя было расстраиваться, лгать, воровать — говорили, что ребенок станет грубым и лжецом.
- Запрещали носить тяжести, но если женщина будет выполнять легкую работу и будет много двигаться, то роды пройдут легко и ребенок будет трудолюбивым.

Подобные обычаи бытовали и у других народов, причем не только у кыргызов данного региона, но и у народов всего мира. Подобные запреты существовали и у хакасов. Беременной запрещали пинать собаку — в противном случае на нижней части спины ребенка будет синее пятно; нельзя было смотреть на зайца — ребенок будет с заячьей губой и выпуклыми глазами; стоять в дверях или выглядывать из дверей,

опершись о косяк, иначе при родах плод застрянет; наступать на порог – ребенок вырастет печальным [2, с. 206]. М. Ш. Разиханова писала о русских Дагестана: «В период беременности поведение женщины регламентировалось рядом суеверий, основанных на поверьях о том, что определенные ее поступки могут отразиться как на ней, так и на будущем ребенке. Беременная не должна без спроса брать чужое – при нарушении этого запрета ребенок может родиться с каким-нибудь изъяном: нельзя перешагнуть через веревку – ребенок запутается в пуповине... и т. д.» [6, с. 119].

Известный исследователь проблем детства Г. С. Виноградов писал:

«Воспитание ребенка в народной среде начинается до его физического рождения.

В заботах о новых всходах жизни от беременной женщины требуется, чтобы она жила повышенной, против обычного уровня, нравственной жизнью, чтобы она каждый шаг делала осторожно: избегала неприятных встреч, бережно бы относилась к домашним животным и т. д.» [3, с. 653–654].

Следует отметить, что все кыргызы, независимо от возраста, особенно трепетно относились ко всем беременным женщинам. По возможности старались выполнить все их пожелания. Беременную женщину защищали от стрессовых ситуаций, удовлетворяли все ее желания, особенно потребности в питании, поскольку это считалось необходимым условием нормального развития плода.

В кыргызской культуре материнство – вершина женской судьбы, главная цель женщины – стать матерью; Для девочек постепенная подготовка к будущему материнству начинается еще в детстве. Однако, как уже было отмечено, только женщина, родившая сына, могла считать себя полноправным членом этой семьи. «Бала боор эт менен тен», «Балалуунун багы бар, баласыздын жүрөгүндө муну бар», «Балалуу үй падышалуу үй», «Уулун болбосо, учун уланбайт», – говорят наши информаторы. Многодетная женщина и внуки пользовались большим уважением в обществе, а вот женщину, родившую дочь, родные и близкие жалели: «У бедняжки родилась еще одна дочь».

По кыргызским традициям, для беременных женщин существовали особые запреты, характеризовавшиеся соблюдением определенных правил поведения в присутствии посторонних людей. Наши информаторы отметили, что беременная женщина стеснялась и старалась максимально скрыться от взрослых и женщин своего села.

Самым ответственным было поведение женщины и окружающих при приближении родов. В этот период все было направлено на успешное разрешение роженицы от бремени. Чтобы облегчить роды, когда наступало время рожать, свекровь давала соседям «ыстык» – (горячую) еду и просила всех принести благословение, чтобы роды были легкими.

В поисках женщины-повитухи, которую называли «киндик эне» или «умай эне», прежде всего об-

ращались к тем, кто был здоров, многодетен, уважаем, ловок и умел. Таких женщин называли «колу жеңил». Как показывают наши полевые материалы, были повитухи, которые принимали сто и более детей. Сходные факты имеются и у хакасов: когда начинались родовые схватки, вызывали повитуху (инейджи), обычно это была опытная пожилая женщина. Инейджи при каждом сватках масировала живот сверху вниз и, сидя прерод роженицей, принимала плод [2, с. 207].

Часто во время родов ребенок приходил в неправильном положении, что требовало ручного вмешательства – старались исправить положение плода. Повитуха прокалывала околоплодный пузырь, когда приходило время рожать. Приняв ребенка, она обрезала пуповину, при этом зная, что отрезать ее можно только после того, как она перестанет пульсировать. Следила также за тем, чтобы вовремя и полностью вышел послед.

Беременную пытались различными способами оградить от плохого зрительного контакта, на одежде всегда носили булавки, тумары и т. д. Считалось, что беременная женщина должна чаще смотреть на мужа – в этом случае ребенок будет похож на своего отца. Беременной женщине не разрешалось шить, прясть или вязать, поскольку считалось, что пуповина обвивает шею ребенка. Если к сидящей беременной женщине приближается другая беременная женщина, выглядящая слабой и больной, это считается плохим знаком. Чтобы не принять ее боль на себя, сидящая женщина должна была быстро встать, встретить ее на дороге и поприветствовать, а затем быстро уйти.

Таким образом, в рассматриваемое время (конец XIX – начало XX в.) не было квалифицированной медицинской помощи, роды были очень тяжелыми и длительными, поэтому кыргызы заранее выполняли множество магических приемов и ритуалов. Они были призваны обеспечить нормальное течение беременности, и в первую очередь рождение и выживание малыша в самые опасные первые месяцы. Роженице говорили, что одна ее нога находится на земле, а другой она стоит в могиле. Эти слова отражали действительное положение, так как смерть женщин при родах у кыргызов была в прошлом довольно частым явлением.

S. K. Osmonova

Rituals and prohibitions associated with pregnancy in the Kyrgyz family (late 19 – early 20th century)

Abstract. The issues under study in this article are of particular historical and social interest. Their study is related not only to scientific ethnographic facts, but also to practical significance, since many remnants of archaic phenomena and institutions have been preserved in the family and social life of the Kyrgyz people up until the end of the 19th – beginning of the 20th century, which require careful analysis. The study of the problems of the cycle of customs and rites associated with birth and pregnancy is of great interest for examining the remnants of archaic institutions and forms of early religions. The process of

pregnancy is associated with a special border situation, since in the mythological picture of the world it means an increase in the danger for the mother and child at this time, their special vulnerability. The process of childbirth is associated with the

performance of detailed rituals, including a number of mandatory ritual actions aimed at ensuring the well-being of the child and the whole family. **Keywords:** *child, rites-customs, tradition, ritual, pregnancy, culture.*

Источники и литература

1. Бекмуратова А. Т. Быт и семья каракалпаков в прошлом и настоящем. Нукус: Каракалпакия, 1970. 117 с.
2. Бутанаев В. Я. Традиционное воспитание детей народов Сибири. Ленинград: Наука, 1988. С. 221.
3. Виноградов Г. С. Народная педагогика (отрывки и очерки) // Виноградов Г. С. Этнография детства и русская народная культура Сибири. М.: Вост. лит., 2009. С. 653–654.
4. Лобачева Н. П. Различные обрядовые комплексы в свадебном церемониале народов Средней Азии и Казахстана // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. М., 1975. С. 298–333.
5. Осмонова С. К. Традиционные свадебные обряды кыргызов юго-запада Ферганской долины (конец XIX – начало XX вв). Ош, 2015.
6. Разиханова М. Ш. Магия в родильной обрядности дагестанских русских XIX – начало XX вв. // Лавровские (Среднеазиатско-Кавказские) чтения. 2000–2001 гг.: Краткое содержание докладов. СПб., 2002.

DOI 10.37386/2687-0592-2024-12-105-110

УДК 93/94

Ұ. С. Сайранбекова

Этнографические особенности и взаимное влияние казахского и татарского быта в Семипалатинской области в конце XIX — начале XX века

КГУ «Средняя общеобразовательная IT-школа-лицей № 50» отдела образования города Семей управления образования области Абай, г. Семей, Республика Казахстан

Аннотация. В статье исследуется влияние казахского и татарского быта в Семипалатинской области в конце XIX – начале XX в. Особое внимание уделяется анализу процессов взаимодействия между казахскими и татарскими общинами, а также последствиям этого процесса для культурной и социальной жизни кочевых сообществ. Работа обладает научной ценностью, поскольку способствует более глубокому пониманию динамики межэтнических отношений в Казахстане в историческом контексте. **Ключевые слова:** *казахи, татары, культура, быт, экономические аспекты, этнические общины.*

Этнографическое изучение быта народов, населявших территорию Казахстана в конце XIX – начале XX в., позволяет глубже понять культурные, социальные и экономические процессы, происходившие в этот период. Особого внимания в этом контексте заслуживают взаимоотношения казахского и татарского населения, которое проживало на территории Семипалатинской области.

Татары, будучи активными участниками торгово-промышленных связей региона, внесли значительный вклад в развитие экономических отношений, а также сыграли важную роль в распространении ислама. В свою очередь, казахское население, сохранившее многие традиционные черты кочевого быта, впитывало новые формы социальной организации, бытовых укладов и религиозной жизни, взаимодействуя с более оседлым татарским населением.

Целью данной статьи является анализ этнографических особенностей казахского и татарского быта в Семипалатинской области в конце XIX – начале XX в., а также изучение взаимного влияния этих двух народов в различных аспектах повседневной жизни. Особое внимание уделяется культурным заимствованиям, трансформации традиций, а также роли татарского населения в распространении исламской религии и развитии экономических связей в регионе.

Источниками исследования послужили записки путешественников, архивные документы и сборники, в которых материал о взаимопроникновении культур можно найти в виде описаний обычаев, традиций и повседневной жизни различных народов. Эти источники позволяют глубже понять, как происходило взаимодействие между культурами, какие элементы заимствовались и адаптировались, а также как это влияло на развитие общества в целом. Анализируя данные материалы, можно выделить ключевые моменты, способствующие культурному обмену и взаимопониманию между различными этническими группами.

Согласно переписи 28 января 1897 г., в этнографическом отношении население Семипалатинской области не представляло большого разнообразия и делилось на оседлое и кочевое. Среди кочевого населения как по количеству, так и по обширности занятой территории первое место занимали киргизы (казахи), составлявшие 88,31% всего населения области. Жили они исключительно в уездах, занимались скотоводством и вели кочевой образ жизни, являвшийся для них необходимым условием ведения скотоводческого хозяйства. Среди оседлого населения первое место занимали русские (9,50%), потом следовали татары (1,45%), остальные же народности

встречались в очень незначительном числе [1, л. 6]. Несмотря на относительную малочисленность, татары оказывали значительное влияние на социально-культурное и экономическое развитие региона. Татарская община была значительно более оседлой и занималась ремеслом, торговлей и сельским хозяйством. Татарские купцы играли важную роль в экономической жизни региона, налаживая торговые связи как внутри Семипалатинской области, так и с другими регионами Российской империи и Средней Азии.

Согласно данным переписи 1897 г., подавляющую часть населения Семипалатинской области составляли магометане, их численность составляла 614 773 человек (89,80%) [1, л. 6]. Это вполне соотносится с этнографическим составом области, где киргизы (казахи), исповедующие ислам, занимали доминирующее положение.

Во второй половине XIX – начале XX в. одним из важнейших вкладов татар в развитие казахского быта было распространение исламской культуры и письменности. В условиях отсутствия систематизированной государственной образовательной инфраструктуры на казахской земле они стали основными распространителями грамотности среди казахского народа. Первые мектебы (школы) начали функционировать в Семипалатинске уже в 1820-х гг., а к 1850-м гг. количество учебных заведений достигло 14. К 1863 г. в городе действовали 9 частных татарских школ, в которых обучались 479 учащихся. Сравнение этих данных с общим числом учебных заведений в Семипалатинске демонстрирует интересную картину: в городе также существовало 14 казахских приходских училищ, а также уездное и женское училище, где обучались 339 учеников. Таким образом, татарские школы составили почти половину всех учебных заведений, а число их учащихся превышало количество студентов в других школах города [2]. В указанных учебных заведениях дети обучались не более 3–4 месяцев в году. Школы не имели четкой учебной программы, устава, постоянных источников финансирования или годового бюджета. Обучение проводилось муллами, происходившими из среды оренбургских и сибирских татар, финансируемыми родителями учащихся. С каждым годом наблюдался рост числа детей, поступающих в новые школы, в то время как продолжали функционировать частные татарские школы, в которых обучались дети мусульман. Также сохранились данные о мектебах в казахских округах, свидетельствующие о педагогической деятельности татарских мулл среди казахского населения.

К началу XX в. мусульманские школы в России, включая Степной край, занимали важное место в культурном и религиозном образовании. В этой связи анонимная записка с заключением Ахуна Баязитова и доклад Степного генерал-губернатора иллюстрируют сложные отношения между татарским и казахским населением, а также попытки российского правительства регулировать мусульманские

учебные заведения. Доклад генерал-губернатора подчеркивает доминирующее положение татар среди кочевников, обусловленное культурным и экономическим преимуществом, а также языковой близостью с казахами [3, л. 27, 28, 30]. Экономическая зависимость казахов от татар также усиливала их влияние. Несмотря на это, российское правительство не сразу осознало потенциальную угрозу исламизации, считая, что религиозная практика среди казахов ограничивалась внешними обрядами. Однако уже в 1860-х гг. начали проявляться признаки усиления мусульманского влияния, что побудило власти предпринять меры по изоляции татар от казахского населения, особенно в религиозной сфере. Степное положение 1868 г. разделило духовные дела татар и казахов, оставив последних под контролем местной администрации.

К началу XX в. правительство обсуждало реформирование мусульманских школ в Степном крае. В 1905 г. генерал-губернатор предложил ряд мер по ограничению исламского влияния, среди которых:

- 1) сохранение текущего порядка управления духовными делами казахов;
- 2) установление контроля над духовными делами татар на уровне Степного края;
- 3) передача татарских школ под руководство Министерства народного просвещения;
- 4) введение обязательного преподавания русского языка в мусульманских школах [3, л. 27, 28, 30].

Таким образом, предложенные меры отражают стремление ограничить исламское влияние и татарский фактор в условиях укрепления русской власти в регионе.

Как отмечает И. И. Завалишин в своем труде «Описание Западной Сибири» [4, с. 90–91], можно наблюдать взаимное влияние казахского и татарского быта. Одним из ярких примеров является празднование мусульманских праздников, таких как Курбан Айт, который татары, ташкентцы и казахи отмечают с большим размахом. В это время Семипалатинск превращался в центр веселья, где царил яркая и оживленная атмосфера. Татары, казахи и ташкентцы выходили на улицы в богатых шелковых халатах, женщины надевали парчовые, атласные и шелковые платья, украшенные золотой вышивкой и жемчугом. В праздничные дни они ездили в гости к родственникам и знакомым. Молодежь, включая мальчиков в возрасте 10–12 лет, соревновалась в верховой езде, устраивая по улицам скачки на лошадях с дорогими седлами. Гостеприимство в домах сопровождалось обильным угощением: на дорогах бухарских и ташкентских коврах выставлялись низкие столики, на которых подавались традиционные блюда – плов, казы (конская колбаса), жареная баранина и баурсаки. Также пили чай и кумыс. Особым элементом праздника являлись соревнования в скачках, называемые «байге», где победители получали призы в виде сукна, бархата, ситца и платков. Дистанция скачек достигала 30 верст от Семипалатинска,

а участвовали в них мальчики в возрасте 12–14 лет. Финиш обычно организовывался на степной окраине города [4, с. 90–91].

Хотя хлеб как таковой в казахской среде не приживался, из глубины веков шла традиция употребления в пищу мучных изделий из пресного теста в виде ромбов, квадратов. В случае, если последние жарились на растопленном масле, это было скорее лакомство – так называемые баурсаки. Об этом поведал этнограф А. П. Смирнов в 1897 г., замечая, что казахи вместо хлеба предпочитали маленькие жирные мучные лепешки, поджаренные в сале. Другой исследователь, Я. Я. Кауфман, писал о том, что на казахском столе весьма популярна каша, в которой наполнителем была мука, либо похлебка с той же добавкой [5, с. 279–282].

Параллели с казахской (тюркской) юртой прослеживались во всей организации внутреннего пространства дома у татар. Как в юрте, так и в доме выделялось специальное почетное место напротив входа [6, с. 167]. И татары, и казахи до конца XIX в. придерживались традиции принимать пищу на полу, сидя со скрещенными ногами. Н. И. Воробьев отмечает, что в быту зажиточных татар-горожан определенное время существовал обычай выезжать за город, ставить юрты и устраивать длительные пикники [7, с. 193]. Это полностью соответствовало казахской традиции проживания.

В начале XX в. торговое предпринимательство, напрямую связанное с развитием капиталистических отношений в казахском крае, с каждым годом все более распространялось среди местного населения. Об участии казахов в торговом предпринимательстве М. Красовский писал: «Число лиц, посвящающих свое время и капитал ведению торговых операций, увеличилось, среди киргизов появились и купцы...». Г. Колмогоров охарактеризовал развитие торгового предпринимательства среди казахов следующим образом: «В пограничных городах русские закупали мелкие товары первой необходимости, затем перевозили их по волостям и обменивали на овец, шкуры, меха, шерсть и другие мелочи» [8, 33–56].

Крупные и мелкие предприниматели Семипалатинска получали существенную экономическую выгоду благодаря географическому положению Кульджи и Кашгара. В частности, в Яркенде осуществлялись закупки златотканых индийских платков, кашмирских шалей и шелковых изделий, а в Кульдже – чая и др. Сергей Марков в своем труде «Идущие к вершинам» отмечает, что правители Кашгарии проявляли заинтересованность в расширении торговых связей между городами Восточного Туркестана, Казахстана и России. Правитель Кашгара Хакимбек Зурдун, стремясь к развитию торговли, посетил Семипалатинск, Петропавловск и Казань, активно призывая татарских купцов из Казахстана и Сибири к участию в торговых операциях с Западным Китаем [9, с. 66]. Развитие торговых отношений в Семипалатинском регионе стало основным дви-

гателем развития города. Этот процесс был тесно связан также с именами татарских купцов. Грамотные и хорошо владевшие русским языком семейские купцы даже писали письма самому Александру II с просьбой о предоставлении льгот по таможенным пошлинам [10, л. 48].

В Семипалатинской области сложились династии татарских купцов. Этнический состав купечества был неоднороден, при этом общей тенденцией является наличие купцов из числа русских и татар. Так, 50,8% были представителями русского населения, 33,8% – татарского [11, 511–535].

В 1910 г. в городе Семипалатинск и Семипалатинском уезде наблюдалась активная торгово-промышленная деятельность. По официальным данным, в городе Семипалатинск было зарегистрировано 997 торговых заведений и 179 промышленных заведений, что в сумме составляло 1176 объектов. В то же время на территории Семипалатинского уезда насчитывалось 777 торговых заведений и 90 промышленных заведений, общим числом 867 [12, л. 4]. Эти цифры свидетельствуют о значительной роли Семипалатинска как важного торгово-промышленного центра в регионе, в котором торговые заведения преобладали над промышленными как в самом городе, так и в уезде.

Татарские купцы занимали значительное место в культурном развитии города Семипалатинск, активно участвуя в формировании культурных центров на данной территории. В начале XX в. в Семипалатинске функционировало около 70 благотворительных обществ, которые играли важную роль в социальной жизни города. Основные направления их деятельности были сосредоточены на развитии культуры и образования. Эти общества оказали положительное влияние на развитие искусства, архитектуры, полиграфии и даже спортивных мероприятий. В 1910-е гг. при поддержке татарского сообщества в Семипалатинске действовала типография «Ярдәм» («Помощь») [13, с. 10]. Именно в этой типографии в 1912 г. были опубликованы две книги известного казахского поэта и писателя Шәкәрім Құдайбердіұлы. Кроме того, здесь издавалась газета «Әшче халық сүзе» («Слово рабочего народа») [14, с. 9].

В Семипалатинске книжная торговля получила значительное развитие, и некоторые татарские купцы владели собственными книжными магазинами, способствуя распространению печатной продукции и культурному обмену в регионе. По данным на 16 ноября 1901 г. в городе Семей имелось 8 книжных магазинов, из них тремя владели татары: купцы 2-й гильдии Халимуллин Хадыров, Искак Нигматуллин и временно семипалатинский купец Махмедяр Ибатуллин [15, л. 2]. Владельцами книг на рынке тоже были в основном татары, о чем свидетельствует письмо Хабибуллы Сейфуллина военному губернатору Семипалатинской области. В письме он просил о возможности продавать разрешенные религиозные книги и давать особые показания [16, л. 7]. Однако просьбы татарских купцов не получили

постоянной поддержки со стороны военных губернаторов. Например, 24 августа 1902 г. было подано ходатайство Г. Халитова, сына Х. Халитова, татарского купца 2-й гильдии, которое было отклонено губернатором Семипалатинской области Соколовским [17, л. 3]. Основная причина таких решений заключалась в том, что большинство продаваемых книг были религиозными. Также продавались арабские книги, которые могли читать в основном сами татары, которые получали через эти магазины книги для учеников в мечетях и медресе.

Татарские купцы занимались книготорговлей не только в Семее, но и на Коянды-Ботовской ярмарке. Один из них – Оренбургский мещанин Галимжан Мухамедрахимов [18, л. 5].

Литературные связи сыграли значительную роль в укреплении культурных взаимоотношений между казахами и татарами во второй половине XIX – начале XX в. Многие тюркские народы имели более высокоразвитую культуру, что способствовало увеличению тиража татарской литературы и периодических изданий. Литература, культура и искусство народов, вступающих в тесные взаимоотношения, оказывали взаимное влияние, обогащая друг друга. Поскольку жизнь и деятельность многих представителей татарской культуры были связаны с казахской степью, они создавали произведения на казахском языке. В то же время казахская интеллигенция, тесно связанная с Казанью и Уфой, свободно читала и писала на татарском и башкирском языках. Это двуязычие стало важной особенностью взаимодействия культур, и многие писатели одновременно представляли литературы обеих наций. Среди выдающихся деятелей, чье творчество отражает это культурное взаимодействие, можно отметить Акрама Галимова, Галымжана Ибрагимова, Рауля Мир-Хайдарова, Гани Сафиуллина, Искандера Даутова, Гани Якирова, Мусу Джалиля и Рушад Хисмутдинова. Известно, что великий казахский поэт Абай Кунанбайулы владел татарским языком и был знаком с татарской литературой. Произведения Галымжана Ибрагимова, Курбангали Халида и Гаяза Исхаки пользовались популярностью среди казахских читателей. Казахская и татарская интеллигенция активно сотрудничали в вопросах просвещения своих народов. В первой четверти XX в. у казахов не было собственной печатной базы, поэтому они издавали газеты, журналы и литературные произведения в татарских типографиях Казани, Уфы и Оренбурга. Татарские периодические издания, выходящие в этих городах, широко читались среди казахов, поскольку в них публиковались статьи, посвященные казахской жизни, истории и литературе. Татарские писатели, поэты и ученые, такие как вышеупомянутые деятели, активно участвовали в издании художественных и научных трудов о казахском народе. В свою очередь, произведения о представителях казахской интеллигенции также нередко находили место на страницах татарских изданий. До Октябрьской революции только в Казани было издано

434 книги на казахском языке общим тиражом около 2 миллионов экземпляров [19, с. 175].

Изменение архитектурного облика города Семипалатинска также напрямую связано с татарами, чьи мечети, дома, торговые точки и фабрики сделали город Семипалатинск крупным центром. В тот период Татарская слобода стала одной из самых живописных достопримечательностей города. Жилые дома, построенные в европейском стиле, были расположены вдоль одной улицы. Стали закладываться не только одноэтажные дома, но и несколько этажных частных жилых домов. Двор дома был огорожен, а входные ворота и экстерьер домов были отделаны, как и в крупных городах России. Двор, окрестности дома благоустроены, народы, проживающие в Семипалатинске и близлежащих регионах, начали учиться у татар пользоваться и осущестлять бытовые блага того времени.

Татарские купцы прилагали все усилия для распространения ислама, развития религиозной грамотности. Кроме того, они считали своим долгом построить мечеть. Группа купцов объединилась и лично построила мечети на прилегающих землях. 8 июля 1857 г. Фиткулла Гатиев обратился к российскому императору Александру Николаевичу с просьбой разрешить строительство мечети у него во дворе. В тексте заявления он просит разрешения построить деревянную мечеть на собственные средства, ссылаясь на бедность семипалатинского народа и на то, что они сами построить мечеть не в состоянии. Он предлагает схему внешнего вида мечети и ее конструкции [20, с. 60].

Одной из архитектурных реликвий, ставших сегодня символом Семее, стали татары, заложившие фундамент единственной на территории Казахстана мечети с двумя башнями. Мечеть была построена в 1858–1862 гг. местными купцами Сулейменовым, Абдышевым, Рафиковым, Халитовым [21, с. 94–102]. Это показывает сплоченность татарских купцов и их приверженность религии. Мечеть с одной башней, ставшая архитектурным шедевром в Татарском районе Семее, была построена в 1910 г. богатым купцом Латифом Мусином на собственные средства. Эта мечеть по сей день служит на благо страны.

В 1908 г. в Семипалатинске была открыта мусульманская библиотека, управляемая Рахматуллой эфенди Елькибаевым. Примечательно, что в отличие от Петропавловской мусульманской библиотеки, также начавшей свою работу в 1908 г., где местные муллы выступали против равного доступа женщин к этому образовательному учреждению, в Семипалатинске подобные разногласия не возникли. Для женщин и девушек были выделены специальные часы посещения: ежедневно с 12 часов дня до 6 часов вечера. В это время они имели доступ к различным газетам, журналам и мусульманским трактатам [22, 47].

Татары были одним из ключевых народов, способствовавших превращению Семипалатинска в культурный центр. В начале XX в. в Семее был

основан татарский театр «Мадэният» («Культура»), который радовал зрителей интересными постановками. В труппу театра входили 15 мужчин и три женщины. Однако из-за отсутствия постоянного помещения актерам приходилось репетировать в своих квартирах. 10 и 31 января 1914 г. драматическая труппа театра представила свои постановки жителям города, которые смотрели спектакли до поздней ночи. В этих постановках участвовали молодые татарские интеллигенты.

Татары внесли вклад в развитие не только культуры, но и спорта. В 1913 г. при поддержке татар в Семипалатинске была создана первая в Казахстане футбольная команда под названием «Ярыш», в которой играли молодые казахи и татары [13, с. 10]. Великий казахский писатель Мухтар Ауэзов также был членом этой футбольной команды.

В заключение можно отметить, что этнографические особенности и взаимодействие казахского и татарского быта в Семипалатинской области в конце XIX – начале XX в. сыграли важную роль в формировании социально-культурной и экономической среды региона. Несмотря на малочисленность татарского населения, их значительное участие в торговых-промышленных отношениях, распространении исламской культуры и образовательных традиций оказало долговременное влияние на казахское общество. Взаимные культурные заимствования, такие как традиции быта, религиозные обряды и гастрономические привычки, способствовали сближе-

нию двух народов. Татарские школы, являясь основным каналом распространения письменности и знаний среди казахского населения, стали важным элементом образовательной инфраструктуры региона. В то же время политика российского правительства по отношению к мусульманским школам отражала стремление ослабить влияние ислама и татар на кочевое население, что создавало сложные взаимоотношения между двумя общинами и усиливало их экономические и культурные контакты. В конечном итоге этот период стал важным этапом в процессе этнокультурной трансформации и интеграции казахского и татарского населения Семипалатинской области.

U. S. Sairanbekova

Ethnographic features and mutual influence of Kazakh and Tatar life in the Semipalatinsk region in the late 19th – early 20th century

Abstract. This article examines the influence of Kazakh and Tatar lifestyles in the Semipalatinsk region during the late 19th and early 20th centuries. Particular attention is given to the analysis of the mechanisms of interaction between the Tatar and Kazakh communities, as well as the consequences of this process for the cultural and social life of nomadic communities. The work possesses significant scientific value, as it contributes to a deeper understanding of the dynamics of religious changes and interethnic relations in the historical context of Kazakhstan. **Keywords:** *Kazakhs, Tatars, culture, lifestyle, economic aspects, ethnic communities.*

Источники и литература

1. Центральный Государственный Архив Республики Казахстан (далее ЦГА РК) Ф. 460. Оп. 1. Д. 55. Л. 6.
2. Галиев В. З. Участие татарских мулл в развитии образования среди казахов в 20–60-х годах XIX века (на материалах внешних окружных приказов). URL: http://www.idmedina.ru/books/materials/faizhanov/5/pedagog_galiev.htm#_ftnref11 (дата обращения: 30.08.2017).
3. ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 347. Л. 27, 28, 30.
4. Завалишин И. И. Описание Западной Сибири. Т. 3. Сибирско-киргизская степь. Глава XVII. Семипалатинск. М., 1867. URL: <https://elib.tomsk.ru/purl/1-18615>.
5. Любичанковский С. В. К истории бытовой аккумуляции казахов и татар в Российской империи XIX века // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. «История. Международные отношения». 2019. Т. 19, вып. 3. С. 279–282.
6. Толеубаев А. Юрта в представлениях, верованиях и обрядах казахов // Кочевое жилище народов Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 2000. С. 167.
7. Воробьев Н. И. Казанские татары. Казань: Татаргосиздат, 1953. С. 193.
8. Атантаева Б. Ж., Сайранбекова У. С., Каримов М. К. Исторический анализ предпринимательской деятельности во второй половине XIX – начале XX веков (на примере Восточного Казахстана) // Вестник Евразийского национального университета имени Л. Н. Гумилева. Сер. «Исторические науки. Философия. Религиоведение». 2024. Т. 147, № 2. С. 33–56.
9. Хайруллин Г. Т., Хамидуллин А. Г. Казахстан – наш общий дом. Татары. Алматы: Білім, 1998. 128 с.
10. ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 2. Д. 108. 48 л.
11. Атантаева Б. Ж., Ахметова Р. Д. Татары Семипалатинского Прииртышья в историческом и культурном аспекте (XIX – нач. XX вв.) // Международный научный журнал «Мир Большого Алтая». 2018. № 4. С. 511–535.
12. ЦГА РК. Ф. 342. Оп. 1. Д. 71. 4 л.
13. Хайруллина Г. Т. Татары в Казахстане: Энциклопедический словарь. 3-е, испр. и дополн. изд. Алматы: изд. «Тауғуль Принт», 2015. 348 с.
14. Бекиш Е. Т., Мухаметшин А. Г., Сардарова Э. А., Оразбаков А. Ж. Просветительское движение в Казахстане и татарская интеллигенция // Мир науки. Педагогика и психология. 2021. № 3. С. 1.
15. ЦГА РК Ф. 15. Оп. 1. Д. 507. 2 л.
16. ЦГА РК Ф. 15. Оп. 1. Д. 519. 7 л.
17. ЦГА РК Ф. 15. Оп. 1. Д. 511. Л. 3 л.
18. ЦГА РК Ф. 15. Оп. 1. Д. 527. Л. 5 л.
19. Ысқақов Б. Қазақ-татар әдеби байланысы. Алматы: Ғылым, 1976. 175 б.
20. Торговые связи Семипалатинского Прииртышья (XVIII – начало XX вв.): сб. док. / Управление архивами Восточно-Казахстанской области, Центр документации новейшей истории Восточно-Казахстанской области Семипалатинск, 2004. 350 с.
21. Камалджанова Т. А. Татарская диаспора Восточно-Казахстанской области в XVIII–XIX вв. // Вопросы

исторической науки: материалы междунар. науч. конф. (г. Москва, январь 2012 г.). М.: Ваш полиграфический партнер, 2012. С. 94–102.

22. Милли-мәдәни мирасыбыз: Казахстан татарлары. Семей. Казан, 2017. 360 б. (Фәнни экспедициялар хәзинәсеннән; унжиденче китап).

DOI 10.37386/2687-0592-2024-12-110-116
УДК 39+069(1-22)

В. С. Станиславских

Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул, Российская Федерация

Домовая и прялочная роспись русского населения Алтая в собраниях сельских краеведческих музеев (на примере краеведческого музея Залесовского района Алтайского края)

Аннотация. Статья посвящена обзору экспонатов краеведческого музея Залесовского района по теме домового и прялочного росписи русского населения Алтая. Автор прослеживает логику появления росписи на территории Среднего Причумышья, дает характеристику экспонатам Залесовского музея, а также показывает их ценность для научного исследования темы свободной кистевой росписи по дереву масляными красками. **Ключевые слова:** домовая и прялочная роспись, Алтай, урало-сибирская роспись, Залесовский район, сельский музей, Среднее Причумышье, старожилы, старобрядцы.

Значительную помощь в исторических исследованиях специалистам оказывают сельские краеведческие музеи. Экспонаты, хранящиеся там, хотя и малочисленны (относительно какой-либо определенной темы), иногда вовсе единичны, представляют большой интерес для науки. Случается так, что один или несколько предметов весомо дополняют картину исследования либо выводят научные изыскания на другой уровень, открывая новые факты и побуждая ученого к дальнейшему анализу. Так, ценность для науки представляют экспонаты сельских краеведческих музеев по домовому и прялочному росписи русского населения Алтая (земель бывшего Алтайского округа). На сегодняшний день больше всего экспонатов по данной теме среди сельских музеев Алтайского края хранится в музеях Заринского, Залесовского, Солонешенского районов. Уточним, что под определением «сельский музей» в данном случае мы понимаем муниципальные музеи краеведческой (историко-краеведческой) направленности, расположенные в селах — районных центрах края. Образцы домового и прялочного росписи краеведческих музеев Заринского, Солонешенского и ряда других районов края представлены в трудах искусствоведов, сотрудников Государственного художественного музея Алтайского края Л. В. Живовой, Н. П. Гончарик. В работах этих исследователей представлены материалы по результатам их экспедиций в районы края. В 1980-е гг. сотрудники музея (тогда еще Алтайского краевого музея изобразительных и прикладных искусств) совершали рабочие поездки в Залесовский район. В те годы в местной газете Залесовского района «Сельский новатор» выходили заметки, в которых исследователи выражали благодарность местному населению и призывали к дальнейшему сотрудничеству [1]. Однако ни в трудах искусствоведов, ни в работах этнографов, изучающих Алтай, не получили широкого освещения музейные экспонаты Залесовского района по теме домового и прялочного росписи. Информация

о нескольких экспонатах краеведческого музея по указанной теме представлена в статье «Традиционная культура старожилов Алтая и переселенцев. Аннотированный каталог Залесовского краеведческого музея» [2].

Автор настоящей статьи ставит целью осветить экспонаты, иллюстрирующие тему домового и прялочного росписи русского населения Алтая, хранящиеся в краеведческом музее Залесовского района (далее также — Залесовский краеведческий музей, Залесовский музей, музей), который сегодня официально является отделом «Районный краеведческий музей» муниципального бюджетного учреждения культуры «Многофункциональный культурный центр» Залесовского муниципального округа (до 2022 г. — района) Алтайского края [3]. В статье предпринята попытка не только дать характеристику предметам музея, но и оценить, насколько экспонаты районного музея способны помочь в изучении темы и с какими преимуществами или сложностями встречается исследователь, работая с такой категорией источников.

Краеведческий музей Залесовского района, об экспонатах которого идет речь, был открыт в 1982 г. Однако сбор предметов, вошедших в собрание музея, начался гораздо раньше даты его открытия. Большой вклад в формирование музейного собрания, в том числе в области этнографии, был внесен основателем и первым директором музея Михаилом Трифоновичем Коноваловым. На сегодняшний день основной фонд музея насчитывает около 10,5 тысяч экспонатов, из них примерно 2 тысячи — предметы этнографии [4].

Находится музей в административном центре Залесовского района — селе Залесово. В рамках рассматриваемой темы большой интерес представляет история заселения территории современного Залесовского района, прежде всего русским населением. Залесовский район был образован в 1924 г., в его состав вошли земли Залесовской волости, а также ча-

сти Талицкой и Елбанской волостей Черепановского уезда Новониколаевской губернии [5; 6, с. 102, 257]. Географически эти земли находятся на северо-востоке современного Алтайского края. Сегодня Залесовский район граничит не только с другими районами края (Тальменским, Первомайским и Заринским), но и с территорией других регионов — Новосибирской и Кемеровской областей. Другими словами, современный Залесовский район находится на территории Среднего Причумышья. Название территории связано с рекой Чумыш, правым притоком Оби. Природные условия и географическое положение Среднего Причумышья явились важнейшими факторами, повлиявшими на историю заселения и развития этих земель. Залесовский район богат лесными массивами. Больше половины его территории (восток и северо-восток) занимает черневая, или темнохвойная, тайга предгорий Салаирского кряжа. В центральной части и на юге района растут березовые и осиновые колки (небольшие леса). Эти далекие земли с уединенной природой издавна привлекали жителей страны.

В наши дни Залесовский район, как весь Алтайский край, является многонациональным административно-территориальным образованием. Здесь проживают белорусы, татары, армяне, украинцы, мордва и другие национальности. Однако в Залесовском районе, как во всем крае, численно преобладает русское население. Осваивать эту территорию русские начали еще в XVIII в. — в период заселения территории юга Западной Сибири, в том числе Алтая, выходцами из центральных и северных областей европейской части России, переселившихся ранее на Урал и в Сибирь. В науке русское население Сибири, в частности Алтая, принято делить на две большие этнографические группы (этнографические общности): старожилов и переселенцев. К старожилам относят тех поселенцев (и их потомков), кто пришел в Сибирь в период с конца XVI — до второй половины XIX в., к переселенцам — тех, кто селился здесь со второй половины XIX в. [7, с. 119–120]. Ориентиром для этого деления служит Положение 1865 г. «О водворении в Алтайский округ государственных крестьян», регламентировавшее правила перехода переселенцев на Алтай (по сути это было разрешение Кабинета его императорского величества массово переселяться на территорию Алтайского горного округа). По документальным свидетельствам, территория Среднего Причумышья активно начала заполняться переселенцами с 1880-х гг. Отметим, что в категорию старожилов и переселенцев Сибири входили не только русские, но и представители других национальностей. Если этнически старожилов составляли преимущественно из русских [8, с. 55], то среди переселенцев конца XIX — начала XX в., например, было много украинцев. В рамках данной статьи мы делаем акцент на истории и культуре русского населения Алтая, потому, говоря о старожилах и переселенцах Алтая, будем подразумевать русское население.

Этнографические общности старожилов и переселенцев, в свою очередь, делились на различные местные этнографические группы на основании географических условий проживания, сословного деления общества, конфессиональной и этнической принадлежности, языковых и психологических различий и других факторов [9, с. 111]. Разнообразие этнографического состава русского населения было характерно как для Сибири в целом, так и для территории Алтая, в том числе Среднего Причумышья. Значительную часть русского старожиловского населения Среднего Причумышья занимали старообрядцы разных толков поповских и беспоповских согласий. До настоящего времени память о старообрядческом прошлом Залесовского района хранят такие заметные учреждения, как храм во имя святителя Николы Чудотворца и дом-музей реконструкции быта старожилов-старообрядцев Среднего Причумышья. Оба учреждения находятся в селе Залесово, которое было основано старообрядцами, подобно ряду других сел на территории современного Залесовского района [10, с. 77]. Уединенная природа восточной предтаежной зоны Алтая привлекала старообрядцев возможностью скрыться от органов власти.

Старожилов Среднего Причумышья, в том числе старообрядцы, являлись зажиточной частью населения благодаря ориентации хозяйства на скотоводство и кустарные промыслы (в том числе связанные с обработкой древесины) в природных условиях, малопригодных для земледелия [11, с. 118–119] (из-за близости гор и наличия тайги для этой части Алтая характерны более низкая температура и высокая влажность при круглогодичных обильных осадках).

Природные особенности территории, входящей в современный Залесовский район (обилие древесины), элементы материальной и духовной культуры русских старожилов Алтая, перенесенные из мест выхода, специализация их хозяйства на промыслах, консервативный и бережливый образ жизни староверов, составлявших значительную часть населения рассматриваемых земель, позволили в прошлые века появиться и на некоторое время сохраниться здесь различным традициям русской культуры, в том числе традиции росписи по дереву. Безусловно, на формирование локального (алтайского) варианта урало-сибирской росписи — старинной крестьянской росписи по дереву масляными красками живописного типа в том виде, в котором она существовала на Алтае в период своего расцвета, в конце XIX — начале XX в., повлияла также культура переселенцев позднего периода из южнорусских губерний и с территории Украины. Переселенцы также были владельцами деревянных расписных предметов. Однако появление и сохранение данной традиции во многом было заслугой старожилов, в частности староверов. Потомками старожилов и переселенцев на территории современного Залесовского района были сохранены и переданы в Залесовский краеведческий музей некоторые предметы со

старинной крестьянской росписью по дереву масляными красками.

Всего на сегодняшний день в музее хранится двенадцать деревянных расписных предметов: семь прялок, туес, два умывальника, сундук и лагун. По собранной нами статистике, Залесовский музей является одним из немногих сельских музеев в Алтайском крае, где зафиксировано большое количество деревянных расписных изделий. Информацию о предметах, входящих в состав основного фонда музея, сегодня можно найти в электронной базе данных «Государственный каталог Музейного фонда Российской Федерации» (Госкаталог МФ РФ) [12].

Рассмотрим прялочную роспись. По конструкции все семь прялок являются лопастными, четыре из них – составные, три – корневые. Корневые прялки – цельные, изготовленные из одного куска дерева – части ствола и растущего перпендикулярно к нему корня. Корневые прялки, как правило, использовались в быту северо- и средневеликороссов [13, с. 486]. Как отмечает в одной из своих работ заместитель директора по научной работе (до 2017 г.) Алтайского государственного краеведческого музея (АГКМ) Ирина Васильевна Попова, во время формирования коллекции АГКМ (в собрание которого входят предметы из разных районов края) корневые прялки чаще всего встречались в Залесовском районе [14, с. 6].

Составные прялки отличаются от корневых тем, что их части вырезаны из разных кусков дерева и соединяются между собой. Причем среди составных прялок Залесовского музея мы видим прялки токарные (ножки выполнены на токарном станке), как двухчастные (состоящие из двух частей – лопасти с ножкой и донца), так и трехчастные (состоящие из трех частей: лопасти, ножки, донца). Трехчастные составные прялки являлись более поздним вариантом, встречались в севернорусских, уральских и сибирских районах [15, с. 15–16].

По форме лопастей (лопасок) все прялки трехрожковые, с вогнутыми плечиками, т. е. верх и низ лопаски прялки имеют по два полукруглых выреза. Такая форма лопасок наиболее часто встречается на территории Алтая. Породы деревьев, из которых изготовлены прялки Залесовского музея, не зафиксированы. Как отмечают исследователи, на Алтае прялки обычно изготавливали из березы, ели и кедра [14, с. 6].

Из семи прялок Залесовского музея роспись неплохо сохранилась и просматривается на шести. На составной прялке, датированной первой половиной XX в., краска почти не сохранилась, видны лишь следы росписи, композицию рассмотреть невозможно [16]. Вероятно, до передачи на хранение в музей прялка находилась в не подходящих для нее условиях. Дело в том, что древесина и масляная краска являются довольно уязвимыми материалами, зависящими от условий окружающей среды. Поэтому сегодня музейные работники создают специальные условия (нужная температура, влажность воздуха) для

хранения деревянных предметов с росписью. Возможно также, что при декорировании прялки мастером была нарушена технология нанесения росписи.

Рассмотрим роспись на остальных шести прялках. Роспись располагается на лопасках прялок. Донца прялок на Алтае иногда окрашивали, но росписью не покрывали, ножки прялок также могли окрашивать, изредка расписывали мелкими мотивами. В данном случае на всех шести предметах мы видим вертикально выстроенные композиции растительного и растительно-орнитоморфного характера. Каждая композиция прямо или косвенно передает образ самого распространенного на Алтае мотива росписи – дерева (деревя) жизни. В этот образ наши предки вкладывали и идею трехчастности мироздания, и идею судьбы человека сквозь призму родственных связей. В прялочной росписи данный мотив был удобен еще и тем, что соответствовал прямоугольной плоскости лопасти прялки. Например, корневая прялка конца XIX в., или, как такие прялки называли на Алтае переселенцы с Русского Севера, прясница/пресница [14, с. 6], имеет роспись лопаски в виде вертикально расположенных друг над другом трех крупных цветков, с второстепенными мотивами в виде круглых ягод слева, справа и сверху относительно линии из цветков. Также над цветками напротив друг друга изображены две птицы [17]. Очевидно, что эта композиция обозначает дерево жизни с сидящими на его вершине птицами. На оборотной, рабочей стороне прялки, куда пряха привязывала кудель во время работы, красочный слой почти не сохранился. Предположительно в нижней части оборотной стороны лопаски данной прялки роспись была, так как здесь просматриваются следы краски и контур цветка, похожего по манере написания на цветки с лицевой стороны лопаски.

Похожие друг на друга композиции имеют три прялки, датированные первой половиной XX в. [18; 19; 20]. На первый взгляд может показаться, что роспись на лицевых сторонах лопасок этих прялок имеет центрическую композицию, так как основным элементом изображения в каждом из трех примеров – крупный цветок, расположенный в центре полотна лопаски. Оставшееся свободное пространство в каждом случае заполняют второстепенные мотивы в виде птиц, цветов, листьев, ягод в разном сочетании. Однако при детальном рассмотрении становится понятно, что две половины композиции зеркально симметричны относительно вертикальной оси. Таким образом, эти три примера иллюстрируют один из вариантов изображения дерева жизни (рис. 1).

В композициях росписи, присутствующей еще на двух прялках, образ дерева жизни просматривается наиболее явно. В одном случае расположенные по оси симметрии цветы и листья соединены приписками в виде веточек, что дает целостный образ цветущего куста с птицей на вершине. В другом случае на образ цветущего дерева указывает схематично изображенный вазон у основания композиции. Схожи эти два примера прялочной роспи-

Рис. 1. Прялка. Первая половина XX в. Отдел «Районный краеведческий музей» МБУК «МФКЦ» Залесовского муниципального округа Алтайского края (ЗРКМ ОФ 6407). ПМА.

си яркостью, пышностью, реалистичностью и значительной долей графичности изображения. На лопаске одной из двух прялок ярко продемонстрирован технический прием, характерный для урало-сибирской росписи, – техника двойного мазка (разбел). Благодаря ему изображение выглядит пышным, объемным, нарядным. В данном случае также хочется отметить художественный талант мастера. Каждый мотив композиции прорисован очень ловко, точно, аккуратно, выглядит реалистично, но в манере свободной кистевой росписи [21]. Роспись на второй прялке еще более графична, вплоть до мелких деталей. Здесь мы видим не разбел, а скорее обводку мотивов светлой краской. Реалистично и подробно прорисованы птицы на вершине дерева. Обращает на себя внимание фантазия мастера, который изобразил листья дерева похожими на крылья птиц [22].

Оборотная сторона лопасок всех шести прялок декорирована классическим для прялочной росписи Алтая образом: основная часть оборотной стороны лопаски, куда прикреплялась кудель, остается нерасписанной, часто неокрашенной. Уменьшенный вариант композиции с лицевой стороны лопаски, фрагмент композиции или несколько мотивов из нее помещены в нижнюю часть рабочей стороны лопаски. В некоторых случаях края оборота лопаски

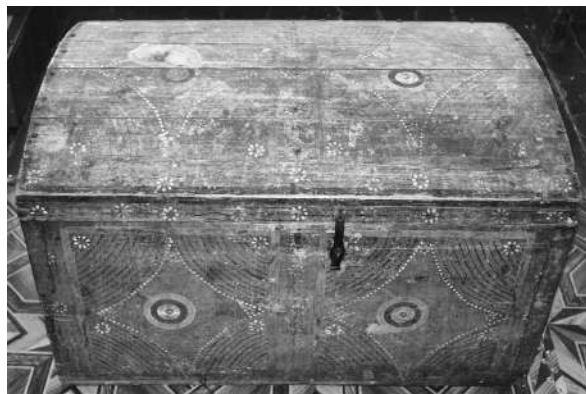

Рис. 2. Сундук. Первая половина XX в. Отдел «Районный краеведческий музей» МБУК «МФКЦ» Залесовского муниципального округа Алтайского края (ЗРКМ ОФ 6968). ПМА.

по периметру обрамлены узором-рамкой из мотивов либо прямых или волнистых линий.

В целом роспись на прялках в собрании краеведческого музея Залесовского района соответствует локальному варианту урало-сибирской росписи, распространенному на Алтае, по ряду признаков. К этим признакам относятся:

- материалы изделия (дерево, масляные краски);
- свободная манера росписи без разметки и четкой симметрии;
- составление композиций из растительных и растительно-орнитоморфных мотивов;
- прием двойного мазка;
- оформление краев лопаски узором-рамкой, отличающимся по цвету от цвета фона росписи;
- яркая цветовая гамма росписи, где фон контрастирует с цветом мотивов росписи. Так, четыре из шести рассмотренных расписных прялок имеют фон росписи разных оттенков красного цвета (от охры до коричневого) – это один из самых распространенных цветов фона в урало-сибирской росписи на Алтае. Две прялки имеют темный фон. Мотивы написаны разными оттенками красного, черного, желтого, синего, зеленого цветов. Цвета мотивов в каждом образце контрастируют с цветом фона росписи, благодаря чему изделие выглядит ярким, нарядным.

Среди деревянных предметов с росписью в состав основного фонда музея, помимо рассмотренных прялок, входят: берестяной туес, деревянный умывальник, изготовленный по типу лагуна, и деревянный сундук. Роспись на туеске [23] и умывальнике [24] почти полностью утрачена. Просматривается только цвет фона росписи (зеленый на туеске и охристый на умывальнике).

Расписные сундуки, сохранившиеся до наших дней, в музеях Алтайского края встречаются нечасто. Обычно они декорированы следующим образом: на каждой стороне внешней поверхности сундука изображены квадраты или ромбы с вписанными в них растительными мотивами. На наш взгляд, такая композиция – это своего рода имитация внешнего вида сундука, обитого металлом. Де-

Рис. 3. Умывальник. Из старых поступлений, время и место создания неизвестны. Отдел «Районный краеведческий музей» МБУК «МФКЦ» Залесовского муниципального округа Алтайского края. ПМА.

ревянный сундук, хранящийся в Залесовском музее, был изготовлен в первой половине XX в. [25]. Передняя стенка сундука и внешняя поверхность откидной крышки покрыты краской красно-охристого оттенка. На каждой плоскости окрашенных поверхностей сундука изображены по две большие рамы зеленого цвета, образующие на поверхностях по два квадрата. В каждый квадрат вписан рисунок в виде

Рис. 4. Лагун. Из старых поступлений, время и место создания неизвестны. Отдел «Районный краеведческий музей» МБУК «МФКЦ» Залесовского муниципального округа Алтайского края. ПМА.

нескольких concentрических окружностей в центре квадрата и орнамента, декорирующего углы квадрата и напоминающего мотив-занавес, состоящий из нескольких рядов волнистых линий. Края занавеса обрамлены рядами белых точек, образующих ромбы из пустого пространства внутри квадратов. При этом мотивы занавеса четырех ближайших друг к другу углов разных квадратов образуют вид concentрических окружностей. Также по поверхности сундука произвольно, в квадратах и за их пределами, изображены маленькие белые, желтые и синие цветы. Такой затейливый орнамент сундука мы также расцениваем как вариант орнамента свободной кистевой росписи Алтая. Видно, что роспись нанесена от руки, без разметки и четкой симметрии (рис. 2).

В фондах Залесовского музея на временном хранении находятся также еще один деревянный расписной умывальник (рис. 3) и деревянный расписной лагун (рис. 4). В росписи этих предметов хорошо видна манера письма кармацких (тюменских) красильщиков. Такая манера часто встречается на территории Алтая. В данных двух примерах на охристом фоне изображены несложные композиции из белых, синих, зеленых, красных цветов, ягод, листьев, выполненные в технике разбела. Каждый мотив написан одним отрывистым мазком или поворотом кисти вокруг своей оси. Рисунок получается схематичным, простым, по-детски наивным, но при этом пышным, ярким и забавным. Отсылка к тюменским мастерам здесь не случайна. К слову, некоторые композиции рассмотренных в данной статье образцов прялочной росписи во многом напоминают кунгурскую роспись Урала. Кармацкая и кунгурская роспись, бытовавшие на Урале и в Сибири, также являются локальными вариантами урало-сибирской росписи. Схожи уральские локальные варианты и алтайский локальный вариант урало-сибирской росписи потому, что технологические основы их создания были занесены на Алтай и распространены здесь уральскими мастерами. На Алтае не было зафиксировано центров, где массово создавали бы расписные деревянные предметы быта и обучали этому промыслу. Дома, мебель, бытовую утварь здесь расписывали красильщики-отходники с Урала и местные мастера, обучившиеся у пришлых красильщиков, а также местные жители, повторявшие увиденные образцы урало-сибирской росписи.

Для установления деталей и обстоятельств появления домовй и прялочной росписи на Алтае, а также для лучшего понимания сути этой традиции и логики ее дальнейшего развития ценной является информация об этнической и конфессиональной принадлежности владельцев предметов с росписью (до момента передачи этих предметов в музей), о территории их проживания. Однако часто при приеме предметов на хранение в музей подобная информация не фиксировалась. Особенно это касается сельских музеев. Дело в том, что сельские музеи Алтайского края получили юридическое оформление только в 1990-е гг. До этого времени они ра-

ботали на общественных началах, и собрание экспонатов формировалось стихийно, без выяснения и фиксации в фондовой документации подробностей о происхождении предметов. Теперь, как правило, предметы хранятся с пометкой «из старых поступлений». В Залесовском музее в большинстве случаев в информации о предметах с росписью зафиксированы фамилии сдатчиков или бывших владельцев предметов. Например, в описании одной из прялок указано, что она была подарена Л. А. Малахевич, принадлежала ее матери. В документации по данному предмету также стоит пометка «старожилы». Другая прялка подарена И. Ф. Мутовкиной (немкой по происхождению), принадлежала ее матери. Более подробную информацию о том, в какой среде и при каких обстоятельствах была изготовлена прялка с росписью, установить сложно, так как мы не знаем ни фамилии матери И. Ф. Мутовкиной, ни места, где она проживала. Несколько предметов переданы в музей семьей Батискиных. На донце одной из прялок даже зафиксировано имя владельца — «Батискина Полина Андреевна». На оборотной стороне лопасти этой прялки указан год ее изготовления — 1927 [18]. Указание года изготовления на алтайских прялках встречается, но крайне редко. По нашим наблюдениям, такая практика существовала в более поздний период бытования росписи, так как обычно указаны даты первой половины XX в. При изготовлении прялки мастер также мог написать свое имя или имя человека, для которого предназначалось изделие. Однако в данном случае есть предположение, что имя владелицы было указано позже времени изготовления прялки. По данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи населения 1917 г. нами было найдено несколько человек по фамилии Батискин, проживавших в Боровской и Ребрихинской волостях Барнаульского уезда [26; 27; 28]. Все они указаны как переселенцы из Саратовской губернии, по национальности — великоруссы, т. е. русские. Являются ли они родственниками Полины Андреевны, мы утверждать не можем.

Таким образом, как мы видим, в краеведческом музее Залесовского района хранится значительное количество деревянных предметов, декорированных

старинной крестьянской росписью по дереву масляными красками. По времени, материалам, технологии изготовления и внешним особенностям (цветовая гамма, характер мотивов, виды композиций) роспись на экспонатах Залесовского музея соответствует локальному варианту урало-сибирской росписи, бытовавшему на Алтае в прошлых столетиях. Наличие расписных предметов на территории Залесовского района, их количество и происхождение некоторых экспонатов, внешний вид образцов росписи подтверждают гипотезу о том, что эта традиция имеет русские корни и была занесена на Алтай старожильческим населением из северных и центральных районов Европейской России через Урал и территорию Сибири. Типичные и малохарактерные для Алтая образцы дополняют общую картину бытования традиции крестьянской росписи по дереву масляными красками на юге Западной Сибири, ставят перед исследователями задачу анализа, обобщения и классификации накопленного материала. Несмотря на ограниченную информацию о происхождении некоторых расписных предметов, данная часть собрания краеведческого музея Залесовского района в целом и каждый из образцов росписи по отдельности имеют большую историческую и научную ценность, открывая для исследователей новые перспективы изучения темы старинной крестьянской росписи Алтая.

V. S. Stanislavskikh

House and spinning wheel painting of the Russian population of Altai in the collections of rural local history museums (on the example of the Museum of local lore of the Zalesovsky district of the Altai Territory)

Abstract. The article is devoted to the review of exhibits of the local history museum of the Zalesovsky district on the theme of painting houses and spinning wheels of the Russian population of Altai. The author makes an attempt to trace the logic of the appearance of the painting on the territory of the Middle Prichumyshye, to characterize the exhibits of the Zalesovsky Museum, as well as to identify their value for scientific research on the topic of free brush painting on wood with oil paints. **Keywords:** house and spinning wheel painting, Altai, Ural-Siberian painting, Zalesovsky district, rural museum, Sredny Prichumyshye, old-timers, Old Believers.

Источники и литература

1. Гончарик Н. П. Работает экспедиция // Сельский новатор. Залесово, 1987. 25 июня.
2. Клокова Л. И. и др. Традиционная культура старожилов Алтая и переселенцев. Аннотированный каталог Залесовского краеведческого музея // Залесовское Причумышье: очерки истории и культуры / науч. ред. Т. К. Щеглова. Барнаул, 2004. С. 272–297.
3. Положение об отделе «Районный краеведческий музей» МБУК «МФКЦ» Залесовского района // Официальный сайт отдела «Районный краеведческий музей» муниципального бюджетного учреждения культуры «Многофункциональный культурный центр» Залесовского муниципального округа Алтайского края [Электронный ресурс]. URL: <https://zalesovo-muzei.wixsite.com/22888/normativno-pravovye-akty> (дата обращения: 16.10.2024).
4. ПМА 2024 г.: Залесовский район, с. Залесово. Отдел «Районный краеведческий музей» муниципального бюджетного учреждения культуры «Многофункциональный культурный центр» Залесовского муниципального округа Алтайского края.
5. Начало пути // Сельский новатор [Электронный ресурс]. URL: <https://s-nowator.ru/rajon/society/nachaloputi/?ysclid=m2ifwzx360782090030> (дата обращения: 16.10.2024).
6. Справочник административно-территориальных изменений на Алтае, 1917–1980 / Исполком Алт. краевого совета нар. депутатов, Арх. отд., Гос. архив Алт. края. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1987. 358 с.

7. Щеглова Т. К. Русское население Алтайского края: состав, формирование, численность // Краеведческие записки / Управление Алтайского края по культуре, Алт. гос. краевед. музей. Барнаул, 2009. С. 119–134 [Электронный ресурс]. URL: <https://etnografy.altspu.ru/files/ScheglovaTK/Русское%20население%20Алтайского%20края%20состав,%20формирование,%20численность.pdf> (дата обращения: 16.10.2024).
8. Щеглова Т. К. Этапы формирования этнического и этнокультурного состава населения Алтая в контексте перманентных переселений и миграций XVIII–XXI столетий // Ученые записки Алтайского государственного института культуры. 2017. № 1. С. 54–62.
9. Щеглова Т. К. Русское население Алтайского края: этнокультурное многообразие и идентичность // Народы Евразии. Этнос, этническое самосознание, этничность: проблемы формирования и трансформации. Новосибирск, 2005. С. 111–124 [Электронный ресурс]. URL: <https://etnografy.altspu.ru/files/ScheglovaTK/Русское%20население%20Алтайского%20края%20этнокультурное%20многообразие%20и%20идентичность.pdf> (дата обращения: 16.10.2024).
10. Старухин Н. А. Из истории старообрядчества и старообрядческих согласий Залесовского района // Залесовское Причумышье: очерки истории и культуры / науч. ред. Т. К. Щеглова. Барнаул, 2004. С. 77–90.
11. Щеглова Т. К. Очерки по сельской архитектурно-застройочной среде, жилищно-бытовой и сакрально-художественной культуре Среднего Причумышья // Залесовское Причумышье: очерки истории и культуры / науч. ред. Т. К. Щеглова. Барнаул, 2004. С. 118–158.
12. Реестр музейных предметов муниципального казенного учреждения культуры «Залесовский районный краеведческий музей» Залесовского района Алтайского края // Госкаталог МФ РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/museums?id=1252> (дата обращения: 16.10.2024).
13. Лебедева Н. И. Прядение и ткачество восточных славян в XIX – начале XX в. // Восточнославянский этнографический сборник. Очерки народной материальной культуры русских, украинцев и белорусов в XIX – начале XX в. М., 1956. С. 461–540.
14. Роспись по дереву. Из собраний музеев Алтайского края: каталог / сост. И. В. Попова. Барнаул: Алтайский дом печати, 2014. 44 с.
15. Бернштам Т. А. Прялка в символическом контексте культуры (по русским памятникам в музеях) // Из культурного наследия народов Восточной Европы. СПб, 1992. С. 14–43.
16. Прялка. Первая половина XX в. ЗРКМ ОФ 7390 // Госкаталог МФ РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://goskatalog.ru/portal/?ysclid=m2iftm2rn7653943652#/collections?id=11773897> (дата обращения: 20.10.2024).
17. Прялка корневая (прясница). Дерево, масляная краска, столярная работа, роспись. Конец XIX в. ЗРКМ ОФ 184 // Госкаталог МФ РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://goskatalog.ru/portal/?ysclid=m2iftm2rn7653943652#/collections?id=3683910> (дата обращения: 20.10.2024).
18. Прялка. Дерево, резьба, роспись, кустарная работа. Первая половина XX в. ЗРКМ ОФ 6407 // Госкаталог МФ РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://goskatalog.ru/portal/?ysclid=m2iftm2rn7653943652#/collections?id=9229694> (дата обращения: 20.10.2024).
19. Прялка. Дерево, резьба, роспись. Первая половина XX в. ЗРКМ ОФ 368 // Госкаталог МФ РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://goskatalog.ru/portal/?ysclid=m2iftm2rn7653943652#/collections?id=8956582> (дата обращения: 20.10.2024).
20. Прялка. Дерево, резьба, роспись. Первая половина XX в. ЗРКМ ОФ 6391 // Госкаталог МФ РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://goskatalog.ru/portal/?ysclid=m2iftm2rn7653943652#/collections?id=9228612> (дата обращения: 20.10.2024).
21. Прялка корневая (прясница). Дерево, масляные краски, столярная работа, художественная роспись. Начало XX в. ЗРКМ ОФ 183 // Госкаталог МФ РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://goskatalog.ru/portal/?ysclid=m2iftm2rn7653943652#/collections?id=3682942> (дата обращения: 20.10.2024).
22. Прялка корневая. Дерево, резьба, роспись. Первая половина XX в. ЗРКМ ОФ 7055 // Госкаталог МФ РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://goskatalog.ru/portal/?ysclid=m2iftm2rn7653943652#/collections?id=11771518> (дата обращения: 20.10.2024).
23. Туес. Береста, кустарная работа. Начало XX в. ЗРКМ ОФ 207 // Госкаталог МФ РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://goskatalog.ru/portal/?ysclid=m2iftm2rn7653943652#/collections?id=3684054> (дата обращения: 20.10.2024).
24. Умывальник. Дерево, столярная работа, роспись масляными красками. Конец XIX в. ЗРКМ ОФ 143 // Госкаталог МФ РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://goskatalog.ru/portal/?ysclid=m2iftm2rn7653943652#/collections?id=3685230> (дата обращения: 20.10.2024).
25. Сундук. Дерево, жость, кустарная работа. Первая половина XX в. ЗРКМ ОФ 6968 // Госкаталог МФ РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://goskatalog.ru/portal/?ysclid=m2iftm2rn7653943652#/collections?id=9226545> (дата обращения: 20.10.2024).
26. ГААК. Ф. 233. Оп. 5. Д. 149. Л. 125–126.
27. ГААК. Ф. 233. Оп. 5. Д. 149. Л. 147–148.
28. ГААК. Ф. 233. Оп. 1. Д. 257. Л. 39–40.

DOI 10.37386/2687-0592-2024-12-117-120

УДК 39(571.151)=161.1

Н. И. Шитова*Гимназия № 3, г. Горно-Алтайск, Российская Федерация***Новогодние гадания у русских Горного Алтая (вторая половина XX в.)**

Аннотация. Работа посвящена изучению народных гаданий, традиционных для празднования Новогодья. В изучаемый период они были приурочены, как правило, к старому Новому году. На основе полевых материалов автора представлены разнообразные способы гадания с использованием петухов и куриц, различных предметов (кольца, полена, камней, ниток и т. п.), гаданий на сон и основанных на вере в магию слова. В работе уделено внимание гаданиям не только незамужних девушек, но также парней и замужних женщин. **Ключевые слова:** *Календарные обычаи и обряды, Святки, старый Новый год, Горный Алтай, русские*

Будучи неотъемлемой частью зимних календарных обрядов, гадания традиционно интересовали исследователей русских крестьян Сибири и Алтая [1; 2]. Как свидетельствуют полевые материалы автора, в советский период в районе исследования продолжали бытовать обычаи и обряды, связанные с периодом Новогодья (Рождество, Новый год, Крещение) [3]. Настоящая работа посвящена характеристике новогодних гаданий, бытовавших во второй половине XX в. в Горном Алтае. Работа основана на полевых материалах автора, собранных в 2010-е гг. на территории Майминского, Турочакского, Чойского районов Республики Алтай и в г. Горно-Алтайске.

С церковной точки зрения, гадания – дело греховное. Старообрядцы и глубоко верующие последователи Русской православной церкви к гаданиям относились отрицательно. По этой причине некоторые наши собеседницы в молодости погадать так и не решились: «Я таким делом не занималась. Я вообще боязливая очень была». Прежде всего, гадать было страшно: «Просто боялись, она еще ворожба такая была...» [4]. В то же время в советский период к святочным шуликанам и гаданиям зачастую относились как своеобразному развлечению. Так, например, А. В. Федорова вспоминала: «У нас всегда собирались – парни, девчонки, и близкие, одноклассники там. Гадали на блюдце, на колечко. Молодежь – смешно и весело. Да и валенки кидали через ворота... Гадание – хиханьки да хаханьки» [5].

Как отмечает Е. Ф. Фурсова, основным периодом гаданий считались двенадцать дней святок, из которых особенно выделялся новогодний вечер [1, с. 115]. По нашим материалам, в советский период время под старый Новый год было самым излюбленным для гаданий. При этом гадать было можно в течение всех Святок, некоторые наши собеседники сообщали, что гадали с Рождества до старого Нового года: «с седьмого по четырнадцатое гадали». Отдельные информанты в 1980-е гг. сообщали о том, что гадали под Рождество [6].

Считается, что этим занимались прежде всего девушки. При этом наши информанты утверждали, что интересно было гадать и парням: «Парнишки тоже гадали. По забору считали» [7]. Юноши могли обхватывать забор, хватать полешки, гадать на блюдце или колечке, а также с использованием петуха и ку-

рицы. А. В. Федорова вспоминает об участии молодых людей в гаданиях на домашней птице: «И парни вместе с нами ждали. Было весело-весело. И кур заносили, и петухов заносили» [5].

Парни были также активными участниками святочных шуток: утаскивали брошенные валенки, пугали девушек, занятых гаданием. Об одном из таких случаев вспоминает Л. И. Бородулина: «Сидим ворочим в бане. Гладенький камушек попадетсЯ или не гладенький. И парняги взяли, штаны сняли, и в окошечко: о-о! Ну вот, а мы думаем, кто там. А у нас свечечка горит. Ну и видно, что-то там шевелится. Мы как... с этой бани. Какой черт!» [4].

Е. Ф. Фурсова подразделяет гадания на следующие типы: 1) вещие сны; 2) вещие звуки и слова; 3) вещие действия (животных, птиц), положения ритуальных предметов [1, с. 117]. В Горном Алтае бытовали гадания, относящиеся к этим типам. У девушек особенно популярным было гадание с кольцом (в различных вариантах), загадывать на сон, задавать вопросы под окнами («Кто жених?»), гадать при помощи домашней птицы (петухи и курицы), бросать валенки, жечь нитки. Распространены были народные «спиритические сеансы» – гадания на блюдце, также гадания на камешках, обхватывание забора, гадание с использованием конской упряжи.

При гаданиях с колечком у старших просили венчальное кольцо. Гадать могли с использованием воды и кольца; воды, кольца и зеркала, а также зеркала, кольца и подвенечной шали. При использовании воды и кольца смотрели в опущенное в воду колечко: «Колечко это спускается в воду святую. Только чистый стакан надо было... И кольцо подвенечное спускается, ну, подвенечное, в котором венчался, кольцо. Спускается, ну и загадываешь. И смотришь тихо-тихо. Все это появится там тебе. Увидишь... Видели жениха, колечко у стариков просили» [7]. Суженого пытались увидеть и глядя в отражение колечка через зеркало: «В воду кольцо спускали и как-то тоже через зеркало смотрели. Я вот помню, что вроде как человек какой-то появился в этом кольце» [5]. Особенно страшно было гадать без использования святой воды: «А зеркало наставишь, и это. Кольцо обручальное. Ну и увидишь своего. Ну, к зеркалу это поставишь – вот это вот колечко и зеркало. И в зеркало это кольцо отражается. Вот видишь свое-

го жениха, в колечке увидишь. Если таким вот большой он стал, чуть ли не... Ну, большенький... Увидишь черты лица — скорее закрывай. Тут шаль венчалась была. Скорее колечко закрывай. А если ты... [промедлишь], то черти тут тебя удавят. Это страшно. Вырастет она, она может вообще большая, и тогда не знаю, что будет» [4].

Замужние женщины гадали об особенностях жизни с мужем. М. А. Осокина рассказывала собирательницам фольклора: «В 12 часов ночи под Рождество раздеться, выйти на улицу и упасть в чистый рыхлый снег. Если после этого на теле появятся пятна или полосы — то в будущем году муж будет бить, а если нет, то будешь жить хорошо» [6].

Во время войны, в случаях, когда долго не было вестей с фронта, в Святки женщины гадали о судьбе мужей (вернутся ли домой, живы ли). Для этого использовались гадания с кольцом, зеркалом и водой. Кольцо погружали в стакан с водой, кольцо крутили и приговаривали. Так, например, женщины видели в зеркале, как муж спускался по вниз лестнице, и оставалась последняя ступенька, или же могилу, которую окружали пеня и упавшая береза. Увидев плохое, женщины торопились опрокинуть, перевернуть зеркало с целью предотвратить несчастье: «Если видишь плохое, надо зеркало опрокинуть, чтоб плохого не случилось». По рассказам информантов, такие печальные гадания сбывались: «Похоронка пришла, и она в зеркало видела» [8]. Во время войны гадали также на печке, задавая в трубу вопрос и растапливая печь (если печка разгоралась хорошо — это к добру): «Цыганка научила маму. Печку затопляешь, наклонялась в трубу, спрашивала: „Придет ли живой мой Николай?“ Сильно разгорится — положительный результат» [9].

В Святки молодежь любила задавать вопросы под окнами: «Ну вот, подойдут к окошку, стучат. В окошко и спрашивают: кто у меня будет жених? Но ты вот отвечаешь. Какую-нибудь фамилию скажешь»; «По деревне бегали... Спрашивали, кто жених. Кто тут че наскажет нам. Ну, хозяйева ответили, Ванька ли, Манька ли» [4]. Как считают информанты, такие гадания сбывались. Об одном из таких случаев вспомнила А. Г. Табышкина: «Старый Новый год подойдет — устанешь. Так и кричат: „Кто у меня жених?“ То мама, то мы крикнем. Опять: кто? Я своей тетке говорю: дед Шведов. И как раз дед Шведов ее был свекр. И она потом за его взамуж, и мне потом: ты мне, говорит, наколдовала» [10].

Известным святочным гаданием-забавой являлось бросание валенок. Вместо валенок могли использовать другую обувь, например калоши [6]. Зачастую парни подшучивали и утаскивали брошенные девушками валенки: «Валенки кидали, загадывали, а мальчишки воровали». В некоторых случаях они, наоборот, помогали вернуть неудачно заброшенную обувь: «Нинка валенок бросила через дом. Через баню перекинула, и он не мог совсем оттуда свалиться. Крыша-то полога была, там остался. Она придет — Ленька, Ленька, пожалуйста, достань. Он

где-то под крышей залез. Раз... Она прыгает на одной ножке. Возьмет валенки и отдаст» [7].

Популярностью пользовались гадания, при которых определяли, гладок или нет случайно выбранный предмет: «В баню бегали, камни хватали» [11]. Чаще всего это были поленья и камешки на каменке в бане: «Полено ровное — значит, у тебя жених будет хороший, славный, добрый, а с сучком — так...» [12]; «Поленницу замеришь и берешь оттуда. Если гладенько полешко — хороший мужик, не корявый будет. Если какие-нибудь там сучки — такой мужик будет» [7]. При использовании полешков гадание могло сочетаться со святочным хулиганством и воровством: «А дрова, если на улице, все растащут. Смотрят: корявый будет или не корявый, драчун ли» [10]. Л. И. Бородулина вспоминала: «Полено тоже вот воровали, чтоб тоже гладенький. Столь наворуешь по деревне этих поленьев, что вообще... Все воруют, и мы воровали. Человек 15–20 нас ватага ходила. Вот представь, какая поленница» [4]. В бане гадали не только на камешках, но и на пар: «В бане на каменку плескашь — зашипит — злой муж, не зашипит — спокойный» [4].

Широко распространены были гадания на нитках, которые могли предварительно обрабатывать воском, а позже парафином. Это было коллективное женское гадание, при помощи которого определяли последовательность, с которой участвующие в гадании выйдут замуж. Л. И. Бородулина вспоминала: «Еще гадали — ниточку прикрепляли. Вот ты девка, я девка, там еще какая-то. Вот за кого-то зацепим, и подожгешь эту. Парафином сделаешь, парафином эту ниточку протрешь, и чья ниточка вперед сгорит, та и девушка вперед замуж уйдет» [4]. В нескольких трансформированной, приспособленной к бытовым условиям форме такое гадание практиковалось и в студенческих общежитиях г. Горно-Алтайска. При этом на спинку кровати подвешивали нитки (если одной спинки не хватало, нитки продолжали привязывать к следующей), выравнивали их по длине, и каждая девушка поджигала свою нитку. Как рассказывают, такое гадание сбывалось: «Правда получалось: чья быстрее сгорит — та быстрее замуж. Четвертая сгорела, и четвертая замуж вышла» [8].

В случаях гадания на сон подразумевалось, что во сне должен присниться суженый. Для этих гаданий использовались различные предметы. Часто забирали косу на замок, прикрепляя ее к спинке кровати, или просто клали рядом замочек. Могли также делать символический колодец, например из спичек, и символически запирали его: «Замок поставь, дужечки замкни: кто придет если воду брать... Парень какой-то пришел, хватит меня за руки, я как помню» [7]. Гадали на сон, сея под подушку пшеницу: «Пшеницу сеяли под подушечкой. Возьмешь горсточку пшенички и посеешь на старый Новый год. Если замуж выйдешь, то ты... пшеница родится такая и жених тут у тебя появится: Увидишь сон: если девушка уже созрелая, то пшеница прямо, и придет суженый твой вместе убирать эту пшеницу» [4]. С ело-

вой веточкой гадали в Святки под понедельник, подкладывая ее под подушку, приговаривали: «Ложусь на понедельник, / кладу в изголовье ельник. / Приснись тот, / кто про меня думает» [12]. Также под подушку подкладывали мостик, сооруженный из лучинок: «Вот так два полешка положишь. Вот кто по этому мостику, тот твой. И приговаривали: „Кто жених мой будет, тот мне суженый, тот мне и приснись во сне“» [7]. В правдивость гаданий на сон верили: «Вот он приснится во сне, и никуда не убежишь потом. Корявый так корявый, драчун так драчун» [7].

При гаданиях с петухом или с курицей и петухом перед птицами ставили воду, зерно, зеркальце, иногда уголек: «Налить в тарелку или в сковороду, чтоб он видел воду, петух. Зерно. Зеркало это вот рядом поставит» [7]. По поведению птиц определяли, каким будет жених, или невеста, или взаимоотношения в супружеской паре: «Всегда найдутся такие парнишки... Сашу помню. Вот на него загадали, петуха-то пустили. Он давай, петух, хорохориться перед зеркалом» [5]. М. А. Осокина рассказывала: «Если петух будет пить воду – значит, муж будет пьяница, если будет клевать зерно – муж будет богатый, наступит на ключи – будет начальником» [6].

А. Г. Яндыкова рассказывала: «Ну, петуха я принесла. Она курицу поймала свою, принесла. И вот теперь надо узнать, будет муж меня бить или нет – замуж выйду. А вот он ходит, ходит, петух, клюет, опять уйдет, клюет, опять уйдет. Ну-ка, у тебя посмотрим, какой будет. Раз курочку, и на курочку. Потоптал, потоптал. Опять попил воду, и ушел за занавеску, залез, притих и сидит там. Я говорю: «У, у тебя пьяница будет, долбить тебя будет, и ребятишек много... И, правда, у нее шестеро детей, а у меня одна... Как сойдемся, бывало, хохочем – но ведь правда шесть детей ему нарожала» [7]. С использованием домашней птицы гадали также, заходя в полной темноте в курятник, при этом пятились задом. Если девушка хватала петуха – это было к замужеству: «В курятник лазили. Тогда же полно было кур, и петухи. Обязательно задом заходить и хватать надо, повертывались, и не смотреть на кур. Если петухаймаешь, замуж выйдешь» [9].

При гадании с использованием конской упряжи девушки стремились ловко пролезть через дугу, что сулило замужество: «Мы гадали – дуги воровали у мужиков (кони запрягаются), и туда прыгали девчонки. На пол положили его, поставили. И пролазили. Кто задел, значит, замуж не выйдет» [4]. Бытовали и гадания, основанные на особых представлениях о первом встречном: выходили на улицу в поисках первого встречного, имя которого, предполагалось, и было именем суженого.

Гадание с блюдцем можно назвать народным «спиритическим сеансом»: «Бумагу стелили, на бумаге рисовали стрелочки, блюдце крутили (само поворачивалось), на блюдце стрелочку рисовали» [9]. На изнаночной стороне кухонной клеенки или на бумаге чертили углем три концентрических круга. На внешнем круге рисовали цифры до 10, на сле-

дующем – алфавит, внутрь маленького круга помещали перевернутое блюдце с нарисованной на нем стрелочкой. Собравшиеся вызывали дух умершего родственника или известного человека (например, А. С. Пушкина) и задавали ему вопросы. Один из студентов сообщал автору, что участвовал в таком гадании, при этом сначала, для проверки, задавал «контрольные вопросы».

О том, сколько они родят детей, девушки гадали, всматриваясь в месяц. При упорном разглядывании месяц начинал раздваиваться, точнее, множиться. Количество увиденных «размноженных» месяцев указывало на количество детей: «На месяц под Новый год долго смотришь – несколько месяцев. Сбывалось» [14]. Старый Новый год был временем не только гаданий, но и загадывания желаний: «Вот под старый Новый год надо. Что ты загадаешь и пожелаешь – оно сбудется... Ну, допустим, чтоб мне хорошо прибавили зарплату. И ложись спать – помолись. Обязательно сбудется. Особенно когда новый месяц нарождается» [7]. Выходили на крыльцо и обращались к месяцу: «Месяц, месяц, мой дружок, / позолоченный рожок, / дай мне пятерочку, дай мне десяточку» (до тысячи можно) [7]. При этом просто выходили на крыльцо: где там месяц? Может, он там будет, может, здесь. Встань на крыльцо да говори» [7].

Приведенные материалы позволяют утверждать, что в районе исследования во второй половине XX в. гадания являлись одним из важнейших проявлений бытования элементов традиционной календарной обрядности Новогодья. Они были широко распространены в молодежной среде и позволяли получить ответы на актуальные для данной возрастной группы вопросы. Важно обратить внимание на то, что, вопреки стереотипам, парни также принимали участие в новогодних гаданиях. Прибегали к гаданиям и замужние женщины, их интересовало отношение к ним мужа, а также его судьба, когда они находились в разлуке. В большинстве случаев информанты вспоминали о девичьих гаданиях. Бытовали самые разнообразные способы узнать о наиболее волнующих девушку вопросах: факте замужества, информацию-подсказку о будущем женихе: с какой стороны его стоит ожидать, каковы будут его качества, облик, имя, каким будет отношение к жене. Многие наши собеседники убеждены в том, что новогодние гадания сбывались.

На наш взгляд, в активном бытовании новогодних гаданий можно проследить следующую тенденцию бытования календарных обычаев и обрядов в условиях советского государства. В связи с систематической борьбой с религией часть традиций, носящая собственно религиозный смысл, деградировала, и духовное, церковное понимание годовых праздников сохранилось в редуцированном виде. При этом часть традиций, ориентированных на увеселение, развлечение, общение молодежи, продолжала бытование. Особенно ярко разделение религиозной и развлекательной составляющей проявляется в раз-

нообразных традициях праздников нового года. В советский период обращение молодежи к гаданиям даже усилилось, поскольку стало забываться осуждение церковью этих явлений. Устойчивое бытование гаданий в период нового года свидетельствует также об особом отношении в народе к данному периоду, основанном на вере в возможность получения знаков, откровений, проливающих свет на будущее.

N. I. Shietova

The divination in the New Year period of the Russians of Gorny Altai (the 2nd half of the XX c.)

The article is devoted to the study of folk divination traditions typical for New Year celebrations. During the studied period, they were usually associated with Old New Year. Based on field materials provided by the author, various methods of divination using roosters and hens, different objects (rings, logs, stones, threads, etc.), dreams interpretation and belief in magic words are presented. The paper also focuses not only on unmarried maidens' divinations but also those of young men and married women. **Keywords:** *calendar customs and rituals, Christmas holidays, Old New Year, Altai Mountains, Russians*

Источники и литературы

1. Фурсова Е. Ф. Календарные обычаи и обряды восточнославянских народов Новосибирской области как результат межэтнического взаимодействия (конец XIX – начало XX вв.). Ч. 1. Обычаи и обряды зимне-весеннего периода. Новосибирск: Агро, 2002. 287 с.
2. Липинская В. А. Старожилы и переселенцы. Русские на Алтае. XVIII – начало XX в. М.: Наука, 1996. 269 с.
3. Шитова Н. И. Новые материалы по этнографии русских Горного Алтая и опыт их популяризации // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2014. № 4 (16). С. 101–105.
4. ПМА 2013 г.: г. Горно-Алтайск, Бородулина Л. И., 1940 г. р.
5. ПМА 2013 г.: Майминский район, с. Манжерок, Федорова А. В., 1929 г. р.
6. Полевые материалы Н. Егоровой, Т. Крапивиной, М. Юшаковой, Е. Мякишевой, 1984 г.: Республика Алтай, Осокина М. А., 1904 г. р. Рукопись из архива И. П. Федотовой.
7. ПМА 2013: Майминский район, с. Кызыл-Озек, Яндыкова А. Г., 1932 г. р.
8. ПМА, 2012: Чойский район, с. Чоя, Карелина Н. Г., 1927 г. р.
9. ПМА 2013 г.: Майминский район, с. Барангол, Басаргина Н. Н., 1936 г. р.
10. ПМА 2013: Майминский район, с. Кызыл-Озек, Табышкина А. Г., 1928 г. р.
11. ПМА, 2012: Чойский район, с. Чоя, Усова К. И., 1923 г. р.
12. ПМА 2013 г.: Майминский район, с. Манжерок, Кречетова С. А., 1930 г. р.
13. ПМА, 2013 г.: г. Горно-Алтайск, Климонтова С. А.
14. ПМА, 2012 г.: Турочакский район, п. Яйлю, Шарабарина Т. Д., 1939 г. р.

DOI 10.37386/2687-0592-2024-12-120-123

УДК 39(571.150)

О. С. Щербакова

Алтайский государственный институт культуры, г. Барнаул, Российская Федерация

Песни села Староглушинка Заринского района Алтайского края (анализ архивных записей В. Е. Дятлова)

Аннотация. В статье рассматриваются фольклорные образцы песен, записанных в 1985 г. в селе Староглушинка Заринского района Алтайского края фольклорной экспедицией Барнаульского музыкального училища под руководством преподавателя В. Е. Дятлова. Приводятся тексты лирических и свадебных песен, представлен их музыкально-поэтический анализ. Делается вывод о хорошей сохранности свадебных песен и их корневой принадлежности к стилистике западно-русской певческой традиции. **Ключевые слова:** *фольклор Алтайского края, фольклорные записи, В. Е. Дятлов, село Староглушинка Заринского района, песни позднего происхождения, свадебные песни, западнорусские переселенцы в Алтайском крае.*

Предметом настоящего исследования являются фольклорные образцы песен, записанные в 1985 г. фольклорной экспедицией Барнаульского музыкального училища под руководством преподавателя Валерия Елистаровича Дятлова в селе Староглушинка Заринского района Алтайского края.

Рассмотрим предысторию вопроса. В 2022 г. в процессе оцифровки и обработки архива фольклорных записей В. Е. Дятлова (представленных на магнитофонных кассетах и переданных вдовой иссле-

дователя его ученице О. С. Щербаковой (Федорищевой) нами были обнаружены песни, записанные им и студентами музыкального училища в старожильском селе Староглушинка Заринского района, основанном в 1782 г. [1]. На аудиозаписи было лишь несколько песен: две лирические песни общерусского бытования («Выходила Маша на ново крылечко», «Кари глазки, где вы скрылись?»), две украинские песни, фонетика которых сильно обрусела («По залугам зелененьким», «Посеяли огуречки близко над

водою»). Исследовательское же восхищение вызвала фонозапись четырех свадебных песен, стилистические корни которых принадлежат западнорусской певческой традиции. Этот факт вызвал огромный интерес, поскольку ранее ни один исследователь регионального фольклора Алтая не упоминал о фиксации песен от западнорусских переселенцев. Поэтому нам необходимы были доказательства фиксации песен от информаторов, являющихся потомками западнорусских переселенцев. Документально зафиксированная на кассете голосовая информация в начале сеанса записи свидетельствовала о месте записи («запись фольклора ведется из деревни Староглушинка Заринского района»), там же имелись объяснения названий песен, предваряющие их звучание. Год записи был указан на бумажном вкладыше к кассете (1995) [2].

Не все песни в записи представлены полностью, поскольку в тот период (1990-е гг.) в связи с трудностью приобретения магнитофонных кассет учебно-творческими экспедициями песни записывались не до конца ради экономии места на пленке. Но весь поэтический текст фиксировался в полевых студенческих тетрадках-дневниках, которые к настоящему времени утеряны.

К сожалению, фамилии информаторов в записи отсутствуют. Но в комментариях информаторов о свадебном «гильце» упоминаются фамилии Моцаревых, Старосельцевых («...У нас гильце було. Много у кого. Вот у Моцаровых, у Старосельцевых»), вероятно, являющихся потомками западнорусских переселенцев. Но эти фамилии сегодня не помнят работники местного клуба и районного музея. Они не были нами найдены и в документальной книге В. В. Костырко «Староглушинка» [3]. Поэтому в поисках стилистических корней песен нами были проанализированы тексты песен и звучание партитур (без песен, перенятых от украинцев).

Лирические песни были записаны от староглушинцев в ансамблевом звучании. Стилистически они являются песнями позднего происхождения, имеющими под собой авторскую текстовую основу (фамилии авторов забыты) и общерусское распространение. Песенная партитура произведений распета в стилистике крестьянской протяжной песни (с повторами слов, словообрывами, вставными междометиями). В песнях сохраняется бытовая речевая орфоэпия, диалектные особенности в текстах выражены довольно слабо: имеются лишь отдельные фразы («не вливай слезою», «мокрыя», «ето сердце»). Приведем тексты лирических песен.

1. Выходила Маша на навО крылечка, ой,
Говорила Маша ласкавО славечка.
2. Говорила Маша ласкавА славечка, ой,
Куда, милай, едЕшь, куда уежаешь?
3. Куда, милай, едИшь, куда уежжаешь, ой,
На каво же ты меня, девицу брасаешь?
4. На каво же ты меня, девицу, брасаешь?
Ой, на людей, на Бога, Вас на свете многа.

5. На людей, на Бога, Вас на свете многа, ой,
Берёза, береза, белая кудрява.
6. Берёза, береза, белая кудрява, ой,
Как под той березаю с милым я стояла.
7. Как под той березою с милым я стояла, ой.
Ты не стой переда мной, не вливай слезою.
8. Ты не стой переда мной, не вливай слезою, ой,
А то люди гаварят, что я жил с табою.
9. А то люди гаварят, что я жил с табою, ой.
Пускай люди гаварят, а я не баюся.
10. Пускай люди гаварят, а я не баюся, ой,
Каво я любила, с тем я **растаю (о)я**.
11. Каво я любила, с тем я расстаюся, ой,
Каво ненавижу, таму достаюся.

1. Кари глазки, да, где ж вы скрылись?
Да мне вас больше да не видать.
2. Где вы скрылись да удалились?
Навек застави...ли страдать.
3. А я страдала, да страдать буду,
В котором свете да я живу.
4. Куда мне девушке деваться?
Куда мне скрыться из-за вас?
5. Пойду с горя, да, в чисто поля,
Пойду да в дебри мокрыя.
6. Пойду я в лесе, заблужуся,
Да зверей лютых созову.
7. Ах, вы звери, да звери люты,
Да растерзайте грудь мою,
8. Растерзайте, да разбросайте,
Да выньте сердце, из меня.
9. Унесите, да, ето сердце
Да прямо к милому на стол.
10. Мил увидит...
Да, может, вспомнит про любовь.

Таким образом, стилистика исполнения общероссийских песен позднего происхождения, характерная для многих российских регионов, и обрусевших песен украинского происхождения не может быть показателем принадлежности носителей к какой-либо региональной стилистике, в отличие от свадебных песен. И хотя в аудиозаписи В. Е. Дятлова нет упоминания о месте выхода информаторов-переселенцев, по музыкальной стилистике образцов (исполненных сольно с частичной подстройкой нижнего голоса) можем с большой вероятностью предположить, что свадебные песни принадлежат западнорусской певческой традиции.

Следует отметить, что в общем переселенческом потоке количественная составляющая переселенцев из западных губерний России (Брянской, Смоленской, Псковской) была намного меньше по сравнению с потоком переселенцев из южных, центральных российских губерний и Малороссии.

К сожалению, исторические, этнографические и архивные источники не всегда фиксировали места выхода информаторов — российских переселенцев, но следы проживания западнорусских переселенцев в Сибири в настоящее время отмечены фольклори-

стами в Алтайском и Красноярском краях, Кемеровской, Новосибирской, Омской, Тюменской областях.

В Алтайском крае западнорусские переселенцы, согласно генеалогическому сайту, были подселены в села Озёрки Тальменского района, Крутиха Крутихинского района, Зиминское Ребрихинского района, Панфиловское и Шилово Калманского района, Кольванское, Стуковское, Черемное и д. Сарай Павловского района» [4].

Многие из жителей этих сел считают своими предками белорусов. Частично это верно, поскольку западнорусские переселенцы прибыли из тех мест, которые позже вошли в состав Белоруссии (Исторические документы свидетельствуют, что в 1796 г. на присоединенных к Российской империи территориях Речи Посполитой была образована Белорусская губерния с центром в Витебске, а Белорусская Народная Республика была провозглашена 25 марта 1918 г. на части оккупированных Германией территорий бывшей Российской империи [5]).

Рассмотрим принадлежность свадебных песен с. Староглушинка Заринского района к западнорусской певческой традиции, опираясь на анализ диалектных особенностей текста песен: «Ой, закуй, закуй, сива зезюлька», «Чего Маша приюanela», «Богата Манечка» и «Ой, двор великий, сбор невеликий».

В староглушинских свадебных песнях:

– встречаются диалектные слова и фразы, часто употребляемые в фольклоре Брянской и Смоленской областей: «зезюлька» (кукушка), «закуй» (закуй) «штаво» (чего), «шчей девоцкае красы» (еще девичей красы), «гиличка», «гильце» (обрядовое дерево – символ невесты на свадебном столе), «приюanela» (приуныла), «виспевала» (воспевала), «тяперь» (теперь), «девячай» (девчий), «штаво» (чего), «ти жалко» (чи жилко), «деука» (девка), «родИна» (родственники), «у саду» (в саду), «де» (где), «ея» (ее).

– имеется ярко выраженная фрикативная «г» и твердая «ч», близкая к белорусскому произношению «гч»;

– встречаются краткая форма слов: «сива» (сивая), «ли» (или), «буде» (будет);

– приемы стяжения: «тольке» (только), «штей» (ещё);

– замена звука: «девячай» (девчий), «тяперь», «тольке», «приюanela» (приуныла), «виспевала» (воспевала), «рячей» (речей), «в батенька» (у батеньки), «в милого» (у милого), «у саду» – (в саду);

– вставные предлоги междометия: «жалко ж», «ой», «эй», «да», «жи», «и».

– вставные гласные «мине» (мне), «батен(и)ка» (батенька)

Приведем полные тексты песен.

1. Чего, Маша, приюanela?
Не слышать твоих речей.
2. То речей.
Ой, я пела, виспевала
Как у саду салавей.

3. Салавей.

Ой, тяперь я приюanela,
Многа горя приняла.

4. Приняла.

Жила в милого три года,
А в батюшки двадцать лет.

5. Двадцать лет.

Не видала всако гора,
За девячай за свой век.

Ой, закуй, закой, сива зезюлька,
Штаво тебе жаль бу(о)де?

2. Эй, да, ти жалко ж тебе лугу темнаГО,
вишневаго?

3. Эй, ни жалко ж мне лугу темнаГО,
Садику вишнева [го].

4. И да только же жаль мне тое калины,
Шо в лузи при дарози.

5. И де я летаю, де я кукую,
На калине на тчой.

6. Ой, заплач, заплач, деука Валечка,
Чего тебе жаль буде?

7. Эй, да, ти жалко ж тебе мамачку сваю,
Ли подворьечка ея?

8. Эй, да, ни жалко ж мне мамочку сваю,
Ни подворьечка ея.

9. Эй, да, только же жаль мне русае косы,
Шчей девоцкае красы.

1. Ой, двор великий, сбор невеликий,
Да не вся радИна.

2. Ой, нету радины, не половины,
Не роднаГО батень[ки].

3. (Й)пашлю сокала на Украиначку
Па родну радинань[ку]

4. (Й)ой, салавейко, в сыру земельку,
Па роднага батень[ку].

5. (Й)а, салавейка не далетае,
Батен(и)ка прамавля[е].

6. (Й)лети ж, не лети, ясен(ы) саколик,
Не томи своих кры[л].

7. (Й) да разви ж я схатеть сваиму дитятки
Штей парадачку да[ть]

8. Эй, дай сырая ж земля дьвери залегла,
Я сам.

9. (Й)дай желтен(и)кий ж песок сыплется в раток,
Славечка не прамолви[ть].

В сиротской песне «Ой, двор великий, сбор невеликий» непонятен текст предпоследней строфы. Схожий вариант текста мы находим в песне Смоленской области «Можно познати по веселейку» (№ 68 публикации «Народные песни Смоленской области, напетые А. И. Глинкиной»):

- «8. Рада бы я встати
К своему дитяти
Да порядочка дати.
9. Гробовые доски
Стиснули ножки,
Не могу протянути.

10. Мать сыра земля
К грудям прилегла,
Не могу продохнуть.

11. Желтые пески
Сыплются в глазки,
Не могу проглянуть» [6].

Музыкальный анализ песен показал, что в свадебных песнях с. Староглушинка сохранились типичные черты западнорусской народно-песенной традиции, а именно: зычность манеры исполнения, средняя тесситура звучания, небольшой амбитус напевов; узкий ладовые звукоряды с преобладанием тетрахордовых напевов, мелизматика и форшлаггов в мелодии.

Для мелодики характерны частые интонационные подъемы и спуски, субквартовые «спады» в конце фраз, разнообразный и сложный ритмический рисунок с пунктиром и синкопированием.

Ладовой основой напевов являются тетрахорды мажорного и минорного наклонений с субквартой, что характерно для многих свадебных и календарных и песен западнорусской традиции:

– в песне «Чего, Маша, приюнела» – пентахорд мажорного наклонения с субквартовым тоном запевов 2–5 строф;

– в песне «Ой, закуй, закуй, сива зезюлька» – тетрахорд минорного с субквартовым тоном (в конце строф и запевов 2–8 строф), а также переливчатой мажорной 3 ступенью в запеве первой строфы.

Метр в песнях переменный, ритмический рисунок разнообразен и представляет собой движение восьмыми, реже четвертными и шестнадцатыми. Тип мелодики – сочетание декламационного типа с малораспевным.

В песнях отмечается ярко выраженная строфичность, кроме короткой величальной припевки:

Ой, богата Валечка в батенька:
Густа пшеница да на новине,
Високи стоги на гумне,
Више гилечка на столе.

В песне «Ой, закуй, закуй, сива зезюлька» каждая строфа включает 3 музыкально-поэтических фразы-синтагмы, первая из которых является запевно:

«Ой, закуй, закуй, (А) / Сива зезюлька. (В) / Штаво тебе жаль будет? (В1).

Такие же три фразы-синтагмы лежат в основе сиротской песни «Ой, двор великий, сбор невеликий»:

«Ой, двор великий (А), / сбор невеликий (В), / Да не вся радИна (С).

В песне «Чего, Маша, приюнела» запевная и основные строфы имеет разное музыкальное строение.

Форма 1 строфы: А+В: «Чего, Маша, приюнела? (А) / Не слышать твоих рячей».

Форма 2–5 строф: А+В+С: То речей. (А) / Ой, я пела воспевала (В) / Как у саду соловей» (С).

Основной способ композиционного изложения текста песен – диалог.

Красочная поэтика текста песни возникает за счет: использования уменьшительно-ласкательных суффиксов (сива зезюлька, Манечка, батюшки), диалектных и кратких форм слов: «ли» (или), «буде» (будет); замены звуков: «в батенька» (у батеньки), «в милого» (у милого), «у саду» – (в саду); вставных предлогов и междометий: «жалко ж», ой, эй, да, жи, и., вставных гласных «мине» (мне), «батен(и)кА» (батенька).

Для песен характерны повторы строф и слов, растягивание конечных слогов строк, недопевание конечных слогов в окончаниях строф: «садику вишнева[го]».

Таким образом, свадебные песни села Староглушинка, записанные в 1985 г. В. Е. Дятловым, имеют стилиевые корни западнорусской певческой традиции. В условиях проживания на Алтае западнорусские переселенцы сумели сохранить песенный стиль, что является уникальным явлением для фольклорной картины Алтайского края. Эти песни представляют особый интерес не только для исследования, но и для репродуцирования песен современными народно-певческими коллективами.

O. S. Shcherbakova

Songs of Staroglushinka village of Zarinsky district of Altay region (analysis of the archive recordings made by V. E. Dyatlov)

Abstract. This article reviews folk samples of the songs recorded in 1985 in Staroglushinka village of Zarinsky district of Altay region by the folk expedition of the Barnaul Specialized Musical School under the leadership of teacher E. V. Dyatlov. Text of the lyrical and wedding songs along with their musical and poetical analysis are provided. A conclusion is made about good preservation of the wedding songs and their root affiliation to the style of west-russian song tradition.
Keywords: Altay region folk, folk recordings, E. V. Dyatlov, Staroglushinka village, Zarinsk district, late origin songs, wedding songs, west-russian migrants in Altay Region.

Источники и литература

1. Староглушинка [Электронный ресурс]. URL: <https://drevo-info.ru/articles/13671997.html> (дата обращения: 24.06.24).
2. Песни села Староглушинка Заринского района Алтайского края. Архивные записи В. Е. Дятлова, 1985 г. Расшифровки и нотации песен О. С. Щербаковой.
3. Костырко В. В. «Староглушинка». Бийск: Бия. 960 с.
4. Центр генеалогических исследований [Электронный ресурс]
5. URL: https://rosgenea.ru/familya/kovaleva/page_4 (дата обращения 24.06.24).
6. История Белоруссии [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/История_Белоруссии (дата обращения: 24.06.24)
7. Народные песни Смоленской области, напетые А. И. Глинкиной / сост. Г. Павлова. Москва: Советский композитор, 1969. 112 с.

DOI 10.37386/2687-0592-2024-12-124-131

УДК 39(571.150)

Л. А. Явнова

Свадебный обряд в контексте советской повседневности

*Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул, российская Федерация
Бийский филиал им. В. М. Шукшина, Институт гуманитарного образования, кафедра
историко-правовых и социально-гуманитарных дисциплин, г. Бийск, Российская Федерация.*

Аннотация. Статья посвящена свадебному обряду в контексте советской повседневности. Использование опубликованных и полевых этнографических источников позволило проследить ряд паттернов «советскости»: массовость, государственные черты, доступность для всех, официальная регистрация, посещение памятных мест. Уделено внимание свадебному костюму молодоженов и бюджету свадьбы. Элементы свадебной обрядности в контексте советской повседневности рассматриваются в ракурсе сравнительного анализа. Выявлены соотношение традиционной символики и нового «конструкта» советской атрибутики, воплощенной в игровых текстах. **Ключевые слова:** свадебный обряд, обычай, советская атрибутика и повседневность.

Изменение социально-экономических и политических условий в советское время привело к существенным сдвигам в обрядовой жизни. Многие обряды (и особенно сопровождающий их фольклор) отошли в прошлое или сохраняются фрагментарно. Из семейных обрядов наиболее значимым оказался свадебный обряд. Сохранение определенной последовательности в обряде, понимание смысла свадебной символики — задача сохранения самой культуры. Свадебная обрядность прямо или косвенно затрагивает многие стороны жизни народа и тесно связана с условиями его быта и особенности социальной структуры общества. Свадебные обычаи на протяжении всего свадебного периода регулировали взаимоотношения не только самих брачующихся, но и вступающих в родство семейных коллективов, возрастно-половых групп и т. д.

Свадебная обрядность прошла сложный путь развития, меняясь вместе с изменениями общественных отношений. Однако обрядовые институты, в том числе и свадьба, обладают высокой степенью консервативности, в силу чего в составе обрядового комплекса сохраняются многие пережиточные явления, не соответствующие социально-экономическим условиям настоящего времени. Тема достаточно актуальна в том плане, что свадебный обряд в советское время изменился и качественно, что дает возможность проследить ряд «консервативных» аспектов в контексте советской повседневности.

Одно из значительных исследований русской свадьбы в методологическом отношении принадлежит ученому-этнографу Н. В. Зорину. В своей работе «Русский свадебный ритуал» он дает полное представление о последовательности свадебных обычаев и обрядов, о составе участников свадьбы и их роли, о множестве отдельных структурных элементов свадьбы. Большое внимание Н. В. Зорин уделил пережиткам древних форм общественного и семейного быта в советской повседневности. В развитии традиционной свадьбы за годы советской власти ориентировочно можно выделить три основных периода: 1917–1945, 1946–1960, 1961–1970 гг. Первый и третий периоды характеризуются четко выраженным сни-

жением уровня традиционности в русской сельской свадьбе, второй — значительным оживлением традиционных элементов свадьбы [1]. Браку и свадьбе русских горожан посвящена работа Г. В. Жирновой [2]. В контексте изучения процессов становления и развития советского обряда бракосочетания особую значимость приобретает исследование Л. В. Тимофеевой [3]. С. А. Адоньева рассматривает советскую свадьбу как конструкт советской власти и государства [4]. Советской свадьбе как новому мероприятию посвящены публикации М. М. Чудиновой [5, с. 125–134]. Эволюцию свадебной церемонии в 1960-е гг. на примере церемонии комсомольских свадеб исследовала Е. В. Буреева [6, с. 503–520].

Цель данной статьи — на основе опубликованных и этнографических источников, собранных в селах Алтайского края и г. Бийска, выявить степень влияния советского конструкта государственных обрядовых практик на традиции проведения свадебного обряда в контексте советской повседневности.

Свадебный обряд является одним из наиболее сложных комплексов традиционно-бытовой культуры. В первые послевоенные годы у многих не было материальной возможности соблюдать все традиции свадебного обряда, поэтому многие ограничивались простой регистрацией брака и семейным торжеством. «Свадьбы все после войны справляли дома, скромно все это проходило. А регистрировались браки в ЗАГСе. Кто, конечно, хотел, по желанию венчался», — рассказывала Ю. Н. Журавлева, уроженка г. Бийска [7, с. 25].

В 1960-е гг. при сохранении в советском обряде традиционной трехчастной структуры (предсвадебный, свадебный и послесвадебный этапы) существенно изменилось содержание каждого из них. Предсвадебный этап почти лишен и обрядовости, и праздничности. Сватовство — обряд предложения брака, согласно которому будущей жених «просит руки» своей избранницы у ее родителей. Участвуют в этом обряде будущий жених и сваты (родители, близкие родственники). В назначенный день они несут визит родителям будущей невесты, как правило, со своей выпивкой и закуской. За столом об-

суждаются дата свадьбы, место проведения, количество приглашенных. *«Утром меня тетка одевала, я же у тетки жили, тетка помогала мне одеваться. Я оделась, да и всё, на свадьбу. Ну когда приехали, то понятия не имею, кто входил первый, да и обрядов никаких не было. Шампанское выпили перед тем как ехать регистрироваться, стол накрыли, посидели. Но регистрация у меня была дома. Мы приглашали из ЗАГСа, приходила женщина и регистрировала нас дома. Ну, так просто захотел дядька. У нас была знакомая, которая работала в регистратуре, и она нас зарегистрировала прямо за свадебным столом. Перед выдачей, ну, когда приехали они, они меня в спальне в своей закрыли, ну дядька и тетка, в спальне закрыли. Ну а он выкуп делал, чтоб ему невесту отдали. Благословение я получила от отца и от тетки. У меня мама на Украине была, а отец приехал, и благословляла тетка вместе с отцом. На свадьбу мы приглашали своих близких, у нас только близкие, родня. Открытки раздавали, пригласительные, цветочки. По домам ездили, раздавали. Свадебный пир в доме жениха. На второй день мы поехали к жениху своим семейством. Свекровка, на полотенце был поставлен кулич вместе с солью, ну как бы встреча невесты. И они благословили нас тоже. Гуляли да и гуляли, пили да гуляли... У нас был баянист, пели песни, пели частушки, веселились! Драк не было. У нас людей немного было, человек двадцать пять. Моим приданым были... Ой, подушки да одеяла. Простыни. От работы освобождение было три дня»* [8]. В приведенном тексте отражены, с одной стороны, элементы традиционного свадебного ритуала (тетка одевала, благословили, кулич), с другой стороны, обязательные советские атрибуты – представители государства, шампанское.

С принятием в начале 1964 г. постановления Совета министров РСФСР «О внедрении в быт советских людей новых гражданских обрядов» началась активная работа: ритуалы стали предметом целенаправленного идеологического конструирования. Новые гражданские обряды и безрелигиозные. Праздники получают признание и одобрение населения. Новые советские свадебные ритуалы входят в городской и деревенский обычай в 1960-е гг. [4, с. 89]. По мнению Г. В. Жирновой, торжественная регистрация брака как одна из важных составных частей советской безрелигиозной обрядности занимает все большее место в духовной жизни и праздничном быту, что является результатом длительной идеологической и организационной работы, проводимой советским обществом [2, с. 105]. По мнению С. Б. Адоньевой, знаменуя возникновение новой семьи, свадьба превращается в явление большого общественного значения. Ведь семья – начальная ячейка, и в ее прочности и благополучии заинтересовано государство [4, с. 89]. Произнесение сотрудником ЗАГСа текста напутствия напоминало благословение священника в церкви при венчании. Государственная советская практика тем самым обязательно закрепляла «ячейку общества».

В конце 1960-х в селах и деревнях Алтайского края, так же как и в городе, официальный этап свадебного торжества проходил в ЗАГСе. Из интервью А. Ф. Путиловой: *«Регистрировались в сельсовете, в деревне был сельский совет, где бюро ЗАГСов было, там регистрировали также со свидетелями, у кого кольца были – с кольцами, у кого не было – без колец, поздравляли, да и все, и нормальненько»* [7, с. 118]. Свадьба, с одной стороны, выносилась на всеобщее обозрение, сопровождалась открытостью, с другой же стороны, представляла собой сакрально-интимную зону, которая требовала потаенности. На фотографиях можно увидеть смущение невесты и в то же время некую манифестацию публичности. Советский протокол регистрации брака предполагал наличие свидетелей (поручителей), а также в качестве гостей на равных правах. ЗАГСы и сельсоветы, уполномоченные регистрировать брак, придерживались единого протокола [4, с. 88].

С. М. Гусева выяснила, чем символичен обряд обмена кольцами молодых. Подобно любой замкнутой окружности, кольцо символизирует целостность, поэтому его, как и браслет, используют в качестве атрибута брака [9, с. 225].

Новая парадность бракосочетания, необходимость подготовки специальных нарядов и покупки колец вынуждали госструктуры, перед которыми встала задача формирования новой обрядности, налаживать централизованную торговлю «свадебными» товарами [10, с. 163–164]. XX век в России стал знаковым для свадебного ритуала не только формированием свадьбы «по-советски», но и массовым распространением практик фотографирования свадебной церемонии. Типичное композиционное расположение фигур в кадре: стол регистратора слева и на первом плане, новобрачные справа, невеста всегда стоит по правую руку от жениха. Жених расположен ближе к зрителю, чем невеста. Если рассматривать фотографии молодоженов в окружении родственников, то обычный ракурс изображения – фронтальный или под небольшим углом. Молодожены стоят в центре, невеста справа от жениха, в ближнем кругу стоят родители и ближайшие родственники новобрачных. Новобрачные должны быть полностью поглощены происходящим, не должно быть дистанции между ними и свадебным ритуалом [5, с. 127]. Сценарий торжественной регистрации в качестве прототипа, очевидно, имел венчание. Пластика церемонии повторяла форму принесения брачных обетов перед лицом Бога и в присутствии священнослужителя. Сакральным адресатом церемонии теперь было государство, представленное фигурой его основателя и геральдическим символом. Государство и общество в этой церемонии полностью отождествлялись [4, с. 89]. Из интервью бийчанки Г. Н. Ивановой: *«Свадьбы проходили обычно во дворах: ставили столы, стулья и кто-то помогал, родственники либо ближайшие соседи готовили блюда, и в общем-то в основном летом проходили свадьбы, в теплое время года, потому что не*

Рис. 1. Регистрация брака Кондрашевич. Никольский сельский совет. с. Никольское, Советский район. 1975 г. Из личного архива Н. Н. Кондрашевич. Соб. С. А. Моховикова. Архив ЛЭИ. Ф. 12. Оп. 10. Соб. С. Моховикова. 2024.

было же возможности арендовать, как сейчас, кафе или прочее что-то. Квартиры у всех были небольшие, не хоромы: комната, кухня — и все. Я, например, замуж выходила в 1966 году. У нас была свадьба в конце апреля. Собрались в комнате, обычная свадьба, венчаться не венчались, регистрировались тогда мы с мужем во Дворце химиков, как тогда он назывался. Сейчас это городской Дворец культуры, а потом уже ЗАГС построили. Зарегистрировались, а венчания не было тогда, ну, может, кто-то и венчался, но среди моих близких, знакомых таких не было» [7, 41].

В сельских условиях церемония записи брака стала элементом современной свадьбы. С этим ритуалом начинается веселое празднество, в который входят элементы народных свадеб [11, с. 83]. А. Ф. Путилина (уроженка Тюменцевского района) рассказывала: «Интересно, что лошадей наряжали, хоть свататься ехали, обязательно старались хоть две лошади запрячь и красиво нарядить их. Это сейчас машины наряжают, а тогда лошадей наряжали. С музыкой, с гармошками. А свадьбу потом обыкновенно играли. Блины подавали, на блины что-то дарили, подарки делали разные, у кого что было, то и дарили. Могли корову подарить, могли овечку, могли курицу, деревня есть деревня» [7, с. 118].

Неотъемлемым традиционным атрибутом свадебного обряда по-прежнему являлся факт торга и «одаривание». Из интервью М. П. Кучиной (родилась в с. Воеводское Целинного района): «Народу много, пляска, подарки дарили. Это сейчас в конвертах большинство деньги дарят, а тогда один человек дарит и углем записывает на стенах, сколько подарено денег, что подарено — платье, фартук. От каждого писали, все стены и даже на потолке писали углем, и было так стыдно, неудобно, у кого нечего было дарить или мало. Ну, два дня обязательно — сегодня и завтра, а потом продленка! Ставили палатки, столы на улице, ну и, конечно, в избе, потому что молодежи на улице неинтересно с пожилыми, муж-

Рис. 2. Регистрация в ЗАГСе. Маркины. с. Смоленское. Смоленский район. 1983 г. Из личного архив А. С. Алексеевой. Архив ЛЭИ АГППУ им. В. М. Шукшина. Ф. 4. Оп. 1. Соб. А. С. Алексеева. 2013.

чинам тоже за столом хочется посидеть, поговорить. У кого-то наряжали, прятали невесту, замаскируют ее так, что не видно, не знаешь кто, а потом, когда она отвечает на вопрос, который ей задавали, разоблачали, это оказывалась не невеста (смеется). Выдумки были! Старались, чтобы одна свадьба чем-то отличалась от другой, бывали выдумки содержательные, бывали неудачные, оскорбительные даже, можно сказать, над невестой или над женихом. Подстраивали так, что даже, бывало, расходились после этого, потому что делали очную ставку невесты с женихом, вспоминали старые какие-то пробы, измены перед свадьбой, у кого что. Редко, правда, но было такое. Все из народа шло, там-да не было, а из народа кто во что горазд» [7, с. 67].

Как показывают полевые материалы, в селах Алтайского края в условиях «советской повседневности» сохранился обычай посещения молодежниками своих старых бабушек и дедушек, которые не смогут прийти на гуляние, принимают их поздравление [12]. После этого молодые направляются к дому родителей (чаще всего к родителям жениха). На входе в дом их встречают хлебом-солью. В большинстве свадеб «обыгрывается» каравай — хлеб круглой формы без каких-либо украшений, фигур и т. д., который покупается в магазине или заказывается в кулинарии. В дверях друзья натягивали яркую ленту, и молодые берутся за руки и преодолевают преграду или жених переносит невесту на руках. «Новобрачных обсыпали зерном. Устраивали шутивную проверку хозяйственных навыков молодой и ее ловкости. Наутро после свадьбы она должна была мести пол, причем присутствующие бросали сначала сор, а потом деньги» [12; 13]. В советской свадьбе сохранялся, хотя и не носил обязательного и повсеместного характера, ритуал благословения родителями невесты и жениха с использованием традиционных атрибутов, хлеба и иконы. Родители или тамада благословляют этим караваем новобрачных; от него молодые отламывают или откусывают одновременно или по очереди. При этом считается, что у кого кусок

Рис. 3. Посещение новобрачными обелиска. с. Точильное Смоленский район. 20 апреля 1991 г. Из личного архив А. С. Алексеевой. Архив ЛЭИ АГПУ им. В. М. Шукшина. Ф. 4. Оп. 1. Соб. А. С. Алексеева. 2013.

больше, тот и будет главой семьи. Этим же караваем потом жених с невестой угощают всех гостей. Хлеб-соль – символ того, что отныне молодые супруги должны делить между собой и радости, и невзгоды. Белое свадебное платье и прозрачная фата были позаимствованы из городской дореволюционной традиции, хлеб-соль – из традиции крестьянской. Порядок нового ритуала предполагал ряд обязательных элементов [4, с. 89].

Значительно изменились функции традиционных участников свадьбы. В 1970-е и последующие годы дружка, например, чаще всего выступал в роли свидетеля при регистрации брака и тамады за свадебным столом. Сваха играла роль «администратора». Важным фактором «нового» свадебного обряда является участие в нем в качестве организатора и руководителя тамады, или, как его иногда определяют, «специалиста по обрядам». В подавляющем большинстве случаев он устанавливает порядок проведения свадебного пира, организует свадебное застолье. В единичных случаях тамада участвует и в обрядах предсвадебного этапа. Роль тамады играет кто-нибудь из родственников или человек, знающий сценарий свадьбы, раскованный в общении, остроумный. Современные ведущие свадебного торжества работают по сценарию, который включает в себя как празднично-развлекательную часть (как правило, это «игровая программа»), так и ритуально-обрядовую (знакомство породнившихся родов, вручение подарков молодым и др.), при этом эти две стороны органично слитны друг с другом [1, с. 185].

Важнейшим ритуальным действием свадьбы является посещение после официальной регистрации некоторых памятных мест села или города. Это обелиски, памятники, места учебы или работы новобрачных, что, на наш взгляд, является отсылкой

к традиционному мировоззрению русских крестьян, когда новобрачная посещала могилы своих родственников.

Значительную роль и в советское время продолжали играть сакральные элементы. Почетное место занимала вера в приметы различного рода – стоять на вышитом полотенце (символическая проекция шубы в традиционном обряде), собрание «мосточков», закалывание булавок в подол платья невесты, обнимание березы, осыпание зерном и монетами для семейного благополучия.

В течение второй половины XX в. особенно с 1970-х гг. изменился характер свадебных застолий. На свадебный вечер приглашают не только родственников, но и друзей новобрачных. Очень часто в свадебных торжествах принимают участие руководители и сотрудники учреждений и предприятий, где работают новобрачные, а также представители различных общественных организаций. Во время свадебного вечера молодожены являются не только центральными фигурами, но и активными участниками торжеств. Здесь их поздравляют, высказывают всевозможные добрые пожелания, преподносят подарки. Часто во время свадебного вечера молодым вручают подарки от организаций и учреждений, в которых они работают. Ритуальный свадебный пир все больше и больше приближается к праздничному вечеру [1, с. 168]. В. Н. Клепикова вспоминала: «Столы в доме ставили, вдоль стен стояли буквой „П“. Во главе мы, конечно, сидели и родители. Это сейчас сидеть-то все отдельно стали, раньше-то такого не было. А свадьбу гуляли девять дней. Пока пиво не кончилось, так и гуляли. Гостей много было. Папка в Сосновку ездил, а мы с дедом по деревне мы с дедом ходили, родню да знакомых приглашали. У Клепиковых вон сколько родни было, да

Рис. 4. Бракосочетание на полотенце О. Купцова и Е. Купцовой (Саенко). Третьяковский район. 1991 г. Из личного архива Э. С. Купцовой. Архив ЛЭИ АГПУ им. В. М. Шукшина. Ф. 12. Оп. 1. Соб. Э. С. Купцова. 2024.

и у нас. А пиво вот как готовили. Варют дрожжи хмельные, заквасят их. Дрожжи тоже сами делали: кипятят хмель, туда картошку трут, муки добавляют, а потом квасят. Потом кипятят воду, заливают дрожжи, кладут сахар. Сначала сахар пережигали, его для цвету клали. А потом киснет стоит, с месяц стоит. И мне на свадьбу так ставили. В конце января, помню, ставили. А сейчас дрожжи в магазине берут. На первый день гуляли у жениха, потом у невесты. А дальше ко всем родственникам ездили. Ой, а ездили мы на тройке, в кошеве. Украшали мы тройку колокольчиками да лентами. На столах, помню винегрет был, котлеты, гарнир, огурцы, солонина, арбузы тоже соленые, стряпня всякая, пироги сдобные. Тетка в столовой колхозной работала, знала, чем угощать. Пиво свое делали, а вот водку покупали. Она тогда 25 руб. 20 коп. стоила, дорого по тем временам, поэтому вначале всем водки налили, по рюмке, наверно, а потом пиво да самогон, что там еще-то. Да ничем нас таким не угощали, на второй день блины продавали, а еще на мусор кидали. Мелочь кидали, а я потом подметала. Гармонистов было аж четыре штуки. Играли барыню, плясали с выходом» [13].

Рис. 5. Свадебное фото Симаковых. 1969 г. г. Бийск. Из семейного архива А. Н. Коржовой. Архив ЛЭИ. Ф. 9. Оп. 12. Оп. 1. Соб. А. Н. Коржова. 2014 г.

По свидетельству устных источников, в г. Бийске затраты на свадьбу в 1972 г. составляли: вино, бутылка по 700 г по 4,50 руб. — 2 бутылки; коньяк по 4,50 руб. — 5 бутылок; водка 0,5 л по 2,87 руб. — 3 бутылки; колбаса по 1,5 руб. — 2 кг; конфеты трюфели по 3,50 руб. за 1 кг, конфеты шоколадные по 2 руб. за 1 кг; свинина по 2,5 руб. за 1 кг и говядина по 3,50 руб. за 1 кг. Сливочное масло по 2,50 руб. за 1 кг, растительное по 90 коп., кулинарный жир по 1,50 руб. за 1 кг [14; 15] «На свадьбу готовили: голубцы, пельмени, делали хворост и холодец. Салаты готовили из капусты, моркови. Делали салат зимний. Торт стряпали сами. Пекли кислые блины. Из безалкогольных напитков был морс клюквенный и облепиховый. На столе были яблоки и виноград по 80 копеек за килограмм. Всего на свадьбу потратили зарплату невесты и жениха — 379 рублей. Свадебный пир, завершающий свадьбу, приобрел новый характер. По традиции на столе также должна быть свинина — символ будущего богатства и благополучия молодых. Ну а венчает свадебный пир, конечно же, пирог или торт» [16].

Свадебная мода на протяжении второй половины XX в. постоянно менялась под воздействием социально-экономических и политических факторов. Что касается особенностей свадебного костюма, то большинство респондентов отмечали в качестве обязательных черный костюм жениха и белое платье невесты. Жених в 1950–1990-е гг. был одет в костюм, на лацкане пиджака крепилась розетка из цветов [12]. В конце советской эпохи менялись цветовая гамма и фасон костюма. Невесты в 1960-е гг. все еще предпочитали платья с плотными рукавами, добавляли кружева, и короткую фату, только фата стала чуть более пышной, и большинство невест украшали свою голову диадемой и цветами. В отличие от экстравагантных свадебных платьев, букеты в эту пору были более простыми, как правило, использовали цветы в плотных букетах. Особенно тщательно невеста готовит свое свадебное платье. Обычно оно бывает белого цвета и шьется из шелка, нейлона, гипюра, крепа, кримплена, из тканей, модных в данный сезон. Фасон платья также должен соответство-

Рис. 6. Свадьба Шишаевых. Шишаевы в медалях. д. Крючки, Третьяковский район. 1968 г. Из личного архива Э. С. Купцовой. Архив ЛЭИ АГПУ им. В. М. Шукшина. Ф. 12. Оп. 1. Соб. Э. С. Купцова. 2024 г.

вать моде, принятой для платья подобного назначения [2, с. 107]. В 1970-е гг. появились тудоровские рукава, завышенная линия талии постепенно переместилась ниже, и теперь свадебное платье получило «силуэт принцессы». Шлейфы были укорочены, выкройки несколько упрощены. Настоящей революцией свадебной моды стало появление брючного свадебного костюма. В 1980-е гг. талии платьев невесты были возвращены на их нормальные позиции. Платья стали намного пышнее, а за ними последовали и букеты, которые также стали более крупными и пышными. Этот период был отмечен более экстравагантными рукавами.

Эволюцию свадебной церемонии в 1960-е гг. иллюстрируют свадебные фотографии, которые, по мнению Е. В. Буреевой, можно условно разделить на официальные и семейные [6, с. 511]. Изначально белое платье – атрибут свадьбы аристократической, дворянской. Здесь можно проследить обращение «народной» советской культуры к образцам дворянского образа жизни. Это может говорить о реализации скрытой потребности советского общества в обращении к исторически знакомым для него «престижным» моделям поведения [5, с. 128]. Новая свадебная культура воспринималась многими как показательное мероприятие. Однако если в начале 1960-х гг. в семейных архивах свадебных фотографий две-три, то к началу 1970-х гг. их уже значительно больше [6, с. 511].

Обязательной советской атрибутикой 1970–1980-х гг. «выкупа невесты» являлись плакаты с благопожеланиями долгой счастливой семейной жизни. Как правило, друзья девушки писали плакаты и размещали их в подъезде по пути следования свадебного поезда (например, «Тили-тили тесто. Здесь живет невеста»), диалоги между сторонами жениха и девушками включали в себя стихотворные тексты, частью сочиненные подружками невесты, частью позаимствованные с других свадеб, из рукописных сборников и печатных источников различного рода – методических сборников, пособий по организации и проведению современной свадьбы. Знаком окончания выкупа невесты часто является принятие ею букета от жениха. Традиционное для свадьбы обозначение нового семейного статуса членов породнившихся семей происходит в форме зачитывания «указов», вручения «паспортов», «дипломов». М. Г. Матлин, классифицируя разновидности свадебных документов, выделяет класс информативных документов, к которым относятся плакаты, открытки-приглашения на свадьбу, некоторые телеграммы [17, с. 183]. Варианты шуточных плакатов:

«Слушай теща, не юли, купи зятю „Жигули“»;
 «У кого свекровь – свекровище, а у нас свекровь – сокровище»;
 «Просим нас не забывать чаще „горько“ нам кричать»;
 «Кто не будет веселиться, не дадим опохмелиться».

Рис. 7. Ряженые на свадьбе. с. Точильное, Смоленский район. 1991 г. Из личного архив А. С. Алексеевой. Архив ЛЭИ АГПУ им. В. М. Шукшина. Ф. 4. Оп. 1. Соб. А. С. Алексеева. 2013.

В 1980-е гг. на многих свадьбах для молодых зачитывали специальный указ-наказ. Тексты этих указов переписывались с учетом специфики каждой свадьбы [18, с. 90]. Но и в этих празднично-игровых, по преимуществу смеховых формах сохраняется ритуально-обрядовая сторона. Молодым вручались «медали» — кружочки диаметром от 5 до 15 см из металла, картона или другого плотного материала.

Официальная церемония бракосочетания проводилась по типовому сценарию, не учитывающему этническую принадлежность молодоженов. Обычным сопровождением служит марш Мендельсона [18, с. 90]. На свадьбе звучали советские песни, но в программу обязательно включаются песни о свадьбе, о семье, например «Обручальное кольцо», «Мы желаем счастья вам», «Родительский дом». Популярными оставались песни, танцы под баян.

Русские сельские свадьбы на протяжении второй половины XX в. (особенно период 1970–1990-х гг.) особенно те, которые проводились «по-старинному», т. е. с включением некоторых традиционных обрядов, довольно часто продолжались два-три дня. Все это время шел пир (гуляние) участников свадьбы, которые нередко переходили из дома жениха в дом невесты или наоборот, а также совершали некоторые обряды и действия [1, с. 184]. «На второй день свадьбы у нас были шутки-прибаутки. Приехала дальняя родственница из какой-то деревни, пела срамные частушки про „ярку“. Очень было весело» [12]. Тексты, исполняемые на второй день свадьбы, объединяет эротическое смеховое начало.

Традиционным элементом народных свадеб является ряженье, которое в настоящее время встречается довольно редко [18, с. 92]. Встречалось традиционное переодевание мужчин и женщин и, наоборот, с явным подчеркиванием половой принадлежности (надувные груди, нарисованные усы и т. п.). «Ряженые были, гадали на руке да на картах. Про свадебную порчу слышала, но на себе не знала. У деда много баб было. Они завидовали, даже приходили,

вызывали его. Дед красивый был, еще и шофер. А шофер тогда на деревне первый парнем был» [13].

На излете советской эпохи сформировался такой тип свадебной обрядности, в котором органически сочетаются возрождаемые, зачастую советские ритуалы свадеб, тот же ЗАГС, те же демонстрации семейного благополучия и вместе с тем апелляция к традиционным фрагментам «посевания», чествования молодых.

С начала 1980-х гг. наметилась тенденция к более торжественному отмечанию этого события. В настоящее время значительно расширился круг брачных партнеров: зачастую жених и невеста до своего знакомства проживали в различных районах и областях России, и в разных республиках и государствах. Со словная, конфессиональная или этническая принадлежность не являются значительным препятствием для заключения брака. Как правило, выбор брачных партнеров осуществляется по воле молодых, мнение родителей не имеет решающего значения.

Эстетика свадебного торжества проявлялась в конструируемой советской атрибутике массовости и доступности, особенно в 1970–1980-е гг. Г. П. Анашкина отмечает, что в характере протекания свадебного обряда утрачивались черты национального своеобразия, присущие традиционной русской свадьбе [19, с. 47]. Разнообразие свадеб обуславливалось различным сочетанием в них тех или иных элементов. Характерной их чертой являлся свободный выбор обрядов. Форма свадьбы, как правило, зависела только от желания молодых и их родственников, их знаний, умений. Главным становилось создание праздничной атмосферы, подчеркивающей важность, значимость этого момента в жизни молодых и их родственников. Это достигалось с помощью торжественного ритуала регистрации брака, проводимого государственными органами, и устройством свадебных пиров. Остальные же моменты обрядового оформления брака не имели большого значения, потому сроки и порядок их проведения были не столь существенны, хотя и создавали своеобразие отдельных свадеб.

Таким образом, проанализировав «конструкт» функциональной направленности свадебного обряда в советский период, можно сделать вывод о том, что главными ее элементами являются экономические и демонстративно-символические действия, которые дают право утверждать, что свадебный обряд направлен на создание семьи, появление новой социальной ячейки в обществе. Почетное место занимали вера в приметы различного рода. Однако в силу относительной консервативности семейного быта и тем более свадебного обряда в нем продолжают сохраняться остатки традиционных обычаев — таких, как «одаривание». Но эти ритуалы принимали новую форму и частично новое содержание, что в определенной мере и предопределило их относительную устойчивость. В процессе исторического развития и изменения образа жизни в XX в. менялся социальный смысл свадебного торжества. Под влиянием

социалистических преобразований из него выпали многие обычаи, символизирующие и подчеркивающие зависимость выбора брачного партнера от воли родителей или элементы, которые были непосредственно связаны с магическими действиями. Эти изменения происходили под влиянием как объективных факторов (социально-экономические и культурные преобразования), так субъективных причин (рост образованности молодежи, изменение характера и содержания ее труда, рост социальной активности молодых людей, изменение их потребностей, интересов). Изменилось и отношение народа к выполнению многих традиционных обрядов: из серьезных ритуалов, имевших магический смысл, они превратились в действия, имеющие игровой, шуточный характер. Изменились и социальные функции свадебного обряда. Значительную роль в свадьбе стали играть элементы новой «советской сакральности». Если в прошлом важнейшей социальной функцией обряда являлась магическая, то в советской повседневности особое значение получила государствен-

ная процедура легитимизации отношений брачующихся с обязательным отправлением обряда в органах ЗАГС. Появляются новая советская эстетика и этика свадьбы. Свадебный обряд в контексте советской повседневности ориентировал молодежь на определенный тип поведения в семье и обществе.

L. A. Yavnova

Wedding ceremony in the context of Soviet everyday life

Abstract. The article is devoted to the wedding ceremony in the context of Soviet everyday life. The use of published and field ethnographic sources allowed us to trace a number of patterns of “Sovietness”: mass character, state features, accessibility for everyone, official registration, visiting memorial sites. Attention is paid to the wedding suit of the newlyweds and the wedding budget. Elements of wedding rituals in the context of Soviet everyday life are considered from the perspective of comparative analysis. The relationship between traditional symbols and the new “construct” of Soviet attributes embodied in game texts is revealed. **Keywords:** *wedding ceremony, custom, Soviet attributes and everyday life.*

Источники и литература

1. Зорин Н. В. Русский свадебный ритуал: монография. М.: Наука, 2004. 248 с.
2. Жирнова Г. В. Брак и свадьба русских горожан в прошлом и настоящем (по материалам городов средней полосы России): моногр. / Академия наук СССР, Ин-т этнографии им. Миклухо-Маклая. М.: Наука, 1980. 150 с.
3. Тимофеева Л. В. Традиции и новации в русском свадебном обряде: автореф. ... дис. канд. ист. наук: 24.00.01 / Мос. гуманитар. ун-т Москва, 2004. 19 с.
4. Адоньева С. Б. Свадьба: этос, миф и социальный проект // Первичные знаки / Назначенная реальность. Санкт-Петербург: Автономная некоммерческая организация «Пропповский центр: гуманитарные исследования в области традиционной культуры», 2017. С. 117–170.
5. Чудинова, М. М. Аристократизм по-советски, или свадебные фотографии с историко-антропологической точки зрения // Вестник Пермского университета. Сер. «История». 2018. № 3 (42). С. 125–134.
6. Буреева Е. В. Комсомольская свадьба 1960-х годов в системе идеологического воспитания советской молодежи: замыслы и реализация // Новейшая история России: междисциплинарный научно-теоретический журнал. 2020. Т. 10, № 2. С. 503–520.
7. Алтайский край: история и судьбы (диалоги с земляками). Бийск: ФГБОУ ВПО «АГАО», 2012. 161 с.
8. Архив Лаборатории этнокультурных исследований (АЛЭИ) АГППУ им. В. М. Шукшина 2013 г. Бийск, Глебова Т. Ф. (Подлипенец), украинка, 1949 г. р.
9. Гусева С. М. Проблемы традиционности современной русской свадьбы // Русские: семейный и общественный быт. М.: Наука, 1989. С. 221–229.
10. Лебина Н. Б. Пассажиры колбасного поезда: Этюды к картине быта российского города: 1917–1991: монография. М.: Новое лит. обозрение, 2019. 584 с.
11. Руднев В. А. Советские обычаи и обряды: моногр. Ленинград: Лениздат, 1974. 152 с.
12. ПМА 2006 г. Зональный район, с. Зональное, Федченко В. И., 1948 г. р.
13. Архив ЛЭИ АГППУ им. В. М. Шукшина 2013 г. Смоленский район, с. Черновая, Клепикова (Черенева) В. Н., 1946 г. р.
14. ПМА 2006 г. Алтайский край, г. Бийск, Жукова Т. М., 1946 г. р.
15. ПМА 2006 г. Алтайский край, г. Бийск, Лукина Н. Г. 1946 г. р.
16. ПМА 2006 г. Алтайский край, г. Бийск, Грачева О. И., 1947 г. р.
17. Матлин М. Г. Письменные «документы» как вербальный компонент современной русской свадьбы // Актуальные проблемы полевой фольклористики. М., 2002. С. 180–196.
18. Жигунова, М. А. Этнокультурные процессы и контакты у русских среднего Прииртышья во второй половине XX века: монография. Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Объед. ин-т истории, филологии и философии, Ом. фил. Омск, 2004. 228 с.
19. Анашкина Г. П. Современный брачно-свадебный обряд // Основы полевой фольклористики: сб. науч.-метод. материалов. Вып. 1, Ульяновск, 1997. С. 46–50.

DOI 10.37386/2687-0592-2024-12-132-137

УДК 398.88:281.93(571.15)

Н. А. Яговец*Алтайский государственный институт культуры, г. Барнаул, Российская Федерация***Носители духовно-певческих традиций старообрядцев белокриницкого согласия (по материалам полевых исследований на Алтае в 2022–2024 гг.)**

Аннотация. Настоящая статья носит обзорный характер. В ней раскрывается роль носителей духовно-певческих традиций старообрядцев белокриницкого согласия в сохранении духовной певческой культуры на Алтае. Впервые публикуются материалы интервью и бесед с носителями традиций, собранные в экспедициях в г. Барнауле, с. Залесово Алтайского края, пос. Замульта Республики Алтай в период с 2022 по 2024 гг., а также репертуар духовных стихов и богослужебных песнопений, записанных от информаторов. **Ключевые слова:** *духовно-певческие традиции, старообрядцы белокриницкого согласия, Алтай.*

Экспедиционные исследования духовно-певческой культуры старообрядцев белокриницкого согласия на Алтае, проводившиеся в г. Барнауле, с. Залесово Алтайского края и пос. Замульта Республики Алтай с 2022 по 2024 гг., позволяют сегодня говорить о существовании «живой певческой традиции» как в богослужебной, так и небогослужебной практике. Доброжелательность и открытость к общению носителей духовно-певческих традиций делает возможным сбор и изучение образцов духовных песнопений, а также наблюдение и осмысление их исполнения в богослужебном процессе. Все это, несомненно, мотивирует исследователей к экспедиционной деятельности.

Духовно-певческие традиции старообрядцев Алтая со второй половины XX в. становятся объектом исследования музыковедов, этнографов, фольклористов собирателей. Большой вклад в развитие науки о древнерусской музыке и в бытовании старообрядческих духовных песнопений на Алтае внесли музыковеды-медиевисты Новосибирской государственной консерватории им. М. И. Глинки Б. А. Шиндин, Т. Г. Казанцева, Н. С. Мурашова, О. А. Светлова. В начале 1990-х гг. коллектив в составе преподавателей, аспирантов и студентов Новосибирской консерватории организует самостоятельные экспедиции в районы проживания сибирских старообрядцев с целью «изучения состояния древних традиций культового пения, хранимых современным старообрядчеством. <...> Исследователи опираются преимущественно на феномен, определяемый ими как «живая певческая традиция». Это понятие связывается с возможностью слышать, фиксировать, анализировать песнопения, исполняемые носителями певческой культуры. <...> В ходе сплошного обследования староверческих общин региона была составлена полная картина о местах проживания староверов разных согласий; получены достоверные сведения о населенных пунктах, где бытуют старообрядческие традиции; собран обширный материал исторического, этнографического, религиоведческого характера...» [1, с. 6, 13, 7].

Образцы старообрядческих духовных стихов, бытующих в локальной традиции Сибири, в том чис-

ле Алтайского края, в разные годы во второй половине XX – начале XXI в. были собраны и исследованы О. А. Абрамовой [2], К. В. Маёровой [3], Н. С. Мурашовой [4], М. Н. Сигаревой [5], О. С. Щербаковой [6, 7], В. М. Щуровым [8].

Спустя 30 лет после экспедиций коллектива исследователей Новосибирской консерватории по Алтаю к старообрядцам белокриницкого согласия (в 1997 г.), несомненно, произошли изменения в их общественно-религиозной жизни, духовно-певческой культуре, связанные как с естественной сменой поколений (уходом из жизни некоторых учителей-наставников, уставщиков, певчих на клиросе в храмах и появлением молодых певцов – современных носителей духовно-певческих традиций), так и историческими событиями в жизни старообрядчества (строительством новых храмов в 2001 г. в с. Мульта Усть-Коксинского района, и в 2017 г. в г. Барнауле), а также с общественно-культурной деятельностью старообрядческих хоров г. Барнаула и г. Новосибирска. Автор предполагает, что различные внешние и внутренние факторы могли оказать влияние на бытование духовных песнопений и их сохранение.

В 2022–2024 гг. нами было организовано несколько экспедиций по районам Алтая и юга Западной Сибири в приходы старообрядцев белокриницкого согласия, в частности: однократно в пос. Замульта Республики Алтай, две экспедиции в с. Залесово Алтайского края; на протяжении всего периода проводились исследования в г. Барнауле. Во время экспедиционной работы мы столкнулись с той же проблемой, что и прошлые экспедиции «новосибирцев», проходившие на территории Алтая в 1990-е гг. – это «строгая календарная приуроченность исполнения отдельных церковных песнопений» [1, с. 7]. В связи с этим в некоторые приходы проводились повторные экспедиции, в частности в с. Залесово, многократно получилось присутствовать на службах в г. Барнауле.

В процессе организации экспедиций необходимо было определить методы сбора информации, поставить конкретные задачи. Исследование было направлено как на богослужебную обрядовую практику, так и на бытование духовных стихов в среде ста-

рообрядцев данного согласия. Представлялось необходимым исследовать богослужебные духовные песнопения, охватывая все особенности их исполнения: место, время и последовательность исполнения в службе, выявить локальные исполнительские особенности. В результате были осуществлены аудио- и видеозаписи духовных стихов, церковных служб и отдельных богослужебных песнопений, проведены интервью и беседы с настоятелями, певчими и прихожанами церкви старообрядцев белокриницкого согласия. В экспедициях удалось собрать не только песенный материал, но и пообщаться с носителями духовной певческой культуры на Алтае, что представляло для нас особую ценность. Только через общение с людьми можно было понять и прочувствовать какую важную роль играют духовные песнопения в духовной жизни каждого верующего человека.

* * *

Экспедиционная работа началась в 2022 г. в приходе старообрядцев белокриницкого согласия в г. Барнауле. Огромную благодарность за помощь в исследовании — возможность побеседовать, познакомиться с певческими книгами и зафиксировать образцы богослужебных песнопений и духовных стихов — автор выражает настоятелю Белокриницкой церкви Покрова Пресвятой Богородицы г. Барнаула, благочинному старообрядческих приходов Алтая протоиерею Николаю (Н. М. Думнову) и его детям Екатерине (певчей на клиросе) и дьякону Алексею Думнову (руководителю барнаульского хора певчих в старообрядческом храме Покрова Пресвятой Богородицы).

В г. Барнауле в 2022 г. частично было записано венчание, в 2023 г. — служба Пасхе; от дьякона Алексея Думнова записаны стихиры «Вечерняя наша молитва», «На гору учеником идущим», «Всемирную Славу», примеры для запева самогласных стихир «Грядет чернец из монастыря», «Господи, воззвах к Тебе», глас 1, и др. Также были записаны духовные стихи: «Завещание матери» — два варианта напева, «С другом я вчера сидел», «Солнце и месяц померкнут», «Был мороз, сверкали звезды», «В пустыне знойной палестинской», «Из пустыни старец в царский дом приходит», «Душа моя прегрешная».

Из беседы с о. Николаем (Н. М. Думновым) узнали несколько фактов о тяготах и трудностях религиозной жизни старообрядцев юга Западной Сибири в советский период: «Я захватил те времена, когда в Новосибирске на Овражном был маленький храм. Внешне он был не похожий на храм, это был обыкновенный дом (домовая церковь), оборудованный для моления с небольшим алтарем. Этот храм был известным для всех сибирских старообрядцев, потому что в те времена в Сибири осталось только два храма — в г. Новосибирске и г. Томске. На всю Сибирь и Дальний Восток было два города, где священники-старообрядцы служили литургию. Кто-то ехал в Томск, кто-то в Новосибирск, кому как удобно. Все приезжали со своими требами. Было время, в Новосибирский храм приезжало много людей, набирался

полный двор, и храм был битком, и на улице стояли. Собирались группы из Барнаула, из Благовещенки, из Горно-Алтайска, из Залесовского района и других зон Алтая. Особенно много собиралось людей на праздники. Бабушки шли на праздник в храм и обязательно брали внуков с собой, им преграждали путь комсомольские „кордоны“, милиция. Они не пускали детей, говорили: „Ты проходи, бабушка, — тебе скоро умирать, а детей нельзя, запрет“. Не пускали никого, а молодежь вызывали и стыдили. И меня вызывали и переубеждали: «Что ты такой молодой, и в храм ходишь»¹ [9, с. 205]. Отец Никола также сообщил, что «в деревне Благовещенка еще в XX веке проживали бабушки, которые в столыпинские времена были переселены из Украины. Они рассказывали, что, будучи маленькими детьми, проходили учение пению в церковно-приходской школе и пели почти всю службу на память, знали наизусть все ирмоса. Пели одногласно, но была у них такая традиция южнорусская, что пели немного с подголосками — такой интересный тип пения. Сейчас в этой деревне почти не осталось старожилов»².

Особую ценность для исследования представляла информация, полученная из беседы с дьяконом Алексеем Думновым. Речь шла о богослужебном репертуаре, жанрах духовных песнопений и особенностях их исполнения в богослужебной практике, о певческих книгах и системе знаменного пения. Несколько слов о традициях богослужебного пения на Алтае и преемственности поколений: «В 90-е годы в с. Благовещенка Алтайского края была интересная традиция богослужебного пения — пели открыто по-народному. Сейчас этих бабушек не осталось, а кто остался уже не могут воспроизвести... Раньше у нас был уставщик Анатолий Васильевич. В 1997-е годы, когда мне было примерно 10 лет, он был уже в возрасте и не мог стоять на клиросе. Так получилось, что мне пришлось встать и петь, но он меня не учил, я был еще мал, меня учила его ученица Елена. Также я переписывал азбуки, крюки отдельно»³.

В августе 2023 г. состоялась экспедиция в с. Мульта Верх-Уймонского сельского поселения Усть-Коксинского района Республики Алтай. Мы остановились в гостевом домике на усадьбе «Сказка», расположенного в поселке Замульта, в 1 км от центра села Мульта. Здесь познакомимся с семьей хозяев усадьбы — Татьяной и Михаилом Гребенкиными. Из бе-

¹ Впервые материал был опубликован в статье Яговец Н. А. «Церковно-певческие традиции старообрядцев Белокриницкого согласия г. Барнаула (исторический аспект)» // Этнография Алтая и сопредельных территорий в дискурсе новационных и традиционных подходов: антропологическое измерение региональной истории и культуры народов: материалы 11-й междунар. науч. конф., Барнаул, 26–28 окт. 2023 г. / под ред. Т. К. Щегловой. Барнаул: АлтГПУ, 2023. Вып. 11. С. 203–208.

² Расшифровка аудиозаписи, сделанной 6 декабря 2022 г. (из личного архива автора).

³ Расшифровка аудиозаписи, сделанной 22 января 2023 г. (из личного архива автора).

седы с Татьяной (1974 г. р.) узнали, что по роду своего рождения она относится к старообрядцам — ее прапрадедом был дед Филарет (так его назвала Татьяна), один из пяти сыновей первопоселенца села Мульта Калистрата Железнова, прибывшего со своей семьей в 1863 г. из Вятки.

Татьяна Гребенкина рассказала, что в постсоветский период многие люди, воспитанные в идеологии советского времени, стали обращаться к Церкви, некоторые пришли в старообрядчество (скорее, вернулись к своим корням). «Наше село старообрядческое, оно всегда славилось настоящими старообрядцами, которые сохранили традиции и быт. Я воспитывалась по-другому, не в вере, а в комсомоле и пионерии. Я и не знала, что старообрядка по родовому дереву. Мама моя старообрядкой не была, она приехала в село из Алтайского края и в веру пришла уже позже — бабушка ее перекрестил, она погруженная была и стала в старообрядческую церковь ходить. Раньше она в школе работала и в церковь не ходила, нельзя было, а как со школы ушла, пришла в храм. Мой отец и моя бабушка (его мама) были Железновы. От нее и идет наша ветка Железновых. Сама я праправнучка деда Филарета. Недалеко от нас живут по четвертому поколению мои сестры и братья по линии от деда Филарета. Семья у него была большая. Все они ходят к бабушкам в молельный дом, а я пришла в церковь (белокриницкую) недавно, вслед за мамой. Не просто так все, и меня в храм притянуло. Корни у нас у всех одни, только после советской власти, когда стали к вере поворачиваться и предков своих искать — одни пошли к бабушкам в молельные дома, а мы сначала так, а как церковь появилась, так в церковь пошли. По сути все мы беспоповцы, но все идет к одному — чтобы всех соединить, привлечь в одну церковь»¹.

Выражаем большую благодарность Татьяне Гребенкиной за интересную беседу и участие в дальнейшем нашем знакомстве с одной из певчих храма Полиной Васильевной Коневой (1959 г. р.). Полина Васильевна родилась в семье старообрядцев-беспоповцев. До постройки церкви старообрядцев белокриницкого согласия, проживая в с. Мульта, ходила молиться в молельный дом и только несколько лет назад начала ходить в церковь. С большой любовью и грустью она вспоминала о своей семье и родных людях, живших в советском государстве во времена репрессий и гонений на старообрядцев. Во время беседы с Полиной Васильевной мы обратили внимание на ее удивительно плавную и «песенную» речь: «Раньше я ходила к беспоповцам, у меня все родственники беспоповцы. Вся сила у меня по бабушкиной линии, все молящиеся. Бабушка моя безграмотная была, да мудростью умудренная, да страхом Божиим, и терпением большим. Прабабушка моя леля Хавронья (Феврония) и мама Доня, мы так звали их, воспитывали нас. Лёля Хавронья для нас всех бы-

ла лёля, потому что принимала нас всех при крещении из купели. Муж ее был Варфоломей Илларионович Фоминых, был одним из богатейших людей Алтая. Все Фоминых были знатные пчеловоды и мараловоды, держали работников, потому что было много работы с маралами. И семья большая была. У прабабушки было 15 детей, у мамы моей 10 детей — в то время закон чтити и Бога боялись. Воспитывались у прабабушки в тесноте, но страх был Господень.

В 1936–1937 гг. Варфоломея Илларионовича забрали люди из НКВД и увели, так и пропал без вести. Раньше много таких было, которые попали под репрессии. Жили зажиточно, потому что работали много, а пролетарии только на гармошке играли да махорку курили. Дом забрали то ли под школу, то ли под клуб. Семью их три раза раскулачивали — все забрали, вплоть до ведра, лишили всего скарба, с одними детьми оставляли, иконы рубили, книги жгли. В советское время гонения были, страшно было обо всем этом говорить. В школу не разрешалось ходить с крестами, а домой не пускали без креста. Все беспоповцы были напуганы, но смогли многое сохранить. Сейчас в молебном доме книги сохранились и все иконы дониконианского письма, ничего нового написанного, все старинное»².

С некоторым волнением и в то же время уверенностью в голосе Полина Васильевна рассказала о том, как решила прийти в Церковь и перейти от беспоповских старообрядцев в старообрядчество белокриницкого согласия. «Когда из моленного дома переходила в церковь, очень долго и сильно болела, тяжело было, все ведь мои родственники были беспоповцами, и панихиды там, и отпевания, и оторваться оттуда было очень болезненно. А началось все с того, когда наставники, которые были с нами по 26 и более лет, стали умирать. Сначала я еще как-то держалась, прислушивалась, а потом начала меняться. Тогда часто во время службы шли споры по правилам и последовательному порядку богослужения. Так вот идешь с моления и думаешь: молился ты или нет эти восемь часов? Службы длинные были, там не разделялись службы — 6–8 часов длились. Так и закралось сомнение. И я начала ходить к Сергей Андреевичу (председателю общины белокриницких старообрядцев в пос. Замульта), начала много читать — „Поучение Иоанна Златоуста“, „Житие святых“ — и везде Церковь. Два года мучилась, читала, молилась, и деваться некуда, и думаю: „...и сюда не хожу, и туда не определилась, и что случись со мной, и где я кому нужна, и кто помолится, и кто отпоет?“ И я поставила перед собой задачу оставить здесь (в моленном доме) все грехи. Ни одного таинства там нету, там начиная с крещения, нету таинства исповеди, потому что там просто скитское покаяние читают на постах, а исповедью оно не является. Вот бывает, например, согрешила я когда и прочитала скитское покаяние, и сам себе сколько

¹ Расшифровка аудиозаписи, сделанной 8 августа 2023 г. (из личного архива автора).

² Расшифровка беседы с П. В. Коневой в августе 2023 г. (из личного архива автора).

можешь поклонов земных делаешь до приезда священника. Моления и уставы те же самые, ирмоса и пения поют там не по крюкам, а передаются из уст в уста. Конечно нужно отдать должное всем бабушкам, что они не смотря на гонения, сохранили книги и иконы, сохранили моления. Моления все были ночные, молились до 3–4 утра на праздники, в воскресенье не молились, пробовали, но у всех женщин хозяйство, а там надо молиться целый день, поэтому тяжело тоже. Но схожего много, особенно схожи панихиды. Сегодня женщины, которым по 70–80 лет, конечно, уже никуда не пойдут. Но вот, что страшно без Церкви-то, Господь скажет: „Отойдите от меня“. Нет на них Святого Духа при Крещении¹.

Полина Васильевна Конева напела нам ирмосы канона Пасхи «Воскресения день, просветимся люди», «Небеса убо достойно да веселятся», а также 6 духовных стихов: «Со страхом братия мы слушаем», «Я помолюсь», «Ангелы-архангелы», «Жизнь унылая настала», «Незаметно век проходит», «Не ропщи на суровую долю». В пос. Замульта удалось также побывать на воскресной службе в старообрядческом храме по имя Илии-пророка, где с разрешения настоятеля церкви Покрова Пресвятой Богородицы г. Барнаула о. Николы было записано несколько песнопений.

Экспедиционная поездка в с. Залесово Алтайского края 20 августа 2023 г. оказалась очень ценной для нашего исследования. Здесь познакомились с настоятелем церкви во имя святителя Николы Чудотворца иереем Евгением Гуреевым. С его разрешения была записана воскресная служба, а во время беседы с о. Евгением в его исполнении записали «Воду прошед яко посуху» – ирмосы Преображению Господню, 1 песнь 8 гласа. Во время повторной экспедиции в 2024 г. получилось записать полную службу Пасхе.

В с. Залесово очень интересным и плодотворным получилось общение с молодой старообрядческой семьей Петровых: Еленой Павловной Петровой (1983 г. р.), певчей на левом клиросе в Свято-Никольском храме, и ее супругом Григорием Валерьевичем Петровым (1984 г. р.), выполняющим обязанности пономаря в храме. Семья переехала в с. Залесово из города Новосибирска в 2011 г. Елена Павловна и Григорий Валерьевич рассказывают: «Когда мы сюда приехали, у нас был священник отец Валентин (ныне он в с. Малиновка Томской области), мы вперед не выходили, не полагается в новом храме лезть вперед, скромно себя вели. Он поставил нас на левый клирос помогать. У них тогда один клирос был, и на них пели баба Дуся и баба Аня. Они не знали службу по уставу, что за чем идет, но спеть могли все, и пели по-народному – громко голосили. Мы многому – напевкам и духовным стихам – поучились у них, но не записывали ничего, не догадались тогда, молодые были»².

¹ Расшифровка беседы с П. В. Конева в августе 2023 г. [из личного архива автора].

² Расшифровка беседы с Еленой и Григорием Петро-

О своих родных, разбирая фотографии, рассказала Елена Павловна Петрова: «Бабушка Агафья Михайловна жила в колхозе до 31 года, всю жизнь работала медсестрой, потом переехала в Новосибирск и с 1962 (1965) по 1984 г. работала санитаркой в железнодорожной больнице. В 2004 г. пенсия у нее была около 4000 руб. Перед смертью иночество приняла (в иночестве матушка Агния) и жила при церкви. Она дожила до 92 лет, никогда ни на что не жаловалась, а умерла почти на ходу.

Родители моей бабушки Глаши – прабабушка Устинья Андреевна (1893 или 1897 г. р.), в девичестве Жигунова (Жигулова), прадедущка Михаил Демидович Алгозин. Михаил жил в д. Андреевка Омской области, а прабабушку взял из с. Кыштовка Новосибирской области. Прадедущка Михаил был из казаков-некрасовцев, как говорила баба Глаша, а прабабушка Устинья, скорее всего, была из беспоповцев, потому что в с. Кыштовка были беспоповцы. Скорее всего, она перешла потом в австрийские старообрядцы. Бабушка Глаша была грамотная, учила меня [Елену] читать псалтырь, и говорила, что мать ее Устинья весь псалтырь наизусть знала, а ее-то учил отец, мать-то была неграмотная. Так он задаст какой-нибудь псалом учить, а сам в поле уедет, а вечером придет и спрашивает наизусть, да еще с определенного слова в книге. Так что прабабушка была грамотная. Жила Устинья Андреевна в д. Андреевка, а церковь была в с. Седелниково за 7 км. Священник был в той церкви отец Фадей с 1860-х г. р., он и бабушку Глашу мою крестил. Он приезжал из д. Львовки, заезжал за бабушкой Устиньей, потом забирал ее на службу и после службы обратно отвозил. Это было еще до войны. В 1937 году его арестовали, а может, и расстреляли»³.

О своей семье рассказал Григорий Валерьевич Петров: «Моя бабушка Вера Петровна Петрова была учителем, дедушка Петров был завведучастком и работал ветеринаром, как бы интеллигенция, но они были верующими, они меня и воспитывали. У моей бабушки Веры Петровны родители были дед Петр Захавайло – бравый кубанский казак – и баба Дуня, его жена. Прадед мой Петр Захавайло (1901 г. р.) был записан в наградном листе во время войны по фамилии Захаваев. Он был командиром артиллерийского расчета, был награжден за то, что из расчета один остался в живых, был ранен в руку и отстреливался одной рукой и сдержал натиск немецкой батареи, отбил атаку. Наград у него было очень много, весь его военный билет был исписан. Его данные были засекречены, поэтому я долго не мог о нем найти ничего. Только недавно данные рассекретили. Умер он рано, не дожил до 60 лет. Баба Дуня (жена Петра Захавайло, моя прабабушка) никогда не жаловалась, все невзгоды терпела. По линии бабы Дуни был дедушка – был беспоповским старообрядческим наставником, его расстреляли за веру в 30-е годы, а всю семью со-

выми в с. Залесово в 2023 г. (из личного архива автора).

³ Там же.

слали в г. Томск. А приехали они с польской стороны, жили там до революции»¹.

Услышанные истории помогли нам понять, как глубоко старообрядцы чтут своих предков и гордятся ими, какую ценность представляет для каждого из них память своей родословной и связанное с ней прошлое.

От супругов Елены Павловны и Григория Валерьевича Петровых были записаны богослужебные песнопения: ирмосы «Воду прошед яко посуху», «Отверзу уста моя», «Волной морскою», антифон «От юности моей», а также 13 духовных стихов: «К водам Иорданским», «Жил юный отшельник», «Плач Адама», «С другом вчера я сидел», «Из врат языческого рема», «Потоп страшен умножался», «Колыбельная Богородицы», «Господи, помилуй, Господи, прости», «Коль славен наш Господь», «Был у Христа господня сад», «Два ангела парили», «Об Аввакуме» («В Даурии знойной пустынной»), «Боярыня Морозова».

Елена Павловна и Григорий Валерьевич Петровы сегодня вкладывают большие силы в развитие музея-усадьбы, организованного на базе Фонда по сохранению традиций русского народа «Причумышь», расположенного в с. Залесово. В музее нас заинтересовали старинные молитвенные книги, некоторые из них сохранились у Елены Павловны от ее бабушки. Рассматривая книги, она комментировала:

1. Часовник – рукописная книга XIX в.

2. 12 псалмов – рукописная тетрадь XX в. В советское время писали книги от руки, это были переписки, у кого не было книг, а молиться-то надо. В советские времена тоже переписчики были, типографий было мало и запрещено все это было. Переписчики – специальные люди, которые жили тем, что переписывали книги и ходили из общины в общину и зарабатывали на этом.

3. Спальные молитвы – рукописная книга, писанная пером, досталась от Устины Севериновой, ее нашли на «фазенде» старообрядцев. Они читаются перед сном. В церкви батюшка их обязательно вычитывает на вечерне про себя вовремя того, пока мы читаем псалом вечерни. В это время идет как бы две службы – одна в алтаре, одна на клиросе.

4. «Часовник» – рукописная книга для домашней молитвы. В ней указано, как без священника молиться по ходу.

5. «Цветник» – печатная книга, сочиненная священно-иноком Саввой Дорофеевым в начале XX в., печаталась в единоверческой типографии. Типография Граденской, 7298 г. (1902–1904 гг.). Елена отмечает: «Этим письмам по датам не стоит слишком доверять, потому что они печатались тайком в какой-нибудь новообрядческой печатне, чтобы пропустили в печать, например писали: «С благословления какого-нибудь действующего новообрядческого патриарха», или год другой писали, чтобы не редактировали, чтобы корректор не смотрел книгу. Надо бы-

ло как-то печататься, выходили по-разному из положения.

6. Псалтырь 1705 г. – печатная оттиском. Оттиск делали с печатной книги и печатали, что позволяло не иметь типографии и печатать клише, поэтому качество было не очень хорошее².

Во всех выше представленных приходах был записан тропарь Пасхи «Христос Воскресе». В целом в 2022–2023 гг. в экспедициях было зафиксировано около 30 духовных стихов (текст и напев) различного содержания, среди которых были отмечены «догматические», «исторические», «дидактические» и «литургические» стихи. Собранный материал может представлять интерес для исследователей и всех интересующихся старообрядческой певческой культурой.

Экспедиционные исследования показали, что современные носители духовно-певческих традиций старообрядцев белокриницкого согласия на Алтае являются истинными хранителями древнерусской певческой культуры, стараются сохранить и передать молодому поколению древнерусские каноны богослужебного пения и традиции исполнения духовных стихов. Они глубоко чтут свои корни и гордятся ими, помнят свою родословную на много поколений назад. Духовное пение – молитва, путь к Богу – сегодня является неотъемлемой составляющей жизни старообрядцев белокриницкого согласия.

Т. Г. Федоренко (Казанцева) и Б. А. Шиндин отмечают, что певческая культура старообрядцев Сибири, в том числе Алтая, «находится в определенной динамике, которая в первую очередь связана с формированием локальных певческих особенностей» [10, с. 120]. Сегодня духовно-певческие традиции продолжают развиваться, что, несомненно, обуславливает необходимость ведения экспедиционной работы в данном направлении с установкой на выявление особенностей современного бытования духовных песнопений у старообрядцев Алтая, а также возможную трансформацию духовно-певческой культуры под влиянием внешних и внутренних факторов.

N. A. Yagovets

Bearers of the spiritual singing traditions of the Old Believers of the Belokrinitskaya Hierarchy (based on the materials of field research in Altai in 2022–2024)

Abstract. This article is of an overview nature. It reveals the role of the bearers of the spiritual singing traditions of the Old Believers of the Belokrinitskaya Hierarchy in preserving the spiritual singing culture in Altai. For the first time, materials collected in expeditions in the period from 2022 to 2024 in Barnaul, Zalesovo village of the Altai Territory, the village of Zambulta of the Altai Republic are published. These are conversations with bearers of the spiritual singing traditions, a repertoire of spiritual poems and liturgical chants recorded from informants. **Keywords:** spiritual singing traditions, Old Believers of the Belokrinitskaya Hierarchy, Altai.

¹ Там же.

² Расшифровка беседы с Еленой и Григорием Петровыми в с. Залесово в 2023 г. (из личного архива автора).

Источники и литература

1. Традиции духовного пения в культуре старообрядцев Алтая: монография / Т. Г. Казанцева, Н. С. Мурашова, О. А. Светлова и др.; отв. ред. Б. А. Шиндин. Новосибирск: Наука, 2002. 494 с. (Православная культура Сибири; Вып. 1)
2. Абрамова О. А. Русская традиционная культура села Воробьево Шипуновского района Алтайского края: материалы фольклорных экспедиций (выпуск 3). Барнаул: ДЮФЦ «Песнохорки», 1999. 81 с.
3. Маёрова К. В. Духовные стихи и песнопения Алтайских старообрядцев (по материалам диалектологических экспедиций (1953-2002 гг)) // Вестник РУДН, 2004. № 1 (2). С. 151–158.
4. Мурашова Н. С. Духовные стихи // Музыкальная культура Сибири. Т. 1. Традиционная музыкальная культура народов Сибири. Кн. 2. Традиционная культура сибирских переселенцев. Певческая культура старообрядцев Сибири. Новосибирск: НГК, 1997. С. 128–155.
5. Сигарёва М. Н. Духовные стихи как воплощение народной духовности: (по материалам рукописных сборников М. П. Шателюковой) // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 2008. Вып. 7. С. 225–228.
6. Щербакова О. С. Духовные стихи русского населения Алтая и их освоение в учебном коллективе // Ученые записки (АГАКИ), 2017. № 3 (13). С. 224–230.
7. Щербакова О. С. Фольклорно-этнографические и песенные традиции русских Алтая. Ч. 1. Барнаул: Изд-во АлтГАКИ, 2005. 182 с.
8. Щуров В. М. Русские песни Алтая. Вып. 1: Песни Убино-Ульбинской долины. М.: Композитор, 2004. 200 с.
9. Яговец Н. А. «Церковно-певческие традиции старообрядцев Белокриницкого согласия г. Барнаула (исторический аспект)» // Этнография Алтая и сопредельных территорий в дискурсе новационных и традиционных подходов: антропологическое изменение региональной истории и культуры народов: материалы 11-й междунар. науч. конф. Барнаул, 26–28 окт. 2023 г. / под ред. Т. К. Щегловой. Барнаул: АлтГПУ, 2023. Вып. 11. 418 с. С. 203–208.
10. Федоренко Т. Г., Шиндин В. А. Певческая культура старообрядцев Сибири: богослужбное пение // Музыкальная культура Сибири. Т. 1: Традиционная музыкальная культура народов Сибири. Кн. 2: Традиционная культура сибирских переселенцев. Новосибирск: НГК им. М. И. Глинки, 1997. С. 92–127.

4

Устная история как
источник и метод
исследований
антропологии
советскости

DOI 10.37386/2687-0592-2024-12-140-144

УДК 94(571.5)

Н. С. Байкалов*Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова, Улан-Удэ, Россия***После БАМа: кризис 1990-х гг. в восприятии жителей притрассовых городов и поселков¹**

Аннотация. Завершающий этап строительства Байкало-Амурской магистрали совпал с распадом советского государства и системным кризисом, вызванным радикальными экономическими и политическими реформами 1990-х гг. Города и поселки зоны влияния БАМа оказались в сложном положении: предприятия транспортных строителей были расформированы, а железная дорога не смогла обеспечить градообразующие функции в условиях перехода к рынку. На официальном уровне БАМ был предан критике и забвению. Это привело к консервации коллективной памяти о всесоюзной комсомольской стройке в местных сообществах бамовцев, неприятию рыночных реформ и стремлению сохранить прежние структуры повседневности, что нашло выражение в жизненных историях и рассказах жителей бамовских городов и поселков, записанных в ходе полевых работ в 2002–2019 гг. **Ключевые слова:** Байкало-Амурская железнодорожная магистраль (БАМ), городские поселения, поздний социализм, перестройка в СССР, устная история, коллективная память, радикальная экономическая реформа, предпринимательство.

Байкало-Амурская железнодорожная магистраль, основной период строительства которой пришелся на 1970–1980-е гг., стала главным символом позднесоветской эпохи. Однако с распадом СССР великая стройка была предана забвению. Возникшие в ходе строительства дороги населенные пункты вступили в полосу продолжительной социально-экономической депрессии, причины которой можно рассматривать не только через анализ макропроцессов, но также из перспективы «маленького человека», применяя историко-антропологическую оптику исследования.

Данная статья посвящена описанию восприятия изменений в жизни городских поселений БАМа после окончания всесоюзной комсомольской стройки и в период 1990–2000-х гг., отраженных в устных историях участников и современников строительства магистрали. В работе были использованы транскрипции пяти свободных биографических интервью, записанных автором в ходе полевых работ в населенных пунктах БАМа с 2002 по 2019 г. Кроме того, привлекались данные из фонда «Устные истории строителей и жителей БАМа» архива устных рассказов жителей Байкальской Сибири Иркутского государственного университета.

Среди респондентов были рядовые транспортные строители, специалисты системы образования, культуры, сферы обслуживания, которые работали на БАМе в советское время и в большинстве своем остались жить в притрассовых городах и поселках после запуска дороги в постоянную эксплуатацию. Основная часть рассказчиков, чьи истории представлены в тексте, проживала на момент интервьюирования в городе Северобайкальске и поселке Таксимо (Бурятия). Дополнительно в ходе написания статьи привлекались сведения респондентов из дру-

гих поселений западного участка БАМа, расположенных в Иркутской области и Забайкальском крае.

Провозглашенная в 1974 г. всесоюзной ударной комсомольской стройкой Байкало-Амурская магистраль являлась центром притяжения молодых людей со всех концов СССР. В рамках системы шефской помощи в строительстве магистрали были задействованы 13 союзных республик и 22 административные единицы РСФСР [1, с. 49]. В разное время на БАМе работало более 80 национальностей Советского Союза и стран социалистического лагеря [2, с. 62].

Масштабный проект подразумевал не только постройку железной дороги, но и создание нового народнохозяйственного комплекса шириной около 400 км и площадью 1,5 млн км², получившего в литературе наименование «зона БАМ». Дорога не стала самодостаточным фактором вовлечения новых территорий в хозяйственный оборот. Центрами освоения края должны были стать новые поселения – небольшие города и рабочие поселки. За первые десять лет строительства в районах БАМа возникло более 60 городских поселений, временных рабочих поселков, железнодорожных станций.

В 1984 г. на БАМе было уложено «золотое звено», восточная и западная ветки магистрали сомкнулись, однако до завершения строительства было еще далеко. Мосты, тоннели, объекты путевой инфраструктуры, железнодорожные станции и поселки для железнодорожников, а также промышленные предприятия новых территориально-производственных комплексов вдоль БАМа планировалось построить в следующую пятилетку. Однако социально-экономический кризис периода перестройки и последовавший распад советского государства не позволили реализовать эти планы.

В советское время жизнь бамовских городов и поселков полностью зависела от строительных организаций, которые в дальнейшем должны были передать градообразующие функции промышленным предприятиям, специализировавшимся главным об-

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01656, <https://rscf.ru/project/24-28-01656>.

разом на добыче и переработке минерального сырья. В зоне БАМа располагаются крупные месторождения полиметаллов, угля, золота и других полезных ископаемых. Как любят подчеркивать местные жители, «под нами зарыта вся таблица Менделеева». Вдоль трассы планировалось разместить около десятка крупных территориально-производственных комплексов [3, с. 13]. Однако большинство горнорудных проектов БАМа, «угодив под перестройку», были свернуты. Законсервированными оказались также иные промышленные объекты, возводимые или проектируемые советским руководством в местах, где по различным соображениям разработка недр была невозможна. Все попытки привлечения инвестиций в освоение региона, включая проект об объявлении БАМа особой экономической зоной, успеха не имели [4].

«Самое главное, почему у многих сегодня на строительство на нуле и кажется пребывание здесь напрасным и жизнь напрасной, потому что у детей нет работы... Ну а зачем надо было строить тогда город (Северобайкальск. — Н. Б.)? Ну а тогда как здесь жить? Вот у меня два сына, они безработные. Один работает в лесу, несмотря на то, что у него диплом, а второй — менеджер по туризму: думали, что туризм будет... Самое обидное, что мои знакомые и мои дети только и мечтают, чтобы уехать» [5].

Поскольку замещения строительной индустрии добывающими и обрабатывающими отраслями не произошло, логика существования поселений оказалась связанной с эксплуатацией магистрали, деятельностью железнодорожной инфраструктуры и подведомственных социальных учреждений. Однако развитие пошло по противоположному сценарию: сначала были переданы на муниципальный бюджет все социальные объекты¹, затем сокращены производственные подразделения железнодорожников и, наконец, «оптимизирован» руководящий состав отделений дороги.

С официальной точки зрения данные сокращения продиктованы низкой рентабельностью самой магистрали. Еще с конца 1980-х гг. БАМ обеспечивал только 15% запланированного грузооборота. В начале 1990-х гг. объем перевозок сократился, рентабельность снизилась с 6,05 до -50% [6, с. 43]. На снижение объемов грузоперевозок повлияло в первую очередь уменьшение грузопредложения внутри зоны БАМа, вызванное кризисом лесной и строительной индустрии. Сложное финансовое состояние дороги также было связано с необходимостью содержать на балансе большое количество жилищно-коммунальных и социальных объектов: школ, детских садов, боль-

ниц и поликлиник, домов культуры, библиотек, жилого фонда и т. д. Еще одним фактором, тормозившим развитие БАМЖД, был износ основных фондов, доля которых в основных фондах всех железных дорог составляла 10% [6, с. 44].

Местные жители объясняли такую экономию стремлением руководства РЖД к извлечению больших прибылей: *«Эта дорога нам не принадлежит. Управлению железной дороги даже проводник выгоднее по содержанию из Иркутска... Как только ОАО РЖД образовалось, они вывели эту сферу, все же в руках акционерного правительства. Положение сразу ухудшилось. Они отдали больницу, школу... Я вообще удивляюсь, как люди живут. Ну вот у нас дома буквально, я вчера к вам пришла, я так обрадовалась, что вы эти две книжки мои продали, как они всегда к месту, потому что уже до пенсии 9-го числа у меня 140 руб. <...> Я раскладывала: вот лук купить надо, то купить надо...» [5].*

Кризис, спровоцированный рыночными реформами 1990-х гг., распространялся волнами и в разной степени коснулся территорий вокруг БАМа. Это было связано не только с различным уровнем социально-экономического развития регионов, через которые прошла дорога. По оценкам экономистов, районы БАМа всех шести регионов РФ (Иркутская, Амурская области, Забайкальский и Хабаровский края, республики Бурятия и Саха) имели в 1990-е гг. схожие показатели социально-экономического развития, характеризующиеся как депрессивные [7]. Несмотря на то, что сдача БАМа в постоянную эксплуатацию произошла в 1989 г., более 500 объектов, включая самый протяженный в России Северомуйский тоннель, оставались незавершенными.

Затянувшееся окончание строительного-монтажных работ поддерживало жизнь в бамовских поселениях. Поэтому многими жителями Северобайкальска или Таксимо, судя по устным свидетельствам, кризис 1990-х гг. ощущался менее остро, чем на «большой земле». Похожие наблюдения делает Л. М. Салахова, анализируя основные сюжеты устных рассказов жен строителей БАМа из азербайджанского отряда, собранные преподавателями и студентами пединститута Иркутского госуниверситета в бамовском поселке Ангоя (Бурятия) в 2005 г. [8, с. 145]. Вместе с тем экономическая стабилизация 2000-х гг., напротив, либо осталась незамеченной, либо ассоциировалась у респондентов с ухудшением социально-экономической ситуации в населенных пунктах БАМа: *«Разрыв между бедными и богатыми здесь больше, чем в Улан-Удэ... Три с половиной у нас средняя зарплата. Мы же еще не при дороге, хотя при дороге... Технички у нас получают 1500 на руки, гардеробщицы 1300, потому что у нас минимальная 600 руб. тарифная сетка плюс накрукти. И квартира (ежемесячные коммунальные платежи. — Н. Б.) притом стоит две с половиной тысячи» [9].*

Стремление руководства Министерства путей сообщения и ОАО РЖД к уменьшению расходов привело к упразднению БАМа как самостоятель-

¹ Большая часть школ, больниц, детских садов и клубов в бамовских поселках либо находилась в ведении строительных организаций Минтрансстроя СССР (размещались во временных зданиях на период стройки), либо принадлежала МПС и предназначалась для будущих железнодорожников и их семей (возводились в капитальном исполнении по современным проектам).

ной дороги и передаче ее активов в состав ВСЖД и ДВЖД в конце 1996 г. [10]

Исчезновение слова «БАМ» из повседневной жизни было болезненно воспринято местными жителями, включая как строителей магистрали, так и людей, непосредственно не занятых в ее сооружении: *«Теперь БАМа нет ни на какой карте, ни в документах... это главная потеря — исчезновение аббревиатуры БАМ с повседневной рабочей и всякой жизни. Оно осталось только на бытовом уровне, ну как, на нашем сердечном уровне... Люди женились, родились, работали на Байкало-Амурской магистрали, если бы вы играли свадьбу где-нибудь в Уояне, то в документах бы стояло: станция такая-то, Байкало-Амурская железная дорога. А теперь мы никто»* [5].

Подобные реакции переключаются с сопровитием перестроечным и постсоветским попыткам переоценки истории БАМа в формулах «памятник застою», «дорога в никуда» [11; 12; 13]. Отрицание исторического значения магистрали лишало бамовцев исторических смыслов существования, разрушало созданные социальные миры. Утрата прежнего образа БАМа, его вычеркивание из официального исторического нарратива создавали у местных жителей ощущение обиженности, лишения прежней государственной заботы. П. Рикер писал, что коллективная травма связывается с понятием утраты и становится ядром формирования социальной идентичности группы [14, с. 117].

Виктимизация и стигматизация бамовцев складывали основу для новой консолидации данной общности. В советское время идентичность бамовцев была связана не столько со строительством железной дороги (многие из строителей не работали на трассе, не укладывали рельсы, не отмечали железнодорожных праздников), сколько с тем, что их труд способствовал освоению Сибири. Социалистические идеалы, таким образом, не ставились ими под сомнение. Разочарование было «связано с другим — с радикальным и публичным отрицанием исторического значения построенных ГЭС, заводов, Байкало-Амурской магистрали» [15, с. 111].

Аргументируя свою позицию, жители городов и поселков БАМа часто апеллировали к государственным интересам, понимаемым ими в духе советских модернизационных проектов как необходимость освоения природных ресурсов севера Сибири и Дальнего Востока: *«У нас такая огромная Сибирь, единственная ветка — Транссиб, который идет по границе с Китаем. А залежи! Самые богатые месторождения в мире, и они никому не нужны? Это же неправда! И сказать, что БАМ — самый длинный памятник застою, это может сделать либо враг нашего государства, либо человек не от мира сего»* [16].

В данном контексте невнимание государства к БАМу рассматривалось многими как предательство национальных интересов. Характерным примером стал негласный бойкот бамовцев одному из советских передовиков, к тому времени уже покинувшему БАМ и удачно построившему карьеру в условиях

рынка, который в одном из газетных интервью назвал БАМ «дорогой в никуда». Важно, что никто из моих респондентов лично не видел этой статьи, но без наводящих вопросов вспоминал эту историю и не сомневался в факте наличия в тексте данного высказывания. Образ человека, успешного в государстве, которое лишило БАМ героической истории, не мог интерпретироваться бамовцами иначе как образ «предателя». Сюжет становился обязательным к упоминанию в рассказах о БАМе после окончания комсомольской стройки.

Во многих записанных историях бамовцев прослеживается отрицательное отношение к первым предпринимателям 1990-х гг. Оно было вызвано разными причинами, в числе которых представления о нечестности прошедшей в начале 1990-х гг. приватизации, личный негативный опыт общения с «коммерсантами», неудовлетворенность респондентов своим социальным положением и т. д. *«Ну вот, например, Д... есть здесь, преуспевает. Почему он успешный с ничего? Потому что он — комсомольский работник, комсомольский штаб, и на бюджетные деньги купили они оборудование пивоваренного завода, ему отвели часть предприятия... Ну вот он успешный. Но ведь этого на всех же не хватит, надо же другим-то рабочие места!»* [5].

Важно, что практически во всех собранных нами рассказах подчеркивается тезис не просто об отсутствии у бамовцев предпринимательских качеств, но о несвойственности им предпринимательской жилки в принципе¹. Т. Ю. Воронина, работая с проживающими ныне в Москве и Петербурге первостроителями БАМа, обратила внимание на частые рассказы об особой культуре потребления на советском БАМе, которая характеризовалась привычкой нерациональной тратить заработанное, хранить деньги «где попало», не делать накоплений [17]. Сюжеты, связанные с практиками пренебрежительного отношения к деньгам, могут являться своего рода оспариванием некоего «всеобщего» мнения о меркантильности строителей, которые поехали на стройку за большими заработками, дефицитными товарами, автомобилями и т. д.

В целом воспитание «бамовского характера» справедливо представляется исследователям гипертрофированным воспитанием советского человека, своеобразным испытанием на «советскость». Интервью демонстрируют, что эти «советские» черты поведения и личностные установки не только обнаруживаются в рамках воспоминаний о прошлом, но также служат фреймом для понимания и оценки событий настоящего [18].

Несмотря на декларирование отсутствия интереса к накоплениям, многих бамовцев можно бы-

¹ Специального исследования происхождения современных бамовских предпринимателей и степени их «сопричастности» БАМу нами не проводилось. По личным оценкам респондентов, предпринимателями стали 6–7% поколения первых строителей и ветеранов стройки.

ло без преувеличения назвать советскими миллионерами. Среди информантов нам встречалось немало людей, которые открыто обозначали личный приоритет материальных стимулов при выборе работы на БАМе в советское время, но сетовали на проблемы при попытках организовать свое дело после завершения стройки. Один респондент, проработавший на БАМе столяром с 1986 по 1991 г., признался, что заработал три сертификата на приобретение легковых автомобилей и 800 тысяч рублей на сберегательной книжке. По его словам, подобные случаи не были единичными на БАМе [19].

Предпринимательство «по-бамовски» существовало только в рамках социалистической системы. Перепродажа по завышенным ценам сертификатов на автомобили или спекуляция дефицитными товарами повышенного спроса (обычно в рассказах фигурируют дубленки, ковры, магнитофоны) и продуктами питания [20, с. 88–89] стали невозможными с исчезновением самой системы привилегированного снабжения. Бамовские состояния обесценились с инфляцией в начале 1990-х гг., так и не став стартовым капиталом для организации новых бизнес-проектов.

В рассказе одного строителя, начинавшего строить БАМ с первых палаток в Таксимо, история неудачного опыта открытия в 1990-е гг. своего магазина занимает центральное место. *«Я ЧП какое-то создал, надо было чем-то заниматься, кормить семью, дети как раз заканчивали школу... Как все торгуют, я взялся за это дело... Я был в Москве, заказал мандарины перед Новым годом, в ноябре месяце, а они пришли в феврале только, пять самолетов было, и они пропали (мандарины испортились. — Н. Б.), естественно. Мне тяжело было, я понял, что я — производительник. Я бросил все это дело, вернулся обратно, я не смог адаптироваться к этой ситуации, этих предпринимателей, будем говорить. В то время только торгаша жили... Я даже магазин построил здесь, сейчас отдал племяннику: заberi к чертовой матери этот магазин! Нет жилки этого торгаша. Черт его знает, может, доброта меня кончила... Не смог я войти в эту перестройку. Она для меня — выкинутые годы, я серьезно говорю. Я не прожил для своих детей, и для себя не нажил ничего»* [21].

Рассказ строится на противопоставлении положительного героя — «производственника» отрицательному герою — «торгашу». В первую очередь в глаза бросается желание респондента дистанцировать себя от настоящего времени и существующего порядка через указательное местоимение «этот»: «эти предприниматели», «этот магазин», «эта перестройка». Хотя респондент рассказывает о 1990-х гг., он называет это время «перестройкой». Соединение периодов перестройки и рыночных реформ в единое событие-период неоднократно отмечалось нами при интервьюировании бамовцев, так же как и путаница в воспоминаниях о событиях, произошедших в период руководства страной М. С. Горбачевым и президентства Б. Н. Ельцина.

На открытие собственного дела рассказчик толкает необходимость выживания, забота о семье и детях, то есть экзистенциальные и альтруистические мотивы, а не стремление получить прибыль. Он как бы мученически соглашается выступить в чуждой и неприятной ему роли «торгаша». В другой части своего рассказа, не связанной с вышеописанной историей, данный респондент уже открыто заявляет, что с занимающимися коммерцией бамовцами «никто не общается», имея в виду прежних друзей из комсомольского отряда. Структура и динамика повествования таковы, что основное внимание рассказчик уделяет оправданию своего решения заняться бизнесом и объяснению причин провала начатого дела. Описание же самого предприятия раскрывается поверхностно. Ощутимо нежелание посвящать собеседника в детали («ЧП какое-то создал», неясные источники финансирования и объемы затрат — «пять самолетов»). Апофеозом выступает финал, который, несмотря на неудачность затеи, воспринимается рассказчиком как торжество истинных идеалов, «правды» над «кривдой». Нарастающая к концу рассказа экспрессия («заberi к чертовой матери этот магазин», «черт его знает») призвана обеспечить значимость заключительного акта.

Предположение о том, что развитию бизнеса помешали личные качества («доброта меня кончила») не получило дальнейшего раскрытия в данном интервью. Но оно перекликается с похожими и более конкретизированными рассуждениями других информантов о том, что «бамовская доброта», подразумевающая открытость, готовность безвозмездно оказать помощь, и, главное, наивное ожидание такой же готовности помочь со стороны окружающих, создавали проблемы в дальнейшем. Т. Ю. Воронина рассказывает, как в одном интервью информант поделился трудностями, с которыми ему пришлось столкнуться после переезда с БАМа на «большую землю»: «Он считал, что применение бамовских стандартов в обычном городском сообществе очень ему мешало, особенно первое время после возвращения. Но и в этом случае, по его мнению, принципы, привитые бамовским коллективом, попросту оказались слишком хороши для применения в другой, городской, среде» [17].

История советского освоения зоны БАМа демонстрирует большую самостоятельность и изобретательность строителей, которым в суровых условиях района пионерного освоения пришлось налаживать новую жизнь, возводить города, поселки, железнодорожные станции. Рассказы бамовцев наполнены сюжетами об организации палаточного быта, рубках первых просек и прокладке автозимников, обустройстве бамовских «нахаловок», прочих эпизодах, связанных с жизнью в сибирской тайге вдаль от центров цивилизации. Выживание жителей бамовских городов и поселков в 1990–2000-е гг., актуализировав советский опыт, не могло не включать предпринимательские практики. Важно, что эти практики, ассоциируемые с враждебным БАМу рыночным миром, не

были интегрированы поколением советских бамовцев в общую систему ценностей. Перемены, происходившие в этот период, не сразу соотносились с индивидуальным опытом. Личная история продолжала пониматься и рассказываться в прежних паттернах, что способствовало формированию образа БАМа как «заповедника советскости». Свои личные неудачи, материальные и карьерные трудности постсоветского времени многие бамовцы склонны были связывать с присущими им более развитыми морально-нравственными качествами, которые были сформированы «школой БАМа» и не позволяли вписаться в исторический контекст новой России. Отсутствие диалога между государством, подвергшим БАМ десятилетнему забвению, и сообществом бамовцев, ответившим консервацией советской памяти о БАМе, имеют негативные последствия на современном этапе, когда происходит новый поворот государства к БАМу в рамках реализации программы модернизации восточного полигона железных дорог России.

N. S. Baikalov

After BAM: the crisis of the 1990s as perceived by residents of near-mainline urban settlements

Abstract. The final stage of construction of the Baikal-Amur Mainline coincided with the collapse of the Soviet state and the systemic crisis caused by the radical economic and political reforms of the 1990s. Cities and towns in the BAM influence zone found themselves in a difficult situation when transport construction enterprises were disbanded, and the railway was unable to provide city-forming functions in the context of the transition to a market economy. At the official level, BAM was criticized and forgotten, which led to the preservation of the collective memory of the all-Union Komsomol construction project in local BAM communities, rejection of market reforms and the desire to preserve the previous structures of everyday life, which found expression in the life stories and stories of residents of BAM cities and towns, recorded during field work in 2002–2019. **Keywords:** *Baikal-Amur Mainline (BAM), urban settlements, late socialism, perestroika in the USSR, oral history, collective memory, radical economic reform, entrepreneurship.*

Источники и литература

1. БАМ на территории Бурятии: история строительства, ее роль в хозяйственном освоении региона / отв. ред. И. В. Гордиенко. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. 217 с.
2. БАМ – стройка дружбы / сост. Г. Л. Санжиев. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1984. 208 с.
3. БАМ. Технический отчет об изысканиях, проектировании и строительстве: в 2-х т. Краткий технический отчет. Т. 1 / гл. ред. В. А. Брежнев. М.: Транстрой, 1997. 392 с.
4. О Федеральном законе «Об особых экономических зонах Байкало-Амурской железнодорожной магистрали» (проект № 98053799-2) : постановление Государственной Думы Федерального собрания РФ от 22 марта 2002 г. № 2572-III ГД.
5. ПМА 2004 г.: республика Бурятия, г. Северобайкальск, Светлана, 1943 г. р.
6. Савватеев А. В. Оценка и сравнение стратегий развития новых хозяйственных комплексов: на примере «региона БАМ»: дис. ... канд. экон. наук. Новосибирск, 1998. 200 с.
7. Аршба Л. Н. Экономическая оценка эффективности стратегий развития Байкало-Амурской магистрали: дис. ... канд. экон. наук. Новосибирск, 2005. 168 с.
8. Салахова Л. М. Воспоминания бамовцев, представителей азербайджанского отряда строителей (коллекция архива устных рассказов жителей Байкальской Сибири) // «Огни магистрали»: исторический опыт и стратегии развития регионов Сибири и Дальнего Востока: сб. науч. тр. по материалам всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием / науч. ред. Н. С. Байкалов. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского государственного университета им. Доржи Банзарова, 2024. С. 138–146.
9. ПМА 2004 г.: республика Бурятия, г. Северобайкальск, Раиса, 1953 г. р.
10. О присоединении Байкало-Амурской железной дороги к Дальневосточной железной дороге: постановление Правительства РФ от 20 ноября 1996 г. № 1377 // Российская газета. 1996. № 249. С. 2.
11. Грушевский В. Без фанфар: БАМ: памятник застою или дорога в будущее? // Правда. 1988. 28 дек. С. 4.
12. Гринько В. «Бум и БАМ»: После критики // Правда. 1987. 27 октября. С. 4.
13. Хатунцев В. Бум и БАМ: Почему молодая магистраль не работает в полную силу // Правда. 1987. 11 июня. С. 3.
14. Рикер П. Память, история, забвение. Москва : Изд-во гуманитар. лит., 2004. 725 с.
15. Рожанский М. Я. Сибирь как пространство памяти. Иркутск: Оттиск, 2013. 179 с.
16. ПМА 2004 г.: республика Бурятия, г. Северобайкальск, Сергей, 1948 г. р.
17. Воронина Т. Ю. Память о БАМе. Тематические доминанты в биографических интервью с бывшими строителями // Неприкосновенный запас. 2009. № 2. С. 76–95.
18. Богданова Е. А. Как утопия стала реальностью. «Строительство БАМа – самое счастливое время в моей жизни» // Топография счастья: этнографические карты модерна: сб. ст. / сост. Н. Ссорин-Чайков. М.: Новое лит. обозрение, 2013. С. 199–218.
19. ПМА 2019 г.: республика Бурятия, пос. Баргузин, Дмитрий, 1963 г. р.
20. Байкалов Н. С. На БАМе было все! Торговое обслуживание участников Всесоюзной комсомольской стройки // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: История России. 2022. Т. 21. № 1. С. 83–94.
21. ПМА 2002 г.: республика Бурятия, пос. Таксимо, Михаил, 1955 г. р.

DOI 10.37386/2687-0592-2024-12-145-150

УДК 39(574.4)=112.2

Д. Д. Жувашева*КГУ СОШ № 28 г. Семей, область Абай, Республика Казахстан***История депортации немцев в Восточный Казахстан: меморативные аспекты**

Аннотация. История депортации немцев в Восточный Казахстан является важной страницей в истории советских репрессий, затронувших множество этнических групп. В статье рассматриваются мемориальные аспекты депортации немцев на основе анализа воспоминаний очевидцев и архивных данных. Особое внимание уделяется социальным и культурным изменениям, произошедшим в результате переселения. На основе воспоминаний Лилии Павловны Гончарук и Ивана Ивановича Бельгера, а также других очевидцев реконструируются условия жизни депортированных. **Ключевые слова:** депортация немцев, меморативные аспекты, историческая память, устная история, советская политика.

Введение

Депортация немцев в 1941 г. была частью широкомасштабных репрессий, проводимых советским правительством во время Великой Отечественной войны. Советские немцы, многие из которых жили на территории Поволжья, были вынуждены переселиться в Сибирь, Казахстан и другие отдаленные регионы СССР. Это принудительное переселение сопровождалось нарушением прав человека и тяжелыми условиями жизни, которые привели к гибели тысяч людей. В Казахстане депортированные немцы были распределены по различным районам, включая Восточный Казахстан. В данной работе исследуются меморативные аспекты депортации через анализ воспоминаний непосредственных участников событий и их потомков. Воспоминания, такие как у Лилии Павловны Гончарук и Ивана Ивановича Бельгера, дают уникальный взгляд на пережитый опыт депортации.

Методы исследования

Основой исследования является метод качественного анализа устных свидетельств, включающий воспоминания депортированных немцев и их потомков. Применялись методы исторической реконструкции на основе текстов воспоминаний и архивных материалов. В частности, были использованы материалы интервью Лилии Павловны Гончарук, Ивана Ивановича Бельгера и Елены Владимировны Гофман, Мунирова Альмансура, которые были подвергнуты критическому анализу.

Результаты

С началом войны советские немцы, как и другие народы бывшего СССР, поднялись на борьбу с германским фашизмом. В частности, от населения АССР немцев Поволжья поступило 2500 заявлений о добровольной отправке на фронт, а 8000 немцев вступили в народное ополчение. Впоследствии многие из них были удостоены государственных наград, но большинство, даже совершив героические подвиги, оставались в тени заслуженной славы или же находились в полной неизвестности.

Стремительное продвижение противника, ухудшение экономической и социальной обстановки,

почти полная неясность дальнейших перспектив небывалой войны – все это и множество других неудач определило отношение Сталина и его окружения к немецкому населению Поволжья.

Центральные органы настойчиво требовали от местных органов НКВД разоблачения «шпионских гнезд». Тогдашнюю ситуацию можно было понять, учитывая то, что среди немецких предприятий и населения присоединенных к СССР Бессарабии, Западной Украины, Западной Белоруссии, стран Прибалтики гитлеровцы создавали шпионскую сеть для подрывных акций против СССР. В рекомендациях Центра, требовавшего «разоблачения шпионских сетей и выявления врагов», просматривалась явная тенденциозность – во что бы то ни стало вскрывать связь немецкого населения республики и германской разведкой [1, с. 194]. В июле 1941 г. АССР немцев Поволжья посетили Молотов и Берия, после чего было принято решение депортировать все население. 28 августа был обнародован указ Президиума Верховного Совета СССР № 21-160 «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья» [2].

Депортация немцев проводилась по строгому графику одновременно во всех населенных пунктах. Сборы и отправка людей продолжались с 3 по 20 сентября 1941 г. Процесс депортации немецкого населения на территорию Восточного Казахстана осуществлялся двумя крупными очередями. Первая очередь в составе 15 331 человека прибыла сюда в середине – конце сентября 1941 г. Это были немцы, выселенные из Сталинграда, Сталинградской области и Астрахани [3, с. 39]. Вторая очередь немцев-переселенцев прибыла в ВКО в октябре – ноябре 1941 г., ее численность составила 12 тыс. чел. По данным РО НКВД, в сентябре 1941 г. в Шемонаихинском районе проживало 230 немецких семей, 992 чел. Они размещались в основном в немецких селениях: Пруггерово, Горкуново, Америка, Кенигово. Следует отметить, что немцев старались направлять в те населенные пункты, где немецкое население отсутствовало вообще или его процент был незначительным. В села немцы направлялись в ограниченном количестве. Большая их концентрация в насе-

Рис. 1. И. И. Бельгер. Фото из личного архива.

ленных пунктах не допускалась. Наибольшее количество немцев, 450 чел., было расселено в с. Шемонаиха. Кроме того, значительное число немцев направлено в село Спасское, Шемонаихинский и Михайловский свиновозхозы. Точных данных о размещении немцев из состава второй очереди пока не найдено. В Предгорненском районе было размещено около 2 тыс. немцев, порядка 3 тыс. переселенцев направлено в Лениногорский, около 1,5 тыс. – в Ланский район. По Верх-Убинскому району имеются более точные данные: расселено 314 семей, 1248 чел. [4, с. 41]. Всего за 1941–1942 гг. в республику переселено более 420 000 немцев, из них в Восточно-Казахстанскую область – 28 069 чел., в Семипалатинскую – 39 196 [5, с. 142].

Кроме официальных документов, источника информации о депортации являются мемуары и личные воспоминания, которые дают представление о том, как депортированные переживали этот тяжелый период жизни. В устных рассказах многих депортированных немцев встречаются упоминания о тяжелых условиях труда, голоде и дискриминации, но отмечаются и случаи взаимопомощи между переселенцами и местным населением, что несколько облегчало положение депортированных.

Методы исследования социальной памяти в определенных социокультурных условиях зависят от инструментов, которые были развиты самой эпохой. Это метод, при котором собираются и сохраняются личные воспоминания участников или свидетелей исторических событий, записанные специалистами. Устная история – это не просто случайные воспоминания, а целенаправленный опрос, где людей спрашивают о важных событиях, в которых они

участвовали. Цель опроса – понять, как люди оценивают события прошлого, их влияние на сегодняшние социокультурные условия и правовые ценности. Это помогает сравнить прошлое и настоящее, а также выявить ключевые различия в ресурсах и ситуациях разных эпох. С развитием техники в XX в. устная история получила признание как научный источник благодаря возможности фиксировать информацию с помощью электронных носителей. Теперь каждый человек может стать частью процесса создания своей индивидуальной истории [6].

Из воспоминаний **Ивана Ивановича Бельгера** (рис. 1), 1928 г. р., жителя г. Семей. «Переселили нас из Саратовской области, с. Нойфелд, на территорию Павлодара в Лебяжинский район, и распределили по аулам, деревням. Наша семья попала в Майкарагайский леспромхоз. Когда мы приехали в Казахстан, к нам с недоверием, с опаской относились, были возгласы „Немцы, немцы, немцев везут“, думали – фашистские немцы, не знали, что советские немцы. Старший брат в Подмоскowie, младшая сестра на Алтае, старшая сестра в Германии, вот так разбросаны все.

Трудности, конечно, были, в первое время во время войны. На машинах тогда же не было аккумуляторов, света даже не было. Лес возили до Лебяжьего на расстоянии 90 км., и где ночь застанет, там ночуем. Большое спасибо казахам, что оказывали нам помощь, в ауле просили женщин чурок для самовара. Они нам чашку айрана, курт давали: не отказывали нам мальчишкам. Хорошо нас поддержали. Было так, что по дороге умирали, но у нас в ауле как такового голода не было. В ауле где ночь застанет, там и ночуешь. Казахи не отделяли нас от своих детей. Обедали все за одним столом. Трудно, конечно, было. Был и холод, и голод. Но в леспромхозе там было подсобное хозяйство, там и дойные коровы, и свиной держали. Шоферов дефицит, взрослых не было – все были на войне. Лесозавод и автопарк под одной оградой, там женщины все грузили – ни кранов, ничего не же было, все руками. Машину в ограде ставили, в гараже был навес. Пока машину грузили, нам давали кусочек хлеба и в глиняных чашках простоквашу и ложечку сахара. Домой не ходили, дома делать нечего было. И так питались в ауле, наберешь курта в карманы, едешь по дороге, грызешь. В аулах, конечно, было посложнее, люди даже от голода умирали. Мы получали спецодежду, все равно нас как-то поддерживали. Зарплату не давали, в столовой покушаешь, и все. Проходит месяц, говорят, еще должен остался. Зарплату начали получать в 1944–1945 гг., когда с фронта начали приходить. Мы тоже начали получать деньги. А до этого начисляли, а куда уходило, нам, мальчишкам, даже в голову не приходило.

В 1942 г. отца забрали в трудовую армию и старшего брата. Остались я, мама и две сестренки, 9 и 11 лет, так выживали. До прибытия в Казахстан жили в Саратовской области, еще до войны была автономная республика немцев Поволжья. А когда началась война, вот это сталинский режим, Берия, Гитлер нас

гнал до самой Москвы. И посчитали, что среди немцев Поволжья скрываются „немецкие шпионы“. Нас выслали, всех жителей немецкой национальности, в Казахстан, Сибирь. Автономную республику ликвидировали, часть отдали Саратовской области, часть Сталинграду (ныне Волгоград). До переселения отец был председателем колхоза, а мать так работала в колхозе, мы учились в школе.

В нашей деревне разрешали брать продукты. Везли нас в общем товарном вагоне, долго очень везли, наверное, около месяца. Умирали по дороге, выгружали людей. Просто как скот везли людей. Мы, дети, это не ощущали, как будто в порядке вещей, ну взрослым, конечно, было труднее. Бывает так – пробегаешь весь день, а утром в 8 часов на работу. И никто не смотрит, что ты ребенок, нет такого – я устал, я не хочу. Надо так надо, война есть война. И никаких жалоб понятий не имели. Когда мужчины возвращались с армии, нам стало легче, хоть защита.

Отца забрали в трудовую в Свердловскую область на Урале, а брата – в подмосковную шахту Сталиногорск (после смерти Сталина – Новомосковск). Там так и прожил, и вот в прошлом году в возрасте 98 лет ушел из жизни. Один я остался – ни брата, ни жены, ни детей. Вот только внучка и правнук остались здесь. Правда, сейчас он учится в Томском медицинском институте. И в Саратове внучка младшая, 20 лет проработала в Экибастузе врачом.

В 2002 г. переехал в Семипалатинск. Внучка закончила медицинский институт, вышла замуж, дети появились. Ну и нас перетянули сюда в качестве помощников, нашли эту квартиру. 22 сентября стал второй раз прапрадедушкой. Считаю, 82 года в Казахстане, не знаю, где теперь моя родина. В Саратове всего 14 лет жил» [7].

Число представителей этнических групп, которые пережили насильственную депортацию в сталинскую эпоху или же слышали об этом непосредственно от очевидцев этого события, к сожалению, с каждым днем уменьшается. Тем ценнее сведения, которые они оставляют в своих воспоминаниях. Семейная память зачастую воспроизводится в устных рассказах. Родившиеся в условиях спецпоселения знают о депортации их родителей, родственников по историям и рассказам своих депортированных родственников. Воспоминания В. П. Кайель, 1947 г. р., жителя села Борас Бескаргайского района области Абай, основаны на рассказах матери, которая была депортирована вместе со своей семьей из Ставропольского края осенью 1941 г. «Дорога до станции была далекой, холодной и дождливой. Сестра матери была беременна и родила в телеге по пути, но, к сожалению, ребенок умер от переохлаждения и сама она чуть не погибла. Их погрузили в так называемые „телячьи“ вагоны, предназначенные для скота. Депортированных немцев объявили неблагонадежными по национальному признаку и переселили. В конце концов маму с родными посадили на пароходы в Омске и отправили по Иртышу. Их высадили у села Канонерка, и выжили только бла-

Рис. 2. Е. В. Гофман. Фото из личного архива.

годаря казахам, которые делились с ними последним» [8, с. 41].

Память о депортации зафиксирована также в воспоминаниях **Елены Владимировны Гофман** (рис. 2), жительницы с. Ново-Хайрузовка Катон-Карагайского района ВКО.

«Моя прабабушка, Ольга Богдановна Гофман (в девичестве Майер), появилась на свет 30 октября 1930 г. в Сталинградской области. В то время моей бабушке Оле всего лишь 8 лет. Ее мать, Екатерина Андреевна Майер (девичья фамилия Яргер), занималась тяжелым крестьянским трудом. Труд был необходим, так как семья была большой – 5 детей: Саша, Олинда, Ольга, Лида, Женя. В составе такой семьи моя бабушка попала в Малокрасноярку во время переселения. В то же время ее брата Сашу и старшую сестру, двоюродного брата Майера Роберта Федоровича взяли в трудовую через месяц. Трудармейцы находились в более суровых условиях административного содержания, с жестким режимом жизни и работы, а также неприязненным отношением местных властей и населения. Они работали в Соликамске, в Пермской области на Урале, где каждый день трудились 14–16 часов, заготавливая древесину под наблюдением солдат. Бараки, в которых они жили, были обнесены колючей проволокой. Это было похоже на тюрьму продолжительностью в 10 лет, где им выдавался ежедневный паек, недостаточный для прокорма. Особенно тяжело было курильщикам, которые меняли свою пайку на сигареты и так голодали, рискуя погибнуть от голода. Больные не получали помощи или освобождения от работы. Все, кто остался с детьми в Малокрасноярке, также работали, твердо веря в девиз „всё для фронта, всё для победы“.

Муж Ольги Богдановны, Гофман Александр Александрович, рожденный в 1931 г., даже не помнил своего отца. Он был слишком маленьким, когда его отца незаконно арестовали и оклеветали. Никто не объяснил причину его ареста, и он так и не вернулся из тюрьмы. Поэтому моего мужа вместе с его

Рис. 3. Л. П. Гончарук. Фото из личного архива.

матерью Марией Андреевной Гофман (девичья фамилия Яргер) и двумя братьями и сестрой перевезли в Казахстан. В одних из воспоминаний моей прабабушки она рассказывала: „Нам дали всего два дня на подготовку – сорок восемь часов. В первый вечер мама успела накормить коз и подоить коров, а на следующий день некому было присматривать за ними, и коровы сами пошли к себе в хутор, издавая голодные звуки. Рано утром нашлись подводы, запряженные лошадьми и волами. На подводах, полных семейным имуществом, сидели старики и маленькие дети. Женщины, уезжающие или провожающие, плакали, не скрывая слез. Мужчины старались подавить свою грусть, даже дети и подростки вели себя тихо. Погрузка в вагоны началась в полночь. Утром поезд подъехал к грузовой пристани, где их ждала погрузка на пароход, по иронии судьбы носивший название „Роза Люксембург“. Они не знали, куда они направляются, на этот вопрос никто не отвечал, таковы были правила. Многие из них перенесли морскую болезнь. Все было спокойно, пока не заметили, что пароход стоит на месте посреди ночи. Начали распространяться слухи о том, что всё, немцы хотят утопить. Однако оказалось, что пароход застрял на мели, на которой простояли более суток, пока баржи не подошли и снова не пришлось перегружаться. Им очень хотелось есть, но за это время продукты стали портиться, и их просто выкидывали за борт. И вот они услышали, что прибыли в Гурьев и теперь им нужно перегружаться в товарно-скотские вагоны. Снова началось движение. Вагоны были заполнены до предела людьми и их вещами. Впервые им подали горячую пищу только в Аральске. После этого каждые два-три дня на больших станциях их кормили горячим питанием. Так они доплыли до станции Семипалатинск, где им пришлось перегружаться на речные баржи. Больше пяти суток они плыли по реке Иртыш на перегруженной барже. И вот они добрались до пристани Малокрасноярка. За спиной остались почти тридцать изнурительных дней и ночей в

пути. Семьи Гофман и Майер остались в селе Малокрасноярка. Семью Карих отвезли в село Усть-Нарым, всего в 12 километрах от пристани. Там были холмы и горы, Алтайские хребты. После волгодонских степей для переселенцев это было непривычно. Дома там в основном были из самана, с низкими и невысокими стенами и маленькими окнами. Крыши были плоскими и покрыты глиной, не было ни садов, ни деревьев. Все немецкие семьи старались разместиться в домах местных жителей – русских и украинцев“ [9].

Из воспоминаний **Лилии Павловны Гончарук** (рис. 3), жительницы г. Семей. «Когда указ вышел, вечером часов в пять или шесть сказали, приехали в село Добренка энкэвэдэшники. Собрали все население и дали два часа на сборы. Скотина как раз шла, а их доить надо. И такой рев стоял – коровы, люди рыдали. И вот с города другие приезжали. Одни высеялись, другие заезжали. Немецкие поселки всегда были добротными, как бы на века. Ну, кто-то успевал за эти несколько часов скотину там, свинью зарезать в дорогу. Но что говорила мама, уму непостижимо – то ли поздно ночью, то ли к утру быть на станции. Поездов как таковых не было, всех сажали в товарняк. Это мы сейчас так говорим, а тогда там скот перевозили. Они были открыты, не оборудованы. Очень много людей умирало, вот у мамы ребенок второй умер по дороге. Причина была неизвестна, то ли краснуха, а может, из-за температуры высокой. Вот одна выжила, а вторая нет. Тела могли просто выкидывать, если какая-то станция, где долго стояли, – могли закапывать в одной большой могиле.

Мама моя с Поволжья, родилась в селе Добренка. И в 1941 г., когда вышел указ, у нее был муж и ребенок, второй ребенок умер в поезде по дороге сюда. Всю семью выслали в Казахстан, в Урджарский район в подгорье Тарбагатай. Была ферма и там хутор. Одна улица. Люди жили, которые работали вот на этой ферме. Вот туда их переслали. Отец, мамин муж, это не мой отец, это отец моей сестры, ее имя Беккер Альвина Самуиловна, 1920 г. р. И вот в первый, нет, второй год, когда они там уже жили, это был 1942 год уже. Он работал на поле на тракторе, и мама там работала тоже. Кушать было особенно нечего, и он взял полстакана пшеницы, положил в выхлопную трубу трактора, чтобы пшеница мягкой стала, чтобы хоть что-то покушать, но кто-то увидел. И всё: ночью за ним пришли, больше мама его не увидела. Скорее всего, донос, что имущество разбазаривает, себе берет. То, что там было полстакана, это не важно. Всё, вот его в Алматы, в тюрьму. Мама больше не слышала ничего о нем. Потом уже сказали, что он не выдержал пыток и там скончался. В 1946 г. мама вышла замуж за моего отца. А отец с Кавказа, Минводы. Когда 18 лет ему исполнилось, его взяли в армию. И тут же война началась. Его сразу отправили на фронт. После ранения в ногу он лежал в госпитале, и вышел вот этот указ. Всех считали „врагами народа“ и всех в трудармию отправляли.

Рис. 4. А. А. Муниров.
Фото из личного архива.

Мама моя, бабушка со стороны отца, очень мало рассказывали, боялись доносов. Вот что-то сказал, а завтра уже донесли. Бабушка всегда говорила: меньше будешь знать – лучше будешь жить. И вот я, наверное, была уже в классе восьмом, мне все было интересно узнать – ну вот была война, вот репрессии. Но она неохотно все рассказывала, тяжело все было вспоминать; во-вторых, все всего боялись. Одно поняла: война научила всех жить молча.

В те времена хорошим было то, что люди обменивались знаниями и опытом между собой. Например, местные жители учили, как ухаживать за баранами, как чистить, как шерсть прясть, вот это всё. А депортированные немцы научили, как выращивать помидоры, огурцы. Это было и культура, и выживание. Семена кто-то умудрился перевезти. Вот там, может, три-четыре семечка, но сохранить, чтобы высадить потом.

В нашей семье хотели сохранить национальную культуру. У нас так было, не разговаривали с родителями на немецком. И я помню, бабушка говорила, чтобы ее называли бабушкой по-немецки. А мне все хотелось назвать бабой, слышала, как другие детишки так называли. А она говорит: „Баба на базаре, понимаешь? А я бабушка, по-немецки. И вот пока я жива, будешь меня так называть. Когда я умру, всё, дело твое, как ты хочешь меня называть“» [10].

Муниров Альмансур Амирович (рис. 4), житель города Семей, рассказывал о трагедии депортации немецкого населения по воспоминаниям прабабушки Берты Федоровны Тисеновой (рис. 5). В сентябре 1941 г., после принятия указа о депортации немцев в Казахстан, ее родители Эмма Андреевна Виттенберг, 1914 г. р., и Фридрих Иванович Виттенберг, 1913 г. р., были выселены из Саратова в село Алексеевка. «Моя прапрабабушка, Нина Виттинбек Фридриховна, была „дите депортации“, родилась она как раз в годы высылки в 1941 г. Когда началась война, родители испытали все трудности того периода, в то же время представители немецкой национальности подвергались массовой высылке. Эта же участь коснулась и моих родителей. Давали немного времени на сбор вещей, брали все необходимое. Перевозили в товарных вагонах без условий. Местное население относилось скептически, принимали за фашистов. Конечно же, никто нас не ждал. И соответственно, не было никаких условий для нашего благоустройства.

Рис. 5. Б. Ф. Тисенова. Фото из личного архива.

Как приехали в Алексеевку, папа выкопал избушку, в маленькой комнатке ютились мама Эммы, бабушка и ребенок. Папу забрали в трудовую. Вернулся же обратно в 1943 г. Двое дядей по маминей линии пропали без вести. В 1956 г., когда вышел указ об отмене спецкомендатуры, можно было возвращаться на родину на Волгу – в Саратов. Но все же не вернулись, так как знали, что живут другие люди» [11].

Заключение

Депортация немцев в Восточный Казахстан оставила глубокий след в их памяти и культуре. Анализ воспоминаний Лилии Павловны Гончарук, Ивана Ивановича Бельгера и других очевидцев показывает, что, несмотря на тяжелые условия жизни и репрессии, немцы стремились сохранить свои традиции и передать их следующим поколениям. Мемориальные аспекты депортации немцев свидетельствуют о важности культурной идентичности и коллективной памяти, которые помогли выжившим справиться с последствиями.

Изучение устных воспоминаний позволяет не только восстановить историческую картину, но и понять важность мемораций как способа сохранения коллективной памяти и культурной идентичности. Принудительное переселение и репрессии нанесли непоправимый ущерб поволжским немцам, однако память о тех событиях жива и продолжает передаваться из поколения в поколение.

D. D. Zhuvashева

History of the Deportation of Germans to Eastern Kazakhstan: memorial Aspects

Abstract. The history of the deportation of Germans to Eastern Kazakhstan represents an important chapter in the history of Soviet repressions, which affected many ethnic groups. This article examines the memorial aspects of the deportation of Germans based on the analysis of eyewitness accounts and archival data. Special attention is paid to the social and cultur-

al changes that occurred as a result of the resettlement. The living conditions of the deported are reconstructed based on the recollections of Liliya Pavlovna Goncharuk and Ivan Ivano-

vich Belger, as well as other eyewitnesses. **Keywords:** *deportation of Germans, memorial aspects, historical memory, oral history, Soviet policy.*

Источники и литература

1. Депортированные в Казахстан народы: время и судьбы. Алматы: Арысь-Казахстан, 1983. 428 с.
2. Немецкие населенные пункты Поволжья в 1917–1941 гг. URL: http://www.wolgadeutsche.ru/history/verordnung_26_08_1941.htm (дата обращения: 09.08.2024).
3. Маутканов Г. Немцы у нас все же останутся... // Наше дело, 1999, 25 ноября.
4. Демографиялық жағдай цифралар тілімен // Семей таңы, 2003, 21 қараша.
5. Бургарт Л. А. Немцы в Казахстане в 1941–1956 гг.: Депортация и положение в условиях режима спецпоселения: дис. ... канд. ист. наук. Усть-Каменогорск, 2000. 151 с.
6. Аманова А. Динамика численности и география расселения депортированных народов в Казахстане // Поиск. 2006. № 3. С. 141–145.
7. Богданов В. В., Макаренко С. Н. «Устная история» как органон правового образования // Современные проблемы науки и образования. 2016. № 3. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=24667> (дата обращения: 09.09.2024).
8. Полевые материалы. Интервью с Бельгер И. И., 2023 г.
9. Жанкадамова Г. А., Атантаева Б. Ж., Ахметова Р. Д., Карибаева А. С. The history of the deportation of Germans to Kazakhstan in the memoirs of descendants // Вестник Евразийского национального университета имени Л. Н. Гумилева. Серия: Исторические науки. Философия. Религиоведение». 2022 № 4 (141). С. 37–49.
10. Полевые материалы. Интервью с Гофман Е. В., 2023 г.
11. Полевые материалы. Интервью с Гончарук Л. П., 2023 г.
12. Полевые материалы. Интервью с Мунировым А. А., 2024 г.

DOI 10.37386/2687-0592-2024-12-150-154

УДК 94(571)+930:314

Г. В. Любимова, Н. П. Штейнпрейс

*Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск, Российская Федерация
Новосибирский государственный университет, г. Новосибирск, Российская Федерация*

Сибирское переселенческое село: этнокультурные контакты сквозь призму крестьянской мемуарной литературы (конец XIX — первая треть XX века)¹

Аннотация. На основе крестьянских рукописных воспоминаний в статье рассматриваются формы этнокультурного взаимодействия сибирских переселенцев (русских, чувашей, мокшан, эрзян и др.) на фоне истории типичного переселенческого села с конца XIX в. вплоть до периода коллективизации и образования колхозов. Выявляется соотношение крестьянской мемуарной литературы с другими видами исторических источников личного происхождения (эго-документами).

Ключевые слова: *историческая память, эгодокументы, этнокультурное взаимодействие, сибирское переселенческое село.*

Культурное многообразие современных сибирских традиций обусловлено историческими особенностями заселения региона, включая такой фактор, как множественные межэтнические контакты на поздних этапах массовых аграрных миграций. Об этом, в частности, свидетельствуют данные первой всеобщей переписи населения Российской империи, согласно которым в Сибири в 1897 г. был зафиксирован самый высокий по стране удельный вес немцев — 23,4% [1, с. 39].

Обычно подобного рода этнические и культурные контакты представлены в научной литературе как взаимодействие сибиряков-старожилов и позд-

них российских переселенцев [2]. Вместе с тем, помимо указанной дихотомии, значительный интерес представляют этнокультурные процессы внутри самого переселенческого сообщества. Пристального внимания заслуживают при этом не только экономические аспекты «переноса в Сибирь сельскохозяйственного опыта и быта... западного крестьянства», включая опыт «неславянских этнических меньшинств», о котором писал Л. В. Малиновский [3]. Не менее важными являются этнокультурные аспекты повседневных отношений новоселов, в том числе способы преодоления ими конфликтов, причины взаимного интереса или, наоборот, неприятия чужих традиций, продиктованные стремлением сохранить свою идентичность в условиях интенсивного смешения культур.

Решение этих вопросов невозможно без привлечения эго-документов — письменных источников личного происхождения. Заимствованный из европейской историографии термин в современ-

¹ Исследование выполнено в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0001 «Этнокультурное многообразие и социальные процессы Сибири и Дальнего Востока XVII–XXI вв. Исследования меняющейся роли традиционных культур, социальных институтов и экологических парадигм».

ных отечественных исследованиях широко используется для обозначения особой группы исторических свидетельств [4]. К ним относятся созданные для личного и семейного пользования автобиографии, дневники, письма, записные книжки и прочие свидетельства исторических событий, участниками или очевидцами которых довелось быть авторам [5, с. 39; 6, с. 185]. По словам Жака Прессера, в таких документах исследователь сталкивается с авторским «Я», выражающим одновременно и «пишущего, и присутствующего в тексте субъекта описания» [7, р. 14].

Особой разновидностью эго-документов являются произведения крестьянской мемуарной литературы, которые играют важную роль в сохранении и трансляции исторической памяти о сельской России прошлого века. Представленные через «голоса крестьян» воспоминания содержат уникальную информацию о повседневной жизни рядового участника исторического процесса, человека «толпы» [8; 9]. Данная особенность сближает крестьянские мемуары с источниками и методами устной истории, а также произведениями «наивной литературы», авторами которых нередко становились люди «неписьменной (в недавнем прошлом) культуры» — те, кого долгое время называли «безмолвствующим большинством» [10; 11].

Позволяя вписать индивидуальные биографии в общеисторический контекст, крестьянские воспоминания помогают исследователю соотнести личные свидетельства отдельного человека с коллективной исторической/этнокультурной памятью — «совокупностью многообразных представлений/знаний людей о прошлом своего народа/группы, традициях и обычаях родного края» [12, с. 8; 13, с. 947]. Спецификой такой памяти, подчеркивает Р. Ю. Федоров, является «репрезентация локальной истории, коллективного жизненного опыта и традиций... сквозь призму этничности» [14, с. 40].

Яркий образец крестьянской мемуаристики представлен рукописным сочинением Сергея Ивановича Курина (1921–2007), в котором описана история типичного сибирского переселенческого села, основанного в Кольванском уезде Томской губернии выходцами из центральных и северных губерний России (Казанской, Рязанской, Тамбовской, Вятской, Вологодской, Симбирской и др.) [15]. Воспоминания Курина содержат подробные сведения, связанные с обстоятельствами возникновения Сидоровки, а также развитием села вплоть до коллективизации и образования колхозов.

Внимание исследователей, уже обращавшихся к данному источнику, прежде всего привлекала проблематика, связанная с историей крестьянских переселений в Сибирь, адаптацией новоселов на новом месте, спецификой экологической, правовой и праздничной культуры сельского населения в сибирских условиях [16; 17; 18; 19; 20; 21]. Вопросы этнокультурного взаимодействия поздних российских переселенцев в рамках сибирского переселенческо-

го сообщества на материалах крестьянских воспоминаний рассматриваются в данной статье впервые.

С самого начала повествования автор обращает внимание на «многонациональный» состав села, в застройке которого принимали участие чувашаи, «мокшаны», «ерзяне», а также многочисленные группы русских переселенцев, обозначенные по названиям родных мест. «Село наше многонациональное. Чувашаи, Мокшаны, то есть мордва с реки Мокша, были и Ерзяне... с речки Ерзя. У них даже названия предметов разные. Так же, как (и) у русских... наречие тоже разное. Казанские, Рязанские, Тамбовские, Ереснинские» [15].

Данная особенность отразилась на принципах застройки и заселения Сидоровки — «чувашский край», «мокшанский край», «тамбовский край». У каждого «края» были свои «правила жизни», свой язык, своя культура. Строгое разделение разных краев не в последнюю очередь достигалось особенностями планировки (сама Сидоровка была «как по шнуру построенная, прямая»), поскольку изначально, как сказано в тексте рукописи, «дружеские отношения были плохие». «Мокшанский участок деревни» отделялся «от чуваш» омываемой ручьями площадью, на которой «впоследствии... была построена церковь» [15]. Разграничение по этническому признаку шло, таким образом, снизу, с использованием специфики местного ландшафта: поселенцы принципиально не хотели смешиваться с чужаками.

Заметим, что первоначально село было основано выходцем из Чувашии, Иваном Егоровичем Сидоровым, выбравшим место для заселения на расчищенном от леса участке «лиственной тайги», «в 25 верстах от города Кольвани, бывшего Чаусского острога». Но «чувашаи чувашами, — пишет Курин, (как говорится, своя нация) — а вот мокшане как разузнали, что новая деревня строится, повалили со всех сторон... с самой Мордовии». Будучи потомком переселенцев из Тамбовской губернии, он сам же отмечает, что «от новоселов (в Сидоровке) не было покою...» [15].

Невозможность общаться на одном языке представлена в рукописи как одна из причин постоянных конфликтов. «С начала поселения (жители) села друг друга мало понимали». К примеру, «ерзяне с мокшанам не могли разговаривать, не сходились названия предметов... с чувашами и вовсе не было схожести», «а драк из-за этого сколько было!» [15]. Чуть позже Курин упоминает о появлении смешанного, «сидоровского» языка, возникшего в результате тесного общения разных групп поселенцев. Со временем этот язык становится своеобразной визитной карточкой сидоровцев, частью их локальной идентичности: «Наших сельчан по округе с трех слов узнавали. На базаре незнакомый человек спросит: ты из Сидоровки? — А почему ты узнала? — А по твоему разговору... ты русский язык или слова русские переворачиваешь наизнанку». Тем не менее именно русский язык, который, по свидетельству автора, «во всем выручал, все отношения связывал и раз-

вызывал», выступает в итоге основой общения. «Как не выучить русский язык, проехавши такую даль, со своей родины в Сибирь?» — задается риторическим вопросом автор и сам же отвечает: «Нужда заставила изучать его» [15].

Важнейшим стимулом к переходу жителей на общий язык стало появление в селе храма и церковно-приходской школы. Поскольку «мокшане не желали близко селиться с чувашами», крестьянский сход постановил устроить в Сидоровке базарную площадь. В 1900 г. «для сближения народностей» и объединения частей деревни на этой площади была построена «общественная моленная. Для сбора православных хрестеян. Для читки религиозных книг, [чтобы] творить молебны в праздничные дни, а в будничные зимние дни — [иметь] образовательную школу». В строительстве православного храма, подчеркивает Курин, принимали участие представители разных национальных групп, например мастер-мокшанин Рубцов Андрей. Приходская школа, как сказано в рукописи, помогла «маленько соединить» края села, причем ведущую роль в этом, считает автор, снова сыграли русские: «чуваша с мокшанами смирились маленько. А как было не подружиться? Всю роль сыграли русские, (которые) селились и между чувашей, и мокшан» [15].

Следует отметить, что стиль автора носит ярко выраженный разговорный характер. Особенностью документа является то, что местные, народные выражения (диалектизмы) перемежаются в тексте с официальными клише. Созданное далеко не «по горячим следам», а в довольно преклонном возрасте, в 1990-е гг., сочинение Курина повествует не только о времени, «о котором пишет автор», но и о времени, «в котором он пишет» (на эту особенность эго-документов обратил внимание Ю. П. Зарецкий [6, с. 185]). Получив советское образование и проработав большую часть жизни в колхозе, Курин, конечно же, пытается использовать «новый», современный язык, вероятно, считая, что он больше подходит для мемуарного повествования.

Внук Курина, Дмитрий Васильевич Курин, подчеркивает, что дед его был грамотным: «Он мне рассказывал, что в свое время учил людей в школе. Хотя у самого только шесть классов было, но тогда, можно сказать, такой грамотный человек был» [22]. Любитель присочинить, поговорить, рассказать о былом, много лет проработавший в колхозе счетоводом, активный коммунист и общественник, С. И. Курин записывал свои истории в свободное время, создавая разные версии повествования. Свою цель автор видел в сохранении воспоминаний для потомков. «Тетрадки-то свои он оставлял нам не для музея, а чисто самим читать и вспоминать, и знать историю села, род свой знать... Он вообще говорил: „Вот я у вас, как говорится, умру, это вам будет память, как деревня жила...“» [22]. По этой причине в записях С. И. Курина нет последовательного описания, скорее наблюдается цикличность: возвраты к одним и тем же темам, повторы, лирические отступления и авторские

комментарии. Несмотря на это, живая народная речь сохранена в повествовании в ее естественном бытовании, со всеми особенностями говора, построения фраз и культурной образности. Автор увлекается и пишет, как думает, как говорит. Благодаря этому создается эффект присутствия, ощущение полного погружения в события, о которых идет речь.

Время от времени вспоминая, что он пишет для будущих читателей, Курин начинает пояснять значение некоторых слов и выражений. С высоты прожитых лет он дает оценку привычкам прежнего уклада крестьянской жизни — восхищается или посмеивается, но всегда по-доброму, понимая ценность «старины»: «ведь так было заведено в старое время» [15].

Самым естественным способом сближения этнокультурных групп по мере обживания на новом месте, как следует из рукописи, становился совместный досуг. Молодежные вечерки («игровые вечера»), сопровождались в Сидоровке песнями, плясками и поцелуями. Игры во время праздников не считались «ззорным» занятием («лучше, чем напиться пьяным, а потом поскандальить»). И дети, и взрослые играли в бабки, лапту, чик-чику, мячики, шарики, чижики, прятки, как вместе, так и отдельными группами. Работать же в праздничные дни считалось за «грех». Личное отношение автора к культуре иноэтнических соседей нашло отражение в ремарке «А как чуваша поют, заслушаешься!», сопровождавшей описание совместного исполнения русских и чувашских песен [15]. Однако подробное описание именно русских традиций определялось стремлением Курина фиксировать в первую очередь жизнь «своего» края.

Немалую часть воспоминаний занимает описание календарных праздников и семейных обрядов — Рождества, Пасхи, Масленицы и свадебных гуляний. Особенно ярко в рукописи представлены этапы свадебного ритуала: сватовство, невестины посиделки, расплетание косы, снаряжение жениха, свадебный поезд, благословение родителей и другие обряды. Упоминание случаев межэтнических браков носит единичный характер. Так, в тексте говорится, что со временем сидоровские мужики — «веселые росейские лапотники» — разбогатели и стали играть свадьбы: «Чуваша с Мокшанами да Тамбошами стали мешаться. Родниться стали». Отмечен пример, когда русский парень Андруша ухаживал за чувашкой Дусей [15]. Однако все эти свидетельства (если они действительно относятся к довоенному времени) являются скорее исключением. До конца 1930-х гг. подобные союзы были практически невозможны: пары создавались по преимуществу внутри этнических групп, так как существовало негласное правило «жениться на своих».

В роли важнейшего средства построения межкультурного диалога, как свидетельствуют материалы воспоминаний, выступал совместный труд. Особенно подробно в рукописи описаны начало коллективизации, период раскулачивания и переход к новым формам сельскохозяйственного производства, сопровождавшиеся жесткими противостояниями и

конфликтами: «единоличники» прятали свое имущество, уезжали в город, активно сопротивлялись объединению хозяйств. Так, один из зажиточных крестьян, Алексей Корпунов, очень болезненно воспринявший необходимость отдавать «хороших коней» в колхоз, пошел на открытый конфликт с председателем, агитируя близких уезжать в город. «Хозяев поразорили, а доброго ничего не сделали», – комментирует Курин деятельность первых сидоровских колхозов [15].

В представленном автором описании обращает на себя внимание не упоминавшийся ранее в массовых источниках факт, что первые колхозы в селе были образованы по этническому принципу. В 1929 г., читаем в воспоминаниях, существовавшая при комитете бедноты артель была переименована в колхоз «Красный пахарь». «Многие зажиточные мужики пооставляли свои дома под нажимом непосильных налогов. Взамен своих домов с постройками (они) получали справки на право перемены жительства. Некоторых признавали кулаками с лишением гражданских прав и ссылкой в таежные необжитые места... Большинство членов колхоза были чувашами, да самые что ни на есть беднота, кустари пимокаты, сапожники и портные». Мокшане «не захотели мешаться с чувашами», пишет Курин, так как «у этих двух наций велась вражда с начала заселения деревни». В 1931 г. они организовали свой колхоз «Красная звезда». Одной из причин создания отдельных колхозов, как видим, оказался разный уровень материального благосостояния переселенцев: «более справные хозяйством» мокшане не захотели объединяться с чувашской «беднотой». Третий колхоз, имени Крупской, после долгих уговоров «районных уполномоченных» был основан в 1935 г. «томбашами», выходцами из Тамбовской губернии. Самые упрямые, они не хотели идти «в колхозы с чувашами и мокшанами». Подобное разделение сохранялось даже во время праздников. К примеру, на первомайском параде каждый колхоз выступал «своей колонной»: впереди ехали «человек 10 верховых со знаменем. На телеги укладывались плуги, бороны, веялки кучные, даже конные молотилки. Коням вплетались в чуб красные ленты» [15]. Яркие и красочные действия становились при этом новым поводом для объединения различных этнокультурных групп.

Судя по тексту рукописи, этнический принцип создания колхозов явился инициативой «снизу», с которой вынуждены были считаться представители официальной власти. Вопрос о том, насколько данное явление было массовым, нуждается в дополни-

тельном изучении. Согласно сведениям архивного отдела районной администрации, перечисленные колхозы просуществовали вплоть до июня 1951 г., когда они были объединены в колхоз им. Ленина [23]. Архивные сведения и крестьянские рукописные воспоминания, таким образом, не дублируют, но взаимно дополняют друг друга, создавая более полную картину исторического процесса.

Рассмотренные материалы позволяют утверждать, что крестьянская мемуарная литература является ценным источником для изучения этнокультурных взаимодействий в рамках сообщества поздних российских переселенцев. Выявленные сферы совместной деятельности (труд, досуг, обучение детей и пр.) помогают наметить дальнейшие направления исследований, связанных с «дрейфом этнической идентичности» неславянских меньшинств Сибири в условиях перехода от «национально ориентированной политики» советского государства «к политике... нивелирования национального фактора» и отказу от «практики коренизации» в 1920–1930 гг. [24, с. 6].

Согласно полевым материалам, последствия этого перехода проявляются, в частности, в том, что современные жители Сидоровки знают об изначально многонациональном составе села, но уже не придают этому значения. Большинство потомков переселенцев, о которых идет речь в рукописи Курина, говорят о себе как о русских, несмотря на то, что для односельчан они по старой памяти остаются мокшанами и чувашами. Так, по словам Галины Ивановны Колесниковой, односельчане до сих пор называют ее мокшанкой: «Ну и бог с вами, зовите, что мне от этого будет. Ни холодно, ни жарко, как говорится... В спорте-то я русская... это предки мои были мокшане... А я-то уже русская, я не мокшанка... Я не обижаюсь, такой уж я человек» [25].

G. V. Liubimova, N. P. Steinpreis

Siberian settler village: ethnocultural contacts through the prism of peasant memoir literature (late 19th – first third of the 20th century)

Abstract. Based on peasant handwritten memoirs, the article examines the forms of ethnocultural interaction of Siberian settlers (Russians, Chuvashes, Mokshans, Erzyans, etc.) against the background of the history of a typical settler village from the end of the 19th century until the period of collectivization and the formation of collective farms. The relationship of peasant memoir literature with other types of historical sources of personal origin (egodocuments) is revealed. **Keywords:** historical memory, egodocuments, ethnocultural interaction, Siberian settler village.

Источники и литература

1. Крестьянство Сибири в эпоху капитализма / отв. ред. Л. М. Горюшкин. Новосибирск: Наука, 1983. 399 с.
2. Жигунова М. А. Российские переселенцы в Сибири: этнокультурный аспект // Вестник РУДН, сер. «История России». 2013. № 2. С. 75–85.
3. Малиновский Л. В. Изучение истории и этнографии

национальных меньшинств Запада в Сибири (к постановке проблемы) // Социально-культурные процессы в советской Сибири: тез. докл. областной науч. конф. по этнокультурным процессам. Омск: ОмГУ, 1985. С. 110–113.

4. Эго-документы: Россия первой половины XX века в межисточниковых диалогах / под ред. М. А. Литов-

- ской и Н. В. Суржиковой. М.; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2021. 408 с.
5. Петрова И. С. Эго-документ как информационный ресурс регионального архива по истории первой мировой войны 1914–1918 гг. // Вестник архивиста. 2014. № 4. С. 39–49.
 6. Зарецкий Ю. П. Эго-документы советского времени: термины, историография, методология // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. 2021. № 3. С. 184–199.
 7. Dekker R. Jacques Presser's heritage. Egodocuments in the study of history // Memoria y Civilización. Anuario de Historia. 2002. Vol. 5. P. 13–37.
 8. Голоса крестьян: сельская Россия XX в. в крестьянских мемуарах. М.: Аспект Пресс, 1996. 413 с.
 9. Голикова С. В. Воспоминания: историческая память в формате эго-источника // Урал индустриальный. Бакунинские чтения. Индустриальная модернизация Урала в XVIII–XXI вв.: материалы XII Всерос. науч. конф., посвящ. 90-летию д-ра ист. наук, проф. А. В. Бакунина. Екатеринбург: Изд-во УрФУ, 2014. Т. 1. С. 62–66.
 10. «Наивная литература»: исслед. и тексты / сост. С. Ю. Неклюдов. М., 2001. 248 с.
 11. Минаева А. П. «Наивная литература»: творчество и стереотипы // Традиционная культура. 2003. № 2. С. 68–74.
 12. Козлов С. В. Эго-документы в структуре исторической памяти // Библиосфера. 2022. № 4. С. 5–11.
 13. Фурсова Е. Ф. Особенности этнокультурной памяти и свадебной обрядности русских «пензяков» в Баранской лесостепи // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2022. Т. 28. С. 947–954.
 14. Федоров Р. Ю. Этнокультурная память восточнославянского населения Сибири: от народных репрезентаций к институционализации // Сибирские исторические исследования. 2023. № 3. С. 40–56.
 15. Курин С. И. Какой была Сидоровка. Рукопись // Колыванский районный краеведческий музей, Новосибирская область.
 16. Зверева К. Е., Зверев В. А. По старой памяти. Судьба советского крестьянина и его семьи в мемуарах // Между прошлым и будущим. Вопросы истории и исторического образования. Сб. науч. и публицист. трудов / под ред. В. А. Зверева. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2000. С. 140–154.
 17. Зверев В. А. «У жадного брюхо болит»: эпизоды криминальной истории сибирской деревни (первая треть XX в.) // Сб. науч. трудов / под ред. В. А. Зверева. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2003. С. 126–149.
 18. Зверев В. А. «Жить, чтобы люди завидовали». Социокультурная история переселенческой деревни в семейном предании Куриных // Актуальные вопросы истории российской провинции XVI–XX вв. Новосибирск, 2011. Вып. 6. С. 153–178.
 19. Любимова Г. В. Сибирская природа в зеркале крестьянской мемуаристики (особенности экологического сознания сельского населения Сибири) // Гуманитарные науки в Сибири. 2012. № 2. С. 67–71.
 20. Любимова Г. В. Традиционный сценарий сибирской свадьбы (по рукописным крестьянским воспоминаниям) // Зеленские чтения. Материалы Всерос. науч. конф. Киров: Обл. науч. б-ка им. А. И. Герцена, 2013. С. 116–121.
 21. Любимова Г. В. Русские Сибири: проблемы экологической адаптации аграрных переселенцев конца XIX – начала XX веков // Баландинские чтения: сб. ст. науч. чтений памяти С. Н. Баландина. Новосибирск: НГУАДИ, 2018. Т. XIII. С. 518–522.
 22. ПМА, 2024 г.: Новосибирская область, Колыванский район, р. п. Колывань. Курин Д. В., 1971 г. р.
 23. Отдел архивной службы администрации Колыванского района Новосибирской области. Ф. 92.
 24. ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1. 1918–1933 гг. / сост. Л. С. Гатагова, Л. П. Кошелева, Л. А. Роговая. М.: РОССПЭН, 2005.
 25. ПМА, 2024 г.: Новосибирская область, Колыванский район, с. Сидоровка. Колесникова Г. И., 1955 г. р.

DOI 10.37386/2687-0592-2024-12-154-157
УДК 94(575.1)

А. Т. Сабиров

Ташкентский государственный педагогический университет им. Низами, г. Ташкент, Республика Узбекистан

Каракалпакский компонент устной истории в исторических исследованиях Узбекистана

Аннотация. В центре внимания статьи – аналитический обзор трудов в области устной истории (oral history) и полевой опыт проведения устно-исторических исследований в Каракалпакстане. Автор постарался показать специфику устно-исторических исследований в Каракалпакстане, отображенных в научной литературе, и приходит к выводу, что устная история является важным методом в реконструкции исторического прошлого Узбекистана и Каракалпакстана. **Ключевые слова:** устная история, социальная память, интерпретация, микроистория, история повседневности, гайд, полевое исследование, этнография, архивирование.

Каракалпакские ученые, как и их коллеги в Узбекистане, использовали методы устной истории в основном через призму этнографических исследований. При этом предпосылки «устной истории» в аспекте исторической культуры в каракалпак-

ской гуманитарной науке существовали всегда. На взгляд автора, не совсем объективно называть устной историей все полевые записи каракалпакских ученых. В основном они пользовались определенными методами устно-исторических исследований.

Исследователи дореволюционного периода Каракалпакстана – историки, археологи – в силу разных проблем заполняли вакуум источников материалами устной истории [1].

В этом плане интересным является опыт академика, доктора исторических наук, профессора С. К. Камалова. В своих исследованиях он наряду с письменными и этнографическими источниками умело использовал воспоминания старожилов, аксакалов (см., напр., [2]). Например, в его монографии об истории каракалпаков XVIII–XIX вв., кроме литературных и архивных источников, использованы полевые историко-этнографические материалы, собранные Каракалпакским отрядом Хорезмской археолого-этнографической экспедиции Академии наук СССР в период с 1945 по 1950 г. [3]. Приведем отрывок из его книги: «В хорошем расположении духа мы отправились в Казакдарью. Я хорошо знал сельсовет Казакдарьи в Муйнакском районе. Я в 1950 году в течение полумесяца собирал исторические факты в этом селе. Можно сказать, что Казакдарья является кладом исторических сведений и фольклорной истории каракалпакского народа. В этом ауле можно найти ценные рассказы и легенды о прекрасных богатырях каракалпакского народа, таких как Бегис, Мыржык (Миршах), Ерназар Алакоз, о знаменитых биях – Есенгелди махрем, Айдос бий, Турым бий, об известных поэтах – Бердах, Ажинияз, Жиен жырау, Кунходжа. В другом месте Каракалпакстана трудно отыскать таких информаторов, как аксакал аула Мухаммеддин Оразымбетов и племянник поэта Бердаха Каражан бакши. Я за полтора месяца успел собрать почти 60% информации для своей кандидатской работы. Я думаю, что вся объективная информация о политических событиях, которые происходили в Каракалпакстане в XIX в., о движении Адос бия, о восстании Ерназара Алакоза выходила из этого села» [4].

По воспоминаниям его ученика М. Карлыбаева, «Сабыр Камалович рассказывал: во время полевых работ он в крайнем кармане сумки носил большой диктофон. Когда к людям обращался с вопросами, то они оказывались в смущении, думая, что к ним пришел журналист...» [5].

В годы независимости историческая наука Каракалпакстана приступила к систематической работе по поиску, выявлению и введению в научный оборот новых научных данных.

В 1990-е гг. были опубликованы мемуары видных государственных, хозяйственных и культурных деятелей региона, которые освещали историю с официальной, в основном идеализированной точки зрения. Эти и другие факторы стали одной из причин более внимательного отношения к изучению воспоминаний простых людей, к «истории снизу», или «микростории». Например, впервые понятие «устная история» отмечено в работе каракалпакского ученого Ж. Бердиева [6], хотя его толкование устной истории не совсем соответствует современному пониманию этого метода. По мнению его коллеги А. Сайтова,

возможной причиной упоминания в его работе понятия «устная история» послужила точка зрения части западных антропологов об идентичности понятий «устная история» (oral history) и «устная традиция» (oral tradition) [7].

М. Карлыбаев в своих исследованиях по истории ислама у каракалпаков раскрывает тему через призму полевых записей и использует антропологический подход в своем анализе. Но такие неотъемлемые аспекты устной истории, как судьба индивида, внутренние переживания, экспрессия, а также сам метод устной истории раскрыт незначительно [8].

Следует отметить, что каракалпакские специалисты стали активно использовать методы устной истории в разработке ранее мало изучаемых научных проблем, таких, например, как образ жизни людей, повседневность, поведение, быт (см., напр., [9]), представления и восприятия, ментальность, а также в междисциплинарных исследованиях. Примером может служить опыт устно-исторических исследований по любопытной фольклорной серии стихов «Каракалпагым» («Мой каракалпак»), проводимых с 2008 г. Это исследование было посвящено устному народному творчеству, отражающему период «позднего социализма», когда появилось фольклорное творение каракалпакского народа в форме стихов, ставших своеобразным откликом на негативные процессы эпохи «застоя». Каракалпакские специалисты попытались с позиции новых подходов и методов устной истории показать возможность изучения этнографического материала в качестве исторического источника (см. подробнее [10]).

Интересный опыт применения метода устной истории приводится в книге М. Давлетиярова [11]. В своем исследовании ученый сделал попытку проанализировать стремление людей хорошо знать своё происхождение (род) и выявить особенности менталитета. Поколения раскрыты как индивидуально, так и коллективно. При помощи устной истории исследователь неплохо осветил окружающую среду своих респондентов, социум в контексте темы, в том числе показал, как меняются взгляды людей на традиции в соответствии со временем и конкретной ситуацией.

На развитие устной истории в Каракалпакстане оказало влияние на расширение международных связей ученых региона.

М. Карлыбаев прошел обучение на курсе по устной истории в Германии в 2007 г. В своих воспоминаниях он отмечает: «Мы считали себя устными историками, потому что почти вся наша научная работа основана на устных информациях. Постоянно сопоставляли два источника: письменные и устные. Даже спустя 7–8 лет мои полевые записи находили свое письменное подтверждение...» [12].

Убедительным примером дальнейшего развития устной истории в каракалпакской науке стали новые разработки проектов по темам «История и судьбы: гонения против духовенства в годы советского тоталитаризма в Каракалпакстане» [13], «Трансформа-

ция социальных установок в каракалпакском обществе: история и практика» [14].

Следует отметить следующие проектные разработки каракалпакских ученых, где широко применялись методы устной истории. Это исследования А. Сайтова об истории репрессий духовенства в Каракалпакстане [15]. Проект «История и судьбы: гонения против духовенства в годы советского тоталитаризма в Каракалпакстане» 2014–2015 гг., который осуществлен при содействии Фонда поддержки фундаментальных исследований АН РУз, был нацелен на изучение устной истории религиозных деятелей, ставшими жертвами советской репрессивной политики. В ходе исследований были выявлены новые данные относительно истории советской политики по отношению к исламской религии и духовенству в Средней Азии на примере Каракалпакстана. Впервые в Каракалпакстане были использованы материалы устной истории для освещения антирелигиозной политики советской власти.

Накопленный материал содействовал проведению сравнительного анализа результатов устно-исторических исследований с письменными источниками. В конечном итоге это помогло сконструировать объективно правильную оценку происходивших в недавнем прошлом событий.

Интересным исследованием явился проект А. Джумашева «Повседневная история города Нукус – столицы Каракалпакстана в мемуарах и воспоминаниях (вторая половина XX века)» [16], который был выполнен в 2018–2019 гг. при содействии Фонда поддержки фундаментальных исследований Узбекистана. Исследователь провел сравнительный анализ устных воспоминаний жителей крупнейшего города Каракалпакстана с опубликованными мемуарами и использовал научные и информационные возможности этих материалов в качестве источника по изучению повседневной истории города Нукуса. Актуальность исследования заключалась в том, что в каракалпакской историографии еще не применялся анализ устных воспоминаний и опубликованных мемуаров как источника изучения истории.

А. Джумашев, используя сравнительный анализ мемуаров и воспоминаний, подробно показал повседневную жизнь городского населения на материалах устной истории. Использование этих материалов в качестве источника по изучению повседневности города позволило исследователю прийти к пониманию того, что история состоит не только из общественно-политических и социально-экономиче-

ских аспектов, но и прежде всего из обычной жизни людей, их быта, досуга, личных переживаний и т. д. В результате была систематизирована, обобщена и составлена наиболее реальная картина истории Нукуса в вышеуказанных хронологических рамках.

Таким образом, результаты исследования показали, что изучение устных воспоминаний позволяет осветить широкий круг тем, которые невозможно обнаружить в источниках других видов: повседневность горожан, их быт, досуг, инфраструктуру города. Этот метод позволяет получить подробные детали, характерные нюансы, незаметные, но интересные в научном плане события и отношения людей в прошлом.

Анализ уникального каракалпакского опыта устно-исторических исследований показал, что историки Каракалпакстана используют методы и возможности устно-исторических исследований с учетом своей местности, менталитета, образа мышления, религиозных и ценностей местного общества.

В устных воспоминаниях каракалпаков сохранился уникальный опыт людей, проживающих в экстремальных экологических ситуациях, характеризующий культуру поведения на природе, стремление сохранить ее, чувство гражданской ответственности за окружающий человека мир.

Устно-историческая наука в Каракалпакстане считает, что ярко выраженной отличительной чертой метода устной истории являются судьба, характер, переживания, эмоциональный фон, и, помимо этого, уникальность материалов, которые раскрывают тему по-новому, в отличие от других письменных, архивных материалов. Метод устной истории опирается на воспоминания и мировоззрение одного человека (индивида), а информация, которую дает этот метод, может отличаться от официальных данных или же помочь раскрыть макроисторию.

A. T. Sabirov

The Karakalpak component of oral history in historical studies of Uzbekistan

Abstract. The article focuses on an analytical review of works in the field of oral history and the field experience of conducting oral historical research in Karakalpakstan. The author tried to show the specifics of oral historical research in Karakalpakstan, reflected in the scientific literature, and concludes that oral history is an important method in reconstructing the historical past of Uzbekistan and Karakalpakstan. **Keywords:** oral history, social memory, interpretation, microhistory, the history of everyday life, guide, field research, ethnography, archiving.

Источники и литература

1. См.: Сайтов А. Развитие устной истории в Каракалпакстане//Устная история (oral history) в отечественной и зарубежной практике: метод, источник, культурно-образовательные технологии: сб. ст. Междунар. науч. конф. (1 ноября 2018 г., г. Ташкент). Ташкент: Навруз, 2019. С. 142–143.
2. Dzhumashev A. Der Historiker Sabyr Kamalov (1924–2009) und die Oral History / Aral Histories. Geschichte und Erinnerung im Delta des Amudarja. Reichert Verlag Wiesbaden 2013. P. 41–48.
3. См.: Камалов С. К. Каракалпаки в XVIII–XIX веках (К истории взаимоотношений с Россией и среднеазиатскими ханствами). Ташкент: Фан, 1968. 327 с.
4. Камалов С. Омирим сабақларынан... Нукус: Илим, 2019. С. 86–87.
5. Материалы интервьюирования М. Карлыбаева, заме-

- стителю директора Каракалпакского научно-исследовательского института гуманитарных наук Каракалпакского отделения Академии наук Республики Узбекистан, доктора исторических наук, проведенного в 2021 г.
6. Бердиев Ж. Т. Отражение в легендах и народных преданиях истории каракалпаков XIII–XVII вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Нукус, 1996. 24 с.
 7. Материалы интервьюирования А. Сайтова, младшего научного сотрудника отдела этнографии Каракалпакского научно-исследовательского института гуманитарных наук Каракалпакского отделения Академии наук Республики Узбекистан, май 2022 г.
 8. Карлыбаев М. А. К истории ислама у каракалпаков: исторические, социальные, этнические и генеалогические контексты. Нукус: Илим, 2021. С. 274.
 9. Сейдаметова Г. У. Повседневная жизнь городского населения Каракалпакстана в 60–80-х годах XX века. Ташкент: «Инновацион ривожланиш нашриёт-матбаа уйи», 2020. 198 с.
 10. Сайтов А. Т. Фольклор как зеркало эпохи (на примере серии стихов «Карапаллагым») // XII Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов. Ижевск, 3–6 июля 2017 г. / отв. ред.: А. Е. Загребин, М. Ю. Мартынова. М.: ИЭА РАН, УИИЯЛ УрО РАН, 2017. С. 100–101.
 11. Давлетияров М. М. Традиционные социальные институты каракалпаков. Нукус: Илим, 2019. 166 с.
 12. Материалы интервьюирования М. Карлыбаева, апрель 2021 г.
 13. Карлыбаев М., Сайтов А. О некоторых вопросах устной истории Каракалпакстана. // Вестник ККО АН РУз. 2015. № 2. С. 78–80.
 14. Текущий архив Каракалпакского научно-исследовательского института гуманитарных наук Каракалпакского отделения Академии наук Республики Узбекистан.
 15. Сайтов А. Т. Устная история как метод в изучении истории репрессии духовенства в Каракалпакстане // Исторический курьер. 2020. № 5 (13). С. 132–143.
 16. Научный отчет по контракту № ИЖ.7-18 Фонда поддержки фундаментальных исследований АН РУз по научному проекту «Повседневная история города Нукус – столицы Каракалпакстана в мемуарах и воспоминаниях (вторая половина XX века)» (заключительный). Из архива отдела Истории КНИИИГН ККО АН РУз.

DOI 10.37386/2687-0592-2024-12-157-160

УДК 94(47+57)

С. С. Тихонов*Омская лаборатория археологии, этнографии и музееведения ИАЭТ СО РАН, г. Омск, Российская Федерация***К вопросу о факторе умолчания в устной традиции (на примере материалов советского периода истории России)¹**

Аннотация. Автор рассматривает возможную неполноту устных источников, которая может быть обусловлена как степенью осведомленности рассказчика, так и его желанием или нежеланием поделиться своими знаниями с учеными. **Ключевые слова:** устные материалы, этноархеология, этнографо-археологические комплексы, культура русских сибиряков, Среднее Притомье, Среднее Прииртышье.

Опыт тридцатилетних работ омских ученых под общим руководством Н. А. Томилова и их иногородних коллег в области теории, методологии, методики изучения этнографо-археологических комплексов (ЭАК) народов Сибири и сопредельных территорий со всей очевидностью показал, что только комплексное использование совокупности источников разного происхождения ведет к положительным результатам [1; 2]. Такой подход может быть обусловлен теоремой о неполноте Курта Гёделя [3], согласно которой если аксиоматическая теория непротиворечива, то содержащиеся в ней утверждения невозможно как доказать, так и опровергнуть средствами этой самой теории. Следовательно, нужен выход за ее пределы, т. е. использование более широкого круга понятий, нежели ранее рассмотренные. Фактически это значит, что в комплексных исследова-

ниях ЭАК допускается, а то и прямо требуется, использование данных не только археологии и этнографии, но и смежных дисциплин. Напомню, что теорема о неполноте разработана для естественных наук, и ее адаптацию к физике и информатике рассмотрел Роджер Пенроуз [4] – последний из известных мне авторов, глобально обратившийся к этой теме. К сожалению, теорема Гёделя практически не адаптирована к источниковедческому разделу наук гуманитарных. Но работы в этой области идут, хотя не так интенсивно, как хотелось бы [5, с. 108–114; 6, с. 134–141; 7, с. 37–42; 8, с. 44–50].

Цель исследования – анализ устных источников и рассмотрение их неполноты, связанной с фактором умолчания информаторами сведений, касающихся освещения событий некоторых исторических периодов, или деталей жизни отдельных персон.

Обсуждение. Специалисты при изучении ЭАК используют преимущественно археологические, этнографические, письменные, картографические материалы. Полагаю, это связано с тем, что процеду-

¹ Статья подготовлена в рамках госзадания FWZG-2022-0005 «Исследования археологических и этнографических памятников в Сибири эпохи Российского государства».

ра их комплексного анализа неплохо разработана в отечественной науке. Естественно, ученые не пренебрегают и сведениями другого происхождения, устными сведениями. Так, во время проведения экспедиционных работ местные жители зачастую посещают места раскопок. При этом они иногда рассказывают об известных им фактах прошлого, связанного с конкретным археологическим памятником, населенным пунктом или природно-географическими объектами, где произошли какие-либо события. В Таре (районный центр Омской области) практически не было дня, когда бы тарчане не приходили на раскоп. Некоторые из них рассказывали о границах Тихвинского кладбища в 1950-х гг., о существовании церкви на улице Омской в подгорной части Тары, о домах на правом берегу Аркарки близ Банного лога в месте, называемом «Куба» или «Даманский», о расположении пожарной части, местах находок «старинных» могил, планиграфии Базарной площади и т. д. В целом омские ученые в ходе исследований ЭАК сибирских татар и русских сибиряков получили солидный корпус источников, который можно отнести к устным.

Однако при сопоставлении источников разного происхождения (допустим, устных и письменных) случалось, что их сведения были противоречивы. Это заставило рассмотреть вопросы достоверности устных сведений, проанализировать глубину памяти населения [9, с. 33–37; 10, с. 270–273; 11, с. 55–60] и предположить, что на протяжении жизни примерно трех (иногда четырех) поколений факты передаются корректно. Однако полнота передаваемых сведений с течением времени уменьшается, и в конце концов они могут стать легендарными и потерять всякую достоверность. Так произошло с преданиями о могиле хана Кучума на Абатовой горе в верховьях правых притоков Тайдона (правый приток Томи в Крапивинском районе Кемеровской области) [12, с. 445–449]. Само же предание, если оно содержит сведения о значимых персонах или фактах, может передаваться на протяжении нескольких столетий. Как пример приведу сведения о ташетканском камне – метеорите, который осматривал еще Ермак в 1583 г. Последний раз предания о нем зафиксированы омскими этнографами А. Г. и И. А. Селезневыми в 2008 г. [13, с. 140–150]. Интересно, что сохранился и обломок этого метеорита.

Что касается противоречий, имеющих в устных источниках, то они могут исчезать при увеличении массива данных. Примерно таким образом были сняты противоречия в рассказах о взятии Константинополя в ходе Четвертого крестового похода в изложениях Жоффрау де Виллардуэна [14] и Робера де Клари [15]. Один из них был в числе руководителей похода, другой – обычным пикардийским рыцарем. Разница в положении и месте в организации штурма и в его участии привела, казалось бы, к противоречивым описаниям. Но на самом деле это были разные взгляды участников событий на один процесс.

Но перейдем непосредственно к устным источникам. Просматривая записи личного архива, касающиеся истории некоторых населенных пунктов, я обратил внимание на то, что некоторые сюжеты, особенно связанные с деятельностью властей разного уровня (преимущественно местных) в годы советской власти, практически не раскрыты. Их неполнота была связана с явным нежеланием собеседников говорить на эти темы. Всего таких сюжетов мной было выявлено три. Они связаны с репрессиями 1930-х гг., воспоминаниями ветеранов Великой Отечественной войны, связанных с личными переживаниями, с оценкой деятельности районных властей при проведении экономических реформ середины 1960-х гг., которые иногда называют «косыгинскими». Не исключаю того, что коллеги могут существенно расширить перечень тем.

В данной работе будут рассмотрены материалы о репрессиях середины – второй половины 1930-х гг. Первый раз я столкнулся с нежеланием говорить о них в начале 1970-х гг., когда помогал сестре моего деда нести тяжелую сумку. Между нами произошел примерно такой разговор:

– Тетка Марья! Там работники Ременникова (мелкого дореволюционного торговца) жили?

– А тебе пошто?

– Да сказывали, что в том дворе дядю Егора держали?

– Кто?

– Девки (уличное прозвище двух сестер, женихи которых были убиты в Брусиловском прорыве. По каким-то старым обычаям засватанные девушки или жены убитых на войне не должны были выходить замуж).

– У-у-у! Хлопуши! Буробят чё попало! (Болтушки, говорят, что на ум придет).

На этом разговор закончился. Но в течение лет 10–15 от разных собеседников я узнал, что действительно в 1937–1938 гг. в интересовавшем меня дворе сотрудники Крапивинского РУ НКВД (тогда – Томской, ныне Кемеровской области) содержали под открытым небом арестованных жителей окрестных деревень, которых потом куда-то отправляли. Охрана разрешала детям 7–10 лет приносить арестованным продукты, которые они передавали родственникам прямо через дыры в ограде. Мне рассказывали, что часть крестьян отправляли пешим этапом в Кольчугино (ныне Ленинск-Кузнецкий), где кого-то расстреливали. Судьба большинства мне неизвестна. Других крестьян отправляли баржами по Томи и Оби в ссылку в Нарымский край, где они работали на заготовке леса. Мне известно только об одном побеге оттуда, которому способствовал бывший секретарь комсомольской организации Крапивино Маркел Худяшов, который успел уехать в Нарым до начала арестов. У меня создалось впечатление, что отъезд его был спешным, так же как и его родителей, которые за бесценок продали крестовый дом и уплыли на лодке в Нарым вместе с ледоходом. Об остальных

вернувшихся из Нарымского края в деревню мне неизвестно.

Причины переезда Маркела Худяшова в Нарым мне не назвали. Но там он работал на руководящей должности, в то время как крапивинские комсомольцы, уехавшие туда на год-полтора позже по «приглашению», были лишены права свободного передвижения в административном, несудебном порядке. Их оставшиеся в деревне ровесники подробности этих событий мне не сообщили, отговорившись фразами «да чё-то накомсомолили не то» или «да отступись ты! Давно было, не помню». Лица, родившиеся в 1930–1940-х гг., об этих событиях знали очень мало, хотя иногда рассказывали о месте расположения лагерей в тайге по правому берегу Томи, и какой-то комиссии, которая ездила по лагерям после окончания Великой Отечественной войны.

При изучении истории заселения Среднего Прииртышья в Большереченском и Горьковском районах Омской области я познакомился с историей деревень Серебряное, Согра, Саратово (Горьковский район) и рассказами о некоторых событиях конца 1930-х гг. Они касались мелкого купца И. С. Артемьева и семьи его внучки Матрены. Сам Иван Степанович в середине 1930-х гг. был раскулачен и работал сторожем и дворником в принадлежавших ему ранее постройках, караулил покосы от поправки. Увидев, что одна из членов сельсовета пасла личную корову на колхозном покосе, он сообщил об этом факте в правление. В результате его обвинили в том, что он держит работников, сам — купец, его дети — тунядцы, так как не работали в колхозе. Итоги дела следующие: Иван Степанович был расстрелян как враг народа, один из его сыновей скрылся, и судьба его неизвестна, мужа внучки месяц держали в сельсовете в подполе, приговорив на заседании правления к расстрелу. Эта семья (внучка с мужем, их малолетние дети и родители) на одной телеге бежали в Омск, бросив все. Муж внучки Георгий после переезда сразу завербовался на золотые прииски на Алдан, а две семьи жили в наспех построенном ими насыпном

домике. В архивных материалах [16] эти факты не отражены, а сами действующие лица и их родственники неохотно и скудно делились со мной информацией об этих событиях.

В 2015 г. при поиске следов размытого во время половодья могильника на правом берегу Аркарки я познакомился с жителем Тары Николаем Г., жившим на окраине города, которую он называл «Зааркарка» или «Нижняя Тара». Он много говорил о природе и географии поймы, называл полузабытые ныне топонимы. Когда он рассказывал о постройке своего дома, он упомянул отца, который был выслан из Муромцево в Тару под надзор за участие в Муромцевском восстании, но категорически отказался осветить те события подробно, заявив, что его отец не виноват, непосредственно в восстании участия не принимал, а только чинил оружие повстанцам.

Заключение. Банально говорить, что данные других источников могут быть дополнены устными сведениями. Вероятно, их полнота зависит как от желания информатора рассказать о факте интервьюеру, так и от времени, прошедшего с момента события. Не исключено, что существует ряд тем, на которые опрашиваемые не желают разговаривать. В этом случае факт/событие являются *res in se*, и их невозможно выявить. Как пример приведены устные источники о 1930-х годах. Но так могло случиться и в более ранние эпохи. Например, не осталось ни одного устного свидетельства о Тарском бунте 1722 г. [17, с. 144–152], и весь его ход восстановлен только по архивным материалам.

S. S. Tikhonov

On the issue of the factor of silence in oral tradition

Abstract. The author considers the possible incompleteness of oral sources, which may be due to the degree of competence of the narrator, as well as his desire or reluctance to share his observations with scientists. **Keywords:** oral materials, ethnoarchaeology, ethnographic-archaeological complexes, culture of Russian Siberians, Middle Tomsk region, Middle Irtysh region

Источники и литература

1. Бережнова М. Л., Корусенко С. Н., Матвеев А. В., Татауров С. Ф., Татаурова Л. В., Тихомиров К. Н., Тихонов С. С., Томилов Н. А. Этнографо-археологические комплексы народов Тарского Прииртышья: природная среда, этносы, источники. Омск: Изд. дом «Наука», 2014. 192 с. (Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума; Т. 13).
2. Бережнова М. Л., Корусенко М. А., Полеводов А. В., Татаурова Л. В., Тихомиров К. Н., Тихонов С. С. Этнографо-археологические комплексы народов Тарского Прииртышья: могилы, могильники, погребальный обряд и мир мертвых в свете этноархеологических работ. Омск: Изд. дом «Наука», 2016. 294 с. (Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума; Т. 14).
3. Успенский В. А. Теорема Гёделя о неполноте. М.: Наука, 1982. 110 с.
4. Пенроуз Р. Новый ум короля: о компьютерах, мышлении и законах физики. М.: Едиториал УРСС, 2005. 400 с. (Синергетика от прошлого к будущему).
5. Корусенко М. А., Тихонов С. С. Тенденции в интеграции археологии и этнографии в конце XX — начале XXI века (на примере деятельности омской группы этноархеологов) // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. 2020. № 4 (45) С. 108–114.
6. Корусенко М. А., Тихонов С. С., Томилов Н. А. Этнографо-археологические комплексы народов Сибири (тридцать лет исследований) // Вестник Омского университета. Сер. «Исторические науки». 2023. Т. 10, № 4 (40). С. 134–141.
7. Тихонов С. С. Теорема о неполноте как одно из методологических оснований археолого-этнографических исследований // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск: Казань, 2010. С. 37–42.

8. Тихонов С. С. Об археолого-этнографической интеграции и ее методологическом обеспечении // Культурологические исследования в Сибири. 2013. № 1. С. 44–50.
9. Тихонов С. С. О глубине памяти жителей Сибири // Народная культура Сибири. Материалы XXV научно-практического семинара Сибирского регионального вузовского центра по фольклору. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2017. С. 33–37.
10. Тихонов С. С. Об устной истории Гражданской войны и глубине народной памяти // Социально-политические кризисы в истории России: Материалы Всерос. науч. конф. Шадринск: ШГПУ, 2018. С. 270–273.
11. Тихонов С. С. Воспоминания детей о войне и глубина исторической памяти // Великая Отечественная война в исторической памяти народа. Новосибирск: Параллель, 2020. С. 55–60.
12. Тихонов С. С. Исторические предания о могиле хана Кучума в Мартайге: недостоверность и необходимость // VI Ядринцевские чтения. Омск: ОГИК музей, Санкт-Петербург: Любавич, 2021. С. 445–449.
13. Тихонов С. С. Археолого-этнографические сведения и народные предания о погоде в эпоху средневековья (к постановке проблемы) // Народная культура Сибири: история и современность. Омск: Изд. дом «Наука», 2022. С. 140–150.
14. Жоффруа де Виллардуэн. Завоевание Константинополя. М.: Наука, 1993. 298 с.
15. Робер де Клари. Завоевание Константинополя. М.: Наука, 1986. 175 с.
16. Дело о лишении в избирательных правах поселка Саратово Покровского с/совета // Исторический архив Омской области. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 46. Л. 1–7, 11, 16, 27.
17. Тихонов С. С. Место казни участников Тарского бунта 1722 г.: историко-археологические материалы // Вестник Омского университета. Сер. «Исторические науки». 2021. Т. 8. № 3 (31). С. 144–152.

5

Советское
общество и власть:
меморизация,
коммеморативные
практики
и коммуникация

DOI 10.37386/2687-0592-2024-12-162-170

УДК 39(571.15)

И. Ю. Аксенова

*Новосибирский государственный университет, г. Новосибирск, Российская Федерация***Формы адаптации традиционной и советской праздничной обрядности на Алтае в XX веке (по материалам этнографических экспедиций 2013–2024 гг.)¹**

Аннотация. В статье представлены результаты исследований проблем адаптации элементов традиционной календарной и советской праздничной обрядности в праздничном календаре сельского населения Алтайского края в XX в. Показана динамика возникновения адаптационных форм в XX в. (дана характеристика заимствованных «традиционных элементов» в сценариях советских праздников, рассмотрены аналогичные включения элементов советских праздничных сценариев в традиционные календарные праздники). В основе статьи – материалы этнографических экспедиций, проводившихся автором в 2013–2024 гг. на территории ряда районов Алтайского края, а также материалы сельской периодики, районных архивов. **Ключевые слова:** традиционный календарь, новые советские праздники, формы адаптации, старожилов, переселенцы.

Календарные обычаи и обряды играют важную роль в формировании и поддержании этнокультурной, региональной идентичности у сельских жителей. На протяжении всего XX века в условиях антирелигиозной пропаганды, новых идеологических проявлений советского государства, модернизации быта в календарных обычаях русских Алтая происходили трансформации, которые привели к появлению адаптационных форм. Новизна исследования заключается в том, что на материалах регионального уровня эта тема рассматривается впервые. Цель исследования – всесторонний анализ адаптационных форм, возникающих в традиционном праздничном календаре у сельских жителей Алтайского края в XX в. Константные и динамические процессы в календарной обрядности рассматриваются с учетом межкультурных контактов потомков старожилов и переселенцев Алтайского края.

Вопросы трансформационных процессов, сосуществования традиций и новаций в традиционном праздничном календаре находится в фокусе исследований последние несколько десятилетий. С конца 1950-х гг. вопросы фиксации старых и создающихся новых праздников, изучения феномена праздника вообще и советского в частности решались в работах М. М. Бахтина, А. И. Мазаева, К. Жигульского, В. А. Руднева, Л. М. Сабуровой, Л. А. Тульцевой [1, с. 7]. Теме календарной праздничной обрядности на Алтае, в том числе новым советским праздникам, уделяли внимание исследователи Ю. А. Абалкина [2], А. В. Богочанова [3], С. И. Бондаренко [4], М. В. Дубровская [5], Е. А. Коляскина, И. Ю. Аксенова [6], И. В. Куприянова [7], В. И. Мотузная [8], Е. В. Палевкина [9], Н. Г. Панышина [10], М. Н. Сигарева [11], О. С. Щербакова [12], Л. А. Явнова [13] и др. Отдельные аспекты этой темы затрагивались в работах Т. Н. Золотовой [14], Г. В. Липинской В. А. [15],

Г. В. Любимовой [16], Е. Ф. Фурсовой [17] и др. Авторы рассматривали вопросы специфики того или иного календарного праздника у старожилов и переселенцев Алтая, основываясь на собственных полевых изысканиях. Несколько работ автора данной статьи были в том числе посвящены исследованию традиционных праздников и их трансформации у старожилов и переселенцев Алтайского края в XX в. [18, 19, 20 и др.].

В. А. Липинская впервые обратилась к исследованию связи традиционных и советских календарных праздников в русских селах региона. В ряде праздников В. А. Липинская отметила их преемственность и гражданский характер. В монографии «Семья и семейный быт украинского сельского населения Западной Сибири в конце XIX – XX веке» рассматриваются изменения важнейших элементов семейного быта и обрядов жизненного цикла, календарных обрядов [21]. Совместные статьи автора и Е. А. Коляскиной, А. В. Рыкова [22] посвящены вопросам рассмотрения некоторых элементов традиционной праздничной обрядности в советских праздниках Проводов зимы, Русской березки (Борозды). Однако вопросы изучения форм адаптации новых советских праздников и их влияния на календарные праздничные обычаи и обряды старожилов и переселенцев Алтая, вопросы трансформации остаются слабо изученными.

На протяжении всего XX века в календарных обычаях русских Алтая происходят значительные изменения, порожденные социальными процессами, которые способствовали созданию единого праздничного календаря. Советские праздники постепенно входят в традиционный праздничный календарь, становясь полноправными праздниками наряду с традиционными: «А у нас тут соседка была, дак она ветку большую на ворота прибьет на Троицу, а када 9 Мая, она флаг вывешает. Учительница была. Она все праздновала!» (Копытова Г. Ф., 1924 г. р., с. Гуселедово, Романовский район, украинские переселенцы). «Ой, и то и этот праздновали! И мама так же. Я гово-

¹ Исследование проведено в рамках реализации Государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в сфере научной деятельности (проект № FSUS-2020–0021).

рю, мы все праздники праздновали. И старинные, и советские» (Чекаданова М. А., 1950 г. р., с. Краснощеково, Краснощековский район, российские переселенцы).

Анализ материалов, полученных в ходе этнографических экспедиций, позволяет заключить, что информанты, рожденные в 1920–1930-х гг., при описании календарных праздников и периодов располагают их в связке один за другим: «Вот щас пойдет Филипповка, потом Никола, потом Рождество, потом Крещение, с Рождества до Крещения – Святки, а с Крещения до Масленки – промёжгование, это мясо ели, это свадебное время было. Почему так называли – уже не знаю. Это были все свадьбы играли вот это всё, а уж на Масленку – тройки за тройками, свадьбы гудели! Прямо в тот день старались все, чтоб было» (Щапова Н. П., 1937 г. р., с. Островное, Мамонтовский район, саратовские переселенцы). Информанты же, рожденные в конце 1930–1950-х гг., уже обозначали многие традиционные праздники как «слышали такие, но не знаем, как праздновать», не располагали их в хронологическом порядке, редко могли обозначить количество дней и недель между ними, рассказать о приметах и традициях, характерных для того или иного народного праздника. Приведем несколько цитат, иллюстрирующих данный тезис: «В деревне, я помню, гадали, только не помню, на какой праздник. Ворожили, с зеркалом, книгой. Это, наверное, Святки... не помню» (Карпова Л. В., 1954 г. р., с. Чарышское, Чарышский район, старожилы). «Не помню, на какой праздник делали качели, но на какой-то праздник»¹ (Иванова В. А., 1946 г. р., с. Родино, Шипуновский район).

Подготовка, уборка всего дома традиционно проводилась к «большим» народным праздникам (Рождество, Пасха, Троица, др.). Как показали полевые исследования, во второй половине XX в. стало обязательным убираться, белить и перед государственными праздниками (Новый год, 8 Марта, 7 ноября и др.): «У нас белили к 8 Марта. Там и Паска рядом, но больше к 8 Марта белили» (Панина Н. Н., 1940 г. р., с. Усть-Пристань, Усть-Пристанский район, саратовские переселенцы). «Обязательно белили к 8 Марту. К Пасхе – обязательно, к Дню Победы, Троице. Всю избу белили! Я белила по вечерам и по комнате» (Чекаданова М. А., 1950 г. р., с. Краснощеково, Краснощековский район, российские переселенцы). «День революции – к нему белили, к Новому году белили – это кухню белили, а всю избу – это на майские праздники, когда дети соберутся, тогда помогают. Белить – это женская работа. Папа не белил (Мерюнов Б. Н., 1958 г. р., г. Алейск, Алейский район, старожилы). «С детства запомнила. Красили мы дома яйца, это вот бабушка. Мы дома красили, белили дома к Пасхе, это 1980-е гг. Белили к 7 ноября, после белили, в погреб засыпали картошку» (Кобухова М. М., 1969 г. р., с. Волчиха, Волчихинский район).

Период 1950-х – начала 1960-х гг. ознаменован строительством большого количества культурных объектов, началом распространения новой календарной обрядности в селах, утверждением массовых советских праздников. Как отмечается, партийные деятели предполагали, что новые советские праздники смогут быстро вытеснить старые, превратив их в собрание устаревших обычаев, пустых условностей, никому не нужных ритуалов [23, с. 467]. Как отмечается в исследованиях, в 1960–1970-е гг. официальными праздниками были охвачены гораздо более широкие круги общества, чем в 1930-е гг. Только в эти годы советский праздничный цикл внедрился также в сельской местности Советского Союза, заняв место рядом с традиционными праздниками. В поздний период существования Советского Союза функция праздников заключалась, однако, не столько в затверживании идеологических догм, сколько в интеграции системы. То есть режим проводил политику сплочения общества, сознательно прибегая при этом к заимствованию практик народных праздников и включая их в официально санкционированный праздничный канон [24, с. 349]. Поэтому в 1960–1980-х гг. происходило соединение элементов традиционной и советской праздничной обрядности, что и было зафиксировано в исследуемых районах.

Праздник Русской березки (Борозда). Новые календарные праздники – Проводы зимы, Дни памяти, Русская березка (Борозда) – являлись праздниками-заместителями традиционных праздников Масленицы, Радоницы, Троицы в народном календаре. К примеру, элементы троицкой обрядности воспроизводятся в сценариях праздника Русской березки, когда распространенной становится практика установки берез, березовых ветвей, повязывание лент на торговых палатках, на элементах декора сцены, в комнатах, павильонах, на рабочих машинах и пр.: «У нас праздник Русской березки был совмещен с праздником в колхозах, праздник Борозды назывался. Его отмечали в колхозах, совхозах его проводили. У нас там тополиная рощица была. Называлось это „Сабантуй“. И состязания были, и скачки на лошадях проводили. И артисты выступали, и ставили тогда палатки торговые... И вот там проводили все эти мероприятия. Все комнаты, все павильоны веточками березки украшали» (Саддаров С. К., 1955 г. р., с. Волчиха, Волчихинский район). «Рубили березки даже. Да. Я помню, в Костином Логу они березками всю сцену украсили, и на кулисах веточки висели» (Шишенина Л. М., 1953 г. р., с. Мамонтово, Мамонтовский район, харьковские переселенцы). Обрядовый элемент завивания (украшения) березки лентами был включен в ритуал награждения бригадиров в Шипуновском районе [19, с. 34]. Другим примером адаптации может являться вождение хоровода вокруг костра женщинами и мужчинами после окончания посевной, пение при этом разных песен, включая песни из советского репертуара: «Закончили посевную, собираются все: молодые, старые. Выезжают там. Вот у нас сад был, ну можно куда-то выехать на

¹ Традиционно устанавливали качели на Пасху.

Рис. 1. З. Н. Козловой демонстрирует украшения девушек на Троицу в бригадах. Фото автора.

природу. Там жгется костер, там обязательно покупают в магазине выпивку, это после того, как закончатся все полевые работы. Это днем. Берутся прям за руки, костер большой, и сколько людей, очень много людей, все ходят и поют песни. Ну, какие-то советские. Которые все знают, те и пели. Несколько песен могли пропеть за раз. Все, прошли и все, садятся группами, где кто если там. Прям на траву, это после. Это конец июня, это называется Борозда» (Долженко О. И., 1944 г. р., с. Самсоново, Шипуновский район). По воспоминанию Н. И. Цыкозы, работника сельского дома культуры в с. Первомайском (Шипуновский район), на каждый концерт ко Дню русской березки на сцене сельского ДК устанавливали березку в кадке¹. Иногда девушки в бригадах плели на Троицу венки большего размера, вешали их через плечо в качестве имитации наградной ленты²: «Троица – венки, мы лазоревые цветочки, веноч сделаем на голову и такие, на грудь вешали цветы, лента через плечо» (Козлова З. Н., 1931 г. р., с. Коробейниково, Усть-Пристанский район, старожилы) (рис. 1). Практика украшения сцен березовыми ветвями, установка берез на празднике сохранялась до конца 1990-х гг. (рис. 2).

В семейном фотоархиве Р. Р. Пономаренко сохранилась фотография (рис. 3), сделанная после окончания посевной в 1961 г. (возможно, в 1962 г.), где ее отцу, Р. М. Позднякову, 1929 г. р., вручили премию: «Это единственное фото, которое сохранилось. Мой папа сидит в первом ряду с лентой на груди и с подарком и большой премией – единственный победитель! Я горжусь своим папой. Я знаю, было это в Приятельске, в 1960-х годах, и что папа был награжден. „Забивали клин“ или „Борозда“ называлось, окончание посевной. Бригада механизаторов и комбайнеров. Вручали денежную премию и часы, награждал наш откормсовхоз, премия была от директо-

¹ Емкость, сделанная из деревянных досок, стянутых металлическими или деревянными обручами.

² На наш взгляд, данные формы украшения, производные от традиционного венка на Троицу, возникли как аналог наградной атрибутики бригадиров, передовиков на празднике Борозды (Русской Березки).

Рис. 2. Хор ветеранов. ОФ. 160/2, Ф 18/2.
Фото из фонда Алейского историко-краеведческого музея (без указания даты)

ра откормсовхоза и рабочкома. На фото три села. Мне было лет пять, я помню, как считали эти деньги дома на полу, и пять рублей не хватило. Папке как раз 3000 премию дали» (Пономарева Р. Р., 1957 г. р., с. Совхозное, Алейский район).

Встречались также случаи перенесения народных примет с традиционных календарных праздников на советские: «Веники вязали березовые для бани, заготавливали в этот праздник. Еще отец мне говорил: хорошая пора веники вязать – вот начинается праздник Борозды... и до покоса. Как тока сено скосили, всё, уже потом начинает веник некрепкий. Лист облетает, всё... (Саддаров С. К., 1955 г. р., с. Волчиха, Волчихинский район). Вероятно, содержащиеся в народной памяти знания об обычае заготавливать веники «с Троицы» были перенесены на праздник Борозды (Русской березки), который ежегодно проводился в селах. Таким образом, советский праздник «Борозда» стал ориентиром для традиционной заготовки березовых веников.

Проводы зимы. Праздник «Проводы зимы» сохранял смысл перехода от зимы к весне: «Весна приезжала на этой же тройке, на санях, круг почета по площади дала, там, где праздник проводится, и эта же тройка увозила Зиму. Зима там со слезами как будто бы, с грустью покидала, ручками махала, ей тоже ручками махали» (Конради Н. А. 1947 г. р., с. Шипуново, Шипуновский район, украинские переселенцы). Как отмечалось в отчетах учреждений культуры, Проводы русской зимы – праздник, начинавшийся с раннего утра, превращался в народное гуляние с элементами театрализации, спортивными состязаниями, конкурсами плясок, частушек, с разноцветной ярмаркой и заканчивался вечером [25, с. 4]. В сценарии праздников включались традиционные элементы – ряжение, катание с гор и на лошадях, сжигание чучела, блины, создание снежного городка (в некоторых селах) и пр. Приведем воспоминание П. И. Аникина о ходе праздника: «Проводы зи-

Рис. 3. Окончание посевной. Фото из личного архива Р. Р. Пономаревой, с. Совхозное, Алейский район.

мы делаем, мы обязательно блины организуем, ребятишки – скороморохи, ряженые, подушками соломоной набиты, веревки тянут, канаты, игры, лазают на этот столб, подарки снимают и пр. Тройки делали раньше, как я только приехал. Печку делали на тракторе, тогда еще без кабины был трактор, его обшивали печкой большой, вот и все, и катали тоже ребятишек. А тройки – не одна, а две-три тройки, потому что ребятишек катали прямо тут же у нас по кольцу, тут, по селу. А ребятишек катали на тракторе, там были ступеньки сделаны, залазили на печку, а трактора не видно, потому что все обшито же, печка русская, и всё» (Аникин П. И., 1948 г. р., с. Курья, Курьинский район).

В сценариях Проводов зимы выступающие нередко использовали традиционный элемент весенне-летней обрядности – венки, а в Курьинском районе в начале весны на площади по традиции пели веснянки. «По призыву Деда Мороза на трибуну входят Весна красная с веснянками, которая после наказания Деда Мороза остается полновластной хозяйкой. Ее веснянки исполняют на площади танец» (рис. 4) [26, с. 1]. В с. Ивановка Курьинского района: «Весна прилетает на лихой тройке, разукрашенной разноцветными лентами, как весенний луг цветами, в расписной кошеве, а с ней и очаровательные веснянки. Дед Мороз со Снегурочкой передают эстафету времени. Заморский шашлык. А самый главный приз кукарекал высоко в небе» [27, с. 1].

В Чарышском районе для скачек выбирали породистых лошадей, которых держали потомственные казаки в с. Тулата, сооружали снежную крепость: «В Тулате лошадей породистых держали, на скачках участвовали. Это при мне было. Уже нигде не было, а там было. Это были совхозные кони, но там были любители, которые своих рысаков держали и тренировали их хорошо. Обычно на день Красной армии было или Проводы зимы. Гоняли, еще когда снег лежал. Саночки были у них специальные для

лошадей, рысаки были. Ну, там конюх работал, он из потомственных казаков, он их содержал. И лошадей готовил, и санки эти запрягал, и... Был, я помню, снежный городок, там на площади сооружали, хлестались ребята» (Благинин Н. П., 1945 г. р., с. Чарышское, Чарышский район, старожилы).

Аналогично практике сжигания чучела на площади села, у сельских жителей в с. Гуселетово бытовала традиция сжигать чучело, сделанное из фуфайки и шапки, после спаливания колес на улице: «Чучело делали – одевали шапку, фуфайку, как колеса кончают палить, и сжигают, и расходятся» (Сотникова Е. М., 1929 г. р., с. Гуселетово, Романовский район, росейские переселенцы). Отметим, что традиция «палить колеса» взрослыми и детьми на Масленицу была зафиксирована нами в Романовском и Волчихинском районах Алтайского края.

Приведем лишь некоторые высказывания, иллюстрирующие процессы трансформации этнокультурного самосознания относительно масленичной обрядности в 1950–1960-е гг. «Праздник как Масленица широко не отмечался вообще. Что он был, мы знали, что дома мы его отмечали – да. Пекли блины, все сладости. Это все бабушка, мама, то есть праздник был семейным, Масленица» (Конради Н. А., 1947 г. р., Шипуново, Шипуновский район, украинские пере-

Рис. 4. Танец веснянок. Фото из статьи: Аньшакова С. Проводы русской зимы // Патриот Алтая. 1977. № 36 (3833), 24 марта.

Рис. 5. Кресты из картофеля для украшения «пасок» в период Великой Отечественной войны. Показывает З. Н. Козлова. С. Коробейниково, Усть-Пристанский район. Фото автора, 2016 г.

селенцы). «Делались в один день (Проводы зимы и Масленица. — И. Ю.). <...> Мы празднуем в основном Проводы, как общественность скажет, так мы и делаем. И заодно как бы Масленицу празднуем» (Панина Н. Н., 1940 г. р., с. Усть-Пристань, Усть-Пристанский р-н, саратовские переселенцы). Приоритет, как видно из сообщения информанта, отводился празднованию Проводов русской зимы. К практикам празднования Масленицы у жителей сел относится тенденция к соблюдению традиций «гостевания», семейные застолья с угощениями, гуляния.

Чистый четверг. В связи с работой в колхозах мы фиксируем сдвиги во времени совершения традиционных обрядовых омовений в Чистый четверг. По замечанию информанта Е. И. Мишиной, адаптация по времени была неизбежна: «Раньше-раньше в Чистый четверг старались баню истопить до восхода солнца, надо ночью встать, и начинали топить ее. И до восхода вымыться. Это тогда считалось уже обрядом. А если не получалось — топили только вечером, все перестирывали (Мишина Е. И., 1927 г. р., с. Кособоково, Шипуновский район, белгородские переселенцы). «Обязательно после работы мылись. Никогда не получалась так до рассвета. А вечером — Чистый четверг, уберешься, все там» (Бочарова Л. С., 1933 г. р., с. Новошипунovo, Краснощекровский район, воронежские переселенцы). В связи с отсутствием возможности совершать омовения в бане детей мыли в тазах дома: «Детей мыли. Искупают на полу, холодно было как-то, и на печку. У тазах мыли, чашка большая. — Рано утром надо было? — Ой, да и днем купали, когда кому было время» (Ивлиева М. Я., 1944 г. р., с. Комариха, Шипуновский район, курские переселенцы).

Пасха. В годы Великой Отечественной войны произошли значительные изменения в повседневной жизни крестьян, что привело к снижению их материального благосостояния. Однако Пасха остается непременно отмечаемым праздником. В связи со

сложившейся продовольственной ситуацией количество блюд, традиционно приготавливаемых к пасхальному дню, заметно ограничивалось. Прежде всего это было связано с отсутствием набора ингредиентов, необходимых для выпечки «пасок» (куличей). Нередко количество ингредиентов для выпечки куличей ограничивалось или они заменялись имеющимися на тот момент продуктами: «А мы с чего „паску“ пекли: нам дадут немного муки ржаной. Мы картошечку, тыкву потолкем, дрожжей туда, а дрожжи сами варили. Пойдем в забочку, нарвем хмель, его закусим, и стряпали колобочки такие, да еще картошечки вырежем, да на эту булочку положим. Немного тесто разрежешь и в булочку в эту положишь, она не вывалится. Она туда воткнется, жаром обдастся. Так ее, эту булочку, об дорогу не разобьешь!» (Козлова З. Н., 1935 г. р., с. Коробейниково, Усть-Пристанский район, старожилы) (рис. 5.).

Политика советского государства в отношении церкви носила крайне негативный характер, что было закреплено одним из первых декретов в 1918 г. В 1929 г. 8 апреля 1929 г. ВЦИК и СНК РСФСР было принято постановление «О религиозных объединениях». Основным его положением стало закрепление запрета на деятельность религиозных организаций вне пределов религиозных зданий. Кроме того, вводился ряд ограничений и регламентирующих условий (запрет на оказание помощи своим членам, организацию собраний и кружков; преподавание богословия только с разрешения НКВД РСФСР или ЦИК автономной республики) [28, с. 183–184]. Помимо этого, XIV Всероссийский съезд Советов внес изменения в ст. 4 Конституции РСФСР. Если ранее в ней было зафиксировано право граждан на «свободу религиозной и антирелигиозной пропаганды», то теперь гарантировалось лишь «свобода религиозных вероисповеданий и антирелигиозной пропаганды». Это означало, что вся культурная деятельность религиозных организаций ограничивалась только молитвенным зданием [28, с. 187–188]. Результатом изменения государственной политики в отношении церкви стала вынужденная трансформация религиозной обрядности, характеризовавшаяся адаптацией к новым условиям. В результате появлялись адаптационные механизмы, такие как освящение пасхальных пасок на дому тайком, приготовление пасхальных блюд в избах сельских жителей, при этом зажигалась свеча, иногда читались молитвы старшей в роду (или знающей) женщиной. «Женщины на церковные праздники ходили к ей тайком. Мама моя ходила, там она сходились все старые, пасочки носили. Она на „Всюночную“ ходила. Это 1965. А я вот росла, я уже молодухой была тут, паску испеку, яиц накрашу, сметану сделаю и на ночь ставлю на стол. Утром заходит мама, утром поднимаются и разговляются» (Ивлиева М. Я., 1944 г. р., с. Комариха, Шипуновский район).

Зафиксирован необычный случай Всенощного бдения на крыше в своем дворе соответственно времени службы в храме: «Когда церковь была, дед

всегда „в ночь“ уходил и утром приходил. А потом церковь сломали. Бабушка моему дедушке набрала с собой, что обычно ешь, вот то и на Паску наделаешь. Он залазает на „двор“ (строение. — И. А.), как на ночь. В церкви начинается служба, а он на „дворе“ сидит всю ночь, молится, а как рассвет, как служба примерно заканчивается, он слезает, они уберут скотину и садятся разговляться. Раньше и бабушки пели, освещали „паску“ (Цуркина Н. Е., 1935 г. р., с. Масляха, Крутихинский район, старожилы).

В день Светлого Воскресенья ходили в гости в семьях коммунистов. Информанты делают акцент на поминании умерших, а не на праздновании Пасхи: «Даже отец, коммунист, одевался в пасхальный день, и шли в гости. Естественно, яйца были, но шло как поминание родителей. В Родительский день нельзя было ни в коем случае» (Санников В. В., 1953 г. р., с. Усть-Пристань, Усть-Пристанский район, вятские переселенцы).

В 1980-х гг. в связи с продолжавшейся антирелигиозной пропагандой появились варианты декорирования яиц к Пасхе словами первомайских лозунгов: «Я боялась красить. И мы просто варили яйца, я давала детям цветные карандаши, и мы просто разрисовывали: „Мир! Труд! Май!“ И цветочки, и небо голубое. Церкви у нас не было, я была партийным человеком, но мы все равно красили. Моды такой не было, а я сама так придумала. Это уже 1980-е. Дети знали, что Пасха, но яйца открыто не красили. В 1980-е особенно строго было» (Егорова О. И., 1937 г. р., с. Крутиха, Крутихинский район, старожилы).

Родительский день. В селах Алтайского края в 1940–1960-е гг. практиковалась политика запретов на совершение поминальных практик непосредственно на кладбище, что ярко отложилось в памяти информантов, участников тех событий. «После войны на Родительский день нельзя было ходить» (Белёвцева Т. К., 1940 г. р., с. Андреевка, Шипуновский район, курские переселенцы). Несмотря на запреты, регулярность посещений кладбища на Пасху с минимальным набором блюд для совершения поминовения поддерживалась старшими женщинами в семьях. Еще одним вариантом поминания умерших (вне кладбища) была совместная трапеза: «А все бабушки говорили, что надо помянуть всех «сродственников». Я не помню, чтобы бабушка произносила слова „Родительский день“. Хорошо помню, что на кладбище точно не ходили. Мы с бабушкой ходили к бабе Шуре. За столом у бабы Кати (Фотики) плакали с причетом. Плакали и причитали, как тяжело жить без мужа, у кого погиб, поминали»¹ (Жукова Л. В., 1950 г. р., с. Хлопуново, Шипуновский район, рязанские переселенцы).

Если запреты были распространены практически повсеместно, то применение физической силы было зафиксировано нами лишь однажды в с. Новошипунуво Краснощековского района: «У меня вот

есть племянница, она с 1950 года. Мама, другие женщины пошли на кладбище на Родительский день и эту девочку с собой взяла. Приехал пожарник с плетью и давай этих бабок пороть, разгонять с кладбища, чтоб не собирались на кладбище. Год 1955–1957. Вообще запрещали. И молиться запрещали, и на кладбище запрещали. С помин (поминать-то собирались) не разгоняли, а вот с кладбища разгоняли (Жилинкова З. С., 1937 г. р., с. Новошипунуво, Краснощековский район, старожилы). Отметим общую тенденцию посещения кладбищ и соблюдения традиций поминания умерших непосредственно у могил вопреки существующим нормам. В условиях формирования новой идеологии, общего напряжения в отношениях между односельчанами старшее поколение тайно исполняет обрядовые практики, привлекая к участию маленьких детей. «Я еще маленькая с мамкой бегала. Я к тятке ходила, он у нас рано умер. Я иду, и мама идет. То тетки кто дядьки — ходили все» (Колесова Л. Ф., с. Гилев-Лог, 1939 г. р., Романовский район, российские переселенцы).

Новый год и старый Новый год. В 1918 г. Совет народных комиссаров «в целях установления в России одинакового почти со всеми культурными народами исчисления времени» принял декрет «О введении в Российской республике западноевропейского календаря». А закрепление в 1935 г. в СССР Нового года (1 января) как государственного праздника было призвано вытеснить «антисоветский обычай» праздновать Рождество Христово, чем объяснялось перенесение рождественских традиций на празднование Нового года [13, с. 62]. В результате появились праздники: старый Новый год (14 января), отмечавшийся 13 января («Васильев вечер»), и государственный праздник Новый год (1 января), отмечавшийся вечером 31 декабря. Как показали опросы информантов, до 1950-х гг. сельские жители отдавали предпочтение празднованию старого Нового года: «Самые такие — Рождество и старый Новый год. Новый год не праздновали» (Белевцева Т. К., 1940 г. р. с. Хлопуново, Шипуновский район, курские переселенцы). Однако для детей и молодежи в 1950–1960-х гг. Новый год становится любимым праздником: «Старый Новый год тоже праздновали. Новый год был лучший праздник» (Ильиных Т. Н., 1957 г. р., с. Озерки, Шипуновский район, рязанские переселенцы).

Необходимо отметить, что период Великой Отечественной войны информанты характеризуют как время, когда «не праздновались праздники», сельские жители заранее заготавливали продукты для праздничного стола, отдавая предпочтение времяпрепровождению со своими детьми: «Родители побудут побольше с детьми дома. Раньше работали, не признавали на работе, а дома побольше побудут, старались получше покушать» (Жилинкова З. С., 1937 г. р., с. Новошипунуво, Краснощековский район, старожилы). «В военные годы не праздновались особо. Но в семье каждый ребенок всегда получал, ощущение праздника было, всегда обед готовили, мама рассказывала» (Шишенина Л. М., 1953 г. р., с. Мамон-

¹ Воспоминания информанта относятся к периоду ее проживания в с. Качусово Шипуновского района.

тово, Мамонтовский район, харьковские переселенцы). Дом старались украсить подручными средствами: «Из газетки вырезали занавески» (Копытова Г. Ф., 1924 г. р., с. Гуселетово, Романовский район, украинские переселенцы). «Тада, в 1930-е годы, беднота была, ничего не делали» (Цуркина Н. Е., 1935 г. р., с. Мясляха, Крутихинский район, старожилы). Как отмечали информанты, в 1930–1940-е гг. не прекращались святочные обходы дворов детьми и молодежью в канун старого Нового года: «А это под старый Новый год сделали большую здоровую... козлы... дрова-то пилют. Ее сделали, ее нарядили, кухайки там старые, все, баранью голову – палки вот так загнули, всё, голова, баран» (Бочарова Л. С., 1933 г. р., с. Маралиха, Чарышский район, воронежские переселенцы). В период Великой Отечественной войны также практиковались гадания: «Ведь у каждого же на фронте мужья. Это 1942–1943 гг. где-то. Вот у нас одна... Она пошла к этой татарке поворожить. Говорит: Маруся, поворожи мне, я возьму твой грех на себя, только поворожи» (Бирюкова М. И., 1932 г. р., с. Шипуново, Шипуновский район, вятские переселенцы).

В 1930-е гг. на Алтае вводятся новогодние детские утренники, которые со временем становятся традиционными и любимыми у детей: «Дед Мороза я не знала до 1936 года. В 1936 году решили елку сделать в клубе в старом. Мне сшили костюм зайчика. В то время чулки вязали шерстяные из овечьей шерсти. Ну, у меня пятки проносились. И под елкой прыгали, а все смеются, хохочут. А пятки голые! Вот так я елку провела» (Горбенко П. М., 1929 г. р., с. Первомайск, Шипуновский район).

Некоторые элементы сценариев детских утренников проникают в домашние новогодние праздничные вечера в конце 1950-х – 1960-е гг. Традиционной становится практика, когда дети рассказывают стихи, стоя на табуретке, а потом их вознаграждают конфетами; переодевание в новогодние костюмы, вождение хороводов вокруг елки в доме, приход и поздравление Деда Мороза. «Делали из глины маски всякие, это 1957 год. У нас елку поставили, ребяташек пригласили. Костюмы делали – и белочка была (шапочка и хвостик), и кошечка (жилеточка и хвостик). Это дома. Мы, просто развлекали там детей. Стихи обязательно рассказывали, про зимушку. Дед Мороз приходил» (Ермизова Н. И., 1951 г. р., Волчиха, Волчихинский район, воронежские переселенцы). Эти праздничные увеселения проводились в узком семейном кругу, а также с приглашением соседских детей. Интересным вариантом адаптации является использование новогоднего костюма со школьной елки в колядовании: «У меня был костюм „кукуруза“. У мамы были шторы желтые, она мне штаны сшила сама. Мы на Святки бегали в них. Я года три в нем ходила, в этом костюме» (Ильиных Т. Н., 1957 г. р., с. Озерках, Шипуновский район, рязанские переселенцы).

Как отмечают информанты, «раньше подарки не было принято дарить» (Копытова Г. Ф., 1924 г. р., с. Гуселетово, Романовский район, украинские пе-

реселенцы). Если ранее семантически с Рождеством ассоциировались подарки [13, с. 62], то со второй половины XX в. становится традицией дарить подарки своим детям дома на Новый год аналогично традиции одаривания детей на новогодних детских елках (в «самошитых мешках», кулках), в подарками были хлебобулочные изделия (калачи, булочки), конфеты, леденцы. Дарили также «самошитые» игрушки, позднее – покупных кукол, лыжи, платья и пр.: «А вот в 1950-е мама сама шила нам куклы, потом ежеиков шила, слонов, жирафов, то, что можно было сшить. А вот так в мешке трясла их и говорила: «Так, подходи!» (Ильиных Т. Н., 1957 г. р., с. Озерках, Шипуновский район, рязанские переселенцы).

Со второй половины XX в. в селах вводятся в практику поздравления Дедом Морозом односельчан и их детей, передовиков, представителей органов власти, организованные работниками сельских ДК, что нашло отражение в сельской периодике: «Еще до праздника задумались на центральной усадьбе совхоза „Маяк“, как лучше встретить Новый год. И решили каждый желающий поздравить своих близких и родных – дает Деду Морозу и его свите задание, а уж они постараются его выполнить [29, с. 1]. В конце 1950-х – начале 1960-х гг. эта практика распространяется в селах, становится любимой сельскими жителями, которые, перехватив инициативу у культурных работников, сами организуют поздравления для родных и близких. В роли Деда Мороза иногда выступал кто-либо из ближайших родственников: «Это был мой дедушка. Ну конечно, с подарками, с поздравлениями заходит: „Здесь такая внученька живет? А я с лесу!“ Ему (Деду Морозу. – И. Ю.) бусы вешали из стеклянных палочек на елку, блеском лицо мазали, шапка тоже была красная» (Карпова Л. В., 1954 г. р., с. Красный Партизан, Чарышский район, старожилы).

В 1980-х гг. внимание к фольклорно-этнографическим материалам в культурно-досуговой сфере возрастает, в программы клубных мероприятий включаются традиционные элементы обычаев и обрядов. Так, к примеру, в отчетах 1987 г. отмечалось: «Два года назад в районе стали проводиться новые массовые праздники: „Зимние забавы“, „Колядки“ [30, с. 9]. В 1990-х гг. проведение календарных праздников осуществляется работниками культуры, фольклористами, привлекается региональный этнографический материал.

Заключение

Спущенная сверху ориентация на новые культурные веяния, коммунистические идеалы и ценности в XX в. способствовала изменению духовного багажа людей, повлекла за собой череду трансформационных процессов в календарных праздничных традициях потомков старожилов и переселенцев Алтая. Происходит разделение взглядов старшего и молодого поколений, что выражается в различном отношении к «старым» и «новым» праздникам («ваши» и «наши» праздники). Постепенно при сохранении форм самих обрядов в сознании молодых

поколений стирается понимание их смыслов. Если представители более старшего поколения (1920–1930 гг. р.), системно обозначали расположение традиционных праздников в календаре, указывая периоды, приметы и традиции празднования старых праздников, то представители более молодого поколения (конец 1930–1950 г. р.) называли праздники выборочно, не по порядку, не давая дополнительных сведений, включали в категорию «приоритетных» и любимых новые советские праздники. Это способствовало интеграции советских праздников в традиционный календарь, формированию «традиционно-советского» праздничного календаря с адаптационными формами, возникавшими в XX в. на Алтае.

Произошли значительные изменения в системе пасхальной обрядности в результате антирелигиозной пропаганды, поддерживаемой местными властями, снижения материального благосостояния крестьянства в период Великой Отечественной войны, введения новой идеологии и пр. Вводимые в села запреты на посещение кладбищ, празднование Пасхи, различные манипуляции местных властей привели к появлению адаптационных форм (посещение кладбищ тайно, в вечернее время, проведение поминальных практик на Пасху, Родительский день дома или в гостях, освящение «пасок» в домашних условиях, проведение Всенощной службы единолично и пр.). Проведение обрядовых омовений в Чистый четверг в 1940–1960-х гг. постепенно сдвигалось на вечернее время вследствие трудовой занятости сельского населения: омовения старались проводить рано утром в домах, не имея возможности мыться в бане до рассвета.

Во второй половине XX в. традиционной становится уборка, поделка комнат к государственным праздникам (Новому году, 8 Марта, Дню Победы, 7 ноября). Некоторые элементы традиционной календарной праздничной обрядности потомков старожилов и переселенцев Алтая (а также атрибутика праздников) были включены в сценарии новых советских праздников (Новый год, Проводы зимы, Русская березка) или Борозда – завязывание лент на березе на праздник Русской березки при награждении звеньев в бригаде, оформление сцен и пространства к празднику лентами, березовыми веточками; использование венка, пение веснянок, вождение хороводов, создание снежного городка, проведение скачек на праздник Проводы зимы; с 1950–1960-е гг.

«по списку» проводятся обходы и поздравления сельских жителей Дедом Морозом (подобно обрядовым обходам дворов колядовщиками на Святки), в новогодних сценариях также содержатся некоторые традиционные игры, пение песен с вождением хоровода вокруг елки, костюмирование, пр.

Наряду с этим некоторые элементы советских праздников попадают в традиционные: включение в новогодние праздничные семейные вечера элементов новогодних детских сценариев (чтение стихов, песни, хороводы, одаривание подарками, организация поздравлений Деда Мороза в домашних условиях для своих детей), домашнее костюмирование; отмечены случаи использования новогоднего костюма («кукурузы») с детского утренника при традиционных святочных обходах дворов. В некоторых селах сооружали чучело из подручных материалов (фужайки, шапки), устанавливая его на своей улице, которое так же, как и в заключительной части праздника Проводов зимы, под конец сжигали. На Троицу была зафиксирована практика плетения венков девушками в бригадах для их надевания через плечо аналогично наградным лентам, применявшимся при награждении передовиков, бригадиров на празднике Борозды.

Таким образом, в XX в. в праздничном календаре у жителей Алтайского края произошли значимые трансформационные процессы, что неизбежно повлекло за собой изменения в этнокультурном самосознании.

I. Yu. Aksenova

Forms of adaptation of traditional and Soviet festive rituals in Altai in the 20th century (based on materials from ethnographic expeditions 2013–2024)

Abstract. The article presents the results of research into the problems of adapting elements of traditional calendar and Soviet holiday rituals in the traditional holiday calendar of the Altai region in the 20th century. The author shows the dynamics of the emergence of adaptive forms in the 20th century (characteristics of borrowed «traditional elements» in the scripts of Soviet holidays are given, similar inclusions of elements from Soviet holiday scripts in traditional calendar holidays are considered). The article is based on materials from ethnographic expeditions conducted by the author in 2013–2024 to Altai region (several districts), as well as materials from rural periodicals and regional archives. **Keywords.** *Traditional calendar, new Soviet holidays, forms of adaptation, old-timers, settlers.*

Источники и литература

1. Фролова А. В. Русский праздник. Традиции и новации в праздниках Архангельского Севера XX – начала XXI века / Александра Фролова. М.: Феория, 2010. 152 с.
2. Абалкина Ю. А. Праздники 1920–1980-х гг. // Бийский район: история и современность: сб.: в 2 т. Т. 1. Барнаул: БГПУ, 2005. С. 289–295.
3. Богочанова А. В. Государственные преобразования в сфере праздничной обрядности в период хрущевской оттепели // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Вып. 10. Барнаул: АлтГПУ, 2020. С. 319–323.
4. Бондаренко С. И. Исторические аспекты освоения целинных и залежных земель: значение, опыт, перспективы (к 60-летию целинной эпопеи) // Аграрная наука – сельскому хозяйству: IX междунар. науч.-практ. конф. (5–6 февраля 2014). Барнаул: РИО АГАУ, 2014. Книга 1. С. 18–22.
5. Дубровская М. В. Некоторые особенности весенне-летней праздничной обрядности Алтайского райо-

- на // Этнография Алтая: Материалы II науч.-практ. конф. Барнаул: БГПУ, 1996. С. 202–207.
6. Коляскина Е. А., Аксенова И. Ю. «Пересборка» масленичной обрядности у русского населения Алтайского края в 1950–1980-х гг. в свете коммуникации власти и сельского общества // Традиционная культура. 2023. Т. 24. № 4. С. 47–59.
 7. Куприянова И. В. Календарная обрядность // Залесовское Причумышье: очерки истории и культуры. Барнаул: БГПУ, 2004. С. 214–226.
 8. Мотузная В. И. Календарная обрядность русского населения Солонешенского район // Солонешенский район: очерки истории и культуры. Барнаул: БГПУ, 2004. С. 300–307.
 9. Палевкина Е. В. Календарная обрядность с. Воздвиженка Кулундинского района Алтайского края // Ученые записки Алтайского государственного института искусств и культуры. Вып. 2. Барнаул: АГИИК, 2002. С. 231–234.
 10. Панышина Н. Г. Календарная и праздничная обрядность в селах Бийского района // Бийский район: история и современность: сб.: в 2 т. Т. 1. Барнаул: БГПУ, 2005. С. 213–255.
 11. Сигарева М. Н. Зимний календарный фольклор Петропавловского района [Алтайского края]: (По материалам экспедиций 1997–1999 гг.) // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Вып. 4. Барнаул: БГПУ, 2001. С. 166–176.
 12. ЩербакOVA О. С. Зимний цикл празднично-обрядового обхода дворов (по материалам фольклорных экспедиций) // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: БГПУ, 1998. С. 155–158 с.
 13. Явнова Л. А. Праздники Рождества и Нового года в проекции календарной обрядности второй половины XX – начала XXI в.: традиции и новации (по материалам Алтайского края) // Традиционная культура. 2023. Т. 24. № 4. С. 60–72.
 14. Золотова Т. Н. Русские календарные праздники в Западной Сибири (конец XIX – XX вв.). Омск: ООО «Издатель-Полиграфист», 2002. 234 с.
 15. Липинская В. А. Народные традиции в современных календарных обрядах и праздниках русского населения // Русские: семейный и общественный быт. М.: Наука, 1989. С. 92–141.
 16. Любимова Г. В. Возрастной символизм в культуре календарного праздника русского населения Сибири. XIX – начало XX вв. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2004. 240 с.
 17. Фурсова Е. Ф. Календарные обычаи и обряды восточнославянских народов Новосибирской области как результат межэтнического взаимодействия (конец XIX–XX вв.). Обычаи и обряды зимне-весеннего периода. Новосибирск: Агро, 2002. Ч. 1. 287 с.
 18. Аксенова И. Ю. Календарная обрядность восточнославянского населения Алтайского края в 1940-х – 1960-х гг. как результат трансформации этнокультурного самосознания // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2023. № 4 (66). С. 42–53.
 19. Аксенова И. Ю. Локальные календарные обычаи русских Алтая как отражение социокультурных процессов 1920–1960-х гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2022. Т. 29. № 2. С. 28–36.
 20. Аксенова И. Ю. Этнокультурная идентичность жителей Алтайского края в обычаях и обрядах Родительского дня в 1950–2020-х годах (по материалам этнографических экспедиций 2013–2023 годов) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2023. Т. 29. С. 987–992.
 21. Семья и семейный быт украинского сельского населения Западной Сибири в конце XIX – XX веке / Н. С. Грибанова, И. В. Чернова, Н. В. Люля, А. С. Сви́довская. Барнаул: АГПУ, 2017. 306 с.
 22. Аксенова И. Ю., Коляскина Е. А., Рыков А. В. «Пересборка» и «замещение» календарных обрядовых практик весенне-летнего цикла в западносибирской деревне 1950-х – середины 1980-х годов через призму коммуникации общества и власти // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2023. Т. 29. С. 993–998.
 23. Традиционная культура русского народа в период 1920–1930-х годов: трансформации и развитие. М.: Индрик, 2016. 616 с.
 24. Рольф М. Советские массовые праздники. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. 439 с.
 25. Годовые текстовые отчеты о работе учреждений культуры районов края с буквы «У» по букву «Ж» за 1987 г. Ф. Р-1062. № 3. 251. 56 л. Отчет Угловского районного Дома культуры о работе клубных учреждений за 1989 г.
 26. Аньшаков С. Проводы русской зимы // Патриот Алтая. № 36 (3833), 24 марта 1977 г. С. 1.
 27. Кошелев А. Приди, весна красна // Патриот Алтая. № 35 (3832), 22 марта 1977 г. С. 1.
 28. Одинцов М. И. Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма, 1917–1953 гг. М.: РОССПЭН, 2014. 424 с.
 29. Федоров Н. Под звон бубенчиков // Животновод Алтая. № 2 (2568), 5 января 1966. С. 1.
 30. Ф. Р-1062. Оп. 3. Д. 246. 93 л. Отчет РДК о работе клубных учреждений Алтайского района за 1987 г.

DOI 10.37386/2687-0592-2024-12-171-177

УДК 94(47).084+323

Д. А. Аманжолова*Институт российской истории РАН, г. Москва, Российская Федерация***«Залезть в каждую общественную щелочку...». Национальная политика, общественные организации и формирование советской идентичности. 1920–1930-е гг.¹**

Аннотация. Показана амбивалентная роль общественных организаций, являвшихся частью советской национальной политики и инструментом гражданской консолидации общества. Национальное равенство и демократические основы общественных организаций должны были обеспечить формирование новых параметров идентичности, социальную солидарность и активность представителей всех народов. Система массовых организаций имела колоссальное значение для формирования советской идентичности народов СССР и соединения их в единое сложносоставное целое, включения национальных масс в социально-активные формы общественной жизни.

Ключевые слова: советскость, национальная политика, общественные организации, гражданская консолидация.

Консолидация на советской основе означала новые критерии не только лояльности по отношению к власти, но и реализации общественного потенциала человека как гражданина новой формации. Центральное место отводилось «пробуждению» мощной народной инициативы и самодеятельности, дабы при поддержке и под управлением власти вовлечь каждого в создаваемое пространство социальной справедливости, неограниченных для «простого» человека возможностей участия во всех сферах общественной жизни. При этом включенность в поликультурную общность на основе новой системы социальных и политических координат стала играть одну из ключевых ролей.

Партия прибегла к созданию «проводников» своей линии в массы – общественных организаций, участие в которых позволяло людям повысить культурный уровень и реализовать свой гражданский потенциал в заданном властью направлении. Разнообразии общественных сетей и их масштабы отражали особенности социального развития, превращались в поле реализации коллективных и индивидуальных гражданских и культурных потребностей людей. При этом этноидентифицирующие критерии по-прежнему признавались важными показателями прогрессивности социализма, нацеленного программой партии на национальное равенство и всемерную поддержку «колонизированных» прежде народов. Но совмещение этой линии с курсом на создание общественных структур происходило весьма противоречиво. Так, в Бухаре вплоть до середины 1923 г. в профсоюзы могли вступать кустари, имевшие до 15 наемных рабочих, руководство ими повсеместно взяли в свои руки «хозяйчики, чиновники эмира и прочий элемент», не имевший отношения к рабочему классу. «Предприниматель «защищал» интересы какого-либо пекаря или табачника». К нача-

лу 1924 г. из профсоюзов исключили до 5 тыс. «непролетарских и негодных элементов», начали создаваться месткомы, вводилось социальное страхование, в Старой Бухаре открылись две школы ликбеза, появились радио- и электростанция, тропический институт по борьбе с малярией и клуб в Горно-Бадахшанской АО [1, с. 21–22, 23–25].

Практическая задача обеспечения массовой социальной базы советской власти побудила руководство Туркестанской АССР к созданию профсоюза для сельских тружеников, массовой организации бедноты – союза «Кошчи» («пахарь»). Учредительный съезд состоялся в декабре 1921 г. в Ташкенте, но на местах его организации оформлялись одновременно с проведением земельно-водной реформы, начатой весной 1921 г. ЦК РКП(б) предлагал использовать Кошчи и другие объединения бедноты и батраков для их вовлечения в советское и хозяйственное строительство [2, с. 530–531]. Положение о союзе было утверждено в марте 1922 г. и содержало примечательное объяснение: экономические условия жизни деревенской бедноты требуют особых мероприятий со стороны власти, дабы выработать у нее по примеру пролетариата «привычку работать сообща по одному плану», причем «не только в экономической, но и политической жизни по пословице: один за всех и все за одного». Кошчи был «профессионально-политическим» объединением [3, л. 33–34] коренного населения аулов и кишлаков, не являясь моноэтнической структурой и основываясь на социальной консолидации и идентификации.

Проблемами общественных организаций занималось Оргбюро ЦК РКП(б). Власть признавала обременительность непомерно выросшего числа организаций для бюджета и параллелизм в их функционировании. Многие оформлялись попутно к основным, имели формальное членство. Наиболее развитой была профсоюзная система, и теперь ее предстояло распространить на все социально-культурные общности, наполнив совершенно новым смыслом. «...К профессиональному движению надо от-

¹ Статья подготовлена в рамках Программы научных исследований этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление российской идентичности, 2023–2025 гг.

носиться как к гигантской лаборатории коммунизма», — этот тезис, сформулированный Г. Е. Зиновьевым в 1920 г. [4, с. 363], наиболее точно воплощал замысел организационно-идеологической трансформации общественных организаций в советском государстве.

В 1921 г. пленум ВЦСПС рассмотрел работу в областях и национальных республиках. Одной из задач было включение региональных профорганизаций в состав ВЦСПС и общую сеть профсоюзного движения страны в интересах объединения экономически организованного пролетариата, а также организации труда и производства по всей РСФСР [5, л. 5]. VI съезд профсоюзов СССР в 1924 г. поставил задачи усиления союзной деятельности в национальных регионах «применительно к бытовым и культурным особенностям», вовлечения и обслуживания национальных масс на родном языке [6, л. 87–88]. Съезд обратил внимание на внепроизводственную сферу жизни работника и вовлечение в свою систему членов его семьи. VII съезд профсоюзов в 1926 г. попытался противодействовать неизбежной формализации этой стороны профсоюзной деятельности, выступив против «методов уродливой регламентации, командования и нажима», за чуткое отношение к культурным запросам людей, самодеятельность и инициативу снизу [7, с. 62–64]. Реорганизация крестьянских комитетов общественной взаимопомощи (ККОВ) в том же 1926 году выявила сложности и противоречия в становлении самодеятельных структур и их отношениях с властью. Коллективное членство в них связывало крестьян общинной порукой, а функции социальной взаимовыручки они лишались, поскольку ее стали выполнять государственные органы социального обеспечения. Это, в свою очередь, усиливало патерналистский характер власти и потворствовало укреплению социального иждивенчества, гражданской пассивности и индифферентности.

Сходные проблемы наблюдались и в других регионах. В состоянии добровольных обществ Казахской АССР в 1926 г. признавались общие «крупнейшие недостатки», наблюдавшиеся не только в этой республике, — слабое приспособление к местным условиям и «совершенно недостаточное продвижение в аул», включение одних и тех же людей во все добровольные общества одновременно, отсутствие «системной» и плановой работы и связи с краевым центром, кадровая проблема, дефицит изданий на казахском языке. Обком партии предлагал максимально охватить этими организациями коренное население, не охваченное «советской общественностью». В ситуации, когда одни и те же люди состояли в разных обществах, их социальная активность сводилась к уплате членских взносов, «ношению на груди значков общества, покупке и распространению литературы». В связи с этим предлагалось добиться ограничения участия в общественных организациях — не более чем в двух одновременно. Ответчики при выезде на места обязывались прове-

рять работу хотя бы одной общественной организации, которые, в свою очередь, должны были работать по принципу «нет членства без обязанностей», установить связи с рабселькорами, а парткомам наладить повседневную помощь им в порядке партийной нагрузки. Массовая работа должна была проводиться с применением наглядных средств, таких как диапозитивы, «незатейливые и четкие диаграммы, плакаты», громкие читки, художественные постановки и т. д. Комиссия при агитпропотделе должна была разработать способы «продвижения добровольных обществ», меры привлечения, воспитания и использования актива, издавать сборники о «состоянии советской общественности в Казахстане», руководителям обществ надлежало наладить работу партийных фракций при правлениях добровольных обществ и сократить до минимума их платный аппарат, построить работу «по принципу общественности» [8, л. 3–8].

«Нестыковки» организационного и этнического факторов проявлялись и при создании комсомола. В августе 1921 г. при подготовке съезда комсомольских организаций на Кавказе одним из наиболее важных стал вопрос о межэтнической интеграции региональных структур. Как считал секретарь Кавбюро ЦК РКП(б) Ю. П. Фигатнер, телеграфировавший срочно и секретно в ЦК партии, формально связанные между собой через Кавбюро комсомольские организации, входящие в РКСМ, объединяют только «верхушки организации», но «оно не чувствуется на местах, его нет [в] сознании широких масс союза. Съезд должен, — подчеркивал он, — уничтожить национальную отчужденность и продемонстрировать интернациональное объединение союзов» [9, л. 41]. Понятно, что демонстрация организационного единства могла быть лишь подготовительным этапом к конструктивному межэтническому сотрудничеству молодежи Кавказа.

Комсомол при этом выступал в 1920–1930-е гг. наиболее мобильной и бескомпромиссной силой. Максимализм молодежи в условиях мобилизационного рывка, участвовать в котором власть предлагала в качестве неременного условия скорейшего наступления прекрасного будущего и гарантии признания за личностью права на него, неизбежно означал примитивизацию практик строителей нового мира. Г. Е. Зиновьев в 1924 г. выдвинул характерные «слоганы» для комсомольцев: нам предстоит соревнование с буржуазной молодежью; изжить комсомольское хныканье; нам не нужно казенного благополучия; за горло политнеграмотность; научись говорить просто; «будь дисциплинирован, как подлинный большевик; изучи до тонкости каждый предмет; из-за большевистской запятой дерись до последней капли крови; борись против культа сверхчеловека...» [10, с. 28–60]. Особо поощрялась классовая бдительность. Как свидетельствовал представитель Украины на 5 пленуме ЦК ВЛКСМ в 1927 г., «есть в комсомоле актив, который... можно назвать... атаманчиками партизанских отрядов, необученными генеральчиками в регулярной армии» [11, л. 264].

Одну из трудных проблем представляли межэтнические коллизии. Сложно было наладить и межпоколенческие связи, поскольку родители далеко не всегда понимали и принимали советские институциональные новации, а традиционный авторитет старших по-прежнему играл решающую роль. Так, в Чувашии юноши и девушки записывались в комсомольские ячейки, но затем приходили с заявлением: «Выпишите нас, мама в избу не пускает», «Мать хлеба не дает, отец ругает» [12, с. 117]. В то же время участие в общественных организациях, прежде всего комсомоле, постепенно становилось привлекательным, так как давало возможность проявить социальную активность, получить общественное признание и образование, осуществить карьерный рост [13].

Н. И. Бухарин в 1925 г. подметил порочную практику комсомольцев, выполнявших свою авангардную роль, не имея даже мало-мальских представлений о существовании новой культуры. Он призывал учителей учиться у комсомольцев общественной подвижности, инициативности, стремлению «залезть в каждую общественную щелочку и функционировать в качестве общественного работника». Одновременно Бухарин предостерегал молодежь от радикализма. «Например, нагадит комсомолец под окном у попа и думает, что это антирелигиозная пропаганда. А мы думаем, что это простое хулиганство». Чванство, высокомерие, нетерпимость, командный стиль, унаследованные от бурных времен революции и войны, становились неприемлемыми, подрывали доверие к власти. Если комсомолец говорил он далее, «заставляет старушонку говорить, что Христос не существовал (хотя и сам не совсем убежден в этом), то из этого опять-таки ничего не выйдет». Еще одна опасность, которую быстро увидел Бухарин, состояла в искусственном характере общественной жизни [14, с. 20–21, 26, 30].

Комиссия ЦКК ВКП(б) в марте 1927 г. констатировала, что, несмотря на повсеместное создание и рост численности комсомольских организаций, сохранялись повсеместная слабость комсомола на селе, низкая активность и вовлеченность национальной молодежи, слабая посещаемость комсомольских собраний, механический характер руководства со стороны органов КСМ (циркуляры, инструкции, контроль, общие фразы, копирование вышестоящих органов и пр.), отождествление активистов и штатных работников при недостаточной ответственности всех. Наряду с быстрым ростом активности и интересам национальной молодежи к комсомолу сохранялись «трудно изживаемые старые бытовые навыки и обычаи, родовые группировки и т. д.». Для финансирования мероприятий отчислялись 10% взносов комсомольцев, проводились платные вечера, спектакли и т. д., партийцы также делали отчисления. Главными направлениями комсомольской работы были ликбез, ознакомление комсомольцев с уставом и программой союза, с директивами власти в отношении деревни и аула, участие в женской работе. Всем коммунистам в возрасте до 23 лет предла-

галось также обязательно входить в комсомольские ячейки, самому комсомолу — создавать в своих организациях ячейки добровольных обществ, усилить пропагандистскую и пр. работу [15, л. 13, 27, 2–8].

От уникального разнообразия первой половины 1920-х гг., связанного с оживлением общественной активности и множеством инициативных структур, власть постепенно переходила к упорядочению, систематизации и укреплению вертикальной управляемости самостоятельными организациями. Наглядным примером служит история культурно-просветительных обществ в Якутии. Общество «Саха-Омук» объединяло в 1924 г. свыше 500 представителей национальной интеллигенции, имело филиалы на местах, в том числе 27 коммунистов. В Олекминском обществе «Аннях» главную роль играли коммунисты, что казалось более приемлемым, несмотря на авторитет первого. Обкому партии приходилось решать, как максимально использовать национальную интеллигенцию и обеспечить должную линию в ее деятельности. Предлагавшийся радикально настроенными членами обкома бойкот вряд ли мог принести успех, поскольку делалась ставка на узкую базу бедноты при том, что считавшийся середняком якут имел 10–11 голов скота, тогда как в недалекой Монголии прожиточный минимум составлял 70 голов. Поэтому пленум обкома РКП(б) обязал всех членов партии и комсомола коллективно вступить в «Саха-Омук» и соединить с ним общество «Аннях» для усиления партийного влияния. К весне 1925 г. было принято решение о ликвидации «Саха-Омук», поскольку на местах всю работу в филиалах вели учителя и комсомольцы, а центральное правление общества функционировало только в городе. Обком партии считал, что массовая культурная работа может быть успешно обеспечена за счет новых организаций — ОДВФ (Общество друзей воздушного флота), «Долой неграмотность», книжно-издательский коллектив «Ленинец», «Ырас Олох» и др. Общество «давно перестало играть роль монопольного культуртрегера в улусе, не говоря уже о городе, и его работа свелась к устраиванию танцулек для якутских мещанок и мелкобуржуазной молодежи в городе». Обком решил провести массовую кампанию по его ликвидации и созданию узкого Общества по изучению края по типу общества «Северная Азия», обеспечив смывку с улусными учителями, минуя «Саха-Омук». Но на городском собрании общества за ликвидацию проголосовала треть, и обком прекратил дискуссии, приняв «меры к фактической ликвидации». На местах функции филиалов передали в избы-читальни, в городах «лучшие культурные и научные работники» перешли в новое исследовательское общество [16, л. 11, 130–142].

Власть подчеркивала, что, в отличие от Запада, культурные и общественные объединения «совершенно отграничены» от «тех, кои преследуют корыстные цели наживы» и содействуют «заданиям социалистической культуры», объединяя все группы людей. Административный контроль и права юриди-

ческого лица для общественных организаций также предполагали подчинение интересам строительства социализма и «социального сотрудничества». Одновременно требовалось полное подчинение членов каждой организации ее уставу в любой деятельности. Органы НКВД выполняли надзорные функции, скрупулезно отслеживая малейшие нюансы уставной документации, проектов и планов, конкретных мероприятий на предмет строгого соответствия стратегическим и тактическим установкам власти [17, с. 10–12].

В феврале 1925 г. руководство добровольными обществами (их насчитывалось уже 12, а на содержание обществ рабочие отчисляли по стране до 9% заработка) было поручено агитпропагандистскому отделу ЦК партии. Тогда же Оргбюро ЦК РКП(б) предложило МОПР (Международная организация помощи борцам революции) прекратить «массовую вербовку в него членов», перейти на добровольное и индивидуальное участие в этой организации. Всякие массовые кампании разрешалось проводить лишь с санкции ЦК РКП(б). Создавались выборные ЦК и соответствующие органы МОПР на всех уровнях административно-территориального устройства, на местах основу общества должны были составить низовые ячейки на предприятиях, в учреждениях и т. п. Средства МОПР должен был получать от членских взносов не чаще двух раз в год и всевозможных мероприятий – спектаклей, кино, продажи литературы и т. п. Запрещалось вычитать взносы из жалованья, проводить денежные сборы и пожертвования среди рабочих и крестьян.

Одновременно были признаны обременительностью для бюджета и параллелизм в функционировании непомерно выросшего числа других общественных организаций: это были ОДВФ и Доброхим (Добровольное общество друзей химической обороны и промышленности), общество «Безбожник» и «Помощь пролетарскому студенчеству», «Международный красный стадион», общество Красного креста и Красного полумесяца, общество «Друг детей», Ассоциация натуралистов, Общество друзей кинематографии, Союз эсперантистов и т. д. В итоге многие из них были сокращены путем объединения родственных по видам и направлениям работы. Парторганизациям поручалось предотвращать акции по коллективному «добровольному» вступлению в массовые организации и не подменять их, особую осторожность проявлять в деревне, не вовлекать одних и тех же лиц в несколько разных обществ. Максимальный взнос во всех обществах не должен был превышать 0,5–1 рубль [18, л. 156, 174]. НКВД при участии Агитпропотдела ЦК партии регламентировал порядок распространения значков, талонов, марок, произведений печати и пр., был разработан примерный устав добровольных шэфских обществ. Среди типичных недостатков массового добровольного движения власть признавала сохранение практики коллективного вступления, отсутствие работы в низовых ячейках и выборности руководящих органов и

лиц, а также отчетности, подмену самодеятельности рядовых аппаратными работниками.

Тем не менее они стали одним из важных социальных лифтов для «простых» людей и подспорьем для партии. Выдвиженцы проходили в общественных организациях ускоренный политический ликбез. Слабость национальных парторганизаций зачастую превращала комсомольцев в невольных лидеров политической и социальной жизни в деревне. Меры стимулирования активности были стандартными: ударные кампании и смотры на лучшие ячейки, премии для коллективов и моральные поощрения, газетная и настенная пропаганда и агитация, самодеятельность, исключение из организации и лишение участия в коллективных мероприятиях, общественное осуждение пассивности и индивидуализма. Но многие вступали в комсомол, чтобы облегчить поступление на учебу или получение работы. Проверяющие из ЦК партии признавали: МОПР, ОДВФ, Доброхим и ОДН (общество «Долой неграмотность») создаются по инициативе сверху под известным нажимом [23]. Для популяризации этих организаций активно привлекалась художественная интеллигенция. В 1925 г. была издана стихотворная агитповесть Н. Н. Дебогори-Мокриевич «Что сказывал Клим про Доброхим», в 1927 г. вышла поэма В. Маяковского «Летающие пролетарии». Режиссер Я. Посельский создал трилогию короткометражных комедий о деде Пахоме, посвященную общественным новациям: «Как Пахом, понюхав дым, записался в Доброхим», «Как мужик Пахом в столице в небеса летал на птице», «Как Пахом в селе Несмелом занимался летным делом».

Общественные организации призывались всюду «проникать своими щупальцами», переплетались и как бы поддерживали друг друга, включаясь в режиме чрезвычайности в очередную «ударную» сверхзадачу [19, с. 5]. Даже пионеры в этой системе – «тот инструмент, то орудие, та пушка, тот пулемет или та тихая сапа, которые подрывают устои старого быта...» [14, с. 5, 6, 13, 16]. Каждая структура была посредником между властью и массами, обеспечивала их консолидацию на выполнение установок ВКП(б). Как подметил в Якутии ответсекретарь ЦК партии С. А. Бергавинов (1925 г.), «среди организации общественных работников и национальной интеллигенции по любому вопросу не услышишь ЯЦИК или Совнаркома, а всюду обком, обком, обком» [20, л. 186]. Но именно эти организации на основе пропаганды, вовлечения людей в общественно-полезную деятельность как приоритетную формировали у рядовых граждан убежденность в превосходстве советского строя, невиданных ранее возможностях самореализации, даже если она происходила под контролем и в рамках, установленных властью. Они стали также одним из инструментов стандартизации социального пространства и сепарации тех, кто не вписывался в них. Остракизм, формальный и неформальный социальный прессинг направлялся на выпадавших из общего строя дисциплиниро-

ванных тружеников. Всеукраинский совет профсоюзов, к примеру, в начале 1930-х гг. провел кампанию «Прогульщика превратить в ударника». На Подольском механическом заводе создали 34 товарищеских суда и призвали на них 235 чел., «цеховые заслоны» выявляли «летунов» и нарушителей [21, с. 95]. Включение представителей разных народов в ряды авангарда социалистического строительства происходило при этом неравномерно: в Якутии на Алдане из 11 684 рабочих в 1932 г. якуты составляли 350 чел., из них квалифицированными были 30–40. Работавшие в основном на подсобных работах, национальные пролетарии плохо закреплялись, а специальная вербовка по решению обкома партии проходила вяло [22, с. 689], что отражалось и на качестве общественных структур.

На среднем предприятии с 1 тыс. рабочих было от 60 до 68 организаций и должностей, рабочий день активиста составлял 14–15 часов, некоторые по пять дней не ходили домой, их настигали «физическое изнашивание, нервная напряженность» и пр., но массы оставались вне этих структур. В мае 1925 г. ЦК партии установил примерный перечень основных собраний и заседаний в организациях и обществах, их продолжительность и число поручений на одного работника [24, л. 19–23, 73–74]. На объединенной конференции профсоюзов Кзыл-Ординского, Актюбинского, Адаевского округов и Кара-Калпакской области в 1928 г. отмечалось: «...В настоящее время каждый рабочий и служащий является участником целого ряда организаций... требующих от него чрезвычайно частых посещений различных заседаний, собраний, совещаний, часто не оставляющих... времени для практической работы и работы по самообразованию и т. д.». Из-за недостатка работников делегаты выступили за объединение технических аппаратов, чтобы сократить расходы и рационально организовать дело в малочисленных профсоюзах [25, л. 66–71]. Еще одну проблему составлял языковой барьер. В республиках на собраниях вводилось чтение на двух языках. Моноэтнические форумы практиковались лишь как информационные.

Объединение рабочих в профсоюзы позволяло консолидировать маргинализованные группы людей, вброшенных в абсолютно новые для них производственные системы, обеспечить их управляемость, организованную профподготовку и адаптацию в качественно иных социально-бытовых условиях. Формировались стимулы к закреплению человека на производстве, усиливалась его зависимость не только от показателей труда, но и от расположения профбюрократии. Идеиная лояльность и производственная дисциплина стали важнейшими условиями повседневного благополучия и даже личной безопасности. Но при сохранении языкового барьера между активом и массой демократические процедуры часто были формальностью, среди активистов встречались групповое пьянство, склоки, хулиганство, безответственность. Тем не менее растущая индустриальная культура, новые социальные стиму-

лы и критерии постепенно укрепляли и расширяли влияние.

Неоднородность исходных условий и динамики преобразований в разных этнокультурных регионах СССР обусловила разные темпы и формы «прививки» новых социальных институтов. Наиболее жизнеспособными в силу привязки к непосредственному производству и массовости были профсоюзы. Именно на них возлагались все большие социально-культурные функции, регулирование отношений с другими общественными организациями, решение производственных задач через различные формы социального контроля и поощрения и т. д. Разнообразие общественных сетей и их масштабы служили реализации коллективных и индивидуальных гражданских и культурных потребностей людей. В то же время они играли важную роль в контроле производственной дисциплины, статусной иерархии. Выдвиженцы-националы стремились не возвращаться в родные деревни и аулы. Любый степняк знает, — замечал Голощекин, — кто такой глава предсовета, начальник милиции и т. д., но редко — что такое профсоюз; характерно «рассмотрение комсомола как организации, которая дает хорошие посты и хорошее жалованье» [26, л. 10–12]. Националы увлекались темпами «этнизации» без связи с интересами движения и практическим положением вещей, когда профсоюзы на 80% пока состоят из «европейцев», которых тоже надо «обслуживать». В 1929 г. признавалось: «имеется не естественный рост профактива, а „искусственная прививка“» [27, л. 19, 26, 23; 28, с. 51–53]. Доминирование властных рычагов регулирования неформальной сферы жизни обусловило сложный симбиоз нормированной общественной активности и лояльности и пассивного отношения к решению проблем организации труда, быта, досуга, охраны окружающей среды и здоровья и т. д. Внутриэтнические параметры социальности оставались неотъемлемой частью самоидентификации.

Постановление ЦИК и СНК СССР 6 января 1930 г. «О порядке учреждения и ликвидации всесоюзных обществ и союзов, не преследующих цели извлечения прибыли», подвело черту под периодом относительной самостоятельности и самодеятельности граждан. «Положение о добровольных обществах и союзах» ВЦИК и СНК РСФСР регламентировало условия и средства привлечения этих организаций «к активному участию в социалистическом строительстве». Так усиливалось огосударствление социокультурной сферы. Устройство массовых организаций по административно-территориальному принципу, интернациональных по составу и престижных в новой социальной иерархии, было важным инструментом дополнения этнокультурных стандартов поведения и социальной мобильности новыми. Межэтнические коммуникации, опыт которых был у граждан СССР многопоколенным и выработал способность уживаться и адаптироваться в разных условиях, прирастали новыми практиками. Власть и ее представители опирались на традиционные приоритеты массо-

вого сознания. Они переплетались с внедрявшейся новой системой ценностей, трудовой мотивации, социальных установок, адекватных требованиям идеологии и политико-правовой практики. Многие общественные организации сыграли немаловажную роль в физической и военной подготовке молодежи, что имело серьезное значение накануне Великой Отечественной войны.

Пример общественных организаций показывает, как советское совмещалось с этническим и становилось национальным в гражданском смысле. Происходило пересечение и наложение разных культурных, психологических, поведенческих, бытовых практик. Этнокультурные традиции социальных взаимосвязей и иерархий нередко вполне успешно вписывались в советскую систему или успешно обходили ее, сохраняя за собой закрепленные многовековым опытом функции и общественную ценность. Это подтверждает неоднородность советского опыта, динамизм складывания и функционирования советскости, как и памяти о ней. Сверхцентрализация и единство идеологии не мешали, а укрепляли возможности для многообразных адаптивных способов общегражданской самоидентификации. В то же время вряд ли можно признать всеохватным так называемое двоемыслие из-за того, что идеал социализма и действительность не совпадали [29, р. 266–267]. Такое совпадение невозможно в любой политической системе. Необходимо признать факт неомогенности и сложности советского общества в его социально-культурной динамике, симбиоз нормированной общественной активности и лояльности и пассивного отношения к решению проблем организации труда, быта, досуга, охраны окружающей среды и здоровья и т. д. В рамках советской этносоциальной политики, которая поощряла сохранение национальной самобытности и ставила задачу воспитания чувства солидарности в советском народе, в национальное общественное сознание были вмонтированы ключевые идентификации нового социального порядка, подразумевавшие и прогресс этнокультуры. Улучшение средств коммуникации, социальная мобильность населения укрепляли общегражданское единство народов СССР.

Являясь отдельной общностью со своей государственностью, народы СССР были неотъемлемой частью общесоветской культурно-политической общности. Комплементарность и сложный опыт многовекового взаимодействия, сотрудничества и сожи-

тельства закономерно обеспечивали приоритетное место гражданской идентичности. Совместные труд и творчество, профессиональные занятия и увлечения, взаимный обмен уникальным социально-хозяйственным и культурным опытом, скрепленные суровыми испытаниями дружба и товарищество, любовь и семья, единственная и неотъемлемая от гражданского понимания и этнического самосознания Родина служили мощным основанием объединяющего всех патриотизма. Москва была единственной столицей всех народов, СССР не мог восприниматься как навязанная извне территория согражданства, малая родина в индивидуальном и групповом сознании не отрывалась от единого государства. Идеи большевиков, прежде всего о социальной справедливости и социализме, находили достаточную поддержку среди всех народов, а их ставка на активность масс превращала последние в непосредственных участников социалистического строительства, как бы реальность процесса ни расходилась с замыслом. Система массовых организаций имела колоссальное значение для формирования советской идентичности народов СССР и их скрепления в единое сложносоставное целое, включения национальных масс в социально активные формы общественной жизни, обретения общего коммуникативного, производственного, культурного опыта, в том числе взаимодействия, обмена и сотрудничества. Неопровержимым доказательством такой целостности является подвиг многонационального советского народа, победившего фашизм и нацизм в ходе Великой Отечественной войны.

D. A. Amanzholova

«to get into every public crack...» National politics, public organizations and the formation of Soviet identity. The 1920s and 1930s

Abstract. The ambivalent role of public organizations, which were part of Soviet national policy and an instrument of civic consolidation of society, is shown. National equality and the democratic foundations of public organizations were supposed to ensure the formation of new identity parameters, social solidarity and the activity of representatives of all peoples. The system of mass organizations was of great importance for the formation of the Soviet identity of the peoples of the USSR and their consolidation into a single composite whole, the inclusion of national masses in socially active forms of public life. **Keywords:** *sovietism, national politics, public organizations, civic consolidation.*

Источники и литература

1. Андреев К. Жизнь в Бухаре и быт в ней (Наброски в пути) // Бухара: сб. ст. и воспоминаний. М.: Красная Пресня, 1924. 40 с.
2. См.: История коммунистических организаций Средней Азии. Ташкент: Узбекистан, 1967. 778 с.
3. ЦГА РУз. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 302.
4. Зиновьев Г. Е. О роли профессиональных союзов. Доклад на фракции РКП (б) 8-го съезда Советов 30 декабря 1920 г. // Сочинения. Т. VI. М.; Л., 1929. С. 357–402.
5. ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 5. Д. 101.
6. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 68. Д. 108.
7. Милонов Ю. Профсоюзное движение СССР в прошлом и настоящем // Профессиональные союзы СССР в прошлом и настоящем. 1905–1917–1927 гг. / под ред. Ю. К. Милонова. М.: Жизнь и знание, 1927. 408 с.
8. АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 1519.
9. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 198.

10. Зиновьев Г. Основные задачи Ленинского комсомола. Л.: ГИЗ, 1924. 64 с.
11. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 24.
12. Соколова В. И. Молодежь Чувашии в 1917–1985 годы: исторический опыт реализации советской молодежной политики: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2010. 533 с.
13. Антонова С. И. Воспоминания советского человека. М.: Весь мир, 2014.
14. Бухарин Н. И. Учителство и комсомол. Доклад на I Всесоюзном учительском съезде. М.: Работник просвещения, 1925. 36 с.
15. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 69. Д. 317.
16. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 760.
17. Португалов Гр. Общества и союзы // Власть Советов. 1922. № 1–2. С. 10–12.
18. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 68. Д. 37.
19. Подготовку профкадров поднять на уровень задач заключительного года пятилетки. Речь секретаря ВЦСПС тов. Перепечко на всесоюзном совещании по подготовке профкадров, 28 января 1932 года // За большевистскую подготовку профкадров. М.: Профиздат, 1932. С. 4–9.
20. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 760.
21. Валов А. М., Гараевская И. А. Советские профсоюзы в годы индустриализации (1926–1937). М.: Профиздат, 1987. 254 с.
22. ЦК РКП(б)-ВКП(б) и национальный вопрос. Книга 1. 1918–1933 гг. М.: РОССПЭН, 2005. 784 с.
23. Степная правда (Семипалатинск). 1921. 10 марта.
24. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 68. Д. 18.
25. ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 12. Д. 248.
26. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1056.
27. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 68. Д. 157.
28. Ахметов А., Кузьмин-Закс М., Рахимов А. Профсоюзы Советского Казахстана. М.: Профиздат, 1961. 176 с.
29. Velikanova O. Nominal democracy in Stalinism. The Soviet Constitution of 1936 // Planting Parliaments in Eurasia, 1850–1950. Concepts, Practices, and Mythologies. By Ivan Sablin, Egas Moniz Bandeira. London: Routledge, 2021. P. 256–281.

DOI 10.37386/2687-0592-2024-12-177-183

УДК: 94 (575.1)

Д. А. Болотников

Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул, Российская Федерация

События Второй мировой войны в исторической памяти суверенного Узбекистана¹

Аннотация. В статье анализируются события Второй мировой войны в исторической памяти Узбекистана в суверенный период. Показано, что после обретения независимости в Узбекистане начался процесс строительства национального государства, что привело к переоценке отдельных событий советской эпохи. Характеризуются основные факторы, влияющие на поддержание исторической памяти о Второй мировой войне в Узбекистане; рассматривается процесс мемориализации исторической памяти о Второй Мировой войне в городском пространстве Узбекистана; приводится анализ событий Второй мировой войны в узбекской учебной литературе, а также вклад Узбекской ССР в обеспечение победы. Доказано, что в узбекской версии Второй мировой войны сжато рассматриваются события на фронтах и большое внимание уделяется роли и значению узбекского тыла для победы над нацистской Германией. **Ключевые слова:** *Узбекистан, историческая память, Вторая Мировая война, мемориализация, учебная литература, идентичность.*

В последние три десятилетия в постсоветской Центральной Азии активно пересматривается советское прошлое, выделяются значимые события, выстраивается собственное (национальное) видение событий прошлого. Особое место для всех народов, входивших в состав Советского Союза, занимают события Великой Отечественной войны. В результате общемировой победы над фашизмом во Второй мировой войне изменилась система международных отношений, произошло окончательное оформление капиталистического и социалистического блоков.

Великая Отечественная война является предметом не только научного исследования, но и общественно-политического, медийного обсуждения как в России, так и в бывших советских республиках. Если в СССР существовала единая официальная версия истории Второй мировой и Великой Отечественной

войны, которая была представлена на разных ступенях образования: в начальной школе («Рассказы по истории СССР»), в системе общеобразовательных школ и высших учебных заведений («История СССР», «История КПСС») [1], то после 1991 г. в суверенных республиках формируются собственные исторические школы, которые с новых позиций осмысливают и интерпретируют советский военный период. Таким образом, переломным моментом в функционировании исторической памяти о Второй мировой и Великой Отечественной войне стал распад СССР и последовавший за ним период становления независимых государств.

Историография изучаемого вопроса подразделяется на несколько направлений. Во-первых, это статьи, в которых рассматриваются различные аспекты функционирования исторической памяти о Второй мировой войне в Республике Узбекистан. Например, в статьях казахстанского историка А. А. Галиева представлена проблема сохранения исторической

¹ Научный руководитель – канд. ист. наук, доцент Ю. Н. Цыряпкина.

памяти в Центральной Азии в целом [2] и о Великой Отечественной войне в частности [3]. В статьях российского историка Ю. Н. Цыряпкиной рассматривается рефлексия населением Узбекистана своей жизни в советский период [4], в том числе в отдельных эпизодах затронут вопрос исторической памяти о Великой Отечественной войне [5]. Эта проблематика находится в фокусе внимания узбекистанских историков. В частности, в статье О. П. Кобзевой поднимаются вопросы преподавания истории Великой Отечественной войны в Узбекистане [6]; в статье Д. М. Иноятова представлен опыт Узбекистана в сохранении исторической памяти в социокультурном пространстве страны [7]; в статье С. А. Асановой анализируется интерпретация имперского и советского периодов национальной истории Узбекистана в школьных учебниках истории, а также образа России в них [8]. Во-вторых, это статьи (З. Р. Ишанхождаевой [9], М. А. Рахимова [10], М. Ш. Умарова [11], Ф. Г. Кулуевой [12], Х. Б. Бабаджанова [13]), посвященные рассмотрению вклада Узбекской ССР и роли тыла в обеспечение победы во Второй мировой войне. В целом историография по данной теме представлена широким корпусом литературы с освещением различных аспектов рассматриваемой проблематики.

Актуальность настоящей работы состоит в том, что в ней рассматривается проблема сохранения исторической памяти в суверенном Узбекистане с российской стороны. Целью статьи является анализ событий Второй мировой войны в исторической памяти суверенного Узбекистана.

Можно выделить два компонента в исторической памяти о Второй мировой войне: во-первых, мемориализации событий войны в городском пространстве, во-вторых, освещение событий Второй мировой войны в узбекской учебной литературе. Необходимо отметить, что термин «Великая Отечественная война» в узбекской учебной литературе не употребляется, вместо этого участие народов Узбекистана вписывается в контекст Второй мировой войны. Несмотря на то, что Вторая мировая война началась в 1939 г., а Великая Отечественная – в 1941 г., данный период хронологически обозначается «1941–1945 гг.» [14]. Таким образом, в современной узбекской историографии и учебной литературе сформировался консенсус по определению места и роли Узбекистана во Второй мировой войне.

При рассмотрении исторической памяти о Второй мировой войне в Узбекистане необходимо учитывать несколько факторов. Во-первых, на территории Узбекистана, в отличие от стран Восточной Европы, боевые действия не велись. Это создает определенные трудности в поддержании исторической памяти о военных действиях Второй мировой войны. Мемориальная репрезентация прошлого, которая существует, например, в Республике Беларусь (мемориальные комплексы «Хатынь» и «Брестская крепость-герой»), в России (мемориальный комплекс «Героям Сталинградской битвы»), служит элементом национальной идентичности и передачи памяти о

прошлом последующим поколениям. Историческая память о Второй мировой войне в Узбекистане поддерживается благодаря мемориализации памяти погибших узбекистанцев и вкладе Узбекской ССР в общесоюзную победу в войне.

Во-вторых, функционирование исторической памяти о Второй мировой войне коррелирует с развитием российско-узбекских отношений. В суверенном Узбекистане День Победы является одним из государственных праздников, однако во время президентства И. А. Каримова (1991–2016 гг.) его название в 1999 г. было заменено на «День памяти и почести» [15]. В 1990-е гг. И. А. Каримов выстраивал курс, максимально независимый от России и советского наследия, и изменение названия праздника стало одним из элементов его политики памяти.

В 2023 г. на 78-ю годовщину победы в войне посольство РФ в Узбекистане и Русский дом в Ташкенте проводили акцию по раздаче георгиевских ленточек, однако «этот символ не у всех узбекистанцев вызывает понимание – многие считают, что он относится ко Дню Победы, а не ко Дню памяти и почестей, и в стране следует носить только ленточки в цветах национального флага» [16]. На параде 9 мая 2023 г. Президент Ш. М. Мирзиёев заменил георгиевскую ленточку символами национального флага.

В-третьих, необходимо учитывать половозрастную структуру населения Республики Узбекистан. Историческая память о Второй мировой войне в общественном сознании Узбекистана занимает меньшее место, чем среди жителей России, Украины, Беларуси, Молдовы и стран Балтии.

Доля людей старше 75 лет (рожденных до 1950 г.) в Узбекистане значительно меньше, чем людей молодого возраста. Именно к этой возрастной группе относятся ветераны и инвалиды войны, работники тыла, дети, рожденные в военные и первые послевоенные годы, у которых жива память о войне. В поддержании исторической памяти большую роль играет тот факт, что общество центральноазиатских республиках очень «молодое». На 1 января 2022 г. в Узбекистане численность лиц в возрасте до 30 лет составляет 19,6 млн чел. (55,6%) при населении 35 млн чел. При этом на 2023 г. в Узбекистане проживает 174 участника войны [17]. Для сравнения: в России численность лиц от 15 до 29 лет составляет 24,3 млн чел. (16,5%) при населении 145 млн чел. и проживает 1,2 млн ветеранов [18].

Первым элементом в функционировании исторической памяти о Второй мировой войне в суверенном Узбекистане является мемориализация прошлого в городском пространстве. После окончания войны возникла необходимость в сохранении и мемориализации исторической памяти о тех событиях, которые стали частью коллективного сознания советского общества. Мемориализация исторической памяти включает в себя создание памятников, мемориальных комплексов, символики и обрядов, которые служат напоминанием о прошлом и форми-

руют идентичность общества. Этот процесс начался еще в советский период во время войны.

В послевоенный период с целью увековечивания памяти о жертвах и героях войны в Узбекистане начали активно возводить памятники и мемориалы. Эти объекты не только служили местами памяти, но и формировали новые общественные ценности, связанные с патриотизмом, уважением к подвигам предков и осознанием исторической ответственности за их сохранение. Так, в годы войны в Ташкенте было организовано кладбище для умерших в ташкентских эвакуированных госпиталях. В начале 1970-х гг. руководство Узбекской ССР приняло решение о сооружении на территории военного кладбища мемориального комплекса «Братские могилы». В 1967 г. был установлен обелиск солдатам-ангренцам в г. Ангрен. В 1975 г. в честь 30-летия победы в Великой Отечественной войне в Узбекской ССР были открыты памятник советским солдатам в г. Тинчлик (ранее Хамза) Ферганской области, мемориальный комплекс «Могила неизвестного солдата» и Вечный огонь в Ташкенте. В 1981 г. открыт памятник Герою Советского Союза генералу Сабиру Рахимову в Ташкенте. В 1982 г. в Ташкенте были открыты монумент Дружбы Народов, памятник семье кузнеца Шаахмеда Шаахмудова.

Однако после распада СССР Узбекистан встал на путь строительства национального государства, и, как следствие, возникла потребность в дистанцировании от советского прошлого, что выражается в процессе десоветизации/декоммунизации. Процесс десоветизации имеет различные формы: это заявления официальных политических деятелей, содержащие критику советской власти и проводимых ею мероприятий, переименование улиц, городов, промышленных предприятий, демонтаж памятников, изменение содержания образовательных программ и т. д. Не стала исключением и мемориальная память о Великой Отечественной войне.

Важно отметить, что мемориализация памяти о войне в Узбекистане в период президентства И. А. Каримова противоречива. С одной стороны, начиная с 2000-х гг. в Узбекистане наблюдается тенденция демонтажа советских памятников по причине их физической ветхости и разрушения. Так, в 2003 г. был демонтирован мемориал погибшим солдатам в Фергане. В 2009 г. был демонтирован памятник советскому солдату «Защитник Родины» в Парке боевой славы в Ташкенте. На его месте был открыт монумент «Клятва Родине». В марте 2015 г. в Ангрене был демонтирован памятник героям Великой Отечественной войны. Как заявил МИД Узбекистана, «подобные памятники не увековечивают память народов, победивших фашизм, а всего лишь являются символом советской эпохи» [19]. С другой стороны, в 1995 г. по инициативе президента И. А. Каримова к 50-летию Победы в республике была издана 36-томная «Книга памяти» («Хотира китоби»), в которой увековечены имена всех павших узбекистанцев. В 1999 г. мемориальный комплекс «Могила не-

известного солдата» был переименован в площадь Памяти и почестей и реконструирован. В центральной части комплекса была установлена скульптура «Скорбящая мать». С 2014 г. в Узбекистане ежегодно проводится шествие «Бессмертного полка».

Важное место занимают чествование ветеранов, государственная социальная поддержка участников войны. Об этом ярко свидетельствуют указы президента Узбекистана И. А. Каримова «О мерах по дальнейшему усилению социальной поддержки ветеранов войны и трудового фронта 1941–1945 годов» от 13 октября 2014 г., «О поощрении участников войны 1941–1945 годов» от 6 марта 2015 г., «О награждении памятной юбилейной медалью «Иккинчи жахон урушидаги ғалабинг 70 йиллиги» («70-летие Победы во Второй мировой войне». – Д. Б.) граждан Республики Узбекистан – ветеранов войны и трудового фронта 1941–1945 годов» от 19 февраля 2015 г. [7, с. 173–174].

Таким образом, президенту И. А. Каримову, с одной стороны, было важно дистанцироваться от советской модели репрезентации событий Второй мировой войны в городском пространстве путем демонтажа советских памятников. С другой стороны, при нем создавалась собственная модель репрезентации, отвечающая «Идеологии национальной независимости». Как сказал сам И. А. Каримов 9 мая 2015 г., «пройдут годы, столетия, но в памяти нашего народа, многое повидавшего на своем веку и никогда не склонявшего голову перед врагом, навечно сохранятся светлые имена самоотверженных сынов и дочерей, не пожалевших своей жизни во имя свободы Родины, мирной и спокойной жизни» [20].

С приходом к власти президента Ш. М. Мирзиёева в 2016 г. политика памяти в отношении мемориализации событий Второй мировой войны претерпела изменения. С одной стороны, Ш. М. Мирзиёев продолжает подчеркивать важность сохранения исторической памяти о Второй мировой войне. Так, в 2020 г. в честь 75-летней годовщины победы над фашизмом были возведены монументы «Ода стойкости», «Вечный подвиг», инсталляция «Скорбь и печаль» и мемориальный комплекс «Парк Победы» в Ташкенте [21]. 9 мая 2022 г. Президент Ш. М. Мирзиёев посетил парк Победы и отметил, что «в такие моменты мы вспоминаем о наших героических предках и преклоняемся перед их мужеством. Их многогранный жизненный путь, посвященный делу мира и свободы, является великим и не подвластным времени наследием для будущих поколений» [22]. Эти мероприятия должны показать преемственность с «Идеологией национальной независимости» И. А. Каримова.

В то же время в проведении исторической политики президент Ш. М. Мирзиёев выбрал стратегию дистанцирования от наиболее одиозных решений И. А. Каримова. Важно отметить судьбу двух памятников – семье кузнеца Шаахмеда Шаахмудова и Герою Советского Союза генералу Сабиру Рахимову.

Одним из ярких эпизодов о событиях Второй мировой войны в учебнике «Рассказы по истории» для

учащихся 5 класса под редакцией У. Джураева является история усыновления 15 детей-сирот разных национальностей семьей кузнеца Ш. Шамахмудова и Б. Ахмедовой [23, с. 146]. Эта история стала символом подвигов узбекского народов в тылу еще в советский период: так, в 1962 г. вышел фильм «Ты не сирота» режиссера Шухрата Аббасова, а в 1982 г. в Ташкенте был установлен монумент «Дружба народов», памятник семье Шамахмудовых. Как отмечал казахстанский историк А. А. Галиев, памятник семье Шамахмудовых должен был «отражать роль Узбекистана как трудового фронта, на котором ковалась победа» [3, с. 197]. Эта история должна являться примером «проявления толерантности и душевной щедрости узбекского народа» [23, с. 146]. Однако в ночь на 12 апреля 2008 г. памятник был демонтирован и перенесен на окраину города. В период президентства Ш. М. Мирзиёева в 2017 г. памятник был перенесен в Парк дружбы (бывший парк Бабура), а в 2018 г. возвращен на свое первоначальное место — площадь перед дворцом «Истиклол» (бывший Дворец дружбы народов) [24].

Подобная история — у памятника генералу Сабиру Рахимову, который в январе 2011 г. был перенесен из центра Чиланзарского района Ташкента в парк Гафура Гуляма. Однако в 2018 г. на совещании в Наманганской области при участии президента Ш. М. Мирзиёева было принято решение о «восстановлении исторической справедливости» и возвращении памятника Сабиру Рахимову на историческом месте [25].

Таким образом, несмотря на определенные различия в восприятии памяти о Второй мировой войне при И. А. Каримове и Ш. М. Мирзиёеве, День памяти и почестей в Узбекистане является государственным праздником, и, как отмечает историк О. П. Кобзева, «узбекистанские и российские историки имеют абсолютно схожие трактовки событий Великой Отечественной и Второй мировой войны» [6, с. 510].

Историческая память о Второй мировой войне в суверенном Узбекистане транслируется через учебную литературу. Образование, в особенности преподавание социально-гуманитарных дисциплин, выступает инструментом легитимации и конструирования национальной идентичности, трактовки исторических событий, коллективного видения прошлого страны и основных векторов будущего. Как писал французский историк Марк Ферро, «история в том виде, как ее рассказывают детям, да и взрослым, позволяет одновременно узнать и то, что общество думает о себе, и то, как изменяется его положение с течением времени» [26, с. 9].

Структура материалов о событиях Второй мировой войны в учебной литературе представлена в традиционном формате, т. е. рассматриваются события военной истории, вклад тыла в обеспечение победы и повседневная жизнь населения в годы войны. В параграфе о предпосылках и причинах Второй мировой войны особое место занимает материал о договоре о ненападении между Германией и

СССР и секретных протоколах к нему, которые выступают причиной поляризации как в российском обществе, так и в постсоветских странах. В узбекской учебной литературе заключение пакта Молотова–Риббентропа оценивается как «совпадение интересов Германии и СССР после Мюнхенского соглашения» [27, с. 78].

В российских и узбекских учебных программах различаются подходы к рассмотрению военных действий в рамках Восточноевропейского фронта. Если в России в рамках дисциплины «Всеобщая история» школьники изучают боевые действия на Западно-европейском, Североафриканском, Тихоокеанском театрах военных действий, дипломатию в годы войны, итоги и последствия войны, а боевые действия Великой Отечественной войны рассматриваются в рамках курса «Истории России», то в Узбекистане в рамках предмета «Всеобщая история» школьники изучают то же самое, что и российские, однако боевые действия на восточноевропейском фронте вписаны в контекст «Всеобщей истории».

В узбекской учебной литературе концентрированно и сжато освещается история Второй мировой войны. В учебнике по всемирной истории для 10 класса под редакцией Шухрата Эргашева содержится один параграф — «Предпосылки и последствия Второй мировой войны», включающий информацию о Мюнхенском соглашении, начале Второй мировой войны, вторжении Германии в СССР, создании антигитлеровской коалиции, ходе военных действий на Восточноевропейском, Тихоокеанском и Североафриканском фронтах, капитуляции Германии и Японии, окончании и последствиях Второй мировой войны, создании Организации Объединенных Наций, работе Нюрнбергского и Токийского судебных трибуналов [27, с. 77–83]. В узбекской школьной литературе отобраны самые главные факты, которые позволяют сформировать у учащихся общее представление о Второй мировой войне.

В Узбекистане боевые действия на восточноевропейском фронте Второй мировой войны изучаются в рамках «Всемирной истории» в 10 классе. Основные положения в освещении войны сводятся к следующему: 1) 22 июня 1941 г. Германия начала наступление на СССР; 2) внезапное начало войны привело к тому, что значительная часть советской авиации, не успев подняться в воздух, была уничтожена на аэродромах, система управления и снабжения армии пришла в упадок; 3) в декабре 1941 г. немецкие войска проиграли сражение на подступах к Москве и потерпели первое серьезное поражение, но их наступательный дух еще не был сломлен; 4) весной и осенью 1942 г. немецкие войска вышли к реке Волге и Северному Кавказу; 5) в ноябре 1942 г. советские войска перешли в контрнаступление на подступах к Сталинграду; 6) окруженные немецкие войска сдались в феврале 1943 г.; 7) в 1944 г. после полного освобождения территории Советского Союза советские войска вошли в Восточную Европу; 8) в результате Берлинской операции столица Германии была окружена и

взята штурмом. Над рейхстагом был водружен советский флаг; 9) 8 мая 1945 г. заместитель верховного главнокомандующего Г. К. Жуков от имени Советского Союза подписал акт о безоговорочной капитуляции Германии. 9 мая было объявлено в СССР Днем Победы [27, с. 78–81]. Эта схема является упрощенной и отражает лишь самые ключевые события войны. Как отмечает историк О. П. Кобзева, это связано с нехваткой часов на изучение данной темы в системе как школьного, так и высшего образования [6, с. 509]. В этой связи многое зависит от учителя, который поможет сформировать у учащихся системное и разностороннее понимание войны.

В узбекской учебной литературе центральным сюжетом в освещении Второй мировой войны является сплоченность и патриотизм узбекского народа, который не только защищал Родину, но и трудился в тылу, принимал эвакуированных. В учебнике для школьников 5 класса «Рассказы по истории», написанном историком У. Джураевым, одна из 52 тем посвящена вкладу Узбекистана в победу. Из текста можно почерпнуть сведения о количестве призванных из республики людей, Героев Советского Союза и полных кавалеров Ордена Славы, о промышленности и сельском хозяйстве, об эвакуации в Узбекистан промышленных предприятий [23, с. 143–147]. Но нет данных о том, что сюда были насильственно депортированы корейцы Дальнего Востока и крымские татары.

В учебнике для учащихся 10-х классов под редакцией С. Тиллабоева роли и участию узбекского народа в победе в Великой Отечественной войне посвящено четыре параграфа: «Узбекистан в годы Второй мировой войны», «Узбекистан в 1941–1945 годы», «Героизм и подвиги узбекистанцев на фронте», «Наука и культура Узбекистана на службе победы» [14, с. 143–169].

Советский тыл в годы Второй мировой войны играл огромную роль в победе над нацистской Германией. С самого начала войны власти СССР приняли широкие меры по мобилизации народного хозяйства на нужды обороны. Были созданы специальные организации, занимающиеся вопросами производства боеприпасов, вооружения, техники, а также медицинских и продовольственных ресурсов. Все отрасли экономики были подчинены целям обороны, что позволило Советскому Союзу выдержать огромные потери и сохранить боеспособность армии. Тыл обеспечивал фронт боеприпасами, продовольствием, ресурсами, организовывал эвакуацию населения, промышленных предприятий, научных, культурных, административных учреждений из зоны боевых действий, и поддерживал боеспособность Красной Армии. Одной из основных задач тыла было обеспечение передвижения войск, техники, продовольствия и медицинских ресурсов. Транспортная система страны была перестроена на военный лад: созданы специальные военно-транспортные корпуса, развернуты широкомасштабные железнодорожные операции для обеспечения передвижения войск и техники.

В современной узбекской историографии (М. М. Абдурахманов [28], Г. Э. Муминова [29], Б. Б. Хайназаров [30], З. Р. Ишанходжаева [31]) активно изучается проблема медицинского обслуживания коренного и эвакуированного населения в годы Второй мировой войны: создание, организация работы, численность госпиталей и эвакогоспиталей; методы лечения; вклад ученых-врачей, медиков в оказании медицинской помощи раненым и больным; деятельность эвакуированных медицинских учреждений; профилактика лечения лихорадки, малярии, чумы; защита материнства и детства. За годы войны в Узбекскую ССР было эвакуировано 113 госпиталей; предприятия, учреждения, колхозы, а также обычные граждане взяли над ними шефство, обеспечивали их «продовольствием, пошивочным и перевязочным материалом, фруктами, овощами, благоустроивали территории госпиталей, помогали в уходе за ранеными» [31, с. 208], госпитали были размещены в Самарканде, Бухаре, Ташкенте и других крупных городах.

Таким образом, в узбекской учебной литературе сформировался консенсус по определению места и роли Узбекистана во Второй мировой войне. В первую очередь подчеркивается важность усилий народов Узбекской ССР в победе над нацистской Германией. В учебной литературе делается акцент на изучении эвакуации в Узбекскую ССР населения, промышленных предприятий, раненых, обеспечении фронта вооружением, продовольствием, гуманитарной помощью, организации медицинского обеспечения – все это позволило советской армии выдержать испытания войны и одержать победу.

В целом в Узбекистане бережно хранят память о победе и вкладе ветеранов в военные действия, героизме работников тыла, несмотря на то, что при президенте И. А. Каримове и президенте Ш. М. Мирзиёеве были выбраны разные стратегии в мемориализации исторической памяти о Второй мировой войне.

D. A. Bolotnikov

Events of the Second World War in the historical memory of sovereign Uzbekistan

Abstract. The article analyzes the events of World War II in the historical memory of Uzbekistan during the sovereign period. The article shows that after gaining independence, the process of building a national state began in Uzbekistan, which led to a reassessment of individual events of the Soviet era. The article characterizes the main factors influencing the maintenance of historical memory of World War II in Uzbekistan; considers the process of memorialization of historical memory of World War II in the urban space of Uzbekistan; provides an analysis of the events of World War II in Uzbek educational literature, as well as the contribution of the Uzbek SSR to ensuring victory in World War II. It is proven that the Uzbek version of World War II briefly examines the events on the fronts and pays much attention to the role and importance of the Uzbek rear in the victory over Nazi Germany. **Keywords:** *Uzbekistan, historical memory, World War II, memorialization, educational literature, identity.*

Источники и литература

1. История Коммунистической партии Советского Союза: учебник / Б. Н. Пономарев, М. С. Волин, В. С. Зайцев [и др.]. 6-е изд., доп. Москва: Политиздат, 1982. 784 с.
2. Галиев А. А. История и травмы прошлого в политике памяти государств Центральной Азии // Историческая память: травмы прошлого, противоречия настоящего, перспективы будущего: материалы V Всероссийской науч. конф., г. Саратов, 19 мая 2018 г. / Саратовский национальный исслед. гос. ун-т им Н. Г. Чернышевского; под ред. В. Н. Сырова. Саратов: ИЦ «Наука», 2018. С. 29–34.
3. Галиев А. А. Конструкция и деконструкция Великой Отечественной войны в постсоветской Центральной Азии // «Прошлое». Теория и практика (де)конструирования в научном и политическом дискурсах / ред. А. В. Овчинников. Казань: Познание, 2019. С. 194–210.
4. Цыряпкина Ю. Н. «Эпоха социализма» в исторической памяти населения постсоветского Узбекистана // Исторический курьер. 2020. № 5 (13). С. 238–248.
5. Цыряпкина Ю. Н. «Эпоха социализма» в исторической памяти населения в контексте идей нацистротительства в постсоветском Узбекистане // Дневник Алтайской школы политических исследований. 2020. № 36. С. 129–137.
6. Кобзева О. П. Преподавание истории Великой Отечественной войны в вузах Узбекистана в контексте сохранения исторической памяти // Великая Отечественная война в исторической памяти народа: изучение, интерпретация, уроки прошлого: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Новосибирск: Параллель, 2020. С. 506–512.
7. Иноятова Д. М. Историческая память: сохранение и отражение прошлого в современном Узбекистане // Историческая память в теории и социокультурной практике: грани трансформации и потенциал осмысления: материалы 9-й междунар. науч. конф., Саратов, 23 апреля 2021 г. / под. ред. А. В. Баранова. Саратов: Саратовский источник, 2021. С. 169–176.
8. Асанова С. А. Роль учебников и информационного поля в формировании образа России у молодежи Узбекистана // Гусевские чтения-2022. Три измерения политической истории России: идеология, политика, практика: материалы Всероссийской науч.-практ. конф. (с международным участием), Москва, 11–12 апреля 2022 г. / под. ред. В. В. Кириллова. Москва: Книгодел, 2022. С. 408–419.
9. Ишанходжаева З. Р. Вклад Узбекистана в победу над фашизмом во Второй мировой войне: вопросы исторической памяти // СССР во Второй мировой войне (1939–1945 гг.): проблемы исторической памяти: сб. тр. междунар. науч.-образ. конф., Санкт-Петербург, 15–16 октября 2020 г. / под. ред. Н. И. Алмазова. Санкт-Петербург, 2020. С. 179–187.
10. Рахимов М. А. Участие Узбекской ССР в войне против фашизма и вопросы послевоенного мироустройства // Великая Отечественная война в исторической памяти народа: изучение, интерпретация, уроки прошлого: материалы Всероссийской науч.-практ. конф., Новосибирск, 21–22 сентября 2020 г. / под. ред. А. А. Николаева. Новосибирск, 2020. С. 205–213.
11. Умаров М. Ш. Вклад Узбекистана во Второй мировой войне // Гуманитарные чтения в Политехническом университете: сб. тр. Всерос. науч.-практ. конф. Ч. 1., Санкт-Петербург, 13–14 мая 2021 г. / под. ред. С. В. Кулик. Санкт-Петербург, 2021. С. 187–191.
12. Кулуева Ф. Г., Фарфиева К. А. Участие узбекистанцев во Второй мировой войне // Вестник науки и образования. Сер. «Исторические науки». 2021. № 8 (111). С. 31–34.
13. Бабаджанов Х. Б. Военная индустриализация Узбекистана в 1941–1945 годах // Научный диалог. 2022. № 11 (5). С. 384–400.
14. Тиллабоев С., Кенжаев Д. История Узбекистана: учебник для учащихся 10 классов школ общего среднего образования. Нов. изд. Ташкент: Yangiyul Poligraph Service, 2022. 191 с.
15. Об объявлении 9 мая Днем памяти и почестей: Указ Президента Республики Узбекистан от 2 марта 1999 г. // LexUZ [Электронный ресурс]. URL: <https://lex.uz/ru/docs/212471> (дата обращения: 20.09.2024).
16. Как День Победы будут отмечать в странах Центральной Азии // Asia-Plus [Электронный ресурс]. URL: <https://www.asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/society/20230506/kak-den-pobedi-budut-otmechat-v-stranah-tsentralnoi-azii> (дата обращения: 15.10.2024).
17. Сколько ветеранов в Узбекистане? // Sputnik Узбекистан [Электронный ресурс]. URL: <https://uz.sputniknews.ru/20230507/skolko-veteranov-uzbekistane-34724357.html> (дата обращения: 13.10.2024).
18. Сколько ветеранов Великой Отечественной войны в России? // Новости БФ «Память поколений» [Электронный ресурс]. URL: <https://pamyatpokoleniy.ru/news/tpost/04t8tkzfn1-skolko-veteranov-velikoi-otechestvennoi> (дата обращения: 13.10.2024).
19. В Узбекистане снесли памятник героям Великой Отечественной войны // Версия [Электронный ресурс]. URL: <https://versia.ru/v-uzbekistane-snesli-pamyatnik-geroyam-velikoj-otechestvennoj-vojny> (дата обращения: 07.10.2024).
20. Ислам Каримов: «Мы никогда не забудем вклад народа Узбекистана в победу» // Газета.UZ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2015/05/09/president/> (дата обращения: 11.10.2024).
21. Шавкат Мирзиёев посетил Парк Победы // Газета.UZ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2020/05/09/park-pobedy/> (дата обращения: 28.09.2024).
22. Мирзиёев возложил цветы к монументу «Ода стойкости» // Sputnik Узбекистан [Электронный ресурс]. URL: <https://uz.sputniknews.ru/20220509/mirziyoev-vozlozil-tsvety-k-monumentu-oda-stoykosti---video-24443492.html> (дата обращения: 28.09.2024).
23. Рассказы по истории: учебник для 5 класса школ общего среднего образования / под ред. У. Джураева. 2-е изд. Ташкент: им. Чулпан, 2015. 184 с.
24. Памятник семье Шамахмудовых вернется на первоначальное место // Газета.UZ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2018/04/24/monument> (дата обращения: 30.09.2024).
25. Памятник генералу Рахимову вернут на площадь в Алмазарском районе // Sputnik Узбекистан [Элек-

- тронный ресурс]. URL: <https://uz.sputniknews.ru/20180503/pamyatnik-generalu-rahimovu-8104013.html> (дата обращения: 30.09.2024).
26. Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира / пер. с фр. Е. И. Лебедевой. Москва: Книжный клуб, 2010. 480 с.
27. Эргашев Ш. Всемирная история: учеб. для учащихся 10 классов школ общего среднего образования. Новое изд. Ташкент: Yangiyul Poligraph Service, 2022. 178 с.
28. Абдурахманов М. М., Джунаидова А. Х. Эшелоны идут на Восток // Вестник совета молодых ученых и специалистов Челябинской области. 2020. Т. 2, № 2. С. 4–9.
29. Муминова Г. Э. Здравоохранение Узбекистана в годы Второй мировой войны // Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: подвиг народа и уроки истории: сб. ст. по материалам Междунар. науч. онлайн-конф. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2020. С. 307–316.
30. Хайназаров Б. Б. Медицинская помощь Узбекской ССР эвакуированным народам в годы войны // Военно-исторические аспекты жизни Юга России XVII–XXI вв.: вопросы изучения и музеефикации: материалы III междунар. науч.-практ. конф, Волгоград, 1–2 октября 2021 г. Волгоград: Сфера, 2021. С. 145–151.
31. Ишанходжаева З. Р. Узбекистан в период колониализма и советского тоталитаризма: учеб. пособие для магистрантов. Ташкент: Национальное о-во философов Узбекистана, 2018. 264 с.

DOI 10.37386/2687-0592-2024-12-183-187

УДК 94(574)+069(574)

В. В. Ключарева

Омская лаборатория археологии, этнографии и музееведения Института археологии и этнографии СО РАН, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, г. Омск, Российская Федерация

Мемориализация советского прошлого и современности в музее истории города Кокшетау¹

Аннотация. Статья посвящена анализу изменений в музейном ландшафте Республики Казахстан. На примере музея истории города Кокшетау показано влияние современного исторического нарратива на технологии мемориализации в музейно-выставочном пространстве. Музей был открыт в 1949 г. как Мемориальный республиканский дом-музей В. В. Куйбышева, а в 2000 г. было принято решение о его преобразовании в Музей истории города Кокшетау. В экспозициях представлены предметы быта, раскрывающие особенности жизни жителей Кокчетав в прошлом столетии. Основные источники: материалы этнографической экспедиции 2023 г., средства массовой информации, мемуары. **Ключевые слова:** мемориализация, музеи, Республика Казахстан, город Кокшетау, музей истории города Кокшетау.

В 1990-е гг. многие молодые постсоветские государства столкнулись с проблемой необходимости преобразования исторического нарратива. Основными средствами для модификации взгляда на прошлое стали памятники, топонимы, государственные праздники, музеи и т. д. [1, с. 102]. Современный музейный ландшафт Казахстана тоже подвергся этим изменениям. В годы независимости в республике начался новый этап музейного дела. Новый исторический нарратив оказал существенное влияние на тематику экспозиций – в центр переместилась национальная история Республики Казахстан. Многие музеи изменили основные направления своей деятельности. Одним из таких музеев стал бывший республиканский мемориальный музей В. В. Куйбышева, который в 2000 г. был преобразован в Музей истории города Кокшетау.

Цель исследования – выявить особенности мемориализации советского прошлого и современности на примере музея истории г. Кокшетау. Основные источники – материалы этнографической экс-

педиции 2023 г., средства массовой информации, мемуары.

Музей расположен в административном центре Акмолинской области – г. Кокшетау. В 2024 г. исполнилось 200 лет с момента основания города. В 1824 в связи с продвижением Российской империи в Казахскую степь были учреждены внешние округа Омской области – Кокчетавский и Каркаралинский. Кокчетавский приказ изначально был основан у подножья Кокчетавских (совр. наименование – Кокшетауских) гор, но по просьбе султана Губайдуллы Уалиханова был перенесен на другое место. Впоследствии, сменив несколько геолокаций, в 1827 г. приказ был размещен у сопки Букпа, оз. Копа, где и сейчас находится город Кокшетау [2, л. 1–2]. С 1868 г. Кокчетав стал центром одноименного уезда Акмолинской области [3, с. 33]. В советский период с 1944 г. Кокчетав являлся административным центром Кокчетавской области. В 1993 г. в связи с постановлением о транскрибировании на русском языке отдельных топонимов Кокчетав был переименован в Кокшетау [4].

Из истории музея. История музея тесно связана с именем советского революционера и политического деятеля Валериана Владимировича Куйбышева (1888–1935): в этом доме он провел детство,

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01069, <https://rscf.ru/project/23-28-01069>.

Рис. 1. Дом, где жил В. В. Куйбышев, г. Кокчетав. Первая половина XX в. // Бюджетное учреждение культуры Омской области «Омский государственный историко-краеведческий музей» [Электронный ресурс]. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=25174348> (дата обращения: 22.03.2024).

здесь же впоследствии был открыт его мемориальный музей.

В. В. Куйбышев родился в г. Омске Акмолинской области, а в 1889 г. его отец Владимир Яковлевич был назначен воинским начальником в уездный центр Кокчетав той же области. Семье Куйбышевых предоставили дом, построенный в 1880 г. по типу городской усадьбы (рис. 1). В доме были столовая, гостиная и три спальни, за домом располагался сад [5]. Описание дома сохранилось в воспоминаниях родной сестры Валериана Владимировича Елены: «Дом, в котором жила наша семья, был небольшой, деревянный, одноэтажный, окруженный со всех сторон березами, черемухой и ветлами. Весной дом утопал в цветущей черемухе, а летом в саду было много всевозможных цветов. Цветы выращивала мама. Цветов было так много, что с приближени-

ем зимы в сад устраивалось настоящее паломничество горожан. Редкая семья не наделялась на зиму цветами из нашего сада» [6, с. 8–10]. Семья Куйбышевых проживала в данном доме до 1905 г., дальнейшая история здания неизвестна, а в годы Великой Отечественной войны в доме был организован тыловой госпиталь, затем – штаб эвакуированных госпиталей. Впоследствии в 1949 г. в данном здании был открыт Мемориальный республиканский дом-музей В. В. Куйбышева. Открытие музея связано с изменениями в советской политике памяти.

В первые годы советской власти произошел переход от «естественной» мемориализации к «искусственной», в ходе чего музеи переориентировались на «новые принципы презентации прошлого через конструирование его образов и исторической памяти в соответствии с социальным заказом» [1,

Рис. 2. Музей истории города Кокшетау, 2023 г. Фото В. В. Ключаревой.

с. 104]. В 1930–1940-е гг. увеличилось количество мемориальных музеев, посвященных политическим деятелям, наступила канонизация героев революционного движения [1, с. 108]. В конце 1940-х гг. для создания мемориального музея В. В. Куйбышева председатель Совета министров Казахской ССР Н. Д. Ундасынов пригласил в Кокчетав младшую сестру революционера Елену Владимировну (1892–1990). Она отыскала дом, в котором провела детство и юность, здание отремонтировали. Е. В. Куйбышева самостоятельно занималась сбором экспонатов, многие из них, в том числе мебель, были перевезены из кремлевской квартиры партийного деятеля. 25 января 1949 г. состоялось торжественное открытие Мемориального республиканского дома-музея В. В. Куйбышева. Изначально в фондах музея находилось 250 экспонатов, со временем их количество значительно увеличилось. Е. В. Куйбышева более 30 лет руководила музеем, была награждена званием заслуженного работника культуры Казахской ССР, орденами «Знак почета» и Дружбы Народов [7].

Музей истории города Кокшетау на современном этапе. В идеологической парадигме суверенного Казахстана советское музейно-мемориальное пространство потеряло свою актуальность. В 2000 г. было принято решение о преобразовании Мемориального республиканского дома-музея В. В. Куйбышева в Музей истории города Кокшетау. Музей был открыт для посещения в 2004 г. к 180-летию города (рис. 2) [8].

В музее есть вводный и пять основных экспозиционных залов. Вводная экспозиция посвящена истории возникновения г. Кокшетау, экскурсовод рассказывает об основании Кокчетавского приказа в 1824 г., который являлся центром Кокчетавского внешнего округа Омской области Западно-Сибирского генерал-губернаторства. В ходе представления вводной экспозиции экскурсовод акцентирует внимание на том, что на территории приказа проживало коренное казахское население, их и переселенцев разделяла улица Граничная. Также экскурсовод рассказывает и об истории здания музея, отмечая, что в 1889–1905 гг. здесь проживала семья Куйбышевых.

В экспозициях музея представлены предметы быта, раскрывающие особенности жизни жителей Кокчетав в прошлом столетии. В первом зале музея показан традиционный быт казахского народа. Среди экспонатов – ковры ручной работы; казахская национальная одежда; деревянные сундуки, украшенные орнаментом; казахские лоскутные одеяла *көрпе*; деревянный сундук для хранения продуктов с резными декоративными элементами, изготовленный в 1930-е гг. мастером А. Абулгазыным; старинная посуда (блюдо для подачи бешбармака *астау*, круглое блюдо *табақ* и др.), которую изготовил в начале XX в. мастер по дереву Кауан Танкай [5].

В отдельной комнате музея выставлены предметы мебели и интерьера, рассказывающие о жизни городской знати в конце XIX – начале XX в. Среди них дубовый буфет, чайный столик из цельного мас-

Рис. 3. Экспозиция во дворе музея – автомобиль «Кадиллак» марки General Motors 1930-го г. выпуска. Фото В. В. Ключаревой, 2023 г.

сива дерева, раритетный английский патефон «His Masters Voice». В следующей комнате показан быт военного и послевоенного времени. Здесь экспонируются фронтальный китель, письма-треугольники военных лет, карточка на продукты, книга казахского поэта Ж. Жабаяева с поэзией того периода. В экскурсии упоминается о вкладе кокчетавцев в победу в Великой Отечественной войне: экскурсовод рассказывает об эвакуации предприятий и тыловой работе жителей региона.

Еще в двух музейных залах показан быт квартиры 50–60-х гг. прошлого столетия. Среди предметов: круглый стол с бархатной скатертью, буфет с фарфоровой посудой, ножная швейная машинка «Зингер», трюмо с зеркалом, этажерка с книгами и др. В 1954 г. в регионе было организовано областное радиовещание, радиоаппаратура тех лет находится в музейных экспозициях [5]. Также выставлен новый

Рис. 4. Памятник «Юный Валериан Куйбышев». Фото В. В. Ключаревой, 2023 г.

и редкий для того периода предмет бытовой техники – холодильник «ЗИЛ».

Завершается экскурсия во дворе музея, где представлен уникальный экспонат – автомобиль «Кадиллак» марки General Motors 1930 года выпуска, а также гужевой транспорт (пролетка, зимние сани, изготовленные кокчетавскими мастерами в 1951 г.) (рис. 3) [5].

Часть экспонатов в музей передали жители г. Кокшетау: фотографии, советские талоны на продукты, военные письма-треугольники.

Во дворе музея находится памятник «Юный Валериан Куйбышев», установленный в 1959 г. (скульптор А. В. Грубе). Куйбышев изображен в форме воспитанника Омского кадетского корпуса (рис. 4) [9].

Примечательно, что многие экспонаты музея когда-то принадлежали В. В. Куйбышеву и были привезены в музей из его кремлевской квартиры. Среди них – письменный набор, настольные часы, личная посуда и мебель (дубовый буфет, трельяж, кресло-качалка) и др. «Кадиллак», находящийся в экспозиции под открытым небом, тоже принадлежал советскому партийному деятелю. В рамках экскурсии принадлежность этих экспонатов не всегда раскрывается: они репрезентуются как символ эпохи, а не жизни отдельного человека.

Имя В. В. Куйбышева неразрывно связано с советским периодом в истории г. Кокшетау. До 2018 г. в городе была улица Куйбышева (в настоящее время – ул. М. Сагдиева) [10], до сих пор на этой улице сохранилась остановка наземного транспорта, названная в честь Куйбышева. В 1974 г. к празднованию 150-летнего юбилея города в советском Кокчетаве на улице К. Маркса (в наст. время – ул. Абая) был установлен памятник В. В. Куйбышеву (скульптор – В. Ф. Богатырев). После распада Советского Союза в соответствии с новым историческим нарративом республики и популяризацией национальной истории памятник утратил свои функции. В 2012 г. его переместили во двор музея истории города. По-

сле пребывания на одной из центральных улиц города памятник Куйбышеву обрел новую жизнь в музейном пространстве [9].

Таким образом, за время своего существования музей поменял основное направление деятельности – стал транслировать образ города в исторической ретроспективе, но в то же время в нем сохранились экспозиции, связанные с советским партийным деятелем В. В. Куйбышевым. С одной стороны, в музее сохранились классические экспозиции, характерные для советского просветительского музея, с другой – репрезентация музейных экспонатов в ходе экскурсии отражает современный казахстанский исторический нарратив. В настоящее время связь музея с личностью В. В. Куйбышева отражена в экскурсиях. Но потребность в трансляции жизнедеятельности советского партийного деятеля в рамках современного исторического нарратива с каждым годом снижается, поэтому постепенно на первый план выходит репрезентация истории города и региона.

V. V. Klyuchareva

Memorialization of the Soviet past and modernity in the Museum of the history of the city of Kokshetau

Abstract. The article is devoted to the analysis of changes in the museum landscape of the Republic of Kazakhstan. Using the example of the Museum of the history of the city of Kokshetau, the influence of the modern historical narrative on the technology of memorialization in the museum and exhibition space is shown. This museum was opened in 1949 as the Memorial Republican House Museum of V. V. Kuibyshev, and in 2000 it was decided to transform the institution into the Museum of the History of the city of Kokshetau. The expositions feature household items that reveal the peculiarities of the life of the inhabitants of Kokchetav in the last century. Main sources: materials of the ethnographic expedition of 2023, mass media, memoirs. **Keywords:** memorialization, museums, the Republic of Kazakhstan, the city of Kokshetau, the museum of the history of the city of Kokshetau.

Источники и литература

1. Мазур Л. Н. Мемориальные музеи политических деятелей в пространстве исторической памяти современной России // Диалог со временем. 2019. Вып. 66. С. 100–119.
2. Исторический архив Омской области (ГИАОО). Ф. 366. Оп. 1. Д. 125. Письмо султана Габайдуллы Валиханова генерал-губернатору Западной Сибири с требованием уничтожить Кокчетавский приказ. Л. 2.
3. Волости и населенные места 1893. СПб: Изд-во Центр. стат. комитета, 1893. Вып. 1. Акмолинская область. 40 с.
4. Постановление Президиума Верховного Совета Республики Казахстан от 7 октября 1993 года № 2410-ХІІ «Об упорядочении транскрибирования на русском языке казахских топонимов, наименований и переименований отдельных административно-территориальных единиц Республики Казахстан» // Zakon.kz: сайт. [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/m/Document/?doc_id=1002411 (дата обращения: 22.03.2020)
5. Габдуллина Б. Ж. Дом, в котором хранится история // Kokshetau Online: сайт. [Электронный ресурс]. URL: <https://kokshetau.online/dom-v-kotom-hranitsya-istoriya-b-gabdullina/> (дата обращения: 15.07.2024).
6. Куйбышева Е. В. Валериан Куйбышев: воспоминания сестры. М.; Ленинград: Детиздат, 1939. 95 с., илл.
7. Куйбышева Елена Владимировна // Кокчетав: сайт. [Электронный ресурс]. URL: https://kokchetav.moy.su/publ/kujbyshevy/kujbysheva_elena_vladimirovna/15-1-0-192#:~:text=
8. Сулейменов А. Культурная прогулка: музей истории города Кокшетау // Qazaqstan tarihy: сайт. [Электронный ресурс]. URL: <https://e-history.kz/ru/news/show/4332> (дата обращения: 22.03.2024).
9. Память в камне... В. В. Куйбышев глазами скульпторов // Муниципальное казенное учрежде-

ние культуры города Куйбышева Куйбышевского района Новосибирской области «Музейный комплекс»: сайт. [Электронный ресурс]. URL: <https://museumcomplexnso.ru/index.php/699-pamyat-v-kamne-v-v-kujbyshev-glazami-skulptorov> (дата обращения: 22.09.2024).

DOI 10.37386/2687-0592-2024-12-187-192

УДК: 81'373.21 (571.1)

Р. В. Оплаканская

Наследие СССР в топонимии Новосибирска

Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, Новосибирск, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается опыт меморизации наследия СССР в топонимии Новосибирска. Предметом исследования стала совокупность топонимов (названий улиц, площадей, проездов, а также административных районов города), фиксирующих признание исторической значимости деятельности конкретных людей. На основе анализа топонимического нарратива выделены номинативные модели и особенности формирования городской топонимии в постсоветский период, такие как незначительное влияние процесса «десоветизации», тенденция на регионализацию и меморизацию достижений Новосибирска в период существования Советского Союза. **Ключевые слова:** историко-культурное наследие, идентичность, топонимическая политика, топонимические практики, история Новосибирска.

Топонимическая политика городских властей и топонимические практики, которые включают не только административный ресурс, но и различные виды активизма жителей города, рассматриваются многими авторами как инструмент формирования городской идентичности [1]. После распада Советского Союза городская топонимия стала предметом широкого общественного дискурса, что породило несколько волн переименований внутригородских объектов. Выделяют три порядка ведения дискуссий: политический, историко-культурный и прагматический. Первый рассматривается как инструмент пропаганды, который позволяет фиксировать в топонимическом пространстве наиболее знаковые события и деятельность людей в контексте политической истории, второй – как способ закрепления историко-культурного наследия, имеющего самостоятельную и вневременную ценность. Третий оценивается с точки зрения удобства использования топонимов в повседневной жизни (функция адреса и навигации в городском пространстве [2, с. 197–198]. Изменения топонимического пространства российских городов и топонимические практики в постсоветский период позволяют отметить ряд трендов, таких как десоветизация, деидеологизация и акцент на историко-культурной идентичности. Все эти изменения в топонимических практиках можно охарактеризовать как отказ от унификации номинирования внутригородских объектов в сторону разнообразия и с учетом региональной специфики [3].

В статье представлены результаты исследования новосибирского топонимического пространства, которое было нацелено на выявление и анализ городских топонимов, сохраняющих историческую память о Советском Союзе. Актуальность темы обусловлена интересом к городской топонимии как ча-

10. О переименовании составных частей города Кокшетау Акмолинской области // Эділет: информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. [Электронный ресурс]. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V18B0006700> (дата обращения: 12.09.2024).

сти историко-культурного наследия, а также ее роли в формировании коллективной и индивидуальной идентичности на национальном и регионально-локальном уровне [4, с. 8, 10]. Предметом исследования стал комплекс антропонимических топонимов Новосибирска – названий внутригородских объектов (улиц, площадей, проездов и пр.), а также административных районов в память о людях, деятельность которых представляется исторически значимой. Посредством таких актов номинирования задаются социальные и этические ориентиры, фиксируется признание общественной значимости отдельных видов деятельности и моделей поведения, а также достижений самого города и его жителей в истории страны.

В качестве источников исследования послужили 1) Единый реестр адресных наименований города Новосибирска, 2) справочно-информационные издания, 3) атласы города, а также материалы из открытых источников, информирующих население о присвоении внутригородским объектам названий [5; 6; 7; 8]. На основе Единого реестра, состоящего из 1962 названий элементов дорожно-транспортной сети (улицы, переулки, тупики, спуски, подъемы, площади), была создана база данных из 427 антропонимов, из которых 280 (65,57%) связаны с советским периодом истории. Включенные в базу данных топонимы увековечили имена людей, деятельность которых была наиболее результативной в период существования СССР, а также тех, кто получил признание уже после распада государства, но их социализация проходила в рамках советской системы ценностей. В базу данных не вошли хоронимы (названия административных районов города), однако они учитывались при анализе тенденций формирования топонимической повестки городских властей. Всего в Ново-

сибирске 10 административных районов, из них названия, непосредственно связанные с советским периодом, имеют семь: четыре номинированы в память о советских государственных деятелях (Дзержинский, Калининский, Кировский, Ленинский), три – в честь символов политической системы (Октябрьский, Первомайский и Советский), и три связаны с местоположением в административных границах города (Заельцовский, Центральный и Железнодорожный).

Методологической основой классификации антропонимов послужил принцип номинации объекта по его связи с человеком через ряд однотипных признаков, таких как: 1) профессиональная или общественная деятельность (площадь Инженера Никитина), 2) фиксация достижений (проспект Академика Лаврентьева), 3) а также сфера деятельности (политика, наука, культура и др.) [9]. Антропонимы были сгруппированы следующим образом. В первую группу вошли антропонимы (65, или 23,21%), ассоциирующиеся с политико-идеологическим направлением деятельности: в честь представителей революционного движения и героев Гражданской войны; советских государственных, партийных и хозяйственных деятелей страны, региона (Новониколаевской губернии и Новосибирской области) и города. Вторая объединяет антропонимы, увековечивающие значимость обороны и национальной безопасности страны (92 или 32,86%): в честь героев Великой Отечественной войны и иных военных конфликтов; представителей Вооруженных сил СССР и РФ, а также органов внутренних дел и гражданской обороны (пожарные, милиционеры). Третья и четвертая группы включают перечень городских топонимов, отдающих дань деятельности в культурной (литература, музыка, театр и кино, изобразительное искусство) и научно-образовательной сферах (62, или 22,14%; 39, или 13,93% соответственно). В пятую группу (14, или 5%) вошли городские топонимы, связанные с деятельностью в сфере экономики и коммуникаций (руководители предприятий, новаторы производства, транспорта и пр.). Семь топонимов (2,5%) были выделены в группу «другое», поскольку их было сложно классифицировать на основе сформулированных выше признаков. 120 городских топонимов (42,86%) появились в память о людях, непосредственным образом связанных с Новосибирском.

Топонимические нарративы Новосибирска

Военно-патриотический нарратив. Доминирование в топонимическом пространстве Новосибирска антропонимов в честь героев Великой Отечественной войны объясняется не только универсальностью темы для советской топонимической системы в целом. Для Новосибирска, находившегося в глубоком тылу, военный период стал значимым этапом развития. В годы войны в город были эвакуированы предприятия, учреждения науки, высшего образования и культуры из европейской части страны. 21 августа 1943 г. Новосибирск был выделен из состава области в самостоятельную административную единицу республиканского подчинения [10]. За

значительный вклад в достижение победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. в 2020 г. Новосибирск был удостоен почетного звания РФ «Город трудовой доблести» [11]. Все это способствовало формированию патриотического сознания и исторической памяти жителей города, что нашло отражение в городской топонимии. В списке Героев Великой Отечественной войны (58 или 20,71%), в их числе Герои Советского Союза (45 или 16,07%), чьи имена были присвоены внутригородским объектам Новосибирска, представлены военачальники (маршалы Жуков, Толбухин, Шапошников, генералы Ватутин, Карбышев и др.), участники подполья на оккупированных врагом территориях (З. Космодемьянская, Л. Шевцова, С. Тюленин, О. Кошевой и др.). Заметное место занимают герои войны, непосредственно связанные с Новосибирском (родились, учились или трудились здесь), такие как В. Бердышев, Б. Богатков, К. Заслонов, Н. Плахотный и др.). Стоит отметить особое признание заслуг уроженца города трижды Героя Советского Союза, маршала авиации А. Покрышкина. Его имя присвоено улице, станции метро и международному аэропорту Толмачево [12]. Военно-патриотическая тема топонимической повестки сохраняла актуальность на протяжении всего послевоенного периода истории Новосибирска. Перечень героев пополнился именами пилотов дальней авиации (улицы Чкалова, Леваневского, Галковского и др.), космонавтов (улицы Терешковой и Титова), а также участников военных конфликтов (улицы памяти «афганцев» А. Демакова, С. Амосова, С. Никифорова). В постсоветский период список антропонимов дополнился номинациями внутригородских объектов в честь погибших при исполнении служебного долга местных сотрудников милиции (8 улиц) и пожарной службы (4 улицы).

«Академический» нарратив. В годы войны в Новосибирске был создан Западно-Сибирский филиал АН СССР, ставший фундаментом для основания в 1957 г. Сибирского отделения АН СССР. В течение нескольких десятилетий город превратился в крупный центр науки и высшего образования с международным признанием [13]. Список ученых мирового уровня, чьи имена присвоены внутригородским объектам, указывает на стремление властей презентовать Новосибирск как город большой науки. Первые «академические» топонимы появились в 1930–1940-е гг. (улицы Мичурина и Чаплыгина, 1935, 1942 гг.). «Академическая» тема прочно утвердилась в топонимической повестке властей города в 1950–1960-е гг., в период, когда в Москве обсуждался вопрос о месте основания Сибирского отделения. Было принято решение в пользу Новосибирска, в городе началось формирование сети научно-исследовательских институтов и полным ходом шло строительство Академгородка. В последующие десятилетия эта тема сохраняла актуальность, но с поправкой на местную специфику. В рамках коммеморативных практик внутригородским объектам присваивались имена ученых, а также представителей выс-

шей школы, чья деятельность была связана с Новосибирском (улицы и проспекты в честь академиков Воеводского и Мальцева, 1967; Лаврентьева, 1981; Кутателадзе, 1986; Коптюга, 1997; Яншина, 2002; Будкера, 2008, Ржанова, 2010, Яненко, 2013; профессоров и ректоров вузов Залесского и Лепина, 1977 и 2014). Внутригородские объекты с такими названиями, как правило, локализованы в одном пространстве и связаны с местоположением научно-образовательных учреждений (топонимические кусты). Крупный топонимический куст находится на территории Академгородка.

Культурологический нарратив. Самая большая группа антропонимов связана с литературной деятельностью. Первые городские топонимы в честь писателей и поэтов появились до революции (ул. Гоголя, Державина, Грибоедова и др.) [14, с. 5–7]. Эта практика широко применялась как в советский период, так и после распада СССР. После восстановления советской власти в Новониколаевске появились новые названия улиц. В 1920 и 1924 гг. улицы Тобизеновская (до революции называлась в честь томского губернатора фон-Тобизена) и Жуковского, поэта и наставника цесаревича Александра, были переименованы в честь М. Горького и Д. Бедного. Остальные дореволюционные «литературные» топонимы сохранились до настоящего времени. В последующие десятилетия на карте города появлялись названия в честь российских и советских поэтов и писателей (Блока, Маяковского, Есенина, Куприна, Серафимовича, Пришвина), а также поэтов и писателей, творчество которых прочно ассоциируется с СССР (Полевого, Фадеева, Твардовского и др.). Одна из особенностей новосибирской топонимии заключается в том, что внутригородские объекты с литературными названиями образуют самое большое количество топонимических кустов. В Первомайском районе это связанные улицы Твардовского, Пришвина, Шукшина и Одоевского; в Дзержинском районе параллельно друг другу расположены улицы Есенина, Куприна и Гладкова; в Заельцовском – улицы Чуковского, Михеева и Шипилова. Топонимы в честь представителей других творческих профессий (театр, кино, музыка, изобразительное искусство) численно уступают «литературным». В поздний советский и постсоветский периоды наметился тренд на присвоение названий внутригородским объектам в честь деятелей культуры, связанных с историей Новосибирска. Инициатива таких номинаций принадлежала обществу, в частности музею г. Новосибирска (в честь художников Н. Грицюка и И. Титкова, 2015), администрации Заельцовского района (в честь литераторов М. Михеева и Н. Шипилова, 2009), Союзу краеведов Ново-Николаевска – Новосибирска (в честь актеров Е. Матвеева, В. Бирюкова, А. Болтнева, А. Солюнина (2015) [15; 16; 17].

Политико-идеологический нарратив. Ни один город в СССР не мог обойтись без антропонимов в честь представителей революционного движения, советских партийных, государственных и хозяй-

ственных деятелей. В 1920 г. прошли переименования улиц в честь героев революции и Гражданской войны, а также первых руководителей Советского государства. Таким образом, городские власти приступили к реализации курса на достижение универсализма в рамках формирующейся советской топонимической системы. Политически и идеологически мотивированная топонимическая повестка корректировалась под влиянием событий 1930-х гг. (период репрессий), а также внутрипартийных конфликтов периода «оттепели». Герои Гражданской войны представлены в новосибирской топонимии именами людей, известных каждому советскому человеку благодаря курсу школьной программы по истории, литературе и кинематографу (Котовский, Щетинкин, Чапаев, Щорс и др.), а также местных героев (участница большевистского подполья Дуся Ковальчук). Значимое место в городской топонимии отводилось культуре первых руководителей советского государства. Меморизация памяти В. И. Ленина в Новосибирске проходила в послевоенный период, поскольку декретом ЦИК СССР (февраль 1924 г.) воспрещалось переименовывать внутригородские объекты и учреждения в честь покойного вождя без предварительного разрешения Президиума ЦИК СССР [18, с. 290]. Лишь в 1961 г. площадь и проспект в центре города, носившие на тот момент имя Сталина, были названы в честь Ленина, а в 1970 г. на левом берегу города был образован административный Ленинский район. В первом случае (площадь и проспект) меморизация прошла в рамках курса десталинизации, а во втором носила коммеморативный характер. В 1933 г. в городе появился Дзержинский район, а в 1957 г. – проспект им. Дзержинского. Весьма заметно представлен в городской топонимии культ С. М. Кирова и М. И. Калинина. В декабре 1934 г., по следам трагических событий, имя Кирова было присвоено левобережному административному району города (позднее в районе появилась площадь). Тогда же на правом берегу Новосибирска в память о Кирове была переименована улица Телеграфная. В честь М. И. Калинина в 1935 г. назвали улицу, после войны – площадь, а в 1980 г. – новый административный район города. Пиетет Новосибирска в отношении Кирова, Дзержинского и Калинина объясняется не только общими установками в рамках советской топонимической системы, но и наличием связи перечисленных советских руководителей с городом. В 1922 г. нарком путей сообщения Ф. Э. Дзержинский приезжал в Новониколаевск, где находился 2 месяца [19]. С. М. Киров в период революционной деятельности в Сибири короткое время проживал в городе в доме на ул. Михайловской (Ленина), где снимал комнату и руководитель Обской группы РСДРП А. И. Петухов (в его честь названа улица в Кировском районе). В октябре 1947 г. в деревянном доме № 23 по ул. Ленина был открыт музей им. Кирова [20]. М. И. Калинин посещал по разным поводам Новосибирск несколько раз, в частности в 1934 г. по случаю вручения Западно-Сибирскому краю ордена Ленина [21].

В поздний период существования СССР появился тренд на присвоение внутригородским объектам названий в честь руководителей Новосибирской области и города, а также директоров крупных предприятий промышленности, строительства и транспорта: в 1965 и 1975 гг. – в честь строителей И. И. Волколакова (участвовал в возведении зданий железнодорожного вокзала и управления Западно-Сибирской железной дороги) и Н. М. Иванова (руководил строительством Академгородка); в 1980 г. – в честь Героя Социалистического Труда, директора крупного предприятия М. Н. Королева; в 1986 г. – в честь руководителя Новосибирского совнархоза В. Т. Забалуева (при нем появился СО АН и шло строительство Академгородка). Такая практика номинирования сохраняется и в настоящее время. В 2015 г. ряду улиц были присвоены имена первого секретаря Новосибирского обкома ВКП(б) (1942–1949) М. В. Кулагина и председателя Новосибирского исполкома городского Совета народных депутатов (1963–1983) И. П. Севастьянова [17].

Развитие топонимического пространства Новосибирска

В XX в. город быстро развивался. К началу 1970-х гг. Новосибирск стал крупным экономическим, транспортным, научно-образовательным и культурным центром страны, а его население превысило 1 млн чел. Новосибирск быстро застраивался. В 1913 г. в городе насчитывалось 132 улицы, в 2001 г. – 1750, а в 2024 г. – 2123 [14, с. 5; 22]. Поскольку дореволюционный период истории города был коротким, формирование топонимии происходило в русле советской топонимической системы. Мотивация присвоения названий внутригородским объектам была политически и идеологически мотивированной, наполненной на искоренение в исторической памяти негативных с точки зрения советской власти персон (например, членов императорской семьи, чиновников), институтов (церковь) и традиций (религиозные праздники) дореволюционного прошлого; под влиянием исторической ситуации (внутрипартийная борьба 1930-х и рубежа 1950–1960-х гг.) и корректирования политического курса (десталинизация). Примером может служить история переименований одной из улиц Центрального района – Депутатской. В 1933 г. улице Бийской присвоили название в честь В. Д. Вегмана, руководителя архивного управления и одного из основателей журнала «Сибирские огни», погибшего в 1936 г. В том же году улицу переименовали в честь пилота дальней авиации и Героя Советского Союза Г. Байдукова. В 1957 г. улица стала называться Совнархозовской (улица Байдукова в настоящее время находится в другой части города). В 1965 г., в связи с упразднением совнархозов, улица получила нейтральное название Депутатская. В военный и послевоенный периоды все более заметным становится тренд на номинирование городских объектов, мотивированный патриотическими чувствами и стремлением зафиксировать в топонимии истории успеха и дости-

жений в разных сферах общественной деятельности. Новые антропонимы появлялись в результате номинирования выделенных участков из уже существующих улиц. В 1967 г. из причудливо изогнутой улицы Академической выделили два отрезка и назвали в честь академиков Мальцева и Воеводского, а в 1997 г. часть Университетского проспекта – в честь академика Коптюга [6]. В этих случаях власти руководствовались желанием увековечить память выдающихся людей в части города, непосредственным образом связанной с их деятельностью. В результате активной застройки Новосибирска появилась возможность меморизации выдающихся людей без использования переименований.

Начавшиеся в период перестройки дискурсы о необходимости переименований городских топонимов с целью возвращения объектам исторических названий, отказа от увековечивания неоднозначно оцениваемых событий прошлого и наиболее одиозных революционных и советских деятелей продолжались после распада СССР. В ряде городов и регионов России десоветизация топонимического пространства приобретала массовый характер, проходила в условиях роста топонимического активизма граждан и приводила к конфликтным ситуациям [2, с. 197–198; 23]. В Новосибирске случаи переименований в рамках десоветизации немногочисленны (1989 г. улица им. Жданова стала называться улицей Авиастроителей) [7, с. 8]. На топонимическую повестку города все больше влияния оказывали дискурсы и инициативы историко-культурного и прагматического характера. Однако избежать конфликтных ситуаций не удалось. В 2016 г. инициированный архитектурной общественностью вопрос о переименовании площади им. Я. М. Свердлова в честь советского архитектора А. Д. Крячкова вылился в острую дискуссию. Предложение прозвучало в преддверии 140-летия со дня рождения А. Д. Крячкова, а выбор места был связан с нахождением в непосредственной близости с площадью зданий, построенных по его проектам. По этой же причине в 2008 г. на площади Свердлова был установлен памятник Крячкову. Обсуждение вопроса, начавшееся в рамках коммеморативной практики, неожиданно приобрело политизированный характер [24]. Аргументы противников сводились к тому, что переименование повлечет за собой финансовые затраты и может привести к расколу горожан по идеологическим основаниям. Конфликтная ситуация разрешилась в том же году достижением компромисса. Площадь сохранила название, а расположенному рядом безымянному скверу было присвоено имя А. Д. Крячкова [25]. Однако спор о названии площади повторился в 2021 г., причем с самого начала приобрел характер острой политической полемики. С инициативой о переименовании площади им. Свердлова во имя восстановления исторической правды («очистить Новосибирск от кровавой грязи») выступило Новосибирское региональное отделение общероссийского общества исторического просвещения «Двуглавый Орел» («Царьград») [26]. К обсуждению

вопроса подключились представители городской и областной власти, новосибирская митрополия, сотрудники музеев, журналисты. Рассматривалось несколько вариантов нового названия: «площадь Александра Невского (рядом с площадью находится старейший в городе храм Александра Невского), «Александровская площадь» (в честь Александра Невского, императора Александра III и Героя Советского Союза Александра Покрышкина), «Новониколаевская площадь». Против переименования площади выступила Новосибирская областная организация КПРФ. Ее руководитель А. Е. Локоть на момент обеих дискуссий занимал пост мэра Новосибирска. Вопрос решился в июне 2021 г. при помощи голосования на городском портале «Мой Новосибирск» и на сайте госуслуг. Против переименования площади Свердлова выступило 50,3% новосибирцев [27]. Обзор публикаций СМИ позволяет высказать предположение, что выбор горожан был продиктован прагматичными соображениями (сохранить привычное название), а также негативным отношением к практикам декоммунизации в ряде государств – бывших советских республик.

Выводы

Своим стремительным развитием Новосибирск обязан советской власти. История города насчитывает 130 лет, из них более 70 связаны с СССР. Именно в этот период город превратился в крупный экономический, научный и культурный центр страны, менялся его административный статус (1930 – центр Западно-Сибирского края). Топонимическая повестка городских властей следовала в русле общего советского тренда на универсализм и формирование единого политического и идеологического пространства (культ героев Великой Отечественной войны, вождей революции и руководителей советского государства и др.). Получившая распространение в кон-

це 1980–1990-х гг. в ряде городов и регионов страны практика десоветизации слабо затронула топонимическое пространство Новосибирска. Анализ совокупности антропонимов позволяет констатировать, что власти и жители Новосибирска уважают советское прошлое, включая неоднозначно оцениваемые периоды истории, и сохраняют память об СССР. В актах номинирования новых внутригородских объектов в 2000-е гг. в честь советских партийных и хозяйственных руководителей области и города (начальника Западно-Сибирской железной дороги И. Трубникова и др.), военных (А. Покрышкина и др.), деятелей науки, высшего образования (ученых Сибирского отделения АН) и культуры (Е. Матвеева, Г. Заволокина, народной артистки СССР оперной певицы Л. Мясниковой и др.) просматривается ностальгия по советскому прошлому. В топонимической повестке прослеживается тренд на фиксацию достижений и успехов с акцентом на региональную (Сибирь) и местную (город) специфику.

R. V. Oplakanskaia.

The heritage of the USSR in the toponymy of Novosibirsk.

Abstract. The article examines the experience of memorizing the heritage of the USSR in the Novosibirsk toponymy. The subject of the study was a set of toponyms (names of streets, squares, driveways, as well as administrative districts of the city) that record the recognition of the historical significance of the activities of specific people. Based on the analysis of the toponymic narrative, nominative models are identified. The features of the formation of urban toponymy in the post-Soviet period are noted, such as: insignificant influence of the process of “de-Sovietization”, the trend towards regionalization and fixation of Novosibirsk’s achievements during the existence of the Soviet Union. **Keywords:** historical and cultural heritage, identity, toponymic policy, toponymic practices, the history of Novosibirsk.

Источники и литература

1. Аксенов К. Э., Яралян С. А. Идеологизация пространства с использованием городской топонимики в странах СНГ // Региональные исследования. 2012. № 1 (35). С. 4–11.
2. Терентьев Е. А. Топонимический активизм и «право на город»: социологические заметки // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2015. № 1 (29). С. 194–202.
3. Аксенов К. Э. Географические модели десоветизации топонимии в городах Российской Федерации // Известия Русского географического общества. 2020. № 4 (152). С. 3–18 [Электронный ресурс]. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_44262708_34019906.pdf (дата обращения: 21.08.2024).
4. Покровский Н. Н., Запорожченко Г. М., Шелегина О. Н. Достопримечательное место «Новосибирский Академгородок»: научное и культурно-историческое наследие. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2018. 159 с.
5. Об утверждении Единого реестра адресных наименований города Новосибирска // Постановление мэрии города Новосибирска от 24 февраля 2011 г. № 1551. [Электронный ресурс]. URL: https://novo-sibirsk.ru/upload/iblock/caa/2011_post_1551.pdf (дата обращения: 06.09.2024).
6. Справочник переименований улиц, переулков, площадей города Новосибирска. Новосибирск, 2000. 17 с.
7. Улицы города Новосибирска: справочно-информационное издание. Новосибирск: НГОНБ, 2019. 286 с.
8. Новосибирск. Историко-географический атлас. Федеральная служба геодезии и картографии России. М., 1993. 119 с.
9. Ковалева Н. Б. К вопросу о принципах номинации в топонимике (на материале географических названий бассейна р. Ини) // Ученые записки УрГУ. Сер. филологическая. 1971. № 114. Вып. 18. С. 133–136. [Электронный ресурс]. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/27818/1/vtop_1971_13.pdf (дата обращения: 29.08.2024).
10. Официальный сайт города Новосибирска [Электронный ресурс]. URL: <https://novo-sibirsk.ru/about/history/1941-1945>.
11. Награды города // Новосибирск. Азбука удивительного [Электронный ресурс]. URL: <https://www.novo-sibirsk.ru/about/history/1941-1945>.

- lenbsnsk.ru/nsk_azbuka/tpost/ls5r115sl1-nagradigoroda (дата обращения: 12.09.2024).
12. Официальный сайт Толмачево [Электронный ресурс]. URL: https://tolmachevo.ru/mediacenter/news/420200/?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения: 18.09.2024).
 13. Артемов Е. Т. Формирование и развитие сети научных учреждений АН СССР в Сибири. 1944–1980 гг. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1990. 185 с.
 14. Цыплаков И. Ф. Имя на карте города. Новосибирск: Новосибирское книжное изд-во, 2001. 270 с.
 15. Улицы Николая Грицюка и Ивана Титкова появятся на Затупинке // Новосибирские новости. [Электронный ресурс]. URL: <https://nsknews.info/materials/ulitsy-nikolaya-gritsyuka-i-ivana-titkova-poyavyatsya-na-zatupinke-154972/> (дата обращения: 27.09.2024).
 16. В Новосибирске назовут две улицы в память о писателях // Комсомольская правда [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nsk.kp.ru/online/news/489304> (дата обращения: 27.09.2024).
 17. Более 10 улиц Новосибирска назовут именами героев, актеров и руководителей // VNR.RU. Все Новосибирские новости [Электронный ресурс]. URL: https://vn.ru/news-svs_151388 (дата обращения: 20.09.2024).
 18. Дамбуев И. А. Советское законодательство о наименованиях географических объектов // Мир науки, культуры, образования. № 6 (55) 2015. С. 290–293.
 19. «Вести» узнали историю проспекта Дзержинского в Новосибирске // Вести Новосибирск [Электронный ресурс]. URL: https://www.nsktv.ru/news/city/vesti_uznali_istoriyu_prospekta_dzerzhinskogo_v_novosibirsk_070720180900 (дата обращения: 19.08.2024).
 20. Дом-музей С. М. Кирова // NOVOSIBDOM.RU. Архитектура Новосибирска [Электронный ресурс]. URL: <https://nsk.novosibdom.ru/node/310> (дата обращения 19.08.2024).
 21. Четыре визита «Калиныча» // Сиб.ФМ [Электронный ресурс]. URL: <https://sib.fm/columns/2020/06/04/chetyre-vizita-kalinycha> (дата обращения 19.09.2024).
 22. Карта Новосибирска [Электронный ресурс]. URL: <https://nsk.ginfo.ru/> (дата обращения: 25.09.2024).
 23. Топонимическая война. Термины и определение [Электронный ресурс]. URL: <https://eot-su.livejournal.com/2443317.html> (дата обращения: 25.09.2024).
 24. Поповский Д. И. К вопросу о переименовании новосибирской площади Свердлова в площадь имени архитектора А. Д. Крячкова // Баландинские чтения: сб. ст. науч. чтений памяти С. Н. Баландина: Т. XI / Новосибирск. гос. ун-т архитектуры, дизайна и искусств; Музей истории архитектуры Сибири им. С. Н. Баландина. Новосибирск: Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств, 2016. С. 248–252.
 25. Михайловская набережная и сквер Крячкова появятся в Новосибирске // Новосибирские новости [Электронный ресурс]. URL: <https://nsknews.info/materials/mikhaylovskaya-naberezhnaya-i-skver-kryachkova-poyavyatsya-v-novosibirsk-159051/> (дата обращения: 25.09.2024).
 26. «Очистить Новосибирск от кровавой грязи»: Почему так важно переименовать площадь Свердлова // Царьград [Электронный ресурс]. URL: https://nsk.tsargrad.tv/articles/ochistit-novosibirsk-ot-krovavoj-grjazi-pochemu-tak-vazhno-pereimenovat-ploshhad-sverdlova_338167 (дата обращения: 25.09.2024).
 27. Против переименования площади Свердлова выступили новосибирцы // VN.RU. Все новости Новосибирска [Электронный ресурс]. URL: <https://nsk.rbc.ru/nsk/09/06/2021/60c0eccb9a79477cf6b134e7> (дата обращения: 25.09.2024).

DOI 10.37386/2687-0592-2024-12-192-197

УДК 94(571.15)

В. С. Осокина, А. В. Рыков

Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Российская Федерация

Освещение методов агитации перед выборами в Верховный Совет СССР в 1950–1970-е гг. по материалам газеты «Алтайская правда»¹

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению освещаемых и пропагандируемых к использованию на местах методов агитации, демонстрируемых печатью в качестве передовых, и анализу изменений, произошедших в этой сфере в 1950-х и 1970-х гг. Исследование базируется на анализе статей газеты «Алтайская правда». Авторы приходят к выводу, что в течение рассматриваемого периода в связи с изменением сознания людей и развитием экономического потенциала страны произошли значимые изменения в устной печатной и наглядной предвыборной агитации. **Ключевые слова:** агитация, методы, выборы, Верховный Совет СССР, 1950–1970-е гг., «Алтайская правда».

Выборы в Верховный Совет СССР являлись большим политическим событием в жизни всего советского народа. Проведение избирательной кампа-

нии ставило огромные задачи перед партийными, советскими и всеми общественными организациями. В связи со столь крупным событием появлялась необходимость развернуть большую массово-политическую работу – было необходимо разъяснять такие темы, как принципы Конституции СССР, права и обязанности граждан Советского Союза, значение советского патриотизма, морально-политическо-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта «Сельское общество и власть в 1950-е – середине 1980-х годов: коммуникация и социальная память (на примере регионов Западной Сибири)», № 23-28-01443, <https://rscf.ru/project/23-28-01443/>.

го единства советского общества и дружбы народов СССР и ряда других. Партийные и другие общественные организации были обязаны развернуть большую работу по ознакомлению населения, особенно избирателей, впервые принимающих участие в выборах с советским избирательным законом. Значимую роль в ней играли агитаторы. Им было необходимо демонстрировать и пропагандировать примеры правильной агитации. Одним из средств для этого являлись газеты.

Цель работы заключается в рассмотрении освещаемых и пропагандируемых к использованию на местах методов агитации, демонстрируемых печатно в качестве передовых, и анализе изменений, произошедших в этой сфере в 1950-х и 1970-х гг. Источниковая база работы представлена 26 статьями в 19 выпусках газеты «Алтайская правда» 1950 и 1974 гг., которые были отобраны с помощью сплошной выборки.

В советской историографии методы предвыборной агитации рассматривались преимущественно в специализированных работах по улучшению агитационно-пропагандистской работы на выборах [1–4]. В постсоветский период авторы, в частности А. А. Фокин, А. С. Киммерлинг [5–6], затрагивают методы предвыборной агитации через призму массовых идеологических кампаний. Таким образом, освещение передовых методов агитации через различные средства требует, на наш взгляд, более пристального изучения, так как позволяет проследить как представление государства о правильной агитации, так и эффективность реализации этой политики на местах.

Средства массовой агитации – это мощные каналы оперативного и одновременного распространения информации среди широкой массы людей. Ими могут являться как сами люди – коллективные пропагандисты, агитаторы и организаторы масс, так и такие инструменты общественного контроля, как телевидение, радио, печать и журналы.

Работу по использованию средств массовой агитации с целью распространения необходимой политической информации выполняют агитаторы. Политическая агитация – это «одно из активных средств постоянной связи партии с массами, действенный инструмент политического руководства» [7]. Она подразделялась на печатную, устную и наглядную. В ней отражены актуальные вопросы политического воспитания, перекликающиеся с насущными интересами общественного развития.

Устная агитация основана на непосредственном живом общении, что позволяет «переложить общеполитические задачи на язык практических действий», «полнее учесть индивидуальные качества, интересы и запросы людей, вести откровенный доверительный разговор» [7]. Благодаря устной агитации содержание партийных документов доносилось до каждого труженика.

Одним из наиболее широко освещаемых в газете методов устной массовой агитации являлось

разъяснение политической информации рабочим через «читки». В первую очередь для этого использовались опубликованные в газетах Указ Президиума Верховного Совета о проведении выборов в Верховный Совет СССР и Положение о выборах. Нередко на страницах «Алтайской правды» мы можем встретить такие записи: «Товарищ Калугин познакомил рабочих с Положением о выборах» [8], «Активно ведут разъяснительную работу среди трудящихся партийные организации Троицкого района» [8]. Местом проведения «читок» обычно являлись десятидворки.

Агитатор должен был разъяснять партийные документы, отвечать на интересующие слушателей вопросы. Перечень документов для разъяснения был широким. В одном из выпусков 1950 г. можно встретить запись от имени Алтайской краевой конторы книжной торговли «Роскнигторга», которая оповещает агитаторов и пропагандистов о поступлении целого ряда книг и брошюр. Среди них, кроме «Положения о выборах», имеется «Доклад товарища И. В. Сталина на VIII Всесоюзном съезде Советов о проекте конституции союза СССР», «Конституция (Основной закон) СССР», «Учебник конституции СССР», «Беседы об общественном и государственном устройстве СССР» и другое [9]. Кроме читки, в газете широко освещалось проведение лекций и докладов. Самой популярной темой докладов и лекций в 1950 г. была Сталинская конституция [10]. В одном из выпусков по этому поводу было сказано следующее: «Разъясняя великие принципы Сталинской конституции, агитаторы показывают плоды созидательного труда советского народа, достижения своего колхоза, сельсовета, района» [11]. Согласно материалам газеты, приветствовались доклады, посвященные партии Ленина–Сталина – вдохновителю и организатору советского народа в борьбе за коммунизм, Конституции СССР, избирательному закону, превосходству советской демократии над демократией буржуазной, морально-политическому единству советского общества, дружбе народов СССР, повседневной работе партии и советского государства и др. [12]. Также читались лекции о международном положении СССР [10] и о дружественных государствах, например КНР [13].

Отдельное место в газете уделялось такому методу агитации, как читка художественной литературы, а также материалов по избирательному праву и процессу. Агитатор, делясь своим опытом, отмечала, что она не только пользовалась отдельными выдержками из романов, стихов, рассказов, но и практиковала коллективное чтение книг. Так ей удавалось незаметно переходить от книги к рассказу «о великих событиях, о заботе партии, правительства, лично товарище Сталине, о советском человеке» [14].

Кроме того, в газетных статьях уделялось место и диалогическим методам, например беседе. С их помощью обсуждались различные подтемы, связанные с выборами. Например, Татьяна Ильинична Черных использовала убедительные примеры из истории революционных выборов, показывала преимуще-

Рис. 1. «Агитатор Барнаульского радиозавода А. Г. Гаранин в обеденный перерыв знакомит рабочих с «Положением о выборах в Верховный Совет. Фото А Калабухова». (Алтайская правда. 1950 № 10).

ство советской избирательной системы [15]. В один из планов массовой работы также попала беседа на тему «Алтай в послевоенной пятилетке» [13]. Проводились беседы о достижениях советской науки.

Большинство средств устной агитации продолжали освещаться как передовые и в 1970-е гг. Делался акцент на знакомстве избирателей с «Положением о выборах» и другими важными документами: например, задачами, вытекающими из речи Л. И. Брежнева на торжественном заседании Алма-Ате, посвященном 20-летию освоения целины [16]. Тематика лекций, однако, становится более разнообразной и внешнеполитически ориентированной. Например, в одном из выпусков мы можем увидеть запись: «13 апреля состоялась лекция „Медицина и религия“ и выступление художественной самодеятельности учащихся школы. На 20 апреля намечена лекция „Советско-американские отношения“» [16]. Все еще встречаются записи о беседах с избирателями, где «рассказывали о больших изменениях в жизни страны и края, которые произошли за последние 4 года, о дальнейших перспективах» [17].

С этого периода в газетах акцентируется внимание на необходимости подготовки профессиональ-

Рис. 2. «Хорошо оборудован агитпункт при клубе Барнаульского меланжевого комбината. Здесь имеется большое количество газет, журналов и литературы по выборам в Верховный Совет СССР. На снимке: дежурная комсомолка Галина Жданова (слева) и заведующая агитпунктом Е. И. Дмитриева готовятся к встрече избирателей. Фото Н. Калинина» (Алтайская правда. 1950. № 17).

ных лекторов. Прежде всего, значительную роль в предвыборной агитационно-пропагандистской работе должны были сыграть лекторы общества «Знание», задача которых заключалась в создании хорошо подготовленных лекторских групп и разработке для них четкой тематики применительно к выборам. Основные темы лекций должны были сводиться к «разъяснению внешней и внутренней политики партии и Советского государства, возрастающей роли КПСС в связи с усложнением задач коммунистического строительства, роли советов в хозяйственном и культурном строительстве, вопросам, раскрывающим преимущества социалистической демократии перед демократической буржуазией, характер и сущность избирательной системы» [18].

Важно отметить, что по сравнению с 1950-ми гг. появляются дополнительные рекомендации по проведению политической агитации — отмечается необходимость привлечения отчетов депутатов, ознакомления избирателей с обширной деятельностью советов, организации встреч с советскими партийными работниками, Героями Социалистического Труда, ударниками пятилетки [18].

Отдельное внимание в газете уделяется методам работы с молодыми избирателями, которые будут голосовать впервые. В 1950-е гг. в публикациях указывалась необходимость подробно ознакомить их с Конституцией и избирательным законом, с правами и обязанностями граждан, что и осуществлялось путем проведения лекций на такие темы как «Права и обязанности граждан СССР», «Историческое значение сталинской конституции» [19]. В одном из выпусков газеты можно увидеть запись о собрании в клубе молодых избирателей и чтении доклада «Выборы в Верховный совет — важнейшая политическая кампания». Отмечалась широкомасштабность события — «на собрании было 500 человек» [20]. Избирателей также знакомили с кандидатами в депутаты Верховного Совета [21]. Освещались в газетах и реже используемые, но не менее интересные методы. Для молодых избирателей организовывались встречи с писателями Алтая. Подобные мероприятия нравились избирателям, и они, желая писателям «плодотворной творческой работы», надеялись, что эта встреча будет не последней» [22]. Интересен пример литературного вечера для избирателей, посвященного творчеству А. С. Пушкина, на котором можно было увидеть исполненную драматическим кружком сцену из «Бориса Годунова» [23].

Эта тенденция получила дальнейшее развитие в 1970-е гг. Одним из новшеств этого времени являлось создание клубов избирателей, где самые разнообразные формы предвыборной агитации умело сочетались с культурно-просветительскими мероприятиями. В плане их работы, помимо лекций, бесед, встреч с интересными людьми, были предусмотрены коллективные просмотры телевизионных передач, концертов, художественной самодеятельности. Акцент сместился на организацию встреч молодых избирателей с ветеранами войны и труда» [16].

Решающим этапом подготовки к выборам является агитация за кандидатов в депутаты блока коммунистов и беспартийных — лучших представителей рабочего класса, советского крестьянства и интеллигенции. На момент 1950 г. уклон делается непосредственно на трудовые подвиги и деятельность. Задача агитатора заключалась в том, чтобы «познакомить избирателя с биографией кандидата в депутаты, подробно рассказать о его трудовой и общественной деятельности, заслугах перед Родиной» [24].

На момент 1970-х гг. дело обстоит иначе. Рекомендуется не сводить это дело к простому пересказу биографий, а «тепло и душевно рассказать избирателям о трудовой и общественной деятельности, высоких деловых и моральных качествах тех, кто удостоился чести баллотироваться в высший орган советской власти, о том, что такие качества воспитываются в советских людях Коммунистической партией» [24]. Появляются записи о ведении в газете специального предвыборного раздела «Кандидаты Алтая» [25]. Он предполагает познакомить читателей с теми, кому народ выразил большое доверие, назвав своими кандидатами в депутаты высшего органа страны.

Вторым рассматриваемым видом агитации являлась печатная. В рамках пропагандирования методов печатной агитации в публикациях 1950-х гг. делался акцент на обязательном наличии прессы на агитпунктах. С ее помощью транслировались предвыборные указания партии, а также публиковались вспомогательные материалы для агитаторов. Одной из главных ее задач являлось «развертывание страстной агитации за кандидатов сталинского блока коммунистов и беспартийных». Не зря в описании агитпунктов отмечается, что на большом столе разложены свежие номера «Правды», «Известий», «Алтайской правды», «Социалистического земледелия», есть журналы «Огонек», «Молодой колхозник» и др.

На момент 1970-х гг. большую роль приобретает телевидение, и газета постепенно уступает свои позиции. В связи с выборами стали активно появляться передачи про передовиков производства: «Голубой экран показывает главного героя наших дней — человека труда, строителя нового времени». Многие передачи сельскохозяйственной редакции рассказывали о передовиках производства: их приглашали в студию, им посвящались фотосюжеты и киноленты. Телевидение обладало важным преимуществом — оно могло не только рассказать об опыте работы депутата, но и «наглядно показать в развитии все аспекты его трудовой и общественной жизни».

Также в 1950-е гг. в газетных публикациях делался акцент на деятельности библиотек. Сама партия четко прописывала обязанности библиотекарей в предвыборные дни: встречались записи об отправке «вагон-клубов» или организации передвижной библиотечки; книги и брошюры популяризировались при помощи специальной витрины [13].

Газета в 1970-е гг. остается и важным источником по рекомендациям для использования литера-

Рис. 3. «С большой радостью готовятся к выборам в Верховный Совет СССР трудящиеся г. Барнаула. Они с удвоенной энергией трудятся на предприятиях и в учреждениях, активно посещают беседы агитаторов. В городе развернулось составление списков избирателей. На снимке: агитатор комсомолка Зоя Шерстянникова (справа) заносит в список молодых работниц меланжевого комбината Зою Сивцову, Александру Гладких и Екатерину Казанцеву» (Алтайская правда. 1950. № 29).

туры. На момент 1970-х гг. в газетах начинают публиковать списки книг, рекомендованных для агитаторов и агитпунктов. Важно отметить, что в 1950-е гг. рекомендованной литературой являлись официальные документы, такие как Положения о выборах и Конституция. Теперь же публикуется информация о брошюрах, посвященных тематике выборов и подробно рассказывающих о разных ее этапах. В одном из выпусков 1974 г. агитатору предлагают ознакомиться с работами Р. И. Кулика, А. И. Лукьянова, Б. П. Токмакова «Высший орган народной власти» и В. К. Григорьева «Порядок организации и проведения выборов в Верховный Совет СССР». Это образцовые, по мнению власти, работы, которые раскры-

Рис. 4. «Широкой известностью в Барнауле пользуется хор швейно-обувной фабрики. В дни предвыборной кампании хор выступает на вечерах избирателей в агитпунктах города. Концерты на 63, 67, 69, 72 и 74 избирательных участках прошли с большим успехом. Заслуженным успехом пользуются солистки хора Т. Лукьянова, Е. Васильева и Р. Воробьева. На снимке: хор Барнаульской швейно-обувной фабрики. Справа — руководитель хора Ник. Петухов. Фото А. Калабухова» (Алтайская правда. 1950. № 49)

Рис. 5. «Комсомолка Евдокия Мамина — лучший агитатор в колхозе им. Карла Маркса Усть-Канского района. Она ездит по дальним тебеневкам, где разъясняет чабанам Положение о выборах, рассказывает о кандидатах. На снимке (слева): Евдокия Мамина у знатного чабана Ерте Бадакиной на тебеневке» (Алтайская правда. 1950. № 55).

вают «подлинно демократический характер высшего представительного органа советского народа» и освещают «демократические принципы всеобщего, равного избирательного права» [26]. На момент 1974 г. также рекомендуется Положение 1950 г., однако с дополнениями 1961 и 1966 гг. Для работы с молодежью советуют читать работы О. Е. Кутафина.

Третьим видом агитации является наглядная агитация, которая обладает «большой силой эмоционального и зрительного воздействия». Подчеркивалось, что средства наглядной агитации срабатывают лишь тогда, когда они непосредственно обращены к людям, к их чувствам, профессиональной чести и гордости.

Примеров наглядной агитации, освещаемой в газетных публикациях, на момент 1950 г. было очень много. Описывались плакаты и лозунги, призывавшие трудящихся к стахановскому труду в честь приближающей даты выборов. Можно отнести сюда и используемые в агитпунктах «схемы избирательной системы и государственной власти» [27], «карты избирательного участка, исполненные разноцветными красками» [15], диаграммы, иллюстрирующие развитие народного искусства.

Еще одним наглядным способом агитации, освещаемым в газетах, являлось оборудование фотовитрин и выставок. Порой на страницах газеты можно встретить записи о размещении перед входом в агитпункт большого портрета И. В. Сталина или портретов руководителей большевистской партии и советского правительства [28].

Особый акцент в газетных публикациях делался на организации демонстрации историко-революционных фильмов и проведении кинофестивалей о достижениях советского государства и великих победах, одержанных Советским Союзом. В одном из выпусков приводится список как исторических, так и документальных фильмов, которые будут доступны к просмотру: «Ленин в Октябре», «Ленин в 1918 го-

ду», «Великое зарево», «Клятва», «Падение Берлина», «Встреча на Эльбе», «Член правительства», «Сельская учительница», «Депутат Балтики», «Учитель» и др. [29]. Упоминаются также фильмы «Битва на рельсах» и «Сердца четырех» [30]. Отмечено, что большим успехом пользуется фильм «Сталинградская битва» [22].

Не менее важным структурированным видом наглядной агитации, освещаемым в газетах, являлся выпуск стенгазет и «боевых листков». В одном из выпусков можно встретить запись о выпуске специального номера стенгазеты, «посвященного разворачиванию избирательной кампании» [31].

Также нам встретились публикации и довольно нетипичные средства наглядной агитации. Одним из них было прослушивание речей И. В. Сталина на граммофонных пластинках [10], а также подготовленные силами учителей на сцене клуба инсценировки пьес «Горячий день» Е. Кравченко и «В одном городе» А. Софронова [32].

В 1970-е гг. для предвыборной агитации активно используется телевидение, однако агитпункты все еще должны выглядеть красочно, празднично, быть обставлены со вкусом, и самое главное — «быть хорошо оформлены наглядной агитацией» [18].

Тем не менее, несмотря на значительную пропаганду методов наглядной агитации, на страницах газет можно найти статьи, рассказывающие о недостаточном ее развитии в пределах Алтайского края. Примером может служить статья председателя краевого отделения Союза советских художников С. Савчука. Он противопоставил организацию выборов 1946 и 1950 гг. Автор отмечает, что Барнаул имеет «богатый опыт использования наглядной агитации», однако к моменту выборов 1950 г. весь этот опыт был как будто растерян: «Почти нигде, за исключением агитпунктов и кинотеатров, нельзя найти ни лозунгов, извещающих о дне выборов, ни плакатов, призывающих к активному участию». Оформление агитпунктов, по мнению председателя, отличается от того, что пишут на страницах газеты: «некоторые агитпункты города оформлены небрежно, неряшливо», «не создано уюта». Для украшения города используются транспаранты, посвященные 1 Мая, а лозунги о предстоящих выборах «установлены чуть ли не на самой крыше здания». Автор приходит к выводу, что «такой агитпункт не может стать подлинно боевым центром избирателей» [33].

Таким образом, в связи с изменением сознания людей и развитием экономического потенциала страны произошли некоторые изменения, которые привели в том числе и к переменам в пропагандируемых методах агитации. В 1970-е гг. значительно начала возрастать роль новой формы наглядной агитации — телевидения. Оно постепенно вытеснило использование фильмов в агитпунктах, а лозунги и плакаты стали больше средствами украшения, нежели политическими символами. Печатная агитация также постепенно начинает вытесняться телевидением. Упоминание данного вида агитации в газете сводится к минимуму. По материалам проанали-

зированных выпусков газет устная агитация все еще сохраняла свои позиции в связи с сохранением необходимости разъяснения новых партийных документов и проведения личной работы с населением. Но она претерпела значительные изменения: внимание в публикациях было смещено в пользу специализированных лекторов, политических брошюр и внешнеполитической тематики. Отдельно следует отметить увеличение в 1970-е гг. в проанализированных выпусках газетах акцента на привлечения передовиков производства, а также ветеранов войны и труда к проведению агитационных мероприятий. Это связано прежде всего с желанием государства наладить трансляцию позитивного опыта данных категорий населения на широкие массы трудящихся, в том числе и через предвыборную агитационную кампанию.

V. S. Osokina, A. V. Rykov

Coverage of campaigning methods before the elections to the Supreme Soviet of the USSR in the 1950–1970s based on materials from the newspaper «Altai Pravda»

Abstract. This article is devoted to the consideration of the methods of agitation, demonstrated by the press as advanced, which were covered and promoted for use at the local level, and the analysis of the changes that occurred in this area in the 1950s and 1970s. The study is based on the analysis of articles of the newspaper «Altai Pravda». The authors come to the conclusion that during the period under review, in connection with the change in people's consciousness and the development of the country's economic potential, significant changes occurred in oral printed and visual election campaigning. **Keywords:** agitation, methods, elections, Supreme Soviet of the USSR, 1950–1970s, «Altai Pravda».

Источники и литература

1. Материалы в помощь партийным комитетам и избирательным комиссиям по вопросам организаторской и массово-политической работы в период подготовки и проведения выборов в Верховный Совет СССР. Оренбург: Отд. пропаганды и агитации обкома КПСС, Орг.-инструкт. отд. облисполкома, 1979.
2. Пустогачев Я. А. Ведущая сила: В помощь лектору, пропагандисту и агитатору. Горно-Алтайск: Алт. кн. изд-во Горн. Алт. отд-ние, 1979. 46 с.
3. Как подготовить и провести беседу: методические рекомендации в помощь политинформаторам, агитаторам школ идеологического актива, основ марксизма-ленинизма системы политической учебы / подготовил Гличев И. А. Львов, 1986. 15 с.
4. Мулина Н. Д. Социально-психологические и педагогические особенности идеологической, политико-воспитательной работы: методические рекомендации в помощь пропагандистам, лекторам, докладчикам, политинформаторам, агитаторам. Саратов: Коммунист, 1985. 23 с.
5. Фокин А. А. «Коммунизм не за горами»: образы будущего у власти и населения СССР на рубеже 1950–1960-х годов. М.: РОССПЭН, 2017. 221 с.
6. Кимерлинг А. С. Выполнять и лукавить: политические кампании поздней сталинской эпохи. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. 210 с.
7. Краткий словарь-справочник агитатора и политинформатора. 6-е изд., доп. и перераб. М.: Политиздат, 1989. 318 с.
8. Все средства большевистской агитации на службу избирательной кампании // Алтайская правда. 1950. 18 января. № 15.
9. Литература в помощь агитаторам // Алтайская правда. 1950. 13 января. № 11.
10. Хроменко Е. Агитационно-массовая работа среди избирателей // Алтайская правда. 1950. 9 февраля. № 34.
11. Молодые избиратели // Алтайская правда. 1950. 14 февраля. № 38.
12. О развертывании политико-массовой работы профсоюзов в связи с предстоящими выборами в Верховный Совет СССР // Алтайская правда. 1950. 15 января. № 13.
13. Филин К. Ярко горят огоньки сельского клуба // Алтайская правда. 1950. 14 февраля. № 38.
14. Самая демократическая в мире избирательная система // Алтайская правда. 1950. 12 января. № 10.
15. Борков А. В эти дни в сельском агитпункте. // Алтайская правда. 1950. 8 февраля. № 33.
16. Любимов П. Агитаторы пришли к избирателям // Алтайская правда. 1974. 17 апреля. № 91.
17. Все готово к встрече избирателей // Алтайская правда. 1974. 15 июня. № 138.
18. Политическая агитация и выборы // Алтайская правда. 1974. 16 апреля. № 90.
19. Медведев И. В горном селе // Алтайская правда. 1950. 12 февраля. № 37.
20. Ваксман Е. В агитпункте // Алтайская правда. 1950. 18 января. Вып. 15.
21. Тупирина А. На нашем агитпункте // Алтайская правда. 1950. 14 февраля. № 38.
22. Яшин М. В домах культуры, библиотеках, агитпунктах // Алтайская правда. 1950. 10 марта. № 59.
23. Панков П. Пушкинский вечер в агитпункте // Алтайская правда. 1950. 23 февраля. № 46.
24. Демидов И. Шире размах политической агитации среди избирателей // Алтайская правда. 1950. 26 февраля. № 49.
25. Кандидаты Алтая // Алтайская правда. 1974. 15 мая. № 112.
26. Зинченко Н. Литература для агитпунктов // Алтайская правда. 1950. 15 мая. № 115.
27. Устинов В. Агитпункт полевого стана // Алтайская правда. 1974. 18 мая. № 115.
28. Кривых М. В агитпункте совхоза // Алтайская правда. 1950. 18 февраля. № 42.
29. Кино в дни избирательной программы // Алтайская правда. 1950. 12 февраля. № 37.
30. Павлов А. Кинообслуживание избирателей // Алтайская правда. 1950. 14 февраля. № 38.
31. Стаценко Г. Агитаторы в предвыборные дни // Алтайская правда. 1950. 3 февраля. № 29.
32. Осколков, П. Сельские агитаторы // Алтайская правда. 1950. 17 февраля. № 41.
33. Савчук С. Использовать все виды наглядной агитации // Алтайская правда, 1950. 17 февраля. № 41.

DOI 10.37386/2687-0592-2024-12-198-203

УДК 39(574)+94(47+57)

З. Г. Сактаганова, Ж. К. Абдукаримова*НАО «Карагандинский университет имени академика Е. А. Букетова», Караганда, Казахстан***Дети Казахстана в годы Великой Отечественной войны: повседневные трудовые практики¹**

Аннотация. В статье исследуются вопросы трудовой детской повседневности в Казахской ССР в годы Великой Отечественной войны. Труд в годы войны стал неотъемлемой частью жизни детей в тыловых районах СССР. Вовлечение детей в труд, как домашний, так и общественный, в СССР было обычной практикой, но именно в годы войны это стало объективной необходимостью. На основе архивных данных изучены виды общественной работы пионеров и школьников по областям Казахской ССР и их реальный вклад в общее дело, а также роль пропаганды и агитации самоотверженного труда подрастающего поколения. **Ключевые слова:** труд, детство, Великая Отечественная война, сельскохозяйственный труд, пионеры, школьники, Казахская ССР.

Трудовое обучение детей — практика, характерная в целом для советского времени, и не только в годы войны. Но именно в эти непростые годы это стало чрезвычайно необходимой мерой для достижения общей цели — победы над врагом. К труду дети приобщались с ранних лет и в стенах дома, и за его пределами. У каждого советского ребенка был круг обязанностей, связанных с выполнением посильной работы по дому. К таким видам помощи относились: уход за младшими детьми, работа в огороде и уход за скотом (при его наличии), домашние дела, сбор колосьев, отоваривание карточек, включая стояние в очередях, и т. д. Объем и содержание работы зависели от возраста ребенка, причем с 12–14 лет подростки считались практически взрослыми. В школе или детском доме это были сельскохозяйственные работы, работы в подсобных хозяйствах. Во внешкольное время дети тоже были заняты трудом: помогали в сборе вещей и денег на нужды фронта, оказывали помощь пожилым гражданам, выполняли посильную периодическую работу на предприятиях, в госпиталях. К этому перечню можно добавить подготовку концертов, театральных постановок, выставок, плакатов и т. д., так как это тоже требовало определенного времени и трудовых затрат.

Воспоминания детей тыла красочно иллюстрируют трудовую повседневность в годы войны, дополняют материалы архивов и статистические данные. Обязанность трудиться, а в некоторых ситуациях даже необходимость, была неотъемлемой частью жизни детей тыла. В воспоминаниях детей как города, так и сельской местности находится место трудовым будням. Для кого-то это была общественная обязанность в школьные годы, для кого-то — помощь дома по хозяйству, а кто-то брал на свои хрупкие детские плечи обязанность содержать семью и заботиться о младших братьях и сестрах. Нехватка человеческих ресурсов в годы войны заставила государ-

ство пойти на такой отчаянный, на наш взгляд, шаг, как приравнивание подростков к взрослой рабочей силе. Подростки были вынуждены стать неотъемлемыми и значимыми участниками процесса промышленного производства в стране.

В отечественной историографии имеется ряд работ, посвященных событиям Великой Отечественной войны. Но тема тыловой детской повседневности пока еще является малоизученной. Казахстанскими исследователями поднимаются вопросы военной повседневности как в КазССР в целом, так и в отдельных городах, состоянию детского здравоохранения, беспризорности, безнадзорности, детской преступности и т. д. [1–4]. Исследование повседневной истории военного детства в отечественной науке становится одним из приоритетных направлений.

В европейской историографии освещаются вопросы, касающиеся детского труда в СССР. Зарубежная англоязычная историография детской трудовой повседневности в годы войны представляет государство в виде жестокого эксплуататора детского труда, не считающегося с их детством, а использующего их как маленьких взрослых, подчеркивая, что благодаря агитации и пропаганде маленькие граждане совершали военные и трудовые подвиги добровольно. К сожалению, авторами не учитывается тот факт, что дети и подростки на самом деле и без дополнительного внушения хотели помочь своей Родине [5–8].

Детской военной повседневности посвящен ряд диссертаций российских исследователей, которые на основе архивных данных, материалов интервью изучают тыловую детскую повседневность и процесс адаптации детского населения к новым военным реалиям [9–11].

Повседневная жизнь детей в тыловых районах СССР в годы войны имела свою специфику. Трудовая повседневность сибирских детей и подростков, находившихся в глубоком тылу, нашла отражение в работах российских авторов. В статье В. Н. Очировой дается анализ публикаций, в которых раскрывается тема детских будней в сибирском тылу, где труд был одним из ключевых составляющих повседневной жизни [12]. В воспоминаниях детей тыла чет-

¹ Статья подготовлена в рамках реализации конкурса на грантовое финансирование исследований молодых ученых по проекту «Жас галым» на 2022–2024 гг. ИРН АР14973000 «Советское детство в Казахстане в годы войны (1941–1945 гг.): история и повседневность»

ко прослеживается присутствие труда как части повседневной жизни, будь то сельскохозяйственные работы, домашние обязанности или трудовое обучение [13]. Основываясь на воспоминаниях ребенка войны, Д. А. Астафьев отмечает, что в основе жизни детей в военное лихолетье были семья, школа, труд, отношения с взрослыми и друзьями, досуг [14].

Исследование детской военной тыловой повседневности в российской историографической традиции является, на наш взгляд, приоритетным и активно развивающимся направлением, основанным на изучении и анализе архивных данных, а также на воспоминаниях очевидцев событий тех лет. Большинство исследований носит региональный характер, что позволяет исследователям полнее раскрыть изучаемую тему.

Одним из самых эффективных средств для всестороннего гармоничного развития личности считалось трудовое воспитание детей. Трудовое воспитание рассматривалось как «многогранная воспитательная и образовательная деятельность советской школы, направленная на всестороннее развитие личности ее выпускников, подготовку их к труду в народном хозяйстве, в тесной взаимосвязи с компонентами более широкой системы трудового становления подрастающих поколений: профессионально-технического образования и подготовки рабочих кадров на производстве» [15, с. 15]. А в годы войны это стало необходимой мерой в подготовке молодого поколения к взрослой жизни и возможности скорейшей замены ушедшего на войну старшего поколения.

Система трудового воспитания являлась подсистемой в учебно-воспитательной работе в школе. Стояла острая необходимость пополнять ряды рабочих и колхозников в стране. За лето 1941 г. многие школьники овладели сложными машинами (трактор, комбайн), заменяя призванных в армию специалистов. Например, в Восточном Казахстане в Зырянском районе девушки из 8–9-х классов на «отлично» и «хорошо» окончили курсы трактористов 2-й категории и по окончании курсов, работая на тракторах, систематически перевыполняли нормы. В Актюбинской области 229 школьников старших классов обучались на курсах трактористов [16, л. 7]. Детей, не важно, мальчиков или девочек, еще со школьной скамьи готовили к выбору будущей профессии, причем не теоретически, а активно внедряя и одновременно закрепляя их навыки, возможно, на будущих рабочих местах. С одной стороны, помощь школьников была на тот момент реально необходима колхозам, с другой стороны, подобная практика позволяла школьникам выбрать будущую профессию, и после окончания школы многим из них можно было не задумываться о том, как получить будущую специальность и зарабатывать на жизнь. А в годы войны, когда обучение в старших классах стало платным и в целом экономическая ситуация в стране была весьма сложной, трудоустройство после окончания основной школы и стабильный заработок значили для молодежи очень много.

Выполнение общенародной задачи «всё для фронта, всё для победы» для учителей и школьников Казахской ССР стало первостепенным. Помощь школьников в сельскохозяйственных работах, особенно в период сбора урожая, была неоценима. Осенью 1941 г. на сельскохозяйственных работах в республике было задействовано более 260 тыс. учеников и 12 тыс. педагогов. Из-за массового участия школьников в сборе урожая во многих областях КазССР занятия в школе начались только 20–25 сентября [17, с. 263]. В Актюбинской области школьники в колхозе им. К. Маркса скошили и заскирдовали 170 га сена. В Восточном Казахстане в Кировском районе 12 школьников за короткий срок провезли 12 тонн зерна [16, л. 7]. На уборке урожая в Кустанайской области работали 18 074 учащихся и 1992 учителя [16, л. 9]. Это лишь часть примеров самоотверженной работы учителей и школьников в 1941 г.

В 1942 г. было выработано 7 804 000 трудодней, в сельскохозяйственных работах приняли участие 242 400 учеников и 14717 учителей, тем самым заменив более 33 300 взрослых колхозников [18, л. 31]. Более тысячи трудодней заработали за короткое время в колхозах Кызыл-Ту и Жана-Талап учащиеся школ № 39 г. Алма-Ата. Первая бригада выработала 240 трудодней. Более двух норм дали на прополке пшеницы в колхозе «Новый мир» учащиеся школы № 37 Алма-Атинской области [19, л. 122].

Школьники не только работали на полях, но и помогали в уходе за скотом, в особенности за молодняком. В 1942 г. в Карагандинской области в Осакаровском районе Карагандинской области 250 пионеров и школьников шефствовали над молодняком, ухаживали, наводили порядок. Не было ни одного случая падежа молодняка [16, л. 7]. Две тысячи пионеров Кызыл-Ординской области шефствовали над 6685 головами молодняка. Пионеры колхоза Жана-Талап в Казалинском районе шефствовали над 28 телятами, 17 жеребятами, 9 верблюжатами и 462 ягнятами [18, л. 32]. Поскольку потеря молодняка в животноводстве являлась недопустимой и строго наказуемой, необходимо было тщательно ухаживать за ним. И эту весьма ответственную, но, тем не менее, посильную задачу доверяли учащимся, которые выполняли ее на совесть.

В 1943 и 1944 гг. 444 430 учащихся и 24 370 учителей выработали 15 110 832 трудодня. В 1943 г. в Кызыл-Ординской области в уборочной кампании приняли участие 5700 комсомольцев, студентов, школьников и молодежи города. Их силами было выполнено более 58% всех уборочных работ в области: 54 849 га зерновых и технических культур, в том числе 28 409 га ранних зерновых культур, 23 837 га поздних культур, 2603 га технических культур. 360 комсомольско-молодежных молотильных бригад обмолотили 11 012 центнеров зерна. 13 000 колхозных ребят произвели сбор колосьев на площади 26 118 га и собрали 8600 пудов хлеба, который был сдан в фонд Красной Армии. Всего учащимися области было выработано 705 000 трудодней, что со-

ставило 70 трудодней на каждого учащегося. В Алма-Атинской области в Карательском районе был выполнен план весенне-полевых работ, уборки урожая, район полностью рассчитался с хлебозаготовкой и перевыполнил план развития животноводства. В районе план хлебозаготовок был выполнен на 130%, план озимого сева — на 130%. Из них молодежью района было выполнено более 5% всех сельскохозяйственных работ. 1365 школьников приняли участие в сельскохозяйственных работах, заработав 83 094 трудодней, что составило 61 день на каждого учащегося [20, л. 63–65]. В колхозе имени Фрунзе Зеленовского района Западно-Казахстанской области в сборе колосьев участвовало 120 школьников, ими было собрано 75% от всех собранных колосьев колхоза [20, л. 73]. В 1945 г. в сельхоз работах приняли участие более 116 тыс. учеников, выработавших 332 446 трудодней. Всего за годы войны учителя и школьники выработали более 23 млн трудодней [21, л. 144].

Работа школьников и учителей, которые активно включались в сельскохозяйственные работы, заменяла труд тысяч колхозников. Из сельской местности в Красную Армию было призвано большое количество молодых мужчин, и поэтому в колхозах основная часть работы легла на плечи женщин, стариков и детей. И им, конечно, была необходима помощь, особенно в сезон сбора урожая.

В организации сельхозработ часто имелись сложности, связанные с финансированием. В протоколах заседаний пленума ЛКСМ КазССР часто поднимались вопросы бегства подростков с сельхозработ. Но бегство было следствием, а в числе причин чаще всего упоминались отсутствие должной организации проживания, питания, имелись случаи, когда не было ответственного лица и бытовым обустройством школьников фактически никто не занимался. Поэтому школьники совершали побег с места работы. Приведем примеры по некоторым областям Казахстана.

В 1942 г. по Алма-Атинской, Кустанайской, Гурьевской областям имели место случаи, когда дети выезжали в колхозы неподготовленными, без руководителей школьных отрядов и политруков. Комитеты комсомола с большим опозданием приступили к формированию школьных отрядов, подбору политруков и организаторов политико-массовой работы и не уделяли внимания бытовым условиям, организации труда школьников в колхозах [18, л. 31].

Из колхоза Талды-Арык в 1943 г. дезертировало 26 учеников школы № 52, из колхоза Екпенды — группа комсомольцев, учащихся школы № 54. Двум девушкам был объявлен строгий выговор с занесением в личное дело, после чего их вернули на работу в колхоз. Одна из беглянок была исключена из комсомола и привлечена к уголовной ответственности, поскольку потеряла комсомольский билет. Всего из г. Алма-Ата дезертировало не менее 50 учащихся, из них 20 комсомольцев. В Северо-Казахстанской области дезертировало 100 учащихся [22, л. 139]. Причи-

нами дезертирства руководство Наркомпроса назвало недостаточную организацию и слабое руководство на местах, не были созданы нормальные бытовые условия для учащихся, работающих на полях, — не было хлеба, имелись проблемы с жильем и т. д.

Школы республики перестраивали привычную работу на военный лад. Наряду с выполнением учебных планов и программ были широко развернуты другие виды и формы общественно-полезной и оборонно-массовой работы. Пионеры Казахской ССР за несколько месяцев 1942 г. собрали 3475 тонн металлолома. Летом и осенью в городах, лесах, степях республики собрали 25 тонн шиповника, 67 тонн плодов и ягод, 17,5 тонн грибов и т. д. За один воскресник, в которой приняло участие 60 тыс. пионеров, было собрано 978 тонн металлолома, посажено 13 тыс. саженцев. Пионеры Аральска разгрузили два морских судна и заработали 4350 руб. Пионеры Южно-Казахстанской области заготовили для госпиталей 266 кубометров дров. Пионеры Уральска собрали 902 тонны шиповника [18, л. 32].

Карагандинская школа № 8 вышла в лидеры во Всесоюзном социалистическом соревновании. Школьники Караганды, взявшие шефство над шахтами по угледобыче и культобслуживанию, за ноябрь—декабрь 1942 г. провели 595 бесед, 46 лекций, 83 концерта, 205 воскресников, было выпущено 130 номеров стенгазет, заведено 65 досок соцсоревнования, отгружено силами учащихся 2877 тонн угля с отчислением заработка на постройку танковой колонии — 275 690 руб. [23, л. 19–20]. Школьники участвовали в сборе теплых вещей для фронта, в создании фонда обороны страны и подготовке госпиталей.

В 1943 г. в Денгизском районе Гурьевской области силами школьников было собрано 160 тыс. руб. на строительство танковой колонны «Пионер» [24, л. 44]. Пионеры и школьники Турксиба собрали 107 тыс. руб., а на детской технической станции, где работали слесарно-механические, пошивочные и сапожные мастерские, пионеры своими силами отремонтировали для эвакуированных детей и детей фронтовиков 1500 пар обуви.

Педагоги и школьники республики приняли массовое участие в сборе средств в фонд обороны страны. На постройку танковой колонны «Колхозник Казахстана» они внесли более 4 млн руб., авиаэскадрильи «Пионер Казахстана» — 490 тыс. руб. В фонд обороны было собрано 14 млн 479 тыс. руб. Было собрано 52 тонны лекарственных трав, 1170 тонн металлолома. Юные патриоты отправляли посылки с кисетами, носовыми платками, варежками, носками, изготовленных собственноручно. В посылки клали письма: «Дорогой боец, бей фашистов на „отлично“. А я буду учиться тоже на „отлично“. У меня уже 3 похвальные грамоты. Вся наша семья 9 человек желает тебе скорее разбить фашистов», — писала пионерка, ученица 4-го класса г. Усть-Каменогорск Лида Пильгук [18, л. 33].

Таким образом, работа пионерских организаций по областям Казахстана была весьма масштабной и

разноплановой. Она включала в себя различные виды работ: это были и сбор денежных средств, и физическая работа, и организация досуга работникам промышленного сектора и т. д. Комсомольские организации, которые шефствовали над пионерами, активно занимались пропагандой трудовой помощи со стороны пионерских организаций. И надо отметить, что это имело значительные успехи.

Особое место в помощи семьям фронтовиков оказывали тимуровские команды. Команда тимуровцев из школы № 22 г. Семипалатинск (капитан Гена Левин) шефствовали над семьями фронтовиков, они ухаживали за малышами, читали письма с фронта, помогали по хозяйству. Тимуровцы железнодорожных школ Турксиба заготовили своими силами к зиме дрова и побелили 120 квартир [18, л. 32].

На страницах советских газет шла активная пропаганда детского труда. В республиканских и областных газетах имелось большое количество статей об успехах школьников на колхозных полях, о подвигах пионеров в сборе денежных средств, теплых вещей для фронта, тимуровских отрядах и их помощи семьям красноармейцев и т. д. Активная пропаганда такого рода прививала обществу в качестве нормы, на которую необходимо равняться, самоотверженный детский и подростковый труд. У тех пионерских организаций, школ или других детских или молодежных коллективов, про чьи успехи писали в газетах, это вызывало, безусловно, чувство гордости. А у тех, кто читал о подобных успехах, перед глазами был яркий пример и стимул.

В первые годы войны участились случаи уголовных преступлений среди несовершеннолетних (воровство, хулиганство, половая распущенность). Одной из официальных причин указывался недостаток воспитательной работы школ, пионерских и комсомольских организаций. Помимо этого, отмечалось, что органы милиции, юстиции, прокуратуры вели недостаточную борьбу с детской беспризорностью и безнадзорностью, не использовали всех административных и карательных мер для ликвидации преступных групп и предотвращения их появления. Но главной причиной детской преступности было тяжелое материальное положение в семье или детском доме и безнадзорность несовершеннолетних. В октябре 1941 г. выходит постановление бюро ЦК КП(б) «О воспитательной работе и борьбе с детской преступностью и безнадзорностью», согласно которому необходимо было обязать Наркомпрос и отделы народного образования добиться полного охвата детскими домами сирот, детей безнадзорных и детей красноармейцев, не могущих обеспечить надзор за детьми. Необходимо было охватить всех воспитанников детских домов школьным обучением, был сделан акцент на трудовом охвате в школе, воспитании трудом, необходимости добиться высокой успеваемости в учебе и производственной работе, обучить детей какой-либо специальности. Поскольку снабжение обучающихся мастерских при школах и

детских домах было неудовлетворительным, было принято решение поручить Госплану КазССР включить в план по снабжению обеспечение оборудованием и сырьем учебных мастерских. Одним из видов борьбы с беспризорностью и безнадзорностью было приобщение подростков к труду с помощью овладения какой-либо профессией. Помимо этого, следовало обязать наркоматы, наркомхозы и все промышленные предприятия обеспечить необходимые условия бывшим воспитанникам детских домов, работающим в их системе [21, л. 144].

Согласно постановлению Совета народных комиссаров СССР № 697 от 26.06.1943 «О трудовом устройстве подростков старше 14 лет – воспитанников детских домов, трудовых колоний НКВД СССР и детей, оставшихся без родителей», полагалось брать на работу детей старше 14 лет, направлять их в ремесленные, железнодорожные училища и школы ФЗО, а также на промышленные предприятия [29, л. 4, 13].

Согласно указу Президиума Верховного Совета СССР от 28 декабря 1940 г. «Об ответственности учащихся ремесленных, железнодорожных училищ и школ ФЗО за нарушение дисциплины и за самовольный уход из училища (школы)», подростки могли направляться в трудовые воспитательные колонии сроком на 1 год. В ряде основных причин, по которым подростки оставляли рабочие места и места учебы, были непосильный для их возраста, квалификации и физического состоянию труд, а также незнание того, что за самовольный уход полагались серьезные наказания. Нередки были случаи, когда ребята, не владеющие русским языком, просто не знали, что им грозила уголовная ответственность за отсутствие на рабочем месте [30, с. 222].

Контингент школ ФЗО, ЖДУ, РУ часто пополнялся за счет выпускников детских домов, которые по достижении ими 14-летнего возраста должны были покинуть стены детского учреждения, а также подростками, которые по ряду причин не продолжили обучение в школе. Дети из детских домов в годы войны были на особом счету в контексте трудового воспитания. И в период нахождения в детском доме, и после его окончания судьбы детей были в ведении государственных органов. Ранняя трудовая деятельность была привычной практикой. Например, в дни школьных каникул, когда многие дети отправлялись в санатории или пионерские лагеря, находились на организованных детских площадках, течение жизни детей из детских домов не сильно меняло свое русло. Они все так же работали на колхозных полях или в подсобных хозяйствах детских домов; единственным отличием от будней в дни каникул было введение усиленного питания [31, с. 71]. Это было необходимой мерой для воспитанников детских домов, так как, работая на своих подсобных участках или колхозных полях, они в определенной мере обеспечивали себя дополнительными продуктами питания, поставка которых часто была нестабильной, особенно в зимнее время.

Труд был неотъемлемой частью детской жизни. Дети сельской местности включались в трудовую повседневность очень рано: помогали старшим в уходе за скотом, работали в полях, топили печи, приносили воду и т. д. А с приходом войны, когда большая часть мужского населения ушла на фронт, на плечи женщин и детей ложилась и вся мужская тяжелая работа. Из воспоминаний Рикии Абдикеевой, уроженки села Егиндыбулак Каркаралинского района, 1926 г. р.: «Так как отца и братьев забрали на войну, мне приходилось не учиться, а работать в колхозе на полях, ведь фронту нужны были продукты. Летом пасли скот, зимой занимались искусственным задержанием снега на полях для увеличения запасов влаги в почве и для утепления зимующих растений. Также мы вязали теплые носки и варежки и отправляли их на фронт бойцам. Рядом со мной работали такие же дети, как и я. Нам в основном платили едой, давали муку, немного гороха, зерна. Денег не давали» [32]. Воспоминания Турсын Абеуовой, уроженки Шетского района Джезказганской области, 1935 г. р., также заполнены рассказами о войне и своих детских трудовых буднях: «Во время войны работала в поле, собирала урожай. Также пасла овец и коров. В то время со мной работали дети в возрасте 6–8 лет. Работали все без выходных, с утра до вечера. Зарплату не выдавали, вместо этого давали зерно. Свободного времени практически не было. Всегда находилась новая работа: собирала тезек, помогала по хозяйству, пасла овец, телят» [33].

Тяжелые условия труда или низкая его оплата не являлись причиной не работать у детей. Зарплата, выданная деньгами или продуктами, была больше бонусом, нежели целью работы. Дети, как и взрослые, трудились практически без выходных. Жительница г. Балхаш Евдокия Дьячкова (Яроменка) вспоминает: «Зарплата была мизерная, выдавалась деньгами, работали и днем, и ночью, дремали на самих грядках, выходных не было. Из досуга у детей помладше были игры с мячом и со скакалкой, а дети постарше ходили на танцы в парк» [34].

Трудно приходилось детям, проживавшим в сельской местности. Токен Сыздықов делится воспоминаниями о своем детстве: «Работы в ауле всегда много было: коров, овец пасли, сено грузили, с утра до вечера что-то делали, немного отдохнем и опять за работу. За водой ходили, печку топили. На колхозных полях работали, трудодни свои выполняли, не думали даже, что нам платить должны были. Раз в несколько месяцев выдавали нам 25–30 кг бидай (зерна), мы его дома в ручную перемалывали на дирмене (ручная мельница). Овец мы сами, дети, доили. Пряжу тоже умели делать, от каждой семьи нужно было теплые вещи на фронт отправлять — варежки, носки. Дом у нас маленький был — одна комната, там и жили несколько семей, все вместе чай пьем, едим с утра — и на работу. Летом на поле работаешь — жарко, спать хочется, а уйти нельзя. Транспорта у нас никакого не было, кро-

ме одной лошади. Мы сено заготовим в поле, а зимой уже на санях привозим домой. Женщины в основном работали, мужчин многих на фронт забрали, отец мой пожилой был, потому и остался в колхозе» [35]. По воспоминаниям Ракии Абдикеевой, жительницы села Егиндыбулак Каркаралинского района Карагандинской области: «Мужскую работу после того, как практически всех отцов и братьев забрали на фронт, стали выполнять женщины и дети. Прихоилось пасти скот, работать в колхозе на полях, учиться не приходилось, нужно было сдавать продукты для фронта» [32].

Работали дети не только на полях и по домашнему хозяйству, но и на производстве. Ахметова Зубайра вспоминая свою семью в годы войны рассказывает: «Старшая дочь моей бабушки, Багиля, в возрасте 14 лет работала в шахте № 1, она носила шахтерам лампы, бабушка ее рано будили в 4 утра, а Багиля плакала и не хотела вставать» [36]. Анна Корнеевна Загоруйко (Матвеевко), вспоминая 1943 г., рассказывает: «Меня направили работать на швейную фабрику, которая шила обмундирование для солдат нашей армии, шила гимнастерки, рубашки, галифе. Норма тогда была пять гимнастерок в день. Работать приходилось в тяжелых условиях и допоздна. В цехе зимой было холодно, а летом душно, шумно от работающих машин. В случае невыполнения нормы продуктовые карточки не выдавались. Рабочий день длился 12 часов. Перерыв был всего полчаса, его отводили на обед и другие нужды. Были случаи, когда я ночевала прямо на фабрике, чтобы с утра сразу встать на рабочее место. Трудно было каждый день ходить пешком на работу. После смены возвращалась домой в темноте» [37].

Дети войны не требовали к себе особого отношения только потому, что они трудились наравне с взрослыми, несли равную ответственность за сделанное и несделанное. Конечно, детскость в детях иногда брала верх, они забывали какие-то обязанности, хотели играть вместо помощи по дому или исполнения других обязанностей, но все же дети военных лет, которые очень быстро повзрослели за первые месяцы войны, понимали, что они должны, обязаны вносить посильный вклад в дело спасения Родины.

Труд являлся неотъемлемой частью жизни советского человека, и дети не были исключением. Труд не воспринимался как нечто зазорное, люди стремились хоть как-то помочь и работали во благо своей Родины. В том, что дети приносили пользу обществу своим трудом, заслуга в первую очередь воспитания и пропаганды, а также коллективной ответственности и страха общественного порицания и уголовного наказания. Безусловно, были случаи, когда подростки нарушали трудовую дисциплину, в силу своего возраста не понимая всей ответственности и того, что за этим последует вполне реальное наказание. Причинами являлись также хроническая усталость, скудное питание и, самое главное, тяжелые условия работы и низкий заработок.

Zh. K. Abdurkarimova

Children of Kazakhstan during the Great Patriotic War: everyday labor practices

The article explores the issues of labor children's everyday life in the Kazakh SSR during the Great Patriotic War. Labor during the war years became an integral part of children's life in the rear areas of the USSR. Children's involvement in labor, both

domestic and public, was a common practice in the USSR, but during the war years it became an objective necessity. Based on archival data, the authors study the types of pioneers' social work and schoolchildren in the regions of the Kazakh SSR and their real contribution to the common cause, the role of propaganda and agitation of selfless labor of the younger generation. **Keywords:** labor, childhood, the Great Patriotic War, agricultural work, pioneers, schoolchildren, Kazakh SSR.

Источники и литература

1. Сарсенбаева С. С., Аликеева Г. М., Шахиева А. М. и др. Страницы истории охраны материнства и детства в Казахстане в годы Великой Отечественной войны // Вестник КазНМУ. 2015. № 4. С. 713–715.
2. Сактаганова З. Г., Абдрахманова К. К. Повседневная жизнь Казахстана в годы Великой Отечественной войны // Вестник Омского университета. 2019. № 4(24). С. 93–100.
3. Жаркынбаева Р. С., Дулина Н. В., Ануфриева Е. В. Военная повседневность в городах тыла в 1941–1945 гг. (на примере г. Алма-Ата) // Вестник Волгоградского государственного университета. 2020. Т. 25, № 1. С. 97–108.
4. Saktaganova Z., Abdurkarimova Zh. Soviet childhood: homelessness and neglect of children in Central Kazakhstan during the Great Patriotic War (1941–1945) // Вестник Карагандинского университета. 2021. № 4 (104). С. 103–112.
5. Kucherenko Olga. State v. Danila Kuz'mich: Soviet Desertion Laws and Industrial Child Labor during World War II. Russian Review. 2012. Vol. 71, № 3. P. 391–412.
6. deGraffenried J. K. Sacrificing childhood: children and the Soviet State in the Great Patriotic War. Lawrence: University Press of Kansas, 2014. 248 p.
7. Frierson C. A. Silence Was Salvation: Child Survivors of Stalin's Terror and World War II in the Soviet Union. New Haven: Yale University Press, 2015. 267 p.
8. Уайт Э. Современная история российского детства: от позднего имперского периода до распада Советского Союза: пер. с англ. Лондон: Блумсбери, 2020. 224 с.
9. Дунбинская Т. И. Социальная адаптация детей на территории Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны: анализ исторического опыта: дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2004. 249 с.
10. Ромашова М. В. Советское детство в 1945–1950-х гг.: государственные проекты и провинциальные практики (по материалам Молотовской области): дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 2006. 211 с.
11. Коренюк В. М. Повседневная жизнь детей военного и послевоенного времени (по материалам Молотовской области): дис. ... канд. ист. наук: Пермь, 2017. 295 с.
12. Очирова В. Н. Отечественные историки о военном детстве сибиряков // СибСкрипт. 2018. № 4 (76). С. 58–64.
13. Чуркин М. К., Умнов Е. Е. Воспоминания как этотекст: детская тыловая повседневность сибирской провинции в годы Великой Отечественной войны // Вестн. Том. гос. ун-та. История. 2020. № 65. С. 69–74.
14. Астафьев Д. А. Детская тыловая повседневность в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (по воспоминаниям З. М. Астафьевой) // История повседневности. 2022. № 3 (23). С. 189–201.
15. Хиторян М. Г. Трудовое воспитание и политехническое образование в советской школе и педагогике (30–50-е годы): автореф. дис. ... д-ра пед. наук: М., 1976. 40 с.
16. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ) Ф. М. 1. Ф. 12. Д. 24.
17. Женщины Казахстана в годы Великой Отечественной войны: воспоминания и интервью: сб. материалов / под ред. З. Г. Сактаганова. Караганда, 2020. 400 с.
18. РГАСПИ. Ф. М. 1. Ф. 12. Д. 45.
19. РГАСПИ. Ф. М. 1. Ф. 12. Д. 27.
20. РГАСПИ. Ф. М. 1. Ф. 12. Д. 37.
21. Архив Президента Республики Казахстан. Ф. 708. Оп. 5/1. Д. 688.
22. РГАСПИ. Ф. М. 1. Ф. 12. Д. 27.
23. Центральный государственный архив научно-технической документации Республики Казахстан. Ф. 73. Оп. 1–6. Д. 6а.
24. РГАСПИ. Ф. М. 1. Ф. 12. Д. 31.
25. Пионеры на трудовом фронте // Правда. 1941, 6 июля.
26. Пионерскую работу — на военную ногу // Казахстанская правда. 1941, 25 июля.
27. Восемь вагонов теплых вещей // Казахстанская правда. 1941. 26 июля.
28. Школьники, выходите на колхозные поля // Социалистическая Караганда. 1942, 4 июня.
29. ЦГА РК. Ф. 1692. Оп. 1. Д. 756. Л. 4–13.
30. Сактаганова З. Г., Абдукаримова Ж. К. Трудовые воспитательные колонии как мера борьбы с детской беспризорностью и безнадзорностью в 1943–1945 гг. (на примере Шокайской трудовой воспитательной колонии) // Вестник КарУ. 2023. № 2 (110). С. 219–230.
31. Сактаганова З. Г., Абдукаримова Ж. К. Повседневность детей Карагандинской области в годы Великой Отечественной войны: оздоровительные кампании в период летних и зимних каникул // Вестник Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева. 2021. № 2 (135). С. 63–78.
32. Утебаева А. Д., Шагманова Л. Абдикеева Р. С.: интервью: стенография. Караганда, 2018.
33. Утебаева А. Д., Абеуова Т.: интервью: стенография. Караганда, 2018.
34. Мухатаева Г. А., Дьячкова (Яроменка) Е. П.: интервью: стенография. Балхаш, 2018.
35. Абдукаримова Ж. К., Сыздыков Т.: интервью: стенография. Караганда, 2022.
36. Абдрахманова К. К., Ахметова З.: интервью: стенография. Караганда, 2018.
37. Елеуханова С. В., Загойруйко (Матвеевко) А.: интервью: стенография. Алматы, 2018.

DOI 10.37386/2687-0592-2024-12-204-212

УДК 94(574)

3. Г. Сактаганова

Карагандинский исследовательский университет им. Е. А. Букетова, г. Караганда, Республика Казахстан

Фрагменты женской повседневности на фронтах Великой Отечественной войны (по материалам комиссии И. И. Минца)

Аннотация. В статье на архивных материалах Комиссии по истории Великой Отечественной войны И. И. Минца представлена фронтовая женская повседневность. Используются стенограммы бесед с Е. Доспановой, А. Скрипочкиной и Н. Лобковской из фондов Научного архива Института российской истории РАН. Анализ текстов стенограмм позволяет выявить некоторые из проблемных моментов военной женской повседневности. На материалах бесед в статье представлены такие составляющие военной повседневности, как проявление партиотизма, жертвенности. В текстах отслеживаются и негативные факты, с которыми сталкивались женщины на фронте: мужской шовинизм, эмоциональные проблемы и проявления слабости, злости и ненависти в женской среде, конкуренция среди девушек, чрезвычайные происшествия, факты сексуального насилия. Интерес вызвала оценка девушками и их отношение к проблемам с обмундированием, военным бытом. Особенностью данных интервью-бесед стало то, что их собрали еще в военном апреле 1945 г. **Ключевые слова:** Великая Отечественная война, женщины-фронтовики, женская фронтовая повседневность, героизм женщин, мужской шовинизм на фронте, сексуальное насилие.

В январе 1942 г. при Академии наук СССР была создана Комиссия по истории Великой Отечественной войны (чаще упоминаемая как комиссия Минца). Материалы Комиссии хранятся в Научном архиве Института Российской истории Российской Академии наук (НА ИРИ РАН). В данной статье задействованы стенограммы бесед из НА ИРИ РАН (материалы Комиссии по истории Великой Отечественной войны из фонда 2 с девушками-фронтовиками. Это документы, касающиеся участия казахстанских женщин в военных сражениях, – стенограммы интервью, взятые у женщин-фронтовиков. Несмотря на уникальность материалов, собранных Комиссией И. И. Минца, исследований основанных на этих документах, не так много. В казахстанской историографии публикаций, основанных, на материалах Комиссии по истории Великой Отечественной войны из НА ИРИ РАН, немного. В рамках реализации проекта «Великая Отечественная война и женщины Казахстана: женские истории и повседневность» (грант МОН РК AP5131992 на 2018–2020 гг.) нам удалось поработать в данном архиве с материалами Комиссии об участии казахстанцев в войне, в частности, в данной статье нами задействовали материалы стенограммам бесед с девушками (интервью проведены в военные годы): летчицей Хиуаз Доспановой (в стенограмме она записана как Екатерина), снайперами Александрой Скрипочкиной и Ниной Лобковской.

Дадим краткую характеристику девушкам-фронтовикам из материалов Комиссии.

1. Доспанова Екатерина (Хиуаз), летчик-бомбардировщик, гвардии лейтенант, после ранения назначена начальником связи 46-го гвардейского авиационного бомбардировочного ночного ордена Красного знамени, ордена Суворова Таманского полка 325-й авиационной дивизии 4-й воздушной армии. Служила на 2-м Белорусском фронте. 1922 г. р., казашка. Член ВКП(б) с 1943 г. Награды: орден Отече-

ственной войны 2-й степени; орден Красной звезды; медаль «За оборону Кавказа». Беседа состоялась в апреле 1945 г. [1, л. 1].

2. Скрипочкина Александра Сергеевна, гвардии сержант, снайпер, член партии с 1942 г. Родилась в 1918 г. в городе Алма-Аты; родители – служащие. Награждена медалью «За боевые заслуги», орденом Отечественной войны 2-й степени. Беседа проведена в январе 1944 г. [2, л. 3].

3. Лобковская Нина Алексеевна, гвардии ефрейтор, снайпер ударной армии Прибалтийского фронта, командир армейской роты снайперов-девушек, русская, родилась в 1924 г. в селе Федоровка Карагандинской области в семье служащих. Награды: орден Красного Знамени, медаль «За отвагу». Стенограммы трех бесед были записаны 15 марта 1944 и 4, 5 октября 1945 г. [3, л. 1].

Приведенные фрагменты в формате «живого общения» с героинями беседы позволяют прочувствовать эпоху. Причем эти беседы не были строго ограничены рамками анкеты, поэтому девушки могли высказать свою точку зрения по каким-то вопросам, сказать или же вскользь затронуть те или иные аспекты повседневности (достаточно щекотливые с точки зрения господствующей идеологии или табуирования данных тем для молодой советской девушки-коммуниста), с которыми им пришлось столкнуться и которые не могли быть обозначены в советское время в открытой печати.

Детальное чтение и анализ этих текстов позволяет выявить некоторые из проблемных моментов в военной женской повседневности. В целом для содержания всех стенограмм бесед с девушками характерен высочайший патриотический подъем, идеологически выверенная идейная направленность и целеустремленность, типичная для советского человека оценка непростой ситуации в эти военные годы, жертвенность и готовность к преодолению трудно-

стей, подвигу во имя страны, Сталина, вера в победу, отсутствие пессимистических или негативных настроений. Но отслеживаются порой в них и нетипичное для советского времени озвучивание проблем, трудностей, фактов проявления мужского шовинизма и насилия над девушками и др. (главное и, пожалуй, удивительное – это фиксация и сохранение данных моментов в стенограмме военных лет). Публикация такого рода материалов в советских исследованиях была невозможной, поэтому сохранение этих стенограмм без купюр, без цензуры – очень важный момент сбережения цельности исторической памяти, военной действительности без прикрас и купюр.

Партиотизм, жертвенность, ежедневный подвиг на фронте

Х. Доспанова: «Враг подходил к Москве. В ЦК комсомола узнали, что проводят набор девушек в армию. Я и еще несколько девушек едем в ЦК, а там девушек видимо-невидимо. Все такие восторженные, воинственные. Я твердо ответила, что решила идти на фронт. Куда, кем на фронт – ничего не знала, знала лишь, что Раскова формирует. Мы думали, что нас оставят охранять аэродромы. Разбили всех на три группы: летная, штурманская, вооруженная.

В штурманской группе были одни студентки, занимались прекрасно. Штурманскую группу называли „профессорами“, „аристократией“. Было обидно и лестно. Летчики, механики были на аэродроме, а мы занимались теорией. Нам устроили подъем в 6 часов утра, мы попросили, чтобы в 5.30, чтобы 30 минут позаниматься азбукой Морзе – морзянкой. В то время в голове была одна лишь учеба и одно желание – скорей бы на фронт. Училась я в штурманской группе, летала с летчиком Белкиной на тренировочных полетах и была бесконечно счастлива. Учили мы все прилежно, хорошо. Раскова не раз подчеркивала, что мы несем честь советской женщины. Она говорила: „Девушки войны, ваша честь – честь советской женщины, вы понесете ее в Европу, не оскандальтесь“. Мы все время вспоминали ее слова.

В мае 1942 г. я первый раз пошла на боевое задание. Казалось, что непременно погибну. Обстреляли нас, но были бесконечно рады: получили боевое крещение. А потом пошло все нормально. На 45-м вылете с нашим самолетом произошла авария – при взлете самолет врезался в столб. У меня был перелом голеностопного сустава. 5 месяцев пролежала в госпитале, а потом стала летать с летчиком Юлией Пашковой. Чудная девушка, с огоньком.

Когда я почти совсем поправилась, Галя Докучаевич рассказала мне о гибели девушек. После поправки я настояла пойти опять в полк и летать. Должна отомстить за погибших девушек, чувство долга перед погибшими девушками заставляло меня летать. Из кабины я не вылазила, сделаешь 5–6 вылетов, не выходя из самолета, потому что было больно ногам, в кабину подсаживали. После катастрофы я сделала еще 100 вылетов. В полетах после катастрофы я совершенно не обращала внимания на зенитный огонь, а обращала лишь внимание на самолеты в воздухе,

поэтому со мной было трудно летать. Да и мне самой было очень трудно, болели ноги. Меня назначили начальником связи полка. Здесь я стала уделять много внимания партийно-комсомольской работе.

Девушки очень дорожат честью полка, ради полка готовы на любые жертвы. У нас всегда чисто. Не делаем различия дома ли, на фронте ли. Мы любим музыку, книги, труд, любим жизнь, за свое счастливое будущее и своих детей летали без усталости на боевые дела, хоронили друзей и вновь бомбили, пока не разбомбили вконец» [1, л. 1–3].

А. Скрипочкина: «В начале войны я подавала заявление в армию, но меня не взяли. Зимой 1942 г. вызвали в военкомат и направили в Москву в школу снайперов. Сначала здесь были 4-месячные курсы, потом прибавили еще 2 месяца, и образовалась школа.

...Чтобы дать возможность нам получить боевой практический опыт, было приказано на время укрепить нас к снайперам-мужчинам. Старые снайпера помогали нам в открытии счета. Они болели за нашу работу, им хотелось, чтобы каждый прикреплённый к ним снайпер открыл счет. Они показывали те участки, где больше всего появляется немцев, где расположены их огневые точки. Снайпер говорит: „Стреляй“. А я не могу. Даже дрожь в ногах появилась. Все же выстрелила и, видимо, попала. Немец выпрямился, затем упал на бок. Его было хорошо видно. Мы наблюдали около часа, немец лежал без движения. Никто к нему не подходил. Таким образом, я первая из 40 девушек открыла счет.

Вопрос: Как действовали девушки на фронте?

Мы старались вплоть до того, что всех немцев уничтожали. Зачем ему жить, раз можно его убить. Но там, где мы были, немцев почти не было, а были власовцы. Они дерутся до последнего. Немцы сдаются в плен, а они нет. Потери были большие, но среди девушек не было. Нам приходили перевязывать, вытаскивать раненых с поля боя.

Орден я получила за следующую операцию. 7, 8 и 9 ноября мы заняли несколько деревень. Подошли к деревне Пугачиха. Я была в 7-й стрелковой роте. Когда наше подразделение пошло на деревню, помощник командира по политчасти сказал нам, чтобы не ходили. Затем, видя, что он отвернулся, мы побежали за бойцами. Противник открыл пулеметный огонь. Половину деревни заняли наши, а в другой половине были немцы. На одной окраине деревни наши стреляют, на другой – немцы. Я залегла около копны сена и начала вести огонь. Я подавила пулеметный расчет противника, но у меня вышли патроны, а бойцы не подают. Я пошла собирать патроны. Ко мне подошла моя снайперская пара и говорит, что раненых много, а перевязывать раненых и всех стаскала в крайний дом. В доме был большой ящик, оставленный немцами. Я полезла в ящик, и там оказались медикаменты, перевязочные материалы, немецкие бинты, вата. Мы начали перевязывать.

В роте я осталась одна. Уничтожила 16 фрицев. Под утро командир роты мне говорит: пойдите, часок-два отдохните, день предстоит тяжелый. Придется работать, может быть, одной. Я доползла до ячейки, но винтовку оставила в общей траншее. Оттуда кричу командиру роты, что нужна винтовка и плащ-палатка. Связной принес плащ-палатку, а винтовку не принес. Хорошо, что кто-то оставил ППШ. Связной едва успел мне передать плащ-платку, как был ранен и умер. Я взяла его ППШ. После артналета приполз связной и притащил мою винтовку. Смотрю, к немцам с тыла подошла автомашина с винтовкой. Один из немцев командует около автомашины. Я убила офицера, остальные спрятались, за автомашину. Но себя я выдала, и автоматическая пушка открыла огонь по моей точке. Они столько били, что весь бугорок сравняло. Было очень страшно, так как я была одна. Так пролежала целый день. За это наступление и я получила орден Отечественной Войны 2-й степени.

Вопрос: Какую характеристику можно дать девушкам?

Общая характеристика хорошая. Девушки-комсорги работают замечательно. Занимались изучением приказа товарища Сталина, изучением работы парторга на фронте, проводят учебу с бойцами, чтобы они знали оружие, доводят до каждого бойца приказы» [2, л. 3–7].

Н. Лобковская: «Мы были на Птахинской высоте, где были сильные бои, и где противник сделал 35 контратак, только тяжелых снарядов оставил больше 350 и больше 400 трупов. Противник уже стих к нашему приезду на сопках напротив. Мы даже видели траншеи его в зигзагах. На следующий день, когда один фриц пробегал из траншеи в траншею, я его уничтожила. Он не особенно трудно мне достался, и поэтому подробностей я не запомнила. Но это был первый уничтоженный мною фриц, записанный в моей снайперской книжке.

Дня через три эта позиция меня уже не удовлетворяла. Метров 30 от нас стоял подбитый немецкий танк, и я решила сходить за передний край к этому танку. А нам туда не разрешали ходить, так как везде были мины. Я все же пробралась к подбитому танку. Я залезла в нижний люк, там все разрушено, много пробоин. Посидела, смотрю, рядом с сиденьем пробоина и видна вся оборона, как на ладошке. Я решила, что обязательно здесь буду, ориентировочно все посмотрела, где поставлю винтовку. Пробралась опять туда с винтовкой и шинелью. А сижу я на высоте, да еще на танке, мне сверху все хорошо видно. Летом и у нас, и у немцев мало народу, движение не наблюдается, особенно днем. Я наблюдала, а потом подумала: не заброшенная ли эта траншея. Вдруг часов через 12 появляется фриц. Я – раз! – и хлопнула его. А за мной никто не наблюдает. Поднялась там суматоха в траншеях. А когда он нагнулся, мне уже не видно фрица. Наверное, его стащили. Через некоторое время смотрю – куст ползет. А кругом тихо, безветренно, каждый кустик заметен. И я

вижу, что куст шевелится. Видимо, связист. За куст держится, тянет кабель и опять движется. Там было недалеко, метров 400. Ну, думаю, возьму-ка тебя сейчас в оптику. Он не всегда равномерно подвигал куст. Тут я увидела и контур каски. Стала караулить его. Когда он загибал в мою сторону, я увидела его лицо. Тут как раз у него было какое-то препятствие, он его перелезал, а я – бац! – и убила его в это время. Мы обыкновенно ведем огонь пристрелочными пулями, и в этот момент меня обнаружили. Слышу разрыв снаряда – недолет. Попал не в танк. А там каждое местечко было пристреляно и наблюдалось. Меня обнаружили и пошли садить по танку. Второй недолет. А потом как загудел весь танк. Я напряглась, растерялась, скорей винтовку схватила и голову под сиденье. Думала, что, если голову спрячешь, так все в порядке. Пять мин он пустил в меня: одну в башню, одну в лоб и третью в гусеницы попал. Мне ничего не сделалось. А между нами было всего 15 метров. Тут я быстро вылезла, подхватила винтовку и пробежала во весь рост по этому месту благополучно. Черных мне заверил двух фрицев, но командир роты меня ругал за то, что я вышла без разрешения, и назначил мне пять суток строгого ареста. А для этого надо было самой выкопать яму в три метра глубины и три метра ширины и в ней сидеть. Ну, конечно, меня потом простили за двух фрицев.

Учеба в школе нам много дала, вполне достаточно для фронта. А фронт нам дал боевую закалку. Во-первых, мы не стали бояться снарядов и зря не ложились. Во-вторых, мы научились распознавать тактику противника, его режим дня. И, в-третьих, научились выбирать места. Всего мной убито 52 фрица с августа 1943 г. и по январь 1944 г.

Перед нашим отъездом были сильные бои за переправу. Числа 17 декабря в районе Демешкино, Орехов ручей, Прудино и Гатчино особенно, шли большие бои. 21-я дивизия участвовала на прорывах сильной обороны. Немецкий корректировщик – «костыль» – разнюхал нашу переправу, и через некоторое время началась бомбежка. Три раза в сутки бомбили. Потери мы несли там жуткие. И противник здесь как раз и прорвался. В первый день он произвел пять контратак. Мы отбили. За этот день мы еще заняли вторую линию обороны. Силы у нас были, а потом подошел еще учебный батальон. В 6 часов утра начался сильный бой. В этот день мы отбили 13 контратак силами 6 девушек и 15 бойцов. Правда, артиллерия нам помогла, и был хороший подвоз боеприпасов. В боях мы работали и за медсестер, и за связистов. Там сняли корректировщика с дерева, там наблюдателя, а во время контрнаступления мы снимали их командиров. Вот за это многие из нас получили ордена и другие награды в благодарность от командующего армией» [3, л. 1–12].

Мужской шовинизм на фронте

Некоторые из интервьюируемых девушек говорили о том, что на фронте первоначально они столкнулись с мужским шовинизмом по отношению к себе: девушкам пришлось доказывать свою «пол-

ноценность» на фронте. Недоверие, насмешки, иногда неприкрытое пренебрежение после первых учений или сражений сменились на признание мужчинами равенства женщин в военном деле, а иногда и предпочтение командиров из-за исполнительности и точности в выполнении приказов. Исследователь Е. Сенявская, изучая опыт всех войн в XX веке, подчеркивает, что другая сторона феномена участия женщин в войне — «неоднозначное отношение военного мужского большинства, да и общественного мнения в целом к присутствию женщины в боевой обстановке, в армии вообще» [4, с. 150]. Безусловно, что с этим замечанием следует согласиться.

Х. Доспанова: «Нас повезли в Энгельс учиться. В Энгельсе жили под славой Расковой, а то мужчины заклевали бы. Особенности нашего полка — типично женская среда, мужского духа не было в полку. Настроены мы были так, что должны выполнить большую миссию. Все бывало: и слезы, и обиды, и общая радость от успеха полка» [1, л. 3].

А. Скрипочкина: «Когда приехали в 1-й батальон 153 полка, мы построились и прошли боевым шагом. Встретил комбат с большим недовольством. Лица у всех были смущенные, прибыли 50 девушек в полном снаряжении, смогут ли они работать, могут ли вообще стрелять эти девушки-снайперы? Устроили нам вроде вторых инспекторских испытаний. Стреляли на 1000, 800 и 700 метров. Стрельба, которая производилась на дистанции, на которые мы в школе не стреляли, дала хорошие результаты: 1 или 2 — „посредственно“, остальные — „хорошо“ или „отлично“. Мнение о нас после стрельбы изменилось. Мы в школе получили хорошую подготовку: нас учили не только снайперскому делу, но мы изучали все виды оружия, так как приходится действовать не только из снайперской винтовки, но и из автомата и пулемета. После разведки командир полка нас выстроил и благодарил снайперов за хорошую поддержку.

После этого мы поехали на армейский слет. Собрались все командиры 3-й ударной армии, генералы всех дивизий. Мы — женский армейский взвод снайперов — занял первое место. Была дуэльная стрельба, когда выходит мужчина и девушка и стреляют на 500 метров из пулемета. Девушки победили. 11-е упражнение все девушки выполнили, а мужчины не выполнили.

Затем был организован парад. Специально привезли офицерские курсы, которые прошли строевым шагом. Потом их выстроили, сказали: смотрите, как девушки пройдут. Мы, 49 девушек, прошли строевым шагом и заняли первое место» [2, л. 3–4].

Н. Лобковская (15 марта 1944 г.): «Высадились в Великих Луках и долго не могли найти себе пристанища, где бы отдохнуть — все здания были разрушены. В конце концов нас привели в какой-то дом, мы переночевали, и утром после завтрака за нами пришли три машины из запасного полка. Из всех землянок бегут, на нас смотрят. На пути встретили полковника Чекалькова. Он отнесся к нам скептически: „Посмотрим, как они у вас стреляют“. А майор Ники-

форова нам говорит: „Ну, девушки, покажем класс стрельбы“. На второй день — пристрелка оружия. До этого мы никогда не стреляли на большие расстояния. Сначала дали нам упражнение от 300 до 600 метров. Мы выполнили. Потом контрольные стрельбы до тысячи метров. Выполнили и это хорошо. Полковник Чекальков был доволен. Были там и представители из штаба армии. Командир полка докладывал о нашей стрельбе, боевой подготовке, дисциплине и прочее. И командующий армией решил вручить нам снайперскую книжку лично» [3, л. 2–3].

Н. Лобковская (4 октября 1945 г.): «Потом нас присоединили к мужскому эшелону, ну тут не обходилось без небольших скандалов, споров... Вдруг встречается машина, в которой сидел командир полка и начальник штаба полка. Вид у командира был далеко не приветливый и даже пренебрежительный, что нас очень огорчило. Майор Никифорова стала говорить, что вот это девушки-снайпера. Видимо, она говорила, как мы стреляем, он сказал: „Ну, мы посмотрим, мы своих снайперов готовим“. Приехали в расположение 153-го полка. Встретили нас, как нам показалось, не приветливо. Когда нас выстроили, все были поражены нашей дисциплине, мы хорошо равнялись, а как песни затянули, со всего лагеря сбежались и только слышалось: ого, бабы приехали! Пouchиться можно! Вот идет так идет!

На следующий день нам устроили стрельбы. Сразу хотели дать экзаменационную стрельбу, но майор Никифорова добилась, чтобы нам разрешили пристрелять оружие. И вот на следующий день пошли пристреливать винтовки. Одни были хорошие, а другие в дороге развинтились, и приходилось их долгое время приводить к нормальному бою.

На следующий день мы выполняем упражнение, не помню, не то на 300, не то на 400 метров. Упражнение выполнили прекрасно. На третий или четвертый день нам дают упражнение, которое мы в школе не выполняли, стрельбу на 600–800 метров... Все напряжены, волнуемся, чем же это закончится. Мы чувствовали, с каким недоверием к нам относились, и нам хотелось доказать свое могущество, оправдать себя, и мы дрались за свою правоту. Первый день все выполняем на 5 и на 4. Командование наше очень потрясено такими успехами, они никогда не получали таких высоких показателей от своих снайперов, и мы были в зените радости: бегали, целовали друг друга, а вечером потребовали танцы. Мы находились на довольно приличном расстоянии от фронта [5, л. 1–2].

Приехали мы в гвардейскую 21-ю дивизию. Встретили нас очень тепло. Встречал начальник политотдела дивизии полковник Толстопятенко. Тут были беседы и в отношении медицины, и в отношении политики. Комсорг полка нас привез, доложил командиру полка, познакомились с ним. Встретил он нас тоже очень хорошо, такое теплое, искреннее к нам отношение проявил. Все на нас смотрели с удивлением, как на диковину, высыпали из землянок. В полку нас опять разделили на три группы.

Там нас называли „коробочками“ и „танкетками“, как только не называли.

Когда у нас был армейский слет 24 августа 1943 года, мы были в 21 дивизии на стажировке. Собрали лучших снайперов всей армии, и нас попросили туда. Приехали мы. Были представители из армии от всех дивизий. Стреляли мы замечательно. Я помню, стреляла с одним из лучших снайперов 357-й дивизии. Выстроили его и меня. Мы должны были охотиться друг за другом. Генералов было непочатый край. Мы привыкли к этому и не терялись при них. Нам объяснили задачу, выбрали место, и кто быстрее поразит противника. Я выбрала место. Вдруг появляется мишень. Я с первой пули его поразила, а он меня со второй и третьей. А он имел 250 уничтоженных фрицев, а я в то время только 10 или 11. Генерал-майор Карапатьян из 357 дивизии говорит: не может этого быть. Перестрелять! Нас опять на рубежи, и все снова. Я прихожу, занимаю опять место, и начинается стрельба. Только появилась мишень, я — снимаю опять. Нас берут с рубежей. Подходит генерал-майор ко мне: „Ну, курноска, обстреляла моего лучшего снайпера“. Я покраснела. А тут народу! Все хлопают. Так торжественно: музыка, фотографируют нас всех. Потом, когда пришлось быть в 357 дивизии, мы пришли туда всем взводом, Генерал-майор спрашивает: „А кто у вас обстрелял моего снайпера?“ Я поднимаю руку, и он меня представляет всему штабу дивизии: „Вот эта курноска, маленькая такая, с винтовкой за плечом, обстреляла моего лучшего снайпера“. Все смеялись [3, л. 6].

И другие девушки имели хорошие результаты и, когда подвели итог, девушки-снайперы заняли первое место. Саша Шляхова, помню, выступала. Нас поздравляли с хорошими результатами. У командования после этого появились особенное уважение, они увидели, что люди подготовлены. После этого ни одна наша просьба не оставалась не удовлетворенной [5, л. 4].

Одна наша девушка, Галя Кочеткова, тоже проявила героизм и подняла в контратаку. В эту же ночь она погибла от прямого попадания в землянку. Вообще все наши девушки проявили большую стойкость, а бойцам было стыдно, что девушки остаются в траншеях и ведут огонь, а они бегут.

В больших походах бывает тяжело, но девушки у нас гордые и от мужчин не отстают. Даже если заболели, не просят их подвезти. Бывает, что и ногу раздерешь, и промочишь ноги, и на сырой земле лежишь — и все ничего» [3, л. 5–6].

Эмоциональные проблемы и проявления слабости, злости, ненависти

В стенограммах бесед иногда нарушены стереотипы поведения и оценок: девушки говорят о своих проблемах, о страхах, отклоняются от заведомо «правильных» оценок, идейной направленности, советских идеологических штампов о героизме. Именно тогда становится понятно, что они — обычные люди, с такими ж, как у всех девушек, эмоциональными реакциями, и они тоже теряли веру и надежду, стал-

кивались с негативными проявлениями и реагировали на них не всегда так, как это нужно командованию, когда они вели себя не так, как положено по уставу, а как получалось по ситуации. Они рассказывали о событиях, где проявляли слабость, злость, ненависть, что неизбежно во время войны.

Х. Доспанова: «Стояли мы в Краснодаре, работали на ст. Крымская. Погода была жуткая. Немцы свирепствовали. Пошли на цель, отбомбились, идем обратно, своего аэродрома не видно. Я говорю Юле: „Мигни огнями“. Только мигнула, за нами истребитель противника. Преследовал до самого аэродрома. Мы быстрее на посадку, и тут опять катастрофа — столкнулись два самолета. Помню треск, шум, попыталась вылезти из самолета и упала без сознания. Оказывается, у меня было шесть переломов в ногах. Долго была без памяти, кричала Юлю. Пролетела шесть месяцев на спине, глаз тоже не видел. Свет не мил. К самолету питала отвращение. Меня хотели перевезти из одного госпиталя в другой на самолете. Я в слезы, не хочу на самолете. Все люди были не милы, жизнь перестала интересовать, стала особенно много курить. Смерть Юли Пашковой, а также Дуси Носаль от меня скрывали. Врачи уговаривали, что поправлюсь, отдохну и буду заканчивать институт. О том, чтобы я попала в полк, не могло быть и речи» [1, л. 2].

Н. Лобковская: «21-я дивизия у Неволь. В один прекрасный день утром наши танки и автомашины врываются в г. Неволь. Немцев, офицеров в городе мы захватили в подштаниках. Представьте, были такие моменты: приходишь, стучишься, не открывают, открываешь дверь, и, что нас поразило, заставляли в домах немцев с нашими русскими девушками. Ну, тут пощады не было, на месте убивали.

Там было много трофеев. Это был большой опорный пункт немцев, и большие склады были, шоколад, конфеты, печенье, все было. Эти склады снабжали госпитали, и там были большие запасы кондитерских изделий и много спиртных напитков, что было во вред нашим солдатам: напились, грабили и т. п.» [5, л. 6].

Конкуренция среди девушек

В беседах девушки не скрывали фактов зависти, наличия конкуренции среди однополчанок. Но оценка этих моментов в воспоминаниях была достаточно позитивная, работавшая на повышение результативности девушек-снайперов.

А. Скрипочкина: «В землянке уже были командир батальона, заместитель по политчасти, комиссар, парторг. Из роты сообщили, что снайперский счет открыт. Моя пара Маша Зубченко обиделась, почему не она открыла счет, и ревела вовсю. Командир батальона ее успокаивал. После этого началось соревнование, кто больше побьет немцев. Была некая Галя из школы, она перебила всех. У нее было 16 фрицев.

Кто мечтал, особенно снайперская пара из двух девушек. Одна говорила: „Как я убью немца, не представляю себе“. Другая утешала: „Ну ничего, как-нибудь убьем. Посмотрим и убьем“» [2, л. 5].

Н. Лобковская: «Нам показали, как работали фрицы, чистили траншеи. А мы видели только одни каски. Это так раздражает — так и хочется выстрелить, но мы могли их спугнуть. И вдруг пошел какой-то фриц. Мы его сразу обе заметили, вместе выстрелили и вместе уничтожили. Завязали спор, кому записать этого фрица. Сначала решили по половине, а потом записали Вере, поскольку она охотилась уже второй день [3, л. 3].

До этого я 4 дня ходила и даже не видела немца. Я думала, что вообще не увижу, и была очень расстроена. Я предпоследняя убила немца, уже 10 человек открыли счет, а нас двое никак, нет и нет, и мы приходили чуть не со слезами. И вот помню, в этот раз я прихожу с хорошим настроением. А у нас сразу узнавали, кто убил, а кто не убил, потому как злой или веселый приходит. Ну, тут поздравляют, целуются» [5, л. 2].

Чрезвычайные происшествия

В материалах стенограмм сохранился еще один нетипичный факт: несчастный случай, смерть девушки во время учения в результате неправильно, неумелого владения оружием у молодых девочек, когда первые дни с боевым оружием на фронте воспринимались как черновик, когда все можно изменить, переписать. Но рассказывали каждая из них по-своему: эмоционально и подробно или скупое и как будто нехотя. Жестокая действительность войны проявила себя еще до настоящего сражения, у девушек — острое восприятие первой смерти: «были убиты горем». В дальнейшем при рассказах о потерях однополчан, подруг во время боев смерть будет восприниматься ими как неотъемлемый элемент войны, и таких резко эмоциональных оценок будет меньше. Возможно, что эта реакция связана с нелепостью данной смерти; смерть во время сражения, казалось, имела смысл.

А. Скрипочкина: «В это время у нас погибла одна девушка, Драйзен. Комбат приказала стрелять из ТТ. Две девушки пошли стрелять: одна стреляла по мишени, другая сидела на земле. Когда начальник сказал: „Кончайте стрелять“, та, которая стреляла, опустила оружие и, очевидно, нажала спусковой крючок, даже не почувствовала, что выстрелила. Драйзен, которая сидела на земле, сказала: „Ты, Нина, кажется, меня ранила!“ И побледнела. Оказалось, что пуля засела в животе. Ее даже не довезли до санчасти, она умерла дорогой. Когда умирала, говорила: „Ах, как бы хотелось убить хотя бы одного фрица!“ Это была одна из девушек, которая вела дневник. Все ополчились на Нину Крамерову, которая застрелила девушку, никто с ней не разговаривал. Если бы ни майор Никифорова, которая рассеяла эту атмосферу, с ней что-нибудь случилось бы» [2, л. 4].

Н. Лобковская: «В этот день у нас был несчастный случай. Нина Крамарева случайно убивает одну нашу девушку, не помню ее фамилию. Мы все были убиты горем, потеряв боевую подругу, не бывшую даже в бою. Начальство в испуге, не знает, чем это может кончиться» [5, л. 1–2].

Обмундирование, быт

Женские воспоминания сохраняют мелкие детали фронтовой повседневности: одежды и обмундирования, быта, жилища и т. д. Исследователи подчеркивают, что данные особенности женских воспоминаний демонстрируют механизмы адаптации женской психики в экстремальных условиях, переключая внимание на детали, кажущиеся неважными [6]. В воспоминаниях девушек трудности и дискомфорт из-за повода огромных не по размеру сапог, выстриженного хохолка на голове вместо привычной длинной косы, брюк и шинелей взамен платьев и юбок стояли по эмоциональному восприятию почти на одном уровне с преодолением таких проблем, как борьба с холодом, вшами, грязью и болезнями. Девушки озвучивали и проблемы физиологического плана, что для советских женщин 1940-х гг. — уже героизм.

Х. Доспанова: «Выдали обмундирования, дали сапоги 40-й размер, а я ношу 33-й. Как быть? Учила майор Рочкевич накручивать портянки» [1, л. 1].

А. Скрипочкина: «Нас 19 человек попали в 69-й полк. Поместили нас в такой маленькой земляночке, что набились как сельди в бочке. Расположились на полу.

Вопрос: Как переносят фронтовую обстановку девушки?

Очень трудно, когда менструация. Нет бинтов, негде мыться. Девушки сказали об этом заместителю по комсомолу дивизии, он предложил санинструктору отпускать сколько бинтов и ваты. Марши трудны, но приходится переносить. У некоторых менструация проходила с болью. Но ведь не будешь докладывать командиру батальона, что по такой причине не могу на охоту. Приходится идти на охоту. Было плохо с баней. Поэтому нам устроили банный день, так как мы белье стали стирать, чтобы иметь возможность постирать, посушить» [2, л. 4, 6–7].

Н. Лобковская: «В школе нас прежде всего определили на карантин. Девушки все обмундированы, а мы еще в гражданском. Смешно как-то — все в брюках, шинелях. На другой день нас стали одевать. Я чувствовала себя в брюках и гимнастерке очень неловко. Притом волосы у меня были раньше длинные, а тут нас обстригли, один хохолок остался. Шапку в здании по приказу надо было снимать, и я дико себя чувствовала [3, л. 2].

Нас отозвали после ликвидации невеликой группировки. Мы все мокрые, грязные, вшивые, в баню месяцами не ходили, всегда мокрые, сменить белье негде. Мы иногда ночевали в немецких землянках, а они очень вшивые. Помню, в одной землянке ночевали, очень маленькая была земляночка, а нас было человек 20 и разведчиков человек 16, землянка же, но больше, чем на 10 человек, нары были на 10 человек. Ночь была, достали какую-то свечку. А сено какое-то потертое, но не на голых же чурбаках спать, и мы легли. И вот улеглись, кто занял место, а мы поперек легли в ногах, сидя спим, тепло все-таки, печка топится. А когда утром встали

и стали отряхаться, то только шевилось все кругом. Столько вшей заползло, что никак вывести не могли... Там у них много порошка от вшей было, сколько ни насыпали, не помогло [5, л. 6].

Помню, я как-то раз заболела, температура у меня поднялась. Когда идешь днем — оттепель, а ночью — мороз, а мы в валенках, и полны валенки воды. Шуба на тебе тоже мокрая. И вот мы пришли, ничего нет, ни землянки, ни домов, меня сразу к санроту, температура поднялась до 39°, оказался грипп. Утром получили из штаба армии радиотелеграмму, чтобы нас всех отозвали. Мы идем в штаб дивизии, нам объявляют благодарности, мы садимся на машины и едем. Все очень довольны, что нас куда-то вызывают на отдых. Приезжаем в штаб армии. Мы находились в клубе, печурку разожгли, давай сушить портянки.

У нас была очень светлая, с электричеством, палатка, растянутая в сосновом лесу. Приходим, сделаны нары, электричество горит, а мы впервые за все время электричество увидели. Разместились, разожгли большие печки-буржуйки, стало тепло, мы разделись. На следующий день приходит генерал, начальник штаба и член военного союза. Тут мы стали просить белье и баню. Нам выдали совершенно новое белье, но ватные брюки и шубы нам не заменили. И вот белье чистое, и все вши выползли на белье. На следующий день пришел генерал, и мы опять напали, чтобы выдали нам и шубы. Ну, привезли новые телогрейки, брюки новые и снова белье, опять поехали в баню, а на следующий день медосмотр и полнейшая санобработка [5, л. 6–7].

Прихожу в землянку, сырость, землянка течет, неприветливо, холодно, грязно. Мы всегда добывали сало, свечку или какой-нибудь жир, и были мы как первобытные люди. Сапоги у нас были кирзовые, большие, и хотя тут была высота, но вода была выше колена и мы все время в воде стояли.

Землянки потом построили хорошие, разберут дом и построят. Начальство обивало землянки сукном и бархатом [5, л. 5].

А вы представить не можете, какие мы были: все время в глине, грязь высохнет на тебе, оботрешься и идешь дальше. Нас заводят в бараки этого армейского госпиталя; нары, заправленные простыни, штормочки. Как мы радовались, что будем спать на простынях, на наволочке. Ведь мы спали на хвое, и хорошо, если плащ-палаткой покрыта, а то прямо на хвое. Шинелей не было, ватная курточка намокнет, намерзнешься, мокрая вся, свернешься и спишь [5, л. 3].

На следующий день утром к нам комиссия за комиссией: как нас одели, как нас обули, как мы себя чувствуем. К обеду пришла комиссия, которая хотела выяснить, чем мы еще не удовлетворены, потому что должно было приехать начальство из армии. Уже все мастерские работали для нас: кармашки, пуговицы перешивали, и к вечеру все обмундирование было подогнано на нас. Помню, сапоги большие выдавали...» [5, л. 3].

Женская психика, еще менее приспособленная к войне, чем мужская находит маленькие радости для отвлечения от горя, боли и страдания: «В первый раз нам сапоги по ножке подогнали. Кирзовые сапоги, но подогнанные по ноге, так я прямо от радости прыгала».

Действительно, «женская память охватывает тот материк чувств на войне, который обычно ускользает от мужского внимания». «Женщина сильнее ощущала, опять-таки в силу своих психологических и физиологических особенностей, перегрузки войны — физические и моральные, а труднее переносила „мужской“ быт войны» [7, с. 61–62].

И все-таки только женщина, рассказывая о крайне тяжелых условиях жизни на фронте, как бы легко переключается на сравнение: «...сырость, землянка течет, холодно, грязно. ...Были мы как первобытные люди... Землянки потом построили хорошие, разберут дом и построят. Начальство обивало землянки сукном и бархатом».

Любовь на фронте

Проблема взаимоотношений мужчин и женщин, любви, ухаживаний никогда не была исключена в рассказах женщин о войне. И даже краткие упоминания об этих моментах свидетельствуют, что мужское внимание, любовь были важными составляющими во фронтовой жизни для девушек.

Х. Доспанова: «Отношение девушек к парням имело различные стадии. В начале войны мы парировали всякие ухаживания. Ребят это терзало, мучило, злило. На второй год пошли увлечения, а на третий и четвертый год уже замужество. На замужество благословляла Бершанская, у нее же просили разрешения» [1, л. 3].

А. Скрипочкина: «Вечером приехал генерал-майор Михайлов, замечательный человек, с ним начальник политотдела дивизии. Нас выстроили, он поздравился: «Приехали работать. Очень приятно. Учтите: замуж у нас выходить нельзя, а влюбиться можно. Влюбитесь так, чтобы писать друг другу» [2, л. 4].

Н. Лобковская: «Тут мы привели себя в порядок, подогнали обмундирование и даже волосы завили. А до этого мы были такие рваные, нам стыдно было выйти. А там все девушки штабные в шерстяном, по фигуре сшитом. Ну, потом привели себя в порядок и высыпали на танцевальную площадку. В нашем распоряжении был баян. Дали приказание сделать большой клуб в штабе армии, начали рыть подземный клуб. На танцевальной площадке первые места на сцене занимали девушки, штабные, связные работницы, но снайпера появились, и вся площадка в наших руках. А там связисты, медики, работники штабные, они никогда не были на переднем крае, и к нам было всеобщее внимание» [5, л. 7].

Сексуальное насилие

Данная тема практически вообще не рассматривалась в казахстанской историографии и в целом достаточно редко — в зарубежной. Рассказывая о войне, трудностях и проблемах военной действительности, фронтовики избегали этой темы. Для

воспоминаний и бесед казахстанских женщин-фронтовиков тем более не характерны признания существования фактов насилия над женщинами на войне. Они предпочитали не говорить об этом, хотя факты такого рода не являлись редкостью. Существование такого явления, как ППЖ – походно-полевые жены – являлось попыткой защитить себя от домогательств (или получить привилегированные условия на фронте).

При изучении стенограмм бесед с тремя девушками мы сталкиваемся с фактом существования насилия в воспоминаниях одной из трех интервьюируемых (причем одна из интервьюируемых – Х. Доспанова – служила в чисто женском авиаполку). Причем девушка без возмущения говорит о благополучном исходе для мужчины – начальника факта применения насилия: «Его хотели исключить из партии, но потом оказалось, что из партии не исключили, а перевели куда-то на высшую должность», что свидетельствует о том, что этот факт не был беспрецедентным или чрезвычайным на фронте; это означает, что он был рядовым, почти типичным явлением.

А. Скрипочкина: «Однажды начальник контрразведки вызывает одну девушку, Зубченко, в 11 часов вечера и спрашивает, как охотится, нет ли фрицев. Она отвечает, что есть наблюдатель, который наблюдает, действительно ли убит фриц или нет. Затем он ей говорит: „Я вас вызвал потому, что в полку была Зубченко, которая дезертировала из части. Может быть, это вы. Сходится год рождения, имя, фамилия. Но не сходится время приказа и место рождения“. Ей нужно идти, а связных нет. Она говорит ему, чтобы он проводил. А он отвечает: „Не могу, сапоги жмут ноги, переночуйте тут“. Он закрыл дверь и начал применять физическую силу. Ничего не добился, но девушка в 6 часов утра прибежала в слезах, вся исцпанная и искусанная. Его сняли с работы и куда-то отослали. Его хотели исключить из партии, но потом оказалось, что из партии не исключили, а перевели куда-то на высшую должность» [2, л. 6].

В центре внимания данной статьи – женская фронтовая повседневность с героизмом, ежедневным подвигом, самопожертвованием и при этом с ее проблемами и трудностями. Девушки «были готовы к подвигу, но не были готовы к армии, и то, с чем им пришлось столкнуться на войне, оказалось для них неожиданностью. Гражданскому человеку всегда трудно перестроиться на „военный лад“. Армейская дисциплина, солдатская форма на много размеров больше, мужское оружие, тяжелые физические нагрузки – все это явилось нелегким испытанием» [4, с. 149]. Данное утверждение подтверждается материалами стенограмм: «Перед уходом в армию я представляла себе трудности на фронте, но я себе немного по-другому фронт представляла...» [5, л. 7]. Это действительно была та самая «будничная вещественность войны, о которой они, когда просились на фронт, не подозревали» [7, с. 101].

Анализируя тексты стенограмм, можно выявить закономерности восприятия женщинами войны, вос-

создать «женскую картину» войны. Образ воюющей женщины «стереотипизирован современным сознанием» [6]. Советские женщины были и героинями, и жертвами в военные годы. Следует согласиться, на наш взгляд, с выводом Е. С. Сенявской: «В любом случае женщина становится жертвой войны, которая ломает и калечит ее судьбу, жизнь, душу» [4, с. 50].

В военных буднях женщины оставались женщинами. Желание любить и быть любимыми свойственно женской природе, и никакая война не могла его отбить. Еще одна из проблем, которая не стала предметом исследования, – «ППЖ», походно-полевые жены, драмы и трагедии их судеб. Не исследовались имевшие место факты «моральной неустойчивости и бытового разложения». Такие факты фиксировались в отчетах и справках, однако о них старались «не распространяться». В РГАСПИ нами были найдены материалы об «аморальном поведении», неудовлетворенности в личной жизни среди девушек и женщин. Эти настроения отражались в письмах: «Я шла добровольцем в ряды ВМФ, думала, что война продлится не менее года, а она затянулась, ей не видно конца. Наши годы уходят, надо спешить замуж» [8, л. 32]. Есть заявления девушек: «Я добыюсь любыми средствами увольнения из армии, хотя бы для этого пришлось забеременеть» [8, л. 36], о случаях самоубийств или попыток суицида и т. д. [8, л. 37]. Эти факты также отмечались в материалах стенограммы на совещании ЦК ВЛКСМ в мае 1943 г.: «Нужно подумать о духовном воспитании. Девушки, находящиеся на фронте, очень плохо себя ведут. Как правило, живут с командирами. Средний и высший комсостав обязательно живет с девушками. Много случаев венерических болезней...» [9, л. 88]. Такие факты не были единичными или исключением в годы войны. Нередко женщины в первые послевоенные годы скрывали военную службу, и отношение в обществе к женщинам-фронтовикам было другим, нежели к мужчинам. Все эти факты отражают проблемы женщин в войне: героизм и драмы, подвиги и обыденность, жертвенность и трагедии женских судеб.

Долгое время господствовавший в историографии исключительно шаблонный, «героический» взгляд на фронтовую женщину сегодня меняется, представляя более глубокий, более многогранный и по-настоящему «очеловеченный» образ женщины-воина с ее разными эмоциональными проявлениями и реакциями на трудную военную действительность. Это позволяет, на наш взгляд, более полно воссоздать женскую военную повседневность.

Z. G. Saktaganova

Fragments of Women's Everyday Life on the Fronts of the Great Patriotic War (based on the materials of I. I. Mints Commission)

Abstract. The article presents the front women's everyday life on the basis of archival materials of the Great Patriotic War history of I. I. Mints Commission. Transcripts of conversations with the girls Ye. Dospanova, A. Skripochkina and N. Lob-

kovskaya from the funds of the Scientific Archive of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences are used in this article. The analysis of the transcripts allows to identify some of the problematic moments in the military women's everyday life. On the basis of interview materials the article presents such components of military everyday life as manifestation of patriotism and sacrifice.

The texts also trace the negative facts that women faced: male chauvinism at the front, emotional problems and manifes-

tations of weakness, anger and hatred in the female environment, competition among girls, emergency incidents, facts of sexual violence. The interest was aroused by the girls' assessment and their attitude to the problems with uniforms and military life. The peculiarity of these interviews was that they were collected in the wartime April of 1945. **Keywords:** *the Great Patriotic War, women front-line soldiers, women's front-line everyday life, women's heroism, male chauvinism at the front, sexual violence.*

Источники и литература

1. Научный архив Института российской истории Российской академии наук (НА ИРИ РАН). Ф. 2. Раздел I. Оп. 216. Д. 11. Л. 1–3.
2. НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел X. Оп. 7. Д. 2а. Л. 3–7.
3. НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел X. Оп. 7. Д. 7а. Л. 1–12.
4. Сенявская Е. С. Психология войны в XX веке: Исторический опыт России. М.: РОССПЭН, 1999. 383 с.
5. НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел X. Оп. 7. Д. 7б. Л. 1–14.
6. Реброва И. В. «Женская» повседневность в проблемном поле истории Великой Отечественной войны // Женщина в российском обществе. 2008 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article> (Дата обращения 11.03.2020).
7. Алексиевич С. У войны не женское лицо: повести. М.: Советский писатель, 1988. 368 с.
8. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. М-1. Оп. 32. Д. 331. Л. 32.
9. РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 5. Д. 47. Л. 88.

DOI 10.37386/2687-0592-2024-12-212-216

УДК 39(47+57)

Н. А. Тадина, Т. С. Ябыштаев

Горно-Алтайский государственный университет, г. Горно-Алтайск, Российская Федерация

От итогов советской модернизации к защите прав постсоветской конституцией (на примере этнических процессов алтайцев)

Аннотация. В статье дан этнографический анализ способов интегрирования северных и южных алтайцев в российское общество на примере проведения этноязыковой политики в период советской модернизации. Изучение направлений этнических процессов показывает, что у алтайцев выработался способ жизни на двух уровнях культуры: один – родной, считающийся отсталым, второй – современный, официальный, прогрессивный. На основе освещения постсоветского конституционного статуса этнических субъектов Российской Федерации определено, что проблема развития и правовой защиты этносов и этнотерриториальных групп остается актуальной. **Ключевые слова:** *этнография, алтайцы, этнотерриториальные группы, советская модернизация, постсоветский период, этнос, анализ.*

В советской этнографической школе ряд положений основывался на эволюционно-историческом понимании этничности. Принято считать, что этнический состав алтайцев включает этнотерриториальные группы – южные (алтай-кижи и теленгиты) и северные (тубалары, челканцы, кумандинцы). Для научных понятий были найдены алтайские эквиваленты, например, «сёок» – это род, относившийся к пережиткам. В категорию «племя» вошли группы северных и южных алтайцев. Эволюционный процесс должен был привести к распаду «родовых и племенных групп» и объединению их в «народность» согласно дуалистической теории [1]. В рамках примордиальной концепции этнотерриториальные группы были признаны единым народом – алтайцами. Оформление устойчивой территориальной, экономической и культурной общности народов, проживающих на территории Горного Алтая, способствовало провозглашению государственного образования – в 1922 г. Ойротской и в 1948 г. – Горно-Алтайской автономной области.

В данной статье поставлена цель осмысления способов интегрирования алтайцев в российское общество. Если в досоветский период, ставший первым этапом модернизации традиционного общества алтайцев, российская администрация стремилась отменить родовую систему и изменить родовое сознание алтайцев, погрузив их в православную культуру, то советская модернизация сделала ставку на другой этнодифференцирующий признак и главный идентификационный маркер – на алтайский язык и шла путем изменения языкового сознания алтайцев [2, с. 90].

В досоветский период основным письменным языком Алтайской духовной миссии был избран язык телеутов, считавшийся одним из южноалтайских диалектов [3]. К тому же телеуты, как и большинство северных алтайцев, первыми в Горном Алтае приняли православие. После образования Ойротской автономной области в основу алтайского литературного языка был положен диалект алтай-кижи, носители которого в основном прожива-

ют в пяти районах Горного Алтай – Онгудайском, Усть-Канском, Усть-Коксинском, Шебалинском и Чемальском и в г. Горно-Алтайске. На алтайском языке издавались советские периодические издания и художественная литература, велось радио-, а позже, в постсоветский период, телевидение.

В школах моноэтнических алтайских сёл алтайский язык являлся языком обучения. В 1958 г. была проведена реформа школы, к которой остается неоднозначное отношение в этнической среде алтайцев. Старшее поколение помнит о том, что до 1960-х гг. в школах алтайских сёл преподавание предметов начальных классов, например арифметики, велось на алтайском языке. После реформы преподавание было повсеместно официально переведено с национального языка на русский, кроме алтайского языка и литературы. В смешанных русско-алтайских селах билингвизм алтайцев стал заменяться русскоязычием [4, с. 25]. В начале 1970-х гг. развернулась политика сокращения национальных школ, местное руководство предлагало расформировать единственную национальную школу в г. Горно-Алтайске, о которой сегодня говорят как о «кузнице» кадров для региона.

Доминантная русскоязычная культура воспринимается представителями этнических меньшинств как более престижная, ведь русский язык доминирует во всех сферах жизни. Такую позицию можно объяснить тем, что в смешанных селах распространен русский язык, который обладает большим престижем, являясь государственным языком, он стоит ближе к культуре современной цивилизации, кроме того, выступает языком межэтнического общения. Незнание русского языка алтайцами становилось поводом для насмешек и издевок. Тот, кто говорил на нем с акцентом приравнивался к «необразованным» и «отсталым». Обрусевшие алтайцы стеснялись звучания родного языка, особенно в общественных местах. Престижным считалось знать русский язык, говорить на котором с акцентом означало быть неграмотным.

Согласно советской идеологии большие культурные различия русских и алтайцев привели к тому, что культура алтайцев была воспринята как «не развитая», стоящая на «докультурной» ступени развития. Еще в досоветский период алтайцы начали перенимать более «совершенный» образ жизни, заключавшийся в ношении европейской одежды, употреблении продуктов огородничества, переходе в стандартные жилища. При домах находились хозяйственные постройки для скота, а если позволял климат, то огороды и сады. Описанные нововведения в жизни алтайцев свидетельствуют о том, что соседство с русскими наложило заметный отпечаток на быт. Общесоветские стандарты на уровне массового сознания воспринимались с этнической окраской как присущие русской культуре [2, с. 90].

Стереотип восприятия русского этноса как «носителя социального прогресса» окончательно сложился в советское время. В глазах алтайцев совет-

ская власть означала превосходство русского народа как государствообразующего этноса. Обычно русские люди имели редкие специальности – инженера, конструктора, летчика, врача, учителя и пр. Все достижения индустриальной страны считались успехом советского народа, а значит, русского. В силу этого в советский период отшлифовался ответный стереотип, утвердившийся в сознании не только русских, но и алтайцев, – некая убежденность в невысоких деловых качествах и низком культурном уровне алтайцев, как и других сибирских малочисленных народов [5, с. 337].

В таких условиях социалистического общежития каждый стремился жить «как все» и не быть изгоем. Не случайно этническая идентификация алтайцев базировалась не на положительных ценностях, а на отрицательных переживаниях своей «отсталой» традиционной культуры. Официальным запретам сопутствовало внутреннее отталкивание от так называемых «пережитков», к ним относились родовая принадлежность, обычаи и традиции, национальная одежда и жилище – юрта. В относительно недавнее время порицался переход в общении с русским языком на родной. Характерной чертой этноязыкового поведения стало то, что в присутствии хотя бы одного русскоязычного «неприлично говорить на своем языке», дескать, «могут говорить непристойности о нем, а он вашего языка не понимает». Данный ментальный концепт прочно укоренился в сознании алтайцев, сохранивших стереотип «этнической второсортности».

После распада СССР стали распространяться идеи так называемого «этнического возрождения». Алтайцы получили статус титульного этноса образовавшейся Республики Алтай. У южных групп алтайцев появились собрания сёков-родов, на которых избирались родовые главы-зайсаны, проводились общереспубликанские собрания-курултай алтайцев для решения насущных этносоциальных и этнокультурных вопросов: о важности соблюдения родовых обычаев экзогамии и взаимопомощи, необходимости ввести умеренные сватовские расходы, повсеместном использовании алтайского языка, приобретшего статус государственного языка Республики Алтай.

В постсоветский период становится актуальной проблема развития и правовой защиты этносов и этнотерриториальных групп. Если рассмотреть соотношение этнических понятий в Конституции Российской Федерации, то можно увидеть, что народы России юридически подпадают под разные режимы правовой защиты, при этом не определено законодательное разграничение их различных этнических общностей. В Основном законе фигурируют четыре этнических понятия: народы России, национальные меньшинства, малочисленные этнические общности и коренные малочисленные народы.

Первый термин, «народы России», встречается в преамбуле Конституции РФ – конституционный строй России основан на равноправии и самоопре-

делении ее народов, которые являются носителями права на сохранение родного языка и создания условий для его изучения и развития. Понятие «народы России» представляет сложную структуру по целому ряду количественных, социально-политических, экономических, идеологических, культурных, религиозных и этнических факторов. Конституция вкладывает в него три базовых значения. Во-первых, народ — это политическая общность (многонациональный народ Российской Федерации), источник и субъект публичной власти. Во-вторых, народ — это территориальная общность, население определенной территории. В-третьих, народ выступает как наднациональная политико-территориальная общность, обладающая правом на равноправие и самоопределение. Таким образом, понятие «народ России» является обобщающим определением, в которое входит все население страны, все его народы и этнические общности.

Следующий термин — «национальные меньшинства». Конституция устанавливает, что защита прав национальных меньшинств находится в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов, а регулирование прав национальных меньшинств — в ведении самой федерации. В научном дискурсе звучит мнение о нецелесообразности включения данного термина в основной закон страны.

Понятие «национальные меньшинства» — европейского происхождения и является производным от идеи «национального» государства. Во всем мире нация понимается через принадлежность к государству, то есть гражданство, а лишь в нашей стране существует понятие «национальность». Его происхождение явилось результатом терминологического спора между Карлом Каутским и Отто Бауэром в начале прошлого столетия. При молодой советской власти за основу определения населения страны было взято понятие «национальность» Бауэра [6, с. 35–36]. Затем в СССР этот термин использовался для определения обществ, не имевших государственности, но отличавшихся этническими чертами, в основном на севере страны, в Сибири и на Дальнем Востоке.

Понятие «национальное меньшинство» широко используется в международных документах. Начиная с 1950-х гг. ООН активно занималась проблемами национальных меньшинств. Участниками ОБСЕ были признаны коллективные права национальных меньшинств: свободное использование родного языка, исповедание своей религии, создание собственных культурных, в том числе образовательных, религиозных и прочих учреждений [7]. Конституционная фиксация термина «национальное меньшинство» обусловила возникновение научной дискуссии о целесообразности введения полярного понятия — «национальное большинство». Таким образом, понятие «национальное меньшинство» не имеет четкого определения ни в Конституции Российской Федерации, ни в действующем федеральном законодательстве России.

Рассмотрим третий термин в Конституции РФ — «малочисленные этнические общности», которые наделяются правом на защиту исконной среды обитания и традиционного образа жизни. В советской этнографии термин «малочисленный народ» был введен в семантику понятий «национальное меньшинство». Кроме представления о малочисленности, подразумеваются их низкий статус, положение подчиненности, неравноправие меньшинств. Диктуемое советскими идеологическими установками представление о том, что в социалистических государствах обеспечено равноправное положение всех народов, обусловило введение особого термина для обозначения сходной этнической реальности — «малочисленные народы» [8, с. 301].

Таким образом, понятие «малочисленная этническая общность» как наследие советской терминологии перекликается с двумя первыми понятиями, а именно равнозначно терминам «малочисленный народ» и «национальное меньшинство».

Рассмотрим последний термин, упоминаемый в Конституции РФ, — «коренные малочисленные народы». Сказано, что это народы, проживающие на территориях традиционного расселения своих предков, сохраняющие традиционные образ жизни, хозяйствование и промыслы, насчитывающие в Российской Федерации менее 50 тыс. чел. и осознающие себя самостоятельными этническими общностями. Понятие «коренные малочисленные народы» соединяет критерии «территориальности» (проживания на территории традиционного расселения своих предков) и «порога численности» (до 50 тысяч человек).

Рассмотрим для примера регион Горного Алтая, Республику Алтай. В нем вопрос об этнической консолидации в современных условиях остается актуальным. В отечественной науке принято считать, что в состав алтайцев входят этнотерриториальные группы, называемые сегодня «этнотами», как получившие в 2000 г. статус «коренных малочисленных народов», — это тубалары, челканцы, кумандинцы. К их статусу примыкают теленгиты из южных алтайцев. Лишь одна центральная группа алтай-кижи, численностью более 50 тыс. чел., не относится к коренным малочисленным народам, что не дает им возможности иметь льготы, например ранний выход на пенсию. С другой стороны, представители алтай-кижи не стремятся быть коренным малочисленным народом. Этому есть объяснение исходя из опыта взаимоотношений северных и южных групп алтайцев. В этническом сознании южных алтайцев существует стереотип о себе как об истинных алтайцах, и противоположный стереотип «туба», к которым относятся северные алтайцы и обрусевшие [2, с. 90]. Постыдный стереотип «туба» обернулся для «истинных» алтайцев другой стороной в постсоветских условиях распространявшейся безработицы. Среди алтай-кижи появляются желающие получить льготную пенсию, предназначенную коренным малочисленным народам. Для этого необходимо стать «туба», поэтому по договоренности или пу-

тем оплаты люди приобретают временную прописку в селах расселения северных групп алтайцев.

Ситуацию противостояния северных и южных алтайцев можно объяснить историческими условиями и их сложившейся судьбой. Еще в досоветский период северные группы алтайцев одними из первых подверглись этнической ассимиляции в русскоязычной среде, приняв православие, русский образ жизни, постепенно утратив родной язык, точнее диалект. В результате южными группами алтайцев они были прозваны «туба», что фактически означает «этнический маргинал». Испытав пренебрежительное отношение южных групп алтайцев, северные группы впоследствии будут предъявлять различные претензии. В постсоветское время станет актуальным говорить о том, что преподавание диалектно отличающегося алтайского литературного языка северным алтайцам в школах с русским языком обучения ведет к утрате родного языка кумандинцами, тубаларами, челканцами. К тому же происходила депопуляция северных групп алтайцев в результате советской политики ликвидации «неперспективных» деревень. Это одна из сторон их судьбы, которая подтверждается данными постсоветской общероссийской переписи 2002 г., в ходе которой было впервые подсчитано, что тубаларов 1,5 тыс. чел., челканцев – 830 чел., кумандинцев – 931 чел. [9, с. 13]. Результаты переписи свидетельствовали о том, что северные алтайцы почти полностью ассимилированы в русскоязычной среде проживания в предгорной, северной части Горного Алтая (Майминский, Чойский и Турочакский районы Республики Алтай) и на приграничной территории Алтайского края.

Следует отметить, что обрусевших алтайцев также называют «туба». В городе и крупных селах, особенно в райцентрах, обычно звучит русский язык. Алтайцы, живущие в русско-алтайских селах, чаще не владеют родным языком, либо понимают, но не говорят, либо владеют им на разговорном уровне. Среди обрусевших алтайцев встречаются «пассивно ассимилированные», стремящиеся овладеть родным языком, сохранить этническую принадлежность, погрузиться в алтайскую среду, заключив брак с владеющими алтайским языком. И, наоборот, можно наблюдать, что в алтайских селах поддерживается мнение об отсталости культуры алтайцев, обычно потомками учителей, врачей и других образованных людей, продвигавших советскую модернизацию. Их отличает критическое отношение к постсоветскому распространению алтайских имен, они не ставят традиционного жилища-«айыла» в своем дворе, склоны к нарушению обычая родовой экзогамии, заключению этнически смешанных браков, а впоследствии их потомки могут и не понимать родной язык.

Согласно советской идеологии, гласившей, что в перспективе все народы страны сольются в единую общность – «советский народ», знание родного языка перестало быть важным. Наблюдаемый спад престижа алтайского языка можно объяснить объек-

тивным процессом распространения русского языка как государственного в сфере обучения, сервиса, посредством кино, мультфильмов, Интернета. Другая сторона проблемы заключается в субъективном выборе русского языка как ресурса социального продвижения и адаптации в современном русскоязычном обществе. Для обрусевших алтайцев характерно не двуязычие, а русскоязычный монолингвизм: русский язык становится родным. В результате обрусевший как «неправильный» среди алтайцев испытывает чувство промежуточного состояния, находясь между двумя этносами, не принимающими его: русскими – как человека другого этнического происхождения, иной внешности, хотя и говорящего лишь по-русски, алтайцами – как человека, не говорящего на родном языке и поэтому не отвечающего главному критерию этнической принадлежности – знанию родного языка.

В народной памяти сохраняются воспоминания о русских, свободно говоривших на алтайском языке вследствие того, что они длительное время, особенно в середине прошлого века – в годы войны и послевоенные годы – жили в алтайских селах. До сих пор есть такие русские люди, и в каждом районе их наберется около десяти. Считается, что русские, выросшие среди алтайцев и оттого свободно говорящие на алтайском языке, с пониманием относятся к алтайцам, в чем видно очередное проявление этнической ментальности в этноязыковом сознании.

Проблема развития этносов и этнотерриториальных групп становится одной из критических задач, с которыми сталкивается государство. Современный этап развития российской государственности отличается решением этнополитических проблем. Эти процессы идут во всех регионах и происходят на разных уровнях, затрагивая интересы и субъектов федерации и этнических групп. При внешнем сходстве этнополитических проблемных ситуаций в России необходима привязка к реальным экономическим, социальным причинам, демографическим условиям и традициям конкретных этносов. На этой основе следует формировать региональные программы прогнозирования межэтнических отношений – это не только политические и экономические, но также социальные, психологические, культурные, духовные отношения, результат получения законодательного подтверждения культурного и языкового суверенитета.

N. A. Tadina, T. S. Yabyshtaev

From the results of Soviet modernization to the rights protection by the post-Soviet constitution (on the example of the ethnic processes of the Altai people)

Abstract. The article provides an ethnographic analysis of the ways of integrating northern and southern Altaians into Russian society using the ethnolinguistics policy during the Soviet modernization period as an example. The practice of ethnic processes directions has shown that the Altaians have developed a way of life at two levels of culture: one is native, considered backward, the second is modern, official, progressive.

Based on the coverage of the post-Soviet constitutional status of the Russian Federation ethnic subjects, it is determined that the problem of development and legal protection of eth-

nic groups and ethnoterritorial groups remains relevant. **Key-words:** *ethnography, Altaians, ethnoterritorial groups, Soviet modernization, post-Soviet period, ethnic group, analysis.*

Источники и литература

1. Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983. 418 с.
2. Тадина Н. А. О трех этапах модернизации родового общества алтайцев // Известия Иркутского государственного университета. Сер. «Геоархеология. Этнология. Антропология». 2019. Т. 28. С. 88–97.
3. Баскаков Н. А. Алтайская семья языков и ее изучение. М.: Издательство «Наука», 1981. 136 с.
4. Тадина Н. А., Ябыштаев Т. С. «Тюрки по языку, финно-угры по облику»: об этнокультурном дискурсе северных алтайцев в Республике Алтай // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Сер. «Общественные и гуманитарные науки». 2013. № 1 (130). С. 23–27.
5. Тадина Н. А., Ябыштаев Т. С. Опыт языковой политики в Республике Алтай // Государственная языковая политика и проблема формирования общероссий-
- ской идентичности: региональные практики / отв. ред. М. А. Омаров. М.: РГГУ, 2024. С. 330–355. ISBN 978-5-7281-3387-2
6. Тесля А. А. «Государство национальностей» и теория национализма Отто Бауэра // Вопросы национализма. 2016. № 3 (27). С. 34–48.
7. Медяник В. И. ОБСЕ – европейский механизм защиты прав меньшинств // Общественные науки: История, исторические науки. Минск: Изд-во БГУ, 2007. Вып. 2. С. 181–185.
8. Соколовский С. В. Права меньшинств: антропологические, социологические и международно-правовые аспекты. М.: Московский общественный научный фонд, 1997. 765 с.
9. Национальный состав населения по Республике Алтай: стат. сб. Алтайстат. Горно-Алтайск: ООП Алтайстата, 2005. Т. 2. 111 с.

DOI 10.37386/2687-0592-2024-12-216-226

УДК 069(091)(571.150)

Т. К. Щеглова

«Пока мы есть, и будет память»: музейное дело, коммеморации и портрет «крупным планом» директора школьного музея историко-краеведческого профиля в контексте исторических событий 1960–2020-х гг.¹

Аннотация. В статье в русле антропологии памяти и антропологии советскости рассматривается развитие школьных музеев на протяжении 1960–2020 г., их зависимость от политики памяти «сверху» от государства и «снизу» от запросов общества. Основные выводы делаются на основе анализа деятельности директора школьного музея, который прошел путь трансформации от ленинской комнаты до мемориального музея «Память – это мы». Частный случай позволил выйти на общую картину школьного музееведения благодаря применению концепции «крупный план в антропологии» через влияние личности – руководителя музея, в данном случае влияние «советского человека» на работу с такими видами памяти, как социальная, культурная, историческая. На основе анализа форм и содержания работы школьных музеев с памятью выделен ряд этапов развития школьного музееведения. Предполагается, что в современных условиях призыва государства и общества к возрождению сети школьных музеев может быть востребован опыт методов и технологий прошлых практик. **Ключевые слова:** *школьный музей, память, меморализация, коммуникация, коммеморация.*

Меморации и коммеморации в деятельности школьных музеев. Их виды. Музеи являются формальными и неформальными площадками сохранения всех видов памяти (социальной, индивидуальной и коллективной; культурной, исторической, национальной, травматической и др.), площадками мемораций и мемориализаций (увековечивания и поминаний), площадках коммемораций (мероприятий по сохранению и трансляции памяти). На современном этапе музеи отличаются многообразием –

государственные и общественные, частные и муниципальные, семейные и коммерческие. Темпы развития музейного дела и формирования «мест памяти», включая фонды, экспозиции, выставки, во многом сопрягаются с «политикой памяти». Политика памяти государства в той или иной степени определяла и определяет содержание мемораций и коммемораций. Музеи образовательных учреждений оказывают большое влияние на формирование культурной и исторической памяти с опорой на социальную память локального сообществ. В отличие от других видов музеев, они имеют огромную детско-юношескую аудиторию. Поэтому меморативные и коммеморативные практики являются важнейшими образовательными и воспитательными средства-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта «Сельское общество и власть в 1950-е – середине 1980-х годов: коммуникация и социальная память (на примере регионов Западной Сибири)», № 23-28-01443, <https://rscf.ru/project/23-28-01443>.

ми. В последние годы было рекомендовано создавать во всех школах музеи как площадки по формированию культурной и исторической памяти. Речь идет о возвращении к массовому поисково-исследовательскому движению и воссозданию системы школьных музеев. Эта система формировалась еще до революции, но в широких масштабах была создана в советское время. На современном этапе музейные практики оказались в зоне внимания и общества, и государства. Оказался востребован опыт развития школьного музееведения с наполнением новым содержанием. Под влиянием государственной политики памяти музейное дело прошло периоды подъема (1920–1930-е гг.), бума (1950–1980-е гг.), свертывания (1990-е гг.), угасания (2000-е гг.) и возросшего внимания (2020-е гг.).

На современном этапе разработки методов изучения памяти в исследовательской и поисковой работе учителя и учеников государство и общество обратилось к памяти семьи и локального (сельского или городского) общества, что позволяет вернуть в школу коммуникативные каналы, в том числе и для преодоления разрыва между поколениями, который был сформирован в 1990-е гг. противопоставлением старших поколений («совков», «коммуняк») — носителей советских ценностей — и молодого поколения, воспитанного на западно-либеральных исторических нарративах, построенных на «демонизации» советскости, позже переросшей в русофобию.

В 2003 г. появилось Положение о «школьных музеях». В нем дается объяснение понятию «школьный музей», которое до последнего времени не было нормативно оформленным [1–2]. В Положении была уточнена и относительная условность термина «школьный музей» — музей именуется «музеем образовательного учреждения», в скобках «школьным музеем», который создается «в целях воспитания, обучения, развития и социализации обучающихся». По данным Центра детско-юношеского туризма и краеведения Министерства образования и науки РФ, в том же году в стране насчитывалось порядка 4780 школьных музеев, работающих в учреждениях основного и дополнительного образования учащихся. Из них музеев исторического профиля — 2060, военно-исторических музеев — 1390, краеведческих — 1060, музеев других профилей: литературных, художественных, технических и др. — 270.

Первый заместитель министра просвещения РФ Александр Бугаев в выступлении 3 ноября 2023 г. заявил, что *в российских школах, по данным первой половины 2023 г., открыты 22 тысячи музеев* [3]. Согласно поручению президента России Владимира Путина, к концу 2024 г. музеи должны быть созданы в каждой школе страны. Тем самым современная государственная «политика памяти» возвращает музеи в школы и повышает их статус.

Полевые исследования 1990–2020-х гг. показали, что современное школьное музееведение, особенно в сельской местности, выжило и существует благодаря энтузиазму школьных учителей пенсионного

и предпенсионного возраста без достаточной научно-методической, кадровой и финансовой помощи. Их деятельность в значительной степени подпитывалась и подпитывается «запросом снизу» от сельского общества, особенно старших поколений, на сохранение локальной социальной памяти. Поэтому часть сохранившихся музеев являются преемниками советской традиции работы с памятью и коммеморациями. Определенный консерватизм помог сохранить материалы фондов экспозиций и залов боевой и трудовой славы, ленинских комнат, историко-краеведческих музеев. Другая часть музеев возрождается на базе памятных мест локального культурного ландшафта, в том числе вокруг имен известных деятелей войны, труда, культуры, что позволяет преодолеть отторжение советскости, включая историю колхозов или коммун. Например, в Шипуновском районе это увековечивание памяти бывшего секретаря В. Т. Христенко¹, оставившего большой след в развитии района, имя которого присвоено районной школе искусств, мемориальные стенды о жизни и деятельности которого созданы в Шипуновском районном краеведческом музее и в школьном музее «Память — это мы». Или увековечивание памяти председателя колхоза Родино, Героя Социалистического Труда Ф. М. Гринько. В таком случае музейные площадки возвращают в систему образования воспитание на основе мемориализации памяти выдающихся людей малой родины. Направление работы вокруг имен передовиков производства, которые являлись и победителями соревнований, пока находится на периферии поисковой работы, что связано с изменением государственной политики памяти советского времени, которая в центр внимания ставила труд и человека труда. В 1990-е гг. огульная критика «совковости» вывела эти ценности из зоны приоритета. В последние десятилетия наряду с выросшими из историко-краеведческих музеев советского времени в школах появились места памяти, связанные с недавними событиями, в том числе находящимися в зоне травматической памяти — это уголки памяти односельчан, участников локальных войн — афганской, чеченской, СВО. В музейном поименовании

¹ Имя этого человека здесь знают в каждой семье, а потому отдать дань уважения первому секретарю райкома пришли многие шипуновцы. Василий Христенко руководил районом с 1964 по 1979 г. Это время называют «золотым веком» Шипуновского района. За 15 лет умный руководитель смог решить много сложнейших задач: заметно поднялась культура земледелия — урожайность повысилась до 21 центнера с гектара, в район поехали молодые кадры. Преобразился район — появились дом культуры и школа искусств, изменился внешний облик сел. Те, кто с работал с Христенко, говорят, что Василий Тимофеевич уважительно относился к людям и никогда не повышал голос. (В Шипуново почтили память почетного гражданина района и Алтайского края. Почти двадцать лет он возглавлял Алтайский краевой комитет ветеранов войны. <https://vesti22.tv/news/v-shipunovo-pochtili-pamyat-pochyotnogo-grazhdaninaraiona-i-altayskogo-kraya/>. 10.02.2020).

погибших наряду со стремлением самого сельского общества (практики снизу) увековечить односельчан конструктивную роль сыграла государственная политика памяти (практики сверху).

Объединяют все эти виды музейных площадок традиции организации поисковой, исследовательской, экспозиционной, публичной деятельности учителя и ученика. Отличием служат новые возможности, которые предоставляет современная информационная и цифровая среда, особенно в экспозиционно-выставочной деятельности. Для дальнейшего развития школьных музеев на основе новых интернет-технологий важен опыт поисково-исследовательской работы с опорой на память локального общества, который был получен в советское время, отличающееся мощным развитием школьного музееведения. Его можно аккумулировать, пока живы носители традиций музейного дела, владеющие технологиями создания музеев, или сохранились экспонаты от ликвидированных в 1990-е гг. школьных музеев. В историко-этнографических экспедициях ежегодно встречались остатки коллекций школьных музеев и комнат. Многие из них находились в подсобках, кочегарках, подвалах, сараях. Еще чаще встречались лишь рассказы о существовавших музеях или комнатах, их руководителях — учителях, изучавших локальную историю, которых уже не было в живых. Уникальными являются интервью с теми, кто создавал музеи, занимался с учениками и односельчанами поисковой и исследовательской работой, писал летописи по истории колхозов, совхозов, пионерской или комсомольской организации и т. п. В экспедиции 2023 и 2024 гг. были записаны интервью с краеведом Шипуновского района — Т. Я. Билан, Е. А. Корницкой, И. Я. Яблоковой, Л. В. Жуковой и др. Среди самых почетных музейщиков района уникальным является опыт А. С. Леонтьева, с которым было проведено интервью. Проанализировать его деятельность по созданию и работе школьного музея на протяжении более чем полувека (1960–2020-х гг.) в контексте произошедших исторических событий позволяет новый концептуально-методический подход, предложенный А. В. Головневым, — «крупный план в антропологии», который позволяет проследить влияние личности на развитие школьного музея и эпохи на его личность.

Новые подходы к изучению недавнего прошлого: от советскости до наших дней. Александру Сергеевичу Леонтьеву, 1943 г. р., на момент проведения интервью было 80 лет, из них он занимался музейной работой более 60 лет в советское и постсоветское время и на современном этапе. На каждом из них развитие музеев было обусловлено государственной политикой памяти, влиявшей на музейную работу, определявшую содержание процессов меморизации, увековечивания, поминовения и коммемораций. Под политикой памяти мы понимаем сферу общественных практик и норм, устанавливаемых государством и связанных с регулированием коллективных представлений об истории — акцентиро-

ванием внимания на одних сюжетах и замалчиванием или маргинализацией других. Как правило, политика памяти тесно сопрягается с официальным национальным историческим нарративом и официальной исторической памятью. Их влияние отражается в полувековой деятельности школьного музея «Память — это мы» школы № 2 им. Луначарского райцентра Шипуново Алтайского края и его руководителя.

Метод «крупного плана в антропологии» позволяет рассматривать деятельность директора музея в связке «память — эпоха» и «государство — личность» через то, как он демонстрирует свое отношение к событиям прошлого и современности в истории всего советского/российского общества. Его интервью об участии в практиках увековечивания памяти и формировании культурного ландшафта показывают, что в основе его личности лежат советские социалистические ценности, которые связаны с ответственностью, уважением и бережным отношением к сохранению памяти об истории. В его поведении и профессиональной деятельности отражаются советские практики героизации людей труда и войн. Изучение его взгляда «снизу» и «изнутри» школьного музейного строительства на протяжении полувека, периода, на который пришлась смена власти, позволяет выявить влияние личности на сохранение памяти (социальной, культурной, исторической) в меняющейся государственной политике памяти и в меняющихся коммуникативных и коммеморативных практиках власти и общества. Под влиянием «сверху», в соответствии с оценками А. С. Леонтьева в материалах интервью, в его деятельности по сохранению памяти можно выделить три этапа: 1960–1980-е, 1990-е гг., 2000–2020-е гг.

Школьное музееведение и школьные музейные практики в 1950–1980-е гг. Создание музея в Шипуновской школе проходило в контексте общих тенденций советских практик образования и воспитания: поисковая, исследовательская и музейная работа входили в их ядро. Исследователи обычно пишут, что в 1950-е гг. начинается новый этап в развитии школьного музееведения. Триггером к подъему школьного музееведения стало постановление Совета министров СССР «О мерах улучшения охраны памятников культуры» от 14 октября 1948 г. [5–6], которое стало отправной точкой работы с памятью и создания музеев как мест памяти. Толчок к вовлечению учеников и учителей в исследовательско-музейную работу придало объявление ЦДЭТС в газете «Пионерская правда» (1956 г.) Республиканской туристско-краеведческой экспедиции пионеров и школьников, посвященной 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции. За ней последовали и другие, давшие импульс созданию школьных музеев практически всех профилей [7].

В Алтайском крае к 1977 г. в период проведения в крае всесоюзной паспортизации школьных музеев¹ в отчете Краевой станции юных туристов, кото-

¹ Требования были утверждены постановлением Се-

рая курировала школьные музеи, указывалось, что в регионе работают 148 школьных музеев: ленинских — 52, исторических — 38, боевой и трудовой славы — 17, истории пионерской организации — 4, мемориальных — 17, краеведческих — 14, комплексных — 10 [8, л. 21–22]. К 1984 г., в соответствии с Положением о музеях 1974 г., исторических музеев насчитывалось 61, краеведческих — 12, мемориальных — 8, художественных — 2, естественно-научного профиля — 1.

Внутри этих профилей были тематические музеи. Среди школьных исторических музеев по ленинской тематике работали 26, по военно-исторической — 28, строительству социализма были посвящены 4, интернациональной дружбе — 2, историко-революционному движению — 1. Среди школьных краеведческих музеев были музеи истории пионерских и комсомольских организаций — 4, музеи истории села — 8 [9, л. 3].

Школьная музейная сеть наряду с музеями включала другие формы музейных площадок — залы, комнаты, уголки. В том же году в школах края также имелись 474 зала: по ленинской тематике — 172, боевой и трудовой славы — 124, боевой славы — 125, трудовой славы — 53, и 630 комнат: по ленинской тематике — 485, боевой и трудовой славы — 43, боевой славы — 66, трудовой славы — 7, краеведческих — 28, мемориальных — 1 [9, л. 3–4].

В этой системе музейных площадок начальной формой работы с памятью являлись музейные уголки, затем музейные комнаты, залы и высшей формой — музеи разных профилей. Единых требований или указаний относительно комнат и залов не было, но разница между статусом мемориальных мест — комнат, залов, уголков, музеев — регламентировалась и в прошлом, и в настоящем.

1960–1970-е гг., когда был заложен музей Шипуновской школы, можно образно назвать «музейной лихорадкой» — открытие в той или иной форме «мест памяти». Инициаторами чаще выступали учителя или директора школ, как правило начиная с уголков и комнат. «Уголок» как форма советских общественных практик работы использовался не только в школьном музееведении, но и в просветительской, и в агитационной работе со взрослым населением, начиная с 1920–1930-х гг. для формирования советского человека. Обычно в производственных коллективах их называли «красные уголки». Александр Сергеевич так описывал подобные уголки: «*просто на стенку прилепили, на одной [стене], а больше ничего*». Создание музейных уголков и повсеместно распространенными в колхозно-совхозной практике «красных уголкови» Леонтьев сравнивает с традицией «красного угла» в избах крестьян: «*Но красный уголок, он и шел вот от этого. Красный уголок, это где Боженька, это где угол*

*святой. А в колхозах, в правлениях был тоже красный уголок. Но не этого направления [религиозного], ну а где там документы [вывешивались], вот, собрания там [проводились]. Вот где клуб — ну уголок, комнатка... Ну там [размещали вымпелы победителей соцсоревнования]... У меня [в музее] есть несколько... Вымпел... Это не торжественное обещание, а социалистическое обязательство колхозников и „Красный пахарь“ [колхоза]. То есть у меня также вот есть [сданы в школьный музей]. Они же тоже были в красном уголке. Потом... социалистическое обязательство [вывешивалось]... тружеников колхоза... и конкретно „Красный пахарь“... вымпел размещали» [4]. Школьный музей «Память — это мы» также начинался сначала с уголка, а затем музейной комнаты комнаты: «*Вот мне что принесли, то у меня есть. Несли мне... Мне всё нужно. Пригодится, не пригодится, пусть лежит на месте*». Практики перехода школьных «мест памяти» из статуса комнаты в статус музея в те годы по его интерпретации не были формализованы: «*Тогда даже приказы не писали... У меня не было приказа, чтобы открыть музей или ленинскую комнату там. Это ленинская комната у нас на счету [она из лучших] в крае была*» [4].*

Тем не менее все музейные площадки, как правило, в своем развитии проходили по цепочке: уголок, комната или зал, музей. Не был исключением и Шипуновский музей. Нормативного обоснования разницы между уголками, комнатами, залами, музеями найти не удалось. Но по косвенным свидетельствам можно определить, что уголок — это один или несколько оформленных стендов или витрин в учебном классе, при этом для него не принципиально наличие подлинных памятников истории и культуры, здесь можно было ограничиться только копиями документов. Комната — это классная комната, в которой возможно проведение также школьных уроков, но экспозиция должна содержать подлинники. На современном этапе для присвоения статуса комнаты достаточно иметь 15–20 подлинных памятников. Зал (мемориальный, краеведческий, иной) обычно располагается на открытом пространстве, например в школьной рекреации. Но в фондах музейного комплекса обязательно должно быть собрано более 20 подлинных экспонатов. Статус школьного музея присваивается музейному комплексу, который располагается в отдельной комнате (или нескольких комнатах) и содержит не менее 100 подлинных экспонатов. На современном этапе, в отличие от музейной комнаты, школьный музей подлежит регистрации с последующей работой по паспортизации и отчетами. Но все формы объединяло то, что они возникали в результате поисковой работы созданных при них поисково-исследовательских групп учеников, которые собирали материал. При наличии достаточного количества экспонатов они могли стать музеями. Но так или иначе все эти музейные площадки находились в центре просветительно-воспитательной работы не только школы, но и села, реализуя через поисковую и публично-презентационную де-

кретариата ЦК ВЛКСМ, коллегии Министерства просвещения СССР и коллегии Минкультуры СССР № 8/58-а от 19 августа 1974 г. в соответствии с «Положением о школьном музее» (1974 г.).

тельность коммуникацию с сельским обществом и сельской администрацией. Как правило, школьные музейные площадки широко использовались в общественно-политической жизни советского села.

Содержательно цепочка школьных музейных площадок выстраивалась в соответствии с советской политикой памяти конструирования локальных историко-краеведческих версий на основе сакральных дат, базирующихся на изучении истории Гражданской войны в 1950–1960-е гг. и Великой Отечественной войны в 1960–1980-е гг. Регуляторами работы с социальной и культурной памятью на уровне как страны или региона, так и локального общества на этом этапе выступали общественно-политические организации партия (ВКПб/КПСС), комсомол (ВЛКСМ), в детско-молодежной среде – пионерские и октябрьские организации. Они определяли содержание поисковой, исследовательской и музейной работы. В этом были и преимущества – решение финансовых вопросов, организация научно-методического обеспечения и др.

Результатом этой ситуации стала в начале рассматриваемого периода связь музейного детско-юношеского движения с работой вокруг имени Ленина, что повсеместно привело к созданию ленинских комнат. Многие школьные музеи, впоследствии ставшие известными, начинали с ленинских комнат, постепенно расширяя направления деятельности и перерастая в историко-краеведческие музеи. Единицы оставались площадками работы с именем Ленина и его соратников. На Алтае такой известной в СССР была ленинская комната в Лебяжинской средней школе Павловского района. Она являлась успешным проектом в русле политики памяти советского государства по мемориализации выдающихся людей советской эпохи. Школьники вели переписку с большевиками, работавшими вместе с В. И. Лениным, – А. А. Андреевым, Г. М. Кржижановским, Г. П. Петровским и др., собирали материал из всех музеев В. И. Ленина в СССР и из-за границы, формировали обширную библиотеку о жизни и деятельности В. И. Ленина [10, л. 39].

Сейчас лениниана, в том числе в советских школьных музеях, в теоретико-методологических подходах концепции «политики памяти» рассматривается как «сакрализация» тех или иных событий или личностей с негативным подтекстом, которая служила средством влияния на учеников, воспитания у них идейности и советской гражданственности. В западно-либеральной исторической версии их называют способами «оболванивания» советского человека. В свете таких подходов к ним относится, например, соревнование между учениками «на право подписания писем большевикам», «на право получения вымпела с силуэтом В. И. Ленина» в 1958 г.

Не давая оценку таким крайним и одиозным подходам, отметим, что лениниана дала толчок развитию школьного музееведения и организации поисковой работы учащихся. На ленинской тематике сформировалось целое поколение школьных музей-

щиков, в том числе и в Алтайском крае. С создания ленинской экспозиции начиналась работа по созданию музея и в Шипуновской школе: «Ну, шестьдесят четвертый – это еще как бы рано. В это время, чуть позже стали создавать ленинские комнаты... И тогда пошли ленинские комнаты... Я к Телегиной [директор школы] подхожу: „Антонина Васильевна, у нас есть, ну что там... Плакаты или как сказать? Картинки небольшие, вот такие вот. Набор. Давайте сделаем ленинскую комнату. Прямо отдельно. Не классную забегаловку...“ Вот! Она настолько была такой человек, видела вперед, что учебный год идет, освобождаем кабинет – тогда в две смены занимались и даже в третью. Освободили и начали делать ленинскую комнату. Сделали. Жизнь и деятельность Владимира Ильича Ленина, целый стенд. Здесь коли мы уже сфотографировали первых ветеранов – их фотографии [разместили]. Вот они и участники [войн]. Здесь же они у нас, и вот они отличники наши [фото учеников]. Сохранил первую экспозицию. До сих пор храню» [4]. Факт сохранения А. С. Леонтьевым экспозиции 1960-х гг. – стендов с фотографиями и вручную написанными текстами – отражает характерные черты советского человека – уважительное отношение к документированию памяти. Сам же музей, начавшись с ленинской тематики, сразу же определил работу с военно-мемориальной памятью как самостоятельное направление.

На этом этапе как в Шипуновской школе, так и в других школах Алтайского края самостоятельной формой работы с памятью являлись переписка и общение с историческими деятелями, чтение тематической литературы, поиск и сбор материалов, что в совокупности влияло на формирование советской гражданской позиции. Для работы с участниками советской истории были разработаны методические рекомендации, которые помогли организовать поисково-исследовательскую работу среди односельчан. Например, известным в крае учителем истории и краеведом Е. Назаровым, создавшим Сорокинский (Заринский) школьный музей, была организована работа по поиску материалов о земляках – участниках Гражданской и Великой Отечественной войн. Созданное при музее звено следопытов разыскивало бывших выпускников школы первого выпуска 1939 г., которые почти в полном составе были на фронтах Великой Отечественной войны. Следопыты опрашивали старейших учителей и жителей села. В дальнейшем, в 1966–1967 гг., к поисковой работе были привлечены учащиеся как 9–10-х, так и 5–8-х классов, более 300 человек, которые изучали жизнь своих односельчан, их подвиги на фронтах. За отдельным классом закреплялась улица села с местами проживания участников Великой Отечественной войны, с которыми устанавливалась тесная связь. Так формировалось уважение к старшему поколению и признание его заслуг. Собранный материал о земляках – о 64 участниках Гражданской войны и 78 участниках Великой Отечественной войны экспонировался в школьном музее [11, л. 85, 86, 89].

Преобладание коммуникативных форм (диалога старших и младших поколений) было повсеместным в школьной музейной практике. По словам А. С. Лентьева при музее Шипуновской школы существовало несколько групп, у каждой из которой было свое направление работы. Одной из приоритетных была тема дружбы народов. В школах советского времени одной из форм работы для воспитания интернационализма как провозглашенной советской ценности были клубы интернациональной дружбы – КИДы. КИД музея при Шипуновской школе поддерживал связи со школьниками Украинской, Армянской, Молдавской ССР. Ребята вели переписку, обменивались делегациями, участвовали в совместных проектах. Как рассказывал Александр Сергеевич, «Нестеровский район Львовской области. Это Украина. Такая дружба у нас была. Наши [учителя] ездили туда, ученики, и шло соревнование, переписывались.. К нам они приезжали как руководители, наши туда ездили. Их ученики приезжали к нам на уборку свеклы. Роднинская школа [передовой колхоз Родино], там у них интернат, там они и жили, там и работали они. Наши ученики ездили туда на уборку фруктово-ягодных... Соревнования между районами [Нестеровский район Украинской ССР и Шипуновский район РСФСР]. Наша школа... Сколько?.. трижды, по-моему, была победителем и нам вручили на вечное хранение знамя Нестеровского района. Я храню его, оно сейчас здесь. Мне его некуда деть. Фотографии есть, было 50 лет району, они приезжали к нам. Семьдесят четвертый год. Большая делегация. У меня альбомы эти есть с фотографиями. С Молдавией переписывались, дружили... Комратский район [совр. Приднестровье]... С районом там переписка... где-то с семидесятого. Как и с Украиной. Наверное, столетие Ленина. Дата такая, надо было что-то приурочить. Тогда же этим жили... все. И Армения. Степанакерт, с ними переписывались...» [4].

Вторая, поисковая группа при музее занималась «перепиской как раз с ветеранами. Поиск. Например, Подгорбушкин Иван Дмитриевич, он написал. А там он пишет: „А со мной учился Малахов“. Вот, ищем Малахова. Нашли, а он в Рубцовке... А он еще фамилию называет. И вот так переписывались. И искали, поиск. И вот все материалы вот эти [хранились в музее] Вот именно группа „Поиск“ А их несколько было» [4]. Группы набирались руководителями из учителей, участвующих в жизни музея. Как рассказывал Александр Сергеевич, «Вот первая группа. Началась в семьдесят четвертом году, в пятом классе они были детки, всё – закончили школу. Осипова [учитель литературы] набирает опять [группу], пятый класс. Вторая группа продолжается... Да, потом выпускает, и другой набор. Потом она ушла. Потом я руководил этой группой. Ну вот, пришли к современному. Но сейчас, буду говорить честно, сейчас нет такого» [4].

Как показывает анализ школьных музейных практик, конец 1960-х – начало 1970-х гг. являлся важным переходом от коммуникативной рабо-

ты с памятью: от памяти о революции и Гражданской войне к памяти о Великой Отечественной войне. В алгоритме календарных и памятных дат советского времени сильный толчок в мемориализации дал юбилейный год Великой Победы в 1975 г. Сыграло роль то, что к этому времени почти не осталось в живых участников Гражданской войны. Определенный итог подвели в 1967 г. – в год 50-летнего юбилея Октябрьской революции, который показал, в том числе на Алтае, смену поколений партизан гражданской войны фронтовиками Великой Отечественной войны.

Собственно, этими обстоятельствами, по-видимому, был вызван приказ Министерства просвещения от 20 сентября 1967 г. «О мерах по дальнейшему улучшению деятельности школьных музеев» [12, л. 7], который оказал влияние на исследовательско-поисковую работу музеев на рубеже 1960–1970-х гг. Он «сверху вниз», от государства к обществу, смотивировал массовое движение детей и молодежи в разных поисковых направлениях. В докладе В. Г. Косых, заместителя заведующего крайоно Алтайя, было отмечено, что «в крае сейчас в каждой школе есть музей или уголок Ленина или комната боевой славы...» В 1971 г. Алтайская краевая детская экскурсионно-туристская станция (открыта в августе 1938 г., с 1974 г. – Алтайская краевая станция юных туристов, КСЮТУР), руководствуясь приказом № 241 Министерства просвещения РСФСР «Об организации Всероссийской экспедиции пионеров и школьников «Мое Отечество» от 14 августа 1970 г., подготовила и представила уже лучшие школьные краеведческие музеи на краевой выставке достижений народного хозяйства (ВДНХ) [13, л. 8, 28].

Таким образом, с 1970-х гг. многие ленинские комнаты, дополняя материал о жизни населения села в годы войны, его подвиге на фронте в тылу, преобразовывались в комнаты боевой и трудовой славы, а затем в краеведческие музеи как более универсальные места памяти. На эти процессы влияла не только «сверху» государственная политика памяти, но и инициатива «снизу» – от воевавшего поколения, от поколения детей победителей, выросшего под влиянием рассказов поколения отцов и поколения внуков чье мировоззрение формировалось в русле мемораций и коммемораций победы над фашизмом. К этому поколению относился и А. С. Лентьев.

Как показывает интервью с ним, под влиянием внешних и внутренних факторов преобразование в комнату боевой, позже и трудовой славы, а затем в мемориальный музей прошла и ленинская комната Шипуновской школы: «Тысяча девятьсот семьдесят четвертый год. Директор – Телегина Антонина Васильевна. Увидев у меня какие-то задатки или что там – способности к организаторским... И назначила меня, тогда назывался организатор по внеклассной работе. Ну это замдиректора по воспитательной сейчас. Это был семьдесят четвертый год, сентябрь. И у меня мысль сразу: а сле-

дующий-то год семьдесят пятый... На следующий год тридцать лет Победе. Я моментально подумал, значит, надо начать работать в этом направлении. Как-то подходит Осипова Галина Васильевна – учитель литературы, она военных лет сама. Вот, училась, и брат ее учился и погиб на фронте. Подходит и говорит: „Вот в газете написали про дочь военкома города Алейска про Валю Олешко¹“. Вы слышали про нее, какой подвиг она совершила. Но ведь наши тоже совершали подвиги. Но никто не знает» [4].

В последней фразе учителя – А. С. Леонтьева, как представителя поколений «детей войны», и учительницы из семьи погибшего фронтовика – Г. В. Осиповой как раз и отражается инициатива «снизу» увековечить память своих односельчан. В их семьях фронтовиков выросло молодое поколение, воспитанное на уважении памяти о войне: «Галина Васильевна, давайте начнем собирать. И начали собирать. Она знала всех ветеранов, кто учился, кто воевал. Началась переписка... Слава богу, у меня сохранились сейчас все» [4]. В рассматриваемом случае работа над военно-мемориальной памятью началась по инициативе учителей: «Потом, когда первая встреча [ветеранов] была, к нам приехали из разных уголков, даже страны, не только края... Самая-самая первая [встреча] у нас была... Если это не сентябрь, то в октябре, в конце октября семьдесят четвертого. Собрали первых [фронтовиков], просто в столовой собрали. Поговорили, ну, так сказать: вы напишите воспоминания... Фотограф Копылов сфотографировал их. И уже у нас было что-то [с этого начали формировать фонды боевой славы односельчан]» [4].

Основными методами работы с памятью в 1960–1980-е гг. по-прежнему являлись опросы и беседы с носителями информации, то, что на современном этапе называют устной историей. Ее развитие в России начинают с 1989 г. Но опросные технологии использовались в работе исследователей всего XX столетия, в том числе в школьных музеях. Для этого в

1950–1980-е гг. сложилась благоприятная почва. Это мотивация «сверху» и мотивация «снизу» увековечить боевые и трудовые подвиги. Это и наличие в каждом населенном пункте участников военно-революционной и трудовой жизни. Это появление молодого советского поколения, воспитанного на социалистических идеалах. А. С. Леонтьев вспоминал, что, когда он начинал создавать свой школьный музей, «их [ветеранов] так много было, вообще через одного, наверное, были ветераны, ветераны, участники, участники»; жалел, что упустил время: «Потом только остатки записал... Ну их так много было... Если в возрасте человек был, он явно был участник войны» [4]. Со сменой в 1960–1970-е гг. носителей памяти о Гражданской войне участниками Великой Отечественной войны основная работа велась с фронтовиками. Как сказал А. С. Леонтьев, «...и начали работать, собирать материалы. Группа [поисковиков] работала постоянно. А 19 апреля 1975 г. уже большой праздник в комнате в этой был, собрались ветераны, уже торжественное такое мероприятие провели» [4].

Регулирование сверху школьного музееведения при всех издержках (больше всего критикуются идеологизация и политизация) имело и ряд преимуществ, которые предоставляла советская система: система поощрений руководителей музеев; система повышения квалификации, оказания методической помощи школьным музейщикам, издание научно-методической литературы для директоров музеев. Моральным фактором являлись почет и уважение к директорам музеев и поддержка патриотической и исследовательской работы школьных коллективов. О некоторых способах поощрения рассказывал Александр Сергеевич. Например, о награждении его как директора музея туристической путевкой за хорошую работу, которое вылилось в приключение: «Меня поощрили путевкой как победителя в Ульяновск, на родину Ленина. Вот приехали мы в Барнаул, вот собралась группа победителей. И выходит руководитель-начальник и говорит: „Знаете что, а группа [в Ульяновск] не набралась на самолет» [обычно под такие корпоративные туристические группы заказывали весь самолет]. Мы: „А как? Нас провожали. Победители поехали, приедем...?“ Он: „А знаете, что, давайте сделаем так. Вы [как грамотные учителя] поедете руководителями какой-нибудь группы туристической куда-нибудь. Кто в Горный Алтай, кто куда“. И на меня: „Вы куда? Вот туда или туда? Надо в Ташкент“. Давайте в Ташкент. Я никогда нигде не бывал, ни в группах, тем более группу везти. Всё, завтра в семь часов встречаемся вот там около аэровокзала. Приходят эти экскурсанты, взрослые люди с завода „Трансмаш“ [бесплатные курортные и туристические путевки широко практиковались в советской системе поощрений работников не только образования, но, прежде всего, сельскохозяйственных и промышленных предприятий, а также здравоохранения, культуры и др. сфер]... Их там человек двадцать или сколько там. Я руководитель. Они мне во-

¹ Подвиг разведчицы. Валентина Олешко <https://dzen.ru/a/Zc7hzVI15nBNem4z>; В 2024 г. исполняется 100 лет со дня рождения Валентины Иосифовны Олешко – советской разведчицы. Сейчас ее именем названы улицы в г. Алейске, с. Дружноселье (где она похоронена в братской могиле). На доме, в котором жила Валентина, установлена мемориальная доска. Валентина Олешко – героиня документальной повести Бориса Гусева «Подвиг разведчицы». До 1973 г. о ней писали: «Бывшая советская разведчица, радистка, была заброшена с группой в ближний тыл противника. На связь с центром выйти не смогла. Добровольно сдалась в плен. По непроверенным данным, состоит агентом фашистской разведки». На эту справку в 1973 г. наткнулся журналист Борис Гусев, который провел изыскания в архивах, в том числе контрразведки, и реконструировал судьбу разведчицы, которой был посмертно присвоен орден Красной Звезды. «Я называл вас фрейлейн...». История разведчицы из Алейска». <https://www.ap22.ru/paper/Ya-nazyval-vas-freyleyn.html#:~:text=>. История о В. Олешко стала известна как раз в 1974–1975 гг., что подтолкнуло и шипуновцев к изучению своих фронтовиков.

просы: „А когда и как? Когда мы будем?“ Понятия не имею сам, я не знаю, где билеты, куда... Ну короче, все-таки полетели туда. Прилетаем. Ой, писать письмо надо [домой], телеграмму „Прилетел в Ташкент, нормально“... Утром экскурсия по городу, поедем туда, туда. А эти экскурсанты: „Нафиг нам ваш город. Вы нас на базар везите“. Им дали бесплатно эти путевки, наградили их, и всё. Короче, они там на базаре. Я туда с копейками со своими, никуда. Поехал в метро. И по Ташкенту в метро. Выйду, зайду, выйду, зайду. Поехал там еще на площадь какую-то. Ну старинная... Не Самарканд, строения такие красивые их. Забыл, как называется. Там поехал, там посмотрел. Всё, доволен. Надо лететь назад, а билеты... ехать куда-то, предупредить, чтобы был провоз. А потом, когда приехали [в Барнаул], успокоился... Господи, вот это наградили меня!» [4].

1990-е годы в истории школьного музееведения и развитие музеев в 2000–2020-е годы. В основу создаваемых музеологами, педагогами, культурологами последние тридцать лет периодизациях школьного музееведения положены принципы государственной политики, степени ее идеологизации. Примером обвинительного уклона в оценке школьных музеев советского времени служит следующая цитата: «Первоначально школьные музеи развивались как учебно-наглядные кабинеты. Позднее, в 1930-е гг. (уже в советский период) музейное дело было поставлено в жесткие идеологические рамки» [15, с. 445]. Что касается 1990-х гг., то даются более сдержанные оценки. Так, исследователь С. С. Леонтьев, обосновавший несколько этапов развития музейного дела, пишет о музеях на восьмом этапе 1990-х гг.: «Они переживают известный кризис и подвергаются модификациям, связанным с коренными изменениями в общественной и экономической жизни страны. Мы выделяем этот период как восьмой этап в истории школьных музеев России. Часть музеев приходит в упадок либо закрывается, что объясняется сменой идеологических приоритетов...», в том числе «слабой преемственностью в работе руководителей (на смену энтузиастам 1970–1980-х гг. не всегда приходят новые кадры)... С другой стороны, некоторым музеям удастся не только «выжить» в условиях нового времени, но и отразить его требования и тенденции» [16, с. 46].

При любых мнениях и оценках советских практик опыт школьного музея с. Шипуново, прошедшего через 1990-е годы является уникальным, в том числе для определения места личности учителя – педагога – директора музея в процессах сохранения социальной памяти сельского общества. Оценка 1990-х годов в интервью А. С. Леонтьева и его роли опирается на собственный эмпирический опыт спасения музея и его жизненную позицию, которая базировалась, по его словам, на советских убеждениях: «Просто очень много же коммат погубило и ленинских, и боевой, трудовой славы. Их просто некому было сохранять! Это хорошо, вот настояя я... Вижу, что творится. Значит, вообще не могу, значит фотография есть у нас где-то... журнал. И до-

рогая мамочка... идет библиотекарь. И вдруг вот этот плакат, некуда иначе, как в мусорницу. Обклеили этим плакатом [стены]... Вот как вот можно было... Не могу, до того тяжело вспоминать вот это... Да, вот началось когда. Что ты! Эйфория [после перестройки]. Всё, заживем теперь! Ага. До основания [разрушим], а потом что?» [4].

В условиях реализации новой государственной политики памяти, отрицавшей достижения советской эпохи, А.С. Леонтьев, в отличие от многих директоров музеев сумел сохранить фонды и стенды школьного музея. В его интерпретациях развития школьного музееведения проявляются черты советского человека, который не смог смириться с сокрушающим отношением к памяти и к прошлому, к ревизии историко-культурного наследия сельского общества: «Во время перестройки... Плохо, когда руководитель из отдела безопасности [вмешался в музейный процесс]. И вот в этот момент получилось так, что... Если честно, я психанул. И сказал: „Я уйду!“ И ушел. С классом работали, год или два [продолжали музейную работу]. А он историк, и в райкоме партии он был. И всё, пришел, и первым делом – уничтожать всё ленинское. И вот куда дели, я даже не знаю. Была полностью линия Ленина. Их 15 даже было или 13 скульптур, и все они были [потеряны]... Я что успел схватить, сохранить. Потом директору школы говорю: „Что делаешь? Давай я вернусь, давай восстанавливать заново со своим классом“. Вот тот как раз класс. Со своим классом пришли. Тут до рукопашных доходило... Куда... Выкидывал, и всё. Столько было писем с фронта, что я их хранил отдельно. На машинке перепечатал, и, когда надо, вот оно, это письмо. Всё, перепечатанные и остались письма [копии], [оригиналы] исчезли... Вот... Это девяностый, ну, наверное... Это когда? Девяносто четвертый, да? Нет, я правильно говорю – девяносто четвертый. Значит, девяносто второй. Потом вынудил [директора музея] все-таки, всё [убрали] отсюда [из кабинета]» [4].

В Шипуновском районе, по свидетельству Александра Сергеевича, в 1980-е г. ранее были музеи в каждой школе. Остались единицы: «было много ленинских, боевых, трудовых коммат... В крайнем случае уголки были везде». За многими из них стояла память о боевом и трудовом подвиге земляков и односельчан. С их ликвидацией директор Шипуновского школьного музея связывает потерю памяти, в том числе через постперестроечную девальвацию героев войны и труда: «У нас вот был Чернышенко¹ – защитник дома Павлова. Он погиб. Два человека погибло. Мы удивляемся. Он учился у нас... один год учился. Он там учился, село Шипуново [в Шипу-

¹ В Книге памяти Алтайского края (т. 8, с. 892, Шипуновский район, в списках по Российскому с/с) напечатано: «ЧЕРНЫШЕНКО АЛЕКСЕЙ НИКИФОРОВИЧ, род. 1923, русский. Призв. 1941, мл. л-т. Погиб в бою 25.11.1942 при защите Дома Павлова, г. Сталинград. Похор. брат. мог. г. Сталинград

новском районе два Шипуново — райцентр и село]. Он там [село Шипуново] жил, там родители жили, там сестра его жила. Передайте мне, передайте мне, музею [материалы комнаты сельской школы]. Всё, всё исчезло. Они приезжали, дети приехали ко мне в школу. А вы не знаете, кто такой Чернышенко? — Нет, а кто такой? — Здравствуйте! Ничего там не осталось... Эти историки краеведением занимались. Ну где это всё? Ничего не оставили. Всё выкинули, опять же девяностые годы начались. Комнат много было...» [4].

Пересмотр и ревизию героев и антигероев А. С. Леонтьев, как советский человек, не принял. Как не принял обвинения советских практик в сакрализации, идеализации, идеологизации и политизации истории Великой Отечественной войны и ее героев. В его модели советского человека крупным планом отношение к таким именам, как Зоя Космодемьянская, имя которой носила пионерская дружина Шипуновской школы, базировалась на коммуникациях с фронтовиками, вернувшимся с войны, на общении с матерью Зои с которой следопыты школьного музея переписывались. Так же как к именам защитников Сталинграда, среди которых был и уроженец села Шипуново сержант Чернышенко, которые в 1990-е гг. подвергались дегероизации в процессе разоблачения «советских мифов, созданных для оболванивания населения». К этому же относятся попытки пересмотра итогов Второй мировой войны и роли СССР. Как вспоминает Александр Сергеевич, «дружина наша носила имя Зои Космодемьянской. В 1946 году присвоили это имя... В шестьдесят восьмой... тогда прозвучало на всю страну это имя. Ну и всё, и выбрали Зою. И наши пионеры ездили в Москву в 201-ю школу, где Зоя училась. Встречались с Любовью Тимофеевной, с мамой. Переписка шла долгое время. У меня есть открытка, фотографии. Это было 60–70-е годы. Конец 60-х. Даже 70-х. От семьдесят шестого года... всё хранилось в пионерской комнате. Всё это в пионерской утерялось. Я успел сохранить что-то... сами письма... Там потерялись они, а что я успел у них, как сказать, конфисковать, то есть насильно взять, то сохранилось» [4].

Как директор музея, он вступил в 1990-е годы в борьбу за сохранение памяти, против государственной политики забвения боевых и трудовых достижений советских людей. О методах борьбы говорит следующий диалог директора школы и директора музея из интервью с Александром Сергеевичем: «[Директор школы]: „А что если я тебя переведу в другой кабинет? Поменьше, туда“. [Директор музея]: „Знаешь, я с радостью. Вот с радостью. Ты только напиши приказ: уничтожить музей. А я отправлю в Москву, у меня зарегистрировано [музей имел регистрацию]. Отправим“. Как он психанул: „Приготовься, сейчас придут из администрации смотреть, где комнату можно освободить. Сейчас придут“. Я говорю: „Пусть придут“. А они мимо проходят и не заходят даже. Куда заходить? Они не знают, что это за музей» [4].

Дальнейшее развитие музеев в 2000-е гг. историки представляют, что «в конце 1990-х годов школьные музеи выходят на новый уровень своего развития. Их открывают с четкой задачей: усиление патриотического воспитания молодежи. Именно с этой позиции культурно-образовательной деятельности в работе и развитии школьных музеев уделяют повышенное внимание» [16].

Главным направлением в музейной работе А. С. Леонтьева стало расширение мест памяти о трудовых достижениях и боевых подвигах земляков. Новое название «Память — это мы» А. С. Леонтьев объяснил протестом против политики забвения памяти: «...Когда в 2006 г. мы паспортизировались первый раз, мы были как историки школы. А потом советская стала пробивать. Почему, я говорю... про Леню Голикова никто не знает. И вообще мораль. А почему про Матросова [не знают]? Почему про этих? Почему только об этом никто не говорит? И я начал говорить. Тем более у меня есть материалы эти. И тогда и назвал — „Память — это мы“. Пока мы есть, и будет память. Вот!» [4]

Процесс возрождения школьных музеев, как показывает реконструкция музея «Память — это мы», происходил «снизу» на уровне сельского или городского общества. Основу составили экспонаты, собираемые А. С. Леонтьевым с 1960-х гг. и спасенные им при разрушении пионерских и ленинских комнат, комнат боевой и трудовой славы, в которых они хранились разрозненно. На этом этапе связующими между локальной памятью и музеями стали школьные учителя, местные краеведы и местное население, заинтересованное в сохранении памяти. Среди них были те, кто прошел в советское время школу музейной работы под руководством Александра Сергеевича: «Однажды встречается мне бывшая ученица, Зоя. „Александр Сергеевич, мне стыдно! И не знаю, как поступить“. Женька, сын ее, у этого товарища писал работу. „И он принес домой письма [фронтовиков], и они уже сколько лет лежат, выкинуть жалко. Нести стыдно. Как мне быть?“ Я говорю: „Да принесите“. Когда она принесла все эти письма, воспоминания, все вот переписки, я проследил вообще... Очень много же комнат погибло — и ленинских, и боевой, трудовой славы. Их просто некому было сохранять! Это хорошо, это вот настоял я еще. Вижу, что творится...» Именно социальная память стала той нитью, которая связывает советскую и постсоветскую эпохи, что и отразилось в названии школьного музея «Память — это мы».

На современном этапе об изменениях в школьном музееведении свидетельствует возросший интерес государства и общественно-политических движений к формированию исторической и культурной памяти. Вот как говорит об этом 85-летний руководитель музея: «Хотите похвастаться? „Единая Россия“ [правящая политическая партия] провела конкурс музеев. И мой музей занял второе место в Сибири... В то время в Сибири. Это Новосибирск сюда, Томск, Кемерово и прочее, только Красноярск побе-

дил. И поощрение 300 тысяч рублей. Сначала говорили, что 13% высчитают. Нет, полностью пришли... Телевизор вот здесь [для музея купили]. И вот там в уголке интерактивную доску, не доска, как столик. Прямо сюда это все внесли, чтобы пришли детки [в музей], кому надо» [4].

В заключение следует отметить, что музейщик всегда находится в центре коммуникации между государством и обществом, между социальной и исторической памятью; между потребностью увековечивания снизу и увековечиванию сверху, между политикой памяти государства и памятью общества. Связь музеев, в том числе школьных, с государственной политикой памяти является особенностью не только отечественной практики, но и зарубежной. Это связано с той ролью, которую играет образование в процессах формирования идентичности – гражданской, культурной, региональной, национальной и др. Даже при заявляемой в той или иной стране абсолютной свободе человека от разного рода «зависимостей», борьба с местами памяти в культурном ландшафте и культурной памяти показывает, что отстраниться от этого невозможно (примером служит снос памятников президентам эпохи рабства в США, Наполеону во Франции и т. п.).

В советское время работа с памятью базировалась на советской версии истории, на современном этапе – на современной истории, которая конструируется вместе с новой национальной идеей. Но и в том, и в другом случае музеи работают с памятью. Федеральные государственные музеи больше работают с исторической памятью – памятью всего государства и общества, муниципальные сельские музеи, как и школьные, больше работают с социальной памятью, той памятью, которая хранится в памяти сельского или городского населения. При этом в большей степени подвергается конструированию и мифологизации историческая память, тогда как социальная память более конкретна и детализирована: при работе с социальной памятью исследователь опирается на конкретный эмпирический опыт односельчан. Поэтому в школьных музеях часто хранится память о тех, кто жил в том или ином населенном пункте, участвовал в тех или иных событиях. При всех политических подоплеках та информация, которая хранится в памяти местного населения, увековечивает прошлое малой родины.

Специалисты отводят менее ста лет существования в памяти информации, передающейся через со-

циальные каналы семьи [17]. Если верить главным разработчикам теории социальной памяти [18, с. 22–24], информация благодаря семейным коммуникациям хранится 3–5 поколений. Социальная память может быть коллективной и индивидуальной. Как правило, коллективная социальная память сопровождается коммеморациями. Для музейщиков важно сформировать места памяти людей советской, постсоветской и современной эпохи, которые оставляют следы в локальной истории – это и истории колхозов и племсовхозов, пионерских организаций и героев соцсоревнований, так же, как и история Великой Отечественной и Гражданской войн, раскулачивания, коллективизации и индустриализации, перестроечных и постперестроечных процессов, достижений сегодняшнего дня. Музеи как площадки памяти должны хранить информацию о победах и достижениях; о гордости и трагических страницах. Но если в стране эта работа ведется на федеральном уровне в государственных музеях, то в селе это работа школьных музейных площадок. И в центре ее работы находится личность его директора, как хранителя памяти.

T. K. Shcheglova

«So long as we exist, the memory will remain»: museum studies, commemorations and the director of school museum «in close up» in the context of historical events of the years 1960–2020^s

Abstract. The article considers within the framework of memory anthropology and Sovietness anthropology the development of school museums in the period of the years 1960–2020^s, their determination by the federal government policy and community demands. The main conclusions are made on the basis of analysis of activity of the director of school museum that underwent the transformations from the Lenin room to the memorial museum «Memory – It's we». The individual case allowed to draw the general picture of school museum studies due to the use of conception of «close up in anthropology» through the influence of personality – the director of the museum, in that particular case «the Soviet person» on operations with such types of memories as social, cultural, historical. On the basis of the analysis of forms and content of school museum operations with memory a few stages of development of school museum studies have been pointed out. It is supposed that in the modern context of the appeal of the state and community to revival of school museum network the experience of methods and techniques of previous practices may be of great demand. **Keywords:** school museum, memory, memorialization, communication, commemoration.

Источники и литература

1. Примерное положение о музее образовательного учреждения (школьном музее). Приложение к письму Минобразования РФ от 12 марта 2003 г. № 28-51-181/16. // ЭПС «Система ГАРАНТ»: Мобильный ГАРАНТ онлайн. Интернет-версия / НПП «ГАРАНТ-СЕРВИС-УНИВЕРСИТЕТ» [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/1593397/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/?ysclid=m318s8ul12736234033#friends> (дата обращения: 17.09.2024).
2. Гольшева Л.Б. Музейная педагогика // Преподавание истории в школе. 2003. № 2. С. 63–66.
3. Александр Бугаев: «Школьные музеи – это воспитательные и образовательные пространства» // Минпросвещения России [Электронный ресурс] <https://edu.gov.ru/press/7761/aleksandr-bugaev-shkolnye-muzei-eto-vospitatelnye-i-obrazovatelnye-prostranstva/> (дата обращения: 17.09.2024).
4. Архив ЦУИиЭ. Леонтьев Александр Сергеевич. За-

- пись 2023, июль. Алтайский край, с. Шипуново. Интервью провела Т.К. Щеглова. Транскрибировала А. Зимица.
5. Альбом фотографий с дарственной надписью: «К. Е. Ворошилову от юных ленинцев Лебяженской средней школы на Алтае» (Фотографии, отражающие повседневную жизнь учащихся школы) // РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 3. Д. 185.
 6. Материалы об опыте работы Музея Ленина в школе села Лебяжье Алтайского края и др. // РГАСПИ. Ф. М-2. Оп. 1. Д. 255.
 7. Сагалакова Л. В. Понятие и сущность школьного музея // Наука, образование, общество: тенденции и перспективы развития. Сборник материалов XV Междунар. науч.-практ. конф. / редкол.: О. Н. Широков [и др.]. 2019 С. 18–25.
 8. ГААК. Ф. Р-1777. Оп. 1. Д. 64.
 9. ГААК. Ф. Р-1777. Оп. 1. Д. 115.
 10. ГААК. Ф. Р-573. Оп. 3. Д. 125.
 11. ГААК. Ф. Р-1777. Оп. 1. Д. 15.
 12. ГААК. Ф. Р-1777. Оп. 1. Д. 20.
 13. ГААК. Ф. Р-1777. Оп. 1. Д. 40.
 14. ГААК. Ф. Р-1777. Оп. 1. Д. 44.
 15. Комиссарова И. А. Школьные музеи Ивановской области: история, традиции, деятельность // Мир Большого Алтая. 2016. Т. 2. № 3-1. С. 441–449.
 16. Фестиваль «Зеркальский карась»: становление праздничных традиций в современной деревне
 17. Леонов Е. Е. Исторический аспект появления и развития школьных музеев в России: периодизация, проблемы, особенности работы // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2011. № 17-2. С. 39–49.
 18. Илизаров Б. С. Роль ретроспективной социальной информации в формировании общественного сознания (В свете представлений о соц. памяти) // Вопросы философии. 1985. № 8. С. 60–69.
 19. Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое лит. обозрение, 2014. 328 с.

DOI 10.37386/2687-0592-2024-12-226-233

УДК 398(571.150)

К. В. Сотникова

Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул, Российская Федерация.

Фестиваль «Зеркальский карась»: становление праздничных традиций в современной деревне (по полевым материалам 2024 г.)¹

Аннотация. Статья посвящена исследованию культурной жизни деревни на примере фестиваля «Зеркальский карась». В работе анализируются причины возникновения этого праздника, детально описывается его содержание, а также проводится сопоставление с аналогичными праздниками. Особое внимание уделяется анализу мнений участников и зрителей, собранных в ходе полевых исследований. На основании полученных данных делается вывод о том, что организация подобных фестивалей оказывает благоприятное воздействие на сельские территории, способствуя поддержанию их жизнедеятельности. **Ключевые слова:** фестиваль, праздник, сельское мероприятие, природный ландшафт, гастрономическое мероприятие, традиции.

Актуальность данного исследования определяется увеличением числа праздничных мероприятий, организуемых в последние годы на уровне сельских поселений и районов. Особое внимание уделяется событиям, которые входят в праздничный календарь и становятся ежегодными народными гуляниями. Эти праздники отражают идентичность и демонстрируют сплоченность сельского сообщества, способствуя поддержанию жизнедеятельности деревни. Анализ данного вопроса позволяет выявить потребности села, что является основой для развития его культурной жизни и предоставляет возможность оценить значение праздников в контексте современного сельского общества.

Праздничные гуляния привлекают внимание специалистов из различных научных областей. В работе Н. В. Дьяченко обсуждается формирование региональной идентичности через создание уникального бренда, основанного на гастрономических характеристиках Алтая. По мнению автора, праздни-

ки служат средством демонстрации достижений в таких традиционных для региона отраслях, как пчеловодство, сыроделие и выращивание гречихи [1]. Однако настоящее исследование сосредоточится на мероприятии, которое еще не получило широкого признания на региональном или межсубъектном уровне. Мероприятия подобного масштаба вызывают интерес у ученых, поскольку в практико-ориентированных исследованиях, посвященных актуальным аспектам сельской праздничной культуры, авторы стремятся оказать поддержку организаторам, предлагая направления для дальнейшего развития и формулируя рекомендации, акцентируя внимание на нравственно-духовной значимости праздника [2]. Прагматичный подход к фестивальному движению на примере Пермского края представлен в работе В. Я. Фокина, который придает важность ярмарке как элементу праздника, рассматривая ее как инструмент, способный поддержать сельское население, «живущее за счет изготовления изделий местных ремесел и народных промыслов, производства и продажи сельскохозяйственной продукции, даров природы и продуктов их переработки». Это, в свою

¹ Выполнено под научным руководством д-ра ист. наук, проф. Т. К. Щегловой.

Рис. 1. Стол улиц Песчаная и Береговая «Деревенская свадьба». Фестиваль «Зеркальский карась». Июль 2024 г. Архив ЦУИиЭ АлтГПУ.

очередь, помогает удерживать людей от миграции в город и сохранить сельские поселения, а также традиционный деревенский быт [3, с. 78].

Цель данной статьи – подробно описать фестиваль «Зеркальский карась», что позволит провести его сопоставление с другими сельскими мероприятиями аналогичной тематики, входящими в современный праздничный календарь Алтайского края. Мы стремимся выделить те элементы события, которые способствуют уникализации данного мероприятия среди прочих. Для сбора информации о фестивале и населенном пункте, в котором он проходит, были использованы методы интервьюирования и непосредственного наблюдения. Данные о других мероприятиях были собраны из материалов периодической печати и отчетов организаторов.

Описание природного ландшафта местности, где проходит праздник, дает необходимый контекст для понимания того, почему возникло это культурное событие. Вблизи села Зеркалы, где проходит фестиваль, находится озеро Зеркальное. Специалисты в области водных и экологических проблем дают следующую физико-географическую характеристику водоему: «Долина р. Барнаулки, к которой приурочено вышеуказанное озеро, вложена в одноименную ложбину древнего стока и занята массивом Барнаульского ленточного бора. Озеро Зеркальное – самое нижнее в цепочке озер – считается истоком р. Барнаулки» [4, с. 49]. По информации местных жителей, именно это озеро стало основой для современного названия поселения. Библиотекарь с. Зеркалы О. И. Харченко рассказал предание: «Когда в 1902 году церковь нашу открыли, и это село было Болвашкино, и поп предложил: „А давайте переименуем село, потому что, ну, как-то не очень быть болвашкинским, да? Давайте назовем его Зеркальное. Озеро как зеркало. Давайте и село назовём Зеркалы“. И вот так оно в 1902 году стало Зеркалы» [5]. Однако еще до упомянутого события Болвашкино од-

новременно именовалось и «Зеркало», и «Зерцало», то есть характеристика озера была отражена в названии поселения задолго до этого [6, с. 47]. Со слов жительницы Р. С. Щегловой, «сначала Болвашкино оно [село] называлось. Ну, так считается, что переселенцы ехали, и здесь когда-то, вот на этом месте, был сплошной бор, вот и остановились они. Здесь озеро было. С той стороны бор, с этой стороны бор. Тихое [озеро], как зеркало, поэтому назвали потом село Зеркалы, потому что озеро было тихое и спокойное, ну как зеркало действительно». Первое название села по одной из версий также имеет косвенное отношение к озеру – «переправляли через озеро такие сосны огромные, что их выдалбливали, такие как челны – вот эти „болваны“ называли, поэтому Болвашкино», – дополнила Р. С. Щеглова [7].

Красота озера отмечается многими респондентами, однако в прошлом помимо этого оно имело важное хозяйственное значение для поселения. В цепочке озер, расположенных на приборовой территории, «наиболее многочисленны два вида карасей – золотой и серебряный. Самыми рыбными водоемами из рассматриваемых являются Песьяное и Зеркальное» [5, с. 50]. В. А. Виканова, коренная жительница Зеркал: «Купались и рыбу ловили. У нас озеро очень хорошее. Рыбы много. У нас природа хорошая: и грибы, и ягоды, и рыбка». Говоря про то как сегодня обстоят дела, она отмечает: «Правда, рыбачат мало, мало кто рыбачит. Удочками сейчас-то, рыбтрест у нас был, тут рыбы много прям ловили, продавали, возили в Шипуново, по селам» [8]. По воспоминаниям Л. Н. Тумашовой, «наша рыба на весь край славилась, это сейчас ее всю вытравили. Катерами ловили! Катера здесь плавали. Катера...» [9]. Как видим, некоторые жители выражают беспокойство по поводу состояния озера. Г. В. Криволап связывает это с обработкой полей: «Сейчас же одна химия сплошная. Вот и загадили озеро. И всё-всё, оно пропадает». «В основном сейчас все рыбачат в Коробейниково,

Рис. 2. «Аптека». Фестиваль «Зеркальский карась». Июль 2024 г. Архив ЦУИиЭ АлтГПУ)

там в Шуракшевом бору озеро¹. Оно никак и не относится ни к деревне, ни к полям. Туда ничего не попадает. Вот сейчас там хорошие рыбы» [10].

В исследовании Т. К. Щегловой, посвященном системе жизнеобеспечения населения в экстремальных условиях Западной Сибири и основанном на обширных полевых материалах, подчеркивается, что разнообразие природных ресурсов предоставляет сельскому населению значительные жизнесохранительные преимущества [11, с. 52]. Если в приведенной работе речь идет о физическом выживании сельских жителей в сложные времена, на сегодняшний день российская деревня также сталкивается с кризисом, но другого характера. Окружающая природа продолжает выступать поддерживающей силой для деревни, однако теперь ее роль изменяется: она способствует раскрытию культурных практик, что, в свою очередь, помогает селу проявить себя и выжить. С точки зрения анализа факторов, повлиявших на зарождение традиций проведения народных гуляний существование фестиваля «Зеркальный карась» является свидетельством того, как природный ландшафт может стать культурным символом для местных жителей и вдохновить сообщество на создание праздника. В 2023 г. мероприятие было проведено в первый раз и нашло отклик среди населения. За последние годы праздники со схожим смыслом проходили в Алтайском крае в нескольких районах, которые богаты водными ресурсами, будь то реки или озера: с. Гуселетово Романовского района – «Его величество Карась», фестиваль «Ухи хватит на всех!» в Новичихинском районе, «День карася» в с. Харитоново Завьяловского района, гастрономический фестиваль «Жареный карась» в Быстроистокском районе.

В 2024 г. фестиваль «Зеркальский карась» стал одним из трех мероприятий, включенных в марфон культурных событий в муниципальных образованиях Алтайского края «Культпоход» от Шипуновского района, он привлек около 800 человек [12]. Ор-

ганизаторами фестиваля в Зеркалах выступили заведующая местным СДК Е. В. Шипулина, она же является идейным вдохновителем праздника, а также О. И. Харченко (заведующая библиотекой), депутаты Зеркальского сельского совета во главе с Т. П. Тумашиевой (глава Зеркальского сельсовета) [13].

Существует мнение, что одним из критериев, позволяющих классифицировать праздник как фестиваль, является самостоятельность и независимость организаторов в выборе времени его проведения. Это подразумевает, что основа фестиваля не заключается в каком-либо конкретном событии, а главной является «идея праздника, определяющая его специфику, особенности организации, постановки, режиссуры и т. д.». Этот момент иллюстрирует подход Е. В. Шипулиной, которая в ходе обсуждения фестиваля говорит: «Мне захотелось устроить народный сельский праздник для всех жителей Зеркал. Но чтобы люди не сидели и не смотрели со стороны, а участвовали в программе» [13]. Таким образом, фестивальное направление народного гуляния предоставляет специалистам в области культуры возможность адаптировать его к интересам целевой аудитории и собственным творческим устремлениям. Тем не менее предпосылки к выбору времени проведения фестиваля можно проследить в том, как его именуют местные жители. Наиболее распространенное название – «День карася», однако встречается и «День рыбака», поскольку, как и в 2023 г., мероприятие проходит во второе воскресенье июля, а в этот день рыбаки отмечают свой профессиональный праздник, который часто совпадает с христианским днем памяти апостола Петра, считаемого покровителем рыболовства. Согласно православному календарю, это 12 июля (29 июня) [15; 16, с. 23].

Согласно модели фестиваля, предложенной Ю. В. Мысливцевой, основными элементами праздничного мероприятия являются участники фестиваля и зрители [14, с. 107]. В сценарии, разработанном заведующей СДК в Зеркалах, каждый житель села получает шанс выступить как зрителем, так и участником. Это стало возможным благодаря распределению всех сельчан по командам, сформированным по улицам. Такой подход способствовал вовлечению каждого присутствующего в процесс празднования. Напротив Дома культуры, в центре села, жители накрывали свои рыбные столы с угощениями и различными видами тематического убранства по мотивам ушедшего деревенского быта. Объединенно эти площадки называли «Вспоминая старину». «Обед на сенокосе стал прообразом для поляны, накрытой улицами Заревская и Хуторская. Улицы Песчаная и Береговая представили свой стол как зарисовку деревенской свадьбы. Организовали казачий привал жители Молодежной, а улицы Степная и Луговая стилизовали свой стол под домашнее подворье. Уютно расположилась со своими угощениями в беседке представители Центральной улицы. Выбор подобного оформления обусловлен тематикой мероприятия. В 2024 г. народное гуляние организаторы

¹ Озеро Шуракша в Шипуновском районе.

Рис. 3. Конкурс от Молодёжной улицы. Фестиваль «Зеркальский карась». Июль 2024 г. Архив ЦУИиЭ АлтГПУ), через которые знакомили односельчан с традиционной русской культурой.

анонсировали как день, в который «каждый участник окунется в глубину традиций, в глубину бытовой жизни села и напитается теми основами, которые как раз и заключены в силе традиции. Значение обеда, когда все члены семьи собирались за одним столом, подчеркивается многими культурами по всему миру. Особо ценно, когда почти все село окажется за столом, это работает как мощная объединяющая сила – сила народа русского» [17].

На центральной площади в селе расположились не только столы с яствами, здесь же разместились: фотозона; «Зеркальская мастерская» по изготовлению народных куколок и свистулек; ярмарка; «Аптека»; детские игровые зоны; кроме того, была организована выставка предметов старины заведующей сельской библиотекой О. И. Харченко. показательно, что цены на ярмарочную продукцию были символическими. На прилавках жители выставили то, что к середине июля поспело в саду и огороде, а также яйца и молоко, домашние заготовки и блюда. Под конец мероприятия некоторые раздавали свою продукцию бесплатно. Не взималась и плата за вход. Нерентабельной выглядела выездная торговля в палатках, накрытые столы каждой из улиц были полны самими разными угощениями, которые предлагались гостям и соседям для дегустации, поэтому

особого спроса на платную продукцию не было. По окончании концертной программы и выступления делегации от улиц стартовали «Богатырские забавы». Эта часть празднования включала традиционные народные игры, включая физические испытания. Участвовали как взрослые, так и дети. Вечером на центральной площади состоялись танцы для всех желающих и праздничный салют.

Официальной частью мероприятия можно считать выступление главы администрации Т. П. Тумашовой. В приветственном слове глава поздравила жителей с днем села под брендом «Праздник Зеркальского карася». Сценой для выступающих стала площадь перед сельским домом культуры. Дальнейшим театрализованным представлением «Как жили наши деды» и концертной программой «Святой родник наших традиций» руководили ведущие и символ праздника – его хозяин Мудрый карась. Они посвящали зрителей в народные традиции и приметы, развлекали играми («Подушечка», «Ручеек» и др.). Творческие коллективы исполняли песни и танцы в народном стиле. Участники и часть гостей старались выдержать стиль традиционного русского костюма. С импровизированной сцены выступали воспитанники и участники коллективов местной самодеятельности, сами жители, поделенные на коман-

Рис. 4. Глашатаи преподносят хлеб-соль. Фестиваль «Зеркальский карась» июль 2024 г. Архив ЦУИиЭ АлтГПУ).

Рис. 5. Глашатаи на «русской печи». Фестиваль «Зеркальский карась». Июль 2024 г. Архив ЦУИиЭ АлтГПУ.

ды по улицам, представляли свои номера — танцы, сценки и конкурсы.

Праздник объединил разные поколения людей, поддержать выступающих в хороводе выходили дети и взрослые. В основном участие принимала женская часть населения. Присутствовали и старейшие жители села, им глашатаи преподнесли хлеб-соль.

Появление глашатаев заняло особое место в сценарии мероприятия. Они выезжали к гостям на «русской печи», которая перед началом фестиваля проехала по селу. В ее роли выступил трактор, которому местные жители придали облик узнаваемого русского народного символа.

В 2023 г. перед началом праздника на тракторе, в телеге, на которой был бассейн с водой, царь Нептун со свитой — русалками и раком — ездил по селу и созывал народ на праздник [18]. По рассказам местных жителей, это стало одним из самых ярких и зрелищных моментов празднования в 2023 г. Такая реакция участников и зрителей дает этому подготовительному этапу празднования шанс стать одним из самых ожидаемых моментов фестиваля и в следующем году. Организаторы (О. И. Харченко) объясняют такую активную включенность в процесс подготовки личными качествами жителей: «Это всё делали сами люди. Народ, я говорю, настолько талантливый, только дай задание» [5].

Следует отметить, что озеро является повторяющимся мотивом, подтверждающим свою значимость в контексте местных праздников, что находит отражение в существовании районного фестиваля исполнителей эстрадной песни «Зеркальская волна» [19, с. 16]. В рамках этого мероприятия организаторы уже выходили на гастрономическую составляющую, завершая его «традиционной зеркальской ухой на берегу озера» [20, с. 16]. Таким образом, было логично обратиться к мифическим существам водной стихии, таким как Нептун, Водяной, Кикимора и русалки, в качестве темы для первого фестиваля «Зеркальский карась».

В рамках нашего исследования особое внимание уделяется восприятию праздника местными жителями. Интересно, как они формулируют его цели

и причины проведения, а также какое мнение имеют о нем. На вопрос о мотивах организации праздника одна из опрошенных, Л. Н. Тумашова, ответила: «Ну, надо же все равно село маленькое чтоб, что ж, взбодрить-то, вот они и устроили этот День карася» [9]. Это позволяет предположить, что мероприятие вносит разнообразие в повседневную жизнь села. Примечательно, что респонденты сами инициируют упоминание праздника; например, Е. М. Некипелова вспоминала первый фестиваль и приглашала на предстоящее событие: «Завтра приходите, у нас будет хороший праздник, „Зеркальский карась“. Там угощения. Очень хорошо было. Приезжали с района. А детям привозили и вату, это там с района тоже, и какой-то батут был, прыгали дети. Я вот тогда ходила, хорошо было» [21]. Респонденты подчеркивают роль заведующей СДК Е. В. Шипулиной как талантливого организатора массовых мероприятий, что дополнительно объясняет причины возникновения празднования. Местные жители и коллеги (О. И. Харченко) положительно отзывались о ее работе: «Ну, потому что у нас такой отличный руководитель. Ей нужно постоянно проявлять свое творчество где-то» [5]. О ее деятельности как заведующей говорит Е. М. Некипелова: «Хорошо у нас в клубе! У нас хорошо работает все это» [21]. Здесь можно вспомнить песенный фестиваль «Зеркальская волна», который тоже организовала она. В 2024 г. он прошел уже десятый раз и стал значимым событием, приобретая со временем статус районного [19, с. 16].

Е. Ф. Фурсова в своей исследовательской работе, посвященной празднованию сельских престольных праздников в конце XIX — начале XX в., отмечает, что «общепринятым было мнение о „хорошем“ празднике как о многолюдном» [22, с. 176]. Это восприятие сохраняется и в современности, что подтверждает высказывание Г. В. Криволапа, которая, вспоминая фестиваль 2023 г., отметила: «Ой, вся деревня, даже с района [с. Шипуново] к нам приезжали на этот праздник. Очень весело было. Девчонки организовывали. Так вот, так здорово! От каждой улицы блюда были, от каждой улицы был номер художественной самодеятельности. Вообще весело бы-

ло» [10]. О. И. Харченко добавляет: «Из Коробейниково, Андреевки все приезжали. И даже с Шипуново были». Она объясняет это так: «Просто уже знают, что в Зеркалах всегда что-то интересное. И вот они приезжали посмотреть. Ну, сарафанная молва» [5]. В пост-релизе о фестивале 2024 г. упоминаются гости из Барнаула, Рубцовска, Мамонтово, Шипуново и Чувашии [13].

Следует отметить, что это мероприятие пока не обладает четкой туристической направленностью. Его можно сопоставить с праздником, который проходит в с. Гуселетово Романовского района, это поселение, расположенное в туристической зоне, и поэтому среди участников праздника присутствуют гости и туристы из различных регионов [23]. В Зеркалах народное гуляние организуется прежде всего для местных жителей. Оно представляет собой одну из немногих доступных форм досуга для сельского населения, что делает его особенно привлекательным для них. Озера Гуселетово уже стали устоявшимся туристическим брендом. В течение нескольких лет праздник носил название «Его величество Карась», однако в 2024 г. он прошел под новым названием «Гуселетовских озер князь – его высочество Карась!» Праздник имеет более длительную историю, так, первое упоминание о нем, найденное в Интернете, относится к 2016 г. Окружающая местность, представляющая собой цепочку озер, способствует формированию традиции празднования и связывает мероприятия в Зеркалах и Гуселетово. Элементы спонсорства и партнерства, характерные для этого события, пока не присущи фестивалю в Зеркалах. В 2024 г. праздник в Гуселетово привлек 1800 зрителей [24].

Исходную ситуацию между фестивалями «Зеркальский карась» и «Жареный карась», который проводится в Быстроистокском районе, разнит тот факт, что село Быстрый Исток – родина известного артиста В. С. Золотухина, что уже способствует притяжению гостей в этот район. Природные же условия района обуславливают активное занятие его жителей рыболовным промыслом. Народные гуляния в честь карася проводятся с 2018 г., при этом в их организации учитываются юбилейные даты, что может повлиять на выбор места проведения. Так, в 2022 г. фестиваль был перенесен в село Новопокровку в связи с его 300-летием [25]. В тот год именно туда съехались представители из других сел района со своими блюдами. Для фестиваля в Зеркалах такая перспектива перемещения представляется маловероятной, поскольку он неразрывно связан с самим поселением и озером. В 2024 г. праздник «Жареный карась» собрал более 5000 гостей [26].

Самым ожидаемым элементом гастрономических мероприятий является демонстрация кулинарных навыков и дегустация приготовленных блюд. На каждом из упомянутых ранее праздников эта деятельность осуществляется коллективно. Однако в Зеркалах подворья с угощениями являются «лицом» конкретной улицы села. В отличие от этого, на фестивалях в Гуселетово, Быстроистокском районе и

Рис. 6. Выступление детского коллектива самостоятельно-сти. Фестиваль «Зеркальский карась». Июль 2024 г. Архив ЦУИиЭ АлтГПУ.

Рис. 7. Фестиваль «Зеркальский карась». Июль 2024 г. Архив ЦУИиЭ АлтГПУ.

на «Дне Новичихинского карася» в Новичихинском районе подворья представляют либо отдельные поселения района, либо сельсоветы. В некоторые годы среди этих подворий можно увидеть делегации местных учреждений и предприятий. Фестиваль «Зеркальского карася», будучи относительно новым, на данный момент отличается своей камерностью и духом соседства.

Фестиваль, будучи одной из разновидностей праздника, проявляет двойственность: он сочетает в себе как чувство единства, так и элементы соперничества среди участников [14, с. 108]. Например, в Новичихе фестиваль, проводимый с 2022 г., имеет явный соревновательный аспект, поскольку с раннего утра начинаются состязания по рыбной ловле, организованные в сотрудничестве с Алтайской краевой общественной организацией «Федерация рыболовного спорта». Здесь также проходит конкурс на лучшее рыбное блюдо – уху, которую гости имеют возможность дегустировать и выбирать фаворита. Территориально Новичихинский район также расположен в зоне Барнаульского ленточного бора, славится своими водоемами, местные жители – заядлые рыболовы. Количество зрителей, посетивших фестиваль в 2024 г. в Новичихе, составило 3500 человек [27]. Опыт выбора лучших блюд имел место в Зеркалах в первый год празднования, о чем рассказывала Г. В. Криволап: «Был стол, показательный стол, у

кого самое хорошее блюдо. Вот мои даже два блюда там стояли за счет украшения» [10]. В Быстроистокском районе дух соревнования также ярко выражен: участники состязались в приготовлении рыбных яств, а жюри оценивало не только вкусовые качества, но и презентацию. Однако рыбная ловля за два года так и не вошла в сценарий фестиваля «Зеркальский карась», конкурсная составляющая проявляется здесь в основном в демонстрации артистических способностей и кулинарных талантов. Г. В. Криволап: «Все старались как-то выделиться, выделить свой стол» [10].

В концертную программу упомянутых праздников входят выступления не только местных коллективов, но и артистов, приглашенных из сел района и других уголков края. Также предусмотрены специальные гости. Например, в 2024 г. в Новичихе на вечерней части программы выступил DJ Shool Barnaul – DJ Sustane, а на фестивале в Быстром Истоке свои номера представил оркестр ГУ МЧС России по Алтайскому краю под руководством В. Маляревича [27]. В Зеркалах в мероприятии по большей части задействованы силы самодеятельности, однако в 2023 г. были приглашенные гости из Родино и Первомайского [17]

Для местных жителей фестиваль «Зеркальский карась» представляет значимое событие, к которому они активно готовятся. Оно объединяет сельчан и предоставляет возможность для духовного отдыха, а экономическая выгода и привлечение туристов не являются главной целью праздника. Проведение подобных фестивалей положительно сказывается на сельских территориях, способствуя поддержанию культурной жизни села. Фестиваль способствует формированию чувства гордости за родную зем-

лю, акцентируя внимание на уникальности территорий и ее природном и культурном богатстве. Опираясь на природный ландшафт, организаторы создали событие, которое радует жителей села и его гостей уже второй год. Оно сохраняет свою основную тематику, одновременно обогащаясь новыми идеями. Интерес гостей из других мест служит дополнительным источником гордости для местных жителей. Устойчивость традиции празднования этого события во многом зависит от организаторского таланта Е. В. Шипулиной, энтузиазм которой отмечают многие опрошенные. Особо важно подчеркнуть значение окружающей природы и необходимость ее сохранения, как выразила О. Н. Нагайцева, первый заместитель главы Новичихинского района, в 2023 г.: «Будет жить долго карась, будет жить долго Новичихинский район, будет жить долго фестиваль Новичихинского карася» [28]. Эти слова актуальны для всех упомянутых в работе территорий, поскольку окружающая среда является опорой для деревни в её стремлении разнообразить повседневную жизнь.

K. V. Sotnikova

«Zerkalsky Karas» festival: the formation of festive traditions in a modern village (based on field materials 2024)

Abstract. The article is devoted to the study of the cultural life of the village on the example of the «Zerkalsky Karas» festival. The article analyzes the causes of this event, describes its content in detail and compares it with similar holidays. Special attention is paid to the analysis of the opinions of participants and viewers collected during field research. Based on the data obtained, it is concluded that the organization of such festivals has a beneficial effect on rural areas, contributing to the maintenance of their livelihoods. **Keywords:** festival, holiday, rural event, natural landscape, gastronomic event, traditions

Источники и литература

1. Дьяченко Н. В. Гастрономическая культура как инструмент формирования региональной идентичности в Алтайском крае // *Дневник Алтайской школы политических исследований*. 2021. № 37. С. 216–225.
2. Оленина Г. В., Ивонина Я. А. Традиционные православные праздники в социально-культурном пространстве современного сибирского села: маркетинговый подход // *Культура в евразийском пространстве: традиции и новации*. 2020. № 1 (4). С. 64–69.
3. Фокин В. Я. Влияние ликвидации селообразующих предприятий на трансформацию функций сельского праздника // *Дискуссия*. 2016. № 9 (72). С. 73–80.
4. Стоящева Н. В. Опыт организации памятников природы регионального уровня в целях сохранения особо ценных водных объектов / Н. В. Стоящева, И. Д. Рыбкина, В. Ф. Резников, М. С. Губарев // *Водоочистка. Водоподготовка. Водоснабжение*. 2016. № 3 (99). С. 48–55.
5. Харченко О. И., 1957 г. р. Шипуновский район, с. Зеркалы, июнь 2024 г. Опросила Сотникова К. В.
6. Список населенных мест Томской губернии по сведениям 1859 г. СПб, 1868.
7. Щеглова Р. С., 1946 г. р. Шипуновский район, с. Зеркалы, июнь 2024 г. Опросила Кремлёва В. М.
8. Виканова В. А., 1941 г. р. Шипуновский район, с. Зеркалы, июль 2024 г. Опросил Руппель И. А.
9. Тумашова Л. Н., 1952 г. р. Шипуновский район, с. Зеркалы, июль 2024 г. Опросил Руппель И. А.
10. Криволап Г. В., 1951 г. р. Шипуновский район, с. Зеркалы, июль 2024 г. Опросила Сотникова К. В.
11. Щеглова Т. К. Антропология экстремальности: рыболовство и рыба в системе жизнеобеспечения земледельческого русского населения юга Западной Сибири в контексте исторических событий 1930–1950-х гг. // *Мир Большого Алтая*. 2019. Т. 5, № 1. С. 48–66.
12. Шипуновский район // *Алтайский государственный Дом народного творчества [Электронный ресурс]*. URL: https://cntdaltai.ru/?page_id=48737 (дата обращения: 14.10.2024).
13. В гостях у «Зеркальского карася» // *Степная новь – новости Шипуновского района и Алтайского края [Электронный ресурс]*. URL: <https://s-nov.ru/2024/07/27/v-gostyah-u-zerkalskogo-karasya> (дата обращения 14.10.2024).
14. Мысливцева, Ю. В. Фестиваль в системе современной праздничной культуры / Ю. В. Мысливцева //

- Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2008. № 1. С. 107–109.
15. О праздничных и памятных днях : указ Президиума ВС СССР от 1 октября 1980 г. № 3018-Х : (в ред. от 01 ноября 1988 г.) // Гарант: [электронный ресурс]. Москва, 1990–2024. URL: <https://base.garant.ru/183590/#friends> (дата обращения: 14.10.2024).
 16. Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 4: П (Переправа через воду) – С (Сито). М.: Междунар. отношения, 2009. 656 с.
 17. Праздник Зеркальского карася // Администрация Шипуновского района [Электронный ресурс] https://shipunovo-r22.gosweb.gosuslugi.ru/dlyazhiteley/novosti-i-reportazhi/novosti_1135.html (дата обращения 14.10.2024).
 18. Праздник Зеркальского карася // МКЦ Шипуновский [Электронный ресурс]. <https://shipunovo-mks.ru/news/2023/07/2251/> (дата обращения 14.10.2024).
 19. Королева А. Сквозь призму Зеркал // Степная новь. 2018. 14 июля – 20 июля.
 20. Пестрикова А. И снова «Зеркальская волна» // Степная новь. 2019. 20 июля.
 21. Некипелова Е. М. 1953 г. р. Шипуновский район, с. Зеркалы, июль 2024 г. Опросила Сотникова К. В.
 22. Фурсова Е. Ф. Традиции проведения сельских престольных праздников в Приобье (конец XIX – начало XX вв.) // Вопросы краеведения Новосибирска и Новосибирской области: сб. науч. тр., посвящ. 60-летию Новосибирской области, г. Новосибирск, 13–14 декабря 1995 г. / под ред. Л. М. Горюшкина, В. А. Зверева. Новосибирск, 1997. С. 175–181.
 23. Живи, традиция! // Горизонт. 2022. 26 нояб.
 24. Романовский район // Алтайский государственный Дом народного творчества [Электронный ресурс]. URL: https://cntdaltai.ru/?page_id=48325 (дата обращения: 14.10.2024).
 25. Казачье село Новопокровка отметило 300-летие фестивалем «Жареный карась». Рыболовы и стряпухи накормили досыта // Визиталтай [Электронный ресурс]. <https://visitaltai.info/news/kazache-selovopokrovka-otmetilo-300-letie-festival-em-zharenyuy-karas-rybolovy-i-stryapukhi-nakormi/> (дата обращения: 14.10.2024).
 26. Быстроистокский район // Алтайский государственный Дом народного творчества [Электронный ресурс]. URL: https://cntdaltai.ru/?page_id=51218 (дата обращения: 14.10.2024).
 27. Новичихинский район // Алтайский государственный Дом народного творчества [Электронный ресурс]. URL: https://cntdaltai.ru/?page_id=49432 (дата обращения: 14.10.2024).
 28. В Новичихинском районе устроили фестиваль карася // Вести Алтай [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/video-76916936_456251979 (дата обращения: 14.10.2024).

6

Архивы
этнографов

Московские этнографы на Алтае в 1960–1980 гг.¹

Раздел содержит материалы экспедиций этнографов московского Института этнографии и антропологии АН СССР (ныне Институт этнологии и антропологии РАН) на территории Алтайского края. Выявлена работа 12 экспедиционных выездов в сельскую местность². В разное время руководителями и участниками были известные российские этнографы и историки – Н. Н. Велецкая³ Н. С. Полищук, В. А. Липинская⁴, А. В. Сафьянова. Целью экспедиций являлось выявление особенностей народного быта и культуры русских жителей на юге Западной Сибири.

Их деятельность попала в поле зрения сотрудников Центра устной истории и этнографии АлтГПУ благодаря реализации в 2020–2022 гг. грантового проекта РФФИ «Устная история и этнография в полевых исследованиях второй половины XX – начала XXI века как источник и метод изучения и сохранения историко-культурного наследия сельских территорий Алтайского края»: руководитель д-р ист. наук проф. Т. К. Щеглова, члены временного научного коллектива канд. ист. наук А. В. Рыков, канд. ист. наук Е. А. Коляскина, канд. ист. наук Н. С. Грибанова, Н. В. Люля, А. С. Гоппе, И. А. Панченко. В ходе трехлетней работы выявлены и обработаны неопубликованные полевые материалы исследователей этнографии населения Алтайского края в фондах государственных и ведомственных архивов и музеев Российской Федерации. Среди них Архив Академии наук РФ, ИЭА РАН по изучению русских Алтая в 1960–1980-е гг. В. А. Липинской и А. В. Сафьяновой, телеутов Степного Алтая в 1970–2014 гг. Е. П. Батяновой и др.; Всероссийского музея декоративно-искусства по исследованию народного искусства Н. И. Каплан и Е. Г. Яковлевой – экспедиции бывшего Научно-исследовательского института художественной промышленности (НИИХП); Московской государственной консерватории им. П. И. Чайковского (МГК) по собиранию фольклора и народной музыки народов Алтая, в том числе В. М. Щу-

рова; Российского этнографического музея (РЭМ) и Кунсткамеры (МАЭ) – экспедиции П. И. Каралькина, И. И. Шангиной, О. П. Игнатъевой, В. П. Дьяконовой, В. П. Курылева и др.; Научного архива и Музея истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока (МИКНСДВ) ИАЭТ СО РАН – археографические экспедиции акад. Н. Н. Покровского, этнографические Л. М. Русаковой и др.; Государственного архива Новосибирской области (ГАО) – исследование в 1940–1950-х гг. д-ром искусствоведения Е. А. Ащепковым архитектуры русских Алтая, фонды проф. НГПИ М. Н. Мельникова с фольклорными материалами 1960–1980-х гг. и экспедиции Военно-научного общества при Новосибирском доме офицеров рубежа 1950–1960-х гг., которая занимались сбором воспоминаний участников революции и гражданской войны на Алтае, и многих других.

В разделе «Архив этнографов. Институт этнологии и антропологии Российской академии наук (ИЭА АН СССР)» содержатся отрывки из полевых дневников Н. С. Полищук и А. В. Сафьяновой. Они представляют собой печатные карточки, вручную заполненные этнографами. Публикация приближена к оригиналу с целью демонстрации методики работы в поле московских этнографов в 1960-е гг., когда не было звукозаписывающей аппаратуры. В начале публикации отрывков из полевых дневников Н. С. Полищук и А. В. Сафьяновой даются биографии этнографов.

Нинель Семеновна Полищук имела долголетнюю научную биографию. Она умерла в августе текущего 2024 года на 96-м году жизни. На Алтай она попала благодаря тому, что имела ученую степень, поэтому ее назначили руководителем экспедиции, в которой участвовали молодые аспиранты, в том числе В. А. Липинская и А. В. Сафьянова, нуждавшиеся в опытном наставничестве. В те годы остепененность среди исследователей была небольшой. По результатам экспедиции ею опубликована лишь одна статья⁵. В последующие годы она на Алтай не выезжала.

Судьба Анны Владимировны Сафьяновой сложилась трагично. Внеся огромный вклад в развитие этнографии народов СССР, она осталась в тени, так как умерла рано, в 1980 г., не дожив до 50-летия. Успев защитить диссертацию на звание кандидата исторических наук, она не успела опубликовать ни одной монографии. Но Анна Владимировна оставила обширный архив полевых материалов от многократных выездов на Алтай. Судя по переписке с местным населением, она была душевным человеком и сохранила связи со своими респондентами до конца жизни.

Значительная часть выявленных в разных архивохранилищах материалов хранится в копийном фонде архива ЦУИиЭ. В рамках проекта был создан

¹ Раздел подготовлен д-ром ист. наук, проф. Т. К. Щегловой в рамках гранта РФФИ № 23-28-01443 «Сельское общество и власть в 1950-е – середине 1980-х годов: коммуникация и социальная память (на примере регионов Западной Сибири)», <https://rscf.ru/project/23-28-01443>.

² Эти материалы находятся в Копийном фонде Архива Центра устной истории и этнографии АлтГПУ.

³ Широко известны ее монографии в области истории и культуры славян: Велецкая Н. Н. Символы славянского язычества. М.: Вече, 2009. 320 с.; Велецкая Н. Н. Языческая символика славянских архаических ритуалов. М.: Наука, 1978. 160 с. и др.

⁴ Ей принадлежат наиболее фундаментальные монографии по этнографии русских Алтайского края: Липинская В. А. Русское население Алтайского края: Народные традиции в материальной культуре (XVIII–XX вв.) / Отв. ред. В. А. Александров. М.: Наука, 1987. 224 с.; Липинская В. А. Старожилы и переселенцы: Русские на Алтае. XVIII – начало XX века. М., Наука, 1996. 269 с.

⁵ Полищук Н. С. Судьба традиционного фольклора в Алтайском крае // Современный русский фольклор / отв. ред. Э. В. Померанцева. М., 1967. С. 43–52.

сайт «Полевые исследования по этнографии и устной истории в Алтайском крае во второй половине XX – начале XXI столетий» (Титульная страница проекта – <http://etnografy.altspu.ru>). Здесь в свободном доступе размещены персональные странички исследователей (более 80 человек) с данными об образовании, профессиональной деятельности и полевой работе в Алтайском крае, библиографические списки их публикаций по Алтаю, разделы «Исследовательские центры» с описанием и картографированием маршрутов экспедиций, «Архивные коллекции», «Музейные коллекции» с фотографиями этнографических коллекций музеев края с аналитическими справками по истории их формирования и научно-справочным материалом, «Электронная библиотека» с публикациями по проекту, а также работами исследователей Алтая, интернет-ресурсы по этнографии Алтая.

По результатам работы над проектом был подготовлен ряд публикаций по вкладу этнографов ИЭА РАН в изучении этнографии населения Алтая:

1. Щеглова Т. К. От экспедиций к научному тексту: полевые исследования этнографии и исторической памяти населения сельских территорий Алтайского края в 1950–2010-х гг. // *Фундаментальные проблемы гуманитарных наук: опыт и перспективы развития исследовательских проектов РФФИ: материалы всерос. науч. конф. с междунар. участием*, г. Барнаул, 24–26 сентября 2020 г. / науч. ред. Н. А. Матвеева; отв. ред. Т. П. Сухотерина. Барнаул: АлтГПУ, 2020. С. 118–123.
2. Щеглова Т. К. Повседневные и исследовательские практики этнографов столичных академических

центров в 1950–80-е годы в Сибири (на примере экспедиций в Алтайский край): по материалам устной истории» // XIV Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов. Томск, 6–9 июля 2021 г. / отв. ред. И. В. Нам. Москва; Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 2021. С. 234.

3. Щеглова Т. К. Виктория Анатольевна Липинская и Алтай: особенности полевой работы московских этнографов в Сибири в 1960–1990-е годы // *Известия Иркутского государственного университета. Сер. «Геоархеология. Этнология. Антропология»*. 2021. Т. 37. С. 56–73.
4. Щеглова Т. К. 90 лет со дня рождения доктора исторических наук, этнографа В. А. Липинской // *Алтайский край, 2022 г.: календарь знаменат. и памят. дат*. Барнаул; Новосибирск: ООО «ЭКСЕЛЕНТ», 2021. С. 189–194.
5. Щеглова Т. К. Повседневные и исследовательские практики этнографов столичных академических центров в 1950–80-е годы в Сибири (на примере экспедиций в Алтайский край): по материалам устной истории» // XIV Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов. Томск, 6–9 июля 2021 г. / отв. ред. И. В. Нам. М.; Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 2021. С. 234.
6. Щеглова Т. К. Устная история как метод и источник «антропологии научной жизни»: работа с ведущими отечественными этнографами по истории полевых исследований на Алтае в 1950–2010-е годы (В. А. Липинская, Е. П. Батянова) // *Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае (археология, этнография, устная история и музееведение)*. 2020–2021 гг.: Вып. 16: сб. науч. тр. / под ред. Т. К. Щегловой, М. А. Демина, Н. С. Грибановой, Н. Н. Головченко. Барнаул: АлтГПУ, 2021. С. 283–298.

Сафьянова Анна Владимировна (1932–1980 гг.)

Анна Владимировна Сафьянова родилась в 1932 г. в г. Солнечногорске Московской области. Сферой ее научных интересов являлись этнография русских, русские Алтайского края, Костромской и Томской области, русские Западной Сибири и Севера России, духовная и материальная культура русских, положение женщины в традиционной культуре русских Алтайского края. Анна Владимировна училась на историческом факультете Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова в 1949–1955 гг. В 1960–1963 гг. поступила в аспирантуру Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР, где и продолжила работу. Еще в период обучения в 1962 (1961?) г. она в первый раз в составе экспедиции¹ работала на территории Алтайского края. Ее трудовая биография в Институте этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР была связана с сектором восточнославянской этнографии, где до 1968 г. она работала старшим научно-техническим сотрудником, с 1968 г. – младшим научным

сотрудником. В Алтайский край выезжала в составе экспедиций Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР в 1965, 1970 гг., а в 1978 г. являлась начальником отряда. В ходе этих выездов работала в Алтайском, Бийском, Змеиногорском, Красногорском, Поспелихинском, Солонешенском, Солтонском, Третьяковском, Чарышском, Шипуновском районах. Под руководством заместителя директора ИЭА АН СССР, канд. ист. наук Л. Н. Терентьева, которая как уроженка г. Барнаула выступила инициатором организации экспедиций на Алтай, защитила в 1974 г. в Институте этнографии АН СССР кандидатскую диссертацию по специальности 07.00.07 на тему «Положение и роль женщины в семейном и общественном быту в русской деревне Алтайского края: вторая половина XIX – XX в.»

Анна Владимировна умерла в 1980 г., не достигнув даже 50 лет. Ее вклад в изучение русского населения Алтайского края трудно переоценить. В опубликованных Валерией Анатольевной Липинской работах «Русское население Алтайского края...» и «Старожилы и переселенцы...», несомненно, есть большой вклад и Анны Владимировны.

¹ Сафьянова А. В. Полевые материалы экспедиции 1961 г.

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ АН СССР

14

№ картошки

Западно-Сибирский округ 1961 г. Собиратель: Саорьзнова

(наименование экспедиции, год работы)

Тема История Колхоза.	Народ Рус- ский	Сведения об информаторе: и. о. ф., возраст, занятие, грамотность, партийность и др. Музыкальная работница Пашкарова П. В. ф. р. 1895 г., орган. - в 1924, член КПС С	Место и время сбора Алтайский край, Митишевский р-н Калхоз "Родина"
Подтема Организация колхоза и его укрепление.			

Губисполкомом. Они оказали содействие. Был выслан землеустроитель. К весне 1921 года коммуна получила земельный участок и летом стала перевозить свои постройки. Кулаки отказались освободить участок и стали самовольно захватывать землю, отведенную коммуне. С помощью вышестоящих партийных и советских организаций коммуне удалось отстоять закрепленный земельный массив. Это было начало борьбы с кулаками. В 1922 году коммуна выросла и окрепла. Кулаки не прекращали борьбу и стали терроризировать отдельных членов коммуны. Кулаки нападали и избивали коммунаров, приезжавших в родное село Зеркалы. Приходилось ездить в Зеркалы организованно по 5 - 10 человек. В апреле коммуна получила 50 ц. овса к посевной компании от Зеркальской кредитной кооперации. Кулаки в овес подсыпали мышьяк. В результате было отравлено 20 лошадей и 23 овцы. Они пали во время весеннего сева. Это был большой ущерб, но коммуна превзошла пахату на оставшемся тягле. В ноябре 1922 года приезжала комиссия по распределению имущества для разбору всех крестьянских жалоб. Этим моментом хотела воспользоваться кулачество, используя комиссию в свою пользу. Кулаки стали клеветать на коммуну, пытаясь положить пятно на добросовестности на коммунаров, приписывая им присвоение чужого имущества. Первичная парторганизация рассказала комиссии о вылазках кулаков против коммуны, о том, что кулаки прилагают все силы, чтобы ликвидировать коммуну и пускают в ход все меры, вплоть до запугивания более слабых коммунаров. Комиссия отвергла клеветнические

Образец заполненного листа

Лист № 73¹**Западно-Сибирский отряд. 1961 г.
Собиратель Сафьянова**

Тема <i>История коммуны</i>	На- род Рус- ский	Сведения об информаторе: и., о., ф., возраст, занятие, грамотность, партийность и др. <i>Из дипломной работы Поликарпова Е. Ф. рожд. 1895 г., образ. высшее, члена КПСС с 1924 года</i>	Место и время записи <i>Алтайский край, Шипуновский р-н Колхоз «Родина»</i>
Подтема <i>Организация коммуны</i>			

Еще не окончилась гражданская война, когда бедняки, бывшие партизаны, члены большевистской партии села Зеркалы т. т. Поликарпов Ф. К., Тумашов Ф. П., Жук А. Г. и др. стали на путь практического осуществления давно задуманного дела, освободиться от кабалы кулака. Этот путь был указан 8-ым съездом партии. 10 ноября 1920 года на партийном собрании было решено организовать сельско-хозяйственную коммуну. После собрания² стали производить запись желающих войти в её состав. Сначала вошло только 13³ семейств. По⁴ положению⁵ должно было быть не менее 15 хозяйств, не связанных близким⁶ родством. Волисполком не мог зарегистрировать устава народившейся организации. Но⁷ записавшиеся в члены коммуны⁸ решили начатое дело довести до конца: всё имеющееся имущество обобществили⁹ и стали работать в коллективе. Первые месяцы коммуна работала без устава. Членство росло за счет бедноты и батраков. 13¹⁰ февраля 1921 года – знаменательная для всей коммуны дата: зарегистрирован устав. Коммуна получила наименование «Новый свет». Когда организация коммуны юридически оформилась, встал вопрос о выборе земельного участка. Общее собрание членов коммуны постановило просить волостной земельный отдел отвести земельный участок в 20 км. от села Зеркалы, около «Калиновой дубравы» и «Аверьянова лога»,¹¹ на месте кулацкой заимки. Но местные кулаки подбили сельский сход вынести решение: указанный участок

¹ Основной текст на листах 73–85 впечатан на машинке. Чернилами в карточках вписаны название отряда, год экспедиции, фамилия собирателя, название темы, подтемы, национальности, сведения об информаторе, а также о месте и времени сбора.

² *Собрания* – исходный текст читаем, чернилами дописана буква «б».

³ 13 – исходный текст читаем, чернилами дописано «3»

⁴ По – исходный текст читаем, чернилами дописана буква «П».

⁵ *Положению* – исходный текст читаем, чернилами дописана буква «л».

⁶ *Близким* – исходный текст читаем, чернилами дописана буква «б».

⁷ Не – исходный текст читаем, чернилами дописана буква «Н».

⁸ *Коммуны* – исходный текст читаем, чернилами дописана буква «к».

⁹ Чернилами зачеркнута запятая.

¹⁰ 13 – исходный текст читаем, чернилами дописано «3».

¹¹ Запятая поставлена чернилами.

не давать. Первична партийная организация и правление коммуны на объединенном собрании постановили, ходатайствовать об отводе участка перед Обкомом партии и Губ-

Лист № 74

**Западно-Сибирский отряд. 1961 г.
Собиратель Сафьянова**

Тема <i>История коммуны</i>	На- род Рус- ские	Сведения об информаторе: и., о., ф., возраст, занятие, грамотность, партийность и др. <i>Из дипломной работы Поликарпова Е. Ф. рожд. 1895 г., образ. высшее, члена КПСС с 1924 г., пенсионер</i>	Место и время записи <i>Алтайский край, Шипуновский р-н Колхоз «Родина»</i>
Подтема <i>Организация коммуны. Борьба за её укрепл.</i>			

Губисполкомом. Они оказали содействие. Был выслан землеустроитель. К весне 1921 года коммуна получила земельный участок и летом стала перевозить свои постройки. Кулаки отказались освободить участок и стали самовольно захватывать землю, отведённую коммуне. С помощью вышестоящих партийных и советских организаций коммуне удалось отстоять закреплённый земельный массив. Это было начало борьбы с кулаками. К 1922 году коммуна выросла и окрепла. Кулаки не прекращали борьбу и стали терроризировать отдельных членов коммуны. Кулаки нападали и избивали коммунаров, приезжавших в родное село Зеркалы. Приходилось ездить в Зеркалы организованно по 5–10 человек. В апреле коммуна получила 50 ц. овса к посевной компании от Зеркальской кредитной кооперации. Кулаки в овес подсыпали мышьяк. В результате было отравлено 20 лошадей и 23 овцы. Они пали во время весеннего сева. Это был большой ущерб, но коммуна провела пахату на оставшемся тягле. В ноябре 1922 года приезжала комиссия по распределению имущества и¹² разбору всех крестьянских жалоб. Этим моментом хотело воспользоваться кулачество, используя комиссию в свою пользу. Кулаки стали клеветать на коммуны, пытаясь положить пятно недобросовестности на коммунаров, приписывая им присвоение чужого имущества. Первичная парт-организация рассказала комиссии о вылазках кулаков против коммуны, о том, что кулаки прилагают все силы, чтобы ликвидировать коммуны и пускают в ход все меры, вплоть до запугивания более слабых коммунаров. Комиссия отвергла клеветнические

¹² Чернилами «р» исправлена на «и».

Лист № 75

**Западно-Сибирский отряд. 1961 г.
Собиратель Сафьянова**

Тема <i>История коммуны</i>	Народ <i>Русский</i>	Сведения об информаторе: и., о., ф., возраст, занятие грамотность, партийность и др. <i>Из дипломной работы Поликарпова Е. Ф. рожд. 1895 г., члена КПСС с 1924 года, пенсионера</i>	Место и время записи <i>Алтайский край, Шипуновский р-н Колхоз «Родина»</i>
Подтема <i>Борьба за укрепление коммуны</i>			

нападки кулаков на коммуну, но в хозяйственных вопросах она допустила ошибку. Вместо укрепления коммуны, она решила изъять часть имущества для передачи его более слабым с/хозяйственным кооперативам. Эту ошибку использовали кулаки. Через кулацких подпевал они стали распространять слухи, что и впредь так будет: что как только обзаведется имуществом, его будут передавать другим коммунам. В коммуне началось брожение. Подкулачники¹ притаились и вели работу по развалу коммуны изнутри. Половина коммунаров хотела на коммуны организовать ТОЗ. В марте 1923 года было собрано общее собрание, где большинством голосов постановили: ликвидировать коммуну, имущество разделить и начать жить индивидуально на отведенном участке земли. Была выбрана комиссия по разделу имущества. В 3 дня имущество разделили, коммуна распалась. Партийное собрание на своем закрытом собрании постановило: просить Губком партии оказать помощь в деле сохранения коммуны на ее прежнем уставе и на выделенной территории. Члены партии повели разъяснительную работу. Выявили кулаков и их подпевал, а затем добились на общем собрании восстановления коммуны и исключения из неё шатких элементов. Исключили 12 семей, но в коммуне кулацкие корни ещё остались. Кулаки знали, что при исключении из коммуны, имущество полностью не возвращается, поэтому они решили действовать организованно и выделиться под видом ТОЗ в количестве 16 семей. Этой организации был выделен особый земельный участок.

Лист № 76

**Западно-Сибирский отряд. 1961 г.
Собиратель Сафьянова**

Тема <i>История коммуны</i>	Народ <i>Русский</i>	Сведения об информаторе: и., о., ф., возраст, занятие грамотность, партийность и др. <i>Из дипломной работы Поликарпова Е. Ф. рожд. 1895 г., члена КПСС с 1924 года, пенсионера</i>	Место и время записи <i>Алтайский край, Шипуновский р-н Колхоз «Родина»</i>
Подтема <i>Борьба за укрепление коммуны</i>			

ТОЗ работало только один сезон, а потом прекратило, а люди, разделив имущество, разъехались по по-

¹ Подкулачники — исходный текст читаем, чернилами дописана буква «д».

сёлкам. Коммуна от этого укрепилась. Она избавилась от ненадёжных и опасных членов. В 1923–24 г.г. коммуна стала пополнять свои ряды за счёт бедноты и маломощных середняков села Зеркалы и др. посёлков. Работа пошла дружно, разногласий не было. К концу 1924 года коммуна насчитывала в своих рядах 254 человека или 52 семьи. В 1924 году был снят обильный урожай, экономика коммуны выросла. Приобрели рабочих лошадей, коров, овец, свиней. Встал вопрос о приобретении для хозяйства трактора. В ноябре 1924 года на общем собрании решили приобрести трактор. Совет коммуны возбудил ходатайство перед вышестоящими организациями и к весне 1925 года коммунары на свою усадьбу привезли трактор «Интернационал» мощностью в 20 лошадиных² сил. Это была первая с/хозяйственная машина, поступившая в Алтайский край. Чтобы разобраться в машине специалистов найти не удалось, поэтому пришлось поставить первым трактористом председателя коммуны т. Риднова П. В. и помощником комсомольца Поликарпова Ф. Ф.. Через год они хорошо усвоили машину. Трактор хорошо работал до 1930 года и сыграл³ большую роль в укреплении хозяйства коммуны и в политической агитации за крупное коллективное хозяйство. В коммуну началось паломничество. Крестьяне окружающих деревен и сёл, прослышав, что коммуна приобрела трактор, приезжали смотреть его за 100–200 км. Единоличники воочую убедились,

Лист № 77

**Западно-Сибирский отряд. 1961 г.
Собиратель Сафьянова**

Тема <i>История коммуны</i>	Народ <i>Русский</i>	Сведения об информаторе: и., о., ф., возраст, занятие грамотность, партийность и др. <i>Из дипломной работы Поликарпова Е. Ф. рожд. 1895 г., члена КПСС с 1924 года, пенсионера</i>	Место и время записи <i>Алтайский край, Шипуновский р-н Колхоз «Родина»</i>
Подтема <i>Деятельность коммуны. Борьба за укрепление</i>			

что хозяйство коммуны растёт и механизмуется. Осенью 1925 г. была приобретена сложная молотилка. Тяга бедноты и середняков к коммуне усилилась, коммуна насчитывала в своих рядах уже 350 человек. Кулаки, видя рост хозяйства и укрепление коммуны, повели против неё борьбу. Кулаки вели агитацию, что в коммуне жён нет, в бога не веруют, детей не крестят, в церковь не ходят, что вообще в коммуне не люди, а отбросы общества. Однако это кулакам не помогло. Первичная парторганизация проводила среди коммунистов и населения разъяснительную работу. Кулаки не ограничились агитацией, они начали вредительскую работу. В тракторе и молотилке часто находили железо, подsunутое с намере-

² Лошадиных — исходный текст читаем, чернилами дописана буква «д».

³ Сыграл — исходный текст читаем, чернилами дописана буква «ь».

нием, чтобы вывести из строя машины. Только благодаря бдительности¹ трактористов, своевременно вскрывались эти вражеские проделки и до аварий не доходило. А в 1927 году кулаки подожгли скирды намолоченного хлеба, в которых сторело около 5 тысяч намолоченного зерна. Тем не менее кулацкие происки не поколебали коммунарлов и они неустанно работали над укреплением своего общественного хозяйства. Экономическую мощь коммуны помогло укрепить умелое использование средств механизации. Трактор днём работал в поле на вспашке, а ночью на стационаре, обслуживая мельницу. Производительность её была 6 ц. в час. Это позволило производить размол зерна не только себе, но и окружающему населению, что серьёзно поднимало авторитет коммуны далеко за пределами данного района. Приток новых членов коммуны стал массовым. В 1926 г. перед Советом

Лист № 78

Западно-Сибирский отряд. 1961 г.
Собиратель Сафьянова

Тема <i>История коммуны</i>	Народ <i>Русский</i>	Сведения об информаторе: и., о., ф., возраст, занятие грамотность, партийность и др. <i>Из дипломной работы Поликарпова Е. Ф. рожд. 1895 г., члена партии с 1924 г., пенсионера</i>	Место и время записи <i>Алтайский край, Шипуновский р-н Колхоз «Родина»</i>
Подтема <i>Деятельность коммуны.</i>			

коммуны встал серьезный вопрос: начали возводить постройки как общественного порядка, так и жилые, а кирпича и других строительных материалов не было. Решили для нужд коммуны организовать кирпичное производство. В этом же году сделали 100 тысяч шт. кирпича. Обеспечили себя и продали на сторону. Совет коммуны организовал кожевенно-овчинный завод. Мастера нашли свои и вскоре коммунарлы стали ходить в новых чёрных полушубках, в кожаных сапогах и ездить с хорошей сбруей. В 1926 г. коммунарлы, на поднятых трактором целинных землях, благодаря хорошей обработке почвы и тщательной уборке урожая, в среднем получили по 18 ц. зерна с одного гектара. К сожалению, обмолотить весь хлеб осенью не пришлось, помешала погода, а весной часть скирдов сожгли кулаки. И всё-таки хозяйство коммуны настолько окрепло, что смогли приобрести второй трактор и вторую сложную молотилку. Осенью работали уже две молотилки и не только смогли обмолотить весь урожай коммуны, но и обслужить окружающих крестьян. Коммуна раньше других окончила молотью и рассчиталась с государством по заготовкам. В 1927 г. посевная площадь расширилась. Вместо прежнего посева на 150 га., коммуна засеяла 500 га. Но для дальнейшего расширения хозяйства посевной площади больше не было, т. к. Райземотдел отказал в прирезке земли.

¹ *Бдительности* – исходный текст читаем, чернилами подписана буква «б».

Пришлось опять возбудить ходатайство перед вышестоящими организациями. Было принято решение о прирезке земли и всего в коммуне земли стало 1600 га. Совет коммуны задался целью улучшения животноводства. Коммуна приобрела 3-х орловских маток лошадей,

Лист № 79

Западно-Сибирский отряд. 1961 г.
Собиратель Сафьянова

Тема <i>История коммуны</i>	Народ <i>Русский</i>	Сведения об информаторе: и., о., ф., возраст, занятие грамотность, партийность и др. <i>Из дипломной работы Поликарпова Е. Ф. рожд. 1895 г., члена КПСС с 1924 г., пенсионера</i>	Место и время записи <i>Алтайский край, Шипуновский р-н Колхоз «Родина»</i>
Подтема <i>Деятельность коммуны.</i>			

производителей крупного рогатого скота породы «симинтал»², тонкорунных овец «рамбулье», два гнезда свиней крупной белой породы. Всего поголовья скота в коммуне насчитывалось: рабочих³ лошадей – 56, дойных коров – 60, свиней – 70, овец – 500 голов. Кроме того коммуна имела птицу и пасеку в 40 пчёлосемей. Были построены скотные дворы для коров и лошадей. Хозяйство коммуны быстро развивалось. Коммунарлы, в масс бывшие⁴ бедняки⁵ и⁶ середняки, стали жить зажиточно. Но вместе с тем в организационной деятельности коммуны были и серьёзные недостатки. Хотя партийная организация вела большую воспитательную работу среди коммунарлов,⁷ не все из них относились к общественному хозяйству добросовестно. Организация труда была неправильная. Настоящей материальной заинтересованности не было подведено. В коммуне были составлены правила внутреннего распорядка по всем отраслям хозяйства, утверждённые на общем собрании, ими⁸ предусматривалось⁹ по каждой отрасли хозяйства время выхода и окончания работ. Бригад и звеньев не было. Люди закреплялись на сезон за определённой работой, пока Совет и председатель коммуны не переведут на другую работу. Председатель коммуны составлял наряд на работу, который вывешивался в столовой. В наряде указывался старший по каждому виду¹⁰ работ и люди, которые¹¹ должны

² «симинтал» – чернилами зачеркнута буква «м».

³ *Рабочих* – исходный текст читаем, чернилами подписана буква «р».

⁴ *Бывшие* – исходный текст читаем, чернилами подписана буква «б».

⁵ *Бедняки* – исходный текст читаем, чернилами подписана буква «б».

⁶ Исправление чернилами.

⁷ Чернилами подписано «но».

⁸ Исправление чернилами.

⁹ *Предусматривалось* – исходный текст читаем, чернилами исправлена буква «о».

¹⁰ *Виду* – исходный текст читаем, чернилами исправлена буква «и».

¹¹ *Которые* – исходный текст читаем, чернилами подписана буква «о».

были работать в той¹ или иной группе. Контроль за выполнением нарядов проводил сам председатель и работу всех членов по-настоящему² (за работой всех членов)³ не мог проследить, а поэтому большая часть коммунаров работала

Лист № 80.

Западно-Сибирский отряд. 1961 г.

Собиратель Сафьянова

Тема <i>История коммуны</i>	На-род Рус-ский	Сведения об инфор-маторе: и., о., ф., воз-раст, занятие грамот-ность, партийность и др. <i>Из дипломной рабо-ты Поликарпова Е. Ф. рожд. 1895 г., члена КПСС, пенсионера</i>	Место и время записи <i>Алтайский край, Шипуновский р-н Колхоз «Родина»</i>
Подтема <i>Деятель-ность ком-муны.</i>			

очень хорошо, а значительная часть лодырей и рвачей старалась работать поменьше, а получать из хозяйства обмундирование и продуктов побольше. В коммуне все средства производства находились в коллективной собственности. Ни один коммунар не имел ни одной коровы, ни овцы, ни даже курицы. Не было приусадебных огородных участков. Личной собственностью считалось только то, что выдал Совет коммуны на обмундирование и питание.

В конце 1927 года проходил 15 съезд ВКП/б/, который наметил план расширения и укрепления сети колхозов и дал чёткие указания способов борьбы за коллективизацию деревни. После 15 партсъезда в коммуну⁴ влилось много новых членов, всего около 200 новых семей. Среди них было немало заражённых частнособственническими интересами, нерадивых к общественному производству. В этой массе растворились и старые кадры коммуны. В итоге⁵ такое резкое расширение состава коммуны сильно подорвало экономическую мощь коммуны. Несмотря на принятые коммуной меры борьбы с рваческими настроениями отдельных членов коммуны и разъяснительную работу среди принимаемых проводимую парторганизацией, положенный в основу принцип распределения доходов –⁶ принцип уравниловки и отсутствие чёткой организации труда, мешали полному использованию всех сил и средств коммуны. Производительность труда и эффективность всей хозяйственной деятельности пошли на убыль. Доходов стало не хватать для удовлетворения даже насущных потребностей членов. Совет коммуны и парторганизация, видя,

¹ Чернилами зачеркнута запятая.

² Открывающая скобка поставлена чернилами.

³ Закрывающая скобка чернилами поставлена.

⁴ Коммуну – исходный текст читаем, чернилами исправлена буква «у».

⁵ Запятая поставлена чернилами.

⁶ Тире поставлено чернилами.

Лист № 81.

Западно-Сибирский отряд. 1961 г.

Собиратель Сафьянова

Тема <i>История коммуны</i>	На-род Рус-ский	Сведения об инфор-маторе: и., о., ф., воз-раст, занятие грамот-ность, партийность и др. <i>Из дипломной рабо-ты Поликарпова Е. Ф. рожд. 1895 г., члена КПСС, пенсионера</i>	Место и время записи <i>Алтай-ский край, Шипунов-ский р-н Колхоз «Родина»</i>
Подтема <i>Деятель-ность ком-муны.</i>			

что хозяйство экономически стало расти медленнее, пытались искать выход: как поднять заинтересованность всех членов в общественном хозяйстве и изжить иждивенчество. Примеров правильной⁷ организации коллективного хозяйства ещё не было. Решили перевести всех трудоспособных на своеобразную зарплату. Вели учёт, кто сколько отработает⁸ трудодней⁹. По ним начисляли в деньгах оплату. На¹⁰ заработанные деньги коммунары должны были кормить свою семью. Дети питались за счёт общих доходов коммуны, обувь и одежду должны приобретать родители за свой заработок. Т. к. наличных денег в коммуне не было, а расчёт производили продуктами и материалами, и чтобы меньше было записей, коммуне разрешили иметь внутри хозяйства свои деньги «бонны». Коммуна заказала в типографии свои расчётные марки, которые были достоинствам от 50 коп. до 5 руб. Всего было выпущено таких марок на сумму 12 тысяч рублей. Этими марками производили расчёт с коммунарами. Коммунары, полученными деньгами за работу марками¹¹ рассчитывались за питание в столовой, за взятые продукты в кладовой, за шитьё и ремонт обуви. Бонны имели хождение внутри хозяйства наравне¹² с деньгами. Все бесплатные коммунальные услуги были отменены. Это мероприятие нанесло сильный удар по мелкобуржуазной уравниловке, по рвачам и лодырям и оздоровило хозяйственную деятельность коммуны. В 1929 году в коммуну влилось Бобровское товарищество¹³ по совместной обработке земли и его члены переселились на участок коммуны. Среди них вошёл в коммуну председатель товарищества. Это был нынешний председатель с/хозяйственной

⁷ Правильной – исходный текст читаем, чернилами подписана буква «ь».

⁸ Отработает – исходный текст читаем, чернилами подписана буква «б».

⁹ Трудодней – исходный текст читаем, чернилами подписана буква «й».

¹⁰ На – исходный текст читаем, чернилами подписана буква «н».

¹¹ Чернилами поставлена запятая.

¹² Чернилами дорисовано соединение букв.

¹³ Товарищество – исходный текст читаем, чернилами описана буква «о».

Лист № 82.

Западно-Сибирский отряд. 1961 г.**Собиратель Сафьянова**

Тема <i>История коммуны</i>	Народ <i>Русский</i>	Сведения об информаторе: и., о., ф., возраст, занятие грамотность, партийность и др. <i>Из дипломной работы Поликарпова Е. Ф. рожд. 1895 г., члена КПСС с 1924 г., пенсионера</i>	Место и время записи <i>Алтайский край, Шипуновский р-н Колхоз «Родина»</i>
Подтема <i>Деятельность коммуны</i>			

артели имени Молотова Фёдор Митрофанович Гринько, который вошёл тогда в совет коммуны. Этот год вошёл в историю всего нашего социалистического строительства, как год великого перелома. Коллективизация в деревне стала массовым явлением. По решению ЦК ВКП/б/ и Правительства была проведена добровольная мобилизация 25 тысяч лучших рабочих коммунистов для оказания помощи сельским парторганизациям в организации крупного социалистического производства¹ и проведение политики ликвидации кулачества, как класса на базе сплошной коллективизации. В коммуну «Новый свет»², как одну из крупных в крае, насчитывавшую к 1930 году около 1200 едоков, из числа посланцев партии также прибыло два товарища, из которых одного избрали председателем коммуны, а другого секретарём первичной парторганизации. Партийная организация выявляла пролезших в коммуну кулаков вели борьбу с рвачами и мелкособственническими настроениями, помогала Совету коммуны направлять хозяйственную жизнь. Но партийная организация и Совет коммуны допустили грубейшую ошибку, не поняв основной установки партии на то, что основной формой коллективного хозяйства является на данном этапе с/хозяйственная артель, а не коммуна. Сохранив колхоз на уставе коммуны, этим допустили преждевременный скачок через основную ведущую форму коллективизации. Для существования коммуны не было ни технической базы, ни материальных условий. Не были подготовлены к этому и в своей массе и члены разросшегося коллектива. Отсюда вытекали все хозяйственные неполадки, усиливавшиеся частой сменой состава Совета коммуны. С 1930 по 1934 год хозяйство было сильно

Лист № 83

Западно-Сибирский отряд. 1961 г.**Собиратель Сафьянова**

Тема <i>История коммуны</i>	Народ <i>Русский</i>	Сведения об информаторе: и., о., ф., возраст, занятие грамотность, партийность и др. <i>Из дипломной работы Поликарпова Е. Ф. рожд. 1895 г., члена КПСС с 1924 г., пенсионера</i>	Место и время записи <i>Алтайский край, Шипуновский р-н Колхоз «Родина»</i>
Подтема <i>Деятельность коммуны</i>			

¹ Чернилами зачеркнута запятая.² Вместо открывающих кавычек ошибочно поставлено тире.

закредитовано. Наблюдалась большая текучесть членов коммуны. Введённый порядок расчёта на работу был отменён. Упала трудовая дисциплина. В целом положение хозяйства было тяжелое. В 1934 году к руководству пришёл³ Ф. М. Гринько. Для того, чтобы поднять трудовую активность членов и сделать хозяйство доходным, тов. Гринько поставил вопрос о переходе с устава коммуны на устав сельско-хозяйственной артели. Общее собрание единогласно одобрило предложение своего председателя. В 1934 году перешли на устав сельско-хозяйственной артели. Тогда же произошло изменение её наименования / имени Молотова/. В основу был положен сельско-хозяйственный устав принятый 2-м Всесоюзным Съездом. Сразу же сказались результаты. Прекратилась текучесть с/хозяйственной артели, стала налаживаться трудовая дисциплина. Члены артели повели ожесточённую борьбу с лодырями, с бесхозяйственностью. Благодаря успехам индустриализации страны, под сельское хозяйство была подведена новая техническая база и в качестве формы организации государственной помощи в техническом перевооружении сельского хозяйства и организационно-хозяйственном укреплении колхозов были созданы МТС. В 1929 году в Алтайском крае была организована,⁴ одной из первых,⁵ Зеркальская МТС с центральной усадьбой на территории данного колхоза. Она явилась пионером в подъеме сельского хозяйства всего района. По постановлению правительства все имеющиеся тракторы и с/хозяйственные машины должны быть переданы в МТС. Колхоз имени Молотова передал Зеркальской МТС 2 колёсных трактора, 2 сложных молотилки, трактор, сеялку, плуг. С 1929 года МТС на договорных началах стала обслуживать

Лист № 84.

Западно-Сибирский отряд. 1961 г.**Собиратель Сафьянова**

Тема <i>История коммуны и с/х артели.</i>	Народ <i>Русский</i>	Сведения об информаторе: и., о., ф., возраст, занятие грамотность, партийность и др. <i>Из дипломной работы Поликарпова Е. Ф. рожд. 1895 г., члена КПСС, пенсионера</i>	Место и время записи <i>Алтайский край, Шипуновский р-н Колхоз «Родина»</i>
Подтема <i>Деятельность с/х артели.</i>			

колхоз. В 1936 году колхоз получил по государственному акту на вечное пользование земли 6625 га. В 1937 году хозяйство полностью рассчиталось с задолженностью. Артель вышла в передовые по краю, за что хозяйству было вручено переходящее Красное знамя Крайкома и Крайисполкома. Тогда же артель усилила внимание мероприятиям⁶ по улучшению общественного животновод-

³ Пришел – исходный текст читаем, чернилами исправлена буква «л»⁴ Запятая поставлена чернилами.⁵ Запятая поставлена чернилами.⁶ Мероприятиям – исходный текст читаем, исправле-

ства. В 1939 г. было принято постановление Совета Народных Комиссаров и ЦК ВКП/б/ по улучшению колхозного животноводства. Данная сельско-хозяйственная артель,¹ первая в районе выполнила поставленную Правительством задачу о развитии животноводства. К концу 1939 года колхоз уже имел поголовье скота: крупного рогатого скота – 210 голов, овцематок – 900, свиноматок – 30. В 1939 году колхоз был представлен на Всесоюзную сельско-хозяйственную выставку в развернутом показе. Колхозу был вручен Диплом 1-й степени, денежное вознаграждение 5000 руб. Многие колхозники были награждены большими и малыми золотыми и серебряными медалями ВСХВ. В 1940 году за выдающиеся успехи в развитии сельского хозяйства Правительство наградило колхоз орденом Трудового Красного Знамени. Ф. М. Гринько –² орденом Ленина, колхозницу полеводства Кулакову А. Д. –³ орденом Трудового Красного Знамени. В 1941 году основные рабочие мужчины ушли на фронт, но оставшиеся женщины с честью провели сеноуборку и уборку урожая, полностью рассчитались по всем видам поставок с государством, а также обеспечили колхозников хлебом. Всего колхозников было призвана в армию 230 человек, среди них 82 офицера. Оставшиеся отдавали все для фронта. За годы войны артель не только не сократила ни одной отрасли

Лист № 85

**Западно-Сибирский отряд. 1961 г.
Собиратель Сафьянова**

Тема <i>История коммуны и с/х артели</i>	Народ <i>Русский</i>	Сведения об информаторе: и., о., ф., возраст, занятие грамотность, партийность и др. <i>Из дипломной работы Поликарпова Е. Ф. рожд. 1895 г., члена КПСС с 1924 г., пенсионера</i>	Место и время записи <i>Алтайский край, Шипуновский р-н Колхоз «Родина»</i>
Подтема <i>Деятельность с/х артели.</i>			

своего хозяйства, а по ряду из них расширила масштабы производства. Особенно важно подчеркнуть резкое увеличение товарной продукции. Артель всё время выполняла плановые задания. Сдача хлеба государству увеличилась в 1940 года вдвое. Колхозники провели ряд добровольных отчислений своих сбережений для Советской армии. 120 тыс. рублей внесли на постройку боевого самолёта, полмиллиона на постройку танковый колонны. Уже в годы войны члены артели искали новые пути⁴ подъёма и улучшения своего хозяйства. В 1944 году был разработан и принят общим собранием перспективный план организационно-хозяйственного устройства артели, рассчитанный на пять лет.

на буква «я»

¹ Запятая поставлена чернилами.² Тире поставлено чернилами.³ Тире поставлено чернилами.⁴ Чернилами исправлена буква «п».

/ I глава дипломной работы Поликарпова Е. Ф. «Сельскохозяйственная, ордена Трудового Красного знамени, артель им. Молотова, Шипуновского района, Алтайского края. Омск. 1949 г.

Данная глава списана с копии, хранившейся у т. Поликарпова Е. Ф. /⁵

Лист № 86

**Западно-Сибирский отряд. 1961 г.
Собиратель Сафьянова**

Тема <i>История коммуны</i>	Народ <i>Русский</i>	Сведения об информаторе: и., о., ф., возраст, занятие грамотность, партийность и др. <i>Евкин Никита Никитович, рожд. 1904 г., секретарь парторганизации.</i>	Место и время записи <i>Алтайский край, Шипуновский р-н Колхоз «Родина»</i>
Подтема <i>Организация коммуны</i>			

Наша Коммуна организовалась в декабре 1920 года, когда ещё не отгремели пушечные выстрелы. Сначала она организовалась в Зеркалах, а потом здесь, где была раньше кулацкая заимка Аверина. Тогда было такое постановление, что могли зарегистрировать коллективные хозяйства только в том случае, если они насчитывали не меньше 15 (хозяйств) человек. Поэтому наша коммуна была зарегистрирована только 13 февраля 1921 года за № 58 по району, под названием коммуны «Новый свет». Коммуна состояла, в основном, из бедняков. Имущество, которое принесли коммунары, было скудное. Имущество коммуны создавалось таким образом: за непродажу хлеба государству, кулаков раскулачивали и всё имущество продавали с молотка; мы и старались закупить как можно больше. А Волостной исполком давал возможность, в первую очередь, это сделать коммуне. Первый дом завёз организатор коммуны Поликарпов, потом начали свозить и другие. Первые избушки сохранились в центре усадьбы до сих пор.

Лист № 87

**Западно-Сибирский отряд. 1961 г.
Собиратель Сафьянова**

Тема <i>История коммуны</i>	Народ <i>Русский</i>	Сведения об информаторе: и., о., ф., возраст, занятие грамотность, партийность и др. <i>Евкин Никита Никитович, рожд. 1904 г., секретарь парторганизации.</i>	Место и время записи <i>Алтайский край, Шипуновский р-н Колхоз «Родина»</i>
Подтема <i>Деятельность коммуны.</i>			

Вскоре построили общую столовую, баню, пекарню, детский сад, школу. Утром, по звонку, все приходили в столовую и завтракали. Потом детей отводили в детсад, школьники шли в школу, а взрос-

⁵ Два заключительных абзаца написаны от руки чернилами.⁶ Основной текст на листах 86–98 написан от руки чернилами. От руки в карточках вписаны также название отряда, год экспедиции, фамилия собирателя, название темы, подтемы, национальности, сведения об информаторе, а также о месте и времени сбора.

лые – на работу. Обедали опять по звонку, а вечером шли в клуб. Хозяйство своего не было, у некоторых даже посуды не было, кроме кружек, времени свободного много было. При клубе было организовано общество «Красная рубаха», руководили хором и драмкружком Евкины. Нас было 5 братьев, и все пели и играли на каких-нибудь инструментах. В клуб ходили тогда все: молодые и пожилые, даже старики. Но на работе не все ладилось. Были и такие, что после завтрака прятались в кусты и отдыхали до обеда. Тогда ввели свои деньги, которые назывались «бонны» и ходили только в коммуне. Было и так, что некоторые одевались за счёт коммуны и уходили. Но у многих трудовой энтузиазм был исключительный. На работу ехали и с работы возвращались с песнями. Пели песни времён Гражданской войны и местные партизанские песни.

Лист № 88

**Западно-Сибирский отряд. 1961 г.
Собиратель Сафьянова**

Тема	На- род Рус- ский	Сведения об информаторе: и., о., ф., возраст, занятие грамотность, партийность и др. Гусев Гаврила Петрович, 1883 года рожд., образ. 1 класс, пенсионер, член КПСС	Место и время записи Алтайский край Поспелихинский р-н Колхоз «Факел ком-ма»
Подтема Организация и деятельность коммуны.			

Здесь коммуна организовалась в 1920 году. Организатором её был Попов. Сам он был из села Поспелиха. По наущению кулаков коммуны хотели разогнать. Тогда обратились в партийные органы и оттуда оказали помощь. Народу в коммуне много было, а порядка мало. Было немало таких, что обворуют коммуны и уйдут. Потом в нашу коммуны влились ещё две коммуны. Сначала наша коммуна плохой была, товаров мало, бывало, что и голодали. Потом хорошо стали жить и даже наша коммуна знаменитой стала. Всё было обобществлено. Столовая была общая. Не успеешь поесть, опять звонят к обеду. Питались все: дети и взрослые. Сначала взрослые ели, потом дети. Были сезонные ясли. Зимой женщины не работали и сами сидели с детишками. Я работал завхозом. И вот замечаю, что мужики позавтракают и в кусты. Не работают, а обедать приходят. Я стал таких не пускать. Всякое было. Очень мешали нам кулаки. Их было много. Они говорили, что ваша власть пропадёт и вы в могилу пойдёте. Их выселили в конце (20-х годов) 30-х годах.

Лист № 89

**Западно-Сибирский отряд. 1961 г.
Собиратель Сафьянова**

Тема	На- род Рус- ский	Сведения об информаторе: и., о., ф., возраст, занятие грамотность, партийность и др. Гусев Гаврила Петрович, 1883 года рожд., образ. 1 класс, пенсионер, член КПСС	Место и время записи Алтайский край Поспелихинский р-н Колхоз «Факел ком-ма»
Подтема Деятельность коммуны.			

Был у нас клуб, ставили спектакли. Участвовали молодёжь и пожилые. Моя дочь играла на сцене. Когда взяли в коммуны, все неграмотные были. Учились по вечерам, был у нас учитель. К некоторым на дом ходили. К таким прикрепляли тех, кто пограмотнее был. Моя жена говорила, ну его к бесу, не¹ пойду я учиться, а сама идёт, сидит, пишет. Я ей говорю, что ты бухгалтером что ли хочешь быть? Она отмалчивается. Со станции привозили нам газеты и журналы.

Построили начальную школу.

Лист № 90

**Западно-Сибирский отряд. 1961 г.
Собиратель Сафьянова**

Тема	На- род Рус- ский	Сведения об информаторе: и., о., ф., возраст, занятие грамотность, партийность и др. Тюмохов Василий Яковлевич, 70 лет, пенсионер, кончил ликбез.	Место и время записи Алтайский край Поспелихинский р-н Колхоз «Факел коммунизма»
Подтема История коммуны.			

В 1929 году у нас организовалась коммуна. Всё своё хозяйство сдали. Крестьяне считали, что вместе будет лучше прожить. Кулаков налогами обложили, а позднее их сослали. А то они здесь жили и мешали. Они агитировали, а несознательные мужики слушали.

При коммуне была общая столовая, ясли, площадка, клуб. За работу нам выдавали талончики и по ним мы питались. Если всё не выберешь, то оставшееся забираешь домой. А до талонов – кое-как работали, старались обмануть, кто как мог. Было у нас при коммуне 6 бригад во главе с бригадирами, был председатель коммуны. Мы хлеб сеяли и животноводством занимались. Работами до обеда, после обеда час или полтора отдыхали. Если стоит хорошая погода, то и в праздники работали. По вечерам 3–4 раза в неделю показывали кино, проводили лекции. С лекции приезжали и из района и из края. Интересно было послушать, здесь ведь тогда глушь еще была. Газет и журналов мало выписывали.

¹ Дописано чернилами другого цвета.»

Лист № 91

**Западно-Сибирский отряд. 1961 г.
Собиратель Сафьянова**

Тема	На- род Рус- ский	Сведения об инфор- маторе: и., о., ф., возраст, занятие грамотность, партийность и др. <i>Тюмохов Василий Яковлевич, 70 лет, пенсионер, кончил ликбез.</i>	Место и вре- мя записи <i>Алтайский край Поспели- хинский р-н Колхоз «Фаму- низма»</i>
Подтема <i>История ком- муны.</i>			

Если бригадир собирает совещание, то он и о международном положении чего-нибудь почитает или расскажет. Была библиотека у нас, но книг тогда было мало. Был ликбез, много тогда было безграмотных. Я совсем неграмотный был, только что в ликбезе выучился. Была у нас и художественная самодеятельность, ставили спектакли, брали их из книжек. Все они были жизненные. При коммуне 2-х этажные дома были, а когда артель стала, то 2-ой этаж разломали, потому что с хозяйством неудобно. Когда артель стала, то выделили (всем) каждому корову, свинью, овец и гусей парочку. Все это выделили из колхоза, чтобы можно было своим хозяйством обзавестись. При коммуне как все равно общежитием жили. То бабы плакали, когда в коммуну входили, а потом плакали, когда в артель разделили. Бабы говорили, что при коммуне всё готовое было, а тут возись со своим хозяйством. А теперь привыкли свое хозяйство держать, а придет время и своего хозяйства снова не будет, если будет колхоз всё продавать. Со своим хозяйством очень много возни.

Лист № 92

**Западно-Сибирский отряд. 1961 г.
Собиратель Сафьянова**

Тема <i>История ком- муны.</i>	На- род Рус- ский	Сведения об инфор- маторе: и., о., ф., возраст, занятие грамотность, партийность и др. <i>Поликарпов Ефим Фи- липпович, рожд. 1895 г., образ. высшее, член КПСС с 1924 г., мест- ный</i>	Место и время записи <i>Алтайский край Шипу- новский р-н Колхоз «Ро- дина»</i>
Подтема <i>Жизнь в комму- не.</i>			

Когда у нас организовалась коммуна, стали работать по способностям, а получать по потребностям. Но боялись, что все съедим и стали перестраиваться. Много было тогда нерадивых работников. Привезут, например, кожу получше, некоторые коммунары давай скорее свои сапоги снашивать или рвать, чтобы новые получить. Единоличники сначала коммунарам относились очень плохо, особенно зажиточные. Как мы переселились из Зеркал, то на нас стали смотреть как на бандитов. Потом появились трактора, хозяйство стало улучшаться и оно агитировало само за себя. Большую борьбу вели в коммуне с тем, чтобы водку не пили. Если напьется, набуянит, то сразу же выгоняли. У коммунаров была большая тяга к учёбе. Как только вечер, собирались все у амбара. Грамотные ребята читали газеты. В 1927 году приоб-

рели радио. Тогда была большая тяга к знаниям, особенно у бывших партизан. Построили клуб. В спектаклях участвовали чуть ли не все коммунары. Со спектаклями выезжали в Зеркалы, Коробейниково, Иваново. С 1934 года появилась кинопередвижка. Раньше были руководители художественной самодеятельности, менее грамотные, знавшие местные условия, а теперь с этим не считаются.

Лист № 93

**Западно-Сибирский отряд. 1961 г.
Собиратель Сафьянова А. В.**

Тема	На- род Рус- ский	Сведения об инфор- маторе: и., о., ф., воз- раст, занятие грамот- ность, партийность и др. <i>Из работ краеведов детского дома села Коробейниково</i>	Место и вре- мя записи <i>Алтайский край Шипу- новский р-н Колхоз «Заве- ты¹ Ленина»</i>
Подтема <i>История села Коробей- никово</i>			

5–6 домов, составляющих Нечунаевскую заимку, дубрава и сосновый бор – вот что представляло раньше это село. Дубрава состояла из высоких деревьев и называлась Коробейничиха. По имени дубравы и образовавшийся, его на месте прежней заимки деревня. Стала называться Коробейнички, или просто Коробейниково.¹

Крестьяне деревни жили единолично. В Коробейниково жил купец Сокуров. В его владение входили: молоканка, мельница, магазин, различные склады с промтоварами и продуктами. Крестьяне брали у купца в дом товары и за долг потом отработывали. Почти все население было неграмотное. Церковь, водочная лавка, чайная – вот вся «культура». В период гражданской войны и военной интервенции по этим местам прошли отряды Колчака. В селе Коробейниково отряд Колчаковцев простоял 3 дня. Большая часть населения ушла в партизанские отряды. Уходя из села партизаны оставили двух своих людей. Когда в село вошли Колчаковцы, они заметили во дворе одного из домов лошадей и сразу же окружили дом. Партизаны были схвачены и после долгих пыток расстреляны за селом.

Лист № 93

**Западно-Сибирский отряд. 1961 г.
Собиратель Сафьянова А. Н.**

Тема	Народ Рус- ский	Сведения об инфор- маторе: и., о., ф., воз- раст, занятие гра- мотность, партий- ность и др. <i>Из работ краеведов детского дома села Коробейниково</i>	Место и вре- мя записи <i>Алтайский край Шипу- новский р-н Колхоз «За- веты Лени- на»</i>
Подтема <i>История села Коро- бейниково</i>			

Тела убитых партизан подобрали местные жители и торжественно похоронили. Вместе с ними похоронили еще двух партизан. Одного из них, который вез донесение схватили за деревней, а другого, по

¹ Далее зачеркнуто слово «Ильича».

фамилии Кузнецов, поймали за 20 км от этого села. Кузнецов нес революционную литературу для распространения среди населения. Память о расстрелянных партизанах свято чтится жителями. В центре села им поставлен памятник, сначала он был деревянный, а в 1951 году воздвигнут новый памятник из камня. Колчаковцы жестоко расправлялись с населением за малейшее сочувствие к партизанам. Коммунистку Анисью Ивановну Мамонтову били шомполами за помощь оказанную партизанам. В 1929 году был организован здесь Первый колхоз «Светлый путь», в который вошло сначала 14 хозяйств, а в 1930 году все село объединилось в колхоз. Этот колхоз получил новое название: «Заветы Ленина». Для детей, оставшихся без родителей, в 1929 году был организован детский дом.

Лист № 95

Западно-Сибирский отряд. 1961 г.**Собиратель Сафьянова А. В.**

Тема <i>Общественный быт</i>	Народ Русский	Сведения об информаторе: и., о., ф., возраст, занятие грамотность, партийность и др. <i>Евкин Никита Никитович, рожд. 1904 г., секретарь парторганизации.</i>	Место и время записи <i>Алтайский край Шипуновский р-н Колхоз «Родина»</i>
Подтема <i>Биографии старших деятелей коммуны и артели</i>			

Коммуной жили по 1933 год. С января 1934 года стали жить по уставу сельскохозяйственной артели, которая до 1957 года называлась «имени Молотова», а с 1957 года получила название «Родина». Сейчас это опытно-учебное хозяйство. С 1931 года, когда еще была коммуна, стал работать Федор Митрофанович Гринько, который вошел в коммуны вместе с частью населения из соседнего села. Он работал и простым колхозником и заведующим столовой, был избран в Совет коммуны, потом (заменяя) стал заместителем председателя коммуны т. Катюка. С этой работы его послали учиться и проучившись 21½ года в Кунгузе, он был отчислен по болезни. Я тоже там учился, а потом был отправлен на работу в районы. Меня назначили на партийную работу, а Гринько отправили в Шипуновский район редактором, но он отказался от этой работы. А в нашей коммуне в это время хозяйство было запущено и он попросился сюда, обещал поправить дела. Его направили.

Лист № 96

Западно-Сибирский отряд. 1961 г.**Собиратель Сафьянова**

Тема <i>Общественный быт</i>	Народ Русский	Сведения об информаторе: и., о., ф., возраст, занятие грамотность, партийность и др. <i>Евкин Никита Никитович, рожд. 1904 г., секретарь парторганизации.</i>	Место и время записи <i>Алтайский край Шипуновский р-н Колхоз «Родина»</i>
Подтема <i>Биографии старших деятелей коммуны и артели</i>			

За хорошую постановку работы, за разведение сада в Сибири, Гринько получил премию. Экономика колхоза стала постепенно восстанавливаться и к 1936 году наша артель стала выделяться по своим показателям среди других артелей. Гринько, как хорошего председателя колхоза выдвинули в кандидаты депутатов Верховного Совета СССР. Депутатом он был 20 лет. Я тогда работал заведующим отделом агитации и пропаганды в Солонешенском районе потом председателем райколхозсоюзов, а когда они были отменены, председателем Райзо работать отказался, ссылаясь на здоровье. Попросился учиться пока молодой. Мне не отказали и я проучился снова с 1933 по 1936 год. С учебы сняли досрочно и послали на должность начальника политотдела в Новосибирскую область. После ликвидации этих отделов остался заместителем по политчасти при Курзенской МТС, где работал до апреля 1939 года. В это время проходила Ежовская компания и я просидел 5 месяцев. После этого уехал из Новосибирска и решил посмотреть свою коммуны. Гринько предложил мне работать секретарем партийной организации в колхозе, я и остался. С 1941 по 1945 год я был на войне. Гринько руководил хозяйством.

Лист № 97

Западно-Сибирский отряд. 1961 г.**Собиратель Сафьянова**

Тема <i>Общ. быт</i>	Народ Русский	Сведения об информаторе: и., о., ф., возраст, занятие грамотность, партийность и др. <i>Поликарпов Ефим Филиппович, рожд. 1895 г., образ. высшее, член КПСС с 1924 г., местный</i>	Место и время записи <i>Алтайский край Шипуновский р-н Колхоз «Родина»</i>
Подтема <i>Биография одного из деятелей (организ.) коммуны</i>			

Начало формы

Семья нас была 5 человек: отец, мать, сестра и два брата. жили в (деревне) села Зеркалы, сначала оно называлось Болвашкино. Занимались хлебопашеством. Я кончил 4-х классную церковно-приходскую школу. Стал работать в батраках у ездовых, хозяйство наше было бедняцкое. Отца всё время преследовали, подозревали его, он участвовал в социал-демократических кружках. Отец – Филипп Кузьмич Поликарпов в 1920 году вступил в партию большевиков. Я был на войне, потом в плену, в феврале 1919 года вернулся и ушёл в партизаны Нас, партизанов, было сначала человек 30. В 1922 году я вернулся сюда (где ныне колхоз «Родина»), здесь уже была коммуна. Я был секретарём, а потом председателем коммуны. Председателем коммуны я был в 1922, 1923, 1924, 1926, 1927, 1929, 1930 годах. 12 лет был членом Президиума Райисполкома. В 1929 году была мобилизация 25-тысячников. К нам послали т. Катюка. Я сдал ему все дела, а меня послали учиться в Омск в сельскохозяйственный институт. Его я окончил 1934 году, но диплом не получил.

Лист № 98

**Западно-Сибирский отряд. 1961 г.
Собиратель Сафьянова**

Тема <i>Общ. быт</i>	Народ Русский	Сведения об информаторе: и., о., ф., возраст, занятие грамотность, партийность и др. <i>Поликарпов Ефим Филиппович, рожд. 1895 г., образ. высшее, член КПСС с 1924 г., местный</i>	Место и время записи <i>Алтайский край Шипуновский р-н Колхоз «Родина»</i>
Подтема <i>Биография одного из деятелей коммуны</i>			

После окончания института нас послали агрономами по совхозам. Нас обещали вскоре вызывать, чтобы защитить диплом, но проходили годы, а нас не вызывали. Уже после войны я подал заявление на

заочное отделение в Омский институт и в 1949 году получил диплом об окончании. 8 лет работал в совхозе. Ф. М. Гринько стал ходатайствовать о моём переводе. Я переехал и работал до 1950 года в селе Шахи заведующим литхозяйством. В 1950 году¹ по ходатайству отца, Крайком перевел меня в МТС, находившуюся рядом с колхозом «Родина». Здесь я работал до 1957 года. В 1957 году МТС были ликвидированы. Я перешел на пенсию. Имею 25-летний стаж работы. Был заседателем товарищеского суда, член ревизионной Комиссии сельпо сейчас.

Товарищеский суд лучше действует, чем нарсуд. Многие говорят, что лучше бы в нарсуде рассматривали дело, чем здесь краснеть².

Конец формы

Полищук Нинель Саввишна (1929–2024 гг.)

Родилась в 1929 г. В 1946–1951 гг. Нинель Саввишна была студенткой филологического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. В 1951–1954 гг. — аспирантка кафедры фольклора филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. В 1955–1957 гг. преподаватель русского языка на курсах иностранных языков при Совете экономической взаимопомощи; в 1957–1960 гг. — младший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР. С 1960 г. начала работу в Институте этнографии АН СССР, сначала в должности младшего научного сотрудника. В 1961 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему «Русская рабочая песня периода подъема массового революционного движения и первой революции в России (1895–1907 гг.)». С 1974 г. — в должности старшего научного сотрудника. С октября 1986 г. — и. о. заведующего сектором этнографии русского народа. С 1973 г. являлась заместителем главного редактора журнала «Советская этнография». С марта 1981 г. была научным руководителем аспиранта сектора этнографии народов Кавказа Р. Х. Тазиева, изучавшего быт и культуру рабочих Тырныаузского горнорудного комбината. С ноября 1981 г. по июнь 1982 г. консультировала стажера исторического факультета МГУ английского историка Бирмингема Э. Уотерс по вопросу этнографического изучения русских рабочих. Сфера ее научных интересов — этнография и русский фольклор. Занималась изучением фольклора, духовной культуры и образа жизни русских рабочих, а также исследованием состояния русского фольклора и проблем фольклоризма, изучением обрядности.

В полевых исследованиях на Алтае участвовала с 27 июля по 30 сентября 1961 года на территории Змеиногорского, Поспелихинского и Шипуновского районов, в октябре — в архивах г. Барнаул².

¹ Далее зачеркнуто «(957 год)».

² Научный архив ИЭА РАН. Ф. 47. Оп. 15. Зап.-Сиб. экспедиция.

Лист № 1.
Заселение края. История сел. Строительство.Лист № 2³.

с. Коробейниково

Комплексная экспед. Зап-Сиб отр. 1961 г.

Полищук Н. С.

Заселение края	русские	Тютин Александр Федорович, 81 г., грам. чл. КПСС с 1920 г. персон. пенсионер приехал сюда из Коробейниково в 1929 г.	с. Родина Шипуновский р-н Алтайский край август 1961 г.
-------------------	---------	--	---

«Мы не здешние были, а тобольские. Сюда [в с. Коробейниково] переехали в 1892 г. Выезжали по Иртышу, там сильные горы, не поглянулось. Потом приехали сюда. Когда приехали, отец привез денег 40 коп. Отец был столяр, плотник хороший, тем и кормился.

Приезжим сибиряки [старожилы] не давали строиться. Если дом выстроишь, а печь не успеешь сложить [за ночь], весь дом раскидают.

Нас приехало 12 семей. Поехали в Барнаул к переселенческому начальнику, подарки ему повезли. На третий день получили бумагу: «Такие-то приписаны Томской губ., Космолинская волость.» Приехали к ним, а они не хотят пускать. С тех

Лист № 2 об.

пор как нас приписали, стали других принимать.

Первые пять лет мы жили на квартире у богатого мужика. Потом поставили домишко, завели 4 рабочих лошади, 3 коровы. Когда взяли меня на службу [в 1900 г.] отец помер. Все пошло хуже.

Богачи имели по 200 лошадей, 25–30 дойных коров. Хлеба было полно — 20 коп. пуд пшеницы, 25 коп. — муки.

³ Листы 2, 4–7 разлинованы на графы карандашом от руки. Весь текст в графы внесен чернилами. Листы 3 и 8 — карточки, отпечатанные типографским способом. На их обратной стороне разлиновка сделана вручную. Данные в эти карточки также внесены чернилами.

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ АН СССР

№ карточки 23

ссылка на дополнительные материалы

Комплексная экспед. Западно-Сибирский отряд 1961г. Полищук Н. С.
 (Наименование экспедиции, отряда, год работы) Собиратель

Тема Заселение края	Народ, этнографическая группа русские	Сведения об информаторе: и., о., ф., возраст, занятие грамотность, партийность и др. Петрова Анна Евгеньевна, 82 г., негр. сибирячка	Место и время записи с. Коробейниково Шипуновского р-на Алтайского края август 1961г.
-------------------------------	---	--	---

„Первыми в село приехали тоболяки (с р. Тобол) – повозок 5-6 с детьми. Приехали к сенокосу. К осени малушку (изба для стряпни) купили и остались жить. Потом курские приехали. Стали писать своим и наехало их сила несметная. В Андреевке одни курские живут. Сибиряки одни жили – амбары не запирали, замков не знали, а потом и собак завели.“

Образец заполненного листа.

Ал. Фед. получает персональную пенсию как бывший партизан – 30 руб.

Лист № 4.

**Комплексная экспед. Зап-Сиб отр. 1961 г.
Полищук Н. С.**

**Комплексная экспед. Западно-Сибирский отряд.
1961 Полищук Н. С.**

Тема Заселение края	Народ, этнографическая группа русские	Сведения об информаторе: и., о., ф., возраст, занятие грамотность, партийность и др. Петрова Анна Евгеньевна, 82 г., негр. сибирячка	Место и время записи с. Коробейниково Шипуновского р-на Алтайского края август 1961 г.
------------------------	--	---	---

Заселение края	русские	Бабаев Харитон Яковлевич, 81 год., приехал из Курской губ., негр.	с. Коробейниково Шипуновского р-на Алтайского края август 1961 г.
----------------	---------	---	---

Хар. Як. приехал в 1908 г. из Курской губ.

«Надоела панская работа: бураки, свеклу сеяли. Уезжали на целый месяц. Своей земли не было. Поехали сюда, говорили, что тут вольно. Дядя тут жил 2 года. Приехал, говорит: «Поехали в Сибирь там жеребцы сами табуны стерегут.» Приехали, так и есть. Жеребец пасет свой табун, даже чужих залучает.

Сибиряки [нас] не принимали. Мы на полетках жили неприписанные считались. Потом какой-то начальник приехал, спросил: «Плуг есть? Пашете?» – «Пашем, припишите».

Сибиряки не давали в селе строиться, ломали избы. А здесь, под лесом можно было строиться –

«Первыми в село приехали тоболяки (с р. Тобол) – повозок 5–6 с детьми. Приехали к сенокосу. К осени малушку (изба для стряпни) купили и остались жить. Потом курские приехали. Стали писать своим и наехало их сила несметная. В Андреевке одни курские живут. Сибиряки одни жили – амбары не запирали замков не знали, а потом и собак завели.»

земля Кабинетская. Мы крайние жили, а при нас уже к кордону заселялись, но потом разъехались.

Лист № 4 об.

II. У нас свадьбу пойдут гулять — каждый в свой двор заводил всю беседу (сколько семей гуляют), а сибиряки мало гуляли. У них поезда назывались. За невестой ездили 5–7 лошадей, у кого какой достаток».

Лист № 5

Комплексная экспедиция. Западно-Сиб отр. 1961 г.
Полищук

Строительство История села	русские	Секретарь парторганизации колхоза	с. Факел Коммунизма р-н Алтайский край август 1961 г.
-------------------------------	---------	-----------------------------------	---

Факел появился в 1920 г. Раньше здесь ничего не было. Коммуна существовала с 1920 по 1932 год. При коммуне сюда свозились с других сел двухэтажные деревянные дома. Переделали их на 2-х комнатные квартиры коридорной системы. Но 2-х этажные дома не для села. Их снимали. В войну настроили землянки и мазанки [типа барачков, но у каждой квартиры выход на улицу].

Строительство в основном началось после 1954 г. В 1954 г. был большой урожай 30–40 центнеров с га и платили за центнер больше чем раньше. Вот и стали все переходить из землянок в дома.

Лист № 6

Комплексная экспедиция, Зап-Сиб. отр., 1961 г.
Полищук

1. Население 2. Строительство	русские	Группа женщин, работающих на току. (от 19 до 50 лет).	с. Красный Алтай Поспелихинский р-н Алтайский край август 1961 г.
----------------------------------	---------	---	---

I. По словам женщин в селе живут сибиряки и хохлы. «Хохлы — это не украинцы. У украинцев ничего не поймешь, а хохлы говорят как и русские, только наречие другое». По всей вероятности «хохлами» здесь называют выходцев из южно-русских губерний и их потомков.

II. Дома строят саманные. С крышами и лесом очень трудно. Обычно только на третий год после начала строительства можно зайти в дом. При строительстве устраивают «помочи» — замешивают саман, делают кирпичи.

Лист № 7

Комплексная экспедиция, Зап-Сиб. отр., 1961 г.
Полищук Н. С.

Заселение края	русские	Головин Д. Т., 70 л., род. в Курской губ. м/грам., пенсионер. (приехал сюда в 1906 г. с родителями)	с. Калмыцкие Мысы Поспелихинского р-на Алтайского края сентябрь 1961 г.
----------------	---------	---	---

«Когда приехали, то здесь только сибиряки жили. С/совет (здание это теперь почти в центре села) был

на краю деревни. Население пошло с 1906–1908 годов. Понаехали народ сюда.

Один приехал, ходоком ходил, понравилось ему. Приехал домой, рассказал. Поприезжали все. Старожилы-сибиряки за приписку брали деньги по 10–15–20 руб. с рабочей души. То же было и с первыми переселенцами.

Лист № 8

Комплексная экспедиция, Зап-Сиб. отр., 1961 г.
Полищук Н. С.

Тема 1) Заселение края одежда (старая)	Народ, этнографическая группы Украинцы («хохлы»)	Сведения об информаторе: и., о., ф., возраст, занятие грамотность. партийность и др. Сахно М. П. 61 г. негр., печет хлеб для колхоза	Место и время записи с. Калмыцкие Мысы Поспелихинский р-н Алтайский край сентябрь 1961 г.
--	--	--	--

1) Маланья Павловна рассказывает о заселении с. Николаевка, находящегося в 15 км от с. Калмыцкие Мысы. В Николаевке живут украинцы (здесь их называют «хохлы», да и сами они себя так называют).

«Приехали наши батьки в Николаевку, а там голий степ. Поделали печи, кабини і хліб пекли там; на зиму поделали каюты, а потім хорошо жили.

Кругом степ. Коні підуть, не видко. Зразу була хата — одна клетка, а потім великий двухэтажный дом».

Лист № 8 об.

2) Маланья Павловна рассказывает:

«У матери и баби бели сорочки с мережкой. Мережки ще й я шила, а носить не носила». Рукава у рубахи были длинные, на сборках и у шеи тоже сборки.

Научный архив ИЭА РАН. Ф. 47. Оп. 15.
Зап.-Сиб. экспедиция.

Лист № 26

Коммуны

Лист № 27¹

с. Коробейниково с. Родина
Комплексная экспед. Зап-Сиб отр. 1961 г.
Полищук Н. С.

организация коммун	русские	Тютин Ал-р Фед., 81 год, чл. КПСС с 1920 г., грам., персон. пенсионер	с. Родина Шипуновский р-н Алтайский край август 1961 г.
--------------------	---------	---	---

В 1921 г. в с. Коробейниково организовалась коммуна — «Светлый луч». [Зарегистрировали её 29 февр.]

В с. Коробейниково нас было 6 коммунистов. Некоторые завели по-нескольку коров, бричек. Я говорю: «Нас скоро беспартийные раскулачивать будут». Мы решили в коммуну войти. Председателем ком-

¹ Листы 27–28 разлинованы карандашом на графы от руки. Весь текст в эти карточки внесен чернилами. Лист 29 — карточка, отпечатанная типографским способом. Данные в эту карточку также внесены чернилами.

муны был Ал-р Фёдорович. Но коммуна была слабая, часть людей разбежалась. То же было и в с. Родина.

В 1929 г. Коробейниковская коммуна влилась в Родинскую («Новый свет»).

Лист № 28

Комплексная экспедиция, Зап-Сиб отр. 1961 г.

Полищук Н. С.

Быт, нравы, религиозные верования во время коммуны (1920-е гг.)	русские	Капенкова Аграфена Кузьминишна 67 л. малозр. Приехала в 20-е гг. из Зеркал.	с. Родина, Шипуновский р-н Алтайский край август 1961 г.
---	---------	---	--

«Как пришли сюда, икон не было, молиться стеснялись. Как ложишься спать, скажешь: «Господи, прости меня грешную». — вот и вся молитва».

Сперва вино не пили. Варили брагу, пиво. «Тогда, боже упаси, даже на свадьбах водки не пили».

Свадьбу справляли всей коммуной.

В 1920 г. сестра выходила замуж, она девкой вошла в коммуны. Венчаться она ездила в Порожнее, так как без венца не хотела идти замуж.

Лист № 29

Комплексная экспед, Зап-Сибирский отр. 1961 г.

Полищук Н. С.

Тема Коммуна	Народ, этнографическая группа русские	Сведения об информаторе: и., о., ф., возраст, занятие грамотность, партийность и др. Морозова Анастасия Сарафоновна (ок. 70 лет), негр.	Место и время записи с. Факел Коммунизма, Поспелихинский р-н Алтайский край август 1961 г.
--------------	---------------------------------------	---	--

В 20-ые годы в пос. была коммуна. А. С. Морозова приехала сюда из Поспелихи (в 4 км.) с мужем и детьми (пятеро)

«При коммуне хорошо было. Своего хозяйства никакого. Лучше было: приду работы, постель уберу, отдыхаю».

При коммуне ели все вместе. Варили 2 котла взрослым, а 3-ий детям. Им врозь готовили. За ними 2 хожалки были».

Работали женщины так: «3-ое на кухне готовили и 3-ое на пекарне были. Неделю отбудем, потом на пашню идём, а

Лист № 29 об.

другие заступали. Тот, кто готовил, собирал на столы и со столов убирал. Когда народу собиралось много, на помощь давали девочек».

Стирали на кухне. Белье развешат, а старуха соберёт все, сложит».

Работали с песнями. Туды и от тель шли с песнями. Старинные все песни пели, сейчас забыла».

В коммуне справляли только советские праздники. На большой праздник обед варили. Приезжали гости, их тоже кормили. Ударникам готовили отдельный обед».

При коммуне свадьбы не справляли. Сойдутся и живут».

Теперь 1-ое мая не празднуют — разгар посевной. 7-ое ноября по всем хатам гуляют и 2 и 3 дня, и неделю».

Про церковные праздники уже забыли. Только в воскресенье не работаем. Молодые не слушают про праздники, на спас стирают, моются».

7

Архив
краеведа

Яблокова Ирина Яковлевна. Учитель-исследователь-краевед¹

Ирина Яковлевна Яблокова – учитель истории и обществознания МКОУ «Родинская средняя общеобразовательная школа» в с. Родино Шипуновского района, краевед и руководитель школьного краеведческого комплексного (музей-ансамбль) «Музея колхоза им. Ф. М. Гринько». Родилась в 1968 г. в с. Шипуново, окончила школу им. Луначарского, где учителем

и наставником в краеведческой работе был А. С. Леонтьев. В 1985 г. приехала в родинскую школу по комсомольской путевке работать пионервожатой, окончила заочно исторический факультет Барнаульского педагогического университета. С 1990-х гг. возглавляет музей колхоза им. Ф. М. Гринько, руководит краеведческой работой учащихся.

DOI 10.37386/2687-0592-2024-12-254-262

УДК 908(092)(571.150)

И. Я. Яблокова

Родинская средняя общеобразовательная школа, с. Родино Шипуновского района, Российская Федерация

Человек с высокой буквы — Иван Михайлович Яблоков

Как часто бывает, еще там, в далеком босоном детстве, ты не задумываешься о жизненном пути, ты просто наслаждаешься этим удивительным миром. Вдыхая всей грудью запах луговых трав, пытаешься до мелочей запомнить самое важное, что понесешь с собой в эту большую и интересную жизнь! Ты еще не знаешь, да и не веришь, что у тебя может что-то не получиться, что однажды придется преодолеть самые серьезные испытания, которые изменят судьбу целого поколения, а вместе с ним и твою жизнь.

Первое знакомство с Иваном Михайловичем Яблоковым у меня состоялось, когда я, молоденькая девчонка-пионервожатая, уже несколько недель работала в Родинской школе. На одном из совещаний педагогического коллектива с обзором о политической ситуации в стране и мире выступал ветеран Великой Отечественной войны и педагогического труда И. М. Яблоков. Кстати, Иван Михайлович, находясь на заслуженном отдыхе, по собственной инициативе на таких совещаниях проводил небольшие политинформации. Помню, во внешнем виде этого пожилого человека я сразу отметила четкую выправку, подтянутость и аккуратность. Он очень хорошо держался перед аудиторией, оперировал сложными понятиями так свободно, что я так и подумала – он учитель истории, ну или языковед. Это уже потом от коллег я узнала и то, что Иван Михайлович по решению Шипуновского районного комитета комсомола, который сам возглавлял, аккуратно после начала войны, в 1941 г., был направлен в Молотовскую (ныне Родинскую) школу в качестве учителя военного дела, что он подготовил ребят-выпускников для поступления в военное училище и вместе с ними ушел защищать Родину. А было ему тогда всего 17 лет, и он сам должен был учиться в этом классе!

Иван Михайлович (24.08.1924–18.10.1997) (рис. 1) родился в Брейтовском районе Ярославской губернии, в селе Ильца. Когда ему исполнилось 4 года, его

семья переехала на Алтай, бежали от голода (рис. 2). Вместе с Яблоковыми ехали ярославские мужики: Санаковы, Семеновы и др. Первоначально поселились на станции Шипуново, но вскоре отца маленького Вани, Михаила Петровича, приглашают на работу в коммуну «Новый свет», которая образовалась в тридцати верстах от станции, на месте заимок кулаков из села Зеркал.

Прокатилось босоное деревенское детство ярославского мальчишки. Вместе с детьми коммунар Ваня помогал старшим: навозить в кадку воды, принести дров, выйти на прополку общественного поля – это лишь небольшой перечень работ, которые входили в обязанности всей детворы. По воспоминаниям соседки Ивана Михайловича Елизаветы Павловны Евкиной, 1921 г. р., коммуна только начинала жить, не хватало самого необходимого, коммунары были малоимущими, приходилось даже организовать общественное питание, чтобы хоть как-то можно было существовать. При всех трудностях особое внимание уделялось детям: старались лучше покормить, первые валенки и тулупы, которые шили здесь, были для них. Но и работы хватало на всех.

Когда пришло время постигать науки, Ваня идет в школу. По воспоминаниям старожилы села, как такового здания школы в коммуне в то время не было, дети учились в деревянном доме, приспособленном под контору (рис. 3). И вот первое испытание: надорвавшись на работе, отец Вани Михаил Петрович вскоре умирает, оставляя сиротами четверых детей, Ивану шел тогда одиннадцатый год. Вместе с мамой Евдокией Алексеевной дети переезжают в Шипуново, где жили братья отца. Трудно живет семья, часть забот берет на себя Иван, детские игры пришлось оставить, горю нет предела, но надо жить. В Шипуново он продолжает образование в средней школе. Помимо уроков, стремится везде успеть: записывается в кружок художественной самодеятельности, участвует в спортивных соревнованиях. Комсомольцы предвоенных лет жили авиацией, сдачей норм на оборонные значки, авиамоделизмом. Поэтому желающих попробовать себя в полете на планере в Шипуновском райкоме ДОСААФ было много, среди них

¹ Раздел подготовлен канд. ист. наук Е. А. Коляскиной в рамках гранта РНФ № 23-28-01443 «Сельское общество и власть в 1950-е – середине 1980-х годов: коммуникация и социальная память (на примере регионов Западной Сибири)», <https://rscf.ru/project/23-28-01443>.

Рис. 1. Иван Михайлович Яблоков.

Рис. 2. Семья Яблоковых: Михаил Петрович, Евдокия Алексеевна, Вася (вверху), Саша, Ваня, Галя (внизу). 1931 г.

был и Иван. Вообще трудно сказать, в чем только не преуспевал девятиклассник. Он отлично рисовал, был художником в редколлегии общешкольной стеновой газеты, с увлечением занимался военным делом и, конечно же, имел в табеле только четверки и пятёрки. Поэтому его и избирают секретарем школь-

Рис. 3. Первая начальная школа, построенная в коммуне «Новый свет» в 20-е гг. XX в. (рисунок выполнен выпускницей Родинской средней школы Рожковой Н. по рассказам старожилов села Родино).

ного комитета ВЛКСМ. И совсем не случайно после школы Иван Яблоков оказался инструктором райкома комсомола (рис. 4). Но решать ему пришлось уже другие задачи: их поставила перед советской молодежью грянувшая Великая Отечественная война.

Осенью 1941 г. Иван Михайлович работает военкомом в Молотовской (ныне Родинской) школе. По указанию военкомата Иван Михайлович сформировал из учеников десятого класса взвод, который во внеурочное время готовил по программе минометчиков. По возрасту Иван должен был сам сидеть с этими ребятами за одной партой и постигать науки.

12 августа 1942 г. вместе с подготовленным им взводом был направлен в эвакуированное из Белоруссии в город Барнаул Лепельское минометное училище. Молотовцы отлично его окончили и в звании лейтенантов прибыли на место назначения — Ленинградский фронт. Здесь Яблоков был назначен командиром взвода управления одной из батарей. После войны Иван Михайлович начертил карту «Мой путь фронтовой», где отметил «Дорогу жизни» (рис. 8). В жарких боях он проявил мужество и героизм, за что имеет награды: орден Красной Звезды, орден Отечественной войны I степени, много медалей (рис. 5–7). 23 февраля, вызывая огонь на себя, Иван Михайлович был тяжело ранен (рис. 9). Находился на лечении в Ленинградском, Котельническом и Читинском госпиталях.

Опять судьба испытывала комсорга на прочность: без ноги и практически без действующей правой руки (осколком был перебит нерв), он заново учится писать и рисовать левой рукой. Как же ему, «убитому войной», удалось сделать невероятное? По рассказам Юрия Ивановича Яблокова, сына Ивана Михайловича: «В те дни отец раз за разом перечитывал книгу „Как закалялась сталь“, именно она и большое желание быть полезным людям, стране, сделали свое дело: он стал учителем черчения и рисования в нашей школе, а также работал художником-оформителем в бывшем колхозе имени Ф. М. Гринько (Родино), заведующим сельской библиотекой, принимал

№ 132, 3 ноября 1984 года.

«СТЕП

Далекое — близкое

КОМСОМОЛЬСКИЙ СЕКРЕТАРЬ

Если вспомнить, чем жили комсомольцы предвоенных лет, то конечно же — авиацией, сдачей норм на оборонные значки, авиамоделизмом, спортом. В 1939 году Шипуновский райком ДОСААФ приобрел небольшой планер, запускаемый в воздух с помощью длиннейшего резинового каната — амортизатора. Надо было видеть, с каким старанием изучали ребята устройство планера, с каким нетерпением ждали первого взлета!

Упорная учеба, активная внеклассная работа, участие в кружках художественной самодельности — во всем этом чувствовался учащенный пульс школьной жизни, постоянная устремленность, поиск интересных занятий.

Это накладывало особую ответственность на школьный комитет ВЛКСМ. Его должен был возглавить такой же беспокойный, неутомимый секретарь,

каким был почти каждый комсомолец. Выбор у ребят Шипуновской, а затем и Родинской средних школ выпал на Ивана Яблокова.

Трудно сказать, в чем только не преуспевал девятиклассник. Он отлично рисовал, был художником в редколлегии общешкольной стенной газеты. Он обладал приятным голосом, участвовал в выступлениях школьного хора. Он с увлечением занимался военным делом, спортивной подготовкой. И конечно же, имел в табеле только четверки и пятерки. Ребята очень уважали своего товарища, увлекались его увлечениями.

И совсем не случайно после школы Иван Яблоков оказался инструктором райкома комсомола. Но решать ему пришлось уже другие задачи: их поставила перед молодежью грянувшая война.

Спустя немного времени, Иван Яблоков

был уже курсантом одного из военных училищ. А потом на короткое время одноклассники увидели на побывке своего бывшего секретаря комсомольской организации: перед ними стоял ~~улыбчивый~~ лейтенант артиллерии, повзрослевший, загоревший, но такой же веселый, жизнерадостный, как и прежде. Будто и не предстояло ему дальней дороги, суровых испытаний войны.

Судьба распорядилась так: жизнь лейтенанту Яблокову сохранена, но одной ноги и руки — практически нет. И как же в этот критический момент был благодарен Иван Яблоков книге «Как закалялась сталь»! Еще находясь в госпитале, он начал учиться писать, а затем и рисовать левой рукой. Еще там начал заново учиться ходить. И вот удивительно: рисует Иван Яблоков левой рукой даже лучше, чем делал это правой.

Вернувшись в село Родина, долгое время работал учителем черчения и рисования в средней школе и, конечно же, принимал самое активное участие в выпуске колхозной стенной газеты, сатирических листов, пользовался большим уважением в партийной организации.

Новый удар судьбы: в дорожном автопроисшествии погибли жена, двое детей. Тяжело переживает Яблоков эту потерю, но не опускает руки, продолжает трудиться, делом всей своей жизни считает привитие любви молодому поколению к прекрасному. Художником стала его дочь.

Сегодня Ивану Михайловичу Яблокову — за шестьдесят. Но отчетливо, до каждой детали, помнит он дни своей комсомольской работы. Такое не забывается. В. ПАВЛОВ.

Рис. 4. Статья об И. М. Яблокове в районной газете «Степная новь» № 132, 3 ноября 1984 г.

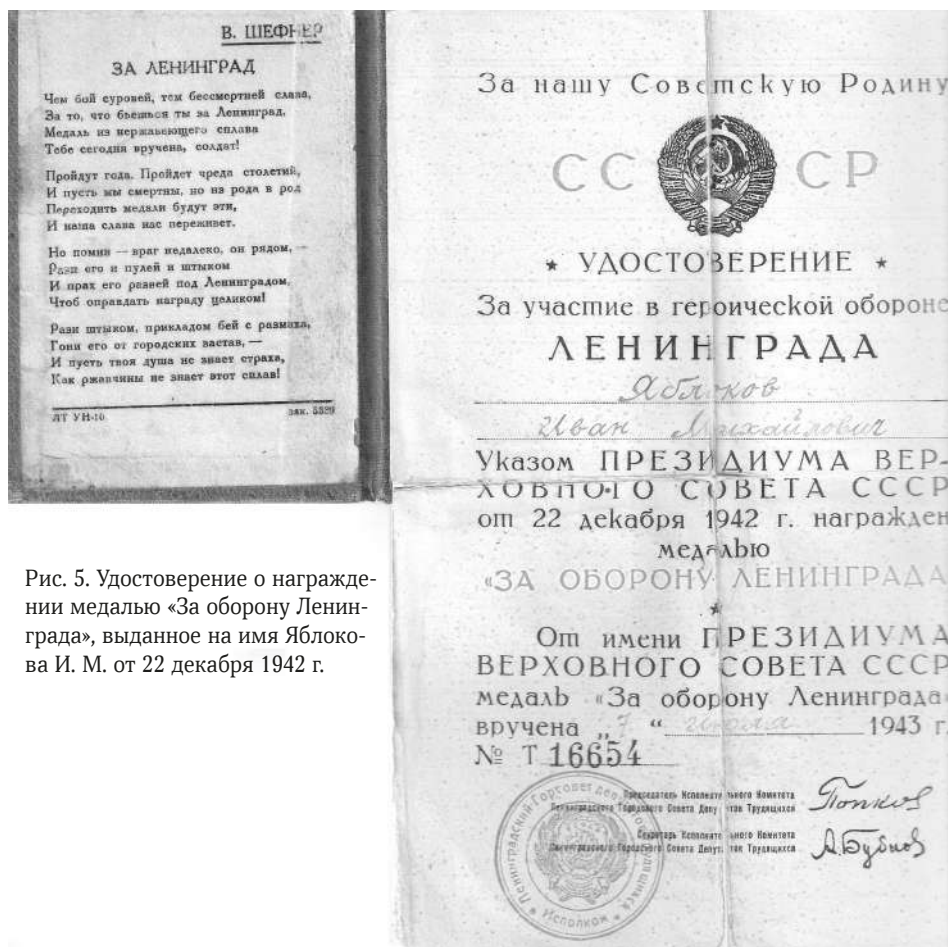

Рис. 5. Удостоверение о награждении медалью «За оборону Ленинграда», выданное на имя Яблокова И. М. от 22 декабря 1942 г.

Рис. 6. Орденская книжка награжденного орденом Красной Звезды, выданная Яблокову И. М. от 30 мая 1951 г.

Рис. 7. Орденская книжка награжденного орденом Отечественной войны I степени, выданная на имя Яблокова И. М. от 11 марта 1985 г.

активное участие в художественной самодеятельности села, вел оформительский и шахматный кружки, водил автомобиль (рис. 10–11). Люди, которые были рядом с Иваном Михайловичем, забывали порой о том, что он инвалид».

По воспоминаниям коллег, учителей Родинской средней школы, Ивана Михайловича отличали собранность, аккуратность, доброжелательность, выдержанность. За большую начитанность и эрудицию друзья присвоили ему «звание» «ходячая энциклопедия».

Казалось, невзгоды уходят и жизнь налаживается, молодой человек женился, у него родились три сына и дочь (рис. 12). Правление колхоза выделяет молодой семье новый кирпичный дом (рис. 13). Но жизнь опять приготовила испытание. 30 сентября 1966 г. в дорожной автокатастрофе погибли жена и двое сыновей. В такой ситуации Иван Михайлович не замкнулся, не стал жалеть себя, тем более, что на руках остались малолетние дети — сын и дочь, он продолжал оставаться открытым к людям. Соседка Яблоковых Елизавета Павловна Евкина вспоминала:

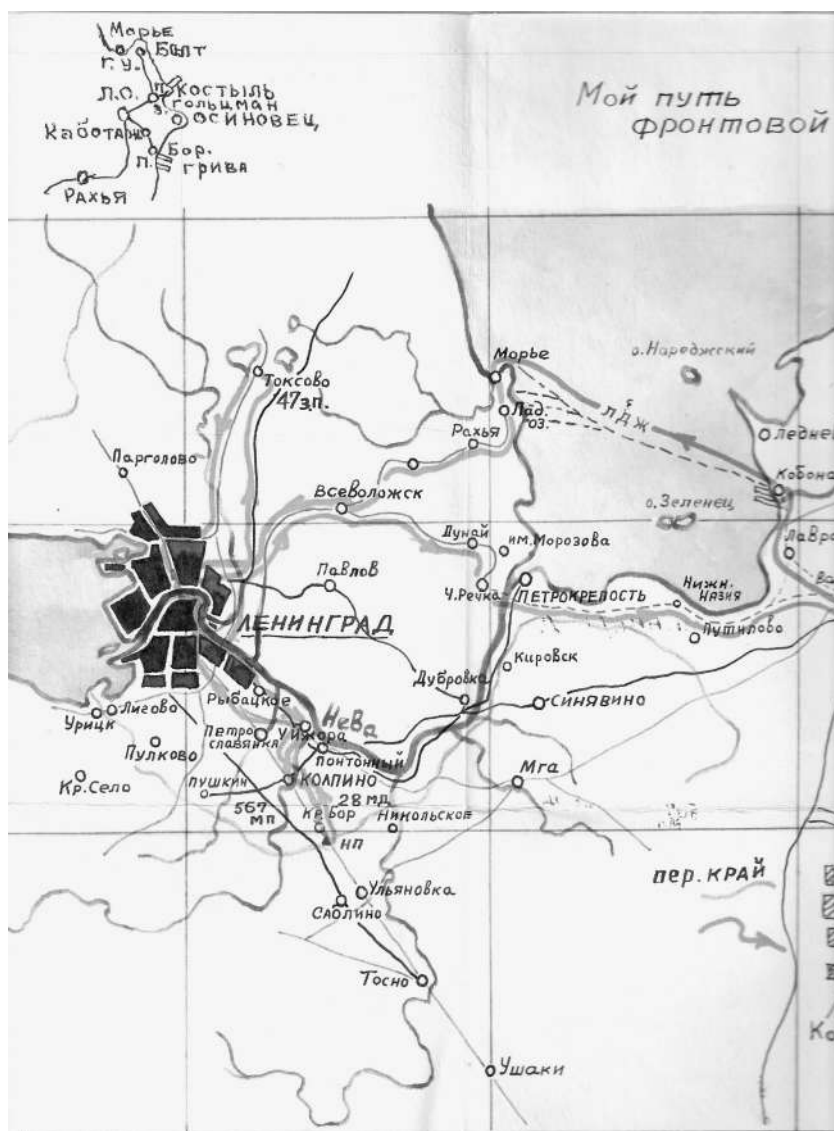

Рис. 8. Карта «Мой путь фронтовой», выполненная И. М. Яблочкиным. Условным обозначением «Л. Д. Ж.» отмечена ладожская «дорога жизни».

«Ане (так звали супругу) удивлялись коллеги, говоря, о том, зачем вышла замуж за калеку, а она только улыбалась. Любила, видать. Да и Ваня оказался таким хорошим мужем и заботливым отцом. Даром что на протезе да с одной рукой! А глядишь, уже стены сарая из кирпича выкладывает, да уже наверху — крышу накрывает. И ведь не было ни одной работы, за которую он не брался, корову держали. Шутка ли, четверых детей поднимали... Да... А когда страшное случилось, погибла в аварии Аня и их двое сыновей, мы уж совсем испугались за Ивана, ведь на руках у него осталась старшая дочка-подросток и маленький сынок, которому едва исполнилось 2,5 года. Мы тут давай все: соседи, учителя, конторские из колхоза — ходить к ним домой, разговаривать, помогать, чем можно, чтобы не оставлять его одного с мыслями. Да и многие деревенские, все ж знали их семью, уважали, мимо идут, так зайдут, посидят, поговорят, а ему и немного легче становится... Вот так». Помогали вернуться к жизни друзья, коллеги, соседи, просто односельчане и, конечно, стойкий, закаленный характер. Он занимал активную жизненную

позицию, прилагал большие усилия по воспитанию подрастающего поколения и, находясь на заслуженном отдыхе, был частым гостем в родной школе, нянчил своих внуков (рис. 14). За многолетний добросовестный труд И. М. Яблочков награжден медалью «Ветеран труда» (рис. 15).

Среди больших и малых дел у Ивана Михайловича было, наверное, самое важное — увлечение поэзией, до последних дней он писал стихи (рис. 16, 17). В самые трудные времена они помогали выстоять. В них раскрывалась душа. Темы в его стихах поднимаются разные: образование коммуны «Новый свет», война, человек, природа и другие. Иван Михайлович любил природу, трепетно к ней относился. Часть его творчества посвящена экологии.

Береза

Каждый год, встречая праздник леса,
После окончания посевной,
Славим русскую березу,
Что спасли когда-то под Москвой.

Рис. 9. Справка о ранении, выданная на имя лейтенанта 28-й мотострелковой дивизии Яблокова И. Н. от 23 апреля 1943 г. Паспорт о освобождении от воинской обязанности от 18 марта 1944 г.

Видела и радости, и слезы,
 На полянах нянчила цветы
 Нежная красавица береза,
 Символ гордой русской красоты.
 Среди степей, полей необозримых,
 Всюду — под луной и белым днем —
 Мы недаром девушек любимых
 Белыми березками зовём.
 С нею связаны стихи, улыбки, слезы,
 Нежность, верность, да всего не перечести!
 Берегите русскую березу,
 Как Россию, как любовь, как честь!

Солдат
 Опубликовано в районной газете
 «Степная новь» 9 мая 1987 г.

К стеле доступ открыт,
 Мерно люди ступают,
 Тишина нас томит,
 Слезы сами собой наплывают.
 Не волнуйся, Солдат,
 Успокойся скорее.
 Разве ты виноват,
 В том, что выжил в траншее?
 Разве ты виноват,
 Что лишь кровью омылся?
 Важно главное, брат,
 Ты с войной не смирился!
 Успокойся, Солдат.
 Ты за Мир — Стойкий воин!
 И пока нам грозят,
 Ты не будешь спокоен!
 Ты, как прежде, в строю,
 Ты присягою связан,

Рис 10. Водительское удостоверение, выданное на имя И. М. Яблокова, от 18 апреля 1984 г.

Рис 11. Художник-оформитель И. М. Яблоков, 1971 г.

Рис. 12. Фото из семейного альбома Яблочковых. Слева направо: Анна Тимофеевна (жена Ивана Михайловича), дети: Саша, Сережа, Таня; Иван Михайлович.

Рис. 13. И. М. Яблоков на фоне дома, выданного Правлением колхоза.

Рис. 14. Иван Михайлович с внуком Сергеем Яблочковым, 1988 г.

И бороться за мир
До последнего вдоха — обязан!

**Памяти моего одноклассника
Н. М. Мишенина — Героя Советского Союза**

Он был простым советским парнем,
Как все, любил он отчий край,
Он жил, учился вместе с нами —
Мишенин, Коля-Николай.

Он от других не отличался,
Как человек среди людей.
Как все мальчишки, может, больше,
Любил он резвых лошадей!
Труда не бегал, был послушен,
Решителен, отзывчив был,
Как все ребята, может, больше,
Чуть больше Родину любил!

Рис. 15. Удостоверение к медали «Ветеран труда», выданной Яблокову И. М. от 31 марта 1988 г.

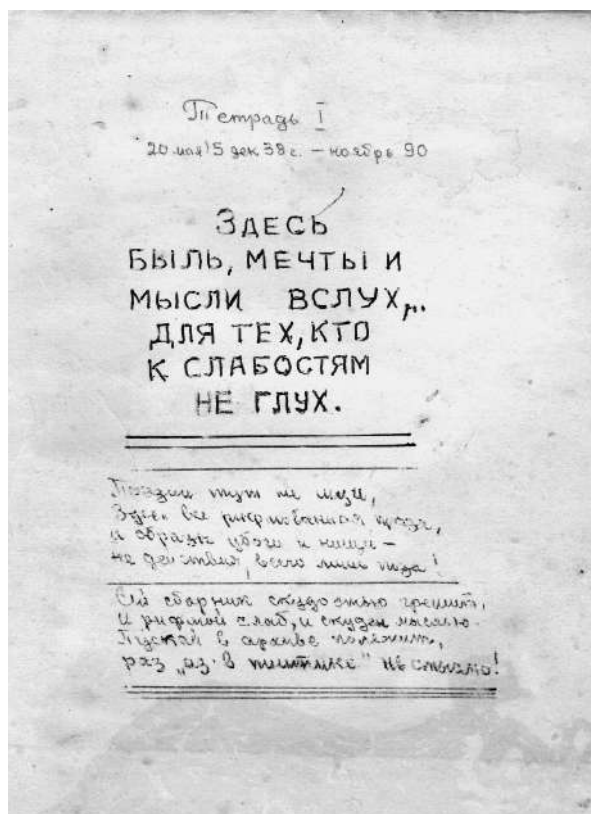

Рис. 16. Обложка рукописного сборника стихов «Здесь были, мечты и мысли вслух, для тех, кто к слабостям не глух». Автор И. М. Яблоков.

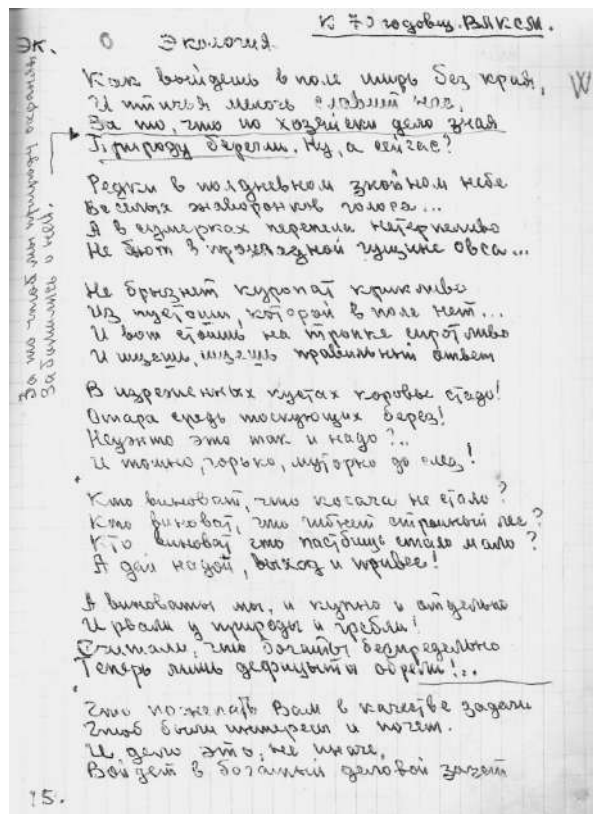

Рис. 17. Страница рукописи со стихотворением «Экология». Автор И. М. Яблоков.

За Родину, за Мать-Отчизну,
 Как все, пошел он в ратный путь,
 Но на минуту, может, раньше,
 Ступил на бранную тропу!
 Он пал за Родину, за Счастье,
 За нас, за наш Сибирский край —
 Герой Советского Союза
 Сержант Мишенин Николай!
 А Вам наказ: всю жизнь Трудиться,
 Учиться, Жить, Дерзать, Творить,

За Мир бороться, Мир лелеять,
 Как Коля, Родину любить!
Колхозная юбилейная (гимн села Родино), 1971 г.
 (Опубликовано в газете «Степная новь»
 и «Алтайская правда»)
 В ковыльной степи — ни дорог, ни тропинок.
 Сошлись партизаны на мирный совет,
 Решили на землях кулацких заимок
 Коммуны свободной зажечь Новый свет!

Рис. 18. Слёт краеведов «Селена-2023». Экскурсия «Птица Феникс», экскурсоводы – Диана Попова, Артем Серпуков.

Рис. 19. Слёт краеведов «Селена-2022». Диана Попова читает стихотворение И. М. Яблокова «Памяти моего одноклассника Н. М. Мишенина – Героя Советского Союза».

С разрухой, с нуждой, с белой бандой сражались
В лихую годину Гражданской войны,
Но ленинской правды упорно держались
Степных пролетарских просторов сыны.

Как памятник им, за минувших полвека
В степи, где журчал одинокий родник,
Свободным и гордым трудом человека
Цветущий садами поселок возник!

Колхозная жизнь нам досталась не даром –
В труде и в боях всем пришлось нелегко.
Шли в первых рядах запевал-коммунаров
Филипп Поликарпов и Фёдор Гринько!

За труд наш свободный, за наше приволье,
За то, что в согласье и дружбе живём,
Сегодня, товарищи, в честь Юбилея,
Мы нашу колхозную песню поем!

Седина

Друзья, мы в двадцать поседели,
Лишь потому, что под огнём
Под Мгой и Колпином сидели
В болотах топких день за днём.
Лишь потому, что мы теряли
В больших боях своих ребят,
Лишь потому, что вызывали
Огонь орудий на себя.
Лишь потому, что разрывая
Звено блокадного кольца,
Мы просто, долг свой исполняя,
Стояли насмерть – до конца.
В боях сражаясь, не отдали
Ни славословий, ни наград;
Мы просто грудью заслоняли
Для нас священный Ленинград.
Лишь потому всю боль людскую
Впитали мы в свои сердца,
Коль видим голову седую
Равно у сына и отца.
И потому мы не забудем,
За что досталась, где дана,
И до конца носить мы будем
Ту седину, как ордена!

Учащиеся Родинской школы изучают творческое наследие ветерана, выступают с ними на конкурсах и конференциях различного уровня (рис. 18–19).

Всегда удивляешься: одному жизнь готовит ровную дорожку, без сучка, без задоринки, а другому – хлебнуть столько горя большим черпаком, что хватило бы на десятерых. Как смог с виду не богатырского сложения, обычный человек столько преодолеть?

Иван Михайлович всегда был честным, идейным коммунистом. Тяжелое крестьянское детство на долгие годы закалило его характер. Он был настоящим интеллигентом, очень выдержанным, уважительным к любому человеку, прост и открыт в общении, никогда не пользовался своим положением, хотя по праву мог бы. Иван Михайлович всегда занимался самообразованием, очень много читал, старался быть в курсе событий, был прекрасным рассказчиком, с ним интересно было дискутировать на разные темы. Это был человек чистых и честных принципов.

Содержание

1. Теоретические проблемы, историография и особенности источниковедения этнологии в региональных исследованиях советской эпохи

Р. В. Белоусов

М. А. Круковский – исследователь-этнограф Западной Сибири первой четверти XX века 4

Е. А. Коляскина

Экспедиции Института этнографии АН СССР в Алтайский край в первой половине 1960-х гг.: советская власть и общество колхозно-совхозной деревни 11

А. А. Пригарин

Методы количественного моделирования переселенческих движений: реконструкции социально-демографических свойств этноконфессиональных общностей 19

И. И. Назаров, Т. А. Айтбаев

О работе международной этнографической экспедиции «Большой Алтай: от Алтая до Алайкуу» в 2024 году 26

М. Ы. Ыбырайхан

Проблемы историографии исследования сельской повседневности Центрального Казахстана в 1964–1985 гг. 33

2. Идентичность и этнические процессы в прошлом и настоящем

Д. И. Галилейская

Национальные общественные организации казахов как индикатор этнической самоорганизации (на примере Оренбургской и Челябинской областей) 38

М. А. Жигонова

Социокультурные процессы в Западной Сибири и Северном Казахстане в советский период и современности. 41

Т. Ю. Красовицкая

«Пост(нео)колониализм» в контексте «халатного авангарда» Средней Азии 1920-х годов 45

Е. М. Кушнарёва

Переселенческое движение в Туркестан в конце XIX – начале XX в. в оценках советских историков 53

Ю. Н. Цыряпкина

Этносоциальное и социокультурное развитие Ташкента в советский период. 57

3. Культура и быт народов в полиэтническом пространстве регионов

А. М. Абдиева, В. Э. Анарбекова, А. А. Асанканов, И. И. Назаров, Ч. Т. Сатыбалдыева

Использование растений при лечении домашних животных у кыргызов Ферганской долины. . . 64

С. В. Анчина

Материальная культура алтайцев в контексте советской модернизации 68

К. К. Абдрахманова

Питание и торговля в городах Центрального Казахстана в годы «застоя» и «перестройки»: повседневные практики. 76

<i>Е. А. Волошина</i>	Духовное наследие потомков сибирских казаков станицы Чалкарской Кокчетавского уезда . . .	83
<i>А. А. Губина, О. С. Щербакова</i>	Бытование песен в этнокультуре староверов-«поляков» Солонешенского и Третьяковского районов Алтайского края в 60–90-е гг. XX века	92
<i>И. В. Куприянова</i>	Культурный ландшафт старообрядческих поселений.	95
<i>О. С. Мамонтова</i>	Сельские обрабатывающие ремесла и промыслы Алтая в первые десятилетия советской власти	98
<i>С. К. Осмонова</i>	Обряды и запреты, связанные с беременностью, в кыргызской семье (конец XIX – начало XX века)	102
<i>Ү. С. Сайранбекова</i>	Этнографические особенности и взаимное влияние казахского и татарского быта в Семипалатинской области в конце XIX – начале XX века	105
<i>В. С. Станиславских</i>	Домовая и прялочная роспись русского населения Алтая в собраниях сельских краеведческих музеев (на примере краеведческого музея Залесовского района Алтайского края). . .	110
<i>Н. И. Шитова</i>	Новогодние гадания у русских Горного Алтая (вторая половина XX в.)	117
<i>О. С. Щербакова</i>	Песни села Староглушинка Заринского района Алтайского края (анализ архивных записей В. Е. Дятлова)	120
<i>Л. А. Явнова</i>	Свадебный обряд в контексте советской повседневности	124
<i>Н. А. Яговец</i>	Носители духовно-певческих традиций старообрядцев белокриницкого согласия (по материалам полевых исследований на Алтае в 2022–2024 гг.).	132

4. Устная история как источник и метод исследований антропологии советскости

<i>Н. С. Байкалов</i>	После БАМа: кризис 1990-х гг. в восприятии жителей притрассовых городов и поселков	140
<i>Д. Д. Жувашева</i>	История депортации немцев в Восточный Казахстан: меморативные аспекты.	145
<i>Г. В. Любимова, Н. П. Штейнпрейс</i>	Сибирское переселенческое село: этнокультурные контакты сквозь призму крестьянской мемуарной литературы (конец XIX – первая треть XX века).	150
<i>А. Т. Сабиров</i>	Каракалпакский компонент устной истории в исторических исследованиях Узбекистана	154
<i>С. С. Тихонов</i>	К вопросу о факторе умолчания в устной традиции (на примере материалов советского периода истории России) ¹	157

5. Советское общество и власть: меморизация, коммеморативные практики и коммуникация

И. Ю. Аксенова

Формы адаптации традиционной и советской праздничной обрядности на Алтае в XX веке (по материалам этнографических экспедиций 2013–2024 гг.)162

Д. А. Аманжолова

«Залезть в каждую общественную щелочку...». Национальная политика, общественные организации и формирование советской идентичности. 1920–1930-е гг.171

Д. А. Болотников

События Второй мировой войны в исторической памяти суверенного Узбекистана177

В. В. Ключарева

Мемориализация советского прошлого и современности в музее истории города Кокшетау183

Р. В. Оплаканская

Наследие СССР в топонимии Новосибирска187

В. С. Осокина, А. В. Рыков

Освещение методов агитации перед выборами в Верховный Совет СССР в 1950–1970-е гг. по материалам газеты «Алтайская правда»192

З. Г. Сактаганова, Ж. К. Абдукаримова

Дети Казахстана в годы Великой Отечественной войны: повседневные трудовые практики . . .198

З. Г. Сактаганова

Фрагменты женской повседневности на фронтах Великой Отечественной войны (по материалам комиссии И. И. Минца)204

Н. А. Тадина, Т. С. Ябыштаев

От итогов советской модернизации к защите прав постсоветской конституцией (на примере этнических процессов алтайцев)212

Т. К. Щеглова

«Пока мы есть, и будет память»: музейное дело, коммеморации и портрет «крупным планом» директора школьного музея в контексте исторических событий 1960–2020-х гг.216

К. В. Сотникова

Фестиваль «Зеркальский карась»: становление праздничных традиций в современной деревне (по полевым материалам 2024 г.).227

6. Архивы этнографов

Московские этнографы на Алтае в 1960–1980 гг.236

Сафьянова Анна Владимировна (1932–1980 гг.)237

Полищук Нинель Саввишна (1929–2024 гг.)248

7. Архив краеведа

Яблокова Ирина Яковлевна. Учитель-исследователь-краевед254

И. Я. Яблокова

Человек с высокой буквы – Иван Михайлович Яблоков.254

Научное издание

Этнография Алтая и сопредельных территорий

Сборник статей по материалам
12-й международной научной конференции
(Барнаул, 29–30 октября 2024 г.)
«Этнография Алтая и сопредельных территорий:
социальные и этнокультурные трансформации советской эпохи»

Под редакцией Татьяны Кирилловны Щегловой

Выпуск 12

Оформление и компьютерная верстка
Н. Л. Васильевой

Подписано в печать 23.12.2024. Формат 60×84/8. Бумага офсетная. Печать цифровая.
Гарнитура Selina. Усл. печ. л. 33. Тираж 150 экз. Заказ № 35.

Отпечатано в типографии ООО «АЗБУКА»
г. Барнаул, ул. Мерзликина, 10
тел. 62-91-03, 62-77-25
E-mail: azbuka@dsmail.ru